

Кирилл Михайлович Королев

Античная мифология. Энциклопедия

Средиземноморье было «плавильным тиглем» Древнего мира: хетты, хурриты, финикийцы, минойцы, эллины, отчасти египтяне, малоазийские кельты, лигуры, этруски, наконец, римляне — все эти народы и племена, даже сохраняя «культурную автономию», внесли существенный вклад в формирование единой средиземноморской культуры, кульминацией которой стала культура Древней Греции и Древнего Рима.

Важнейшим культурным наследием античных времен является мифология. Мифам Древней Греции и Древнего Рима и тому, как в них прослеживается влияние иных, более ранних мифологических систем, и посвящена эта книга.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

Составитель: А. Лактионов

Предисловие

Древнейшие человеческие цивилизации в большинстве своем возникали в бассейнах крупных рек — таких, как Тигр, Евфрат, Нил, Инд, Ганг или Янцзы. И почти все они были цивилизациями монокультурными, то есть цивилизациями одного народа и одной культуры; это справедливо и для египтян, и для индийцев, и для китайцев. Что же касается цивилизации, создавшей такой исторический феномен, как Европа, цивилизации, породившей европейскую культуру, — она сложилась не в дельте какой-либо реки: ее колыбелью стало море — точнее, *Mare Nostrum*, Наше море, иначе — Средиземное. И, в отличие от других древнейших цивилизаций, эта цивилизация была не монокультурной, а синкретической, впитавшей в себя культуры множества народов, которые обитали в Средиземноморье; синтез этих культур произвел на свет то, что принято называть культурой классической. Как замечал выдающийся немецкий историк Теодор Моммзен: «На извилистых берегах Средиземного моря, которое, глубоко врезаясь в материк, образует самый большой из заливов океана и, то суживаясь от рассеянных на нем островов и от выступов твердой земли, то снова разливаясь на значительное пространство, разделяет и соединяет три части Старого Света, с незапамятных времен поселились народы, принадлежащие в этнографическом и лингвистическом отношении к различным расам, но в историческом отношении составлявшие единое целое. Это историческое целое и составляет именно то, что принято не совсем правильно называть историей древнего мира; в сущности это не что иное, как история культуры тех народов, которые жили вокруг Средиземного моря. В четырех главных стадиях своего развития эта история представляет собой историю коптского, или египетского, племени, жившего на южном побережье; историю арамейской, или сирийской, нации, занимавшей восточные берега и проникшей глубоко внутрь Азии до берегов Евфрата и Тигра; и историю народов-близнецов, эллинов и италиков, которым достались в удел европейские берега Средиземного моря».

К Средиземноморью абсолютно применима метафора, с легкой руки английского писателя и драматурга И. Зангвилла получившая распространение как в обиходе, так и в специальной, прежде всего — общественно-политической, сфере словоупотребления. Зангвилл, рассуждая

о Соединенных Штатах Америки, использовал выражение «плавильный тигель», чтобы подчеркнуть, что Америка на протяжении своей истории принимала в себя и «творчески перерабатывала» обычаи, традиции и ценности многочисленных разноплеменных иммигрантов, создавая на основе этого богатого материала собственные традиции и собственную культуру. Древнее Средиземноморье было точно таким же «плавильным тиглем»: хетты, хурриты, финикийцы, минойцы, эллины, отчасти египтяне, малоазийские кельты, лигуры, этруски, наконец римляне — все эти народы и племена, даже сохраняя «культурную автономию», внесли существенный вклад в формирование единой средиземноморской культуры, кульминацией которой стала культура Древней Греции и Древнего Рима.

Как писал французский исследователь Жан-Пьер Вернан, «в начале II тысячелетия по двум берегам Средиземноморья еще не проходила линия разрыва между Востоком и Западом. Эгейский мир и мир греческого полуострова были неразрывно связаны как народности и как культуры с одной стороны с Анатолийским плоскогорьем — через острова Киклады и Спорады, а с другой — через Родос, Киликию, Кипр — с северным побережьем Сирии, Месопотамией и Ираном. Отделившись от Киклад, усилив связи с Анатолией и создав в Фесте, Маллии и Кноссе первую дворцовую цивилизацию (2000–1700 гг.), Крит продолжал ориентироваться на великие царства Ближнего Востока. Между критскими дворцами и дворцами, открытыми в процессе раскопок в Алалахе, в излучине Оронта и Мари, на караванном пути, связывающем Месопотамию с морем, обнаружилось столь поразительное сходство, что их можно считать творениями одной и той же школы архитекторов, художников, мастеров фрески. Через сирийское побережье критяне вступили также в контакт с Египтом эпохи Нового царства. Между 2000 и 1900 гг. до н. э. в континентальную Грецию вторглась новая народность. Дома греков, их кладбища, оружие, орудия труда, керамика — хорошо известные минойские гончарные изделия, обнаруженные при раскопках, — все свидетельствует о том, что население не было связано с цивилизацией древнеэлладского периода. Интервенты — минойцы — образовали авангард племен, которые, волна за волной, накатывали на Элладу, оседали на островах, выводили колонии на побережье Малой Азии, двигались в направлении западного Средиземноморья и к Черному морю с тем, чтобы образовать тот греческий мир, который предстает перед нами в исторический период. Спустились ли пришельцы с Балкан или явились из равнин Южной Скифии, эти предки греков, относившиеся к числу индоевропейских народов, уже различались по языку и говорили на древнегреческом диалекте. Их появление на берегах Средиземноморья не было единичным случаем. Примерно в это же время с другой стороны моря — через Анатолийское плоскогорье — Грецию теснили индоевропейские хетты из Малой Азии. На троянском побережье культурная и этническая преемственность, сохранявшаяся примерно в течение тысячелетия, от Трои I до Трои V (начало первой имело место между 3000 и 2600 гг. до н. э.), была внезапно прервана. Народ, воздвигнувший около 1900 г. до н. э. Трою VI, самую богатую и мощную царскую городскую резиденцию, являлся близким родичем минойцев Греции. Их изготовленная с помощью гончарного круга и обжигаемая в закрытых печах глиняная посуда получила распространение в континентальной Греции, на Ионических островах, в Фессалии и Халкиде».

Об истории заселения Средиземноморья речь пойдет ниже; теперь же необходимо сказать

еще вот о чем: важнейшее проявление всякой древней культуры — мифология. Ведь миф — это не только и не столько баснословное предание о незапамятных временах, как трактует «школьное» понимание; миф — способ познания и освоения человеком окружающего мира. Мифологическое мышление — особая категория сознания, присущая всем без исключения древним народам. Поэтому, говоря о единой средиземноморской культуре, мы с полным основанием можем говорить и о единой средиземноморской мифологии, которая — по аналогии с той же культурой — получила наименование классической. «Академические» образцы этой средиземноморской мифологии — мифы Древней Греции и Древнего Рима, однако и в тех и в других прослеживаются влияния иных, более ранних мифологических систем.

О мифах «предшественников» греков и римлян, будь то хетты, финикийцы или этруски, известно сравнительно немного, поскольку мифологических сводов и литературных памятников этих культур не сохранилось (а в случае с этрусками — до сих пор не удалось расшифровать письменность этого народа). Вдобавок, в представлении современного человека классическая мифология — прежде всего мифология греческая и римская (ее нередко еще именуют «по совокупности» античной), поскольку «Илиада», «Одиссея», «Энеида» и другие античные тексты мифологического содержания за минувшие тысячелетия прочно вросли в европейский культурный дискурс (кстати сказать, вплоть до XIX столетия после Р. Х. в Европе были известны только античные мифы). Поэтому в последующем изложении основной упор будет сделан именно на историю и мифологию Древней Греции и Древнего Рима — с использованием, по возможности, сведений о других средиземноморских народах и с привлечением, по возможности, «соседских» мифологических сюжетов.

Часть первая

«ДЫХАНИЕ В НАС — ОТ ЕДИНОЙ МАТЕРИ»: становление античной мифологии

Глава 1

БРЕМЯ «ПЛАВИЛЬНОГО ТИГЛЯ»: мифология Средиземноморья

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!

Громкораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,

Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.

Милостив будь, многозвучный Кронид, — многославный, великий!

Мифы Средиземноморья. — «Протоклассическая» культура Греции. — Крит и минойцы. — Великая богиня. — Ахейское нашествие. — Златообильные Микены. — Вторжение дорийцев. — Забытые хетты. — Культ умирающего и воскресающего бога. — Финикийцы. — Египет и культ Исиды. — Апеннинский полуостров. — Загадочные этруски. — Легенда об основании Рима. — Близнечные мифы. — Ранняя римская мифология. — Источники сведений об античной мифологии.

Как писал в своем знаменитом исследовании «Великие тайны океанов» Жорж Блон, «час Средиземного моря пробил за четыре тысячи лет до возведения пирамид». Около этого

времени в Восточном Средиземноморье зафиксированы следы морского присутствия человека, причем следы, подтверждающие факт не прибрежных, а именно морских плаваний, то есть — факт морских межплеменных коммуникаций. Следовательно, к этому времени восходит и начало формирования средиземноморской цивилизации.

Эти следы принадлежали «протоклассической» культуре, язык которой, как убедительно доказал английский археолог Артур Эванс, дешифровавший линейное письмо А, не принадлежал ни к индоевропейским, ни к семитским. Культуре, которую принято называть критской (по ее географическому центру на острове Крит) или минойской — по имени легендарного царя Миноса, который, согласно греческим мифам, правил на Крите, а после смерти стал в аиде одним из трех судей загробного мира. Представителей же этой культуры сегодня именуют минойцами, тогда как античные авторы называли их пеласгами — по имени мифического родоначальника.

Критская культура считается древнейшей культурой Средиземноморья. Как уже упоминалось, ее первый расцвет приблизительно совпадает по времени с расцветом Шумера, среднеминойский период («эпоха первых дворцов») — с вторжением на Балканы протоэллинских племен, позднеминойский период — с господством на материке ахейцев. По словам польского исследователя К. Куманецкого, первоначально «успешно развивались, скорее, восточная и южная части острова, затем центр власти и культуры переместился в Кносс, Фест и Маллию. Дворцы, постоянно перестраивавшиеся и становившиеся все более пышными на протяжении двух с половиной веков, украшены колоннадами и фресками. Монументальная архитектура дворцов и фресковые росписи — главные черты, отличающие Крит от современных ему кикладской и элладской цивилизаций, носивших куда более примитивный характер. В расцвете фресковой живописи, наивысшее развитие которой приходится уже на эпоху „вторых дворцов“ (XVII в. до н. э.) и на позднеминойский период, справедливо видят проявление характерной для критян любви к ярким краскам. Еще в первых дворцах в Кноссе и Фесте некоторые стены покрыты были разноцветными рисунками. Довольно рано появились и изображения человеческих фигур.

Тесей убивает Минотавра. Античное изображение.

Влияние Крита на Европейский континент в эпоху „первых дворцов“ еще очень слабое даже там, где такое влияние должно было бы быть наиболее ощутимым. Это связано с передвижениями народов, ареной которых стали на рубеже III–II тысячелетий до н. э. балканские земли. Весь Восток затронули последствия этих крупных миграций. Начало правления XII династии в Египте (около 2000 г. до н. э.) ознаменовано тяжелой борьбой за оборону страны; в тот же период пала Троя II. Протоиталийцы вторглись на Апеннинский полуостров, протоэллины — на Балканы. Ахейцы остановились в Фессалии, подчинив себе местных пеласгов. Период догреческий, или раннеэлладский, всюду завершается руинами и пожарами, что ясно указывает на приход новых народов. В среднеэлладскую эпоху возник обычай хоронить мертвых в так называемых шахтных гробницах, появились также новые формы керамики. Изготавливавшаяся тогда в Центральной Греции керамика отличается от раннеэлладской не только составом глины, характерной блестящей черно-серой или желтой поверхностью с весьма скупым орнаментом, но прежде всего сильно расчлененной формой сосудов, напоминающих металлические».

Обнаруженные при раскопках критских дворцов стенные росписи, предметы роскоши и керамические сосуды позволяют сделать ряд предположений о мифологии и религии пеласгов, отзвуки которых слышны в греческих мифах и греческом культе. Так, на многих критских геммах и перстнях встречается изображение богини со щитом, которую вполне логично представить прообразом Афины. Среди других изображений — богиня между двумя львами на вершине горы (в ней видят прообраз Артемиды) и богиня с голубем (прообраз Афродиты). На фресках также часто встречаются изображения ритуальных игрищ и процессий. Среди игрищ особе место занимает тавромахия — поединок с быком; в греческой мифологии тавромахия была переосмыслена как поединок Тесея с Минотавром в кносском лабиринте. Участники ритуальных процессий, как правило, изображаются несущими лабрис — топор с двумя лезвиями, символ Великой Богини-матери; позднее лабрис стал считаться символом Зевса, рожденного, по преданию, титанидой Реей в пещере на Крите.

С культом Великой Богини связаны и представления о куретах, которые пересказывает Страбон: «По словам тех писателей, которые передают сказания из истории Крита и Фригии, куреты — это некие демонические существа или слуги богов; причем эти предания у них переплетаются с рассказами об известных священных обрядах, частью мистических, частью связанных с воспитанием младенца Зевса на Крите или с оргиями в честь Матери богов, справляемыми во Фригии и в области троянской Иды. В этих рассказах обнаруживается незначительное разнообразие: так, по одним сказаниям, корибанты, кабирь, идейские дактили и тельхины отождествляются с куретами, в других — эти племена изображаются родственными, с некоторыми незначительными отличиями между собой. Говоря кратко, их всех считают чем-то вроде людей боговдохновенных и пораженных вакхическим безумием, которые в образе слугителей божества при совершении священных обрядов устрашают людей военной пляской, исполняемой в полном вооружении под шум и звон кимвалов, тимпанов и оружия в сопровождении флейты и воплей... На Крите справлялись особые обряды в честь Зевса с оргиями: в них принимали участие и служители, какими в культе Диониса являлись сатиры. Их называли куретами; это были какие-то юноши, которые исполняли упражнения в доспехах в сопровождении пляски, представляя при этом мифическую историю о рождении Зевса; в этой сцене они изображали Кроноса, обычно пожиравшего своих детей тотчас после их рождения, и Рею в хлопотах утаить свои роды, чтобы, удалив новорожденное дитя, по возможности спасти его. Для этого богиня, как говорят, берет себе в помощники куретов, которые, окружив богиню бубнами и тому подобными шумовыми инструментами, должны были военной пляской и шумом устроить Кроноса и незаметно похитить его ребенка. По преданию, они и воспитали младенца Зевса столь же заботливо. Оттого-то куреты и были удостоены этого почетного имени, что либо оказали эту услугу, будучи сами молодыми и юными (куроί), либо воспитали ребенка Зевса. Они являются чем-то вроде сатиров у Зевса».[2]

Талассократия («морское владычество») критян была уничтожена в результате двух событий — вторжения ахейцев и разрушительного землетрясения, которое стерло с лица земли многие дворцы. В том числе — на острове Санторини, в котором многие современные ученые, основываясь на археологических и археографических данных, видят «прототип» платоновской Атлантиды. Однако зерна культуры, посаженные минойцами, не погибли; ахейские и дорийские завоеватели с севера оказались чрезвычайно восприимчивы к

критскому влиянию.

Культуру, пришедшую на смену критской, обычно называют микенской (или крито-микенской) — по названию города Микены в Арголиде, стольного града воспетого Гомером царя Агамемнона. К слову, многие места, описанные Гомером в «Илиаде», оказались по результатам раскопок центрами микенской культуры. Что касается самих Микен, то, как писал К. Куманецкий, «около 1700 г. до н. э. в Арголиде — центре власти микенских правителей — стали особенно сильно ощущаться влияния минойской культуры, шедшие с Крита. Женщины начали одеваться наподобие критянок, появились святилища критского типа, в которых приносили жертвы богине с Крита. Испытывая воздействие более развитой цивилизации, ахейцы сохраняли, однако, несмотря на это, многие черты культуры, принесенной ими с севера. В отличие от критян они продолжали носить усы и бороды, жили в мегаронах с постоянным очагом. Если обитатели Крита господствовали на море и потому не опасались вторжений на их остров, то ахейцы строили мощные оборонительные сооружения против возможных нападений с севера и восстаний покоренного ими населения. Женственной, изысканной минойской культуре противостояли суровость и мужественность нарождавшейся микенской цивилизации.

Все это нашло свое выражение как в монументальной архитектуре, так и в тематике стенных росписей в материковой Греции того времени, где излюбленными оставались сцены войны и охоты. Символами могущества местных царей были крупные укрепления на возвышенных местах, обнесенные прочными стенами. Конструкция этих укреплений отличается от конструкции критских построек. Чтобы понять это, достаточно постоять в Микенах у знаменитых Львиных ворот, украшенных рельефом с изображением двух львиц в окружении огромных, громоздящихся один на другой каменных блоков. Греки сами считали, что стены эти воздвигли циклопы — одноглазые великаны; на самом же деле то был результат тяжелого труда тысяч людей, свободных и рабов, которых ахейцы захватывали в своих далеких военных походах. Пройдя Львиные ворота и коридор, мы оказываемся на широкой круглой площади, обнесенной стеной. Здесь находилось кладбище, и именно здесь в 1876 г. Шлиман раскопал древнейшие, так называемые шахтные гробницы, выдолбленные в скале. В гробницах вместе с костями умерших было найдено множество необычайно ценных предметов: сосуды, украшения, оружие и, что самое интересное, золотые посмертные маски, запечатлевшие для нас усатые и бородатые лица микенских владык. Поистине прав был Гомер, говоря о богатых золотом Микенах. Глазам изумленного археолога открылись золотые царские короны, украшенные богатым орнаментом, бронзовые мечи, инкрустированные серебром и золотом, золотая „бижутерия“ в форме бабочек, осьминогов, грифонов, пластинки из золота с вытисненными на них звездами, наконец золотые и серебряные кубки.

Но пришло время, когда „шахтные гробницы“ перестали удовлетворять микенских правителей, могущество которых в конце XIV в. до н. э. значительно возросло. „Шахтные гробницы“ их предков оказались теперь в пределах дворцовых укреплений, для себя же микенские цари воздвигали величественные „купольные гробницы“, или толосы. Среди них археологи выделяют старшие и младшие. К младшим и наиболее пышным усыпальницам следует отнести „гробницу Агамемнона“, воспетую польским поэтом Юлиушем Словацким. Как в этой гробнице, так и в других поражает прежде всего монументальность самой постройки: такой не встречалось и на Крите. Массивные двери, высотой более пяти метров,

перекрыты сверху двумя громадными каменными блоками, один из которых весит, предположительно, 120 тонн. Над блоками располагается треугольное отверстие, призванное облегчить нагрузку на дверной проем и закрытое порфиrowой плитой. Внутри усыпальницы обращает на себя внимание величественный купол, выложенный из 33 каменных колец, в которых первоначально находились бронзовые розетки. Однако собственно склеп, куда вел вход из купольного сооружения, был высечен в скале. Подобные „купольные гробницы“, или толосы, относятся к позднемикенской эпохе, т. е. к 1400–1200 гг. до н. э. Это был период полного преобладания ахейцев в эгейском мире и возросшего могущества микенских царей, которые поддерживали непосредственные отношения с Египтом».

В отличие от Крита, где очевиден матриархат (почитание Великой Богини, схожее с культом Великой Матери у малоазийских племен), микенская культура была патриархальной; микенцы поклонялись мужскому божеству и чтили предков и племенных вождей (базилевсов). По замечанию И.М. Тронского, «микенская эпоха сыграла решающую роль в оформлении греческой мифологии. Действие важнейших греческих мифов приурочено к тем местам, которые являлись центрами микенской культуры, и чем значительнее была роль местности в микенскую эпоху, тем больше мифов вокруг этой местности сосредоточено, хотя в позднейшее время многие из этих местностей уже потеряли всякое значение. Очень возможно даже, что среди греческих героев имеются реальные исторические лица (в недавно разобранных документах хеттов прочитаны имена вождей народа „аххиява“, т. е. ахейцев, похожие на имена, известные из греческих мифов, — однако чтение и толкование этих имен нельзя еще считать вполне достоверными).

Микенская эпоха является исторической базой основного ядра греческих героических сказаний, и сказания эти заключают в себе много элементов мифологизированной истории, — таков бесспорный вывод, вытекающий из сопоставления археологических данных с греческими мифами; и здесь „минувшая действительность оказывается отраженной в фантастических творениях мифологии“. Мифологические сюжеты, сами по себе зачастую восходящие к гораздо более глубокой древности, оформлены в греческом предании на материале истории „микенского“ времени. О более древней культуре Крита греческая мифология тоже сохранила воспоминание, но уже гораздо более смутное. Блестящие результаты раскопок Шлимана и других археологов, отправлявшихся в своей работе от греческих преданий, объясняются тем, что в этих преданиях запечатлена общая картина соотношений между греческими племенами во второй половине II тысячелетия, а также многие детали культуры и быта этого времени.

Отсюда можно сделать вывод, имеющий большое значение для истории греческой литературы. Если гомеровские поэмы, отделенные от микенской эпохи рядом столетий, все же воспроизводят многочисленные черты этой эпохи, претворив ее в мифологическое прошлое, то, при отсутствии письменных источников, это может быть объяснено только прочностью эпической традиции и непрерывностью устного поэтического творчества от микенского периода до времени оформления гомеровских поэм. Истоки греческого эпоса должны быть возведены во всяком случае к микенской эпохе, а, может быть, и к более ранним временам».

К. Куманецкий добавляет: «Микенские документы — таблички, найденные в материковой

Греции и на островах — принесли с собой немало открытий и в области истории религии, но одновременно поставили исследователей перед новыми загадками. В длинном списке богов встречаются Зевс, Гера, Посейдон, Афина и Артемида. Не хватает, правда, Аполлона и Ареса, но в Кноссе на Крите им соответствовали божества Пеавон (ср. греческий Пеан как одно из имен Аполлона) и Энувалиос (ср. Эниалий — эпитет Ареса). Богиней-покровительницей Пилоса считалась Потния, или Пани. Неожиданностью для ученых оказалось существование женских соответствий: Посейдону — богини Посидеи и Зевсу — богини Дивии, которых классическая Греция не знала, подобно тому как не было в классический период „жрицы ветров“, упоминаемой в кносских текстах. Но самым большим открытием явилось существование уже в ту эпоху культа Диониса, ибо имя это мы находим на табличках, но как имя человека, а не бога.

О формах религиозного культа, об обряде жертвоприношения микенские документы сообщают много подробностей в связи с культом Посейдона в Пилосе. Кроме того, в Кноссе удалось отыскать фрагменты календаря, где речь идет о жрецах, о празднествах и о жертвах, которые полагалось приносить в те или иные месяцы. Функции верховного жреца исполнял, как предполагается, сам царь, хотя бесспорных доказательств тому нет. Таблички говорят о некоем жреце — „иерурге“, о жрице, называемой ключницей, — „клавифорос“. Материальную базу святилищ и религиозных объединений составляла находившаяся в их распоряжении земля, а также рабы».

Ахейцы активно колонизировали острова в бассейне Эгейского моря и даже проникали в Малую Азию. Вполне вероятно, что предание о Троянской войне — отголосок имевшего место в действительности завоевательного похода ахейцев на малоазийское побережье. Согласно хронологии греческих мифов, разрушение Трои произошло около 1184 г. до н. э., т. е. именно в тот период, к которому относят главенство ахейских племен в Восточном Средиземноморье.

Впрочем, это главенство, в отличие от критского, не было продолжительным. На рубеже XII–XI вв. до н. э. вооруженные бронзовыми мечами и копьями ахейцы вынуждены были отступить перед нашествием северных племен, располагавших железным оружием, — дорийцев.

Вторжение дорийцев на Балканы пришлось на период гибели в Малой Азии царства хеттов, уничтоженного, по всей видимости, фригийцами, и на переселение иллиров с берегов Дуная на побережье Адриатики. Под натиском новых переселенцев рухнули крепости в Микенах, Тиринфе, Амиклах. Прежнее население было оттеснено в центральный горный массив Аркадии, только там и сохранился старый, сложившийся до дорического завоевания диалект, родственник кипрскому и памфилийскому. Вскоре практически весь Пелопоннес усвоил диалект дорян. Другие северогреческие племена овладели Акаранией и Этолией. Установив свою власть над Пелопоннесом, доряне двинулись затем на Киферу и Крит, заняли Южные Киклады: Мелос и Теру, в дальнейшем Родос и Кос, а позже переправились и в Малую Азию, захватив мыс Книд и полуостров Галикарнас. Подобно ионийским и эолийским городам, города дорические образовали союз, центром которого стало святилище Аполлона на Триопском мысе около Книда; членами союза были три города на Родосе, Книд, остров Кос и Галикарнас.

Карта полусказочной Греции (из книги М. Гаспарова «Занимательная Греция»).

«Для развития греческой культуры, — писал К. Куманецкий, — было важным то, что дорическая волна миновала Аттику, издавна населенную ионийскими племенами. Их культуре суждено было в будущем возвеличить и прославить всю Элладу».

Собственно, после дорийского завоевания и сформировался как таковой народ эллинов, и сложилась эллинская культура — составная часть грядущей классической культуры Средиземноморья.

С расселением дорийцев в Греции совершился переход от родового строя, характерного для микенской эпохи (вспомним многочисленных племенных вождей в поэмах Гомера), к государственной организации полисного типа — на смену племенным поселениям пришли города-государства. Приблизительно в тот же период, получивший в литературе наименование Гомеровского, произошло «упорядочение» греческой мифологии, сложился олимпийский пантеон — и были записаны, по всей видимости, «Илиада» и «Одиссея». Заслуги Гомера в «мифологизации» греческой культуры неоспоримы; еще Геродот писал, что богов грекам сотворили Гомер и Гесиод.

Сущность религиозных верований эллинов этой эпохи может быть выражена в немногих словах: эллины верили, что существует множество божественных существ, которые имеют власть над миром и человечеством, от которых происходят добро и зло и благорасположение которых можно заслужить поведением им приятным, а отвратить — неприятным. Приятное богам поведение состоит отчасти в соблюдении богослужебных обрядов, издревле установленных самими богами, отчасти же в честном образе жизни и исполнении обязанностей к государству и ближним, или предписанных богами и боговдохновенными людьми древних времен, или открытых каждому его собственным разумом и совестью. Каких богов следовало почитать преимущественно перед другими и какие способы почитания были им особенно приятны, об этом каждый узнавал практически — в своем доме, обществе и государстве. Догматически установленного религиозного учения и систематического наставления в сущности и обрядах религии у эллинов не было. Прочно установлены были только обычные в каждом государстве или доме культы, о формах и обрядах которых в случае надобности можно было узнавать от жрецов.

Точно также и представления о самих богах, их сущности, личных качествах, взаимных отношениях, участии, принимаемом каждым из них в управлении миром и человеческой жизнью и т. п., не составляли одного стройного учения. Если эти воззрения были в большей или меньшей степени сходны между собою у разных эллинских племен или в разных государствах и городах, то это согласие обуславливалось преимущественно влиянием поэтов, произведения которых распространялись по всей Элладе и придавали известное единство и определенность религиозным представлениям. Кроме поэтов имели известное влияние в этом отношении оракулы, особенно Дельфийский, который в качестве религиозного центра Эллады, без сомнения, в значительной степени содействовал установлению единства ее религии. Платон в своих «Законах», между прочим, говорит, что ни один разумный человек не дерзнет изменять религиозных установлений, определенных в Дельфах, Додоне или у оракула Аммона.

Диоскуры. Фрагмент росписи краснофигурного килика (ок. 450 г. до н. э.).

Однако, несмотря на влияние оракулов и поэтов, в религиозных верованиях эллинов было много разнообразия в частности: относительно каждого божества, его положения среди других, значения и деятельности, способов почитания и пр. в разных местах существовали разные взгляды. Так, например, во многих местах мы встречаем 12 наиболее почитаемых богов, но в других (даже в Дельфах) нет никакого следа этой системы; даже к кругу двенадцати не везде причислялись одни и те же боги; например, в Афинах в числе двенадцати были: Зевс и Гера, Посейдон и Деметра, Аполлон и Артемида, Гефест и Афина, Арес и Афродита, Гермес и Гестия; между тем в Олимпийской «дюжине» вместо Деметры, Ареса, Афродиты, Гефеста и Гестии являются Крон с Реей, Дионис, речной бог Алфей и хариты (так как последних было несколько, то в «дюжине» было, собственно говоря, более двенадцати богов). Далее, несмотря на то, что Зевс в мифологии является верховным богом, нередко в государственных культах другие божества пользуются большим уважением, нежели он, как, например, в Афинах — Афина, в Дельфах — Аполлон, у ионийцев — Посейдон, в Аргосе и на Самосе — Гера; в некоторых местах в качестве главных богов почитались даже те, которые не принадлежали к числу верховных двенадцати, например Гелиос на острове Родос, Эрот в городе Феспии, хариты в Орхомене Беотийском и т. д.

В некоторых местах были почитаемы такие божественные существа, которые другим совершенно не были известны; некоторые из них даже не обозначались собственными именами, а только общими выражениями, как, например, *Λυακτεῖν παίδεῖν* в локридском городе Амфиссе, *θεοὶ καθαροί* в Аркадии у Паллантия и *θεοὶ ἀγαθοὶ* там же в Мегалополе, наконец *ἄγνωστοὶ θεοί* в Афинах и Олимпии. Случалось также, что люди создавали себе новых богов и учреждали их культы. Так, Тимолеонт Сицилийский в благодарном признании удачи, сопровождавшей все его предприятия, установил в своем доме культ богини *Λυτοματία*, а этолийский пират Дикеарх (состоявший на службе у македонского царя Филиппа V), человек безбожный и беззаконный, ставил алтари богиням *Λεβεία* и *Παρανομία*.

Даже одним и тем же богам в разных местах придавались разные имена, прозвища или атрибуты, указывавшие на весьма разнообразные представления об этих богах и своим происхождением иногда обязанные сугубо местным причинам. Вследствие разнообразия этих прозвищ и атрибутов неоднократно высказывались даже сомнения, действительно ли они принадлежат одной и той же божественной личности, или разным, только носящим одно и то же имя. «Я не знаю, — говорит Сократ у Ксенофонта, — одна ли Афродита или две — Небесная и Всенародная: ведь и Зевс, которого признают за одного и того же бога, имеет много прозвищ». Поэтому неудивительно, что древние богословы — отчасти по указанной причине, отчасти вследствие многих несогласуемых противоречий в сказаниях об одних и тех же богах, — решительно утверждали, что нужно принимать по несколько Зевсов, Гер и т. д.

Из сознания зависимости людей от богов и потребности в божествах естественным образом вытекало сознание необходимости богопочитания. Человек исполнял религиозные обряды, отдавал богам часть своего имущества в виде жертв или даров, но взамен просил у них того, в чем нуждался; он высказывал благодарность богам потому, что боялся неблагодарностью

навлечь на себя их немилость. «Тем не менее, — как писал отечественный историк античности В.В. Латышев, — мысль о человеколюбии богов не была чужда эллинской религии». Гомер называет Зевса отцом богов и людей не потому, что он был их творцом, а потому, что он отечески правит миром и печется о нем. Стоик Хрисипп представляет общепризнанным положение, что боги благодетельны и человеколюбивы. «Совершать нечестивые деяния или говорить беззаконные речи, — говорил Платон, — может только тот, кто или вовсе не верит в богов, или думает, что они не пекутся о людях или могут быть тронуты жертвоприношениями и молитвами». «Впрочем, в самой сущности многобожия, вытекавшего из обоготворения природы, лежит причина того, что чистое и высокое понятие о божестве не могло проникнуть в сознание массы людей и сделаться господствующим: среди множества богов по необходимости было немало таких существ, которые вовсе не соответствовали этому понятию, но тем не менее, как существа высшей природы, признавались за богов, имеющих силу причинять человеку добро и зло» (Латышев). У Гомера называется богиней морское чудовище Скилла; Химера, Эхидна, сирены и прочие суть также божественные существа. По народным верованиям, даже высшие божества не были свободны от нравственных слабостей и недостатков, их природа была сходна с человеческой в том отношении, что в ней добро было смешано со злом, они могли поступать справедливо и несправедливо и не всегда относились к людям милостиво и благосклонно.

Давая характеристику религиозно-мифологическому мировоззрению греков, В.В. Латышев замечал: «Впрочем народное верование, не зная безусловно добрых и милостивых богов, не знало и прямо противоположных им: в эллинской религии нет абсолютно злых духов, деятельность которых была бы прямо и исключительно направлена к вреду человека, которые толкали бы его на путь греха и неправды. Такие божественные существа, которые по представлению эллинов беспощадно карали людей за содеянные уже грехи, были представителями не зла, а неизменного нравственного добра, на котором зиждется устройство мира, и олицетворяли собою мучения нечистой совести; таковы, например, Ερινυες (или Ευμενιδες).

Кроме богов в собственном смысле религиозные верования эллинов признавали еще многочисленный класс высших существ, стоявших, так сказать, посередине между людьми и богами, по большей части в качестве служителей и помощников последних. Общим именем для таких существ было δαίμονες; впрочем, употребление этого слова в таком значении еще не встречается в гомеровских поэмах, да и впоследствии оно употреблялось иногда и в более широком смысле, обозначая собою все вообще высшие существа, подобно выражению το θεῖον. В гомеровских поэмах уже встречается представление о подчиненных, низших божествах (например, Протей называется служителем Посейдона), но между понятиями θεός и δαίμων заметно только то различие, что последнее слово употребляется преимущественно тогда, когда поэт желает указать не столько на личность божества, сколько на его силу и деятельность, причем нередко даже не имеется в виду определенное божество, а вообще выражение божественной силы или воли. Гесиод уже употребляет название δαίμονες для обозначения подчиненных служителей верховных богов. К их числу принадлежали, например, сатиры, силены, куреты и корибанты, считавшиеся служителями Диониса, Зевса и Кибелы. В свите Афродиты было несколько мужских и женских даймонов, как, например, Ερως, Ίατρος, Ποθος и др.

Двенадцать подвигов Геракла. Греческие рисунки.

Без сомнения, также в виде демонических существ, хотя и не подчиненных отдельным верховным божествам, эллины представляли себе значительное число олицетворений разных нравственных свойств человека или состояний и явлений человеческой жизни, которым также воздавали божеские почести. Таковы были, например, Λίδωη, Φιλία, Ελεση, Ειρηνη, Φημη, которым были посвящены жертвенники в Афинах, Φοβση и Γελση, почитавшиеся в Спарте, Ομονοία и Καίροη — в Олимпии. В основании их обоготворения, без сомнения, лежала та мысль, что эти свойства и состояния происходят от божественного влияния; но так как трудно было решить, какое именно божество производило то или другое из них, то люди и представляли их себе в виде отдельных существ, действовавших или по поручению верховных богов, или самостоятельно. Но представления о таких существах были еще более неопределенны, нежели о богах. Например, Νίκη обыкновенно признавалась отдельным божеством; но афиняне, приписывавшие все свои победы и успехи своей покровительнице Афине, почитали ее под именем Νίκη. Богиня здоровья Υγίεια обыкновенно считалась супругою или дочерью Асклепия; но у афинян это было также и прозвище Афины. В ней же афиняне олицетворяли свое государственное устройство (Αθηνα Δημοκρατία). Во всех областях природы и во всех проявлениях человеческой жизни, по верованию эллинов, действовало рядом с богами или под их ведением множество существ, которые можно причислить к демонам. Всякому известно, например, что леса, воды, горы, долины и гроты в представлении эллина были населены нимфами, которые служат богам и составляют их свиту, но в то же время требуют себе поклонения и жертв от людей. Ветры почитались или все вместе, или отдельно, как, например, Борей. Хотя они и не называются прямо демонами, но все-таки, скорее всего, могут быть причислены к их разряду.

Другой вид посредствующих между богами и людьми существ составляют ηρωη, вера в которых принадлежит уже послегомеровским временам. В гомеровских поэмах название „герой“ обозначает вообще всякого лучшего, т. е. храбрейшего человека, и поэтому иногда придается даже выдающимся личностям из низшего сословия, хотя уже замечается различие между обыкновенными людьми и выдающимися богатырями, особенно в том, что последние обыкновенно происходят от богов в ближайшем или отдаленном колене. У Гесиода героями или полубогами (ημιθεοί) называются специально такие люди высшего происхождения; некоторые из них, избегнув общей смертной участи, прямо перемещены Зевсом на Острова блаженных, где и ведут беспечальную жизнь; но и у Гесиода нет еще никакого следа верования в известное влияние героев на жизнь людей и в необходимость поклонения им.

Зато в более поздние времена такое верование было широко распространено по всей Элладе. Героями признавались люди, души которых после смерти получали высшую участь и обладали силой творить людям добро и зло. Повод к такому верованию мог быть подан прежде всего тем, что выдающимся богатырям древности обыкновенно приписывалось высшее происхождение от браков богов со смертными, а потому и души таких полубогов постигала иная участь, нежели души обыкновенных смертных. Вера в возможность такого соединения богов с людьми существовала не только в героические времена, но и в исторические, и легко объясняется широко развитым антропоморфизмом эллинской религии. Затем некоторые люди, не отличаясь божественным происхождением, могли до такой степени превосходить других своими деяниями и заслугами, что казались современникам высшими

существами и потому после смерти удостоивались почестей наравне с полубогами. Герои такого рода нередко являлись и в исторические времена. Известно, например, что в колониях удостоивались героических почестей их основатели; если действительный основатель не был известен, то на его место ставили какого-нибудь подходящего богатыря из мифических сказаний.

Иногда героями считались не действительно существовавшие люди, а вымышленные, как, например, эпонимы фил и демов или предки благородных и жреческих родов в Аттике (Эвмолп, Гесих, Бут и др.). В каждом государстве и каждой местности Эллады были почитаемы те или другие герои, и некоторые из них преимущественно перед другими считались покровителями страны (ἡρώετη εὐχωροί); таковы были, например, в Спарте Диоскуры, на Эгине — Эакиды и т. п. Наконец, отдельные роды и семьи учреждали геройский культ (ἀφηρωαίεϊν) своим умершим предкам как покровителям рода. В позднейшие времена название ἡρώη часто обозначало всякого умершего и почти вполне соответствовало нашему слову „покойник“. Множество примеров названия героями умерших встречается в надгробных надписях поздних времен».

Другим важнейшим элементом средиземноморской культуры и средиземноморской мифологии была культура малоазийская, синкретическая по сути, объединявшая в себе традиции как индоевропейских (хетты, ионийцы), так и семитских (хурриты, финикийцы) племен.

По утверждению античных авторов, эллинские племена осели в Малой Азии приблизительно в XII–XI вв. до н. э. Первыми из греков в Малую Азию пришли эолийцы, за ними — ионяне и последними дорийцы. Греческие племена покорили малоазийских пеласгов (троянцев «Илиады») и, как говорит Страбон, основали множество городов. Что касается пеласгов, они, по словам того же Страбона, «были племенем, постоянно кочевавшим и весьма подвижным: оно достигло большого могущества и затем сразу пропало, как раз во время переселения эолийцев и ионийцев в Азию».

На основании археологических и лингвистических данных, которыми располагает современная наука, можно предположить без боязни ошибиться, что малоазийские пеласги Страбона — не кто иные, как индоевропейцы-хетты, чье царство было уничтожено фригийцами около 1170 г. до н. э.

О хеттах упоминается в египетских текстах и в Библии («сыны Хета»), однако долгое время не удавалось обнаружить никаких следов существования этого народа. Как писал Э. Добльхофер, «сведения о египтянах дошли до нас, пройдя сквозь тысячелетия; греческая литература и драма воздвигли вечный памятник персам; но хеттов как народ пришлось открывать заново!»

Это «открытие» состоялось благодаря раскопкам близ турецкой деревни Богазкей, когда археологи наткнулись на руины Хатусаса — столицы хеттского царства. При раскопках были найдены десятки глиняных табличек, по которым удалось расшифровать хеттскую письменность и получить представление о военной и хозяйственной деятельности хеттов и об их духовной жизни.

Божество-кинжал. Малая Азия (II тыс. до н. э.).

В пантеоне хеттов мы встречаем немало традиционных для средиземноморской мифологии божеств — богов и богинь солнца и луны, бога-пастуха, бога плодородия, богов подземного мира; некоторые из них имеют выраженное индоевропейское «происхождение» — бог-защитник Пирва, бог светлого времени суток Сиват, бог грозы Тархунт; некоторые же — не менее выраженное семитское, объясняющееся прежде всего влиянием географических соседей хеттов — хурритов и лувийцев: таковы «отец богов» и бог зерна Кумарби, бог грозы Тешуб, богиня любви и плодородия Шавушка (вавилонская Иштар), боги судьбы Хутена-Хутеллура и др. Как отмечал Вяч. Вс. Иванов, «в составе „1000 богов“ Хеттского царства наряду с хаттскими, древнехеттскими, несийскими, хурритскими и немногочисленными лувийскими божествами выделяются персонифицированные воплощения стихий... В конце перечислений богов пантеона помещались боги изгоев — людей хабиру (по-видимому, наименование ряда древнеханаанейских племен) и лулахи (слово хурритского происхождения, связанное с восточнокавказским обозначением мужа, невольника)».

Божество. Печать. Малая Азия (II тыс. до н. э.).

Крылатое божество. Печать. Малая Азия (II тыс. до н. э.).

Вполне возможно допустить, что именно от пеласгов-хеттов, чьи анклавные в Малой Азии продолжали существовать еще некоторое время после гибели Хеттского царства, пришельцы с севера «позаимствовали» один из распространеннейших в мифологии Средиземноморья сюжетов — миф об умирающем и воскресающем боге плодородия. Этот сюжет известен не только «морским народам» Средиземноморья, он присутствует и у египтян (миф об Осирисе), и у шумеров (миф об Инанне и Думузи). В хеттской традиции бог плодородия носил имя Телепинус. Разгневавшись, он покинул дом (= умер); с его уходом очаги окутались дымом, домашний скот перестал приносить потомство, природу поразила засуха. Другие боги пытались отыскать Телепинуса, но их усилия были тщетны. Наконец пчела, посланница богов, обнаружила Телепинуса спящим близ священного города Лихцина. Проснувшись от укуса пчелы, Телепинус разгневался сильнее прежнего и навлек на страну и на ее жителей разрушение и гибель. Лишь богине Камрусепе удалось смягчить гнев Телепинуса заклинаниями, и Телепинус вернулся, принося с собой плодородие.

Отголоски мифа о Телепинусе звучат в греческом мифе о похищении Персефоны. Вероятно, что хеттское «происхождение» имеет и другой греческий миф — о похищении Зевсом Европы: во всяком случае, на хеттских печатях-цилиндрах встречаются изображения нагой богини, сидящей на быке (в этих изображениях, как и в самом греческом мифе, современные ученые видят отражение исторического факта — похищения ахейцами кумыра малоазиатской богини в эпоху падения Хеттского царства).

Если хеттское влияние на классическую мифологию в известной мере гипотетично (оно не столько доказывается, сколько реконструируется), то влияние западносемитское не подлежит сомнению. Торговая экспансия западносемитских племен, прежде всего финикийцев, привела к установлению в начале I тысячелетия до н. э. тесных контактов между семитами и греками. Результатом этих контактов стало, в том числе, проникновение в Элладу западносемитских мифологических сюжетов (итогом этого проникновения в

эллинистическую эпоху явилось полное отождествление финикийских божеств с греческими). Среди этих сюжетов — миф об умирающем и воскресающем боге плодородия (Балу, Мелькарт, Адонис), о богине любви и плодородия Астарте—Атаргатис (оргиастический культ последней описан Лукианом в трактате «О Сирийской богине»), о богине охоты и битвы Анат.

Помимо ряда мифологических сюжетов, греки переняли у финикийцев алфавит и письменность, в которую внесли принципиальное изменение: финикийское письмо было консонантным, то есть его знаки обозначали только согласные звуки; греки же придумали особые знаки и для гласных, совершив тем самым революцию в истории письменности. Именно письменность — это уникальное изобретение человечества — сохранила до наших дней многие древние тексты, в том числе «Илиаду» и «Одиссею» — неисчерпаемый источник сведений по классической мифологии.

Наряду с финикийцами и другими западносемитскими народами к формированию средиземноморской культуры и средиземноморской мифологии причастны в известной мере и египтяне. Несмотря на то, что Египет долгое время оставался для греков «вещью в себе», его влияние на духовную жизнь Греции не подлежит сомнению. Геродот приписывал египтянам такие деяния, как установление продолжительности года и деление года на двенадцать частей, а также «изобретение» имен двенадцати богов-олимпийцев, которые затем были заимствованы эллинами. «Египтяне, — прибавляет Геродот, — также были первыми, кто стал воздвигать богам алтари, статуи и храмы и высекать изображения на камне». Страбон же говорит, что египтяне ввели деление общества на три класса: воинов, земледельцев и жрецов, и придумали геометрию, тогда как «счет и арифметика возникли у финикийцев благодаря их торговле».

Бог Балу (Ваал), поражающий землю молнией. Стела. Угарит (II тыс. до н. э.).

Как писал в своей работе «Религия древнего Египта» выдающийся отечественный ученый М.А. Коростовцев, «проникновение египетских религиозных представлений в средиземноморский бассейн начинается приблизительно с VI в. до н. э., то есть со времени более или менее тесного соприкосновения Египта с греками. На двух этрусских вазах того времени изображено существо явно египетского происхождения: это человеческая фигура с головой животного (голова, несомненно, воспроизводит голову Ануписа с типичными для него ушами) и с большим ножом в левой руке. Тот факт, что египетское религиозное влияние имело место и на Апеннинском полуострове, доказывается и небольшой бронзовой статуэткой богини Уаджет в музее Болоньи (приблизительно того же времени)... VII в. до н. э. — знаменательная веха в истории египетской культуры. Именно в это время, в правление второго фараона XXVI династии Псамтика I, греками была основана колония на территории Египта, в Дельте, к юго-западу от Саиса. Здесь возник большой город Навкратис (как бы предшественник Александрии), сыгравший важную роль в сближении египетской и греческой культур. Из Навкратиса в бассейн Средиземноморья устремился поток египетских изделий, в немалой части культовых, а вслед за ними стали просачиваться и египетские религиозные представления... Уже в VII в. до н. э. в Греции сложилась орфическая космогония, согласно которой началом мира было яйцо, оплодотворенное ветром. Этот образ заимствован из гермопольского варианта египетской космогонической системы. Культы

египетских богов встречаются и в материковой, и в островной Греции, например на острове Делос.

Бог Гор. Египетский рисунок.

Основная струя египетского влияния — распространение культа Исиды. Представление об Исиде явилось серьезным вкладом египетской религии в религии стран античного мира. Культ Исиды проник даже в дохристианскую Германию, его следы обнаружены в Кельне, Майнце, Аугсбурге и Трире. Тацит сообщает, что свебы почитают Исиду среди своих богов... Другие данные, приводимые автором, свидетельствуют о глубоком проникновении египетского влияния на германские земли вплоть до польской Померании (недалеко от берегов Балтики). Вполне понятно, что в Греции, Галлии, на Апеннинском и Иберийском полуостровах, в Британии и т. д. Исида имела местный облик, во многом отличавший ее от Исиды египетской. Но вместе с тем у них было и что-то общее...

Вряд ли можно сомневаться в том, что универсальный характер Исиды в основном плод мышления греков эпохи эллинизма. Исида торжественных песнопений — божество интернациональное, и исторически это вполне закономерно. Крушение полисного мировоззрения в странах греческого языка, а также умаление значимости номов в птолемеевском Египте создали предпосылки для возникновения новых богов или преобразования полисных и номовых богов во вселенские. На исходе эпохи независимости авторитет Исиды в Египте неизмеримо возрос, и ко времени религиозно-культурного становления здесь эллинизма она стала одним из великих вселенских божеств. С возникновением Римской империи, поглотившей и включившей в свои границы всю ойкумену эллинизма, влияние Исиды быстро приобрело точки опоры как в самом Риме, так и в подвластных ему странах, по сути дела чуждых эллинизму, каковыми были Италия, Испания, Галлия, Британия, Германия и т. д. Исида стала религиозной модой, и распространение культа богини определялось не только ее вселенским характером, но и в значительной мере нравственными запросами народов, подготовивших почву для возникновения христианства. Никакая другая религия стран древнего Востока, разумеется, кроме христианства, не отвечала этим запросам в такой мере, как египетская, или, вернее, порожденный ею культ Исиды...

Для античного мира культ египетской богини был особенно привлекателен. Греческие боги, как и простые смертные, подчинялись слепой судьбе, по египетским же представлениям судьбы людей вершили боги. Перспектива заступничества всемилостивой и всемогущей богини — вот что влекло к Исиде всех, кто искал утешения и спасения от опасностей, таящихся в окружающем грозном мире. Именно в этом плане популярность Исиды понятна и объяснима.

Однако победоносное шествие Исиды по странам античного мира не было беспрепятственным. Оно встречало сопротивление римских властей, но при императоре Домициане культ Исиды не только стал дозволенным, но и поощрялся самим императором...

Можно с уверенностью сказать, что культ Исиды в какой-то мере расчистил путь для христианства. Распространению египетского влияния в античных странах активно способствовали и сами египтяне. Например, в греческом тексте Оксиринхского папируса

содержится призыв „ко всему миру греческого языка“: каждый грек да благословит Имхотепа, сына Пта. Пропагандистская направленность этого текста очевидна. Без сомнения, существовало немало и других подобных произведений».

Начав с Крита и Балканского полуострова, мы описали почти полный периметр средиземноморского бассейна — Малая Азия, Лувия, Финикия, Египет, финикийские колонии в Северной Африке (Карфаген) и Иберии, на Сицилии и Сардинии, греческие — на Иберийском полуострове, в южной Галлии и на той же Сицилии. Нам осталось охарактеризовать последний источник средиземноморской классической культуры — культуру народов Апеннинского полуострова.

Апеннинский полуостров омывается с запада Тирренским, с востока Адриатическим морями. Северную часть полуострова большим полукругом опоясывают Альпы; несмотря на высоту этих гор, они не были преградой для народов Центральной Европы, издавна многожды вторгавшихся через альпийские перевалы на Ломбардскую низменность, в необычайно плодородную долину реки Пад (современная По). Апеннины, опирающиеся на западе на дугу Морских Альп, тянутся на юго-восток, доходя до Адриатического моря в районе Римини и отделяя очень четко северную часть полуострова от Италии Центральной и Южной. Эта самая богатая урожаем часть полуострова лишь позднее стала называться Италией, ибо первоначально это название относилось только к южным районам Калабрии, населенным племенами, которых греки именовали италами. В V в. до н. э. в долину По переселились галлы, вытеснив оттуда этрусков, и край этот получил в Риме название «Цизальпинская Галлия». Она включала в себя Галлию Циспаданскую (правобережье По) и Галлию Транспаданскую (область к северу от реки).

Собственно Италия начинается к югу от Апеннин. Важнейшую роль в истории культуры сыграла западная часть Центральной Италии, во многом благодаря своему рельефу. Здесь находятся три равнины: Этрусская, где лежит Флоренция; Латинская, центр которой — Рим; и Кампанская, с Капуей и Неаполем.

Археологические раскопки подтверждают, что люди заселили Италию еще в эпоху палеолита. Около 1800 г. до н. э. на полуострове появились пришедшие с севера новые поселенцы, принесшие с собой так называемую культуру террамаре (по-итальянски — черная, жирная земля). Они строили дома на сваях прямо на воде или же у кромки моря, окружали свои селения валами и рвами, возводили мосты. Не исключено, хотя и не установлено окончательно, что носителями этой культуры были говорившие на индоевропейском языке италики, разделившиеся позднее на латинян, умбров и самнитов.

Около 1000 г. до н. э. появилась новая волна переселенцев, принесших культуру Вилланова (по названию местности близ Болоньи, где найдены наиболее показательные памятники этой культуры), например зооморфические сосуды для оливкового масла. Представители культуры Вилланова, как и культуры террамаре, в отличие от своих предшественников, не хоронили мертвых в земле, а сжигали их и складывали пепел в погребальные урны.

Ко времени основания Рима в VIII в. до н. э. населением страны были уже, безусловно, италики, делившиеся на две группы по диалектам италийского языка — латинско-фалийскую и оскско-умбрийскую. Латиняне жили поначалу на территории древнего Лация, границами

которого были реки Тибр и Аниен, Апеннины, Вольские горы и Тирренское море. Умбры обитали в верховьях Тибра, около Ассизи. Самниты, также делившиеся на ряд племен, — в Самнии, северной Кампании, Апулии, Лукании и Бруттии. Помимо основных двух групп италиков существовали и такие племена, как вольски, жившие к югу от Лация и близкие по диалекту к умбрам, и сабельские племена (сабиняне Вергилия). На левобережье Атерна (ныне Пескара) поселились вестины, на правом берегу — марсы, пелигны и марруцины.

Как писал К. Куманецкий, «уклад жизни, общественные отношения у всех этих племен были еще совершенно архаическими, как и у племен неиталийского происхождения, например у живших на северо-западе страны лигуров, представлявших собой, очевидно, древнейшее население Италии до прихода туда италиков. Так же обстояло дело и у венетов, народа, по-видимому, иллирийского происхождения, давшего название городу Венеция, и у тавринов, от имени которых получил свое название Турин.

Более высокий уровень развития общества, основанного уже на использовании труда несвободных, был присущ на территории Италии в тот период лишь грекам, финикийцам и этрускам. Не удивительно, что ранний период истории Италии прошел под знаком преобладания этрусков и их войн против греков за господство над морем. Период этот охватывает VIII–VI вв. до н. э. и служит как бы предысторией к возвышению Рима».

Этруски — народ-загадка, еще более таинственный даже, нежели хетты. Их письменность дешифрована, однако язык этрусков до сих пор остается недоступным пониманию — при том, что существует около 10 000 памятников этрусского языка, этой «загадки всех италийских загадок». Тайной окутано и происхождение этрусков; впрочем, в последние десятилетия сложилось мнение, подкрепленное археологическими находками и данными сравнительно-исторического анализа мифов, о том, что этруски пришли на Апеннинский полуостров из Малой Азии: их сакральные символы сходны с малоазийскими, а космогония этрусков во многом перекликается с космогониями Египта и Вавилонии.

Карта Апеннинского полуострова с указанием первоначальных владений Рима.

Этрусский пантеон включает множество богов, но в большинстве своем эти боги известны лишь по именам — и по месту, занимаемому каждым из них на бронзовой модели гадательной печени, обнаруженной в 1877 г. в Пьяченце. Принято выделять так называемую верховную триаду божеств — это громовержец Тин, его супруга и высшее женское божество Уни и богиня ремесел Менрва. Иногда небесной триаде противопоставляют триаду подземную: бог виноделия и безумства Мант, богиня преисподней Мания и богиня плодородия, имя которой пока не установлено. Свиту громовержца Тина составляли двенадцать богов — бог стад и посевов Аплу, бог-проводник душ умерших Турмс, бог-кузнец Сефланс, бог моря Нефунс, бог растительности и плодородия Фуфлунс, бог города Вольсинии Волтумн, бог законности и порядка Сатре, богиня плодородия Туран, бог растительности Селванс, божества преисподней Аита и Ферсифай, бог плодородия Марис (италийский по происхождению). Все эти боги со временем «переместились» в римский пантеон, изменив имена в соответствии со строем латинского языка и по аналогии с греческими божествами: Тин стал Юпитером, Уни — Юноной, Менрва — Минервой, Аплу «превратился» в Аполлона, Турмс — в Гермеса—Меркурия, Сефланс — в Вулкана (так трансформировалось его второе имя — Велханс); Нефунс стал Нептуном, Сатре —

Сатурном, Селванс — Сильваном, Марис — Марсом (причем в этом случае произошла смена не только имен, но и функций: божество растительности преобразилось в бога войны).

Химера. Этруская бронзовая статуэтка (V в. до н. э.).

Расцвет культуры этрусков приходится на VII–VI вв. до н. э., когда они подчинили себе Кампанию и Лаций и даже — несмотря на упорное молчание римских историков относительно этих событий — наверняка захватили Рим (возможно, намек на владычество этрусков содержится в предании о правлении в Риме этрусских царей). Вступив в союз с Карфагеном, этруски ввязались в войну с греками за владение Тирренским морем; поначалу перевес был на стороне союзников, но к исходу VI в. до н. э. этрусков вытеснили из Кампании и из Лация (ср. легендарное предание об изгнании из Рима последнего этрусского царя Тарквиния Гордого, изложенное у Тита Ливия). Время этрусков заканчивалось, наступала эпоха Рима.

По легенде, окончательно оформившейся к I в. до н. э. и сохранившейся в пересказах Ливия, Дионисия Галикарнасского и Плутарха, Рим был основан в 754/53 г. до н. э. Основание Вечного города неразрывно связано с именем Энея, чьи путешествия описаны в «Энеиде» Вергилия. По этой легенде, троянец Эней, сын богини Афродиты и смертного Анхиза, уцелел при разрушении Трои. Вместе с сыном своим Асканием (Юлом) Эней бежал и после долгих странствований прибыл к берегам Лация. Там правил тогда Латин, царь местного племени «аборигинов». Он дружески принял Энея и выдал за него замуж свою дочь Лавинию. После смерти Энея Асканий—Юл основал новый город Альбу Лонгу и стал там царствовать. По другому варианту легенды, Юл был сыном Энея и Лавинии. Во всяком случае, по обоим вариантам именно он был основателем Альбы Лонги и родоначальником царствовавшего там рода. Через несколько поколений после Юла в Альбе Лонге воцарился Нумитор. Но его свергнул с трона его младший брат Амулий и воцарился в Альбе Лонге сам, а дочь Нумитора Рею Сильвию отдал в весталки. Весталки — жрицы богини Весты — должны были давать обет безбрачия. Однако Рея Сильвия от бога Марса родила двух близнецов, за что была осуждена Амулием на смерть, как нарушившая свой обет. Близнецов царь приказал бросить в Тибр. Но рабы, которым это было поручено, оставили корзину с близнецами на мелком месте, так как из-за разлива реки им трудно было подойти к глубокой воде. Когда разлив спал, корзина очутилась на сухом месте. На плач близнецов прибежала волчица, спустившаяся с окрестных гор к реке, чтобы напиться, и накормила их своим молоком. Вскоре детей нашел царский пастух Фаустул. Он принес их домой и отдал на воспитание своей жене Ларенции. Близнецам дали имена Ромула и Рема. Повзрослев, они кроме охоты стали заниматься еще тем, что нападали на разбойников, отнимали у них добычу и делили ее между пастухами. В конце концов, тайна происхождения братьев раскрылась, они убили Амулия и восстановили на троне своего деда Нумитора. Сами они не пожелали остаться в Альбе Лонге, а решили основать новый город в тех местах, где были найдены. При основании его братья поссорились, и Ромул убил Рема, а город назвал своим именем (римляне название Roma производили от имени Romulus).

Демон с похищенной душой. Этрусский рельеф.

В первоначальном варианте легенды, восходящем к V в. до н. э., основателем Рима назывался сам Эней. Однако возникли трудности с временным приурочением: период в 670 лет между

разрушением Трои (1184 г.) и изгнанием Тарквиния Гордого, последнего римского царя (510 г.), был слишком велик для того, чтобы туда можно было поместить только семь традиционных царей. Поэтому пришлось отнять у Энея роль основателя города и между ним и Ромулом вставить ряд промежуточных персонажей. В первоначальном варианте легенды в качестве основателя города, по-видимому, фигурировало одно лицо: Ром (Rhomos), затем под воздействием этрусских родовых имен превратившийся в Италии в Ромула (Romulus). «Во время странствований легенды из Греции в Италию и обратно, — говорится в одном исследовании римской культуры, — личность основателя удвоилась: Ромул столкнулся с Ромом, ставшим потом Ремом. Так появилось двое братьев-близнецов».

На самом деле легенде о Ромуле и Реме вовсе не требовалось «странствовать из Греции в Италию и обратно», чтобы приобрести «канонический склад». В этой легенде звучат отголоски близнечного мифа, столь характерного для индоевропейской мифологии: братья-близнецы, соперничающие между собой, выступают как родоначальники и культурные герои. Волчица, выкормившая Ромула и Рема, — несомненный тотем, присутствие которого в легенде доказывает ее древность: известно, что в мифологии италийских племен — «предшественнице» римской мифологии — тотемические представления занимали весьма важное место. По замечанию А.И. Немировского, наименования многих италийских племен произошли от их тотемных предков: луканы, вероятно, от *lucos* («волк»), пицены — от *picus* («дятел») и т. д. У италиков, вдобавок, были весьма распространены и близнечные мифы: культ близнецов как богов плодородия зафиксирован во многих италийских поселениях. Кроме того, легенда о Ромуле и Реме носит ярко выраженный этиологический (объяснительный) характер. Ромул выступает как герой-эпоним, а его происхождение от Энея подчеркивает обоснованность притязаний Рима на роль духовного наследника греческой культуры.

Что касается исторического Рима, археологические данные свидетельствуют о том, что город зародился на одном из своих знаменитых холмов, а именно на Палатине, где издревле существовало поселение протолатинов. Известный отечественный историк античности С.И. Ковалев писал: «Довольно надежная традиция дает нам четыре этапа расширения Рима в царский период. Первый этап — „Квадратный Рим“ (*Roma quadrata*). Этим названием некоторые римские писатели обозначали древнейшее поселение на Палатине начала I тысячелетия. Второй этап — „Город семи холмов“, память о котором сохранилась в празднике „Семихолмия“. Вероятная дата его существования — VIII в. Точные границы Рима в этот период не вполне ясны. Предполагают, что „семь холмов“ — это две вершины Палатина (собственно Палатин и Цермал), далее седловина, соединявшая Палатин с Эсквилином (Велия), три выступа Эсквилина (Цеспий, Фагутал и Оппий) и, наконец, Целий. Является спорным, образовывал ли тогда город действительно единую общину, обнесенную одной системой укреплений, или это был только союз семи автономных поселков. Никаких следов оборонительных сооружений от этого периода не сохранилось. Но как бы там ни было, этап „семи холмов“ отражает рост палатинского „города“ в сторону Эсквилина и подготовляющийся синойкизм[3] латинских и сабинских поселков. Более прочной стадией объединения является „Город четырех округов“ (вероятно, VII в.). Четыре округа — это палатинский, субуранский (Целий), эсквилинский и коллинский (Квиринал и Виминал). Таким образом, город расширяется на север, в сторону Квиринала и включает теперь пять

главных холмов: Палатин, Эсквилин, Целий, Виминал и Квиринал. Два других холма — Капитолий и Авентин — в VII в., по-видимому, еще не были заселены или, по крайней мере, еще не входили в священную черту города (померий). Наконец, последний этап — „Город Сервия Туллия“ (VI в.). Традиция говорит, что при Сервии Туллии Рим был обнесен стеной, и действительно среди остатков крепостных сооружений IV в. можно установить следы более древней постройки, может быть, VI в. В эту эпоху Капитолий вошел в городскую черту, и город занимал шесть главных холмов: Палатин, Капитолий, Эсквилин, Виминал, Квиринал и Целий. Что касается Авентина, то его заселение произошло, по-видимому, только в середине V в.».

Из всех традиций, составивших в итоге классическую культуру Средиземноморья, римская была одновременно наименее самостоятельной и наиболее заимствующей: в ней рано выделился главный миф, который условно можно назвать «мифом о Вечном городе», в остальном же она представляла собой комбинацию италийских, этрусских и греческих мифов; позднее на эту комбинацию наложились почерпнутые на Востоке мистические учения и культы. Как писал, характеризуя раннюю римскую культуру, С.И. Ковалев, «для древнейшей римской религии, как и вообще для религии италиков, характерен примитивный политеизм, очень недалеко ушедший от самых грубых форм анимизма. В представлении римлянина каждый предмет и каждое явление имели своего духа, свое божество. Каждый ручей, лес, дорога, перекресток, дверь, петля, порог каждого дома имели своего бога. У каждого человека был его гений, дух-покровитель, каждый дом имел свою Весту, богиню домашнего очага. Каждый момент какого-нибудь процесса имел свое божество. Например, зерно, брошенное в землю, находилось в ведении бога Сатурна, растущим хлебом ведала богиня Церера, цветущим — Флора, созревшим — Конс.

Было 43 бога детства: бог первого крика ребенка, бог восприятия новорожденного, бог девятого дня, бог первого шага, бог колыбели и т. д.

Правда, в дальнейшем начался обобщающий процесс. Так, наряду с богами каждого отдельного леса появился общий бог лесов Сильван; наряду с бесчисленным количеством богов дверей и ворот появился бог Янус, ставший покровителем всякого начала; наряду с местными Вестами, богинями очага каждого дома, появилась общегосударственная Веста, богиня государственного очага. Однако появление этих общих божеств несколько не мешало существованию старых, узколокальных.

В связи с этой примитивной конкретностью стоит другая черта ранней римской религии: отсутствие определенных образов богов. Римские божества не отделялись от тех явлений и процессов, которыми они ведали. Например, богиня растущего хлеба Церера не существовала вне растущего хлеба, она с ним сливалась.

Первые изображения богов появились в Риме сравнительно поздно, а раньше существовали только их символы. Марс изображался в виде копья, Юпитер — в виде каменной стрелы и т. п. Только в VI в., под этрусско-греческим влиянием, началась антропоморфизация римских божеств.

Родовой и семейный культ играл большую роль при крепком укладе римской патриархальной семьи, при наличии сильных элементов родового строя. Души предков почитались под

именами пенатов, ларов и манов, между которыми сами римляне не всегда могли провести резкую границу.

В связи с конкретностью римской религии и дробностью божеств находился ее узкопрактический характер. Конечно, во всякой религии есть известный элемент утилитаризма, и чем примитивнее религия, тем этого утилитаризма в ней больше (связь между человеком и божеством строится по принципу: „do, ut des“ („я даю тебе, чтобы ты дал мне“)). Но нигде практицизм не достиг такой степени, как в римской религии. Боги не были отделены от человека непроходимой пропастью. Они окружали его со всех сторон, обитали в каждом предмете, руководили каждым явлением природы, каждым моментом социальной жизни. Естественно поэтому, что человек чувствовал себя под непрерывным воздействием божественных сил, которое носило непосредственный, практический, мелочно-прозаический характер.

Поэтому, быть может, ни в одной религии в такой степени не выступал формально-договорный характер, как в римской. Все основывалось на договоре между божеством и человеком, все сводилось к формальному выполнению обрядов. Если обряд был выполнен, то молящийся был твердо убежден в том, что божество обязано со своей стороны сделать все то, что человек у него просит. Нужно было точно знать, к какому богу обратиться в каждом данном случае, какие слова произнести, потому что малейшая ошибка нарушала действенность самой молитвы».

Итак, географический и исторический фон очерчен — по необходимости кратко, — и приспела пора перейти к предмету этой книги — к собственно классической мифологии античного мира. Но прежде следует хотя бы в нескольких словах рассказать об источниках сведений об этой мифологии — ведь они, наряду с мифологическими сюжетами и *dramatis personae*, составляли и продолжают составлять неотъемлемую часть «культурного багажа» Европы.

Сведения о греческой мифологии дошли до нас в огромном количестве памятников литературы, среди которых выделяются прежде всего две поэмы Гомера, «Илиада» и «Одиссея», а также «Теогония» Гесиода, так называемые Гомеровские гимны, «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Деяния Диониса» Нонна Панополитанского, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия и оды Пиндара, драмы великих греческих трагиков — Эсхила, Софокла и Еврипида. Из прозаических пересказов греческих мифов нужно отметить «Мифологическую библиотеку» Аполлодора и «Мифы» Гигина. Отсылки к мифологии и изложения мифологических сюжетов встречаются в трудах историков и географов (Геродот, Полибий, Диодор Сицилийский, Ксенофонт, Страбон) и в философских сочинениях (Платон, Порфирий, Плотин, Цицерон), равно как и в биографических трактатах Плутарха, в «Описании Эллады» Павсания и в едких сатирах Лукиана.

Римская мифология не может похвалиться столь же значительным количеством источников. Упоминания о древнейших римских божествах и ранние мифологические сюжеты встречаются в жреческих книгах («Индигитаменты»), в гимнах коллегий Арвальских братьев и салиев (жрецов Марса), в комментариях Сервия и Макробия к «Энеиде», в «Естественной истории» Плиния Старшего, у Проперция, у Тита Ливия — первого певца Вечного города, в «Энеиде» Вергилия, «Фастах» и «Метаморфозах» Овидия и в философских трактатах

Цицерона.

Сочинения позднейших авторов — как, впрочем, и того же Овидия, к примеру, — не разделяют греческую и римскую мифологии и посвящены уже окончательно оформившейся синкретической классической мифологии Средиземноморья.

Основные события истории античного мира

Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты

И обучай домочадцев...

Ок. 9000 г. Разрушение Атлантиды (по Платону). Ок. 6000–4000 гг. Начало формирования египетской мифологии.

–2000 гг. Раннеминойский период на Крите. Начало становления средиземноморской цивилизации.

–2000 гг. Раннеэлладский период: Эпир, Фессалия, Аттика, Беотия, Аркадия, Аргонида, Лаконика. Начало расцвета Микен.

–2300 гг. Древнее царство в Египте. Ок. 2000 — ок. 1170 гг. Царство хеттов в Малой Азии. 2100–1800 гг. Среднее царство в Египте. 2000 г. Постройка первых дворцов на Крите — в Кноссе и Фесте.

Ок. 1800 г. Культура террамаре на Апеннинском полуострове. Ок. 1750 г. Разрушение дворцов Кносса и Феста. Ок. 1700 г. Постройка новых дворцов на Крите. 1600–1250 гг. Позднеминойский период. Правление на Крите легендарного царя Миноса.

г. Кекроп воцаряется в Афинах (по Паросской табличке: «После того как в Афинах воцарился Кекроп и эта область, дотоле называвшаяся по имени местного жителя Актея Актикой, стала называться Кекропией, прошло 1318 лет»).

–1250 гг. Микенский период. Время правления Агамемнона, Менелая, Эдипа.

/1531 гг. Спор между Посейдоном и Аресом из-за Аттики (по Паросской табличке: «После того как в Афинах состоялась тяжба между Аресом и Посейдоном из-за Галиррофия, сына Посейдона, и место тяжбы было названо Аресовым холмом, а случилось это во время царствования в Афинах Краная, прошло 1268 лет»).

г. Всемирный потоп, из которого спаслись Девкалион и Пирра (по Паросской табличке: «После того как во времена Девкалиона случился потоп и Девкалион бежал от ливней из Ликореи в Афины к Краная, [где] основал святилище Зевса Олимпийского и принес благодарственные жертвы за спасение, а случилось это во время царствования в Афинах Краная, прошло 1265 лет»).

/1520 гг. Греки принимают самоназвание «эллины» (по Паросской табличке: «После того как Эллин, сын Девкалиона, воцарился во Фтии и называвшиеся прежде „граиками“ получили имя эллинов и [были учреждены] состязания Пана... а случилось это во время царствования в Афинах Амфиктиона, прошло 1257 лет»).

г. Финикиец Кадм основал Кадмею (крепость Фив) и научил греков письменности (по Паросской табличке).

/1505 гг. Царствование в Афинах змея Эрихтония. Явление Матери Богов (по Паросской табличке: «После того как Эрихтоний на первых Панафинейхзапряг колесницу, учредил состязания и дал [местным жителям] имя афинян, как в Кибелах явилось изваяние Матери Богов, как фригиец Гиагнис впервые изобрел флейты в К... фригийцев, впервые сыграл мелодию так называемого фригийского лада и прочие законы Матери, Диониса, Пана... а случилось это во время царствования в Афинах Эрихтония, запрягшего колесницу, прошло 1242 года»).

–1400 гг. Гибель Кносского дворца. Завоевание ахейцами Крита.

г. Минос правит Критом (по Паросской табличке). Фригийские карлики научили греков ковать железо.

г. Богиня Деметра научила греков земледелию (по Паросской табличке: «После того как Деметра, прибыв в Афины, дала [первый] урожай и Триптолемом, сыном Келея и Нееры, была совершена первая проба [возделывания земли], а случилось это во время царствования в Афинах Эрихтея, прошло 1146 лет»).

Ок. 1400 г. Ритуальные тексты угаритских жрецов (наиболее ранние из сохранившихся).

г. Расцвет творчества Орфея. Похищение Персефоны (по Паросской табличке: «После того как Орфей... обнародовал свои творения, как была похищена Кора, а Деметра отправилась на поиски [дочери]. как ею было само сотворено зерно и множество народа впервые собрало урожай, а случилось это во время царствования в Афинах Эрихтея, прошло 1135 лет»).

г. Геракл расчистил Авгиевы конюшни и учредил Олимпийские игры (по Паросской табличке).

г. Тесей победил Минотавра и учредил Истмийские игры (по Паросской табличке).

г. Поход амазонок на Аттику. Битва Тесея с амазонками (по Паросской табличке: «После похода амазонок в Аттику, а случилось это во время царствования в Афинах Тесея, прошло 992 года»).

г. Поход Семерых против Фив. Учреждение Немейских игр (по Паросской табличке).

–1208 гг. (по Паросской табличке). Троянская война.

г. Орест, мстя за своего отца Агамемнона, убил Клитемнестру, но был оправдан Ареопагом (по Паросской табличке).

–1184 гг. (по Эратосфену). Троянская война.

г. Вторжение дорийцев во главе с Гераклидами (по Паросской табличке).

г. Конец царской власти в Афинах (по Паросской табличке).–IX вв. Гомеровский строй в Аттике.

-700 гг. Культура Вилланова на Апеннинском полуострове.

г. Расцвет творчества Гесиода (по Паросской табличке).

г. Расцвет творчества Гомера (по Паросской табличке).

г. Аргосский царь Федон начал чеканить монету (по Паросской табличке: «После того как аргосец Федон, потомок Геракла в одиннадцатом колене, ввел единицы измерения, изготовил весы, начал чеканить на Эгине серебряную монету, а случилось это во время архонтства в Афинах Фереклея, прошел 631 год»).

г. Законы спартанского царя Ликурга. 814 г. Основание Карфагена. 776 г. Первые Олимпийские игры. 754/753 г. Основание Рима.

г. Первое упоминание в ассирийских текстах о греках. VII в. Завоевание Рима Тарквиниями. VI в. Рим под владычеством этрусков. 525–456 гг. Годы жизни Эсхила. 522–442 гг. Годы жизни Пиндара.

г. Изгнание из Рима царя Тарквиния Гордого и падение царской власти в Риме.

–406 гг. Годы жизни Софокла.

Ок. 484–425 гг. Годы жизни «отца истории» Геродота.

–406 гг. Годы жизни Еврипида.

–399 гг. Годы жизни Сократа.

–347 гг. Годы жизни Платона. в. Время жизни Аполлодора. в. Время жизни Дионисия Галикарнасского. 70–19 гг. Годы жизни Публия Вергилия Марона. 17–59 г. н. э. Годы жизни Тита Ливия.

–43 г. н. э. Годы жизни Публия Овидия Назона.

–79 гг. н. э. Годы жизни Плиния Старшего.

Ок. 46 — 126 гг. н. э. Годы жизни Плутарха из Херонеи. в. н. э. «Финикийская история» Филона, содержащая многие финикийские мифы.

Ок. 1850 г. Начало систематических раскопок на Кипре.

Ок. 1870 г. Г. Шлиман начал раскопки Трои на холме Гиссарлык в Турции.

г. Раскопки Шлимана в Микенах. 1899 г. Начало раскопок на Крите.

Нач. XX в. Раскопки в Богазкее (Турция) на месте древней столицы хеттского царства — Хатусаса. Обнаружение так называемого «богазкейского архива»).

г. Начало раскопок в Рас-Шамре (на месте древнего Угарита).

Глава 2

В НАЧАЛЕ БЫЛ ХАОС: античная космогония

Все, что мы видим вокруг, пожрет ненасытное время;

Все низвергает во прах; краток предел бытия.

Сохнут потоки, мелеют моря, от берегов отступая,

Рухнут утесы, падет горных хребтов крутизна.

Что говорю я о малом? Прекрасную сень небосвода,

Вспыхнув внезапно, сожжет свой же небесный огонь.

Все пожирается смертью; ведь гибель — закон, а не кара.

Сроки наступят — и мир этот погибнет навек.[5]

Космогонический миф Средиземноморья. — Египетские мифы о сотворении мира. — Небесная Корова. — Финикийские мифы о миротворении. — Космогонические представления хеттов. — Гесиод и его «Теогония». — Овидий и предание о Гильгамеше. — Орфический миф о миротворении. — Офион и Эрот. — Янус как бог-творец. — Миф о расчленении первосущества. — Пуруша, Йима, Имир. — Зевс как первосущество. — Обустройство мира. — Олимп и Острова блаженных. — Аид (Гадес). — Творение людей. — Прометей. — Загрей. — Девкалионов потоп. — Миф о Золотом веке. — Кронос, Сатурн и Сатре. — Завершение обустройства мира: борьба за власть среди богов. — Олимпийские боги, титаны и гиганты. — Титаномахия. — Гигантомахия. — Тифон и Пифон. — «Стабилизация» олимпийского пантеона.

Всякая мифология начинается с космогонии, то есть со сказаний о том, как был создан и упорядочен мир. И мифология средиземноморская здесь, разумеется, не является исключением. Более того, она предлагает несколько вариантов космогонии — имеющих, безусловно, нечто общее, но все же во многом различающихся.

Начнем с древнейшего из космогонических мифов Средиземноморья — с мифа египетского. Известно, что египетская мифология «дробится» на мифологии номов (областей), в каждом из которых почитались собственные божества; лишь с началом эпохи Среднего царства в Египте начал формироваться общий мифологический свод (впрочем, главные божества страны менялись в зависимости от того, фараон какой династии находился на престоле). Поэтому египетская мифология содержит несколько «местных» версий космогонического мифа.

Гелиопольская версия этого мифа гласит, что в начале был Хаос (Нун) — бескрайняя, неподвижная студеная водная гладь, окутанная темнотой. Однажды из Нуна возник Атум — первый бог во вселенной. Атум стал искать в Первозданном Океане твердое место — какой-нибудь островок, но вокруг не было ничего, кроме неподвижной воды. И тогда бог создал холм Бен-Бен — Изначальный холм. (Согласно другому варианту этого мифа, Атум сам был холмом. Луч бога Ра достиг Хаоса, и холм ожил, став Атумом.)

Обретя под ногами землю, Атум стал размышлять, что делать дальше. Прежде всего

требовалось создать других богов. Атум изверг семя себе в рот, оплодотворив сам себя, и вскоре выплюнул изо рта Шу, бога ветра и воздуха, и Тефнут, богиню мирового порядка. Дети Атума потерялись в Первозданном Океане, поскольку света еще не было. Атум послал на поиски Шу и Тефнут свое Око. Пока оно бродило по водной пустыне, бог создал новое Око и назвал его «Великолепным». Старое Око тем временем разыскало Шу и Тефнут и привело их обратно. От радости Атум заплакал. Его слезы упали на холм Бен-Бен и превратились в людей.

Старое Око очень разгневалось, увидев, что Атум создал новое на его месте. Чтобы успокоить Око, Атум поместил его к себе на лоб и поручил ему великую миссию — быть хранителем самого Атума и установленного им и богиней Тефнут-Маат миропорядка.

С тех пор Солнечное Око в виде змеи-кобры — урея — стали носить на коронах все боги, а потом фараоны, унаследовавшие от богов земную власть.

В некоторых вариантах гелиопольского космогонического мифа упоминается изначальная божественная птица Бенну, как и Атум, никем не сотворенная. В начале мироздания Бенну летал над водами Нуна и свил гнездо в ветвях вербы на холме Бен-Бен.

На холме Бен-Бен люди впоследствии построили главный храм Гелиополя — святилище Ра-Атума.

От брака Шу и Тефпут родилась вторая божественная пара: бог земли Геб и его сестра и жена, богиня неба Нут. Нут родила Осириса Гора, Сета, Исиду и Нефтиду. Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Нефтида, Сет, Исида и Осирис составляли Великую гелиопольскую Эннеаду, или Великую Девятку богов.

По мемфисской версии, в начале существовал лишь Первозданный океан. Птах, который сам был землей, решил воплотиться в божество. Усилием воли он создал из земли свою плоть-тело и стал богом.

Воссуществовав, Птах решил сотворить мир и других богов. Сперва он создал их Ка («дух») и знак жизни «анх», затем — творческую силу будущих богов, дабы они, родившись, сразу же обрели могущество и помогли Птаху в творении. Так как других материалов для деятельности у Птаха не было, он решил, что будет создавать все сущее из себя — из земли, которая была его плотью.

В сердце бога возникла мысль об Атуме, а на языке — слово «Атум»; бог произнес это имя — и в тот же миг Атум родился из Первозданного Хаоса. Он стал помогать отцу в деле творения, однако действовал не самостоятельно, а лишь исполнял волю Птаха, был ее проводником. По воле Птаха Атум создал Великую Девятку; Птах же дал всем богам могущество, наделил их мудростью.

Египетская богиня Хатор.

Птах построил города, основал номы, поставил каменные изваяния богов в их святилища и ввел обряд жертвоприношения. Боги вселились в свои статуи в храмах.

Плоть и дух этого великого бога пребывают во всем живом и неживом, что есть в мире. Он

почитаются как покровитель искусств, ремесел, кораблестроения и зодчества. Птах, его жена — богиня-львица Сохмет и их сын — бог растительности Нефертум составляют мемфисскую Триаду.

По гермопольской версии, в начале был Хаос, в котором царили силы разрушения: Бесконечность, Ничто, Небытие и Тьма. В некоторых источниках к «отрицательным» изначальным силам Хаоса причисляются три пары божеств: Тенему и его женская параллель Тенемут (Мрак, Исчезновение), Ниау и Ниаут (Пустота, Ничто), Герех и Герехт (Отсутствие, Ночь).

Разрушительным силам Хаоса противостояли созидательные — четыре пары божеств, олицетворяющих стихии, — Великая Восьмерка, Огдоада. Мужские божества Восьмерки — Хух (Бесконечность), Нун (Вода), Кук (Темнота) и Амон («Невидимый», т. е. Воздух) — имели облик людей с головами лягушек. Им соответствовали женские пары: Хаухет, Наунет, Каукет и Амаунет — богини со змеиными головами.

Боги Великой Восьмерки плавали в Первозданном Океане. Из земли и воды они создали Яйцо и возложили его на Изначальный холм — «Огненный остров». И там, на острове, из Яйца вылупился бог солнца Хепри — «молодой Ра».

По другой версии, солнечное божество, осветившее землю, пребывающую во мраке, родилось из цветка лотоса, который вырос на Изначальном холме; от радости младенец Ра заплакал, и из его слез, упавших на Холм, возникли люди. Эта версия была распространена во всем Египте. В «Книге мертвых» сохранились фрагменты еще одной мифологической версии, связанной с космогонической доктриной Гермополя (но восходящей, очевидно, к древнейшим, архаическим представлениям): яйцо, из которого родился бог Солнца, снес на Изначальном холме Великий Гоготун — белая птица, которая первой влетела во тьму и нарушила вековечное безмолвие Хаоса. Великий Гоготун изображался в виде белого гуся — священной птицы бога земли Геба.

Ра создал Шу и Тефнут — первую божественную пару, от которой произошли все остальные боги.

Выдающийся отечественный исследователь истории и культуры древнего Египта М.Э. Матье писала: «Во многих сказаниях в роли божества, рождающего солнце и творящего мир, выступает животное или птица. Так, сохранились следы предания, по которому считалось, что Солнце было рождено в виде золотого теленка небом, которое представлялось огромной коровой с рассыпанными по всему ее телу звездами. Еще „Тексты Пирамид“ говорят о „Ра, золотом теленке, рожденном небом“, а позднейшие изображения показывают эту Небесную Корову с плывущими по ее телу светилами.

Богиня Исида в облике Небесной Коровы. Египетский рисунок.

Отклики этого сказания, бывшего, по-видимому, некогда одним из основных египетских мифов о происхождении мира, мы находим и в других текстах и на ряде изобразительных памятников, причем иногда миф о Небесной Корове сохраняется в переработанном виде, а иногда он даже сплетается с другими сказаниями. Так, Небесная Корова встречается в сценах рождения солнечного младенца из лотоса: на многих ритуальных сосудах видны две

Небесные Коровы, стоящие по сторонам лотоса, на котором сидит новорожденное Солнце. Упоминание о Небесной Корове сохранилось и в тексте, повествующем о том, как непосредственно после своего появления на свет солнечный младенец сел на спину Небесной Коровы Мехет-Урт и поплыл по горизонту. Долгое время существовало представление о ежедневном рождении и умирании светила. Согласно ему, богиня неба Нут, принимая облик коровы Мехет-Урт, утром рождает золотого теленка (розовый цвет зари — это кровь богини при родах); за день теленок взрослеет, становится Быком-Ра; вечером Бык совокупляется с Небесной Коровой — Нут, после этого богиня проглатывает солнечного Быка, а утром рождает опять, и все повторяется; с этим представлением связаны распространенные эпитеты Ра „Бык своей матери“ и „Тот, кто воскресает в своем сыне“. Пережитки древнейших представлений о том, что зачатие происходит и в результате проглатывания, живут очень долго в религии исторического Египта, и вплоть до поздних периодов мы встречаем изображение небесной богини, утром рождающей солнце, а вечером проглатывающей его, чтобы, вновь зачав, вновь родить его на рассвете следующего дня, а египетские фараоны, уподобляясь солнцу-Ра, изображают себя сынами Небесной Коровы то в виде младенца, сосущего ее молоко, то в виде зрелого мужа, стоящего под ее защитой.

По иным преданиям, возникновение мира было связано с другими животными; например, существовал миф, по которому небо представлялось свиньей, а звезды — рожденными ею поросятами. Различные животные или пресмыкающиеся вообще часто встречаются в космогонических сказаниях в разных ролях. Так, на изображении рождения Ра из лотоса позади Небесной Коровы можно увидеть обезьян, приветствующих солнечного младенца поднятием рук. Существовали рассказы о том, что солнце — это огромный шар, который катит по небу солнечный жук, подобно тому, как навозные жуки катят свои шарики по земле.

В других сказаниях создателями мира являются не животные и птицы, а боги и богини. В одной из таких легенд небо мыслится в виде богини-женщины Нут, тело которой изогнуто над землей, а пальцы рук и ног опираются на землю. Нут рождает солнечного младенца, творящего затем богов и людей. „Тексты Пирамид“, несмотря на то, что в них господствующим представлением является уже единоличное сотворение мира богом-творцом, все же хранят строки, следующим образом прославляющие богиню Нут, некогда почитавшуюся величайшей матерью и самого солнца, и всей вселенной.

По другому сказанию, бог-творец Хнум вылепил весь мир на гончарном круге и таким же способом создал людей и животных. Это представление живет вплоть до позднейших времен, и мы видим изображения Хнума, лепящего на гончарном круге тела и души новорожденных детей».

Географические соседи египтян финикийцы рассказывали о сотворении мира, если следовать автору «Финикийской истории» Филону, следующее. В начале были только Первородный Хаос и мрачный Воздух. Воздух возлюбил себя, и из него произошла водянистая гниль Мот — одновременно смерть и воскресение после смерти. Из Мот впоследствии возникли семена всего сущего. Вместе с Мот произошли и небесные тела, которые вскоре воспламенились, отчего загорелись плившие в Хаосе моря и земли. Начались землетрясения, все сущее закружилось в вихре, в котором самые разные вещи и существа сталкивались друг с другом. Из этого вихря родились люди, которые дали имена ветрам, освятили плоды земли и стали

им поклоняться.

Согласно сидонской традиции (Филон излагал, по-видимому, традицию библскую), в начале всего были Время, Страсть и Облако; от любви последних родились Воздух и Ветер, а от них, в свою очередь, — мировое яйцо. Когда это яйцо расколосось, верхняя его часть стала небом, а нижняя — землей. Иная версия библской традиции гласит, что в начале были Эфир и Воздух, породившие Улом — Время. От Улома произошли бог Хусор и мировое яйцо: Хусор расколосил яйцо, и так появились небо и земля.

Наконец, третья традиция (не локализованная) утверждает, что в начале было Море, породившее гору — бога Хусора. С горы потекла река (Евфрат), а на вершине вырос кедр — мировое дерево. После Хусора море произвело семь яиц, из которых вылупились семь богов. Среди них были Владычица мира и Юноша — первая космическая пара, создавшая людей.

По замечанию И.Ш. Шифмана, «в эллинистическую эпоху финикийские боги были отождествлены с греческими; древние традиции сохранялись лишь в храмах и ученой среде». Мифологический синтез затронул не только божественных персонажей, но и их деяния; так, греческие стойки совершенно очевидно переняли у финикийцев предание о мировом пожаре и вселенской катастрофе.

Что касается хеттов, их мифология сохранилась весьма отрывочно; космогонические тексты до нас не дошли. В табличках «богазкейского архива» присутствуют списки богов и различные варианты теогонии — происхождения божеств, однако о сотворении мира не упоминается. Говорится лишь, что мир делился на три сферы — населенное молодыми богами небо, землю и подземный мир, где обитали старшие божества (подобное противопоставление богов «верха» и «низа» характерно для шумеро-аккадской мифологии, от которой хеттская многое позаимствовала). Кроме того, в хеттских мифах присутствует сюжет о смене поколений богов: Ану свергает Алалу, Кумарби изгоняет Ану, Тешуб побеждает Кумарби и т. д. Вполне вероятно, что отголоски этих хеттских преданий о смене поколений божеств встречаются нам в греческой мифологии — в мифах о победах олимпийцев над титанами и гигантами. Как писал Ж.-П. Вернан, «моменты сходства между греческой теогонией и азиатским мифом о творении мира не случайны. Гипотеза о заимствовании, сформулированная Ф. Корнфордом, была подтверждена (при одновременном уточнении и дополнении) недавним открытием двойного ряда документов: с одной стороны, финикийскими табличками из Рас-Шамры (начало XIV в. до н. э.), а с другой — хеттскими клинописными текстами, которые воспроизводят хурритский эпос XV в. до н. э. Почти одновременное восстановление этих двух теогонических мифов обнаружило целый ряд совпадений, которые объясняют наличие в ткани Гесиодова повествования деталей, представлявшихся неуместными или казавшихся ранее необъяснимыми».

Греческий космогонический миф, подобно египетскому, также существует в нескольких вариантах — и все они, при внимательном рассмотрении, обнаруживают черты того самого «заимствования», которое представляется вполне реальным в условиях тесных торговых и информационных контактов народов Средиземноморского бассейна.

Пожалуй, самое известное космогоническое предание греков изложено у Гесиода в «Теогонии»:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.
Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотонных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Напета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомогущего он ненавидел.
Также Киклопов с душою надменною Гея родила, —
Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнию сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился:
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
Что на лице по единому круглому глазу имели.

А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

Также другие еще родились у Геи с Ураном

Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, —

Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.

Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый

Около плеч многомогущих, меж плеч же у тех великанов

По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.

Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Р. Грейвс называет миф о творении, изложенный Гесиодом, «философским» и замечает, что у Гесиода «перечень абстракций почему-то вдруг содержит nereид, титанов и гигантов, которых автор посчитал нужным сюда включить».

Другой «философский» миф о творении содержится у Овидия в «Метаморфозах»:

Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —

Лик был природы един на всей широте мирозданья, —

Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,

Бременем косным он был, — и только, — где собраны были

Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.

Миру Титан никакой тогда не давал еще света.

И не наращивала рогов новоявленных Феба,

И не висела земля, обтекаема током воздушным,

Собственный вес потеряв, и по длинным земным окомам

Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.

Там, где суша была, пребывали и море и воздух.

И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.

Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.

Все еще было в борьбе, затем что в массе единой

Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,

Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.

Олимпийские боги. Иллюстрация к «Гомеровским поэмам» (1885 г.). Слева направо: Афродита, Арес, Посейдон, Аполлон, Гера, Афина.

Бог и природы почин раздору конец положили.

Он небеса от земли отрешил и воду от суши.

Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.

После же, их разобрав, из груди слепой их извлекши,

Разные дав им места, — связал согласиём мирным.

Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным,

Место себе обрета на самом верху мирозданья.

Воздух — ближайший к огню по легкости и расстоянью.

Оных плотнее, земля свои притянула частицы.

Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,

Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.

Расположенную так, бог некий — какой, неизвестно —

Массу потом разделил; разделив, по частям разграничил —

Землю прежде всего, чтобы все ее стороны гладко

Выровнять, вместе собрал в подобье огромного круга.

После разлил он моря, приказал им вздыматься от ветров

Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.

После добавил ключи, болота без края, озера;

Брегом извилистым он обвел быстроводные реки,

Разные в разных местах, — иные земля поглощает,

К морю другие текут и, дойдя, поглощаются гладью

Вольно разлившихся вод, и скалы им берегом служат.

Он повелел разостлаться полям, и долинам — вдавиться,

В зелень одеться лесам, и горам вознестись каменистым.

Справа пояса два и слева столько же неба

Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенней, пятый.

Сводом объятую твердь означил умысел бога
Точно таким же числом: земля — с пятью полосами.
На срединной из них от жары обитать невозможно.
Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними
Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.
Воздух вплотную навис над ними; насколько по весу
Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжелое.
В воздухе тучам стоять приказал он и плавать туманам,
И разражаться громам, смущающим души людские,
Молниям он повелел и ветрам приносить охлаждение.
Но не повсюду владеть позволил им мира строитель
Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать ветрам,
Хоть и по разным путям направляется их дуновение,
Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,
В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним светом.
Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,
Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию и в Семизвездье
Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.
Сверху же, выше их всех, поместил он веса лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятанный грязью.
Только лишь расположил он все по точным границам, —
В одной громаде — слепой — зажатые прежде созвездья
Стали одно за одним по всем небесам загораться;
Чтобы предел ни один не лишен был живого созданья,
Звезды и формы богов небесную заняли почву.
Для обитанья вода сверкающим рыбам досталась,

Суша земная зверям, а птицам — воздух подвижный.
Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, — не являлось.
И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразясь, приняла людей небывалые обличья.[6]

Эос и ее дочери-звезды. Иллюстрация к «Гомеровским поэмам» (1885 г.).

По замечанию Р. Грейвса, это миф, «который встречается только у Овидия, был заимствован позднейшими греками из вавилонского эпоса о Гильгамеше». Впрочем, текст Овидия обнаруживает не только и не столько вавилонское, сколько египетское и западносемитское (финикийское) влияние — тем паче, что Египет и Финикия гораздо ближе к Элладе, нежели Вавилон.

Классический миф о творении, изложенный Гомером и Аполлодором, говорит о происхождении мира от неба-Урана и земли-Геи, от которых произошли сторукие великаны, киклопы и титаны. Титан Крон оскопил отца, из крови которого произошли Эриннии. От Крона и его супруги Реи ведут свой род олимпийские боги во главе с Зевсом. Как писал тот же Р. Грейвс, «брак Урана с матерью-землей указывает на раннее нашествие эллинов в северную Грецию, что позволило людям, поклонявшимся богу-пастуху, утверждать, что их бог был отцом местных племен, признавая при этом, что он — сын матери-земли».

Рея и Кронос. Рельеф (ок. 400 г. до н. э.).

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном греческом мифе творения, который часто называют орфическим (орфики — последователи позднего религиозно-мистического учения, вобравшего в себя многое из учений Востока). Отрывочное изложение этого мифа сохранилось у Аполлония Родосского и у Гигина. В «Аргонавтике» Аполлония Орфей начинает песнь, чтобы унять ссору товарищей:

Пел он о том, как когда-то и суша, и небо, и море,
Раньше друг с другом в одну перемешаны будучи форму,
В гибельной распре затем отделились одно от другого
И средь эфира свое неизменное заняли место
Звезды, а также луна и пути неуклонные солнца.
Пел он, как горы взнеслись, как громко шумящие реки
С нимфами вместе возникли, а также и всякие гады.
Пел и о том, как сперва Офион и с ним Евринома
Океанида над снежным Олимпом владыками были,
Как, побежденный насильем, он отдал почетное место
Крону и Рее — она, и как в глубь океана низверглись.
Те ж средь Титанов, блаженных богов, лишь дотолле царили
Зевс не возрос, пока, по-младенчески мысля,
Жил он в Диктейской пещере, киклопы ж, земли порожденье,
Силу его укрепить не успели грозным Перуном,
Громом и молнией, коими множится Зевсова слава.[7]

Офион — божественный змей, овладевший океанидой Евриномой; последняя родила от Офиона мировое яйцо, из которого вышли солнце, луна, планеты, звезды, земля, горы, деревья и живые существа. Упоминание о мировом яйце — явный отзвук западносемитских (финикийских) и египетских мифов, оказавших значительное влияние на космогонию и теогонию орфиков.

Кроме того, орфическая традиция выделяла среди божеств Эрота, представляя его всевластной мировой силой: отсюда его прозвища Фанет («явленный»), Фазтон («сияющий»), Протогон («перворожденный») и др. Гесиод называл Эрота в числе четырех космических начал:

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Представление об изначальном Хаосе, возникновение из Хаоса первобожества, вселенский пожар, абстрактные первоначала миротворения — очевидно, что греческая мифология заимствовала эти элементы из мифологий восточных народов. Как выразился современный исследователь, греки «лишь слегка видоизменили и расцвелили восточную традицию, но сделали это столь талантливо, что многократно превзошли первоисточник».

Что касается мифологии римской (и ее этрусской и италийской предшественниц), в ней мифов о миротворении не сохранилось, если не считать содержащегося в комментариях Сервия и Макробия к «Энеиде» упоминания о том, что двуликий бог Янус некогда мыслился как первобытный хаос, из которого возникло все живое. Эту версию мифа приводит и Овидий в «Фастах»:

Хаосом звали меня в старину (я древнего рода),

Слушай, какие дела прошлых веков я спою.

Светлый сей воздух кругом и все вещества остальные —

Пламя, вода и земля были одним веществом.

Но разлучил их раздор, и они разделили владенья,

А разделивши, ушли каждое в область свою.

Пламя взлетело наверх, растекся поблизости воздух,

А посредине нашли место земля и вода.

Я же, сгустившийся в шар и безликою бывший громадой,

Всем своим существом богу подобен я стал.

Ныне же, малый храня былого подобия образ,

Сзади и спереди я виден единым лицом.

Знай же причину еще моего такого обличья,

Чтоб хорошенько понять, в чем состоит мой удел.

Все, что ты видишь, — земля, небеса и моря, и туманы —

Ж.О. Энгр. Зевс и Фетида. Холст (1811 г.).

Власти моей подлежит, крепко я это держу.

Все это я сторожу один на пространстве вселенной,

Круговращеньем всего мира заведу я.

Если желаю я Мир из-под мирного выпустить крова, —

Невозбранимо по всем он растечется путям;

Но переполнится все в смятенъе тлетворною кровью,

Если рванется Война из-под тяжелых замков.

Кроткие Оры при мне вратами ведают неба,

Даже владыке богов вход я и выход даю.

Янус поэтому я.[8]

Впрочем, миф о Янусе-миротворце в других римских источниках, сохранившихся до наших дней, не зафиксирован. Вероятно, у этого обстоятельства, помимо причин объективных (далеко не все мифы уцелели в круговороте времени), есть и две субъективные: во-первых, римляне сравнительно рано переняли греческие мифологические представления, в том числе и олимпийский миф творения; во-вторых, в римской мифологии уже в республиканский период истории Рима центральным космогоническим актом стало основание самого Вечного города.

Двуликий бог Янус. Иллюстрация к «Словарю античности» (1895 г.).

Любопытным «продолжением» античного космогонического мифа является сюжет о сотворении мира из тела первосущества (первобожества). Этот сюжет имеет несомненную индоевропейскую основу, что подтверждается его присутствием и в иранской, и в скандинавской, и в индийской мифологиях и в мифологических системах других индоевропейских народов. В частности, в индийской «Ригведе» рассказывается о жертвоприношении первочеловека Пуруши, которого расчленили на составные части, а из последних возникли основные элементы социальной и космической организации: глаз Пуруши стал солнцем, дыхание — ветром, пуп — воздушным пространством, голова — небом, ноги — землей, уши — сторонами света; кроме того, изо рта Пуруши произошли брахманы, то есть жрецы, из рук — кшатрии, или воины, из бедер — вайшьи, или земледельцы, а из ног — шудры, иначе «неприкасаемые», низшая индийская каста.

В ведийском гимне Пуруше говорится, что из тела первочеловека,

Из этой жертвы, полностью принесенной,

Было собрано крапчатое жертвенное масло.

Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,

В лесу и (тех), что в деревне.

Из этой жертвы, полностью принесенной,

Гимны и напевы родились,

Стихотворные размеры родились из нее,

Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились

И все те (животные), у которых два ряда зубов;

Быки родились из нее,

Из нее родились козы и овцы.[9]

Согласно иранской «Авесте», первочеловек Йима был распилен пополам, и из его тела был сотворен мир. В скандинавской мифологии мир создается из тела первосущества Имира:

из подмышек Имира, а также от трения его ног родились инеистые великаны, а

Из мяса Имира

сделаны земли,

из косточек — горы,

небо из черепа

льдистого йотуна,

из крови — море.[10]

Из крови убитого Имира, согласно «Младшей Эдде», возник мировой океан, а из мозга инеистого великана боги сотворили облака.

Греческая теогония не упоминает о принесении первосущества в жертву, однако в орфическом гимне Зевсу находим «наложение» образа бога богов на образ первосущества-жертвы:

Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.

Стала единая власть и бог-мироправец великий,

Царское тело одно, и в нем все это кружится:

Огонь и вода, земля и эфир и Ночь со Денницей,

Метис-первородитель и Эрос многоукладный —

Все это в теле великом покоится ныне Зевеса.

В образе зримы его голова и лик велелепный

Неба, блестящего ярко, окрест же — власы золотые

Звезд в мерцающем свете, дивной красы, воспарили.

Бычьи с обеих сторон воздел он рога золотые —

Запад вкупе с Востоком, богов небесных дороги.

Очи — Солнце с Луной, противогрядущею Солнцу.

Царский же ум неложный его — в нетленном эфире,
Коим слышит он все и коим все замечает...
Тела же образ таков: осиянно оно, безгранично,
Неуязвимо, бездрожно, с могучими членами, мощно.
Сделались плечи и грудь, и спина широкая бога
Воздухом ширококрылым, из плеч же крылья прозябли,
Коими всюду летает. Священным сделались чревом
Гея, всеобщая мать, и гор крутые вершины.
В пахе приборой громыхает морской, тяжелогремящий,
Ноги — корни земли, глубоко залегшие в недрах...[11]

Когда процесс миротворения был завершен, мир — во всех версиях античного мифа — оказался поделен на три сферы: небо — обитель богов, землю — обитель людей и подземное царство Аида. Боги избрали своим местопребыванием вершину горы Олимп (отсюда их прозвище — олимпийцы); люди считали центром земли Дельфы, где находился омфалос («пуп земли») — камень, проглоченный Кроносом вместо Зевса, а затем извергнутый. Аид, которым правил одноименный бог, делился на несколько частей: Элизиум (Елисейские поля) — место пребывания блаженных (древнегреческий рай), Эреб и Тартар — области наказания грешников. «География» греческой преисподней знает Стигийские болота, в которые впадают реки Кокит, Стикс и Ахеронт; огненную реку Флегетон (Пирифлегетон), реку забвения Лету. Вход в Аид, по Гомеру, находился где-то на крайнем западе, за рекой Океан; позднейшие авторы локализуют несколько входов в преисподнюю на территории Греции и Италии — в частности, озеро Аверн. Именно через Аверн, по Вергилию, сумел попасть в преисподнюю Эней:

Дж. Флакман. Зевс на совете богов. Гравюра (1793 г.).

Так очутились они возле смрадных устий Аверна...
Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной,
В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита, —
Так по лесам при луне, при неверном свете зловещем,
Путник бредет, когда небеса застигает Юпитер
Темной тенью и цвет у предметов ночь отнимает.
Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка
Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы,

Бледные здесь Болезни живут и унылая Старость,
Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик,
Муки и тягостный Труд — ужасные видом обличья;
Смерть и брат ее Сон на другом обитают пороге,
Злобная Радость, Война, приносящая гибель, и здесь же
Дев Эвменид железный чертог и безумная Распря, —
Волосы-змеи у ней под кровавой выются повязкой.
Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.
В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топа шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...
Дальше дорога вела к Ахеронту, в глубь преисподней.
Мутные омуты там, разливаясь широко, бушуют,
Ил и песок выносят в Коцит бурливые волны.
Воды подземных рек стережет перевозчик ужасный —
Мрачный и грязный Харон. Клочковатой седой бородою
Все лицо обросло — лишь глаза горят неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток перевозит...
К берегу страшной реки стекаются толпы густые:
Жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших,
Юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака,
Их на глазах у отцов унес огонь погребальный.

Мертвых не счесть, как листьев в лесу, что в холод осенний
Падают наземь с дерев, иль как птиц, что с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.
Все умоляли, чтоб их переправил первыми старец,
Руки тянули, стремясь оказаться скорей за рекою.
Лодочник мрачный с собой то одних, то других забирает,
Иль прогоняет иных, на песок им ступить не давая...
Эней на острове Делос. Майолика (1497 г.).
Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
Видя, как шеи у пса ощетинились змеями грозно,
Сладкую тотчас ему лепешку с травой снотворной
Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
Дар поймал на лету. На загривках змеи поникли,
Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
Рядом — обители тех, кто погиб от лживых наветов.
Но без решения суда не получают пристанища души;
Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет,
Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни.
Дальше — унылый приют для тех, кто своею рукою
Предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,

Сбросил бремя души...

Краткий пройден был путь — перед взором Энея простерлась

Ширь бескрайних равнин, что «полями скорби» зовутся:

Всех, кого извела любви жестокая язва,

Прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,

Ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги...

По другой версии мифа, обитель праведников — Элизиум — находится не в аиде, а где-то в мировом океане, на Островах блаженных. Так, Гесиод говорит:

Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;

Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,

Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.

Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно

Близ океанских пучин острова населяют блаженных.

Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым

Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.

Творение людей античная мифология приписывает титану Прометею. Как говорит Аполлодор, «Прометей, смешав землю с водой, вылепил людей». Гесиод рассказывает о многочисленных благодеяниях, оказанных Прометеем людям; важнейшее из этих благодеяний — похищение с небес божественного огня.

Другая версия мифа гласит, что люди возникли из золы испепеленных Зевсом титанов, которых верховный бог наказал за растерзание младенца Загрея — сына Зевса и Персефоны. Наконец миф о Девкалионовом потопе говорит, что первое поколение людей — очевидно, созданных Прометеем, — прогневило Зевса своими преступлениями, и бог затопил землю водой, предполагая избавиться от человечества. Спасся лишь царь Фтии Девкалион, предупрежденный своим отцом Прометеем и укrywшийся на ковчеге вместе с женой Пиррой, дочерью Эпиметя, брата Прометя. По окончании потопа, в котором погибли все живые существа, Девкалион и Пирра узнали от посланного к ним Гермеса, что Зевс больше не держит зла на людей и потому готов выполнить любое их пожелание. Услышав повеление божества:

«Покройте головы ваши и бросайте кости праматери чрез голову!», Девкалион и Пирра принялись бросать камни. Из камней, брошенных Девкалионом, появлялись мужчины, а из камней, брошенных Пиррой, — женщины.

Р. Грейвс, комментируя этот миф, замечал: «Миф о Девкалионовом потопе, оче видно, был принесен из Азии и имеет тот же источник, что и библейская легенда о Ное... Миф о

разозлившимся боге, который решил наказать человека за жестокость, наслав потоп, представляет собой довольно позднее греческое заимствование, имеющее финикийские или древнееврейские корни, однако упоминание различных гор в Греции, Фракии и на Сицилии, к которым якобы приставал ковчег Девкалиона, говорит о том, что мы имеем дело с наложением более поздней легенды о потопе в северной Греции на миф о всемирном потопе... Превращение камней в людей, вероятно, является еще одним заимствованием, принесенным элладцами с востока. Иоанн Креститель упоминает аналогичную легенду, когда обыгрывает древнееврейские слова *banim* и *abanim*, заявляя, что господь может сотворить детей Авраамовых из камней пустынных (Мф. 3:3–9; Лк. 3:8)».

Атлант Фарнезский. Мрамор (ок. 200 г. н. э.).

В римской мифологии, как полагают исследователи, основываясь на комментариях Сервия к «Энеиде», существовал миф — ныне утраченный — о происхождении людей от дуба.

Океан и небесные боги. Иллюстрация к «Словарю античности» (1895 г.). Над океаном — богиня луны Селена, слева — утренний бог Фосфор, справа — вечерний бог Геспер.

Изложение античного мифа о миротворении и мироустроении будет неполным, если не упомянуть о мифологическом сюжете «пяти поколений» — иначе концепции «Золотого века». Как писал видный отечественный этнограф С.А. Токарев, в этой концепции «сказывается обычный мифологический мотив — „от противного“ (прежде все было не так, как сейчас, притом, как правило, — лучше), который и лег в основу развития мифологемы Золотого века. Этот мотив, видимо, с особой силой сказался в эпоху разложения первобытнообщинного строя, в эпоху постоянных междоусобных войн, когда прошлое, более мирное время должно было, по контрасту с жестокой действительностью, казаться беззаботной, счастливой порой».

На греческой почве миф «пяти поколений» изложил в «Теогонии» Гесиод:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства, —

Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почестъ досталась.
После того поколенье другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землею
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.
После того как земля поколенье и это покрыла,
Дали им люди названье подземных смертных блаженных,
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.
П. Веронезе. Юнона и Сатурн. Холст (1553–1555 гг.).
Третье родитель Кронид поколенье людей говорящих,
Медное, создал, ни в чем с поколеньем несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.

Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все низошли безыменно: и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.
После того как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, —
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети

Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет отдаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесь и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людам останутся в жизни. От зла избавленья не будет.
Следом за Гесиодом, уже на римской почве, схожую картину рисует и Овидий — правда,
сокращая количество поколений и веков до трех:
Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи, — в безопасности жили без судей.
И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы
С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.
Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
Труб небывало прямых, ни медных рогов искривленных,
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,

Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.

Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,

Плугом не ранена, все земля им сама приносила.

Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,

Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный собирали,

Терн, и на крепких ветвях висающие ягоды тута,

Иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера пали.

Л. Коста. Царство муз. Холст (ок. 1500 г.).

Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем

Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.

Боле того: урожай без распашки земля приносила;

Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,

Реки текли молока, струились и нектара реки,

Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.

После того как Сатурн был в мрачный Тартар низвергнут,

Миром Юпитер владел, — серебряный век народился.

Золота хуже он был, но желтой меди ценнее.

Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,

Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень

С краткой весной; разделил он четыре времени года.

Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей, воздух

Стал раскаляться и лед — повисать под ветром морозным.

Тут впервые в домах расселились. Домами служили

Людам пещеры, кусты и лыком скрепленные ветви.

В первый раз семена Церерины в бороздах длинных

Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный.

Третьим за теми двумя век медный явился на смену;

Духом суровой он был, склонней к ужасающим браням, —

Но не преступный еще. Последний же был — из железа,
Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля,
Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;
И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы.
Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие горных
На непривычных волнах корабли закачались впервые.
Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух,
Длинной межою поля землемер осторожный разметил.
И от богатой земли не одних урожаев и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням стигийским,
Стали богатства копать, — ко всякому злу побужденью!
С вредным железом тогда железа вреднейшее злато
Вышло на свет и война, что и златом крушит, и железом,
В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.
Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.
Муж жену погубить готов, она же — супруга.
Страшные мачехи, те аконит подбавляют смертельный;
Раньше времени сын о годах читает отцовских.
Пало, повержено в прах, благочестье, — и дева Астрея
С влажной от крови земли ушла — из бессмертных последней.

В греческой мифологии Золотой век связывался с Кроносом как благодетельным владыкой. В мифологии римской Золотой век считался царством Сатурна, отождествлявшегося с Кроносом как олицетворение хода времени и низвергнутого в преисподнюю своим сыном Юпитером (греческим Зевсом). Интересно, что представление о Золотом веке встречается и в мифологии этрусков, где правителем мира в «благодатную эпоху» называется бог Сатре. Вполне возможно, что здесь налицо заимствование этрусками сюжета греческой мифологии:

известно, что между владениями этрусков и греческими колониями в Италии существовали тесные контакты. Как писал К. Куманецкий, «греки принесли с собой более совершенные методы земледелия, алфавит и полисную форму государственного устройства. Алфавит греков восприняли не только этруски, но и — через их посредство — также умбры, оски и латиняне. Греческий город-государство послужил образцом для жителей древней Италии в момент, когда наступило разложение архаической племенной организации. Италийцы и этруски, кроме того, охотно заимствовали греческих богов, отождествляя их с собственными местными божествами. Латинский Вейовис, вооруженный луком и стрелами, был уподоблен греческому Аполлону, а в латинской Венере увидели сходство с греческой Афродитой. Довольно рано в Италии начали распространяться греческие мифы, особенно миф о бежавших за море троянцах во главе с Энеем».

Творение мира и его обустройство во всякой мифологии признаются важнейшими деяниями богов. После того как мироздание установлено, среди богов начинается борьба за власть. Подобные мифы встречаются и у египтян (Ра и Исида), и у шумеров (Мардук и Тиамат), и у финикийцев (Эл и Баалшамем); за пределами Средиземноморского бассейна мы находим этот миф у скандинавов (асы и ваны) и у кельтов (Племена богини Дану и фоморы). В античной традиции этот миф раскрывается в сказаниях о борьбе олимпийских богов с титанами и гигантами.

П.П. Рубенс. Меркурий и Аргус. Холст (ок. 1635 г.).

Впрочем, первоначально и сами титаны выступали «богоборцами» — они восстали против собственного отца Урана. Как говорит Гесиод:

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,

Были ужасны и стали отцу своему ненавистны

С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,

Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель,

Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.

С полной утробой тяжко стонала Земля-великанша.

Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.

Тотчас породу создавши седого железа, огромный

Сделала серп и его показала возлюбленным детям,

И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:

«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите

Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство

Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Младший среди титанов Кронос, о котором Гесиод говорит, что он ненавидел отца, напал на спящего Урана и оскопил его. За это деяние титаны признали Кроноса своим владыкой, а из крови оскопленного Урана родились богиня любви и красоты Афродита, богини-мстительницы Эриннии и ясеневые нимфы Мелии.[12]

Перед смертью Уран предрек, что Кроноса свергнет один из его сыновей. Поэтому, взяв в жены свою сестру Рею, Кронос одного за другим проглатывал всех детей, которых она рожала: Гестию, Деметру, Геру, Гадеса (Аида), Посейдона. Рее удалось скрыть от мужа только Зевса, которого она спрятала на Крите в Диктейской пещере; Кронос же проглотил вместо Зевса обернутый пеленками камень. Возмужав, Зевс собрался отомстить отцу. Неузнанный, он прислуживал Кроносу виночерпием и подсыпал отцу в медовое питье горчицу и соль: это заставило Кроноса изрыгнуть сначала запеленутый камень, а затем — братьев и сестер Зевса. Гесиод говорит:

Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:

Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,

Хитростью сына родного и силой его побежденный.

Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.

Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил

В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом,

Чтобы всегда там стоял он как памятник, смертным на диво.

Дж. Тиноторетто. Минерва и Марс. Холст (ок. 1576 г.). Слева — богини Пакс (Мир) и Абунданция (Изобилие).

Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно

Вверг в заключение отец, на свободу он вывел обратно.

Благодеянья его не забыли душой благодарной

Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей

Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша.

Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.

Когда Кронос узнал, что его обманули, между ним и его детьми началась война, причем на стороне Кроноса выступали все титаны (олицетворения хтонических сил). Война продолжалась десять лет; перелом в ней наступил благодаря совету матери-Земли Геи, которая подсказала Зевсу призвать на помощь заключенных в преисподней сторуких великанов — гекатонхейров. Трое братьев — Зевс, Посейдон и Гадес — убили Кроноса, а сторукие победили остальных титанов. Победенных, как говорит Гесиод, заключили в Тартар:

Гигантомахия. Фрагмент рельефа на Пергамском алтаре.

И Титанов отправили братья

В недра широкодорожной земли и на них наложили

Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.

Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,

Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:

Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,

В девять дней и ночей до земли бы она долетела;

Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,

В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.

Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда

Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху

Корни земли залегают и горько-соленого моря.

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны

Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных

В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.

Выхода нет им оттуда — его преградил Посидаон

Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.

Гигантомахия. Фрагмент рельефа на Пергамском алтаре.

По словам выдающегося отечественного ученого А.Ф. Лосева, «титаны — архаические боги, олицетворявшие стихии природы со всеми ее катастрофами. Титаны не ведают разумности, упорядоченности и меры; их орудие — грубая сила. Первобытная дикость титанов уступает место героизму и мудрой гармонии космоса олимпийского периода греческой мифологии; в этом процессе отразилась борьба догреческих богов балканского субстрата с новыми богами вторгшихся с севера греческих племен».

Однако титаномохия была не единственным сражением олимпийских богов за «новый мировой порядок». Прежде чем этот порядок был установлен на века, им пришлось выдержать еще одну битву — на сей раз с гигантами, детьми Геи и Урана, рожденными после низвержения в Тартар титанов (Аполлодор). По Аполлодору, гиганты обладали «огромным ростом и неборимой силой. Они внушали ужас своим видом, косматыми густыми волосами и длинными бородами. Нижние конечности их переходили в покрытые чешуей тела драконов». Миф гласит, что гиганты восстали против олимпийских богов и принялись

«метать в небо скалы и горящие деревья». В сражении с гигантами Зевс — по совету Афины — призвал на помощь героя Геракла, который убил нескольких противников выстрелами из лука. Зевс сражался своим перуном, Дионис — тирсом, Аполлон стрелял из лука, Гефест метал раскаленные камни; Афина обрушила на одного из убежавших гигантов остров Сицилию и т. д. Как замечает А.А. Тахо-Годи, «в основе гигантомахии (как и титаномохии) лежит идея упорядочения мира, воплотившаяся в победе олимпийского поколения богов над хтоническими силами, укрепления верховной власти Зевса».

Гигантомахия. Фрагмент Пергамского алтаря. Мрамор (ок. 180 г. до н. э.).

Киклоп Полифем. Иллюстрация к «Гомеровским поэмам» (1885 г.).

Наконец, окончательная победа над хтоническими силами была одержана Зевсом, одолевшим великана Тифона, порождение Геи и Тартара.[13] По Аполлодору, Тифон имел «смешанную природу человека и зверя. Часть его тела до бедер была человеческой и своей огромной величиной возвышалась над всеми горами. Голова его часто касалась звезд, руки его простирались одна до заката солнца, другая — до восхода. Они оканчивались ста головами драконов. Часть его тела ниже бедер состояла из огромных извивающихся кольцами змей, которые, вздымаясь до самой вершины тела, издавали громкий свист. Все тело его было покрыто перьями, лохматые волосы и борода широко развевались, глаза сверкали огнем». Тифон притязал на владычество над миром, но был побежден Зевсом, который решил исход поединка, придавив противника горой Этна.

Змеиная природа Тифона и образ Зевса как повелителя неба и метателя молний (перунов) позволяют предположить в поединке Зевса с Тифоном традиционный сюжет индоевропейской мифологии — борьбу бога-громовержца со змеем. Тот же сюжет, кстати сказать, но уже на «местном» уровне, присутствует в мифе о победе Аполлона над чудовищным змеем Пифоном, опустошавшим окрестности Дельф: одолев Пифона, Аполлон основал на месте древнего святилища Геи свой храм и учредил Пифийские игры.

Поединок Зевса с Тифоном. Рисунок на греческой вазе.

С победой над Тифоном завершился «героический период» деятельности олимпийских богов. Мир обрел стабильность и даже незыблемость и более не требовал космического вмешательства. Боги отныне могли заниматься (и занимались) исключительно «внутрисемейными» делами, подвиги же (даже космические по своему масштабу, как, например, деяние Геракла, вместо Атланта державшего на своих плечах небесный свод) стали уделом полубогов-героев и обыкновенных людей.

Аполлон поражает Пифона стрелой. Рисунок на греческой вазе.

Часть вторая

«ВСЕ, И НЕБЕСНЫЕ БОГИ, И КОННОДОСПЕШНЫЕ МУЖИ...»:

античный пантеон

Глава 1

«В КАЖДОМ ДЕЛЕ ПОЛАГАЙСЯ НА БОГОВ...»:

от обожествления природы к торжеству упорядоченности[14]

Боги, у Зевса-отца на помосте златом заседа,

Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба

Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,

Чествуют боги друг друга...

Олимпийский пантеон. — Обожествление природы. — Реки, рощи, горы. — Пан. — Море и его обитатели. — Протей. — Небо. — Гелиос и Селена. — Ветры. — Мать-земля Гея. — Культ Великой Матери. — Исида и Великая Мать. — Афродита и Адонис. — Занятия античного человека. — Артемида как покровительница охоты. — Музыка. — Деметра — покровительница земледелия. — Виноделие и бог экстаза Дионис. — Орфический культ. — Дионис-Загрей. — Таинства орфиков. — Афина — покровительница ремесел. — Гермес — покровитель торговли. — Римский пантеон.

По замечанию А.Ф. Лосева, формирование олимпийского пантеона совпало с окончательным переходом от матриархата к патриархату, поэтому на небе (на Олимпе) сформировалась божественная «патриархальная община» во главе с отцом-Зевсом. «Прежде он сам был и ужасным громом, и ослепительной молнией, не было никакого божества, к кому можно было бы обратиться за помощью против него. Теперь же гром и молния, равно как и вся атмосфера, стали не больше как атрибутами Зевса. Греки стали представлять, что от разумной воли Зевса зависит, когда и для каких целей пользуется он своим перуном. Характерно окружение Зевса на Олимпе. Около него Ника („Победа“) — уже не страшный и непобедимый демон, но прекрасная крылатая богиня, которая является только символом мощи самого же Зевса. Фемида... была страшным законом стихийных и беспорядочных действий земли. Теперь она воспринимается как богиня права и справедливости, находящаяся возле Зевса как символ его благоустроенного царства. Дети Зевса и Фемиды являются оры — веселые, прелестные, благодетельные, вечно танцующие богини времен года и государственного распорядка, справедливейшим образом ниспосылающие с неба атмосферные осадки... Рядом с Зевсом также и Геба — символ вечной юности... Даже мойры — страшные и неведомые богини рока и судьбы, управлявшие всем мирозданием, трактуются теперь как дочери Зевса и ведут блаженную жизнь на Олимпе».

Классический олимпийский пантеон насчитывал двенадцать божеств — шесть мужских и шесть парных им женских: Зевс и Гера, Аполлон и Афина, Гефест и Афродита, Арес и Артемида, Посейдон и Деметра, Гермес и Гестия. Иногда к пантеону относили (как «небожителей») Диониса, Пана и «младших» божеств — Эйрену, Эриду, Муз, Харит и др., в том числе позднее причисленного к богам Геракла. У римлян олимпийским божествам греков соответствовали Юпитер и Юнона, Аполлон и Минерва, Вулкан и Венера, Марс и Диана, Нептун и Церера, Меркурий и Веста.

Дж. М. Стэдвик. Золотая ветвь (мойры за работой). Холст (ок. 1890 г.).

С формированием олимпийского пантеона на небесах и на земле воцарились стабильность и гармония и окончательно сложилась та «светлая и радостная» (Дж. Фрэзер) классическая мифология, которая стала основой европейской культуры.

Основой — быть может, самой глубокой — религиозного чувства человека античности было сознание таинственной жизни окружающей его природы. И не только жизни, но и одухотворенности; и не только одухотворенности, но и божественности. И это — первое, что требует объяснения для современного человека.

Слово «жизнь» следует понимать не в том смысле, в каком мы обычно противопоставляем «живую» природу, т. е. органический мир животных и растений, «мертвой», т. е. неорганическому царству минералов. Для греческого сознания мертвой природы не было: она вся была жизнью, вся — духом, вся — божеством. Не только в лугах и лесах, в родниках и реках — она была божественна также и в колышущейся глади морей, и в недвижимом безмолвии горных пустынь. Природа тождественна Гее, Матери-земле. Ей поклоняются среди белых скал; она «царица гор, ключ жизни вечный, Зевеса мать самого» (Софокл).

Дж. Уотерхаус. Гилас и водяные нимфы. Холст (ок. 1890 г.).

Человек античности окружил себя и свою жизнь целым сонмом природных божеств, то ласковых, то грозных, но всегда участливых. И, что важнее, он сумел вступить в душевное общение с этими божествами, преломить их жизнь в своем сознании и влить в них живое понимание себя.

Из недр земли, из расщелины скалы бьет прохладный родник, распространяя зеленую жизнь кругом себя, утоляя жажду стада и их владельца: это — богиня, нимфа, наяда. Воздадим ей лаской за ласку, покроем навесом ее струю, высечем бассейн под ней, чтобы она могла любоваться на его зеркальной глади своим божественным обликом. И не забудем в положенные дни бросить ей венок из полевых цветов, обогреть кровью закланного в ее честь ягненка ее светлые воды. Зато, если мы в минуту сомнения и душевной муки придем к ней, склоним свое ухо к ее журчанию — и она вспомнит о нас и шепнет нам спасительный совет или слово утешения. А если то место, где она струит свои ясные воды, удобно для человеческого селения — здесь может возникнуть и город, и будет ей всенародная честь, всеэллинская слава. Такова Каллироя в Афинах, Дирцея в Фивах, Пирена в Коринфе. Будут каждое утро сходиться к храму наяды городские девушки, чтобы наполнить ее водой свои кувшины и потешить ее участливый слух своей девичьей болтовней, и будут граждане в ее очищающих струях омыwać своих новорожденных детей.

Течет ручей, соединяется с другим ручьем, образует реку; тут представление ласки уступает уже место другому представлению — силе. Правда, больших рек Греция не знает, самые крупные из них — Пеней, Ахелой, Алфей, Еврот — не сравнить ни с Дунаем, ни с Рейном. Но все же в половодье и они могут произвести немало опустошений, набрасываясь на пажити и посевы, ломая встречные деревья со стремительным напором разъяренного быка. Их и представляли поэтому в виде быков или полубыков. Но все же их гнев был редким явлением, вызываемым обыкновенно нечестием граждан, творящих неправедный суд у себя на городской площади, прогоняющих Правду со своих сходов; в другое время это — благодетельные божества, орошающие своей влагой не только прилегающие луга и леса, но

— благодаря отведенным каналам — и всю равнину; они поистине в малождливой Греции «кормильцы» своей страны. За это им и честь воздается. Им строят храмы на удобных местах, приносятся жертвы; они призываются в государственных молитвах, и уже обязательно мальчики, достигшие возраста эфэбов, посвящают им первую срезанную прядь волос. Таковы, помимо вышеназванных, Кефис для Афин, Исмен для Фив, Инах для Аргоса. Будучи кормильцами всей страны, они влияют таинственным образом и на человеческий урожай — к ним обращаются бездетные родители с мольбой о потомстве. Но речной бог не только в мирное время кормилец своих граждан, он и в военное был для них оплотом, притом не только физическим, но и религиозным. Как ни мала речушка Инах, все-таки спартанский полководец Клеомен, идя походом на Аргос, не решился переправиться через нее, когда бог реки после многих жертвоприношений не дал ему на это своего согласия.

Своим божеством живет и роща, — и притом не только как таковая, но и в лице отдельных деревьев. И здесь мы имеем нимф, древесных нимф, дриад; они счастливы тем, что их много: в лунные ночи они покидают свои деревья и сплетаются в хоровод под предводительством своей повелительницы, богини рощ Артемиды. Но божественно и одинокое дерево, если оно могуче и прекрасно — таков тот чинар на берегу афинского Иллисса, под которым некогда отдыхали, по словам Платона, Сократ и Федр: «Как он раскидист и высок, этот чинар, как высок и тенист и растущий под ним агнец; он в полном расцвете теперь, наполняя все это место благовонием. И что за чудный родник течет под чинаром! Как холодна его вода — и ногам заметно. Куколки привешены и другие приношения — видно, здесь святыня нимф или Ахелоя».

Рафаэль. Три грации. Холст (ок. 1500 г.).

За ласку надо платить лаской, а это ли не ласка — прохладная тень в знойную пору, приветливый шелест подвижных листьев, пение... если не всегда птичек, то хоть милых греческому сердцу цикад. Во всем этом чувствуется любовь; а где любовь, там и бог.

Но нимфы знают и другую любовь. Ведь роща, лес — это вечное, неустанное плодотворение, созидание той физической жизни, которой живет природа. И для эллина его нимфа — это неустанная оплодотворяемость, неустанная любовная игра с шаловливыми представителями оплодотворяющего начала леса, с сатирами, — а иногда и с тем высшим богом, который из верховного бога-творца и оплодотворителя у себя в Аркадии превратился для прочей Греции в бога-странника, ласкового и беспечного Гермеса. Это уже к смертным не относится... а впрочем, есть исключения. Бывает, что и смертный за свою красоту удостоится ласки божественной нимфы: рассказывают это, между прочим, про одного прекрасного пастуха, Дафниса. Не впрок пошла ему любовь богини: он осмелился изменить ей ради смертной, за что, слепец, и был наказан действительной слепотой. И когда в роще, на поляне находили младенца дивной красоты и силы — невежды терялись в догадках и сплетнях, но опытные старушки знали, что это дитя нимфы.

А выше и выше — на Гиметте, Пентеликоне — уже нет лесов и деревьев, туда только козы заходят щипать колючую зелень, пробивающуюся между белыми глыбами известняка. Там все чаще и чаще виднеются голые громады скал с их причудливыми выступами и пещерами. Это царство нимф-ореад, обительниц горных пустынь. Там, в пещерах, они ткут свои тонкие, невидимые ткани, сопровождая песней работу; никто из смертных не дерзнет их

подслушать и подглядеть, но станки можно видеть днем, войдя в их пещеру — разумеется, после надлежащей молитвы. Им приятны и другие знаки внимания — намащение елеем выступа скалы, прикрепление повязки, скромное жертвоприношение на алтаре у входа в пещеру. Они не останутся в долгу; кто же, как не они, бережет драгоценный источник, бьющий на вершине? Кто, как не они, не дает заблудиться козочке среди утесов?

А. Карраччи. Полифем и нимфа Галатея. Фреска (ок. 1595 г.).

Впрочем, нет: тут они действительно имеют соперника. Это — гость из Аркадии, сравнительно поздно приобщенный к сонму общегреческих божеств, причудливый дух — хранитель коз, козлоногий Пан. Если мы называем его «богом», то просто потому, что мы этим именем называем всякое могучее, бессмертное существо; на деле же мы прекрасно понимаем разницу между ним и великими олимпийскими богами. Позднее дурная совесть религии, порвавшей с природой и Матерью-землей, превратила его в беса; но мы его любим и уважаем, ласкового горного бога со звонкой свирелью. Правда, мы знаем за ним и немало причуд, даже не считая тех, о которых могли бы рассказать его соседки, нимфы-ореады. В полдень он изволит почивать (это — «час Пана»), и горе тому неосторожному пастуху, который вздумал бы в это время забавляться игрой на свирели. Как высунет потревоженный свою косматую голову из-за утеса, как рывкнет на всю гору — помчатся вниз по камням испуганные козы, сбивая с ног и друг дружку, и оторопевшего пастуха. Да, долго будет он помнить Пана и его «панический» страх!

Божественна земля, но божественно и море. Для эллина оно важнее, чем для какого-либо другого народа, даже приморского: оно ведь не просто омывает его побережья, оно любовно вливается в его землю бесчисленными заливами и проливами, освежая ее и создавая повсюду удобные пути сообщения. Зато и сроднились с ним эллины: каждый из них — прирожденный пловец и моряк. Велика поэтому честь, которую они воздают богу морей Посейдону и его супруге Амфитрите, обитающей глубоко под голубой гладью и властвующей надо всеми рыбами и крабами и прочими причудливыми и чудовищными жителями ее влажного царства. Все же Посейдон — не просто стихийное божество, он — почтенный член олимпийской семьи, и о нем у нас еще будет речь.

М. Кавальори. Посейдон и его колесница. Холст (ок. 1500 г.).

Непосредственно с морем связаны его нимфы, nereиды, «олицетворения ласковых морских волн», как некогда будут сухо и глупо говорить. «Олицетворения»! Никогда, конечно, не сподобятся эти люди увидеть воочию их самих, среброногих, как они резвятся в ясный день в запуски с дельфинами и сверкают своими золотыми кудрями по гребням волн. Это великая милость, но все же еще ничто в сравнении с той, которую они оказывают своим избранныкам, подобно той Фетиде, которая осчастливила своей любовью Пелея и, богиня, родила ему прекраснейшего и доблестнейшего в мире сына, Ахилла. Об этом простому смертному мечтать нечего; он молит могучих богинь о счастливом плавании и не забудет воздать им установленную дань благодарности посвящением и жертвой.

Nereиды — нимфы моря; есть в нем, однако, и свои сатиры. Это тритоны, юноши с рыбьими хвостами. С ними лучше не заводить знакомства; они, как скажут те же умники, «олицетворения разъяренных волн». Бывает, заволокут тучи синеву неба, зловещей черною

рябью подернется море — вдруг что-то вдали громко, протяжно загудит... Это тритоны дуют в свои раковины; это — наигрыш к предстоящей буре. Тогда, пловцы, долой паруса, налегайте на весла — и в то же время усердно молитесь и Посейдону, и nereидам, и спасителям на море, близнецам-Диоскурам. Будут услышаны ваши молитвы, засияют на обоих концах реи два слабых огонька — это они и есть, божественные Диоскуры, они предвещают вам спасение.

Есть, затем, в море и свой Пан: это — Протей, пастух стада причудливых морей и сам великий чудак. О его образе трудно говорить: он его меняет беспрестанно, подобно самому морю, но чаще всего это — просто морской дед. О его странностях знает его дочь Идофея — дочь не особенно почтительная, но зато ласковая для пловцов. Такова же и Левкофея, тоже морская богиня, некогда обиженная женщина Ино... Кое-где в Элладе справляются вакхические таинства в ее честь, но в Аттике она более известна из Гомера как добрая спасительница Одиссея.

П. Клодион. Нимфа.

Затем — кто испытывал неотразимость морских чар в ясный день, когда и солнце играет, и волна тихо плещет, и неудержимо хочется окунуться в эту голубую гладь, — тот знает тоже морское божество Главка. Есть еще другая тоска, роковая — когда тебя после долгой борьбы уже залили волны, и твои руки опустились, и в ушах звенит томный призыв к успокаивающей смерти. Это поют сирены на далекой пустынной скале, среди бушующих валов; не дай бог никому услышать их песнь!

И наконец, третья стихия — небо. Зовут его Ураном, но это имя не возбуждает в нас религиозного чувства. Богословы говорят, что его некогда выделила из себя предвечная Мать-земля, что он стал ее оплодотворяющим началом, произведшим с ней титанов и титанид, что под конец ей стало тесно от собственных порождений и по ее просьбе младший из титанов, Кронос, лишил своего родителя его оплодотворяющей силы — таков был первородный грех небожителей. Для нас эти домыслы необязательны; несомненный владыка неба — это Зевс, сын Кроноса. Его сущность далеко не исчерпывается его значением как бога природы, но здесь идет речь только о Зевсе-«тучегонителе», собирающем грозу на омраченном небе, о Зевсе-«громовержце», бросающем свой огненный перун на выступы земли, в высокие деревья и здания, во все слишком высокое, к вящему назиданию для смертных. Его прежде всего должно убажывать молитвой и жертвой... Жертвой! Но как? Небо — не земля и не море, его не коснется дарящая рука. Да, мы были бы вечно разобщены с царем эфира, если бы друг человечества, титан Прометей, не принес нам тайно небесного огня. Огонь стремится обратно в свою небесную обитель, он возносится к ней в виде летучего дыма — пусть же он унесет с собой и дым, и чад нашей жертвы. Огненная жертва — настоящая дань небесным богам.

В божественном небе божественны и его обитатели, и прежде всего, конечно, его великие светила, Гелиос-солнце и Селена-луна. О природе Гелиоса общепринятых убеждений нет. Многие думают и поныне, что это — божественный юноша, разъезжающий на золотой колеснице по небесной «тверди», и что тот ослепительный свет, который мы видим — именно сияние ее кузова. Загадкой является, как это он, заходя на западе, поднимается с востока; раньше думали, что он ночью совершает переезд обратно на восток по кругосветной

реке Океан, но теперь достаточно удостоверено, что он вместе с прочими светилами погружается под горизонт и во время нашей ночи освещает обитель блаженных на отвращенном от нас облике нашей земли. Для нас Гелиос прежде всего — бог очищающий; как его яркие лучи обезвреживают своей палящей силой всякий тлен, так и его дух разгоняет всякую скверну, всякое наваждение ночных страхов. Мы встречаем его приветствием и молитвой при восходе и рассказываем ему привидевшиеся нам тревожные сны, чтобы он очистил от них нашу душу.

Гера и Гелиос. Иллюстрация к «Сказаниям Ливия» (1885 г.).

Селену мы уважаем и любим за то, что она освещает нам ночи своим ласковым светом; по ней мы считаем дни нашей жизни, исправно начиная каждый месяц с новолуния и кончая им же. Он распадается поэтому на время растущей, время полной и время ущербной луны — приблизительно по десяти дней. Влюбленным предоставляется, сверх того, поверять ей свои радостные и горестные тайны: она, добрая, не откажет им в совете. О дальнейшей ее силе можно спросить колдуний, особенно фессалийских, которые своими песнями умеют сводить Селену с ее небесной стези и заставлять служить своим чарам, это — область нечестия, справедливо преследуемого в благоустроенных государствах.

Н. Пуссен. Селена и Эндимион. Холст (ок. 1650 г.).

Полно чудес ночное небо... Вот «вечерняя звезда» Геспер, прекраснейшая из звезд, «сопрестольница Афродиты» — почему, знают те же влюбленные. Вот семизвездие Плеяд; это как бы небесные нимфы. Они как «голубицы» приносят Зевсу амброзию; они же и прекрасные богини, дочери титана Атланта, супруги богов, как та Майя, которая родила Зевсу Гермеса на вершине Киллены. Вот Большая Медведица, в нее Зевс обратил свою избранницу, нимфу Каллисто, которую перед тем ревнивая Гера превратила в дикое четвероногое того же имени. Не понравилась небесной царице эта почать, оказанная ее сопернице, и она выговорила у бога кругосветной реки Океан, чтобы он не разрешил ей освежать себя погружением в его светлые струи. Вот Арктур, или Бот: он приставлен охранять Медведицу. Вот Орион: это страстный любовник, осмелившийся посягнуть на Артемиду. И много, много таких рассказов ходит про значение таинственных фигур, в которые собираются небесные звезды; но все это — «поэтическая религия», скорее игра воображения, чем предмет веры. Исключение составляют только небесные Близнецы — Диоскуры, Кастор и Полидевк: когда после морской бури тучи разрываются и на лоскутке ночной синевы показывается приветливый свет этих двух звезд — пловец с горячей благодарностью возносит к ним свои руки: он спасен этим появлением своих всегдашних заступников.

Говоря о небесных явлениях, нельзя умолчать и о ветрах: они тоже божественны. Их различают по направлению и соответственно характеризуют: «загорный» ветер Борей приносит стужу, но зато разгоняет тучи; в Аттике он пользовался особым почетом, так как дул из Фракии, на которую у этого государства были особые политические виды. Его противник, Нот, дует с раскаленных пустынь Африки и, проносясь над морем, забирает с собой его влагу, которую и опускает в виде дождя. Западный, Зефир, в Греции не имеет обязательно того значения весеннего ветра, которое ему придали римляне; это, скорее, — ветер страстный и бурный, так же, как и его противник, восточный Евр. Повелевает ветрами

Эол; сам Эол не бог, но боги ему подвластны.

Нот. Иллюстрация к «Словарю античности» (1895 г.).

Зефир. Иллюстрация к «Словарю античности» (1895 г.).

С римской религией в ее древнейшем виде мы знакомимся по списку праздников, который составлен был еще в то время, когда ни одно греческое божество не получило места среди римских. Первое место занимают в нем праздники Юпитера и Марса, затем идут праздники земледельческие и винодельческие, за ними уже пастушеские: приносились жертвы кормилице-земле, богине плодородия Церере, богине размножения стад, божеству изобилия, Юпитеру как покровителю виноделия, покровителю стад, совершались праздники в честь морских богов, в честь Тибра, в честь бога огня Вулкана, наконец, справлялся ряд домашних праздников: богини дома Весты, Пенатов, умерших и т. д.

В то время как греки представляли себе всякое божество личностью, наделяли его ярко определенной индивидуальностью и около каждого бога создавали целый цикл глубоких и поэтических мифов, римляне старались выяснить себе все сколько-нибудь значительные явления, действия, свойства и затем, признав за каждым из них своего бога, стремились только узнать, как именно к этому богу обращаться, чтобы вернее и легче склонить его на свою сторону. Римская религия была отмечена характером задушевности и искренности, но не отличалась возвышенностью, идеальных элементов в ней немного, совершенно чуждо римлянам и обожествление героев. Идея, что земные преступления суть проступки пред божеством и что божество примиряется только с наказанием преступника, была распространена и у римлян, но человеческих жертвоприношений, общих другим народам, у них не было — только слабые следы таких жертвоприношений можно видеть в некоторых примерах казни уже обвиненных преступников и в тех случаях, когда в битве какой-нибудь великодушный человек бросался на верную смерть, которая должна была привлечь на сторону его войска милость богов.

Римская религия была основана главным образом на привязанности к земным благам и уже в гораздо меньшей степени на страхе пред грозными силами природы. Боги внушали римлянину и страх, но не тот, который охватывает душу при мысли о всемогущей природе или вседержащем божестве. Римлянин искал от своих богов помощи, но прежде всего помощи в своей действительной, трудовой жизни. Римлянин как бы вступал в договор с божеством и ждал, что боги будут к нему благосклонны в каждом случае, когда он со своей стороны точно и добросовестно исполнит пред ними свои обещания и обязательства. Римлянин и старался их исполнить, но и тут он оставался точным и деловитым: ни излишняя роскошь богослужения и жертвоприношений, ни излишняя фантазия в поклонении не были в духе римлян.

Для исполнения всего нужного по отношению к богам у римлян издревле существовали жрецы и особые их коллегии для служения Марсу и Юпитеру — «Марсов возжигатель», «скакуны», «куриальные возжигатели» и «возжигатели Юпитера», получившие впоследствии первое место. Наряду с жрецами у римлян существовали еще авгуры, понтифики, фециалы: это были совершенно самобытные латинские учреждения, представлявшие собою коллегии сведущих людей, специально занятых общими богослужебными порядками, изучением

способов, как лучше всего сноситься с богами, понимать их волю и знамения. Эти люди не служили богам, не приносили жертв, но они учились истолковывать, что предвещают те или другие явления, наблюдавшиеся при жертвоприношении; когда угодно божеству начало того или другого предприятия. В частности, авгуры занимались гаданием по полету птиц, понтифики были хранителями точных знаний — мер, весов, счисления времени, почему впоследствии на них было возложено вообще наблюдение за богослужебными порядками, фециалы хранили международные договоры и законы. Ни один жрец, ни один понтифик не мог никогда претендовать на какое-либо значение в делах управления, они могли советовать лишь тогда, когда их спрашивали, и были обязаны наравне со всеми гражданами повиноваться должностным лицам.

Юнона с диадемой. Мрамор (ок. 200 г. до н. э.).

Римская религия, в противоположность греческой, не только не содействовала развитию художественной и философской деятельности, но подавляла их. Неолицетворенные римские боги не нуждались в художественных изображениях, и когда такие изображения появились, они были встречены первое время с осуждением. Отсутствие всякого творчества, всякой фантазии в сфере религиозной было причиной, что и впоследствии фантазия не развивалась и римская поэзия и римская философия никогда не поднялись над уровнем посредственности. Но римская религия именно потому, что была низведена к обыденным понятиям, была для всякого понятна и доступна. Она удовлетворяла глубоким духовным потребностям простых людей и благодаря своей простоте и наивности держалась твердо даже и тогда, когда греки утратили всякую веру, разрушенную тем самым развитием наук, искусств и философии, которое было призвано к жизни прежде всего творчеством в области религии. Насколько греки остаются недостижимым образцом всестороннего развития человеческого духа — настолько римляне велики строго самобытным развитием своего духовного уклада. Римская религия не была исключительна и не препятствовала усвоению и чужих богов: уже в самой глубокой древности у римлян распространилось поклонение разным латинским богам, а затем и греческим — Аполлону, Гермесу, Геркулесу, Асклепию, Артемиде-Диане.

Статуэтка бога Лара. Бронза (I в. н. э.).

И если читатель утомился, присматриваясь к отдельным частям этой божественной природы, пусть он теперь соберет свои впечатления, пусть сосредоточит свое чувство благоговения на двух великих господствующих началах — отце Зевсе и матери Земле. В них основной, изначальный дуализм греческой религии. Там — оплодотворяющая, здесь — оплодотворяемая сила; их влечение друг к другу — та предвечная святая любовь, тот Эрот, который создал всю жизнь живого мира, первообраз и оправдание также и человеческой любви.

Ведь любит Небо Землю покрывать —

так защищает Афродита у Эсхила смертную любовь к Линкею Гипермнестры, нарушившей строгий наказ своего отца. Да, небо оплодотворяет землю — светом и дождем; оно — вечно мужское, она — вечно женское начало. Греческий язык вполне отчетливо выразил это отношение — у него *ἄναρ* мужского, *γῆ* женского рода — гораздо отчетливее, чем

латинский (coelum — ср. р.) и славянский (небо — ср. р.); хотя, с другой стороны, «земля» во всех индоевропейских языках женского рода. И если что-либо способно доказать непостижимость египетской религии для нашего чувства, то это то, что там, наоборот, земля — бог, а небо — богиня. Почему, однако, Эсхил называет мировым оплодотворителем Небо (Урана), а не Зевса? Он мог смело назвать и последнего: и индийские, и латинские, и германские аналогии доказывают нам, что первоначальное значение имени *Ζεῦς* и есть «небо».[16] Когда-то дуализм Зевса и Земли чувствовался особенно сильно в греческой религии; на нем основаны ее древнейшие и прекраснейшие мифы, и еще знаменитый догмат Сивиллы в Додоне признает его:

Есть Зевс, был он и будет; воистину молвлю, велик Зевс!

Зиждет плоды вам Земля; величайте же матью Землю!

Но как для непосредственного чувства человека родившая и вскормившая его мать физически ближе, чем косвенный виновник его жизни, отец — так и из обоих космических родителей жизни отец рано одухотворился, в непосредственной близости к сознанию людей пребывала только она, мать-земля.

Она древнейшая в сонме олимпийских богов; много храмов построила ей Греция, просто как Матери (*Μήτηρ*) — в Афинах, в Олимпии — задолго до того, как из Малой Азии был принесен культ родственной, но все же варварской богини, Великой матери богов, или Кибелы. Изображали ее полногрудой женщиной материнского облика, лишь верхней половиной своего тела возникающей из своей родной стихии.

И эллин питал истинно сыновние чувства к этой своей родительнице и кормилице — и любовь, и почтение — в такой степени, которая непостижима для сознания современного человека. Конечно, и мы способны пойти в бой за родную землю; но что этот «физический патриотизм» в сравнении с тем, который воодушевлял эллина при мысли о его матери-земле, с тем, который нашел себе выражение в дивных стихах Эсхила:

Не выдавайте города родного

И алтарей заступников-богов!

Не допустите, чтоб забвенья мглою

Их почести покрылись! И детей

Не выдавайте, и милейшей сердцу

Из всех кормилиц — матери-Земли!

Вы некогда на лоне благодатной

Младенцами играли; и она

Всю приняла обузу воспитанья,

Чтоб щитоносцев-жителей взрастить,

Чтоб верную в годину бедствий службу

Вы сослужили матери своей.

Богиня-мать. Малоазийская статуэтка (I тыс. до н. э.).

Земля — это больше, чем народ, ибо она — зародыш жизни всех потомков ныне живущего народа. Эллину этот глубоко правильный и благодетельный догмат был дан его непосредственным религиозным чувством.

Удивительна ли после этого та гордость, которую испытывали афиняне при мысли, что они «автохтоны», т. е. что их предки были в буквальном смысле рождены той землей, которую они поныне населяют? Эта мысль обязательно встречается в каждом хвалебном слове в честь Афин, и в стихах, и в прозе — видно, как она была дорога гражданам Аттики. И не случайно был афинянином и тот мыслитель, который облек ее в форму философского учения, — правда, распространяя ее на все человечество, — Эпикур. Мать-земля теперь уже отражалась, она более не производит ни людей, ни других живых существ, кроме низких пород. Но в пору ее плодovитой молодости было иначе: тогда она произвела и первых людей непосредственно из своего лона. И тотчас после этого акта рождения в ней произошло то же явление, что и в теле родительницы-женщины: избыток соков обратился в молоко, повсюду возникли бугры, из которых полились живительные струи для новорожденного.

И понятно также, что под любовной опекой своей матери, окруженный ее участливыми детьми, эллин никогда не чувствовал себя одиноким: он не знал того безотрадного чувства покинутости, которое так часто испытывает современный человек как заслуженную кару за свою неблагодарность и свое нечестье. Приведем один пример среди многих. Напомним участь Филоктета. Брошенный своими товарищами на пустынном острове Лемносе, хромой, с вечной болью незаживающей раны в ноге — казалось, что могло быть несчастнее? А между тем посмотрите, как он после десяти лет томления в этой пустыне с ней прощается — причем понимать каждое слово следует бесхитроно, в его буквальном смысле.

А теперь пред уходом земле помолюсь.

Ты прости, мой приют, безмятежная сень,

Влажнокудрые нимфы весенних лугов!

Ты, раскатистый рокот прибоя, и ты,

Под навесом горы прибережный утес,

Где так часто летучею пылью валов

Мне порывистый ветер чело орошал!

Ты, Гермейский хребет, что в мученьях моих

Мне участливо стоном на стон отвечал!

О певучий родник, о святая струя!

Покидаю я вас, покидаю навек —
Благостыню нежданную бог мне явил.
Мой привет тебе, Лемноса кряж береговой!
Ты же с ветром счастливым отправь нас туда,
Куда рока великого воля влечет,
И усердье друзей, и могучий призыв
Всеблагого вершителя — бога!

Но это чувство осиротелости было только одной карой матери ее отступникам-сынам;
страшнее была другая.

Прямою противоположностью элинам был древний Израиль. Ведомый богом Саваофом, он пришел чужестранцем и завоевателем в свою «обетованную страну». Он не знал сыновних отношений к этой земле, которая никогда не была ему матерью — ее населяли злые духи. И это свое властное, хищническое отношение к земле он привил и тем религиям, которые отчасти от него пошли, христианству и исламу; земля из матери стала рабой — покорной, но и мстительной. Правда, христианство еще не дерзнуло быть палачом земли — слишком могуч был в нем другой, античный корень. Но поистине ужасным было опустошительное действие ислама. Пусть читатель справится в античных источниках, какими цветущими землями были в эпоху греко-римской культуры Малая Азия, «страна пятисот городов», Сирия, северная Африка — и пусть он вспомнит, чем они стали теперь. Поистине эта огромная область «богом сожжена»; античные боги ее любовно берегли.

Деметра Элевсинская, мать Кору, владычица таинств — кем была она с точки зрения той религии природы, которая, если не совпадала вполне с древнегреческой религией, то, во всяком случае, составляла значительную ее часть? Вдумчивый эллин несомненно ответил бы: «это — мать-земля», — как это и сделал Еврипид устами своего пророка Тиресия:

Послушай, сын мой. Два начала в мире
Суть главные: одно — Деметра-матерь
(Она ж — Земля; как хочешь, называй).

Но это толкование, как и вообще религиозные толкования в Древней Греции, не было обязательным, и какой-нибудь другой богослов мог бы оспорить его довольно вескими соображениями, ссылаясь и на миф, и на земледельческий характер культа. В мифе Земля тоже выступает, но, скорее, как противница Деметры: это она производит, «угождая Аиду», тот волшебный нарцисс, обладание которым отдает Кору похитителю; а если отождествлять мать-землю с Реей, матерью и Деметры, и Аида, и самого Зевса — как это делали многие, — то ведь и Рея выступала в мифе отдельно, как примирительница в споре своих детей. Земледельческий же характер культа заставлял видеть в Деметре богиню хлебопашества, т. е. той человеческой деятельности, которая насильствовала мать-землю, заставляя ее против своей воли служить человеку своими дарами.

Аид, Персефона и психопомп Гермес. Иллюстрация к «Словарю античности» (1895 г.).

На деле греческая религия переросла старинную религию природы, почему Деметра и оставила далеко за собой тот символический образ, с которым она некогда была тождественна; но все же он и впредь оставался ей родственным. Мы стали бы бесплодно тратить время, стараясь разобраться в том, в чем уже эллины цветущей эпохи разобраться не могли; здесь достаточно будет отметить, что Деметра сознавалась как богиня, если не обязательно тождественная с матерью-землей, то, во всяком случае, родственная и поэтому тяготеющая к слиянию с нею.

Но мы должны пойти дальше: даже символический образ Матери-Земли не един, даже он существует в мифах и, в особенности, в культах в двух, так сказать, ипостасях: как Мать и как Земля. Понятно, что эти две ипостаси и подавно сознаются как родственные и поэтому тяготеющие к слиянию; но все же и мифы, и культы их разъединили. Мы здесь оставляем пока в стороне Землю, всецело коренящуюся в религии природы; займемся только Богиней-матерью. Ее культ принадлежит к самым запутанным проблемам древнегреческой религии. С одной стороны, мы должны различать чисто греческую Богиню-мать; ее нам представляет уже доисторическая критская культура II, если не III тысячелетия: это — женская фигура на вершине горы с копьем в руке, по обе ее стороны стоят львы, вблизи — символы критского Зевса, перед ней — адорант в экстатической позе. Так как Крит и позднее считался родиной Зевса и местом культа его матери Реи, то соблазнительно присвоить это имя безыменной, как и все доисторические фигуры, древнекритской богине львов, особенно, если согласиться с тем, что само имя Реи означает «горную» богиню; но этим создаются известные трудности. Эта Богиня-мать, но не под именем отличающейся от нее Реи, и в раннее историческое время пользовалась культом в Греции; в Афинах, как и в Олимпии, ей были посвящены старинные храмы, Метроа, из коих афинский служил государственным архивом, и благочестивый Пиндар выстроил ей капище у своего дома, в котором он чествовал ее вместе с божествами природы, Паном и нимфами.

От греческой Богини-матери мы должны отличать азиатскую, чтимую в Греции и греками под тем же именем. В самом чистом, но именно азиатском виде, ее культ правился в Пессинунте, в той области анатолийской Фригии, которая в III в. была занята пришлыми галльскими племенами; но на религиозном сознании коренной Греции этот азиатский образ с окружающим его своеобразным культом долгое время действовал не непосредственно, а через свои сильно эллинизированные претворения в греческой Азии. С чрезвычайной опаской подходим мы к этому вопросу: свидетельства о культе матери в греческих колониях Анатолии многочисленны, но очень лаконичны. Они большей частью устанавливают только наличие в данной общине нашего культа, ничего не говоря ни о его характере, ни подавно о его филиации с пессинунтской матерью, с одной стороны, и с ее культами в коренной Греции, с другой. Оставляя в стороне тернистый и неблагодарный путь культо-исторического и культо-топографического исследования, которому здесь не место, ограничимся общей характеристикой религии этой азиатско-греческой матери, средней между чисто греческой и чисто азиатской — той, которую знала коренная Греция V и IV вв.

Эта азиатско-греческая мать, называемая иногда, подобно своему пессинунтскому первообразу, Кибелой, представлялась все превосходящей по своему могуществу богиней,

как и подобало той, которая родила Зевса; это к ней относится молитва хора в «Филоктете» Софокла:

Царица гор, ключ жизни вечный,

Зевеса мать самого,

Что златоносного Пактола

Блудешь течение — Земля!

Чьей волей над быком могучим

Ретивый торжествует лев...

Таинственный символ заклания быка — точнее, растерзания быка львом — проходит через всю греческую религию от ее зародышей до позднейших времен, поскольку она находилась под азиатским влиянием; что он означает здесь, тщетно спрашивать — это было одной из тайн мистического культа. Непосвященные знали только, что торжествующий над быком лев сам был покорен Великой Матери: прирученный, он ластился к ее ногам, смиренно лежал на ее коленях, — но еще чаще пара или четверка этих хищников везла колесницу, на которой разъезжала их повелительница — Одна? В Греции — да; но если она и сидела в недостижимом величии, одинокая, на своей чудесной колеснице, то ее окружали демонические прислужники — корибанты. Кто они — опять тщетно спрашивать; их роль напоминает роль сатиров в оргиастическом культе Диониса: но в то время как наше почтение к божественности сатиров приправлено доброй долей насмешливости, по отношению к корибантам никакой юмор неуместен: их впечатление — безумие и ужас. Не обрадуется тот, кого в безлюдии встретит Царица гор со своею шумною свитой корибантов: не скоро вернется к нему спугнутый их внезапным появлением разум. Правда, и здесь «ранивший исцеляет»: чтобы вылечить обезумевшего, прибегали к помощи корибантов. Сами они, конечно, на зов не являлись; их заменяли «корибантствующие», смертные жрецы или священнослужители Великой Матери. Обступив связанного и осененного покровом больного, они плясали вокруг него, сопровождая свою пляску оглушительной музыкой на кимвалах и тимпанах. Эта дикая пляска должна была вызвать в больном искусственный экстаз, а затем, по охлаждении пыла, вместе с этим новым безумием его покидало и прежнее — так, по крайней мере, надеялись.

Тавроболия. Роспись на греческой амфоре.

Этой надежде культ Великой Матери был обязан значительной частью своей популярности. Как видно из сказанного, он был экстатическим: «оргии» Великой Матери упоминаются в литературе. Были ли они оргиями также и в нашем смысле слова? Об этом знали точнее справлявшие их, но слава их была не безукоризненна, и законодательница пифагореизма Финтия не допускала для порядочных женщин участия в мистериях Великой Матери. Действительно, оргиастический культ был в то же время и мистическим, т. е. участие в нем обуславливалось предварительным посвящением; это его сближало, с одной стороны, с элевсинским, с другой стороны — с дионисийским. С первым он разделял особу центральной богини, нередко отождествляемой с Деметрой; но больше точек сближения было со вторым.

Уже упоминалось о сходстве корибантов с сатирами; но и весь оргиастический, весь оркестрически-музыкальный элемент был общей чертой обоих культов. Еврипид полагал даже, что тимпаны от культа Матери попали в культ Диониса; и действительно, там они были исконны. Сама Мать часто изображается с тимпаном в руке.

Прибавим, раз речь зашла об изображениях, что она изображается сидящей на престоле; легко понять происхождение этого воззрения от представления о ней как об обожествленной Земле. Во всяком случае, это сидение и этот престол для нее характерны; посвященные ей обрядовые песни называются «престольными»: таковые для нее сочинял Пиндар, тот самый, который основал ее культ у себя в Фивах. На то же родство с обожествленной Землей указывает и ее головной убор — цилиндрический сосуд, первоначально — хлебная мера, характеризующий ее как богиню плодородия и урожая. Из этого сосуда развился со временем стенной венец; мать Кибела стала богиней-покровительницей укрепленных городов.

Таковы положительные черты, отличающие эту азиатско-греческую Кибелу, с одной стороны, от чисто греческой Матери, с другой — от чисто азиатской; на практике пограничная линия не везде проходила достаточно четко. Зато одна отрицательная черта резко отличает греко-азиатскую Кибелу V–IV вв. от ее пессинунтского первообраза; это — отсутствие рядом с ней ее пессинунтского спутника, Аттиса. Огромное значение этой разницы станет для читателя ясным, когда он познакомится с этой культовой личностью и с той своеобразной обрядностью, которая с нею сопряжена.

Но до Пессинунта нам еще далеко; вступая на почву Анатолии, мы первым делом сталкиваемся с культами Матери в ее прочно эллинизированной части, и прежде всего — в Трое. Вышеприведенная молитва Софокла обращена именно к троянской Матери, хотя поэт и называет ее имя рядом с именем золотоносной реки, омывающей лидийскую столицу Сарды. И здесь нас положительно дразнят совпадения с далеким Критом, не объясняемые сколько-нибудь ясными для нас путями культового общения между обеими странами. Возвышающаяся над Троей гора Ида дала имя «Идейской матери»; но Иду, и притом в культовой близости с матерью-Реей, имеем мы и на Крите. Там — корибанты, здесь — куреты, тоже демонические существа, заглушавшие некогда своей шумной пляской и музыкой крик новорожденного Зевса; разницу между ними установить можно, но факт тот, что уже древние их отождествляли. Критскую мать зовут Реей, и она, как «Зевеса мать самого», заняла прочное место в генеалогиях; положим, имя Реи для Идейской матери в Трое непосредственно не засвидетельствовано. Но, во-первых, если мы правильно истолковали это имя как «горная», то оно уже заключено в имени Идейской, так как Ида означает именно «лесистая гора» или «нагорный лес». А во-вторых, мы встречаем его в римском отпрыске Идейской богини в Трое, матери близнецов-основателей, Реи Сильвии: ведь и «Сильвия» — не что иное, как перевод греческого *Ιδαία*, «лесная».

Но вот что еще более поражает: Идейская мать, пусть не Рея, но зато Кибела, согласно свидетельствам греков исторической эпохи — главная богиня Трои; казалось бы, она должна была быть главной покровительницей своего народа в его борьбе с пришлым врагом. Об этой борьбе повествует «Илиада» — и вот, «Илиада» совершенно умалчивает об Идейской матери. Как это объяснить? Должны ли мы допустить, что культ Матери на Иде или под Идой, еще неизвестный Гомеру, был введен в эпоху, отделяющую его от V в.? Но ведь эта эпоха была

эпохой усиленной эллинизации анатолийского побережья; возможно ли, чтобы результатом этой эллинизации было введение на Иде азиатского культа, между тем как в гомеровскую эпоху там нераздельно царили боги греческого Олимпа?

Последнее обстоятельство и дает нам, думается, ключ к разгадке. Гомер был великим эллинизатором: как он, лишь скрепя сердце, удерживает местами имя троянской реки Скамандр, оставшееся за нею и поныне, и предпочитает на «языке богов» называть ее Ксанфом, так он, мы можем быть уверены, и троянских богов представляет под их принятыми в Греции именами. С какими же греческими богинями отождествлялась азиатская Мать? Мы можем назвать даже нескольких. Во-первых, Деметру, что после сказанного не удивительно; это отождествление произошло в Кизике, мистерии которого были слиянием элевсинских мистерий с мистериями Великой Матери. Но Деметры Гомер почти не знает; о причинах много спорят, но факт несомненен. Во-вторых, Артемиду; уже давно установлено, что недевственная «великая Артемида Эфесская» — лишь греческая перелицовка местного материнского божества. Артемиду Гомер знает, и притом в ряду сочувствующих Трое богов, но особенно он и ее роли не выдвинул. — Наконец, в-третьих, Афродиту; с нею отождествлял азиатскую Мать историк Харон из Лампсака, что для нас особенно драгоценно ввиду близости Лампсака и Трои. И, конечно, внимательный читатель Гомера не станет сомневаться, что это и есть искомое божество: никто так любовно, так страстно не заступается за обреченный город, как именно она.

Итак, Афродита — Мать? И Мать Идейская? Да, именно Мать — мать Энея, прежде всего, того Энея, который пережил Трою и стал царем-родоначальником Энеадов, сначала под той же Идой, а затем и в других местах, кончая Римом. И именно на Иде; об этом нам расскажет другой Гомер — автор Гомеровского гимна только что названной богине.

Афродита Книдская. Римская копия статуи Праксителя. Мрамор (ок. 340 г. до н. э.).

Не будем только требовать от него особой глубины религиозного чувства: Афродита в его эпоху неизбежно наводила людей на игривые мысли. Да что людей! Самого владыку Олимпа не пощадила она, внушая ему предосудительную страсть то к той, то к другой женщине, на великое огорчение его божественной супруге Гере. Это ей, однако, не сошло безнаказанно: Зевс ее самое заставил испытать такую же участь:

В душу внедрил Афродите томящую страсть он к Анхизу,

Что на лесистых отрогах ключами прославленной Иды

Пастырем стад был коровьих, богам красотой подобный.

Страсть требовала удовлетворения, а гора не знает греха.

Украсилась богиня, как подобало, а затем:

Следует снова на Иду, зверей многовлажную мать,

Прямо к загону стремясь через гору; склонялись за нею

Волки седые, и львы о бесстрашных очах, и пантеры,—

признавая в ней, несмотря на перелицовку, очевидно, не только Афродиту, но и исконную усмирительницу львов. Анхиза она нашла вдали от других пастухов, занятого игрою на кифаре. Он сначала, руководимый верным чувством, принял ее за богиню, но она его разуверила: нет, она дочь Отрея-фригийца, научившаяся говорить по-троянски от своей троянской няни; Гермес ее вырвал из хора подруг, чтобы она стала женой его, Анхиза, и родила ему дивных детей. И свершилось заветное дело, согласно страстному желанию обоих:

В час, когда к стойлам обратно с лугов упестренных цветами

Гонят рогатых коров пастухи и овец белорунных,

Сон разлила беспробудный на вежды Анхиза богиня,

Сладкий, сама же на члены прекрасные ризы надела.

Стала она у дверей, с потолком головою равняясь;

Свет неземной красоты на ланитах сиял Афродиты,

Дивный, какой подобает прекрасновенчанной Киприде.

Сон ему с тела спугнув, она слово Анхизу сказала:

«С ложа воспрянь, Дарданид! Ты не в вечный же сон погрузился.

Встань, посмотри: покажусь ли тебе я такой же и ныне,

Как и недавно, когда пред тобой я впервые предстала?»

Молвила; он же с очей стряхнул свою дрему немедля,

Но лишь увидел глаза и чарующий стан Афродиты,

Робость его обуяла: он вспять обратил свои взоры,

Ф. Буше. Венера в кузнице Вулкана. Холст (1757 г.).

Краем плаща торопливо свой лик осенил миловидный

И, убажывая богиню, смиренное слово промолвил:

«Только увидев тебя, я признал тебя дочерью Зевса,

Дивная; ты же тогда не сказала правдивого слова,

Но заклинаю, богиня, эгидодержавного бога

Именем грозным тебя: да не стану я в людях бессильным!

Нет, пожалей: цвет жизни навеки теряет тот смертный,

С коим в горячей любви свое ложе разделит богиня».

Афродита утешает его; не будет ему вреда ни от нее, ни от других, так как он любезен богам.

Сына, которого ей предстоит родить, она отдаст на воспитание нимфам и через пять лет приведет к нему; но пусть он никому не говорит, кто его мать, иначе Зевс поразит его своим перуном. — Здесь гимн кончается, или, вернее, обрывается; кто его продолжал, мы не знаем, но разумеется, Анхиз не соблюл запрета той, которая удостоила его столь неслыханной милости: за кубком вина он разболтал тайну и был наказан, согласно предостережению. С этой поры он — тот расслабленный старец, которого представил Вергилий во II и III песнях своей «Энеиды».

После падения Трои Эней, сын Анхиза и Афродиты, согласно местному преданию, остался в Троаде под Идой; там и царствовали его потомки, а при них расцвел и культ их богини-родоначальницы, которая вне горизонта гомеровской поэзии, разумеется, сохранила свое исконное имя Матери — Матери Идейской, пожалуй, и Кибелы. Священным мифом этой Матери была ее любовь к пастуху Анхизу и его расслабление; кто этот Анхиз? Этимология на греческой почве (от *αὐχῆ* «близко») ничего не объясняет, и ученые, скорее, склонны признать ее «народной этимологией», само же имя — приспособленным к греческой речи фригийским именем. Как же оно звучало по-фригийски? Быть может, и на этот вопрос удастся ответить.

Поселки Энеадов под Идой влачили, по-видимому, довольно жалкое существование в раннеисторическую эпоху, и Идейская мать нам известна гораздо лучше из упоминаний греческих поэтов, чем по непосредственным свидетельствам о ее местном культе. Но не очень далеко от разрушенной Трои, на Пропонтиде, лежал довольно значительный ионийский город Кизик, о котором уже дважды была речь в нашем изложении. Он славился, во-первых, как один из анатолийских центров элевсинского культа Деметры; рассказывали, что Зевс дал его Коре в приданое по случаю ее свадьбы с Аидом, похитившим Кору именно здесь; о ее мистическом имени как Спасительницы уже говорилось. Этот культ элевсинских богинь в Кизике тем более замечателен, что для Милета, его метрополии, он вовсе не засвидетельствован; придется допустить, что он был занесен туда в историческое время прямо из Элевсина, через одного из, по-видимому, многих предшественников вышеупомянутого Мефапа.

Лорд Дейтон. Елена на стенах Трои. Холст (1880 г.).

Причину его занесения нам объяснит, быть может, наличность в Кизике культа Великой Матери, о котором вскользь было упомянуто выше. В его исконности не может быть сомнения: его учреждение приписывается самому Ясону, посетившему со своими аргонавтами эту страну фригийских долионов, задолго, разумеется, до основания в ней города Кизика. Это обстоятельство заставляет внимательнее отнестись к кизикским мифам об аргонавтах; правда, древнейший источник — Аполлоний Родосский (III в. до Р. Х.), но на его добросовестность положиться можно. Итак, рассказывается, что аргонавты на пути в Колхиду заехали в страну долионов на Пропонтиде и были радушно приняты ими и их молодым царем Кизиком, сыном Энея и Энеты (двойное созвучие с именем сына Анхиза и Афродиты-Матери на Иде). Все же, вследствие рокового недоразумения между обеими дружинами, возникла битва, в которой пал молодой царь. Ясон с аргонавтами должным образом почтил память погибшего, учредил годовое траурное празднество в его честь, и по этому поводу, можем мы добавить, соединяя две разрозненные у Аполлония ветви предания,

учредил также культ Великой Матери, грозной владычицы безумия. Точно так ведь тот же Ясон на Лемносе искупил страшный «лемносский грех» женщин-мужеубийц учреждением у них мистерий кабиров, о которых речь была выше. Нельзя ли, кстати заметим, предположить, что и кизикский культ Великой Матери принял в себя кабирический элемент?

Ж. Реньо. Суд Париса. Холст (1820 г.).

Связь культа героя Кизика с культом Матери нам кажется несомненной: они объединяются личностью мифического основателя Ясона. А если так, то интересно, что рядом с Матерью почитается и юный герой, погибший во цвете лет, и почитается плачем. Кизиком он называется, разумеется, только здесь, в том городе, который якобы был назван в его честь: его исконное имя, как спутника Великой матери, должно было быть другим.

Об этом кизикском культе Матери мы еще нечто узнаем и притом для нас очень интересное. Скиф Анахарсис, рассказывает Геродот, «объездив значительную часть земли и усердно приобщившись ее мудрости, возвращался в свою родную Скифию. Плывая через Геллеспонт, он останавливается в Кизике. Случилось, что как раз тогда кизикцы очень торжественно справляли праздник в честь Матери богов; и вот Анахарсис дал Матери обет, что если он здоровый и невредимый вернется на родину, он справит в честь нее торжество по тому же уставу, по какому его справляли кизикцы, и отпразднует панихиду (т. е. „всенощную“). Когда, поэтому, он вернулся в Скифию, он удалился в так называемую Лесную (а это местность близ Ахиллова ристалища, и она изобилует всякого рода деревьями) — удалившись туда, он справил богине празднество во всей его полноте, имея в руке тимпан и увешавшись священными изображениями. Но вот один из скифов подсмотрел, что он делает, и донес царю Савлию; тот явился сам и, увидев, что Анахарсис действительно делает то, что про него говорили, убил его выстрелом из лука».

Греческий историк приводит это предание в доказательство нетерпимости, с которой скифы относились к чужестранным, особенно же к греческим, обычаям; мы бы его охотно спросили о другом. Был ли кизикский культ Матери мистическим? В пользу этого говорит аналогия, затем таинственность, с которой его справляет Анахарсис в Скифии (хотя тут возможно и другое объяснение), тимпан и священные изображения. Правда, пришлось бы допустить, что скифский путешественник в свою краткую и, по-видимому, случайную побывку в Кизике дал себя посвятить; но это вполне возможно. На приобщение кабирических элементов указывает одна подробность: обет Анахарсиса на случай невредимого возвращения домой — а возвращался он морем; мы знаем, что кабирические мистерии обещали посвященным именно счастливое плавание на море; этому обстоятельству они и были обязаны своей популярностью среди моряков. И еще хотели бы мы узнать, в каких отношениях находился этот мистический культ Матери с мистическим же культом Деметры и Коре; что заставило кизикцев, уже обладавших первым, еще послать в Элевсин за вторым? На этот вопрос мы никакого ответа не получаем и должны удовольствоваться самим фактом существования обоих. Деметра и траур по Коре — Великая Мать и траур по Кизику: там — воссоединение и «лучшая участь», а здесь?

Еще отметим, что и кизикская мать, подобно Идеической, была «горной»: она так и называется Идеической также и в Кизике (а насколько это считалось важным, видно из того, что Анахарсис в Скифии, где гор нет, справлял свое празднество в «Лесной»), но еще популярнее было ее

прозвище «Диндимена», по имени горы Диндима, возвышающейся над Кизиком. Так же называлась и пессинунтская гора; ясно, что и имя горы вместе с самим культом было занесено в Кизик из Пессинунта, вероятно, задолго до основания там греческой колонии. Но если так, то как же могло явиться предание, что культ был учрежден Ясоном? Очень вероятно, что этот «Ясон» был не столько учредителем самого культа, сколько соединителем с ним тех кабирических элементов, о которых была речь; недаром Аполлоний причиной учреждения выставляет бурю, мешавшую отправлению аргонавтов. Другими словами, в «Ясоне» придется признать первого пророка-эллинизатора пессинунтского культа... А вторым, быть может, был тот, который перенес в Кизик культ элевсинской Деметры? Быть может; догадка дозволена, не следует только выдавать ее за факт. Мы еще не кончили нашего изложения; возможно, что в дальнейшем некоторые вопросы получат и более определенные ответы.

Афродита и Пан. Мрамор (III в. до н. э.).

И вот, наконец, мы в Пессинунте; от Матери-Афродиты и Матери-Деметры переходим к их первообразу, к Матери-Кибеле, как гласит ее исконное имя. Пессинунт — город жрецов, подобно Мекке или Лхасе, управляемый старшим из жреческой коллегии, своего рода далай-ламой. Политические перевороты оказались бессильными перед этой сакральной организацией; даже дикие галлы, занявшие всю страну, преклонились перед таинственным обаянием святыни, покорившей их — быть может, своей непонятностью, но, быть может, и тем, что она напомнила им друидов их далекой родины.

Итак, величественный храм странной азиатской архитектуры и посад при нем, кругом горы — Агд, Диндим. Посад омывает речка по имени Галл, она после короткого течения вливается в реку Сангарий, сохранившую свое фригийское имя. Мы в самой родине религиозного экстаза, в самом сердце Анатолии, проявившем свою чрезмерную чуткость и в «пепузских святынях» раннего христианства, и в мусульманском дервишизме. Но эта чуткость не была эллинской; и полезно предупредить читателя, что ему предстоит познакомиться с новым и отталкивающим проявлением религиозного чувства и в мифах и в обрядах.

Сексуализм сам по себе — неизбежное последствие антропоморфизма, соединенного с многобожием; мы имели его и в древнегреческой религии, но в его здоровой форме, соответствующей человеческому браку как условию деторождения. Эротизм в нем первоначально отсутствовал и был введен лишь поэтами в виде вящего очеловечения мифа. Не то имеем мы в семитических религиях: они — за почетным исключением древнего Израиля — широко отворяют двери эротическому сексуализму, и притом извращенному, как в его избыточно положительной форме религиозной проституции, так и в избыточно отрицательной форме религиозного скопчества. Здесь будет речь о последнем.

Сила Зевса во время его сна стекает на землю; оплодотворенная Земля рождает страшное двуполое существо, получившее от места своего рождения, горы Агда, имя Агдистис. Его разрушительная удаль заставила богов принять меры; по их постановлению, Дионис налил вина в источник, из которого чудовище утоляло свою жажду, последствием чего был глубокий сон опьяненного. Тогда Дионис тонкой веревкой привязал его мужской детородный член к его же ноге, так что оно, проснувшись, сильным и быстрым движением само себя оскопляет.

Из просочившейся на землю крови вырастает миндальное дерево; один его плод срывает Нана, дочь речного бога Сангария, и прячет в своем лоне. Миндаль внезапно исчезает, Нана же становится беременной и рождает дитя — Аттиса. Аттис расцветает юношей неземной красоты; Агдистис, теперь уже только женщина, влюбляется в него, делает его своим товарищем на охотах и вообще всюду берет его с собой. Но и царь страны, Мидас, обращает на него внимание и назначает его мужем своей дочери — Ии, как ее называют некоторые источники. Во время свадьбы врывается ревнивая Агдистис; при ее виде всеми овладевает безумие. Аттис схватывает свирель Агдистис, бежит в горы и там под сосной сам себя оскопляет. За этим самоизувечением следует смерть. Тогда Агдистис раскаивается в своей ревности: она просит Зевса вернуть жизнь ее любимцу. Это, однако, оказывается невозможным; единственное, что он может ей даровать, это — нетленность его тела: его волосы продолжают расти, его мизинец продолжает двигаться. Агдистис хоронит тело Аттиса в Пессинунте и учреждает в его честь, как бога, ежегодное празднество и жреческую коллегию — тех оскопленных «галлов» (местных, пессинунтских, названных так от реки), которых мы там встречаем.

Этот миф об Аттисе мы заимствуем из христианской апологии Арнобия (III в.), который, в свою очередь, ссылается на «Тимофея, известного богослова, почерпнувшего свои сведения, как он сам говорит, из заповедных старинных книг и из самой глубины таинств», а также и на «других не менее сведущих людей». Это значит, если принять во внимание распространенный у древних метод цитирования: «моим источником был позднейший компилятор, называющий в числе своих источников также и Тимофея». Для нас здесь традиция Тимофея имеет исключительный интерес; ее мы выделили из рассказа компилятора и представили в чистом виде.

Но и в этом чистом виде традиция Тимофея носит на себе следы согласовательской работы; самый явный — рассказ об исходе самого героя. Одержимый безумием, он бежит, оскопляет себя под сосной и там же умирает. Это — обычное в подобных случаях удвоение мотива, если автору традиции угодно было заставить Аттиса умереть, самооскопление было излишним; если он хотел, чтобы Аттис, в пример жрецам-галлам, жил оскопленным слугой своей богини, ему не следовало отправить его тотчас же на тот свет. Всмотревшись в эти два соединенные Тимофеем мотива, мы легко убедимся, что один из них греческого происхождения, другой — азиатского. В самом деле, сосредоточимся на первом. В прекрасного пастуха Аттиса влюбляется богиня Агдистис, она берет его с собою на охоту — не так ли и Артемиде сопутствовала прекрасному охотнику Ипполиту? Но юношу не удовлетворяет любовь богини: он ей изменяет ради царевны и становится жертвой ревнивого гнева, лишая себя жизни под влиянием насланного богиней безумия — не так ли и Дафнис, променявший божественную нимфу на смертную царевну, стал жертвой ее ревности? Но Агдистис раскаивается в своей суровости: она ищет своего возлюбленного, ищет его, ищет... и находит наконец во власти смерти — не так ли и Деметра искала свою дочь, пока не нашла ее во власти царя мертвых? — «Она хотела вернуть ему жизнь, но Зевс воспротивился». Знакомый прием при рудиментарном мотиве: «неосуществленное намерение». Уже по этому одному мы можем догадаться, что первоначально Агдистис своею любовью вернула жизнь возлюбленному. Но это подтверждается и другими источниками: исходом Аттисовых мистерий было воскрешение их героя.

Не правда ли, какой прекрасный греческий миф мы обнаружили под неприглядной оболочкой пессинунтского сказания? И главное: какое сходство по исходу и смыслу с элевсинским мифом! Любовь побеждает смерть — любовь любовницы здесь, любовь матери там. И в обоих случаях эта победа содержит в себе утешительную уверенность.

Но кто же он такой, этот «известный богослов» Тимофей? Ответ на этот вопрос дает нам Тацит. Птолемей Первый призвал «Тимофея афинского из рода Эвмолпидов, которого он еще раньше выписал из Элевсина, чтобы сделать его руководителем обрядов»... Как видит читатель, дело и мастер подходят друг к другу: элевсинская реформа пессинунтского культа имела своим автором жреца элевсинской Деметры. Этим определяется и время реформы — Тимофей был современником Птолемея Первого (правил в 322–283 гг.); Пессинунт был тогда подвластен диадоху Лисимаху. И все дело представляется в следующем свете.

Как правитель фрако-фригийского царства, в котором греческая элита городов, особенно прибрежных, сожительствовала с туземным населением, Лисимах, верный заветам Александра Великого, пожелал объединить оба эти элемента общностью религии. Он обратился тогда к своему всегдашнему союзнику и свату, Птолемею Первому египетскому; тот прислал ему Тимофея Элевсинского, который перед тем в египетском царстве произвел религиозную реформу, служившую такой же объединительной цели. Тимофей нашел свой путь предначертанным: не могло быть сомнения в том, что общей религией должна была стать религия Великой Матери, которой уже поклонялись обе части населения — правда, по обрядности настолько различной, что общих элементов в этом поклонении было очень мало.

Греки во многих городах справляли мистическую службу своей горной Матери, но ей одной, без Аттиса и подавно без его оскропленных последователей-галлов; именно их и признавали фригийцы, имевшие свой религиозный центр в Пессинунте.

Надлежало найти средний путь. Было ясно, что греки не согласятся осквернить свой старинный культ Великой Матери обрядом оскропления, органически противным их религиозному чувству: уния — мы можем ее так назвать — должна была совершиться на почве принятия Аттиса, но без оскропленных галлов и, стало быть, без его самооскропления. Последнее следовало заменить смертью — остальное подсказывала элевсинская религия. За смертью, благодаря любви Матери, должно было последовать воскрешение, радостный и благоговейный конец «мистерий Аттиса».

Ибо само собою разумеется, что Агдистис — не более как прозвище Матери, владычицы горы Агда над Пессинунтом, вполне понятное там и непонятное в других местах. Отсюда искажения: Agdistis, Angdistis, Angistis, Angissis — все эти правописания в надписях встречаются. Кроме искажений, были возможны и перемещения, раз связь с горною Матерью была утрачена: далеко ли от Angissis до Anchises, до того пастуха, которого полюбила Идейская Мать-Афродита?

Пред нами предстал один из самых замечательных людей в истории античной религии, новый апостол Деметры элевсинской, Тимофей Эвмолпид. Он был много влиятельнее Мефапа: тот только освобожденную Мессению просветил таинствами своей элевсинской владычицы, этот же создал на почве таинств религиозную унию для всей Анатолии. А если припомнить, что он до того также эллинизировал и египетскую религию Исиды и что эти две

богини, Великая Мать и Исида, были главными божествами греческого востока и остались таковыми и во всей вселенской империи, то можно сказать без преувеличения, что Тимофей Элевсинский был основателем религии эллинизма, этого моста между эллинизмом и христианством. И все, что мы узнаем об этом человеке, ограничивается немногими строками у Тацита, Арнобия и еще географа Стефана Византийского. Что его сочинение без остатка погибло, это нас не удивляет — такова была участь всех богословских сочинений «язычества». Но что и память о нем почти угасла, это скорее может поразить. С этим, однако, приходится мириться: его дело зато оказалось очень живучим. Присмотримся к нему, насколько это позволяет завеса «Аттисовых таинств».

Н. Пуссен. Триумф Флоры. Холст (1627 г.).

Великая Мать прежде всего и везде — горная богиня; в этом ее первоначальное значение. И ее праздник везде и всегда — весенний праздник. Теперь представим себе, что такое весна на горе, и исконный смысл таинств Матери на почве религии природы станет нам понятным. Здесь, на горе, грознее, чем где-либо, бушуют бури равноденствия, громче, чем где-либо, раздается безумный свист, вой и рев южного ветра, несущего с собой, вместе с тем, душистую влагу теплого моря и этим наполняющего душу сладким чаянием какого-то неведомого блаженства. Из этих двух чувств, безумия и чаяния, рождается основное состояние для мистического восприятия божества — экстаз.

Да, это царица гор, Великая Мать, разъезжает по своему царству в сопровождении шумной свиты, под звуки кимвалов, тимпанов и флейт; это ее львы оглашают гору своим рычанием — не забудем, что мы в Азии, — это они запускают когти в дрожащую плоть своей любимой добычи, дикого тура, чтобы отведать его горячей крови. Блажен, кто может душой приобщиться к блаженной свите! Путь указуют мистерии Великой Матери; они родственны мистериям Диониса, особенно же его фракийского двойника, Сабасия, почему и сливаются с ними очень легко. Великая Мать сопоставляется с Сабасием; для какого общего действия? Откуда нам знать! Греки, и среди них афиняне, поддерживали оживленные сношения и с фригийцами, и с фракийцами; частные религиозные кружки, уже начиная с V в., принимают их таинства, возбуждая этим насмешки не только комедии, но и серьезных государственных деятелей, вроде Демосфена, не упустившего случая уязвить своего противника Эсхина двусмысленной ролью его матери в распространении двусмысленных оргий фрако-фригийских божеств.

А там, в недоступной глубине Фригии, таинства Матери справлялись с жестокой, кровавой обрядностью. Не в виде ласковой женщины с символом плодородия изображалась горная Мать: ее кумиром был черный камень, хранимый в пещерном храме горы. И экстаз участников весеннего праздника принимал грозный вид исступления: острыми камнями, черепками, ножами они наносили раны друг другу и себе и в крайнем разгаре страсти доходили до самооскопления. Это было симпатическим чувством любимца богини, Аттиса, впервые принесшего ей эту неслыханную жертву. Что это значит? Пытались объяснить это странное извращение религиозного чувства на почве религии природы: так и растительность гибнет перед зимней стужей. — Но ведь праздник справлялся весной? — Значит, перед летней засухой: мы ведь на юге. — Это было бы смертью; но при чем тут самооскопление? — Так и растительность летом гибнет в цвету, не давши плодов. — Нет,

если бы она погибала до принесения плодов, то она и продолжаться бы не могла. Нет, на почве религии природы загадка неразрешима; ее смысл должен быть иным. А каким, это, думается, укажет нам девиз позднейшего герметизма: «Да познает мыслящий человек самого себя, что он бессмертен, и что причина смерти — любовь». Любовь продолжает жизнь в породе, обрекая смерти особь: если хочешь остаться лично бессмертным, не уделяй породе данной тебе искры жизни. Отсюда — половая аскеза и ее печать. Не поручимся, что так рассуждали оскопляющиеся в момент самого акта: тут, скорее, проявляли свою силу особенно действительные у исступленного внушение и заразительность примера. Но если в обряде был смысл, то, скорее всего, этот.

Но вот реформа Тимофея и эллинизация семитской обрядности; Великая Мать любит прекрасного Аттиса, он изменяет ей ради Ии — ее имя, к слову сказать, означает «фиалка» — она своим ревнивым гневом доводит его до самоубийства, до смерти... и это конец? Нет, только начало; хотите узнать конец, дайте себя посвятить. Обряды посвящения были таковы, что христианский апологет Фирмик Матерн в них признал учение дьявола: «В некотором храме человек, чтобы быть допущенным в святая святых и там принять смерть, говорит: я поел с тимпана, я напился с кимвала, я стал мистом Аттиса. Дурно, несчастный, сознаешься ты в допущенном грехе: ты впитал в себя снесь смертоносной отравы, ты под наитием нечестивого безумия вылакал чашу гибели; за такой пищей следует смерть и кара... Иная та пища, которая дарует спасение и жизнь». Видно, апологет вспомнил христианское причастие и усмотрел козни дьявола в его кощунственном предварении для мистов Аттиса. У них тоже полагалась священная трапеза, они ели с тимпана и пили с кимвала.

Тем временем, в эту святая святых, — по-видимому, пещеру-усыпальницу под храмом — внесена сосна с привязанным к ней изображением Аттиса: он ведь погиб под сосной. Фирмик и в этом обряде видит козни врага человеческого рода: «Нечестивый палач установил, чтобы его служба всегда возобновлялась с помощью древа: зная, что человеческая жизнь, прильнув к дереву креста, будет скреплена узами бессмертия, он хотел обмануть обреченных гибели людей подобием древа. В фригийском культе Матери богов ежегодно срубается сосна и к середине ее ствола привязывается изображение юноши». Следует погребение Аттиса — и, как с правдоподобием заключают из других свидетельств, симпатическое погребение его мистов: они ведь после священной трапезы, по вышеприведенным словам Фирмика, для того и были введены в усыпальницу, чтобы там «принять смерть». Это и был момент «страха и трепета», о котором рассказывают посвященные: их зарывали в землю до головы, их отпевали, все среди глубокого мрака подземной усыпальницы.

Но послушаем опять Фирмика: «Еще один символ должны мы привести, чтобы обнаружить нечестие оскверненной мысли: необходимо развить весь ее порядок, дабы все убедились, что закон Божьего устава был извращен порочным подражанием дьявола. В определенную ночь изображение лицом вверх кладется на ложе и оплакивается жалобной песнью. Затем, после того как люди насытились притворным плачем, вносится свет. Тогда жрец намащует горло всех плакальщиков; а по окончании этого обряда намащания тот же жрец тихим шепотом произносит слова:

Воспряньте духом, мисты: бог спасен!

И мы обрящем от трудов спасенье.

Что это? Идола хоронишь ты, идола оплакиваешь, идола выносишь из гробницы — и, несчастный, сделав это, ликуешь! Ты освобождаешь твоего бога, ты слагаешь лежащие члены истукана, ты исправляешь бесчувственный камень: пусть же твой бог отблагодарит тебя, пусть он воздаст тебе одинаковыми дарами, пусть уделит тебе самого себя: умирай, как он умирает, живи, как он живет. Да, и вот еще: горло намащется маслом. Кто не презрит этого обряда, убедившись в его тщете? Есть, значит, и у дьявола свои помазанники».

С. Ботичелли. Минерва и кентавр. Холст (ок. 1480 г.).

Не все здесь ясно, но сосредоточимся на главном; а главное — это воскрешение Аттиса как залог воскрешения также и умиравших с ним мистов. Воскрешение кем? Фирмик этого не говорит, но мы извлекаем это из других свидетельств: самой Матерью, любовь которой побеждает смерть.

Двум христианским писателям обязаны мы восстановлением творения Тимофея: из Арнобия мы позаимствовали миф, из Фирмика — обрядность мистерий. Действительно, полемика Фирмика может относиться только к учрежденной Тимофеем греко-азиатской форме таинств, — исконно греческая не признавала Аттиса, исконно пессинунтская, признавая его, признавала в то же время его самооскопление и оскопленных галлов, о чем у Фирмика нет речи. Случайного умолчания быть не могло: враждебно настроенный против язычества христианин, конечно, не преминул бы упомянуть этот, для христиан сугубо отвратительный, обряд.

Все же должно предупредить читателя, что установленная нами трехступенность не исчерпывает всех разновидностей таинств ни во времени, ни в месте. Взаимные влияния различных центров друг на друга были неизбежны; есть даже основание предполагать, что и Пессинунт не остался в стороне от углубленной Тимофеем обрядности культа. Столь же неизбежны были, при отсутствии каноничности и церкви, и воздействия других мистерий и религиозных представлений: мы ведь видели, как под влиянием местных условий видоизменялся в различных своих центрах основной культ Деметры элевсинской.

Оглядываясь, однако, на представленную общую схему, полагаем, читателя должно было удивить одно обстоятельство, именно — само имя Великой Матери, а тем более Матери богов. Оно и древним давало повод к обильным насмешкам: сборщику пожертвований «для Матери богов» киник Антисфен ответил: «Ничего не дам; пусть боги сами содержат свою мать». Это бы еще ничего; но дело в том, что и в мифе и в культе эта Мать выступает не столько матерью, сколько любовницей. Это был большой соблазн, и пересмешник Лукиан в своих «Разговорах богов» не отказал себе в удовольствии его развить очень основательно. У него Афродита журит своего сына Эрота: «Дерзкий, ты самое Рею, богиню уже пожилую и притом мать стольких богов, влюбил в того фригийского мальчишку. И вот она по твоей милости безумствует: запрягши своих львов, взяв с собою своих корибантов, тоже довольно шальные существа, она с ними мчится взад и вперед по Иде, причем она с воем кличет Аттиса, из корибантов же кто ранит себя мечом в локоть, кто с распущенными волосами исступленно мечется по горе, кто гудит в рог, кто стучит в тимпан, кто звенит на кимвале, и вообще вся Ида оглашена шумом и безумием».

Видно, идейский миф поступил в духе эллинского богопонимания, заменив Великую Мать —

Афродитой и пастуха Аттиса — пастухом Анхизом, причем от самооскопления любимца богини остался только один слабый след, его бессилие, да и то не в действительности, а в его опасении; тем же богопониманием была подсказана и реформа Тимофея, сохранившего, однако, поневоле издревле установленные имена. Но что сказать об исконном пессинунтском культе? Следует помнить, что там не только Мать была «матерью», но и ее сопрестольник Аттис «отцом» — таково значение имен Attis, Attes, Atys — и еще более — его другого имени Paras. Видно, это древнейшее понимание родительской четы было оттеснено перенесением на «отца» того обряда, который был в ходу у его почитателей. Старший галл всегда носил имя Аттиса: это было в духе восточного отождествления посвящаемого с его богом. А раз Аттис-человек был скопцом, то и о его образце-боге пришлось допустить то же самое. Матерью же «богов» пессинунтская Кибела стала вследствие своего сближения с критской Реей, матерью Зевса и его братьев и сестер.

Итак, здесь Мать-любовница; а там, в Элевсине, Деметра-мать. Не будем торопиться с выводами; наш круг еще не закончен. Оставляем пока анатолийскую религию; но прежде чем оставить, доведем ее до принятого нами исторического предела, т. е. до I в. до Р. X.

Решающая реформа Тимофея, как мы видели, должна была состояться около 300 г. по почину Лисимаха, тогдашнего царя фрако-фригийской области по обе стороны проливов. Состояла она в проникновении религии Великой Матери религией Деметры элевсинской; очень вероятно, что базисом для реформы послужил город, в котором оба культа существовали рядом, самый крупный из старинных городов в царстве Лисимаха, Кизик, роль которого в культуре античного мира была вообще очень велика. Правда, и Пергам не исключен: и он имел свой храм Великой Матери (Μεγαλεισίου), а его святилище Деметры и Коры восходит как раз к эпохе Лисимаха. Но царство Лисимаха было недолговечно: сам он пал в 281 г., вслед за тем нагрянули кельты, занявшие весь северо-запад Анатолии с пессинунтской областью включительно. Наступил сорокалетний хаос, из которого лишь мало-помалу выделяется и достигает политической самостоятельности царство Атталидов в Пергаме, основанное казначеем Лисимаха Филетером. Атталиды постепенно расширяют свою область, занимают Иду, наносят галлам (кельтам) поражение в верховьях Каика, навязывают им свой протекторат. К концу III в. пергамские цари уже прочно держат в своих руках наследие Лисимаха, между прочим, и как покровителя культа Великой Матери. С Римом, победителем Ганнибала, они поддерживают дружбу: когда торжествующий город решает и у себя учредить культ Великой Матери, он обращается к пергамскому царю. Черный камень переносится из Пессинунта в Рим. Это вряд ли обошлось без смут, но мы о них ничего не знаем. Мы можем себе представить дело по аналогии перенесения чудотворных икон в христианскую эпоху: благодать не оставляет своего первоначального места, пессинунтский храм и впредь остался анатолийской Меккой. Наступил II век, время высшего расцвета Пергама за счет униженной Сирии Селевкидов; Великая Мать тоже процветала под соединенными ласками Пергама и Рима, тем более что и идейский центр ее культа был дорог Риму, потому что старинной Трои. А к последней трети столетия отношение становится еще непосредственнее: пергамское царство, под именем «провинции Азии», переходит во власть Рима. Последствием был новый подъем культа Великой Матери около 100 г. до Р. X.

Прошли те времена наивной и восхищенной веры, когда люди искали в замкнутой долине Нила таинственных истоков мистицизма, ревниво охраняемых молчаливой кастой жрецов и

лишь путем посвящения или предательства ставших уделом также и чужеземных гостей. Чем более разбирались древние записи, смущавшие и подстрекавшие фантазию сторонних зрителей загадочностью своих прихотливых писем, тем более трезвого, холодного света проливалось на сущность египетской религии. Развеялись соблазнительные и жуткие призраки египетской ночи; то, что нам показал ворвавшийся свет еще только утреннего солнца, оказалось довольно бесцветным, житейско-практическим, убогим богопониманием, вряд ли даже составлявшим предмет тайного учения. С одной стороны, неопределенные и малоотличимые друг от друга местные божества, произвольно сплетаемые в троицы или девятирицы по местным соображениям соседства, — божества, награждающие своих поклонников и карающие врагов; с другой — ряд других с определенными функциями, управляющих путями солнца или нарастанием Нила и принципиально недоступных просьбам и угрозам людей.

Что могла дать эта религия ищущей душе чужеземных народов и особенно греков? То, что она им действительно дала: почти ничего. Уже одно то, что Египет представлял себе небо женским и землю мужским началом, делало понимание египетской религии природы невозможным для эллина с его исконным и основным дуализмом оплодотворяющего неба и оплодотворяемой Матери-земли. Вольно было Геродоту — с доверчивостью любознательного ребенка прислушивавшегося к рассказам не очень сведущих, как оказалось, толмачей — объявлять чуть ли не весь греческий Олимп сколком с египетского пантеона; на самом деле общение Эллады с негостеприимной страной фараонов дало ей папирус и другие полезные товары, но не откровения о богах и религиозных началах мироздания. Ра и Птах, Нейт и Себек так и остались у себя дома.

Одно только божество, выделяясь из их среды, оплодотворило греческую религиозную интуицию — правда, лишь после того, как оно само было оплодотворено ею; это божество, которое мы и поныне называем его эллинизованным именем, не будучи в состоянии произнести исконно-египетского, — Исида. Она, в то же время, единственная, о которой имеется настоящий миф, а не только мифообразная формула; правда, связным пересказом этого мифа мы опять-таки обязаны греку Плутарху, между тем как Египет нам его сохранил в отрывках, подобно растерзанному телу Осириса; но так как эти клочки укладываются в целое, которое нам дает Плутарх, то мы и относимся с полным доверием к его знанию и добросовестности. Своим же исключительным воздействием на эллинское религиозное сознание Исида была обязана, в низменных сферах, тому, что была волшебницей среди богов и учительницей магии; а в более высоких — тем ее качествам, о которых пойдет речь ниже.

Итак, Исида — дочь отца-земли и матери-неба, Геба и Нут; это антифизическое сплетение жреческой теологии не важно, важно то, что она — мать молодого солнца Гора. Как таковая, она богиня восточного небосклона; богиней западного стала ее сестра Нефтида, их братьями были дневное, надземное солнце, Осирис, и ночное, подземное, Сет — Тифон. Братья и в то же время мужья: Исиды — Осирис, Нефтиды — Сет.

Это — в плоскости религии природы; а в плоскости истории — Осирис был древним царем Египта, мужем Исиды и братом остальных. Но брак Сета и Нефтиды был бесплоден, что легко объясняется в плоскости религии природы; Нефтида устроила так, что Осирис совокупился с нею, приняв ее за Исиду, и родила ребенка. Родив, она, однако, из страха перед

мужем, бросила сына; Исида, зная о происшедшем, его отыскала и воспитала; это был Анубис, отныне ее верный страж.

Сет возненавидел своего брата и решил его погубить; для этого он воспользовался следующей хитростью. По размерам тела Осириса (которые он, надо полагать, узнал от Нефтиды) он заказал ларец; затем, устроив у себя пир и пригласив к нему и брата, он объявил, что подарит ларец тому, кому он придется впору. Стали пирующие поочередно в него ложиться; когда очередь дошла до Осириса, друзья Сета подбежали и заколотили ларец, после чего бросили его в Нил.

Осирис с символом луны над головой. Роспись пирамиды в Дендере.

Узнала о случившемся Исида; отрезав свои волосы и одевшись в траурные ткани, она отправилась искать своего мужа. Тем временем Нил отнес ларец в море, а море выбросило его у Библоса (египетского) на берег; на месте, куда он был выброшен, быстро выросло дерево-эрика и охватило его своим стволом. Библосский царь срубил дерево и, не заметив находившегося в нем ларца, сделал из него столб для своего дворца. Исида после долгих блужданий «по божественному наитию» пришла и в Библос.

Пропустим подробности, слишком уж напоминающие службу Деметры у Метаниры и, по-видимому, уже после эллинизации Исида заимствованные из элевсинского мифа; конец был тот, что Исида, выслужив столб, извлекла из него ларец и из ларца — труп Осириса. Она ласкает, оплакивает его; но что-то ее отзывает, она должна его бросить, а тем временем злой Сет подоспевает и находит тело своего брата. Чтобы предупредить его — не то оживление, не то похороны, он разрывает тело на четырнадцать частей и разбрасывает по всей земле. Приходит Исида; новое отчаяние, новые поиски; она находит разрозненные части, собирает их; Нефтида присоединяется к ней, они вдвоем оплакивают погибшего. Но этого мало: Исида научилась волшебству, своими магическими средствами она возвращает покойному и целость, и жизнь.

Тем временем подрос и Гор, сын Осириса и Исида; он требует к ответу убийцу своего отца. Ответ в плоскости истории происходит перед судом, но в плоскости религии природы в пространстве, — в «день ужасов», в виде поединка Сета и Гора. Сет превращается в разных чудовищ; ему удается вырвать глаз у Гора (намек на затмение солнца), но и у него его противник вырывает ядра. К сражающимся является Исида; своими магическими средствами она возвращает сыну его глаз, но когда она таким же образом исцеляет и его врага, своего брата, возмущенный Гор отсекает ей голову... эта «ужасная черта» не встретила доверия со стороны благочестивого Плутарха, но мы тем более должны считать ее исконной. Гермес-Тот, в свою очередь, исцелил Исиду, и при посредничестве богов спор между всеми участвующими был улажен.

Знакомый с греческим мифом читатель признает тут первообраз или, по крайней мере, параллель с трагической историей Атридов: Осирис — Агамемнон, Сет — Эгисф, Гор — Орест; Исида соответствует Клитемнестре, и для этой параллелизации мотив ее обезглавливания сыном особенно драгоценен.

Исида и Гарпократ. Египетский рисунок.

В египетской религии миф об Осирисе был прототипическим для обрядности похорон умерших в видах их оживления на том свете. Исида указала для этого путь; соблюдая примененные ею магические практики, всякий покойник становился Осирисом, с каковой целью ему и давалась в качестве путеводителя на том свете знаменитая книга «о выходе с дня» («Книга мертвых», как ее со времени Лепсиуса принято называть).

Внимательный читатель не мог не заметить, что в пересказе Плутарха встречается явное удвоение: Сет дважды злоумышляет против брата, Исида дважды его находит, дважды оплакивает. Прибавим тут же, что древнеегипетский миф этого удвоения не признает: у него Исида только раз спасает Осириса, воссоединяя его тело. Вероятнее всего, дело обстояло так: Исида находит труп Осириса в ларце, она хочет вернуть ему жизнь, но для этого ей надо научиться магии. Спрятав дорогое тело, она отправляется к Гермесу-Тоту и становится его ученицей (на это имеются намеки в мифах). Опытной волшебницей она возвращается туда, где спрятала труп Осириса, — но его тем временем нашел и растерзал Сет. Она вторично его ищет и т. д.

Так, вероятно, передавал дело источник Плутарха; но при всем том удвоение остается удвоением. И читатель не затруднится припомнить, что мы такое же удвоение на том же, так сказать, месте рассказа нашли и в мифе об Аттисе. И там мы установили его происхождение и смысл: причиной возникновения был вариант, введенный Тимофеем элевсинским в подлинный пессинунтский миф, а целью введения было желание дать ему приемлемую для эллинского сознания форму. Как увидит читатель, то же самое случилось и здесь и притом по почину того же Тимофея.

Заговорив о чествуемом в Александрии Сараписе, Тацит следующим образом рассказывает о происхождении этого культа. Когда Птолемей I устанавливал богослужение в новооснованной столице своего царства, ему явился во сне юноша неземной красоты и роста и потребовал, чтобы он перенес с Понта его кумира на благо своему царству, после чего, окруженный огнем, вознесся на небо. Птолемей сообщил свое сновидение египетским жрецам; но так как они Понта и вообще чужих земель не знали, то «он обратился к Тимофею афинскому из рода Эвмолпидов, которого еще перед тем выписал из Элевсина, чтобы сделать его руководителем обрядов» — а именно: как мы имеем право дополнить, основателем александрийского Элевсина и воспетых Каллимахом таинств. Тимофей, на основании рассказов бывалых людей, устанавливает, что разумелся понтский город Синоп и его пригородный храм Аида. Отвлеченный другими заботами, Птолемей не сразу воспользовался указанием своего советника; тогда тот же сон приснился ему вторично и уже в угрожающей обстановке. Пришлось повиниться; Птолемей посылает сначала в Дельфы и после полученного там благословения — в Синоп, к царю Скидрофемиду. Не сразу согласился царь расстаться со своей святыней; но тут и ему приснился страшный сон, подтвержденный болезнью и другими явными признаками божьего гнева. Народ, узнав о происходящем, сплошной массой обступил храм, чтобы не допустить похищения кумира. Тогда сам бог покинул храм и через пораженную ужасом толпу проследовал на египетский корабль, который после невероятно быстрого плавания на третий день приходит в Александрию. Здесь и был построен величественный храм новому богу, как Сарапису, «на месте старинного храма Сараписа и Исиды».

Мы узнаем здесь обычного типа «аретологию», т. е. храмовую легенду, имеющую целью прославить «доблесть» (αρετή) чествуемого бога; такая же точно рассказывалась и про перенесение в Рим пессинунтского кумира Великой Матери. Чудесные прикрасы нетрудно выделить; в результате получится важная религиозная реформа, произведенная родоначальником новой династии египетских царей.

Исида с младенцем, бог Анубис и фараон. Египетский рисунок.

Таковые в Египте обычно отмечали свое восшествие на престол учреждением нового культа; египтяне ничего не могли иметь против возобновления старинной традиции. Но Птолемей преследовал еще другую, более важную цель: он хотел под знаком объединяющей религии сплотить между собою оба элемента своего народа, греческий с туземным. Для этого он обратился к Тимофею Элевсинскому с поручением насадить в Александрии его родные мистерии; но культ чисто греческой Деметры, охотно принятый подданными-греками, ничего не говорил чувству египтян. Тогда был сделан дальнейший шаг: по свидетельству добросовестного Плутарха, «эксегет Тимофей с его заседателями и Манефон-себеннит доказывают Птолемею, что синопский кумир, который ему был привезен, представляет собою не кого-либо иного, а именно египетского бога Сараписа». Итак, Птолемей образовал комиссию из представителей греческого и египетского жречества для учреждения нового, общего для обеих наций культа; представителем греческого был тот же Тимофей, учредитель элевсинских таинств в Александрии, успевший за время своей деятельности в этом городе присмотреться и к египетской среде, и египетский жрец Манефон, написавший по-гречески историю своего народа и, стало быть, освоившийся с пришлой, греческой частью александрийского населения. Их общим делом были культ и религия Сараписа, кумир которого был привезен из греческого города Синопа, имя же было заимствовано из недр египетского символизма, обозначая «ставшего Аписом — Осириса».

Так мы, следуя древней традиции, представляем себе возникновение этой самой влиятельной ветви эллинистической религии, оставляя, по необходимости, побочные вопросы в стороне. Нечего говорить, что о нем существует целая литература; нечего говорить также, что и установленные главные вехи не остались неоспоренными. Но что можно сколько-нибудь разумно возразить против древней традиции? «Религии не создаются по приказу». Не создаются, но очень часто реформируются, и лютеране это знают лучше, чем кто-либо; возможно, что и у царя Птолемея был свой Вартбург, куда он отправил Тимофея, Манефона и их заседателей. — «Не стал бы Тимофей учреждением мистерий Икиды создавать конкуренцию им же перенесенным мистериям Деметры элевсинской». Но здесь нет места конкуренции; Сарапей стоит рядом с Элевсином александрийским, как Мегалесий рядом с храмом Деметры в Пергаме или как соответственные святыни в Кизике. — «Понтский Синоп назван по недоразумению; на деле Сарапис был взят из египетского Мемфиса, холм которого, освященный храмом этого бога, назывался по-египетски Sen-Hapî („домом Аписа“), а по-гречески Σίνοριον». Созвучие очень интересное; действительно, оно объясняет нам то, что до сих пор оставалось непонятным, почему кумир нового бога был взят именно из отдаленного Синопа на Эвксине. — А в противовес этим несостоятельным возражениям сколько подтверждений! И аналогия пессинунтского культа, и явные элементы элевсинской религии в мифе об Осирисе—Сараписе, и указанное предательское удвоение. Прибавим и одно хронологическое соображение. Кумир александрийского Сараписа приписывается славному

греческому ваятелю Бриаксиду, деятельность которого относится к середине IV в.; между тем учреждение его культа в Александрии состоялось полустолетием позже. Сколько гипотез вызвало это мнимое противоречие! Допускались самые невероятные хронологические натяжки, оспаривалось авторство Бриаксида, измышлялся никому не известный Бриаксид Младший — между тем как древняя традиция никакого противоречия в себе не содержит. Бриаксид и не думал о Сараписе: он, главный в Анатолии художник, изваял для синопцев их Плутона, которого затем Птолемей перевез в Александрию. Самый вид александрийского Сараписа, известный нам по многочисленным копиям, не оставляет никакого сомнения в том, что его художник имел в виду чисто греческого Аида—Плутона.

Итак, кумир — греческого, имя — египетского происхождения; этим обе нации были удовлетворены. Имя имело для египтян решающее значение: из него они путем этимологических хитросплетений выводили свои богословские построения, им они пользовались для своих магических практик; от имени они бы никогда не отказались. Напротив, особенностью греков было именно то, что они видели в имени лишь безразличную, меняющуюся ризу божественного естества. Пусть им предложат поклоняться богу с негреческим именем Сараписа: они не затруднятся это сделать, видя в нем своего родного бога Плутона.

Так Птолемей разрешил религиозную проблему, поставленную ему его призванием на обновленный эллинизмом престол фараонов; решение было блистательным. Это доказала, во-первых, поразительная живучесть нового культа, культа Исиды и Сараписа: он пережил все остальные культы в Египте и был истреблен лишь императором Юстинианом в VI в., да и то только по видимости. Это доказала его еще более поразительная притягательная сила, проявленная в прозелитизме, его быстрое распространение по греко-восточному, греческому, греко-римскому и римскому миру. Это доказало, наконец, его обаяние среди чутких к мистическим восприятиям умов новой Европы; ведь не египетская богиня с непроизносимым именем, сопрестольница Себека, Птаха, Хатор и др., заворожила эти умы, создавая «жриц Исиды» вплоть до последних времен, а богиня эллинистическая, Исида Тимофея, эллинистическое претворение Деметры элевсинской.

О. Ренуар. Диана. Холст (1867 г.).

Было бы, однако, ошибочно утверждать, что Исида до этого претворения была совершенно чужда внеегипетскому и специально греческому миру. Морские гавани, места прихода и ухода иностранных судов, были естественными местами оседлости также и для иностранных «колоний» в нашем смысле слова. Как в египетском Навкратисе была эллинская колония, отгороженная довольно прочной стеной от остального египетского мира, так, наоборот, в афинском Пирее жила колония египтян. Разница, правда, состояла в том, что Навкратис был самоуправляющейся общиной, имевшей, естественно, и свои собственные культы, между тем как египетская колония в Пирее жила среди прочих жителей этого города. Но таким иностранным поселенцам предоставлялось при соблюдении известных условий образовать корпорации, которые были общинами в общине. И вот мы читаем в одной случайно сохранившейся надписи, относящейся к 333 г. — как раз накануне основания Александрии: «По предложению (оратора) Ликурга, сына Ликофрона, из рода Бутадов и вследствие признанного законным прошения китийских (на Кипре) купцов, чтобы им было разрешено

приобретение участка земли для постройки храма Афродите, постановляется: разрешить китийским купцам приобретение участка земли для постройки храма Афродите на тех же основаниях, на каких и египтяне построили храм Исиде».

Итак, египетская «колония» в Пирее еще до птолемеевской эллинизации имела храм своей излюбленной богини; не следует, однако, преувеличивать значение этого факта. Современная ему афинская литература, очень живо откликнувшаяся на введенные частным образом чужеземные культы Адониса, Сабасия, Котитто, совершенно молчит об Исиде; очевидно, внутри египетской общины поклонников, при их строгой отчужденности от «варваров», эта богиня не имела той жажды и силы прозелитизма, которую приобрела после реформы Тимофея. Зная отношение эллинов, и специально афинян, к чужеземным культам, и египтян к неегиптянам, мы можем утверждать, что пирейский храм Исиды, — вероятно, наглухо замаскированный гражданскими пристройками, — ничем не возбуждал внимания посторонних; египетского кумира с его непривычными скульптурными формами и не видел афинский глаз, как никакое афинское ухо не слышало литургических причитаний в ее честь. А если и слышало, то ничего не понимало: причитания были на египетском языке.

Теперь все изменилось: в Александрии, гостеприимном греческом городе, в роскошном Сарапее рядом с кумиром бога, изваянным рукою эллина Бриаксида, стояла его супруга Исида, в которой каждый эллин должен был признать свою Деметру — действительно, чтобы это дополнить, раскопки на Делосе доказали, что Исида Тимофея первоначально изображалась в виде Деметры, пока для нее не нашли специально греко-египетской формы. Вся литургия была на греческом языке — для египтян был выстроен особый Сарапей в Мемфисе, более приуроченный к их религиозным нуждам — и попеременно с переделанными по египетским образцам молитвами слышались пэаны — да, именно пэаны Деметрия Фалерского, ученика Аристотеля и бывшего правителя Афин, ныне советника царя Птолемея; пэаны, сочиненные им в честь новых богов в благодарность за исцеление от болезни глаз. Эта Исида, конечно, уже иначе действовала на религиозное чувство. Первым делом она привилась среди греческого населения самой Александрии: следовать примеру великого афинянина Деметрия ни для кого не было зазорно. А затем — Птолемеи поддерживали морские сношения с собственно Грецией, их флот ходил по Архипелагу — Исида получила новое значение как охраняющая на море богиня, значение, какого за ней не знали боявшиеся моря египтяне. Операционным базисом Птолемеев на Архипелаге были Киклады; и вот Делос, по-видимому, первый заводит у себя Сарапей — в III в., прежде, чем Птолемеи потеряли свою власть на море. Политика их была антимакедонской; это их особенно сблизило с Афинами, которые были главным предметом завоевательных стремлений македонских царей. Птолемей II оказывает им помощь против Антигона Гоната; благодарные афиняне основывают новую филу в честь его, Птолемеиду, и, по-видимому, в то же время строят — уже не в Пирее, а в самих Афинах, недалеко от Акрополя — храм в честь Сараписа и Исиды.

Другим средством распространения культа было наемничество. Как популярна была военная служба у Птолемеев, видно из стихотворений Феокрита. Из греческих наемников многие, конечно, оставались в Египте, получая земельный надел в тамошних военных поселениях — лучшее средство эллинизаторской политики, которым располагали греческие цари Египта; но многие возвращались на родину и там, понятно, не переставали служить той богине, которая

их охраняла в чужой стране. Так возникли культы Исиды на Крите, в Этолии и, по-видимому, во многих других местах.

Деметра элевсинская, как мы видели, не делала разницы между свободными и рабами, всех одинаково принимая в свой храм посвящений; эту свою гуманную черту она, естественно, передала и александрийской Исиде. Отсюда возник — мы это можем удостоверить специально для беотийских культов — один обычай, несомненно, увеличивший популярность богини в низших слоях общества: обычай отпущения рабов на волю путем посвящения их Исиде. Это делалось таким образом: сумма денег на выкуп, собранная или самим рабом, или его покровителями, или в видах юридической фикции объявленная самим хозяином, вносилась последнему от имени Исиды, которая, таким образом, становилась как бы госпожой отпускаемого. Это не стесняло его свободы, а только скрепляло ее, так как хозяин в случае нарушения оной подвергался не только светскому, но и духовному взысканию; но понятно, что освобожденный таким образом становился в особенно близкие отношения к своей госпоже, делался особенно ревностным ее слугой.

Одновременно с восточным греческим миром был завоеван и западный. Кирена была более или менее подвластна Птолемям, Сиракузы же через своего тирана Агафокла вступили с ними в родственные отношения. Это случилось еще в III в.; из Сицилии же богине нетрудно было перебраться и в Южную Италию, в ее главную гавань Путеолы и дальше. Посетителям Помпеи памятен тамошний внушительный — не по размерам, а по загадочной архитектуре и не менее загадочным фрескам — храм Исиды. Он был построен уже после землетрясения, незадолго до гибели города, но на месте более древнего, заложенного еще во II в. до Р. Х. А обосновавшись в Южной Италии, Исида стала настойчиво стучаться и в ворота Рима, пока не добилась своей цели.

Похищение Европы. Фреска (I в. н. э.).

Чего же искали и что нашли новые поклонники египетской богини и ее супруга в их полувосточной, полугреческой службе?

Начнем с того, чего они не нашли.

Не нашли они, во-первых, той особенности египетской религии, которая уже давно возбуждала их насмешки и с которой они никогда бы не примирились: обоготворение животных в виде ли придания божественным изображениям животной или полуживотной формы, или в виде прямого поклонения разным священным баранам, котам, крокодилам и т. д. Надо, впрочем, сказать, что специальный культ Исиды и Осириса уже в своей позднейшей египетской форме был довольно свободен от этих уродливостей. Правда, Исида была для египтян «небесной короной» и вначале изображалась не то полной короной, не то с коровьей головой; но до александрийской эпохи даже эта самка Минотавра не дожила. Она успела потерять и коровью голову и сохранить только рога по обе стороны своего солнечного диска в виде особого головного убора; таковой знали ее мемфисцы, между тем как александрийцы видели в ней только свою родную Деметру, без всякого намека на ее бывшее коровье естество. Сарапис оставил себя как Аписа (т. е. быка) в Мемфисе; Александрия по всему миру распространила его таким, каким его — синопского Плутона — изваял Бриаксид. Их сын Гор — тот неизменно представлялся с головой кобчика, поскольку ему не давали

головой павиана, что было еще менее утешительно; зато Александрия этого бога совсем оставила в покое в его взрослом подобии и ограничилась Гором-младенцем, по-гречески Гарпократом, который был представляем обыкновенным человеческим младенцем либо у матери на руках, либо отдельно. В первом случае получилась красивая и знаменательная группа, богиня-мать с божественным младенцем; греку предоставлялось вспомнить о Деметре с ее питомцем, дитятей Метанеры, или Иакхом, пока не наступили времена, признавшие за этой группой еще более священное значение — времена, продолжающиеся и поныне. Самого Гарпократа египетский реализм не постеснялся бы изобразить прямо сосущим свой палец, но ради греческой благопристойности пришлось ограничиться приложением этого пальца к губам, причем получился новый, красивый символ: символ молчания, приличествующего посвящаемому в таинства Исиды.

Не нашли они, во-вторых, и той разветвленной заупокойной магии, которая составляла славу египетской Исиды как волшебницы среди богов и внешними символами которой была сложная мумификация покойников и даваемая им на тот свет «Книга мертвых» из ста с лишним глав. «Книга мертвых» не была переведена на греческий, а греки — поклонники Исиды были хоронимы по своей родной обрядности, т. е. или погребаемы в земле, или сжигаемы. Это было очень важной реформой: признавалось, что сохранение тела не было условием для благоденствия души на том свете. Конечно, давления и тут не производилось никакого: если в самой Александрии грек — поклонник Исиды считал более надежным, чтобы его по смерти мумифицировали на египетский лад, это было дело его и его родственников; мумии с греческими надписями в самом Египте сохранились. Но через море этот обычай за Исидой не последовал: культ богини в прочем греко-римском мире мы должны себе представить без мумий и сопряженной с ними загробной магии. Это не значит, впрочем, что Египет вовсе обошел Грецию этим роковым даром: магия попала в Грецию, мы это еще увидим, и притом благодаря обаянию Исиды. Но это было второй волной, пошедшей от Египта, и александрийская религия Тимофея в ней неповинна.

Зато вот что они нашли.

Во-первых, каждый грек, откуда бы он ни происходил, нашел в Исиде свою родную богиню, в Сараписе — своего родного бога. Что Исида была Деметрой, это мы уже видели; но она же была Афродитой Морской для коринфского купца, которого благословляла в опасный путь через Архипелаг; она же Герой Вершительницей охраняла брачную жизнь замужних женщин, она Артемидой облегчала их родильные муки, и так далее; даже с Великой Матерью она дала себя отождествить, когда прозелитизм также и этой анатолийской богини повел к столкновению с ней. Столь же всеобъемлющим божеством был и ее супруг Осирис-Сарапис. Кумир, как мы видели, изображал его как Аида-Плутона; но этот бог не пользовался в Греции особенно распространенным культом и даже в самом Элевсине играл довольно второстепенную роль. Там мужским членом троицы был, как мы видели, Дионис; и действительно, Диониса признал в Осирисе еще Геродот задолго до учреждения александрийского культа. Это значение осталось за Осирисом-Сараписом и впредь, причем орфики могли припомнить, что и их первоначальный Дионис-Загрей был растерзан титанами, как Осирис — Тифоном, и молиться на том свете, чтобы «Осирис уделил им холодной воды» памяти и сознания. Но, кроме того, он был по своему первоначальному значению Гелиосом-Солнцем, и это значение со временем опять станет преобладающим — недаром он, явившись

во сне царю Птолемею, в пламени вознесся к небесам. Он же и Посейдоном охраняет пловцов во время их плавания; он Асклепием исцеляет ищущих его помощи больных; он, наконец, превышает всех остальных богов своей силой, будучи Зевсом, супругом Исиды-Геры: «един Зевс-Сарапис», читаем мы много раз на передающих его любимое изображение резных камнях. «Един Зевс-Сарапис» — стоит запомнить эту формулу: она характерна и для этой эпохи, стремящейся уже к единобожию в иной форме, более простой и откровенной, чем та, в которой осуществила эту идею и исконная греческая религия и позднейшая религия Деметры. Сохранилась легенда, что в самый момент возникновения александрийского культа кипрский царь Никокреонт, обратившись к новому богу с вопросом, кто он, получил от него ответ: «Небо — моя глава, море — мое чрево, в землю упираются мои ноги; мои уши реют в воздухе, мои очи сияют солнцем». Это не очень наглядно, но идея Сараписа-всебога выражена ясно.

После древнегреческой радуги божественных проявлений, после собирания богов под укромной сенью деметриных таинств эта теокрасия — «смешение богов» — была следующим неизбежным шагом. Культ Исиды первый его совершил; при данном настроении эллинизма это был один из залогов его успеха.

Во-вторых, верующие нашли в культе Исиды и хорошо организованное, сильное и умное жречество, естественное наследие фараоновского Египта. Жречество было, оно требовало значительных затрат, и необходимостью изыскать соответственные средства объясняется поразительный прозелитизм культа Исиды. Часть правды этим высказана, но интереснее другая. При многочисленности жреческого персонала было возможно гораздо более интимное, личное отношение жреца к посвящаемому, чем в древнегреческих культах с их немногими жрецами и жрицами; то, что там было случайным явлением, здесь могло стать правилом. Мы нарочно не привлекаем самого подробного и яркого описания культа Исиды, которое сохранилось, — одиннадцатой книги «Метаморфоз» Апулея: будучи написана к концу II в. по Р. Х., эта книга изображает нам культ богини в его последней римско-вселенской фазе и, несомненно, содержит элементы, чуждые эпохе эллинизма. Но позволительно будет сослаться на слова героя о посвятившем его жреце, на его сыновнюю к нему нежность и сыновнее почтение — несомненно, представление о жреце как о духовном отце впервые осуществляется в культе Исиды.

Кроме того, многочисленность жреческого персонала допускала и большую торжественность религиозных церемоний. Эпоха эллинизма вообще склонна заменять всенародную соборность виртуозностью специалистов, — и в искусстве, и в агонистике, и в религии. И в этом отношении жреческое богослужение с народом в качестве зрителя, а не участника, пожалуй, соответствовало новым требованиям. Геркуланские фрески, относящиеся именно к эллинизму, в связи с литературными свидетельствами открывают нам многое. Служба Исиде была прежде всего постоянной: была утренняя служба «открытия дверей» храма, была и пополуденная служба. Случайно сохранился стих из потерянных «Жриц» Эсхила:

Благовестуйте! Мелиссы вблизи, дабы дом Артемиды открыть нам.

Если присутствующие приглашаются соблюдать благовещное настроение, в то время как жрицы Артемиды, мелиссы (пчелы), будут открывать ее храм, значит, это открытие было богослужебным актом. Да, мы многое знали бы лучше, если бы сохранилось больше

творений этого питомца элевсинской Деметры. Но и теперь мы можем сказать, что и другой питомец той же Деметры, Тимофей Элевсинский, знал, что делал, вводя лишь такие обряды, которые имели параллели себе в исконно греческом богослужении.

Палладий. Бронза (VI в. до н. э.).

Все же они были, по-видимому, в культе Исида значительно сложнее. В закрытый еще храм входили прислужницы, «будили» богиню приветственной песнью, причесывали, одевали и затем лишь открывали храм, чтобы она могла принять своих почитателей. Завеса распахивалась; взорам верующих представлялась богиня. Без сомнения, утренняя служба состояла в значительной степени в исполнении пеанов — они так и называются — в честь нее, вроде тех, которые сочинял Деметрий Фалерский, поэт-философ; знаем еще, что молитвы сопровождалась потрясанием систра, звонка особой конструкции, по своему значению вряд ли многим отличавшегося от того, которым поныне сопровождается католическая литургия.

Это была ежедневная служба, но кроме нее Исида имела свои ежегодные праздники. Не будем предвосхищать того, что нам подлинно известно только для эпохи римской империи: мы не можем быть уверены в том, что веселый всенародный праздник «корабля Исида» существовал уже в интересующую нас эпоху. Но зато, несомненно, существовал праздник мистерий Исида; и эти мистерии и были тем третьим и главным, чего в ее культе искали верующие.

Главным оно было, конечно, и для Тимофея, влившего дух своего родного элевсинского культа в мистический культ египетской богини. И здесь душа посвящаемого настраивалась созерцанием священной драмы, героями которой были Осирис и Исида, а содержанием — страдание, смерть и воскрешение первого, горестные поиски и самоотверженный подвиг последней. Посвящаемый переживал вместе со страдальцем странствие через ужасы мрака к блаженству вечного света; «я дошел до пределов смерти, я коснулся своей стопой порога Пересефоны; пройдя через все стихии, я вернулся обратно; среди ночи я увидел солнце, сверкающее белым светом; к богам и неба и подземной глубины я подошел и вблизи сложил им дань своего благоговения» — так говорит герой Апулея; и кто читал изображение элевсинских таинств в «Лягушках» Аристофана, тот знает, что в кратком рассказе Апулея, по крайней мере, столько же греческого, элевсинского, сколько и египетского.

Такова была религиозная реформа Тимофея, проведенная им по почину царя-эллина Птолемея Спасителя, при дружелюбном содействии слуги Исида, эллинствующего жреца Манефона. Ее последствия были неисчислимы. Благодаря ей, Исида действительно завоевала весь культурный мир: но это была эллинизованная Исида: египетские украшения, которые она взяла с собою с берегов Нила, так же мало изменили ее эллинское естество, как и «канопские» узоры третьего помпейского стиля — его эллинскую основу: в своеобразных, но все же не древнеегипетских льняных ризах — жаждущих мистического откровения поклонников утешала все та же Деметра Элевсинская, богиня тайн о синем покрове.

И все же разница была — разница крупная, решающая. Боги греческого Олимпа чуждались подземной тьмы; мы видели — прощаясь с жизнью, грек переходил под власть других богов и других законов. Здесь не то: Сарапис главой витал в эмпирее, а стопами попирал

подземные глубины; отдавшийся ему при жизни поклонник и здесь и там пользовался его неизменным покровительством. Основное различие в греческом пантеоне, различие олимпийских и хтонических богов, собиралось исчезнуть из сознания верующих, готовя путь Тому, Чья все превосходящая власть одинаково объемлет и земной, и загробный мир.

Мы изучили вклады Анатолии и Египта в религию античного мира. Переходя теперь к третьей греко-восточной области, к Сирии, мы должны прежде всего заметить, что ее роль как оплодотворительницы античной религии почти вся еще впереди. В эпоху эллинизма она сама является полем усиленной эллинизации со стороны своих царей Селевкидов; но, покоряясь им внешне, она в то же время ревниво бережет про себя своих презираемых западным миром кровожадных Ваалов, в ожидании того, еще далекого момента, когда этот мир, униженный и расслабленный, и их призовет к себе.

Только одно сирийское божество уже с давних пор сумело доставить себе доступ в круг эллинской религии, использовав чувство ее носителей, в котором заключалась их и сила, и слабость — чувство красоты: это была Астарта с ее любимцем Адоном. Но, быть может, и это исключение лишь подтверждает правило: дело в том, что для этой четы Сирия была только переходной областью, родиной же — древняя Вавилония. А так как вавилонская религия к тому же и лучше известна, чем сирийская, то с нее целесообразнее будет начать.

Похищение Елены. Иллюстрация к «Метаморфозам» Овидия (XV в.).

В древневавилонском пантеоне богиня Иштар занимает особое место, как богиня самостоятельная и яркая, а не бледное женское дополнение к мужскому божеству. В силу коренного астрально-природного дуализма вавилонской религии и роль Иштар двойная: она и душа одной из семи планет, той самой, которая поныне, после двойной лингвистической метаморфозы, сохранила ее имя — вечерне-утренней звезды Венеры, — и богиня земного плодотворения и его условия, чувственной любви. В этом втором своем естестве она чувствовалась безудержным половым разгулом, сакральным выражением которого была религиозная проституция; но созданный ею буйный урожай весны обречен гибели, разрушительное время года срывает одно украшение за другим у вянущей природы, снимает с нее под конец зеленую ризу и отдает обнаженную богиню во власть смерти. Так возник в сознании вавилонянина образ юного бога природы, Таммуза, любимца Иштар. Причина его гибели именно в плодотворении — «причина смерти — любовь», можно сказать и тут. А царица любви — Иштар: это она своими ласками обольстила Таммуза, она стала причиной его гибели.

И вот Таммуз покинул свет дня, стал жителем преисподней, где царствует Нергал и его грозная супруга Эрешкигаль. Тут начинается для нас один из любопытнейших памятников вавилонской религии, «Сошествие Иштар», как его принято называть. «Стала мыслить Иштар о стране без возврата»; отправляется туда, находит стража у первых врат, посылает его к царице Эрешкигаль: «Пришла Иштар, твоя сестра». Закручинилась владычица мрака, жалеет она богиню и ее неотвратимую судьбу. По ее приказанию страж пропускает Иштар через семеро врат, снимая с нее последовательно украшение за украшением, под конец даже ризу стыда; обнаженной является она к Эрешкигаль. Та заражает болезнью ее глаза, чресла, ноги, сердце, голову, всю ее — и с этого мгновения прекратилось всякое плодотворение на земле, вся живая природа заснула. Испугались высшие боги; создав слугу, они посылают его

к Эрешкигаль с властным словом. Эрешкигаль проклинает слугу, но переданное им слово исполняет; по ее приказу прислужник Намтар кропляет Иштар живой водой, ведет обратно через семеро врат, возвращая ей у каждах последовательно отнятые украшения. Конец гимна плохо сохранился и загадочен, но все же видно, что и Таммузу уделяют живой воды, что он воссоединяется с возлюбившей его богиней. Опять весна на земле.

И красиво и странно сплелись в этом мифе оба естества астрально-природной Иштар: мы узнаем богиню плодотворения, обрекающую гибели особь ради продления жизни породы, но узнаем и лучезарную звезду, спускающуюся через рубеж небосклона под землю, где предполагается царство мрака. Умиравшая и воскресающая природа странно раздвоена в Таммузе и Иштар как *natura naturata* и *natura naturans*; первая в своем мужском, вторая в своем женском естестве, что уже совсем странно. Но мы, может быть, неправильно поступаем, рассуждая по-нашему в вавилонской атмосфере. Во всяком случае, Таммуз — символ расцветающей и увядающей природы. «О, пастырь! — поется в жалобном гимне в честь него, — ты — семя, не отведавшее влаги в борозде, зародыш, не принесший плода в поле, деревцо, не посаженное у орошающей струи, деревцо, корни которого подрезаны, лоза, не отведавшая влаги в борозде».

Одно хотели бы мы узнать: видели ли вавилоняне в воскрешении Таммуза залог возможного освобождения также и человека из «страны без возврата»? Ученые-ассириологи склонны это допустить; однако воскрешение мертвых упоминается в богослужебных гимнах, но только как проявление силы соответственных богов, не в связи с воскрешением Таммуза, не как последствие освободительного подвига самой Иштар. И, думается, этим обусловлено также и то обстоятельство, что культ Иштар и Таммуза не имеет мистического характера. Конечно, вся религия вавилонян гораздо более подчинена жречеству, чем греческая, но о специальных посвящениях в таинства Таммуза мы не слышим. Религиозная мысль еще не прорвала своей природно-мифической пелены: служба Таммузу, справляемая храмовыми проститутками — только симпатическая служба умирающей и воскрешающей природе, вне связи с возможной для человека «лучшей участью» за пределами смерти. Такой «лучшей участи» для смертных людей Вавилон вообще не признавал.

Покорившие Вавилонию пришельцы семитского племени сами прониклись ее религией и стали посредниками между нею и своими западными соплеменниками, населившими Сирию с Финикией; им они принесли культ Иштар и Таммуза. Его сущность была сохранена, только имена были заменены другими. Иштар стала Астартой, хотя это имя не было обязательным; Таммуз же был обозначаем нарицательным *Adon*, что значит «Господь». Немногочисленные свидетельства об этом культе: сирийцы и финикияне не оставили нам такой богатой литературы, которая могла бы идти в параллель с клинописной вавилонской; что же касается греческих, то они тоже не очень обильны, позднего происхождения и возбуждают подозрение в том, что переносят в Сирию обратно определившиеся уже в Греции особенности культа и мифа.

Как бы то ни было, можно признать за достоверное, что одним из центров культа Адона и Астарты был город Библ в Финикии. Адон был ранен вепрем на охоте в роще Ливана и умер от раны; на память об этом библейцы ежегодно справляют «оргии» с плачем и ударами в грудь, после чего приносят ему заупокойные жертвы как мертвому. А на следующий день они

выносят его изображение (из усыпальницы?) на воздух, объявляют его живым и чествуют отрезанием своих волос и религиозной проституцией. В эти дни будто бы и протекающая мимо Библа река, тоже носящая имя Адона, окрашивает свои волны в багровый цвет.

Местом столкновения и слияния финикийского и греческого элементов был остров Кипр; здесь финикийская Астарта превратилась сначала в «кипрскую богиню» (Киприду), а затем в Афродиту; здесь была помещена и родина ее любимца. Миф о нем получил следующую форму. У кипрского царя Кинира была прекрасная дочь, по имени Мирра. Воспылав нечестивой любовью к своему отцу, она путем обмана достигла своей цели, но под конец обман обнаружился, Кинир с мечом в руке бросился преследовать оскверненную осквернительницу — но боги, по просьбе Мирры, превратили нечестивицу в дерево, то самое, с которого сочится благовонная смола, носящая ее имя. Через десять месяцев кора дерева лопнула и выдала младенца — Адониса. Воспитанный пастухами, он и сам стал пастухом. Божественной красотой он покорило сердце самой Афродиты, и она сделала его своим товарищем и любимцем. Однажды он отправился на охоту. Исход был для него роковым; вепрь, встретившись с ним, ранил его в бедро, и он от этой раны умер. Безутешно было горе Афродиты; оплакав своего любимца, она спустилась за ним в преисподнюю и добилась его частичного возвращения себе. По решению Зевса, он отныне треть года должен был проводить в преисподней, треть с Афродитой, а треть, где захочет сам — но он, конечно, и эту треть подарил своей божественной подруге.

Из Кипра культ Адониса рано проник в Грецию как колониальную, так и коренную. Самым ранним свидетельством о нем мы обязаны Сапфо (VI в. до Р. X.); она сочиняла обрядовые песни для праздников Адониса, из которых нам сохранен маленький, но содержательный отрывок:

Что, Киприда, творить нам повелишь?

Никнет Адонис!

Бейте в перси, взрыдав, девы, по нем,

Рвите хитоны!

В пятом веке мы встречаем Адонии уже в Афинах; справляют их там плачем и жалобами суеверные женщины к великому неудовольствию властей — пришлый характер праздника живо чувствуется в этом к нему отношении представителей государства. Вообще, нигде в Греции до падения ее самостоятельности Адонии не получают официального характера: справляют их частные кружки вроде того, для которого Сапфо писала свои богослужебные песни. И притом преимущественно, если не исключительно, кружки женщин: вторая после Сапфо даровитая стихотворица греков, Праксилла, тоже писала адонические песни, и из них тоже сохранился отрывок — наивный плач умирающего Адониса:

Бросить я должен красу над красами, лучистое солнце,

Бросить алмазные звезды и лик благодатный Селены,

Сочные бросить арбузы, и яблоки бросить, и груши, —

из которого мы заключаем, что в Греции праздник Адониса справлялся не весной, как в Вавилоне праздник Таммуза, а летом или ранней осенью.

Но тот же культ — вряд ли из Финикии, а скорее, непосредственно из Вавилона — проник и в семитскую Анатолию, главным образом, в Лидию, и там существенным образом изменил местный миф и культ Великой Матери и Аттиса. Имена остались местные; но была введена одна подробность, сближающая Аттиса с Адонисом: его самооскопление было заменено смертью на охоте, и притом именно от поранения клыком вепря. В этом, действительно, отличие лидийского Аттиса от того фригийского, о котором была речь выше. И это проникновение должно было состояться в очень ранние времена; оно успело повлиять на легенду о лидийских царях и создать тот ее вариант, который мы знаем, благодаря пересказу Геродота. Здесь Аттис является сыном царя Креза, и гибнет он от руки Адраста («Неизбежного», т. е. бога смерти) во время охоты на вепря.

Но это мимоходом; не в первый раз мы встречаем слияние Афродиты с Великой Матерью. Возвращаемся к настоящему Адонису. Мы проследили его судьбу в древнем Вавилоне, в семитской Сирии и в Греции эпохи независимости; теперь перед нами последний вопрос: роль культа Адониса и Афродиты в религии эллинизма.

Она именно такая, какой мы ее ожидаем при греко-восточном характере этого эллинизма: Адонис, не допущенный до тех пор в греческий пантеон, принимается в него теперь, его культ из частного становится государственным. Доказательств мы ищем прежде всего в царстве Селевкидов, взрастившем во времена оные религию Адониса и передавшем ее собственно Греции. К сожалению, оно мало дает о себе знать в нашей литературе; жаль, что не сохранилось почти ничего от придворного поэта Селевкидов Эвфориона! С другой стороны, мы знаем эллинизаторские тенденции Селевкидов, их нелюбовь ко всему варварскому, особенно в религии. Но культ Адониса был достаточно эллинизован своим долгим сожительством с эллинской Афродитой: в этой греческой — уж, конечно, не финикийской, — форме его можно было принять в цикл государственных культов. И действительно, он был принят; мы заключаем это, правда, из очень немногословного свидетельства, оно состоит буквально из одного только слова, но это слово вполне доказательно. Это — имя месяца $\Lambda\delta\omicron\nu\iota\sigma\iota\omicron\varsigma$ в Селевкии — неизвестно, какой, но, конечно, основанный Селевкидами. Значима форма — $\Lambda\delta\omicron\nu\iota\sigma\iota\omicron\varsigma$, не $\Lambda\delta\omicron\nu\iota\omicron\varsigma$; отсюда видно, что чествовался греческий Адонис, а не семитский Адон.

Этого мало; ничего не поделаешь. Красноречивее наши источники для третьего из греко-восточных царств, для птолемеевского Египта — точнее говоря, один источник, но зато первостепенный, — лучший поэт эллинизма, Феокрит. Он навестил Александрию в правление Птолемея II Филадельфа, в 60-е годы III века, был свидетелем праздника Адониса, справленного царицей Арсиной в ее дворце — праздника царского, а стало быть, при тогдашней форме правления, государственного — и описал виденное им в одной из своих прелестнейших идиллий, в «Сиракузянках». Описал он его в форме драматической: две землячки поэта, поселившиеся в Александрии сиракузские мещанки, приходят посмотреть на праздник. С трудом протиснувшись через толпу, они входят во двор царских хором; их взорам представляется открытая спереди зеленая беседка, в ней два серебряных ложа, на одном лежит кумир Адониса, на другом кумир Афродиты. Деловитые хозяйки, они обращают

свое внимание первым делом на расписные материи, которыми устланы ложа:

Что за ткачихи, Афина, покровы им эти соткали!

Чья им искусная кисть создала этих образов[17] прелесть:

Ведь что живые стоят, что живые гуляют по ткани.

Скажешь, с душою они: нет на свете мудрей человека!

Потом лишь приковывает их взоры и лежащий поверх спускающихся с ложа тканей кумир:

Сам же какой ненаглядный лежит на серебряном ложе,

Пухом весенним как раз золотя молодые ланиты,

Трижды любимый Адонис, и в мраке Аида любимый.

То же скажет вскоре затем и певица богослужебного гимна:

Лет жениху восемнадцать, поди — девятнадцать, не больше:

Пух золотой на устах, молодое не колет лобзанье.

Само ложе — высокое, из черного дерева с золотыми и серебряными украшениями; ножки облицованы барельефами из слоновой кости, изображающими похищение молодого Ганимеда орлом.

Что тут эбена, что злата! Орлы же из кости слоновой

Зевсу-Крониду несут виночерпия в высь молодого.

Сверху — порфира ковров; они сна беспробудного мягче.

С гордостью скажет Милет и на Самосе пастырь загонов:

«Нашей работой твое изукрашено ложе, Адонис!»

Ложе Киприде — одно, а Адонису-свету — другое.

Перед ложами — столы с угощениями для блаженной четы:

Все здесь лежит на столах, что в ветвях плодоносных поспело;

Садика нежные тут же в серебряных вижу корзинках;

Тут же в сосудах златых благовоний сирийских услада;

Тут же печенья манят — на листьях их пекут мастерицы,

Сок многовидных цветов к белоснежной муке прибавляя;

В меде ее ж разведя, иль в елее густом, налепили

Птичек пекарки для вас и зверьков всевозможных подобья.

Наше внимание привлекают особенно упомянутые «садики» Адониса — это их техническое имя — в серебряных корзиночках, характерная принадлежность именно нашего праздника. Принято было украшать ложе Адониса быстро возвращенными цветами и злаками — это достигалось, вероятно, тем, что их поливали вином вместо воды — которые, разумеется, так же быстро и вяли, не дав плодов: символ скоротечности жизни самого Адониса. Можно при этом вспомнить слова из вавилонского гимна Таммузу: «Ты — зародыш, не принесший плода в поле» и т. д.

И наконец, сама беседка, осеняющая эту красивую сцену. И здесь, согласно эллинскому вкусу, природа украшена искусством, приличествующими скульптурными изображениями:

Ложа — в зеленой беседке; анис ее кроет приятный.

В ней средь листвы над четою младенцы-эроты летают,

Точно птенцы-соловьи, что пытаются на дереве смело

Крылышек силу растущих и с ветки на ветку порхают.

В Александрии, как вероятно и везде, где праздник Адониса приходился в жаркую пору года — день горя следовал за днем радости; последний поэтому представлял не воссоединение любящей четы, а ее блаженную жизнь до разлуки. Поэтому и особенной литургической службы не было: народ приходил посмотреть на беседку и уходил, и только певицы сменяли друг друга у лож, состязаясь из-за награды, назначенной для лучшей. Нашим мещанкам посчастливилось: как раз после их прихода очередь дошла до прошлогодней победительницы. После принятого призыва богини она продолжает:

Видишь, сколь дивным тебе с вечноструйного волн Ахеронта

В месяц двенадцатый днесь возвращают Адониса Оры...

Относящиеся к описанию лож и беседки стихи мы уже привели; заключение же гимна следующее:

Радуйся ныне, Киприда, общению радуйся мужа!

Завтра ж с росой предрассветной мы города стогны покинем

И понесем вас толпой, где у берега волны бушуют.

Волосы там распустив, расстегнув выше пояса платье,

Грудь обнажим мы свою и печальную песню затынем.

Милый Адонис, сюда приходишь и в Аид возвращаться

Силу имеешь один среди всех ты блаженных героев...

Радуйся, милый Адонис, и нам будь приход твой на радость!

Милостив будь к нам и ныне, Адонис, и впредь; дружелюбно

Приняли ныне тебя мы, и примем, когда ты вернешься.

Праздник Адоний, значит, по крайней мере, двухдневный — но, конечно, ничто не мешает предположить, что драгоценное сооружение, описанное нами, не на один только день было рассчитано, и что мы только случайно вместе с нашими мешанками попали на последний. Как бы то ни было, «завтра» предстоит праздник разлуки, а с ним и плач по Адонису, тот самый плач, который мы имели в виду выше, приводя относящиеся к нему отрывки Сапфо и Праксиллы.

Как видит читатель, и эти эллинистические Адонии не имели мистического характера: все, кому угодно, смотрят на беседку блаженной четы, все слышат посвященный ей гимн, все «толпой» выйдут завтра на морской берег — почему именно туда, мы не знаем — оплакивать ее разлуку. И радость, и плач имеют только симпатическое значение: залогом воскресения также и чествующих обряды Адоний не служили, почему мы никогда не слышим о «мистах Адониса» наподобие мистов Деметры, Аттиса или Исиды. Благочестивые люди приходили на праздник Адониса и уходили с него, прощаясь с ним так, как это делают наши мешанки.

Все же для оценки религии эллинизма и этот государственный праздник Адониса имеет свое значение, так же, как и мистерии Деметры, Аттиса и Исиды. Об этом значении и придется теперь поговорить.

Оставим в стороне коренную разницу между культом Адониса, с одной стороны, и Аттиса и Сараписа, с другой, — а именно ту, что первый не был мистическим, между тем как оба последних открывали свою завесу только для посвященных; ведь и по сю сторону завесы эти два культа представляли достаточно интересного для обыкновенных смертных. Возьмем то чувство, которое находило себе удовлетворение одинаково во всех трех — чувство «симпатии» в отношении божества, т. е. непосредственного переживания его судьбы. В чем заключалось его содержание?

Думается, если читатель сравнит вышеприведенные выписки из «Сиракузянок» Феокрита с прочитанным раньше гимном Каллимаха в честь Деметры, он будет поражен сходством религиозного настроения. И здесь и там повышенная участливость, тот же, можно сказать напрямик, религиозный сентиментализм. И именно вследствие этого совпадения здесь и там, при совершенно ином характере религиозного чувства в гимнах Древней Греции, этот религиозный сентиментализм поставлен в счет не Каллимаху, а именно религии эллинизма. Не будем считать его преходящим явлением: мы найдем его в гимнах и размышлениях католической церкви, имеющих своим предметом страдания Спасителя и печали Богородицы.

Мы могли это удостоверить для культа эллинистической Деметры и Адониса, так как случайно сохранились стихотворения Каллимаха и Феокрита; и, конечно, мы не сомневаемся в том, что нашли бы его и в гимнах в честь Аттиса и Сараписа — пеанах Деметрия Фалерского, например, — если бы они до нас дошли; явление это, таким образом, и всеобщее в нашу эпоху и, как доказывает только что приведенная справка, очень живучее. Сравним же на этой почве древний культ Деметры, хотя бы и эллинистической — с этими тремя новыми,

хотя и эллинизованными; найдем ли мы разницу?

Там Деметра тоскует по Коре; здесь Великая Мать — по Аттису, Исида — по Осирису-Сарапису, Афродита — по Адонису: тоска — мотив общий, вызывающий симпатию участников празднества. Да, только там это была святая тоска матери по утраченной дочери — здесь тоска любовницы по тому, с кем она делила сладкие, но слишком земные утехи чувственной любви. Элемент эротизма — законный где угодно, но только не в религиозном чувстве, и совсем отсутствовавший в чистых мистериях Деметры, сильно расцвел в этих новых культах. Это не предположение; читатель сам мог прочесть свидетельство:

Пух золотой на устах, молодое не колет лобзанье.

Вот на какие мысли и чувства наводило поклонников созерцание блаженства божественной четы, предложенного их благоговейным взорам.

Тут, правда, напрашивается одно возражение, и даже два. Во-первых, можно сказать, что и в исконно греческих мистериях этот элемент имелся налицо, если не в элевсинских, то в орфических: ведь и Орфея любовь к невесте, к Эвридике, заставила спуститься в преисподнюю. Это верно, и мы охотно пользуемся этим красивым мифом в подтверждение нашего догмата, что «любовь — привратница бессмертия». Но миф об Эвридике — не содержание орфических мистерий, а только рамка, и не тоска Орфея, а страдания первозданного Диониса предлагались симпатии верующих.

А во-вторых, можно попытаться выделить хоть таинства Икиды из этого круга: она была все-таки не любовницей, а супругой убитого Осириса-Сараписа. И все же на практике эротизм не был исключен, и мистерии Икиды стали не менее соблазнительны, чем мистерии Кибелы и Аттиса. Овидий в своей легкомысленной «Науке любви» прямо рекомендует их искателям игривых приключений:

Не забывай и святыни телицы в льняном облаченье:

Дев она делает тем, чем была Зевсу сама.

Силен с младенцем Дионисом. Римская мраморная копия с оригинала скульптора Лисиппа (IV в. до н. э.).

Практика была очень красноречива; и мы имеем право утверждать, что религиозный эротизм вырос на почве именно этих эллинизованных восточных культов. Появилось полное соблазна мнение, противоположное тому, которое некогда создало религиозное скопчество: мнение, что чувственный экстаз — лучший путь к религиозному экстазу.

Ясно, что мы не можем проследить всего подповерхностного развития религиозных практик, да еще тайных. Мистерии Диониса в породившей их варварской стране сопровождалась половым разгулом; это было понятно, так как они имели первоначально значение приворожения плодородности к земле. Греция, приняв мистерии, очистила их от этого нежелательного элемента; можем ли мы поручиться, что это ей удалось вполне? Но, во всяком случае, в самих мистериях, поскольку они были греческими, этот эротизм не находил почвы; с перенесением в греческий мир этих восточных культов, он ее получил. Как

религиозное скопчество, так и религиозная хлыстовщина выросла в соблазнительной укромности восточных таинств. Сравним нижеследующее надгробие нашей эпохи (I в. до Р. Х.) в честь одной такой духовной особы, причастной к культу и Великой Матери, и Афродиты с Адонисом — надгробие, имеющее к тому же автором философа, хотя и эпикурейской школы — Филодема:

Здесь шаловливое тело Тригонии нежной зарыто,

Здесь упокоила персть цвет сабакейских гетер.

Были сродни ей беседка и шум вдохновенных кимвалов

И беззаботный задор, Матери милый богов.

По сердцу женская служба была Афродите влюбленной;

Чары Лаиды-красы[18] ей открывались одной.

Почва святая, шипов не рождай над любимицей Вакха:

Белым левкoем, прошу, камень ее увенчай.

Надо ли настаивать на том, что и здесь эллинский дух покрыл тлен восточной распущенности обычным белым левкoем своей неотъемлемой красоты? Он остался верен себе; и все же это была опасная, роковая приправа. Сами ревнители культов это поняли, и позднее, уже в эпоху империи, постарались их очистить; принцип «развратом спасешься» так и не удалось вырвать из сознания людей. Он заразил и раннее христианство, и молодой церкви стоило немалого труда его искоренить — насколько она его действительно искоренила.

Кем-то когда-то было пущено в оборот положение, будто древние греки пренебрежительно и презрительно относились к физическому труду; и с тех пор эта нелепость невозбранно гуляет по страницам руководств и изложений, черпающих свои материалы из вторых и десятых рук. Конечно, и здесь нет дыма без огня; огнем, и притом очень ярким, было мнение писателя-аристократа Платона и некоторых других о неблагоприятном влиянии на умственность человека ремесленной работы, приковывающей его к станку и в то же время направляющей его помыслы на одну только наживу. Но, не говоря уже о том, что здесь говорится не о всяком физическом и особенно не о земледельческом труде — кто же позволяет нам видеть в словах Платона мнение Греции вообще? Почему не противопоставить им гомеровского Одиссея, с такой же гордостью ссылающегося на свою выносливость среди жнецов, как и на свои бранные подвиги? Одиссея, собственной рукой смастерившего и свое брачное ложе, и свою спасительную ладью? Почему не вспомнить о Гесиоде, посвятившем своему легкомысленному брату Персу поэму «Труды и дни» с основным мотивом «Работай, о Перс неразумный!» и знаменитым стихом:

Труд никакой не позорен, позорно одно лишь безделье.

Мать-земля, наделившая свою любимицу Элладу столькими драгоценными дарами, не избаловала ее плодородием: народ должен был добывать свое скудное пропитание таким

трудом, о котором понятия не имеют жители благодатных равнин. Приходилось строить каменные террасы по склонам гор, чтобы спасти от зимнего размыва плодоносный слой, которого никто, бывавший в тех краях, не назовет «черноземом»; приходилось в удобных местах рыть бассейны в каменистой почве, чтобы сберечь драгоценную небесную влагу на бездождные месяцы; приходилось посредством каналов отводить струи рек, чтобы обеспечить полям необходимое орошение — афинский Кефис так и не достигал моря, будучи весь разобран на каналы.

Как видно отсюда, труд человека довольно-таки основательно нарушал божественную жизнь матери и ее родных детей; как отнесутся они к этому вторжению? Необходим был договор, указывающий человеку его права и обязанности; необходима была служба божеству взамен той службы, которую оно согласилось служить человеку; другими словами, необходимо было освящение труда религией. И оно состоялось, притом в такой мере, как ни у одного другого народа; если обилие явлений, отчасти упомянутых выше, позволяет рассматривать античную религию как религию природы, то те, к которым мы переходим теперь, дадут полное право видеть в ней религию труда. Но, заметим это с самого начала, не просто труда, а труда радостного.

Всего менее нарушал человек уклад природной жизни в своем охотничьем быту; ведь в сущности человек-охотник немногим отличается от льва, волка, коршуна и прочих хищников, жизнь которых составляет одно целое с жизнью прочей природы. Немногим — а все-таки кое-чем: тем умом, той сверхприродной сообразительностью, которая навела его на изобретение сетей, стрел, дров, на приручение собак, на целый аппарат охоты, грозящий истреблением живым тварям леса и гор.

Пусть же он получит закон своей деятельности от той богини, которой он служит как охотник — от Артемиды. Она — могучая заступница всякого зверья, всякой птицы; ее сердцу одинаково дороги детеныши всех живых существ, будь то даже детеныши хищников. Она предоставляет человеку вволю пользоваться взрослыми особями, но не позволяет ему разрушать породу — и Эриннии настигают ослушника. Священны поэтому гнезда птиц, священны беременные самки; если охотнику досталась таковая — он обязан «отпустить ее Артемиде».

Вообще то гуманное отношение к животным, которым древние эллины так выгодно отличались от своих потомков, — сказалось, между прочим, в прекрасной пословице «есть и у собак свои Эриннии» и было в значительной степени вызвано тем, что они чувствовали над собой взоры Артемиды, внемлющей жалобному крику мучимой твари и обрекающей обидчика каре страшных богинь преисподней, блюстительниц великого договора, которым живет мир. И еще в эпоху земледельческого быта это право животных на хорошее обращение было подтверждено в самых священных греческих таинствах, в Элевсинских: одна из заповедей Триптолема гласила: «Не причиняй обид животным».

Как видно, те благодетельные меры, которые в новейших государствах были лишь сравнительно недавно выработаны гражданским законодательством и соблюдаются со всем известной добросовестностью, были подсказаны эллину религией как непосредственное последствие его сыновних отношений к Матери-земле.

Артемиды Эфесская. Античная копия с оригинала (IV в. до н. э.).

И само собой разумеется, что за счастливый улов человек должен был воздать благодарность той же Артемиде... вообще, если читатель хочет получить надлежащее представление о всей целомудренной прелести отношений охотника к этой богине-покровительнице, пусть ознакомится с молодым охотником Ипполитом в одноименной трагедии Еврипида. Но пусть тот же человек не думает, что если он от охотничьего быта перешел к другому, то он может забыть о девственной богине лесов. Так поступил Эней Калидонский; собрав обильный урожай со своей нивы, он почтил начатками прочих богов, но обошел своим благочестием Артемиду. Она напомнила ему о себе, послав чудовищного вепря на его посевы и дав повод к трагедии Калидонской охоты, в которой она играла такую же роль, как Афродита в трагедии Троянской войны.

И все-таки кровопролитие на охоте, хотя бы и законное, беспокоило чуткую совесть эллина, и он чувствовал потребность по возвращении домой подвергнуть себя религиозному очищению — и не только себя, но и своих охотничьих собак:

Зевс ведь законом поставил и зверю, и птице, и рыбе,

Чтоб пожирали друг друга — на то им неведома Правда;

Но человеку он Правду послал...

Переходя от охотничьего быта к скотоводческому, человек почувствовал потребность и эту отрасль своего труда посвятить богам, и ее облечь в форму богослужения. Первый долг благодарности должен был быть уплачен тому богу, который дал руководимому им человечеству достигнуть этой более высокой ступени его культуры; это Гермес, бог Аркадии — той страны, которая, оставшись и в историческое время преимущественно скотоводческой, лучше других сохранила традиции скотоводческой эпохи. Это он похитил с Олимпа первое коровье стадо и дал его смертным — похищение же это имело первоначально глубокий смысл, подобно похищению огня Прометеем, и лишь дурная слава, которой покрыли себя аркадцы в историческое время как бродяги и воры, позволила певцам обратить и это благодетельное деяние их бога в ловкую воровскую проделку — ведь «много певцы измышляют, чему и сами не верят». В других местах пастухи воздавали честь Аполлону: он сам некогда, искупляя убийство Пифона (или киклопов), согласился в течение целого года быть пастухом фессалийского царя Адмета; хорошо жилось при таком пастухе и стадам, и их владельцу. Пана мы уже знаем; и его родиной была Аркадия, где этого бога считали сыном Гермеса. Но необходимыми помощниками всех этих богов были «влажнокудрые нимфы весенних лугов», доставлявшие влагу пастбищам в знойные летние дни; им пастухи тоже воздвигали непритязательные капища и чествовали их молитвами, приношениями и жертвами.

И еще чествовали — и их, и прочих пастушьих богов — игрой на лире или свирели и песнями. Лиру изобрел Гермес, найдя однажды высохший остов черепахи — прекрасный резонанс для струн, как он сразу сообразил. Ею он выкупил у Аполлона похищенное стадо, и с тех пор ею владеет Аполлон, наравне с кифарой, которая, в сущности, была лишь усовершенствованной лирой. Свирель — по-гречески сиринга — была инструментом Пана.

Пастушья жизнь с ее привольем располагала к игре; она и тешила душу играющего, и была полезна стаду, которое, прислушиваясь к знакомым звукам, не подвергалось опасности заблудиться; но из нее развилась особая отрасль труда — труда умственного — и поэтому о ней речь будет дальше.

Скотоводство и родственное с ним пчеловодство давало человеку естественную, бескровную пищу — и для него, и для богов: молоко, мед и, в-третьих, вода — таков состав древнейшего «нефалического» (т. е. трезвого, бесхмельного) возлияния. Долго ли оставалось от человека скрытым, что козы, овцы и в особенности коровы могут его кормить также и своим питательным и вкусным мясом? Не без содрогания использовали это открытие; ведь для того нужно было зарезать свою кормилицу, пролить ее кровь. Отголосок этого страха сохранился и в историческое время в обрядности праздника так называемых Буфоний (т. е. «быкоубийства» — именно «убийства», а не «заклания»). Быка подводили к жертвеннику Зевса, на котором находилась посвященная богу растительная жертва; когда неразумное животное принималось ее есть, присутствующий тут же жрец его убивал ударом топора и тотчас бросался бежать: за его отсутствием судили топор; положенные части быка приносились в жертву Зевсу, остальные служили пищей людям. В историческое время просвещенные люди много смеялись над этим странным обрядом с его наивным лукавством; но справедливее оценить чуткость, сказавшуюся в основном чувстве — что нельзя без греха проливать кровь прирученного животного.

И наконец оседлый, земледельческий быт. Он предполагает собственность и ее охрану, прочное поселение и государственный строй; человеческий труд получает свое высшее освящение в общегосударственном богослужении. Цикл государственных праздников был установлен в греческих городах, между прочим, в Афинах в эпоху, сравнительно близкую к исторической, по соглашению с Дельфами, верховными руководителями Эллады в религиозных делах; отсюда — преобладающая роль Аполлона и Артемиды, в честь которых названо и большинство месяцев. Но при всем том эти праздники — апофеоз труда, и притом в такой возвышенной, благоговейной, прекрасной форме, какой не знает ни один народ мира.

Ф. Ригетти. Меркурий. Бронза (ок. 1610 г.).

Богиня земледельческого труда — Деметра, — собственно, одна из разновидностей Матери-земли, указание на которую она сохранила, по-видимому, в своем имени (Деметер, «почва-мать»). Для эллина она была символом зреющей нивы, в волнах которой мы и поныне можем ее чувствовать. И поэтому у этой «матери» есть «дочь» — Кора (Персефона), символ тех зерен, из которых взойдет нива будущего года. Как из этого таинства возрождаемого хлеба вещей ум эллина вывел дальнейшее таинство бессмертия души, об этом речь впереди; на этом изумительном синтезе основано самое священное из празднеств Деметры — Элевсинии с их мистериями; но все же это был первоначально праздник посева, почему ему и предшествовал праздник пахоты (προεροσια). Священным было и преполовление бытности Кору у ее подземного властелина; но еще священнее праздник самой жатвы. И тут ум эллина не остановился на одном физическом значении акта: даровательница урожая предстала перед ним как основательница оседлой жизни вообще с ее прочным браком и семейственностью — он видел в ней свою «закононосицу» (τησμοπλορος), первоначальный праздник жатвы стал для него глубокомысленным праздником семейной жизни вообще, Фесмофориями,

празднуемым исключительно хозяйками.

За работой землепашца — работа виноградаря, важность которой на юге очень велика; посвящена она Дионису. В сущности, Дионис испытал в Греции развитие, противоположное развитию Деметры: та из скромной богини зреющей нивы развилась в богиню-закононосицу и в богиню тайн загробной жизни; Дионис пришел в Грецию как бог творческого экстаза, приносящий своим посвященным также и весть о бессмертии их души; но в гражданском культе пришлось и его праздник приурочить к человеческой работе — и ему поручили виноделие, родственное даруемому им экстазу, но первоначально от него независимое.

Правда, забота о благословении Диониса растущей, цветущей и плодоносной лозе было делом частного культа; государство заботилось о винограде лишь с момента его снятия. Цикл праздников Диониса открывался веселыми Осхофориями, т. е. «ношением гроздьев». Носили их избранные от отдельных фил — всех было десять — эфебы, и притом из храма Диониса в Афинах в храм Паллады в Фалере: гроздья были даром от Диониса богине-покровительнице страны. Остальные праздники были приурочены к различным стадиям брожения молодого вина; то были сельские Дионисии в декабре, Ленеи в январе и Анфестерии в феврале. Все они были обставлены отчасти веселой, отчасти серьезной обрядностью и расцвечены прелестными мифами и легендами; но прекраснейшим из всех дионисийских праздников были учрежденные тираном Писистратом Великие Дионисии в марте. Учредитель понял чествуемого бога в его первоначальном значении как бога творческого экстаза: вино отступает на задний план, первенствует песнь и в ее области — песнь из песней, трагедия. Друг человеческой культуры должен преклониться перед Великими Дионисиями: они дали повод к возникновению величайших произведений аттического гения, творений Эсхила, Софокла и Еврипида.

На пороге исторической жизни Греции новый культ, резко несовместимый с всегдашним чувством меры и предела, проник в нее из страны буйных сил и бурных страстей, из Фракии, — культ Диониса. Первоначально это было, вероятно, магическое воздействие на плодородие земли, и в необузданной варварщине половой разгул как симпатическое средство побуждения земли к плодородию не был ему чужд; при переходе, однако, на почву «благозаконной» Эллады, этот элемент должен был отпасть; осталось, как характерная черта новых таинств, исступление, достигаемое при помощи оглушительной музыки тимпанов, кимвалов и флейт и главным образом — головокружительной «оргиастической» пляски. Особенно подвержены чарам исступления были женщины; вакханки составляли поэтому главную свиту нового бога; в своих «небридах» (ланьих шкурах), препоясанных живыми змеями, с тирсами в руках и плюшевыми венками поверх распущенных волос — они остались незабвенным на все времена символом прекрасной дикости, дремлющей в глубине человеческой души, но прекрасной лишь потому, что красотой наделила ее Эллада.

В исступлении пляски душа положительно «выступала» из пределов телесной жизни, преображалась, вкушала блаженство внетелесного, слиянного с совокупностью и с природой бытия; на собственном непреложном опыте человек убеждался в самобытности своей души, в возможности для нее жить независимо от тела и, следовательно, в ее бессмертии; таково было эсхатологическое значение дионисизма. Он завоевал всю Грецию в VIII–VII вв. в вихре восторженной пляски. Эрвин Роде убедительно сравнивает с этим явлением «манию пляски»,

обуявшую среднюю Европу после великой чумы XIII в. Конечно, умеряющая религия Аполлона постаралась сгладить излишества нового культа: Дионисовы «оргии» были ограничены пределами времени и места, они могли справляться только на Парнасе и притом раз в два года (в так называемых «триетеридах»). В прочей Греции дионисизм был введен в благочиние гражданского культа; его праздники приурочивались к работе винодела, и лишь в играх ряженных и поэтическом преображении Дионисова театра сохранились следы первоначального исступления.

По-видимому, это укрощение первобытного дионисизма вызвало новую его волну из той же Фракии, отмеченную именем Дионисова пророка Орфея. И эта волна подпала умеряющему воздействию Аполлоновой религии; результатом этого воздействия были Орфические таинства, состоящие из трех частей: космогонической, нравственной и эсхатологической.

Космогоническая часть орфического учения примыкала к более старинному мифу о победе Зевса над титанами и основанном путем насилия царстве богов. Чтобы иметь возможность передать его из запятнанных насилием рук в чистые, Зевс делает матерью царицу подземных глубин Персефону, и она рождает ему первого Диониса — Загрея. Но мстительные титаны увлекают младенца Диониса к себе соблазном его отражения в их зеркалах и, завлекши, разрывают на части, которые и поглощают. Сердце спасает Паллада и приносит Зевсу; поглотив его, он вступает в брак с Семелой, дочерью Кадма, и она рождает ему (второго) Диониса. От испепеленных титанов же произошел человеческий род.

Здесь к космогонической части, в которой первобытная фракийская дикость так странно преображена греческим глубокомысленным символизмом, примыкает нравственная. Раз мы исходим от поглотивших первого Диониса титанов, значит, наше душевное естество состоит из двух элементов — титанического и дионисийского. Первый тянет нас к телесности, к обособлению, ко всему земному и низменному; второй, наоборот, к духовности, к воссоединению в Дионисе, ко всему небесному и возвышенному. Наш нравственный долг — подавить в себе титанизм и содействовать освобождению тлеющей в нас искры Диониса. Средством для этого служит объявленная в Орфических таинствах посвященным «орфическая жизнь».

Из нравственного учения вырастает эсхатологическое. Живой Дионис, сердце Загрея, жаждет воссоединения со всеми частями его растерзанного тела. Целью жизни каждого человека должно быть поэтому окончательное освобождение той его частицы, которая в нем живет, и ее упокоение в великой сути целокупного Диониса. Но путь к этому очень труден. Титанизм является постоянной помехой, соблазняя к новому воплощению. И вот мы рождаемся и умираем, и вновь рождаемся, все снова и снова замыкаем свою душу в «гробу» ее «тела», все снова и снова воплощаемся — между прочим, и в звериных телах, и нет конца этому томительному «кругу рождений», пока мы, наконец, не внемлем голосу Диониса, не обратимся к «орфической жизни». И тогда мы спасемся не сразу. Трижды мы должны прожить свой век безупречно и здесь, на земле, и в царстве Персефоны, пока, наконец, не настанет для нас заря освобождения, воссоединения и упокоения.

Пребывание в царстве Персефоны перед новым воплощением понимается как время очищения от грехов жизни; ее обитель — для большинства людей чистилище. Кто безгрешно провел земную жизнь, тот и на том свете проводит жизнь в блаженстве, во временном раю —

пока голос необходимости не призовет его обратно на землю для новых испытаний. Но есть и такие, которые запятнали себя «неисцелимыми» злодеяниями; для них нет очищения, они терпят вечную кару в аду. Вот почему каждую душу после смерти ждет загробный суд; строгие и неподкупные судьи должны определить, в которую из трех обителей ей надлежит отправиться.

Орфические таинства, в отличие от Элевсинских, не были прикреплены к какому-нибудь городу: повсюду в Греции, особенно в колониальной, на западе, возникали общины орфиков, жившие и справлявшие праздники под руководством своих учителей. Конечно, от личности последних зависели и чистота, и духовный уровень самого учения; и если с этой точки зрения большинство «орфеотелестов», пугавших простой народ ужасом загробных мучений, и вызывало подчас насмешки просвещенных, то с другой стороны серьезные проповедники учения сумели поднять его на такую высоту, что не только поэты, подобно Пиндару, но и философы подчинялись его обаянию. Великий Пифагор сделал орфизм центральным учением своего «ордена». И через пифагорейцев, и независимо от них подпал орфизму и Платон; правда, в специально догматической части своего учения он не делает ему уступок, но в тех фантастических «мифах», которыми он украсил своего «Горгия», «Федона» и в особенности последнюю книгу «Государства», сказывается в сильнейшей степени влияние орфической эсхатологии. И оно им не ограничилось: отчасти через широкое русло платоновской философии, но более посредством подземных струй, лишь ныне отчасти раскрываемых, она вливается и в христианство. Церковь иногда старалась воздвигнуть против нее плотину Евангелия, — иногда же и нет, находя, что те или другие частности (например, учение о чистилище) не противоречат ему и даже, пожалуй, им рекомендуются. Как бы то ни было, орфизм в значительной степени скрасил христианские представления о загробном мире: без Орфея и Данте немислим.

Из прочих отраслей земледельческого труда древоводство вообще было посвящено тому же Дионису как «Дендриту», богу приливающих весенних сил; но маслину афинянин посвятил своей богине-покровительнице, Палладе Афине. Она ведь ее подарила своему народу в тот знаменательный день, который решил его участь. Посейдон, желая показать свою силу, ударом трезубца извлек источник морской воды из скалы Акрополя; но Паллада показала людям, что не сила, а благодать — высшее проявление божественности; по ее мановению там же выросла бессмертная маслина, почтенная прародительница вековых маслин в долине Кефиса. Почтенны, впрочем, и они: их зовут «морями», т. е. древами рока, ибо рок настигает того, кто коснется такого дерева святотатственной рукой:

Ни стар, ни млад рук ударом дерзких

Век не сгубит его: видит врага

Сну непокорный и день и ночь

Зевса-Мория лик — и взор

Ясноокой Афины.

Спартанцы соблюли этот завет в Пелопоннесскую войну: как люди благочестивые, они не тронули священных морий Паллады. Впрочем, не удивительно, что в Афинах культ Паллады

как богини-покровительницы всего государства, затмил ее культ как покровительницы маслины: на роскошном празднике Панафиной оливковое масло играет роль только приза победителям в состязаниях, которым государство дарило в красивых глиняных амфорах, тоже афинского производства, с символическим изображением и надписью «Я — с афинских состязаний» — на вечную память.

Палладе же был посвящен и труд ремесленника в его полном объеме — на то она была Афиной-Эрганой («ремесленницей»), имела как таковая свою ограду на Акрополе перед Парфеноном и свой ежегодный праздник в октябрьское новолуние. Но из всех ремесел одно было ей как богине особенно близким: это было самое выдающееся по художественному совершенству среди женских ткацкое мастерство. Зато на ежегодном празднике Панафиной ей посвящался на Акрополе сотканный лучшими афинскими мастерицами пеплос, и его передача в храм Афины была центральным актом всего торжества.

Из других ремесел она особенно опекала гончарное, гордость Аттики:

Внемли молитвам, Афина; десницею печь охраняя,

Дай, чтобы вышли на славу горшки и бутылки, и миски,

Чтоб обожглись хорошенько и прибыли дали довольно, —

говорится в случайно сохранившейся гончарной молитве ей. Как покровительница этого ремесла, она легко могла унять и вредоносных бесенят, о разрушительной деятельности которых сказано там же, в следующем за молитвой проклятии:

Эй, Разбивака, Трескун, Горшколом, Сыроглинник коварный,

Эй, Нетушим, что искусству сему столько бед уж наделал!

Бей и жаровню, и дом, вверх дном опрокидывай печку,

Все разноси, гончары же пусть криком избу оглашают.

Такие же бесенята, вероятно, имелись и в других ремеслах, только мы о них не знаем.

Зато в кузнечном ремесле Паллада имела товарища: искусным кузнецом считался тот, кого научили этому искусству «Гефест и Паллада Афина». Гефест как бог вулканического огня был тут необходим. Афины особенно его уважали; они воздвигли ему прекрасный храм — вероятно, тот самый, который сохранился поныне и обыкновенно называется «храмом Тесея», — и чествовали его вместе с Палладой ежегодным праздником (Гефестиями и Халкиями, т. е. «праздником кузнецов») в конце октября, перед наступлением зимы, когда было особенно уместно вспомнить о благодетельной силе огня. Впрочем, богом огня был для эллинов также их благодетель Прометей; и он по праву говорит про себя в одноименной трагедии Эсхила:

От Прометея все ремесла людям.

Это не повело к расколу: афиняне почитали обоих, и притом схожим образом. Центром праздников обоих богов огня был ночной факельный бег.

Торговля, как в известном смысле и поныне, имела своим покровителем Гермеса: бог-странник, знаменитый жезл которого — керикейон, жезл со змейками — обеспечивает странникам безопасность на больших дорогах, естественно призывался и владельцами торговых караванов. Отсюда, однако, значение Гермеса распространилось в двух направлениях. Вообще торговля распадалась у древних на две отрасли: во-первых, на крупную ввозную и вывозную (εἰσφορική) и, во-вторых, на мелочную на местах (κατελίκη): первая была в почете, вторая не особенно. Покровительство Гермеса также и второй с ее органическим мошенничеством не могло не уронить значения самого бога; во всем своем величии он являлся как покровитель первой, соединенной с опасностью для жизни, притом не только в сухопутной, но и в морской ветви. И здесь нужен был Гермес как оплот против пиратов; но все же чаще приходилось торговцу-мореходу подвергаться опасности со стороны самого моря — и поэтому усердно молиться всем его божествам, о которых была речь выше.

А так как благодаря устройению эллинской земли морская торговля была много значительнее сухопутной, то работа торговца почти совпадала с работой судовщика. Ее важность была огромна в Элладе: «Труды и дни» Гесиода ограничивают свою тему земледелием и судовым промыслом. И равным образом в системе греческих праздников мореходство занимает следующее по значению место непосредственно после земледелия. Понятно, что самым удобным временем для праздников мореходства было начало и конец сезона, дни непосредственно после весенних бурь и перед осенними. В Афинах это были Дельфинии в начале апреля и Пианопсии в октябре: оба эти праздника были поставлены в красивую связь со знаменательным для города Паллады, хотя и не торговым плаванием — а именно с плаванием Тесея и обеих его обреченных Минотавру седмиц юношей и девушек на остров Крит. С трепетом провожали их отцы и матери, с трепетом ждали их возвращения — понятно, что обрядность обоих праздников сохранила память об этих чувствах.

После ноябрьского ненастья наступала тихая, ясная погода, во время которой труженики Посейдона могли вернуться к своему промыслу и привести домой отрезанные бурей в чужих гаванях суда. И греческая религия природы не затруднилась объяснить это странное явление. Дело в том, что в это время священная птица морского бога, алкиона, высиживает своих детенышей в своих плавучих гнездах — почему эта птица и поныне называется по-русски «зимородком»; так вот ради нее Посейдон и сглаживает своим трезубцем морские волны, чтобы они не заливали надежды его любимицы. Отсюда красивая греческая притча об «алкиониных днях» как о затишье после бури; отсюда также и греческое имя декабря — посеидеон.

Возвращаясь, однако, к Дельфиниям и Пианопсиям, может показаться странным, что эти два главных праздника мореходства посвящены не столько Посейдону или Гермесу, сколько богу, ничего общего как будто не имеющему с торговлей и морем, — Аполлону. Это, несомненно, стоит в связи с тем, что весь цикл праздников, как мы видели, был установлен греческими общинами при содействии и с благословения Дельф; вполне понятно, что их жреческая коллегия отвела своему богу первенствующее место во всем цикле. Это сказывается в особенности в обрядности только что упомянутых Пианопсий. Они были не только праздником завершения мореходства: совпадая с концом также и земледельческих работ, они были самым значительным праздником труда вообще. И первое место в их обрядности занимало нечто поразительное по своей осмысленности: в торжественной процессии

миловидный мальчик, оба родителя которого были живы (αμλιτηραλεσ), нес масличную ветвь, увешанную плодами, булочками, кувшинчиками с елеем, медом и вином, одним словом, дарами и Деметры, и Диониса, и Паллады; это была «иресиона». И нес он ее к храму Аполлона как хозяина праздника, как бога труда. При этом участники шествия исполняли веселые песни, из коих две нам сохранились; одна гласит так:

Иресиона и хлебы несет, и пурпурные смоквы,

Мед она в банке несет и душистое масло Паллады,

С ним и кувшинчик вина, чтобы сладко дремать ей в похмелье.

В тот же день и в частных хозяйствах происходили свои приношения иресионы — и, конечно, здесь-то и зародился этот обряд, на почве религии Деметры, а не Аполлона. Иресиона прикреплялась к стене дома, которому она служила охраной до следующего урожая; что с ней делали потом, мы не знаем, но есть основание предполагать, что ее с молитвой сжигали на домашнем очаге.

Мы говорили до сих пор главным образом о физическом труде; само собой разумеется, однако, что и умственный имел в Элладе свое религиозное освящение. Вначале его главным проявлением и как бы совокупностью была поэзия — точнее говоря, раз мы на греческой почве, хорая, т. е. соединение поэзии, музыки и пляски, триединая зародышевая ячейка позднейших обособленных искусств.

Хоровод муз. Иллюстрация к «Сказаниям Греции и Рима» (1930 г.).

Афиняне гордились тем, что именно чистота их горного воздуха приспособляет их к умственному труду, к поэзии: там, на высоких склонах, проясняется ум, окрыляется душа, черпается творческое вдохновение. Его богини поэтому — горные нимфы; «нимфолептами» называют и прорицателей, получивших свой вещий дар от самих дочерей вещей природы. Горных нимф мы называем «ореадами» (от орос «гора»); но как вдохновительницы поэтов они удержали более древнее имя, родственное с латинским *mons* — имя муз. Имела и Аттика свой «холм муз», здесь, по местному преданию, они даже родились как дочери Гармонии; но это предание не могло соперничать с более старинными, освященными именами Гомера и Гесиода, согласно которым музы, дочери Мнемосины (Памяти), жили либо на Олимпе (Гомер), либо на Геликоне (Гесиод).

Музы покровительствовали всему умственному труду человека — αμσοσ называли того, кто к нему был неспособен: «да не доведется мне жить среди амусии», — молился некогда Еврипид. Они покровительствовали человеку с первых же неуверенных шагов ребенка на его поприще, с уроков грамоты: в классной комнате стоял обязательно кумир муз, со своим свитком или складнем в руках они были в глазах малыша как бы образцом того трудного искусства, которому его обучали. И неудивительно, что свое первое достижение он посвящал именно музам, что он первым делом учился склонять священное имя: *Μυσα*, *Μυσεσ* в греческой грамматике, *Musa*, *Musae* в латинской были примерами «первого склонения».

Вырастет мальчик, посвятит себя умственному труду — музы и подавно станут его покровительницами. О поэтах известно всем; в пору античной религии они исправно перед

проявлением своего искусства молились музам — в новейшее время их некогда живое имя стало лишь классическим привидением. К ним приобщали и других радостных божеств — Аполлона, Гермеса, Палладу (последнюю, отождествив со своей Минервой, специально римляне), — но главное место принадлежит все-таки музам. И не в одной только поэзии — «музыка» унаследовала их имя, и обе они вместе с пляской стали называться «мусическими» искусствами, в отличие от изобразительных, развившихся из ремесел. А когда египетский династ Птолемей Сотер в III в. до Р. Х. основал в Александрии первую в истории академию наук — он вполне правильно назвал ее Μυσειον, каковое имя в суженном значении поныне сохраняет «музей».

Но, можно спросить, получил ли также и умственный труд свое освящение в греческих праздниках, и если да, то где? Да, ответим мы, получил, и притом везде. Он явился главнейшим их украшением, главной причиной того, что они стали не только отдыхом, но и всенародной образовательной школой.

У римлян были божества, заведовавшие всеми отдельными действиями человека: они принимали его при рождении и сопровождали до могилы. Partula присутствует при первых родовых болях; Lucina заведует самим рождением; Diespiter дарует ребенку свет; Vitumnus — жизнь, Sentinus — чувства; Vaticanus, или Vagitanus, открывает рот и производит первый крик новорожденного; Leuana поднимает его с земли и представляет отцу, который признает его своим; Cinina охраняет колыбель; Rumina приучает его сосать грудь, которую древние называли guma; Nundina — богиня девятого дня — напоминает, что через девять дней после рождения мальчик, очистившись, получив имя и снабженный амулетами, которые должны оберегать его от дурного глаза, действительно вступает в жизнь; рядом с ней Seneta, Mana и Fata сулят ему счастливую судьбу.

Ребенок растет. В течение некоторого времени кажется, что боги меньше занимаются им, предоставляют его исключительно на попечение кормилицы. Но вот его отняли от груди — тотчас являются новые божества, которые окружают ребенка: Educa и Potina учат его есть и пить; Cuba следует за ним, когда он переходит из колыбели на кровать. Ossipaga укрепляет его кости, а Carna — мускулы. Ему нечего бояться упасть, когда он станет ходить: Statinus, Statilinus и Statina помогут ему держаться на ногах; Abeona и Adeona научат его идти вперед и возвращаться назад; Iterduca и Domiduca — ходить вне дома.

Гений. Римская фреска.

Вместе с тем развивается и душа ребенка, и тоже при помощи разных божеств: Farinus разверзает уста и помогает испускать первые звуки; Fabulinus учит словам; Locutius — целым предложениям. Вслед за тем появляются у ребенка разум, воля и чувства: разум вместе с Mens, Mens bona, богиней ума и в особенности здравого смысла, вместе с Catius — богом сметливости; Consus — богом мудрых решений; Sentia — богиней мудрых советов. Воля образуется при помощи Volumnus, Volumna или Voleta, которые, по-видимому, играют ту же роль, что и божества, способствующие принятию решений; Stimula, которая возбуждает и увлекает; Peta — заведующая первым внешним проявлением воли; Agonilis, Agenoria, Peragenor — приводящие в исполнение задуманное действие; Strenia — возбуждающая мужество, необходимое для преодоления препятствий; Pollentia и Valentia — помогающие продолжать начатое дело; Praestana или Praestitia — закончить его. Чувства рождаются при

помощи *Lubia* или *Lubentina* и *Liburnus* — божеств удовлетворения; *Volupia* — богини наслаждения; *Cluacina*, которая была, вероятно, божеством грубых страстей; *Venilia* — богини надежд, которые осуществляются, и противоположной ей *Paupertas* — богини смущения и страхов.

Особые божества заканчивают нравственное и телесное развитие ребенка, превращая его из подростка в юношу: *Numeria* учит его считать; *Camena* — петь; *Minerva* заканчивает дело богини *Mens*, укрепляя его память; *Juventas* — юность и *Fortuna barbata* — бородатая фортуна — оживляет тело юноши, вступающего в зрелый возраст.

Римское богословие не позволяет ни на одну минуту остановиться в этом бесконечном перечислении божеств. Тотчас за богами юности появляются божества брака: во главе их находится *Juno Juges* или *Pronuba* — в качестве богини, заведующей, по-видимому, вообще всем этим событием; потом *Afferenda* — занятая приданым; *Domiducus*, *Domitius* и *Manturna* — три божества, которые следуют друг за другом: первое, чтобы привести новобрачную к супружескому дому; второе, чтобы помочь ей решиться войти в этот дом; третье, чтобы заставить ее остаться там жить. *Unxia* — напоминает, что порог дома умощен благовониями, что составляет хорошее предзнаменование.

После свадьбы уже встречаем гораздо меньше божеств, потому ли, что римляне считали человека с этого времени более способным к самостоятельной жизни, или же просто потому, что до нас не дошли их имена. Время от времени, впрочем, попадаются божества отдельных моментов семейной жизни: *Tutanus* и *Tutilina*, — помогавшие во время нужды; *Viriplaca*, которой молились в дни супружеских размолвок; *Orbona*, к которой обращались бездетные родители.

К этому же периоду жизни относятся, без сомнения, и те боги, которые дают человеку почести, богатство, счастье и здоровье: *Fessona* — богиня утомленных людей; *Pellonia* — обезоруживающая врагов; *Quies* — доставляющая покой; *Redicuhis*, который первоначально был, вероятно, богом возвращения. Материальное благосостояние находится под покровительством богов выгоды и корысти (*dii Lucrui*), а в особенности *Pecunia*, *Argentinus*, *Aesculanus* — божеств денег, серебра и бронзы, и *Arculus* — бога шкатулок. *Honorius* был богом почести и общественных должностей.

У изголовья умирающего человека стояло столько же богов, сколько их было у колыбели новорожденного: *Caecutus* — лишавший света его глаза; *Viduus* — отделявший душу от тела; *Mors* — которая заканчивала дело смерти; *Libitina* — участвовавшая в погребальном шествии; *Nepia* — в оплакивании покойника.

Д. Веласкес. Кузница Вулкана. Холст (1630 г.).

Ко всем этим божествам следует причислить также и тех, которые, как говорит Варрон, касаются не самого человека, а различных вещей, имеющих отношение к нему, как, например, пищи, одежды и вообще всего необходимого для жизни.

Во главе их нужно поставить божества плодов земных: *Janus* и *Saturnus*, которые открывают покров земли и осеменяют ее; *Seia Semonia* или *Fructiseia* — питающая посеянное зерно в земле, и *Segetia* — после того как оно пустит росток; *Proserpina*, которая была первоначально

богиней прозябания; Nodutus — заведующий ростом стебля; Vohitina — окружающая колос предохранительным покровом; Patelana — помогающая колосу развернуться; Panda — богиня колосьев, развернувшихся и открытых; Hostilina — выравнивавшая колосья. Затем идут Flora — богиня цветения хлебных злаков; Lactans — бог колосьев, зерна которых еще налиты молоком; Matuta — способствовавшая созреванию. Sterquilinus дает силу растениям, удобряя землю; Robigus и Robigo заботятся о том, чтобы ржа не испортила хлеба; Spiniensis уничтожает колючки и репейник. Призывают еще Runcina, когда хлеб снят или, вернее, когда он очищен от сорной травы; Messia — охраняющую жатву спелого хлеба; Tutelina — сберегающую его после жатвы; Noduterensis — заведующего молотью; Pilumnus, который мелет зерно.

Существовала особая богиня для плодов — Pomona, другая, Flora, для цветов, третья, Meditrina (относительно которой, впрочем, существует сомнение), для виноградной лозы. Уход за пчелами был поручен богине меда Mellona. Из божеств, покровительствующих скоту, известны имена троих: Pales — богиня овец и ягнят, Vubona — быков, Epona (кельтского происхождения) — лошадей.

Кроме того, мы знаем богов различных местностей и частей земли, на которых живет или ходит человек. Ascensus и Cliuicola напоминают о спусках и тропинках по склонам холмов и гор, Jugatinus и Montinus — о вершинах гор и горных равнинах. Coltatina — богиня холмов, Vallonia — долин, Rusina — окружающей местности. Порог человеческого жилища охраняла Jana; Arquis был богом сводов, Forcutus — дверей; Cardea — дверного крюка; Limentinus — камня у порога, рядом с ним была его подруга — Lima. Внутри был Lateranus — бог домашнего огня.

Пенаты. Барельеф на римской гробнице.

Список всех этих божеств был помещен в Indigitamenta — древних книгах понтификов. Это были не простые эпитеты, не отвлеченные понятия. Перечисленные выше боги действительно существовали по представлениям римлян. Они были вполне определенными существами; им поклонялись и молились, как божествам, действительно существующим отдельно друг от друга.

Вся римская религия сводится к обрядности; но эти обряды обставлены множеством мелочных подробностей, из которых ни одна не может быть опущена. Всякое жертвоприношение для того, чтобы быть действенным, должно быть совершено по определенному ритуалу, и единственную заботу молящегося составляет то, чтобы точно выполнить все правила. Правда, закон римской религии так строг и сложен, что точность в исполнении его составляет немалую заслугу. Если нужно испросить у неба какую-нибудь милость, то прежде всего приходится осведомиться, к какому богу в данном случае следует обратиться. И это уже немалое затруднение: в римском Олимпе, весьма густо населенном, трудно разобраться. А между тем, знать, какой бог может прийти к нам на помощь, по словам Варрона, так же важно, как знать, где живет булочник или столяр, когда мы имеем в них надобность. При этом недостаточно знать атрибуты бога, к которому хочешь обратиться, нужно также знать и его настоящее имя, иначе он может не услышать молитвы. А это чрезвычайно трудная наука — знать настоящие имена всех богов, и есть даже богословы, которые утверждают, что никто этого не знает. На этот счет существует так много сомнений,

что даже к самому главному богу обращаются с такими словами: «Могущественный Юпитер, или как там твое имя, то, которое тебе больше всего нравится». Установив имя бога, нужно еще знать точные выражения молитвы, которую следует произнести. Если насчет какого-нибудь пункта окажется сомнение, то обращаются за разъяснениями к понтификам. Эти последние представляют собой нечто вроде юрисконсультов по религиозной части, поставленных специально для наблюдения за точным выполнением всех подробностей культа. У них есть книги, где все предусмотрено, и в которых собраны молитвы на всевозможные случаи. Некоторые из этих молитв чрезвычайно пространны. Римлянин, молясь, всегда находится под страхом, что мысль его плохо выражена, и поэтому он старательно повторяет по нескольку раз одно и то же, чтобы быть вполне понятным. Чтобы недоразумения были уже совершенно невозможны, он присоединяет к словам жесты. Когда он посвящает богу храм, то держит в руках дверь храма; произнося слово «tellus» (земля), он касается земли; он поднимает руки к небу, когда говорит о Юпитере, и бьет себя в грудь, когда речь идет о нем самом. Если и после всего этого боги не поймут его, то это уже, действительно, их вина. В своих отношениях к ним, как и во всем остальном, он очень почтителен и в то же время весьма осторожен. Он особенно старается о том, чтобы не взять на себя слишком много обязательств и чтобы не было никаких сомнений относительно того, что он обещает, а то, пожалуй, ему придется сделать больше, чем он собирался. Если бы, например, при совершении возлияния, забыли произнести слова: «Примите вот это вино, которое я вам приношу», то бог, пожалуй, мог бы подумать, что ему обещают все вино, находящееся в погребке, и тогда пришлось бы отдать его. Малейшее слово имеет огромное значение. Из-за одного пропущенного слова город несет значительные расходы и повторяет дорогостоящие игры. Вследствие этого молящийся не полагается на свою память: очень часто при нем находятся два жреца — один, который подсказывает слова молитвы, а другой, который следит за книгой, чтобы удостовериться, что ни одно слово из нее не пропущено.

Юнона Соспита. Мрамор (II в. н. э.).

Римская религия нисколько не заботится о душевном настроении, в котором должен быть молящийся; она обращает внимание только на внешнюю сторону. Для нее самым благочестивым является тот человек, который лучше всего знает обряд и умеет молиться богам по законам своей страны: в особенности важно являться в храм в соответствующем одеянии и принимать там предписанные законом позы. Римская религия не только не поощряет истинной набожности, но, наоборот, относится к ней даже с недоверием. Римляне — народ, созданный для того, чтобы действовать. Мечтательность, мистическое созерцание чужды им и возбуждают в них подозрения. Они прежде всего любят спокойствие, порядок, правильность; все, что волнует душу, им не нравится. Их религия тщательно избегает всего, что может вызвать возбуждение, и в противоположность другим культам старается скорее успокаивать душевные волнения, чем вызывать их. Она вменяет в обязанность молчание во время священных церемоний, она запрещает даже думать. Она старается сделать молитву как можно более холодной: она лишает ее свободы, составляющей душу молитвы; она запрещает в порыве благодарности или религиозного экстаза прибегать к тем выражениям, которые более всего соответствуют данному настроению; она навязывает определенную формулу, которой нужно пользоваться даже тогда, когда эта формула стала уже непонятной. Каждый год арвальские братья брали бумажку с написанным на ней древним гимном, в котором они

не понимали ни слова; но это нисколько не мешало им усердно повторять его до самого конца империи.

У римлян были весьма своеобразные представления об отношениях между человеком и божеством. Если кому-нибудь казалось, что один из богов разгневался на него, он смиренно просил у него мира, и можно думать, что между ними тогда заключался своего рода договор или сделка, одинаково обязательная для обеих сторон. Человек должен купить покровительство небес молитвами и жертвами; но со стороны бога было бы в высшей степени неловко, если бы он, приняв жертву благосклонно, не даровал просимой милости. Римляне были уверены в том, что благочестие дает право на счастье. В самом деле, вполне естественно, что боги любят больше тех, кто им воздает должное поклонение, а «если кого любят боги, тому все удается». Если обнаружится, что боги не исполнили всех условий договора, на них сердятся и с ними начинают дурно обращаться. Иногда возникает спор насчет подробностей договора, и тогда обе стороны, как ловкие сутяги, стараются поддеть друг друга. Раз договор заключен, справедливость требует, чтобы его условия соблюдались свято и ненарушимо: нужно отдать богам то, что было им обещано, это — священный долг, но не следует ничего преувеличивать. Все, что превышает установленное правилами религии, — грех, который называется «superstitio»; и истый римлянин к подобному «суеверию» отнесется с таким же ужасом, как и к нечестию. Он ведет аккуратно свои счета с богами: он не хочет оставаться их должником, но и не желает также давать им больше, чем следует.

Обряды этого чисто формального культа были так многочисленны и так сложны, что было чрезвычайно трудно не пропустить чего-нибудь. И робкие люди приближались к алтарю с трепетом; римляне часто говорили, что религия и страх неразлучны. Зато к услугам граждан была тонко разработанная казуистика, при помощи которой можно было благополучно выбраться из какого угодно затруднения в деле религии. Известно, например, что религия устанавливала множество праздников, во время которых и земледелец, и вол должны были оставаться без дела, что не могло не отражаться вредно на полевых работах. Поэтому постарались сократить насколько возможно этот вынужденный досуг. Обратились к понтифику Сцеволе с вопросом, что можно делать в праздник. Он отвечал: «Всякое дело, вследствие неисполнения которого может произойти большой убыток». Сначала решили, что значит можно, не совершая греха, вытащить в праздник быка из канавы, в которую он упал, или подпереть дом, который грозит падением. Но впоследствии стали позволять себе расчистку рвов под тем предлогом, что иначе может произойти наводнение на лугах; покупать скот, чтобы предохранить его от болезни, и даже кончать какое-нибудь начатое дело, приостановка которого могла его испортить. Существовали дни, когда запрещалось сражаться, но богословы прибавляли, что если враг сам нападет, то «все дни хороши для спасения своей жизни и защиты чести своего отечества».

Тот же дух господствовал повсюду. Ничто не причиняло столько беспокойств и тревоги, как советы или приказания, исходившие от богов. «Ответ гадателя, — говорит Цицерон, — наблюдения над жертвой, случайно услышанное слово, пролетевшая мимо птица, встреча с халдеем или с гаруспиком, блеснувшая молния, раскаты грома, удар молнии, даже самый незначительный, самый обыкновенный случай, если только мы почему-нибудь увидим в нем знамение, — все это смущает нас и тревожит. Сон, по-видимому, должен бы быть для нас

временем отдыха, а между тем именно сны служат чаще всего поводом наших беспокойств и страхов». Римские богословы ухищрялись в облегчении этих беспокойств. Они установили как правило, что не следует с первого раза верить тому, что кажется проявлением воли богов: нужно ждать, чтобы знамение повторилось несколько раз. Кроме того необходимо, чтобы оно было замечено непосредственно тем, к кому относится; таким образом, стоит только сидеть дома и уметь вовремя закрывать глаза, и боги будут лишены возможности сообщить нам свою волю. Когда Марцелл решительно задумывал какое-нибудь предприятие, то он выходил из дома не иначе, как в закрытых носилках, чтобы не смущаться никакими ауспициями. Таким знамением, которого не просили у богов, можно было пренебречь: тот, кто случайно заметил его, имеет право не обратить на него внимания.

Не нужно слишком мучиться из-за греха, избежать которого вне нашей власти. Когда Катон Старший встает ночью, чтоб предпринять ауспиции, он знает, что при этом по закону должна быть абсолютная тишина вокруг него. «Но, — замечает он, — если какой-нибудь раб произнесет у себя под одеялом слово, которое я не услышу, то я не могу отвечать за это». Во время Самнитской войны консул Папирий выбрал удобный момент для сражения с врагом. Воины рвались в бой, и жрец-пулларий, который, по-видимому, поддался общему настроению, заявил полководцу, что священные цыплята дали самые лучшие знамения. Но в тот самый момент, когда битва готова была начаться, Папирию сообщают, что цыплята упорно отказывались от предлагаемой им пищи и что пулларий солгал. «Это его дело, — отвечал консул, — если он солгал, то и понесет за это наказание. Что до меня, то мне было доложено, что знамения были благоприятны, и я их считаю благоприятными». И в самом деле, пулларий был убит в самом начале схватки, а Папирий одержал победу. Если обряд требовал принесения в жертву какого-нибудь редкого животного, которое трудно было достать, то делали изображение его из теста или воска, которое и предлагалось богу.

П.П. Рубенс. Юпитер и Меркурий с крестьянами Филемоном и Бокием. Холст (1620–1625 гг.).

Глава 2

«МОЖНО ЖДАТЬ ЧЕГО УГОДНО, МОЖНО ВЕРОВАТЬ ВСЕМУ»: семейная и государственная мифология античности

Стойте в молчанье кругом: освящаем поля мы и жатву,

Чинный свершая обряд, древле завещанный нам.

Вакх, снизойди, и с рожек твоих да склоняются грозди,

Ты же, Церера, обвей вязью колосьев чело!

Науки и искусства античности. — Аполлон и Музы. — Домашний очаг. — Гестия. — Духи предков. — Семейный и племенной культ. — Государственный культ. — Божества городов-государств. — Амфикионии. — Обычай гостеприимства. — Аполлоническая религия. — Верховное божество. — Приношения богам. — «Бог в истине». — Олимпийский пантеон в эпоху эллинизма. — Римский пантеон и чужеземные боги.

Переходим теперь к тем аспектам греческой религии, которые были названы «высшими» — хотя для такого их обозначения в отличие от разобранных в предыдущем разделе требовалось некоторое отступничество от матери-земли. И здесь первое слово принадлежит религиозному освящению человеческого общежития — т. е., с одной стороны, семьи, рода и колена, с другой — кружка и корпорации, далее — города, государства, Эллады, человечества.

В центре семьи, т. е. объединенной общностью дома и крова ячейки гражданского общежития, стояло божественное существо, очаг — и глубокая религиозная вдумчивость эллинов сказалась в том, что у них это существо представляется женского пола, как богиня Гестия. Будучи одним из древнейших божеств, она, можно сказать, на наших глазах вырастает из имманентного, каким ее только и знает Гомер, в трансцендентное: уже для Гесиода она богиня-личность, сестра Зевса наравне с Герой и Деметрой, но в отличие от них — девственница; это потому, что ее стихия — очажное пламя. Ее поздняя трансцендентализация имела последствием и то, что ее редко изображали: даже в общественных храмах не ставили кумиров Гестии, ее почитали в ее символе, пылающем на алтаре внутри храма и дома неугасимом огне.

Недвижно обитая на посвященном ей очаге, Гестия была настоящим символом хозяйки — деятельностью которой, в отличие от деятельности мужа, происходила внутри дома. И в то время как, в силу «патрилинейного» строя греческой семьи, дом со всем имуществом переходил от отца к сыну и дети величались по отчеству, — для Гестии была законом матрилинейная преемственность. Когда новобрачную вводили в дом мужа — впереди нее шествовала ее мать с факелом, возженным на очаге своего дома, и этим факелом она зажигала новый огонь на очаге своей дочери и зятя — красивый символ всей той хозяйственной традиции. Так водруженная Гестия становится богиней-покровительницей дома, могучей и благосклонной; об интимности и сердечности этих отношений может дать свидетельство трогательная предсмертная молитва к ней Алкесты у Еврипида:

Богиня!

Меня Аид в свой темный дом берет.

И я теперь в последний раз пришла

К тебе: храни моих сирот, молю.

Ты сыну дай жену по мысли, мужа

Дай дочери достойного, и пусть

Не так, как мать, без времени, а в счастье,

Свершивши путь житейский и вкусив

Его услад, в земле починут отчей.

Взамен этих благ и честь ей оказывалась великая. Было принято в молитвах, обращенных ко многим богам, называть ее на первом месте: «...Гестии, с которой благоразумье начинать велит», — говорит старый царь в «Фаэтоне» того же Еврипида; слова «начинать с Гестии»

вошли даже в поговорку. Ей молился домохозяин, уезжая; ее приветствовал он, возвращаясь. Когда в доме рождался ребенок, его приблизительно в пятый день обносили вокруг очага, представляя этим Гестии; это был настоящий семейный праздник (Амфидроми), в котором принимали участие все присутствовавшие при рождении, и сопровождался он угощением. И священен был каждый сидящий у очага (επιεστιος): этим актом обыкновенно преследуемый обеспечивал себе покровительство того, к кому он обращался.

Поскольку Гестия была женским началом семьи, постольку мужским ее началом был Зевс Оградный (Ζευσ Ηερκειος), стоявший у своего алтаря во дворе дома. Здесь происходили домашние жертвы под главенством домохозяина; перед таковой он погружал пылающую головню с алтаря в ведро с водой и этой освященной водой окроплял присутствующих, как хозяев, так и гостей, как свободных, так и рабов. Это окропление (χηρνις) было сакраментальным актом, скрепляющим узы между участвующими; отлучение от окропления было карой, налагаемой на нечестивых. Сама жертва сопровождалась угощением и даже, можно сказать, главным образом в нем состояла: в честь бога сжигались лишь символические, малоценные по своей питательности части жертвенного животного, остальные потреблялись приглашенными, которые таким образом становились «сотрапезниками богов». Эллинам прекрасно понимали, что богу нужна честь, выраженная в символе, а не материальный корм; обычай уничтожения живности путем «всесожжения» был поэтому им чужд. С другой стороны, редкость мясной пищи вела к тому, что всякое заклятие животного сопровождалось жертвоприношением.

Орест и Эриннии. Роспись на греческой амфоре.

Охранителями дома могли быть, конечно, и другие боги, различные в различных случаях; обычно бывали таковыми духи предков. Это — опять одна из интимнейших сторон греческой религии. Они ведь живы; им домохозяин приносит установленные обычаем дары и возлияния; они поэтому заинтересованы в том, чтобы его род процветал и сохранил чистоту своей крови — их крови. Из своей подземной обители они «воссылают благо» своему потомку; их приглашают принять участие в радости бракосочетания, которая была также и их радостью; и понятно, что их беспощадный гнев настигал грешницу-жену, которая, нарушая обет супружеской верности, прерывала преемственность крови и вводила «подложных детей» в их и свой дом. А так как из гневной души покойника развились Эриннии, то понятно также, что наравне с убийством и прелюбодеяние жены ими каралось.

Вы, что видите жертвы безбожных убийств,

Вы, что видите ложа растленья во тьме! —

молится Электра у Софокла. Прелюбодеяние мужа как оскорбление женского чувства его супруги тоже осуждалось обычаем и, в случае жалобы оскорбленной, — законом, но по указанной причине оно не составляло религиозного преступления.

«Человек должен участвовать в вечной жизни природы, всегда оставляя детей после себя, чтобы они могли служить богу вместо него», — говорит Платон. С этой точки зрения понятно, что по греческому воззрению брак был таинством. Он так и назывался — *τελος*; его покровители, первобрачники Зевс и Гера как таковые назывались *τελειοί*. В Афинах во время

бракосочетания мальчик, сын живых родителей — первообраз «мальчика с иконой» русских свадеб — обносил брачующихся корзиной с хлебом, произнося при этом известные из таинств слова: «Я бежал от зла, я обрел благо». Зло — это преходящее, благо — это вечность, как в браке, так и в таинствах: бессмертие породы, обусловленное браком, соответствует бессмертию души, удостоверенному таинствами. И с этим вполне согласно то, что жениха и невесту в брачном тереме встречала жрица Деметры — богини возрождающегося хлеба, богини таинств — и лишь после ее благословения для них начиналась брачная ночь.

Мы только что назвали «богами-первобрачниками» Зевса и Геру; действительно, их «священная свадьба» (ἱερός γάμος) была первообразом для человеческой и притом — в мельчайших подробностях ее обрядности. Память иерогамии праздновалась в январе, который назывался «свадебным» (Γαμελιών), в соответствии с обычаем земледельческой Греции справлять свадьбы преимущественно зимой. Тогда первый человеческий урожай поспевал приблизительно одновременно с урожаем Матери-земли, и в месяце Пианопсионе (октябре) можно было справить и праздник отцов, Апатурии, и праздник матерей, Фесмофории... красивое свидетельство изначального единства человека с природой.

И еще сильнее сказалось это единство в той богине, к которой обращались роженицы; это была не Гера и даже не Деметра, богини утвержденного государством брака и домовитости: плод своего чрева женщина-гражданка рождает по тем же законам, как и любая лесная самка, и одна и та же богиня охраняет их обеих. Мы ее уже знаем: это — Артемида.

Вполне понятно, что освященная такой религиозной благодатью семья сильнейшим образом сплывала своих членов. Хотя закон не признавал за отцом права над жизнью и смертью своих детей, как в Риме, тем не менее особа отца и, в еще большей степени, матери была для детей священной. «Старый отец или мать должны пользоваться в доме не меньшей честью, чем даже кумиры богов; проклятие родителей скорее достигает слуха богов, чем какое-либо другое, и равным образом их благословение; сам бог радуется чести, которую дети и внуки оказывают своим родителям и дедам» (Платон). И никто не может освободить сына от долга с честью содержать своего отца до его смерти, если только этот отец сам предварительно не нарушил своего долга по отношению к нему, пренебрегая его воспитанием. Так же святы были и взаимные обязанности братьев и сестер — достаточно сослаться на «Антигону» Софокла. И действительно, история греческих государств, сколько бы мы в ней ни насчитывали мрачных страниц, не представляет нам примеров розни отцов с сыновьями и братьев между собой, столь часто пятнающей историю германских и славянских народов; и если в IV в. Тимолеонт Коринфский убил своего брата, то потому только, что этот брат стал тираном своей родины и что в душе героя после страшной борьбы долг гражданина восторжествовал над долгом брата.

Б. Челлини. Посейдон. Деталь золотой солонки (1540–1543 гг.).

Но греческая семья обнимала кроме свободных еще и рабов; и они были объединены с ней «узами окропления», и они пользовались покровительством Гестии и Зевса Оградного. Их представляли богам в день приобщения к семье, причем полагалось осыпать рабов лакомствами — ради приметы, чтобы им «сладко» жилось в доме новых хозяев. Эллины сознавали, что с воззрением на святость жизни раба они стоят одиноко среди народов. Вообще надлежит помнить, что ходячее представление об ужасах «античного» рабства

относится только к римской эпохе латифундий, когда восторжествовала изобретенная Карфагеном «плантационная» система крупнопоместного хозяйства; в Греции, как нам доказывают комедии и Платон, рабам жилось очень сносно: участие в общей жизни семьи давало и их личной жизни большее содержание, чем если бы они были ею ограничены. Конечно, рабство должно было пасть, и пало оно в силу лозунгов, выдвинутых впервые самой Грецией; но если оценивать формы жизни в зависимости от благочувствия, которое им свойственно, то беспристрастный судья не сможет не признать, что в общем итоге греческое общество даже в своей несвободной части было счастливее нашего с его центробежными стремлениями, разобшившими нас уже давно с Матерью-землей, разобщающими нас теперь друг с другом и вносящими одиночество и холод туда, где некогда царило уютное тепло под лучами Гестии.

В каждом греческом доме кроме общих богов фратрии и рода, к которым принадлежало живущее в доме семейство, пользовались особым почтением боги, считавшиеся покровителями дома и живущих в нем. Священнейшим местом дома считался очаг как алтарь богини Гестии, которой поклонялись как особо, так и при почитании других богов, призывая ее имя в начале и в конце. Кроме Гестии почитался как покровитель очага Ζεῦν ἑφεστίου . Некоторые ставили еще на очаге или при нем статую Гефеста как бога огня. Были также особые $\thetaεοὶ μυχίου$, боги внутренности дома, соответствовавшие римским пенатам. Ζεῦν κτησίου почитался как податель и умножитель богатства в доме, Ζεῦν ἐρκείου — как охранитель ограды дома, т. е. его неприкосновенности. Боги и герои, считавшиеся покровителями известных ремесел и занятий, конечно, специально почитаемы были лицами, занимавшимися тем или другим ремеслом, как, например, Афина Эргана и Гефест — ремесленниками и художниками, Прометей или Керам — гончарами, Гермес — риторам и учителями гимнастики, Асклепий — врачами и т. п. Кроме того, отдельные семейства или лица по тем или другим причинам вводили у себя культ каких-либо особых богов. Например, было совершенно естественно, что отдельные роды или семьи, переселившиеся с родины в такую местность, где не было культа божества, особенно почитавшегося у них на родине, вводили его у себя дома, так, род Исагора Афинского, известного противника Клисфена, поклонялся Зевсу Карийскому (Геродот).

В более богатых домах устраивались особые молельни или божницы, в которых ставились статуи домашних богов, тогда как в небольших и тесных жилищах небогатых людей, вероятно, устраивались только ниши или шкафы, в которых ставились небольшие, по большей части глиняные статуэтки, или же изображения богов просто рисовались на стене, как это встречается в помпейских домах. Изображения Зевса Ктесия ставились в кладовых, а Зевсу Оградному ставился алтарь во дворе. За входной дверью устраивалась ниша со статуей Гермеса Поворотного ($\sigmaτροφίου$), считавшегося покровителем дверей. Здесь же устраивались жертвенники или ниши со статуями Гекаты, которую почитали как богиню дорог и которой поклонялись при входе и выходе, женщины, выходя из дому, гадали по изображениям Гекаты о благополучном совершении предпринимаемого пути. Перед входной дверью на улице обыкновенно ставилась небольшая кеглеобразная колонна как символ бога-покровителя улиц, которым в большинстве случаев считался Аполлон (Αὔριεῦν). На углах улиц, на площадях и в прочих местах стояли четырехугольные столбы с головой Гермеса (гермы), принадлежавшие уже не отдельным домам, а считавшиеся общими святынями для

целого околотка.

Набожные люди поклонялись своим домашним богам утром и вечером, при начале и окончании всякого дела. Особенно важные случаи домашней жизни, как брак, рождение ребенка, смерть кого-либо из членов семьи, подавали повод к совершению особых, соответствующих случаю, религиозных обрядов.

Брачные обряды не везде в Элладе совершались одинаковым образом, но у нас более полные указания имеются только для Афин, из других же местностей известны только единичные факты.

Брак у всех эллинов считался божественным установлением и стоял под особым покровительством богов, почему и соединялся с молитвами и жертвоприношениями. Свадьбы обыкновенно происходили зимой, преимущественно в дни полнолуния. Накануне свадьбы совершались в доме жениха и невесты предварительные религиозные обряды, носившие общее название *προῦρα* и состоявшие в молитвах и жертвоприношениях тем богам, благословение которых считалось особенно важным для счастья брачной жизни и которые поэтому носили название «брачных богов». К их числу принадлежали: Гера, Зевс, Афродита, Артемида, Пейто (Πειθώ), затем Эрот, нимфы, мойры (парки) и др. В Афинах невеста в сопровождении родителей ходила на Акрополь в храм Афины Полиады, где приносила жертву и испрашивала благословение богини. Свой девичий пояс, куклы и игрушки, а также волосы невеста посвящала какой-либо богине.

При жертвоприношении Гере Гамелии желчь животного не сжигали на алтаре, а выбрасывали или зарывали в землю в знак того, что гнев и горечь должны быть далеки от брачной четы. При жертвоприношениях совершались, конечно, гадания, которыми определялся и день свадьбы.

Утром в этот день жених и невеста совершали омовение, для которого воду брали везде из одного определенного для этой цели источника или реки, например, в Афинах из Каллирои или Девятиключевого. Доставка воды для этого омовения было почетным поручением, которое исполнял мальчик из ближайших родственников жениха и невесты. Жилища жениха и невесты, конечно, по мере возможности прибирались и украшались, а двери их убирались цветами. Сваха из пожилых родственниц одевала невесту и украшала ее венком.

Совершалось торжественное жертвоприношение, а затем отец невесты устраивал свадебный обед, в котором, по крайней мере в некоторых местностях, принимали участие и женщины, в других случаях всегда обедавшие отдельно от мужчин; однако и здесь они сидели за особым столом вокруг невесты, закрытой фатой. Обед состоял преимущественно из сладких блюд; непременной принадлежностью его были свадебные пирожки из индийского растения сесам. В некоторых местностях существовали особые законы, ограничивавшие пышность свадебных пиров. Вечером невеста торжественно приезжала в дом жениха на свадебной колеснице, запряженной мулами или быками, сидя на скамейке между женихом и шафером, избравшимся из ближайших родственников или друзей жениха. Если последний был вдовец, то обычай не позволял ему самому привозить невесту, и ее провожал только шафер. Свадебную колесницу сопровождала более или менее многолюдная толпа родственников и знакомых с музыкой и песнями, получившими свое название *μεγαλοῦ* от мифического юноши Гименея, причислявшегося к богам или демонам брака; песни были отчасти

религиозные, но преимущественно веселого и шутливого содержания. Мать невесты шла за колесницей с факелом, а мать жениха встречала процессию, также с факелом, у дверей своего дома. При вступлении в дом жениха молодых осыпали плодами и сладостями в знак пожелания им приятной жизни, давали невесте яблоко, имевшее символическое значение, и приносили молодым поздравления. Затем сваха отводила невесту в приготовленную ей брачную комнату, причем снова раздавались песни (ἐπιθαλαμια) такого же характера, как и певшиеся во время свадебного поезда. Один из друзей жениха запирает дверь комнаты и становится у нее как бы на страже. На следующий день родственники и друзья делают молодым подарки; между прочим, тесть посылал зятю домашнюю утварь и условленное приданое в виде процессии под управлением мальчика, одетого в белое платье, и девочки-канефоры. Новобрачные также обменивались подарками по случаю снятия молодой ее свадебного покрывала, которое, быть может, приносилось в дар Гере. В доме жениха в один из ближайших дней после свадьбы иногда устраивался пир для его друзей.

Таковы вообще были обычаи в Афинах; но при этом разумеется само собой, что они не соблюдались неизменно во всех отдельных случаях. Например, у небогатых людей невеста не ехала на колеснице в дом жениха, а шла пешком; были также скромные свадьбы без шумных процессий, пиров и песен. Религиозные обряды перед свадьбой также совершались то с большею, то с меньшею полнотою, смотря по степени религиозности сочетающихся, а иногда и вовсе не были совершаемы людьми свободомыслящими, отчего брак не терял своей законности. Для нее необходимо было только предварительное обручение, т. е. формальное согласие отца или опекуна невесты, а после свадьбы — внесение молодой жены в списки фратрии мужа, совершавшееся обыкновенно в ближайший праздник Апатурий и сопровождавшееся жертвоприношением и угощением членов фратрии. Жрецы ни при обручении, ни в день свадьбы не исполняли никаких обрядов вроде соединения рук жениха и невесты, произнесения брачной формулы, благословения или приличной случаю речи. Только у Плутарха упоминается существовавший в его время в какой-то местности Беотии (вероятно, в его родном городе Херонее) обычай, чтобы брачующиеся были соединяемы жрицей Деметры.

Рождение детей и различные случаи их жизни также подавали повод к религиозным обрядам и семейным праздникам. Готовившиеся быть матерями заблаговременно приносили жертвы Илифии или Артемиде, почитавшимся в качестве помощниц при родах, а также нимфам. При рождении мальчика на дверях дома вывешивали оливковый венок, а при рождении девочки — повязку из овечьей шерсти; это делалось отчасти в виде доброго предзнаменования, так как венок символически обозначал собой будущую гражданскую доблесть новорожденного, а шерсть — будущее трудолюбие новорожденной, отчасти же для предупреждения, что в доме есть родильница, так как входить в такой дом считалось осквернением, а может быть, также и для очищения дома. На пятый или седьмой день после рождения совершалась церемония очищения ребенка и лиц, помогавших при родах: бабушка или какая-либо другая женщина в сопровождении лиц, участвовавших в уходе за родильницей, быстро обносила ребенка вокруг очага, чтобы очиститься его огнем, и поручала ребенка покровительству домашних богов. Веселая домашняя пирушка заключала собою этот день. В седьмой или, чаще, в десятый день от рождения происходило наречение имени ребенку и жертвоприношение богам, которые преимущественно перед другими почитались как покровители юношества,

именно Аполлону, Артемиде, нимфам и речным божествам. При этом снова делалась пирушка для родственников и друзей дома, которые со своей стороны давали новорожденному разные подарки, особенно амулеты; даже рабы по обычаю участвовали в поднесении подарков. Имя нарекал обыкновенно отец, но иногда и мать, или оба вместе по взаимному соглашению; новорожденного называли по имени кого-то из родственников (старшего сына часто по имени деда), предков или друзей, или вообще таким именем, какое казалось благозвучнее и счастливее. Наконец в 40-й день от рождения происходило окончательное очищение родильницы, при котором, вероятно, снова совершалось жертвоприношение. Ежегодно повторявшееся празднование дня рождения в древнейшие времена, по-видимому, не было в обычае у греков, но со времен Александра Великого и в особенности в римскую эпоху оно встречается очень часто. Тогда праздновались не только дни рождения родственников и друзей, но и царственных особ — их подданными, учителей — учениками и последователями, патронов — клиентами и т. д.

В первый же год жизни или через три года дети в Афинах записывались во фратрию отца в 3-й день праздника Апатурий. Благочестивые родители в Афинах заботились также о том, чтобы пораньше посвящать детей в Элевсинские мистерии. Девочки от 5 до 10-летнего возраста посвящались еще Артемиде Бравронской, а некоторые служили аррефорами. Вступление мальчиков в возраст эфебов праздновалось торжественным возлиянием Гераклу и угощением друзей. При этом мальчики остригали свои волосы, которые до тех пор носили длинными, и посвящали их Аполлону. Богатые и тщеславные люди из Афин нарочно возили сыновей в Дельфы для посвящения их волос. Подобные же обычаи можно предполагать и в других государствах.

Погребение умершего считалось священнейшей обязанностью, неисполнением которой люди совершали прегрешение не только перед умершим, но и перед богами, как высшего, так и подземного мира. Непогребенный труп осквернял место, на котором он лежал; душа умершего в таком случае не могла проникнуть в царство мертвых, и боги подземного мира гневались, не получая того, что им принадлежало; душа умершего, не находя себе покоя, носилась по земле и мучила живых. Поэтому всякий, кто находил где-нибудь непогребенный труп, обязан был похоронить его или, при невозможности сделать это, по крайней мере, прикрыть тремя горстями земли. В Аттике погребение мертвого тела, найденного на земле какого-нибудь дема, лежало на обязанности демарха. Оставление без погребения павших на поле битвы ставилось в тяжкую вину полководцам, как это мы видим в известном деле победителей при Аргинусах; побежденным врагам не смели отказывать в перемирии для погребения убитых, или сами победители принимали на себя заботу о погребении павших врагов; просьба о перемирии для погребения убитых была, как известно, равносильна признанию себя побежденными.

Учреждение погребального обряда в Аттике приписывали Кекропу: родственники должны были опустить тело умершего в землю и, засыпав его, посеять на могиле хлебные семена, чтобы таким образом вверить покойника лону Матери-земли и затем очистить ее посредством плодов. В исторические времена погребальные обряды в Аттике, да, вероятно, и в других государствах, были вообще следующие. Прежде всего перед дверьми дома, где кто-нибудь умер, ставили глиняный сосуд с принесенною из другого дома водой для того, чтобы посетители могли очищать себя при выходе. Умершему закрывали глаза и рот, тело омывали

и умащали благовониями; обыкновенно это делали собственноручно ближайшие его родственницы. Обычай класть в рот покойнику монету для уплаты Харону за перевоз в подземное царство, по-видимому, возник не ранее VI и V вв. до Р. Х.; в древнейшие времена об этом обычае не упоминается. Иногда умершему давали еще лепешку для укрощения адского пса Кербера. Омытое и умащенное тело одевали в чистые, обыкновенно белые одежды, украшали цветочным (иногда золотым) венком, закрывали лицо и выставляли на одре в передней части дома, ногами к выходу. По сторонам одра ставили глиняные сосуды с благовонными жидкостями. Одр окружали родственники и друзья с плачем и причитаниями. На другой день происходил вынос и погребение. Тело выносили на том же ложе рано утром, до восхода солнца (для того, чтобы не осквернить солнце видом трупа), родственники или друзья, но чаще вольноотпущенники или наемные носильщики. Останки заслуженных деятелей иногда относили к месту погребения молодые сограждане, что считалось особою почестью. В поздние времена в некоторых местах (например, на о. Аморга и в Ольвии) существовал обычай увенчивать заслуженных государственных деятелей при выносе их тела золотым венком от имени государства по постановлению народного собрания, при этом глашатай во всеуслышание объявлял об этой почести. Перед одром умершего насильственной смертью ближайший родственник в знак мести убийце нес копье, которое потом вонзал в могилу. Печальный одр сопровождали в траурных одеждах (черных или темных) и с остриженными в знак печали волосами родственники, друзья и родственницы, по афинскому закону только ближайшие, до двоюродных племянниц. Кроме того, часто нанимались особые плакальщики и плакальщицы для причитаний и пения печальных песен под аккомпанемент флейты. Однако в Афинах солоновский закон запрещал как наем плакальщиц, так и всякие страстные выражения печали, как, например, царапание щек, биение себя в грудь, громкие восклицания и вопли и т. п. Вообще законы, ограничивающие пышность погребения, встречаются у древних греков очень часто. Произнесение речей при погребении отдельных лиц не было в обычае.

По окончании погребения провожавшие, сказав покойнику последнее «прости», возвращались в дом его на поминальный обед, в котором принимали участие и присутствовавшие при погребении женщины. Здесь еще раз с любовью поминали усопшего и его доблести; дурно отзываться об умерших считалось неблагочестивым, как и у римлян. Затем следовало очищение дома, где лежал покойник. В 3, 9 и 30-й день по кончине совершались на могиле возлияния и жертвоприношения, кроме того, в 9-й день ставились там разные вареные блюда, как бы в пищу покойнику. Возлияния на могиле состояли из смеси меда с молоком или водой, из вина и масла. Жертвенных животных закалывали на могиле и кровь их выливали в яму, а тушу разрезывали на куски, которые сжигали целиком и пепел зарывали на месте. Закон Солона запрещал принесение быков в жертву умершим, — значит, до Солона это было в обычае, а вне Аттики этот обычай существовал и в более поздние времена. Обыкновенно, впрочем, довольствовались овцами, а иногда вместо настоящих животных приносили их изображения, сделанные из теста. После жертвоприношения в 30-й день обыкновенно снимался траур. Впрочем, продолжительность его не везде была одинакова: в Спарте его снимали на 12-й день после жертвоприношения Деметре, в некоторых местностях траур был гораздо продолжительнее,[20] а в иных совсем не был в обычае.

В исторические времена употреблялись два вида погребения: сожжение и зарывание в землю, тогда как в гомеровскую эпоху был в употреблении только первый способ. Выбор того или другого способа зависел от предсмертного распоряжения покойника или от воли его родственников. Зарывание в землю было особенно употребительно у небогатых людей как требовавшее меньших расходов; некоторые, впрочем, и из видов благочестия предпочитали предавать останки любимого родственника целыми и неповрежденными в лоно матери-земли, а не уничтожать их огнем. При этом погребении тело клали в деревянный (преимущественно кипарисовый) или глиняный гроб; каменные саркофаги, иногда богато украшенные рельефами, встречаются преимущественно в поздние времена. Для сожжения воздвигали костер, который у богатых людей иногда бывал очень велик, роскошен и дорог. Его зажигали, отвернув лицо, ближайшие родственники и в пламя бросали отрезанные волосы, одежды, утварь и другие предметы, которые покойник любил при жизни; в гомеровские времена убивали и животных (иногда даже и людей, как при погребении Патрокла) и бросали в огонь. По сожжении тела собранные кости и пепел клали в глиняную или металлическую урну и ставили в гробницу. Зажиточные люди часто строили просторные гробницы, служившие общим местом упокоения членов всей семьи или рода. Семейные гробницы устраивались и при погребении посредством зарывания в землю. В гробницы клали сосуды, употреблявшиеся при погребении, и разные вещи, принадлежавшие покойнику, например, при воинах — оружие, при победителях — победные призы, при ремесленниках — их инструменты, при женщинах — зеркала, при детях — игрушки и т. д. Общие гробницы иногда строились с такою роскошью, что в Афинах еще Солоновым законом запрещено было строить гробницы дороже таких, которые могут быть построены в три дня десятью рабочими. Деметрий Фалерский еще более сократил расходы на постройку памятников. На гробницах ставились более или менее дорогие каменные памятники, часто с рельефными изображениями и надписями, содержащими в себе полное имя покойника и нередко стихотворную эпитафию, выражавшую его заслуги и доблести, сердечные чувства его родственников, нравственные сентенции и т. п. Огромное количество таких надгробных памятников сохранилось до наших времен в разных местностях эллинского мира. Таким покойникам, которые умерли и погребены были на чужбине или вовсе не могли быть погребены (например, утопленники, тела которых не были найдены), на родине были воздвигаемы памятники, называвшиеся *κενοταφια*; но при этом всегда заботились, по мере возможности, чтобы останки или пепел умершего на чужбине были перевезены на родину и погребены в фамильной гробнице. Кладбища, как правило, находились вне городов вдоль дорог, ведущих к городским воротам; в Афинах одно кладбище было в загородном Керамике по дороге в Академию, а другое, для простого народа, — по дороге в Пирей. Окружающая местность засаживалась деревьями (преимущественно кипарисами и тополями) и цветами. Погребение внутри городов в исторические времена вообще принадлежит к исключениям, хотя такой обычай существовал в Спарте и некоторых других дорических городах, а в древнейшие времена и в Афинах. В колониях могилы основателей находились внутри города, по большей части на рыночной площади; но эти лица считались не обыкновенными покойниками, а героями-покровителями города, и их гробницы — святынями. Обыкновенно же нахождение гробниц внутри городов, особенно в священных местах, считалось их осквернением. Священный остров Делос, как известно, неоднократно был очищаем посредством вынесения с него гробов, и наконец афиняне запретили на нем рождаться и умирать.

Указанными выше жертвоприношениями не оканчивались обязанности живых по отношению к могилам усопших. Родственники и потомки обязаны были и впоследствии посещать их в определенное время, украшать венками (особенно из сельдерея) и повязками и совершать жертвоприношения. В Афинах такие посещения делались, по крайней мере, раз в год, в день смерти или, гораздо чаще, в день рождения покойника. Кроме того, в Афинах был общий поминальный праздник Немесии. Особые праздники в память усопших иногда определялись в завещаниях.[21] Такое почитание усопших весьма легко переходило в их обоготворение, когда на них начинали смотреть, как на настоящих героев-покровителей дома или государства, и устанавливали в их честь геройский культ. Трудно определить, где кончалось простое почитание предков и где начиналось их обоготворение. Во всяком случае примеров последнего встречается немало в древнем мире.

Трудно также определить, когда получил начало обычай посмертного чествования усопших. В гомеровских поэмах нигде нет речи о неоднократных жертвоприношениях в честь усопших после их погребения. Поэтому следует думать, что этот последний обычай развился позднее. Совершая такие жертвоприношения, люди очевидно веровали, что умершие могут наслаждаться оказываемыми им почестями и гневаться в случае пренебрежения; но представления о том, каким образом умершие получают удовольствие от приносимых им жертв и даров, были, конечно, так же неопределенны и разнообразны, как и при жертвоприношениях богам. Людям здравомыслящим жертвы в честь усопших, наверное, казались только символическим знаком любви и уважения, которым наслаждались усопшие, потому что оставить по себе уважаемую и благодарную память в потомстве есть естественное общечеловеческое желание.

Посредствующими звеньями между семьей и гражданской общиной (πολις) были род, фратрия, фила (родовая). Их политическое значение отпало повсеместно в Греции, где раньше, где позже — в Афинах со времени реформ Клисфена в 507 г. до Р. Х. — и они бы совсем исчезли, если бы, как расширяющиеся концентрические круги человеческого общежития, не были в свое время освящены религией. Они и сохранили свое религиозное значение.

Правда, для рода это значение ограничивалось частным культом. Род совмещал семьи, родственная связь которых была удостоверена наличием общей родословной; его покровителем был опять-таки Зевс, но уже не Νεργεῖος, как в семье, а Νομοῦνιος, выразитель единства рода. И обычай повелевал приглашать родственников на семейные торжества — свадьбы, наречения детей, поминки. Но этим, по-видимому, и ограничивалось дело.

Более крупным было значение фратрии, совмещавшей те роды, которые производили себя от общего (мифического) родоначальника без удостоверенной родословной. Они имели свой государственный праздник; это был уже знакомый нам трехдневный «праздник отцов» в октябре, Апатурии.

Фраторы собирались, счастливые отцы представляли им новорожденных со свидетелями, удостоверяющими законное происхождение; и они вносили их в свои «фраторские» списки, имевшие, подобно записям в церковных книгах, государственное значение. Понятно, что не эта канцелярская операция занимала три дня: полагалось основательное угощение, для которого те же отцы поставляли жертвенных животных — более крупное (κυρεῖον) за

мальчика, более мелкое (μείον, т. е. именно «меньшее») за девочку. И это было не все: фраторы интересовались и урожаем прежних лет, ими внесенным в списки граждан. Выступали мальчики с плодом своего ученья, читая наизусть Гомера, — и отличившиеся среди юных рапсодов получали награды.

Были, наконец, и праздники (родовых) фил; но о них мы почти ничего не знаем.

От личности через семью, род, фратрию и филу к государству — это один путь, сильно сокращенный в историческую эпоху благодаря почти полному исчезновению трех из названных звеньев. Был, однако, другой, созданный на пороге исторической эпохи: соперничая с семейным укладом, он собирал схожих индивидов в кружки (или корпорации) и в этих формах общежития подчинял их гражданской общине. В иных государствах кружковая организация восторжествовала, поскольку это было возможно, над семейной — так обстояло дело в Спарте. В других — мы о них мало слышим — семейная осталась неприкосновенной. В Афинах они уравнивали друг друга.

Корпорации, поскольку они были ремесленного характера, объединялись общим культом тех богов, которые покровительствовали их ремеслам: их мы отчасти уже знаем. Если же они были вольного характера, то от них же зависел и выбор бога или героя-покровителя. Конечно, значительная часть корпорационной жизни состояла в праздниках этих богов и героев с обычными жертвоприношениями, угощениями, а иногда и играми и т. п. Особенно интересны корпорации умственного труда, основанные поэтами, художниками, философами. Их основатель после своей смерти сам становился своего рода «героем» вплоть до позднейших поколений.

От этих корпораций, объединяющих зрелых людей, притом часто на всю жизнь, мы различаем кружки сверстников, преимущественно юношей и девушек. Созданные дельфийской религией, они и были посвящены дельфийским божествам, — юноши Аполлону, девушки Артемиде — причем это была, однако, позднейшая Артемида, девственная сестра Аполлона, лишь в силу исторического развития отождествленная со старинной богиней леса и его плодотворения, с которой девушке опять придется иметь дело, когда она, пройдя через искусы Геры и Деметры, будет призывать ее как богиню родов. Мы касаемся здесь очень пленительной стороны греческой жизни, юношеских состязаний и девичьих хороводов и песен. На этой почве развивается и дружба, культ которой нигде не был так силен и священен, как именно у эллинов. Не можем долго останавливаться на ней, но здесь добрая часть эллинской красоты, и Платон с его идеалистической философией вполне понятен только на этой почве.

Но все же венцом человеческого общежития было, по греческому представлению более чем по какому-либо иному, государство — точнее говоря, его эллинская разновидность, город-государство, независимый и самодовлеющий *πολις*. Понятно, что и он был поставлен под покровительство религии и притом с такой готовностью, с таким усердием, что многие из современных исследователей сочли возможным, вопреки истине, всю греческую религию рассматривать под углом государственности.

Миф повествует, что некогда боги, собравшись в Сикионе (почему именно там, мы не знаем), поделили между собой города людей. При этом Гере достался Аргос, Диоскурам — Спарта,

Аресу — Фивы; об Афинах заспорили Посейдон и Паллада, причем спор был решен известным нам уже образом. С тех пор Паллада — богиня-покровительница Афин; ее молитвам у престола Зевса город обязан тем, что он жив и здоров. Когда с востока надвигалась персидская гроза, тогда казалось, что

Речью и мыслью за вас заступается часто Паллада —

Тщетно: не в силах она умолить вседержавного Зевса.

Но все же ей удалось упросить его об одном: оплот лишь стены деревянной

Дщери дарует своей дальновидящий Зевс; необорным

Будет лишь он, во спасеньи и вам, и наследникам вашим,

И благодаря тому, что ее лучший гражданин, Фемистокл, сумел правильно понять ее волю — что «деревянная стена» означает борта кораблей — ее город и этот раз уцелел.

Афина. Мраморная стела (ок. 450 г. до н. э.).

Итак, Паллада в Афинах — «Градодержица» (Πολιάς, Πολιυχρος); ее праздник — знакомые нам уже Панафинеи в июле — был праздником гражданской общины как таковой. Много дней было посвящено «агонам» всякого рода, дававшим богине возможность налюбоваться на силу, ловкость и красоту молодежи — и кто при этом, исполняя «пляску во всеоружии», слабой рукой неуклюже держал щит ниже груди, того стыдили тем, что он «забывает о Тритогении» (т. е. о Палладе). Но самым торжественным был последний день, день гекатомбы, когда богине на Акрополе представлялась вся община в избранных по красоте и представительности образцах, когда снаряжалось знаменитое «панафинейское шествие» к храму — шествие, изображенное Фидием на фризе Парфенона. Там были и почтенные старцы с ветвями Палладиной маслины, и мужи с жертвенными животными, и юноши верхом, и заглядение процессии, красавицы девы-кошеносицы и даже девочки-аррефоры; героинями же празднества были хозяйки — ученицы богини, соткавшие в честь Афины праздничный пеплос с изображением ее собственных подвигов в борьбе с темной силой гигантов, но также и заслуженнейших граждан, которых благодарный город их искусными руками поручал милости своей великодушной заступницы.

Государственный характер эллинской религии сказывался и в том, что праздники остальных богов также происходили при участии государства; это было неизбежно, раз они должны были справляться под открытым небом, на улицах и площадях, а не под укромной сенью частных помещений. Но это еще не все: при почти обязательном включении агонистики и специально хореи в состав этих праздников они были настоящей образовательной школой для граждан, и демократия была справедливо озабочена тем, чтобы даже беднейшие из них могли пользоваться ее благодеяниями. Это повело к установлению так называемых «феорикона», т. е. раздам очень скромных вспомоществований нуждающимся на участие в праздниках. Зато эти праздники были, можно сказать, цветом жизни для афинянина; те мечты, которые у современного человека витают вокруг эгоистических центробежных целей — центростремительный дух эллина и особенно афинянина сосредоточивал на своих любимых, всегражданских праздниках.

До некоторой степени и частная религиозность граждан составляла предмет заботы государства, но лишь постольку, поскольку она касалась соблюдения установленной отцами по указанию богов обрядности — дела совести государство не касалось. Афинские родители охотно вводили в храм Афины своих дочерей-невест, и в соответствии с этим, после свадьбы жрица богини посещала новобрачную, передавая гражданке и будущей матери граждан благословение богини-покровительницы. И когда гражданину поручалась государственная должность, ее занятию предшествовал допрос, исполняет ли он обязанности своего наследственного культа, чтит ли могилы своих предков. Этот допрос вызывался опасением, как бы, в случае нерадения гражданина, гнев богов не отразился также и на успехе той государственной деятельности, которая была ему вверена.

Правда, многих смущают некоторые случаи, указывающие на то, что эллинам, и специально афинянам, не была чужда некоторая религиозная нетерпимость: самый знаменитый — это, конечно, осуждение Сократа восстановленной афинской демократией в 399 г. до Р. Х., обвинявшегося в том, что он «не признает признаваемых государством богов и вместо них вводит новые демонические силы, а также и в развращении юношества». Все же это — недоразумение. Ни в Афинах, ни где-либо еще не имелось закона, под который можно было бы подвести то, что вменялось в вину Сократу; это одно принципиально отличает отношение к религии Афин и Эллады от узаконенной нетерпимости новейших государств. Собственно, по нашим понятиям, при таких условиях и суд состояться не может. В Афинах это еще было возможно — но понятно, что в этом случае и вина за проявленную нетерпимость падает не на государство как длительное «благозаконное» учреждение, а на данный состав судей. А о них мы знаем, что они действовали под влиянием минутного настроения; государство только что освободилось от власти «тридцати тиранов», главой которых был Критий — увы, ученик Сократа и по внешней видимости красноречивый пример «развращения юношества» семидесятилетним мудрецом.

Скорее можно упрекнуть эллинов в противоположном — в чрезмерной терпимости к низкопробным религиозным формам чужеземных народностей, пользовавшихся доступом в страну. Правда, культы безнравственные, сопряженные с жестокой или развратной обрядностью, были запрещены; но все же встречаются исключения, и мы не можем не посетовать на коринфян, что они, владыки международной торговли в VII–VI вв. до Р. Х., допустили в свой приморский город, под именем Афродиты, семитскую Астарту с ее «иеродулией», т. е. с религиозной проституцией. «Мы соперничали с финикийцами, — сказали бы они в свою защиту, — которых и победили; не могли же мы отказать в почете богине, которая так явно покровительствовала им на море». Все же было нечестиво вводить у себя отвратительный варварский обычай и пятнать им чистый образ древнеэллинской богини красоты и любви.[22] Афиняне, счастливые соперники коринфян в VI–V вв. до Р. Х., в этом за ними не последовали — и были, разумеется, правы.

Вкратце коснемся и других примет религиозного освящения гражданского общежития. Так как государство было лишь развитием семьи, город — развитием дома, то мы не удивимся, найдя и в государстве-городе священный очаг-средоточие и его богиню Гестию. Находился он в пританее, месте заседаний постоянно присутствующих органов государственного управления; здесь горел неугасимый огонь богини как покровительницы города, и понятие *ἡστυαρχος πόλις* указывает на священный его характер. Как дом имел представителем

мужского начала своей хозяйственности, рядом с Гестией, своего Зевса Оградного, так и государство чтит своего Зевса-Градодержца, Ζεὺς πολίευσ; к его празднику (Διπολία) и был приурочен вышеупомянутый обряд Буфоний, что достаточно доказывает его древность. И Платон поступает как афинянин вполне правильно, посвящая в «Законах» акрополь своего идеального города Зевсу, Гестии и Афине.

И как дом чтит души своих предков, так государство оказывало религиозный почет душам своих усопших граждан, что делалось в праздник Анфестерий, соответствующий празднику душ в католических государствах. Только там он приурочен к концу церковного года, ко 2 ноября; греческая религия, верная своей интимной связи с природой, праздновала свои Анфестерии (т. е. «праздник цветов») в феврале, когда после зимней стужи открываются поры земли и вместе с первыми весенними цветами также и души умерших вылетают из-под ее покровы. Но Анфестерии были также праздником Диониса; действительно, в силу красивого символизма, возвращение душ уподоблялось возвращению вина, зарытого осенью в землю, на ее поверхность в новом, одухотворенном естестве. Как бы то ни было, души приглашались в обители живых; там их угощали снедью, питьем и зрелищами, чтобы обеспечить себе их благосклонность на следующий год, а потом изгоняли обратно в их подземное жилище со словами:

Вон души! Анфестериям конец.

Но, оказывая честь всем душам, город все-таки выделял из них избранные, делая их предметом личного культа; это были его местные «герои» (в сакральном смысле этого слова). Иногда это были действительно жившие некогда люди, удостоенные за свои заслуги «героизации» (соответствующей приобщению к лику святых в древнехристианских религиях): таковыми были в особенности в городах недавнего происхождения их основатели (герои-эпонимы). А так как каждый город был кем-либо основан, то каждый должен был иметь своего героя-основателя; и если традиция не сохранила его имени, то предполагалось, что оно было тождественно с именем города — т. е., что он дал городу свое имя: на этом основании Спарта-Лакедемон чтит своего героя Лакедемона, Коринф — своего героя Коринфа; Афины, конечно, нет, это был город «богозданный». Все же своих местных героев имел и он. Одним из них был загадочный для нас герой Академ, роща которого приютила школу Платона на девять веков, благодаря чему его имя живет поныне во всех наших «академиях». Кимомом введен был культ Тесея, царя-основателя Афин — если не как города, то как столицы Аттики; это введение было обусловлено «перенесением мощей» героя с острова Скирос в Афины. Были и другие герои.

Само собой разумеется, что важные действия, в которых сказывалась государственная жизнь города — народные собрания, суды и т. д. — освящались религиозными актами.

Дальше города понятие государственности у эллинов не шло; тем не менее сознание своего национального единства у них было, и держалось оно, во-первых, на общности преломленного в бесчисленных говорах языка (в силу которой эллины противопоставляли себя «варварам», каковое первоначально безобидное слово означало только говорящего на непонятном языке), во-вторых, на общности многих обычаев («общие законы Эллады») и, в-третьих, и главным образом в том, что эллины признавали одних и тех же богов и притом под одним и тем же именем. На этой последней почве и состоялось национальное объединение

Эллады — поскольку оно состоялось. Его правовой формой была амфиктиония.

«Амфиктионы» значит «живущие вокруг». Вокруг чего? Обязательно вокруг храма. Храм требовал охраны — у него ведь были, кроме здания, и драгоценные приношения, и стада, и земли. Сам себя он охранять не мог — и вот его охраняли «окрестные жители», амфиктионы. Это их сближало между собой. Так, эвбейские города охраняли общий храм Артемиды Амаринфской: и когда два главные из них, Халкида и Эретрия, начали между собой долгую «лелантскую войну», в которой приняла участие вся Эллада (VII в. до Р. Х.), они обязались не употреблять дальнестрельного оружия, каковой уговор был записан на камне в храме богини. И он был соблюден — с Артемидой не шутили, это не «клочок бумаги».

Таких амфиктионий было много; но самой славной была все-таки дельфийская, заключенная на пороге истории между теми племенами, которые были тогда самыми могущественными. И главным образом благодаря этой амфиктионии Дельфы получили свое преобладающее положение среди греческих городов, как «общий очаг всей Эллады», причем выбор этого выражения указывает на то, что эта Эллада уже понималась как расширенная община, так же, как община с ее очагом в пританее была расширенным домом. Благодетельные для всей эллинской политики последствия этого религиозного объединения сказались и здесь в договоре: «Клятвенно обязуюсь не допускать разрушения города — члена амфиктионии, не отрезывать у него питьевой воды ни на войне, ни в мире и идти войной на то государство, которое бы позволило себе нечто подобное». К сожалению, эти многообещающие начала не дали полностью тех плодов, которых от них можно было ожидать; насколько мы можем судить, этому были две причины. Во-первых, из заключивших договор государств многие в историческую эпоху стали совсем незначительными, а между тем в совете амфиктионов они продолжали пользоваться равным правом голоса с Афинами и Спартой, вследствие чего этот совет как представительный орган перестал соответствовать политическому строю Эллады. А во-вторых, Дельфы в VI–V вв., соблазнившись международной политикой, уронили свое значение в Элладе как оплот национальных идеалов против персов. Не будь этих двух причин, «общий очаг Эллады» стал бы ее великим пританеем под сенью всеэллинского Зевса и его могучего сына Аполлона.

Другими центрами религиозного объединения эллинов были их национальные игры, тоже носившие богослужебный характер — Зевса в Немее и особенно в Олимпии, Посейдона на Истме, Аполлона в названных уже Дельфах. Сюда же относятся и Элевсинские таинства с тех пор, как волею того же дельфийского Аполлона за ними было признано общеэллинское значение.

Из вышеназванных общих законов Эллады некоторые, если не все, тоже имели религиозную санкцию.

Мы уже знаем Гермеса и его могучий жезл — символ безопасности среди чужих и врагов. В руках его слуг, глашатаев, этот жезл охранял не только их самих, но и сопровождаемых ими лиц — и поэтому в военное время сословие глашатаев получило межэллинский характер. «С этих пор эти два государства уже не сносились друг с другом иначе, как через глашатаев» — это значило: они находились на военном положении. Как здесь перед нами вырастает Гермес, этот «бог воров», как себе его представляют люди, принимающие игривую мифологию за религию! «Клянусь Гермесом, покровителем моей честной профессии», — говорит у

Софокла глашатай Лихас; «Если посол или глашатай неправильно передаст порученное ему, он должен быть обвинен как незаконно нарушивший заветы Гермеса и Зевса», — говорит Платон; вот голоса подлинной религии. И шутить с ними нельзя было: когда аргосский глашатай Копрей пал в Афинах жертвой народного самосуда — элевсинские богини, соблюдавшие в этом городе интересы Гермеса, наложили на него эпитимию, от которой он был освобожден лишь через тысячу лет.

Второй из законов касался просительства и гостеприимства, двух родственных друг другу институтов, объединенных общим покровительством самого Зевса. Священен был чужеземец, даже враг, если он с масличной веткой в руке припадал к алтарю бога: Зевс-Гикесий («проситель») призирал на него, охраняя его от обид. Были, однако, и более простые обряды просительства; в крайнем случае достаточно было коснуться умоляющей рукой руки, или колена, или подбородка какого-нибудь человека, чтобы именем того же Зевса обеспечить себе его покровительство. В близкой связи с этим обычаем состояло также право убежища, которым в известной степени пользовались все святыни, но некоторые особенно. Конечно, во всех подобных случаях возникала опасность злоупотребления; правовое сознание «благозаконных» общин не могло допустить, чтобы путем просительства или убежища даже преступник мог уйти от заслуженной кары. Но во всяком случае чужеземцу и врагу как таковому безопасность была обеспечена.

Не менее действительным средством было гостеприимство, особенно свято соблюдавшееся в Греции: «уважай богов, уважай родителей, уважай гостя» — таковы были три важнейшие заповеди. Вначале знали только частное гостеприимство, которое было, однако, наследственным: по Гомеру, ахеец Диомед и троянский союзник Главк опускают копья друг перед другом и даже обмениваются доспехами, заключая нечто вроде побратимства, узнав друг в друге «наследственных по отцу гостеприимцев». Чаще же такое узнавание происходило по излому дощечки (σψμβολον), которую некогда отцы или предки, заключая союз гостеприимства, разломали пополам.

Но так как община была расширенной семьей и имела свой очаг, охраняемый Гестией, то союз гостеприимства был возможен и с целой общиной: так возник институт проксении, соответствующий отчасти нашему консульству. Кимон, например, будучи афинянином, был в Афинах проксеном Спарты; это значило следующее. Если Кимон приезжал в Спарту — он был гостем государства; если спартанец приезжал в Афины, он был гостем Кимона и пользовался его покровительством во всех своих делах. Так под сенью Зевса-Гостеприимца (Ζεὺς ξενίος) зародилось в гостеприимной Элладе межэллиническое право.

Могло ли из него развиваться и международное право? Другими словами: признавала ли греческая религия также и человечество? Мы здесь касаемся той ее приметы, которая одна должна поставить ее выше всех прочих современных ей религий: в то время, когда Иегова был еще только племенным богом своего «избранного народа», пользовавшимся другими народами только как орудиями его награды или кары — гомеровский Зевс был богом всего человечества, взиравшим с одинаковой благосклонностью и на эллина, и на врага, если он этого заслуживал.

Горе! Любимого мужа, гонимого около града,

Вижу очами своими, и плачет о нем мое сердце, —

говорит он о Гекторе, главном враге ахейцев под Троей.

Произошло это оттого, что эллин не был связан магической силой имени, что он был восприимчив к гуманной и толерантной идее, которая так трудно давалась семитской душе Израиля — идее, что человек может поклоняться одному и тому же божеству под различными именами. Мы находим эту идею ясно высказанной уже в глубокомысленной молитве Зевсу Эсхила:

Зевс, кто б ни был ты — коль так

Нам ты звать себя велел,

Так зовем мы, бог, тебя.

Самый жестокий фанатизм, самые дикие религиозные войны были вызваны, по крайней мере отчасти, враждебными чувствами, внушенными магией имен. Эллина были свободны от всего этого; ни одна религиозная война, в настоящем смысле этого слова, не пятнает страниц греческой истории; и никакая несчастная логика не заставила их низводить до уровня дьяволов божества других наций. А если новейший человек дошел до того сознания, что разница в божественных именах не имеет большого значения — концепция неоченимой важности для дела человеческого единства — он обязан этим главным образом душе Эллады.

Вначале, когда эллинизм был еще ограничен пределами своей родины, это сознание имело последствием только терпимое отношение к религиям других народов. Пусть читатель перелистает с этой точки зрения историю Геродота: он убедится, что для эллина нет «язычников», «фракийцы поклоняются Аресу», «египтяне поклоняются Зевсу (Аммону), Деметре (Исиде), Афине (Хатор)», «персы поклоняются Аполлону» и т. д. Положительно, все человечество поклоняется одним и тем же богам, все оно составляет единую религиозную общину. На почве этого сознания Дельфы попытались сделать свою религию общечеловеческой. На Западе это им удалось: Рим Тарквиниев признал Аполлона и по его внушению отождествил греческих богов со своими, приняв даже в значительной степени их обрядность; с этих пор мы имеем Зевса-Юпитера и т. д. На Востоке дела сначала тоже пошли на лад, при Крезе; но когда «Крез, чрез Галис перейдя, величайшее царство разрушил» — свое собственное — и Дельфы пожелали оказать покровительство его победителям-персам — они этим только уронили собственное обаяние в Элладе и все-таки не объединили мира под стягом религии бога-отца и бога-сына. Для этого нужно было, чтобы «исполнилось время».

Зато когда Александр Великий разбил перегородку между эллинизмом и варварским Востоком, когда его наследники с помощью своего греко-македонского войска стали властителями восточных царств, тогда наступило время для их религиозного объединения. И приходится очень сожалеть, что источники нам так мало сообщают о том апостоле элевсинской Деметры, который был главным вдохновителем этого объединения, о Тимофее, иерофанте из Элевсина. Все же мы знаем, что он — вероятно, при Лисимахе — произвел слияние Элевсинских мистерий с малоазиатским культом Великой Матери богов в Пессинунте (Кибелы), вследствие которого религия Матери стала официальной религией

Пергамского царства; мы знаем также, что он же при Птолемее Сотере произвел слияние тех же Элевсинских мистерий с культом Исиды в Египте, вследствие которого религия Зевса-Сераписа и Деметры-Исиды стала официальной религией в царстве Птолемеев. Обе затем перешли в Грецию и Рим — тот Рим, который был миром. И когда этот римский мир признал христианство, обе они соединенными усилиями дали новой религии его богиню... Это не догадка, а удостоверенный факт. Когда Григорий Чудотворец в Каппадокии, идя навстречу религиозным потребностям своей паствы, разрешил ей чествовать поклонением Богородицу, фанатики среди христиан роптали, говоря: «Да ведь это — Исида!», «Да ведь это — Великая Матерь!». Они были бы еще более правы, если бы они сказали: «Да ведь это — Деметра, многострадальная Мать, оплот и утешение скорбящих!».

«Каждый должен стремиться к тому, чтобы хранить свою душу чистой от всякого зла, ибо боги не принимают почести от злых людей. Им служат не драгоценными приношениями и пышными затратами, а добродетелью и честной волей, направленной к правде и добру. Поэтому каждый должен стараться быть как можно добрее, если он хочет быть угодным божеству; он должен помнить, что боги карают несправедного, должен помнить, что придет время, когда он будет отозван от жизни, и что тогда уже будет поздно раскаиваться в своих дурных делах и желать, чтобы его поступки были справедливы. А если к нему приблизится злой демон, подстрекая его к кривде — пусть он ищет убежища в храмах, у алтарей и в святынях и молит богов, чтобы они помогли ему уйти от греха, точно от злого и безбожного господина».

Эти знаменательные слова стояли во вступлении к законодательству Залевка — древнейшему писаному законодательству Греции. Правда, они написаны не им. Залевк жил в VII в. до Р. Х. в италийских Локрах; но его законодательство в различные времена с соответствующими изменениями перешло и в другие государства Греции, и вот во время одного из таких переходов и могло быть присочинено вступление. Но во всяком случае оно относится к эпохе, о которой идет речь. В нем ясно сосредоточено то убеждение, которое рассеянным светом озаряет и прочую литературу этой эпохи: что греческая религия была в высшей степени этической религией, что греческий бог объявляется в добре.

Не всегда это было так. Первоначально и в Греции, как и везде, бог объявлялся не в правде, а в силе, и гомеровская эпоха была эпохой постепенного слияния понятий «бог» и «добро». И, конечно, если бы Греция, подобно Израилю, находилась во власти всесильного духовенства — оно бы тщательно уничтожило следы первоначального донравственного понимания божества. Но, к счастью, этого не случилось, и временная последовательность различных наслоений гомеровских поэм дает возможность проследить довольно подробно этот интересный и важный процесс последовательной морализации греческой религии. Вначале бог блюдет — очень ревниво — сакральный долг человека, т. е. исполнение им обязанности относительно бога; затем он распространяет свою заботу и на те человеческие отношения, которые вследствие слабости одной из сторон легко вели к соблазну злоупотребления силой — отношения сыновей к старым родителям, хозяина к беззащитному гостю. И, наконец, весь нравственный долг человека становится предметом божеской *опіς* — так называет Гомер в «Одиссее» всевидящую и карающую нравственную силу божества.

За гомеровской эпохой последовала та, которая ознаменована преобладающим влиянием

дельфийского Аполлона. Ей принадлежит важный прогресс в этической области — правда, вначале сопровождавшийся известными отклонениями от прямого пути, предначертанного эволюцией гомеровской эпохи. В силу первоначального значения Аполлона как солнечного бога, главным требованием аполлоновской религии стало требование чистоты (ἡγυμία). Богу ненавистно все пятнающее человека и через него — его, всякая скверна (μιασμή); скверной из скверн было убийство, затем прелюбодеяние и т. д.

Опасность же означенного отклонения состояла в том, что скверна могла пониматься независимо от умысла, как «самодовлеющая скверна»: оскверняет всякая пролитая кровь человека, даже пролитая невольно или в справедливой обороне; и не оскверняет самый злодейский замысел, неудавшийся по независящим от замыслившего обстоятельствам; оскверняет всякое прикосновение к убийце, всякий разговор с ним и т. д., ибо скверна действует наподобие заразы. Другая опасность заключалась в растяжении: оскверняет всякая пролитая кровь, даже животных, всякое половое сокоупление, даже в законном браке. Велик был соблазн религиозного вегетарианизма и прославления антифизической девственности. И наконец, так как богом-очистителем от скверны был, разумеется, тот же Аполлон, и очищение производилось с помощью религиозных обрядов, то велика была также и опасность ритуализма, т. е. что за очистительными обрядами будет признано самодовлеющее значение, независимо от настроения очищаемого.

Развитие религии Аполлона в VII–VI вв. было эпохой борьбы, затянувшейся отчасти и в V в.; кончилась она победой нравственного принципа. Особенно содействовала этой победе пифагорейская школа пророков: удержав вегетарианизм, она, впрочем, энергично и успешно боролась с внешним пониманием чистоты, с самодовлеющей скверной и ритуализмом. Приведу для примера ответ пророчицы Финтии — причем предупреждаю читателя, что греческое слово «муж»(ἀνὴρ), как в высоком слоге у нас, означает также «мужчина». Итак, когда ей задали важный для семейной религиозности женщин вопрос, через сколько времени «после мужа» женщина становится чистой — пророчица ответила: «После своего — тотчас, после чужого — никогда».

В греческой трагедии V в. еще чувствуются содрогания старой теории самодовлеющей скверны и ритуализма; но в IV в. нравственная точка зрения восторжествовала. За очистительными обрядами было признано известное значение, каковое и принадлежит им по праву как могучему средству воздействия на чувство и настроение верующего; но первое место отводится душевной чистоте. Прекрасно выражает это отношение к делу эпиграмма дельфийской жрицы:

С чистой душою вступайте в святилище чистого бога,

Вод Касталийских струей члены омывши свои.

Капли одной, о паломник, достаточно добрым: злодей же

Всей Океана водой пятен не смое с души.

Возвращаясь к достижениям гомеровской эпохи, мы без труда заметим наличие другой опасности, которую, впрочем, многие и не считают таковой. Да, бог блюдет нравственный долг во всем его объеме и карает его нарушителей; итак, будем нравственны — во избежание

кары? Из страха?

Разумеется, в крайнем случае и это хорошо, и никто не станет отвергать богобоязненности как могучего стимула к нравственному поведению. Религиозная нравственность гомеровской эпохи и создала этот термин: она называет богобоязненным человека и народ, между прочим, хорошо обходящийся с чужестранцами. Оно и понятно: боги обитают высоко на небесах, человек их не видит; но когда осенние дожди топят его нивы и разрушают его насаждения — он знает, что это кара Зевса за «кривой суд», творимый на городской площади.

Но вот наступили времена аполлоновской религии; боги поселились среди людей, в прекрасных храмах, сами прекрасные и приветливые, поскольку художнику удавалось воплотить их подобие в созданных им кумирах; гражданский год расцвятился прекрасными праздниками со все более и более пленительной обрядностью, превратившей мало-помалу греческую религию в религию радости — перед этим морем красоты прежний страх уже не удержался. Бояться надо было Эриний; их имени поэты старались не произносить, и лишь тихими шагами и с тихой молитвой проходили мимо мрачной пещеры, посвященной им под скалой Ареопага. Вообще же слово «богобоязненный» стало обозначать «суеверного»; нормально верующий человек своих богов не боялся — он их любил.

Действительно, теперь только входит во всеобщее употребление эпитет, которым гомеровский грек еще не дерзает нарекать своих богов: эпитет — «милый». В гомеровские времена еще допускали, что бог может любить смертного — «Теперь возлюби меня, дева!» — молится Диомед Палладе перед смертным боем, и «Муза превыше других возлюбила» Демодока-певца; но человек еще не решается ответить на эту любовь взаимностью — страх не дает возникнуть более мягкому чувству. Теперь преграда снесена. «Милый Зевс», «милый Аполлон», «милая Артемида», слышим мы сплошь и рядом так часто, что даже не обращаем внимания. Праздники справляются богам, чтобы радовать их сердца; но даже скромную песенку, спетую в честь бога за столом, охотно кончают словами: «Улыбнись, боже, моей песне!» И когда мы слышим, что человек обязательно посвящает богу предметы, не имеющие никакой ценности, но знаменательные для него в ту минуту, когда он чувствовал особенно ясно над собой спасительную руку любящего бога, — потерпевший кораблекрушение свое влажное и, конечно, не очень нарядное платье Посейдону, спасенный любовью пиратской дочери пленник свои кандалы Афродите, даже родильницы свои хитоны Артемиде, — то не действует ли и здесь та же любовь, придающая и среди людей при схожих обстоятельствах ценность самым малоценным предметам?

И как для детей, любящих своих родителей, нет наказания горестнее, чем разрыв общения с ними — так и эллину было горестнее всего убеждение, что вследствие его греха боги не пожелают допустить его перед свой облик, что ему будет недоступен святой Акрополь, что он не увидит своей родной Паллады, не будет вместе с другими участвовать в возвышающей душу обрядности городских праздников, будет отлучен даже от уюта домашней жертвы с ее молитвой и окроплением.

Этический характер, достигнутый древнегреческой религией в эпоху ее расцвета, сказывается также и в тех обычных средствах богослужения, которые — независимо от индивидуальных черт каждого праздника — присущи им всем, а также и частному культу в его различных проявлениях. Это главным образом приношения, в особенности

жертвоприношения, а затем молитвы.

Жертвоприношения — тут разумеются всякие, от скромного фимиама или возлияния, к которому прибегали постоянно, согревая каждый мало-мальски важный момент жизни теплотой символического общения с божеством, — до торжественной гекатомбы. Здесь религиозно-этический прогресс состоял в том, что центр тяжести постоянно переносился от материальной ценности жертвы в благочестивое настроение приносящего. Задатки к этому имелись уже в очень древние времена: как было сказано выше, даже огненная жертва была у эллинов не всесожжением, а общей трапезой бога и людей, причем в огонь бросались лишь малоценные в смысле питательности части животного; и если грубоватый крестьянский ум Гесиода мог себе объяснить это явление только тем, что Зевс, хотя и добровольно, поддался обману со стороны друга человечества Прометея, то это объяснение остается на его ответственности, факт же тот, что уже в гомеровские времена верующие сознавали символическую, а не материальную ценность совершаемого обряда. При таких условиях гекатомбы, как государственные, так и частные, сводились к обильному угощению бедноты, для которой они были единственными случаями порадовать себя мясной снедью. Их обилие было поэтому угодно богу как благотворительность от его имени — и выходило, значит, все-таки, что богатый имеет более средств заслужить его расположение, чем бедный? Так думали многие еще в V в., и почтенный старец Кефал у Платона на вопрос, что он считает лучшим в своем богатстве, отвечает в духе многих: «То, что я уйду на тот свет без боязни, не будучи должником ни богов, ни людей».

Но лучшие умы Греции боролись с этой опасностью материализации жертвоприношения, и боролись успешно. Результат этой борьбы сказывается, между прочим, в вышеприведенных словах мнимого Залевка; чем далее, тем более признается ценность «лепты вдовицы». Ей Гораций, проповедник эллинских идей среди римлян, посвятил одну из своих самых прекрасных и душевных од.

Сказанное о жертвоприношениях как общих трапезах богов и людей касается, впрочем, только одного их класса, правда, самого обычного — молебственных жертвоприношений. Были и другие, из которых коснемся одного, самого внушительного и страшного класса жертвоприношений — искупительных. Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих — угнетенное несомненным божьим гневом, не утоленным никакими молебствиями. В таких случаях иногда прибегали к старинному символическому обряду — избирали жертвенное «животное отпущения», делали его носителем греха и скверны всего народа и посвящали его разгневанным богам — путем ли всесожжения, или зарытия, или бросания в море. И из этой идеи развивается страшный обряд — обряд искупительного человеческого жертвоприношения.

Он был всеобщим и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге; некогда его знала и Эллада — всем известно жертвоприношение Ифигении, и красивая легенда о дочери Иевфая имеет очень точную параллель в греческой легенде о критском царе Идомеене, который тоже однажды легкомысленно обещал принести в жертву богам то, что ему выйдет навстречу — и неожиданно встретился с родной дочерью. Но Идоменей был изгнан критянами за это нечестивое жертвоприношение, а от Агамемнона Артемида не приняла крови Ифигении, заменив ее в решающий момент ланью.

И в историческую эпоху здоровое чувство Греции победоносно борется с этим страшным пережитком. Где человек заменяется жертвенным животным, наряжаемым точно человек; где — куклой; где человек остается человеком, но жертвоприношение заменяется окроплением жертвенника его кровью, или же его сбрасывают со скалы, принимая меры к тому, чтобы он был спасен; где, наконец, очень редко — и это было самым строгим отношением к старине — для жертвоприношения прибегают к присужденному к смертной казни преступника. Все это были так называемые «фармаки», т. е. средства «исцеления» государства от болезни. И во всех этих заменах, вплоть до последней, сказывается сознание, что человеческое жертвоприношение несовместимо с религиозно-нравственным чувством исторической Греции. С этой точки зрения и Еврипид протестует против жестокой обрядности варварской Артемиды у таврийцев:

Нет, это здешних вымысел людей:

Им кровожадность свойственна; они же

Богов в своем нечестии винят.

Но бог свободен от людских пороков.

Переходя к молитве, мы и здесь можем установить такой же прогресс в направлении к нравственности. Греческая молитва состоит вообще из трех частей — призыва, просьбы и санкции. Возьмем ради примера одну из самых древних и прекрасных — молитву Аполлону его жреца Хриса, оскорбленного ахейцами в своих отцовских чувствах.

Бог сребролукий, вземли мне: о ты, что, хранящий, обходишь

Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,

Сминфей!..

Это — призыв: молящийся нагромождает эпитеты, полагая, что богу приятнее слышать о своей силе и своих почестях, и не желая по возможности упустить ни одной из сторон деятельности призываемого.

...О если когда-либо храм твой священный покрыл я,

Если когда-либо коз и тельцов возжигал пред тобою

Тучные бедра...

Это — санкция: молящийся ссылается на свои заслуги перед богом, чтобы этим склонить его внять его молитве:

...услышь и горячую просьбу исполни:

Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!

Это просьба — в данном случае, просьба о мести, о каре: молитва по своему содержанию сводится к проклятию. «И внял молящему Аполлон».

Во всех трех частях прогресс был и возможен, и осуществлен.

Пышное многословие призыва было, в сущности, безобидно и поэтому сохранилось надолго: но все же мы чувствуем рост этической силы в уже упомянутом выше призыве Эсхила:

Зевс, кто б ни был ты — коль так

Нам звать себя велел,

Так зовем мы, бог, тебя.

Важнее была санкция. В молитве Хриса она, при всей ее красоте, сводится к указанию на божий долг. Да, на долг; и потому выше в нравственном отношении более поздняя молитва Диомеда Палладе: герой ссылается не на свои заслуги, а наоборот, на любовь богини, многократно уже проявленную:

Слух преклони, необорная дочь громоносного Зевса!

Если когда-либо мне иль отцу моему ты любовно

Помощь являла в бою — о, теперь возлюби меня, дева!

Во времена оные знали, вероятно, и другую санкцию: человек ссылался на свою силу над божеством, приобретенную магическими средствами: он не просил, а требовал и грозил; молитва была заклятием. Так во все времена египтяне относились к своим богам; но для грека это — предположительная древнейшая эпоха суеверия, от которой не только в историческую эпоху, но уже и в гомеровскую не осталось более ни следа... если не считать областей частной магии.

И наконец просьба... О чем следует просить? Конечно, жажда возмездия — естественное чувство, особенно если нанесена кровная обида; и сам Платон признает, что проклятие отца или матери, обиженных своими детьми, вернее всего достигает слуха богов. На этом основании понятно также, что и государство, общая мать всех граждан, иногда призывает кару богов на своих дурных сынов, уклонившихся бегством от кары гражданского правосудия. И все же — каким благородством веет от ответа Феано, жрицы Деметры! Когда афинская демократия, возмущенная предательством Алкивиада, обратилась ко всем жрецам и жрицам с требованием проклясть его от имени своих богов — она одна отказалась, ответив: «Я — жрица молитв, а не проклятий».

Бог есть благо, и только благо от него исходит, учил Платон; а потому только о благе и следует его просить. Очень соблазнительно было понимать это благо в низменном смысле и обращаться к богам с такими просьбами, которых, по насмешливому выражению позднейшего стоика Персия, нельзя было им доверять иначе, как отведя их в сторону. Чтобы противодействовать этому низменному пониманию, еще Пифагор требовал, чтобы всякая молитва была громкой. Государства в своих официальных молитвах подавали в этом отношении хороший пример: Афины молились «о благе и спасении граждан афинских, их жен и детей и всей страны, а также и союзников»; Спарта — чтобы боги даровали ей «прекрасное в придачу к благу». Но выше всех, конечно, была молитва, которую Платон, или его школа, влагает в уста Сократу: «Владыка Зевс, даруй нам благо, даже без нашей просьбы,

не даруй нам зла, даже по нашей просьбе».

Потребность облечь в несовершенную ризу слова полноту религиозного чувства появилась в Греции рано — задолго до Гомера. Сознывая себя прежде всего во власти религии природы, сам в ней участвуя как часть этой природы, человек замечал ее бурную жизнь, которую можно было понимать либо как борьбу, либо как развитие. Свет борется с тьмой, теплота борется со стужей — да, но точно так же день исходит от ночи, лето исходит от зимы. Обе концепции подсказали человеку обе основные притчи позднейшей мифологии — притчу борьбы и, следовательно, раздора и притчу рождения и, следовательно, полового совокупления. Уран (Небо), оплодотворив Землю, рождает титанов и титанид, представителей буйных сил природы. Но Земля, теснимая собственными порождениями, взмаливается к младшему из титанов, Кроносу, и он по ее просьбе лишает своего отца его детородной силы. Затем, после собственного совокупления с титанидой Реей (второй ипостасью той же Земли), он рождает могучее поколение богов; предвидя себе гибель от него, он поглощает свои порождения; но одно из них, Зевса, Рея спасает, и Зевс в мировой борьбе побеждает Кроноса с титанами и, бросив их в Тартар, основывает собственное царство, при котором живут люди. Правда, и он ждет себе возмездия, и ему рождается сын, который будет могущественнее него, и ему суждено поражение от возрожденных сил Земли, от гигантов. К этой космогонии примыкает космогония орфизма. Иначе к ней отнеслась религия Аполлона, провозгласившая вечность царства Зевса с примиренной Землей и устранившая кошмар гигантомахии, — не вполне, впрочем: старинный страх продолжает дремать в чуткой душе людей, и еще в I в. по Р. Х., когда с Везувия поднялась туча, засыпавшая Помпеи, греки неаполитанской области ясно различали в ее фантастических очертаниях чудовищные образы титанов, возвратившихся через жерло огненной горы из Тартара, чтобы поглотить царство богов и людей.

Подобно двум другим высшим объявлениям бога, и его объявление в истине — явление производное в развитии религиозной мысли человечества. Гомер от него еще довольно далек. Бог у него, во-первых, даже и не всегда знает истину: его знание вначале так же ограничено, как и его могущество, и только «Одиссея» провозглашает принцип «боги все знают» наравне с принципом «боги все могут». И подавно он не чувствует необходимости всегда вещать истину. Зевс посылает на Агамемнона обманчивый сон; Паллада в образе смертного призраком удачи соблазняет Пандара нарушить перемирие предательским выстрелом; и та же Паллада, явившись своему любимцу Одиссею в образе смертного, с милой улыбкой выслушивает его вымышленный рассказ о себе и, дав себя узнать, ласково прощает ему его вымысел, сознаваясь, что и она бывает охоча хитрить.

Но как солнце рассеивает туман, так и лучи Аполлона в VIII–VI веках разрушают в человеческом сознании всякую мысль о совместимости понятий «божество» и «ложь». «Лжи не дозволено касаться тебя», — говорит пророк Аполлона Пиндар о своем боге, причем он под «ложью» понимает не только субъективное, но и объективное отклонение от истины. «Истина» и «свет» — это как бы соответствующие друг другу понятия; Аполлон властвует и здесь и там, а за ним и прочие боги. И в этой области успешно трудилась просветительница Эллады в VI в., пифагорейская школа; самому учителю приписывается знаменательный ответ на вопрос: «Когда человек более всего уподобляется богу?» — «Когда он говорит правду».

А так как гомеровские поэмы все-таки оставались на поверхности, и вместе с ними и игривые представления о легком отношении богов к истине могли проникнуть в сознание людей, то Платон в своем «Государстве» настаивает на их недопустимости. Нет, бог несовместим с ложью. Он не может ошибаться, ибо он знает все; он не может облекать свои слова в ризу лжи или своего образа в ризу притворства, ибо он весь истина и только истина. И если Пан представляется двуобразным, то это имеет символический смысл — Пан есть слово (λογος). А слово двуобразно, будучи правдивым и лживым, пребывая своим правдивым естеством в горних, в общении с богами, а своим лживым — в нижней сфере, где только и место «козлиной» природе... В подлиннике игра слов: «козлиный» гласит по-гречески «трагический», и выбором этого термина Платон намекает, на мифологию, искажившую представление о богах.

Да, бог есть истина, он и знает, и вещает ее. В боге истина, и в истине бог.

Все мистические культы восходят так или иначе к Деметре, богине таинств, и через нее к Матери-земле; ими представлено хтоническое начало греческой религии. Но мы видели, что, выйдя из заветных недр Земли, они не удовлетворились той частью жизни верующих, которая запечатлена вторжением загробного мира и заботой о «лучшей участи» в нем: боги таинств взялись руководить человеком и в его земной жизни с ее земными заботами, обеспечивая ему, например, безопасное плавание по бурным морям, а упомянутый девиз синопско-египетского пришельца «един Зевс-Сарапис», казалось, устранял из сознания людей самого владыку древнего Олимпа. Спрашивается, как отнеслись к этим притязаниям его «легкоживущие» обитатели, что осталось от той религии радости, которая свойственна лучшей эпохе греческой культуры?

Существует мнение, что явное течение греческой культуры (в противовес тайному, мистическому) сильно оскудело. В течение третьего века религиозное чувство изменяется, хотя и не ослабевает. Часть верований хиреет, но другая часть еще сильнее выходит из испытания. То, что теряют боги Олимпа, идет на пользу единого бога; его еще только смутно различают, но его царство уже обеспечено. Да, идея единого бога, не отвлеченного, как уже давно у философов, а культового, идея «единого Зевса» уже вырисовывается в сознании людей, и чем дальше, тем больше будет выигрывать в определенности. Только правильно ли, что в соответственной мере теряют почву боги Олимпа? — Но ведь этого требует логика! — А что же здесь требует самой логики? — Если Зевс един, то есть ли рядом с ним место Аполлону? — В том-то и дело, что да; никогда не следует забывать, что мы находимся в области чувства, а не рассудка.

О богах Олимпа мы должны повести исследование особо, не довольствуясь заключением, которое нам может подсказать наш рассудок. Положим, это делают и другие исследователи; они обращаются к литературе эллинизма, допрашивают не его поэтов, которых позволительно не принимать всерьез, когда они романтически увлекаются верованиями святой старины, а прозаиков, т. е. философов и историков. Впрочем, и поэтов, но только комических, не склонных к романтизму, Менандра, Филемона. И тут, несомненно, обнаруживается тяготение к единому лучу божества и к отвлечению от пестрой радуги Олимпа.

Это и верно, и ценно; и все-таки мы должны потребовать отвода этих свидетелей. Писатели

— не народ, а элита народа; а народ оставил нам достаточно памятников своей религиозной жизни, притом и в своей совокупности, и в лице отдельных своих единиц, сложение которых тоже дает совокупность. Итак, какую роль играли боги Олимпа в жизни общин по свидетельству их избранных представителей? И какую в жизни «среднего человека», создающего своим многократным повторением ту же общину? Чтобы это узнать, надо от литературных памятников обратиться к надписям; что они нам показывают для эпохи эллинизма, т. е. от III до I в. включительно? Всякий, хоть поверхностно их просмотревший, должен сказать: величайшую заботливость общин о богах, храмах и всем богослужебном деле; это касается одинаково и таких передовых общин, как афинская, и самых захолустных.

Островку Микон удалось объединить свои «города»: он всей землей реорганизует их праздничные календари, определяя, в какие дни каких месяцев приносить жертвы своим богам — Зевсу Олимпийскому, Зевсу хтоническому, т. е. Аиду, и Земле хтонической, Посейдону, Деметре с Корой, Аполлону, Дионису с Семелой, Ахелюю. Еще подробнее регламент жертвоприношений на острове Кос; мы поражаемся их множеству. Магнеты в Фессалии утверждают: «Так как наш город относится благочестиво ко всем богам, но особенно к Аполлону Коронейскому, оказывая ему величайшие почести за испытанные им от него милости, за то, что он через свой оракул давал и общине, и частным лицам указания, важные для их здоровья и благополучия; и так как справедливо, чтобы прорицалище столь древнее, удостоенное со стороны наших предков стольких знаков уважения, было предметом особой заботы со стороны города, тем более при все растущем наплыве к нему чужестранцев» — и т. д. Танагрейцы в Беотии, во исполнение оракула Аполлона Птойского, заботятся о «принятии в венец» своих стен пригородного храма Деметры и Кору. Этот оракул принадлежал беотийской общине Акрефий; ее граждане рассылают во все общины беотийского союза послов в видах усиления благолепия празднества божества и притом, как мы заключаем по случайно сохранившемуся благоприятному ответу оропейцев, с полным успехом. — Позднее те же акрефийцы заботятся и о божьем мире ради праздника того же Аполлона, причем находят себе поддержку в решении амфикионов. Схожий с танагрейским случай известен нам из жизни островка Анафа: его гражданин Тимофей спросил оракул, построить ли ему часовню Афродиты, которую он намерен был пожертвовать общине, в ограде Аполлона или нет, и вследствие утвердительного ответа бога совет и народ имеют суждение о дальнейшем. Ремонт существующих храмов и забота о посвященных дарах тоже дают повод к совещаниям совета и народа: афиняне издают постановление об очищении храма Афродиты Пандемос, о своеобразной конверсии приношений «герою Врачу»: предполагается из серебра приношений и монет отлить большой винный сосуд, причем имена жертвователей должны быть записаны на каменной плите, и в образованную же для этого дела комиссию избрать двух ареопагитов, трех депутатов от народа и ех *officio* жреца, стратега по общественным работам и архитектора по священным постройкам; оропейцы — о таком же сплаве посвящений Амфиарая; афиняне о поручении кефисийцу Диоклу, согласно его предложению, дарового ремонта храма Асклепия и Гигиены с правом поместить об этом памятную надпись над дверьми «для того, чтобы и других приохотить к подражанию»; смиренейцы — о непричинении обид священным рыбам, «а буде кто таковую причинит, да погибнет он лютою гибелью, сам будучи съеден рыбами».

Особенно часто имеет община суждение о надлежащем использовании доходов с

пожертвованных разными лицами на те или другие культовые нужды капиталов; так, дельфийцы — с приношения Атгала II, между прочим, на жертвы Аполлону, Артемиде и Латоне, они же и с пожертвования некоего Алексиппа в честь того же Аполлона, итакийцы — с уступленной их Артемиде земли, причем оговорено: «если кто ослушается, то будет заботой богини»; ферейцы — с отказанной покойною Эпиктетой суммы на жертвоприношения 1) музам, 2) «героям» Фениксу (ее мужу) и Эпиктете и 3) «героям» Кратесилоху и Андрагору (ее сыновьям); косцы — о порядке жертв Зевсу и Афине Спасителям из средств Пифокла; илионцы — об использовании пожертвования Гермия для праздника Панафиней.

Столь же часто встречаем мы и похвалу от имени общины тому или другому гражданину за его усердие в службе богу: граждане лаконского города Гифия награждают пожизненным жречеством своих сограждан Филемона и Феоксена за постройку ими на свои средства храма Аполлона на площади; самосцы в Миное аморгинской «венчают» Гегесарету ради ее благочестивого отношения к богам и дружелюбного — к ним самим; афиняне венчают плющевым венком Зопира, пославшего свою дочь кошеносицей на праздник Паллады, «ради его благочестия и усердия в службе народу».

И так далее; мы можем привести лишь часть из сохранившегося, а сохранилась, разумеется, лишь незначительная часть из того, что некогда было. Это во-первых; а затем еще раз подчеркиваем, что за каждым таким свидетельством скрывается целая община, дух которой таким образом в нем отражается. А вместе взятые эти общины составляют Элладу.

Второй метод — изучение бесчисленных посвящений частных лиц тому или другому богу — здесь может быть только указан издали; так как за каждым из них скрывается только одно лицо, то образцы недоказательны, а для приведения серий здесь нет места. Ограничимся одним примером, дающим нам косвенное доказательство того, о чем идет речь. В Афинах постановляется принять меры к тому, «чтобы не затемнялся кумир бога (какого, неизвестно — сохранился лишь обломок надписи) множеством посвященных дощечек; пусть же жрец перенесет их из храма на паперть, и пусть впредь никто ни одной посвященной дощечки не ставит в храм без разрешения жреца». Автор комментариев к изданию греческих посвященных надписей очень удачно сравнивает ее с объявлением, прочитанным им на одной католической часовне в деревне Арнсгаузен; его начало гласит: «Отныне запрещается ставить посвященные картины и дары в обновленной часовне, им место на паперти».

II. Вануччи. Аполлон и сатир Марсий.

Нет, положительно: оскудения религиозного чувства не замечается, Эллада по-прежнему усердно служит своим богам. Оскудение сказывается в другой области, тоже затрагивающей культ, но не чувство — в области экономической. Если не считать выдвинувшегося благодаря своему географическому положению Родоса, то Греция вообще обеднела, общинам трудно сводить концы с концами, и их гражданам тоже. Жрецы получали по обычаю отцов доходы с жертвоприношений; явилась мысль обложить их податью в пользу государства. Она была осуществлена в нашу эпоху кое-где по соседству с Азией введением азиатского обычая продажи жреческих должностей, которого цветущая Греция не знала. Свидетельствует ли это новшество об упадке религиозного чувства? Скорее, наоборот: оно доказывает доходность жреческих должностей, а стало быть — усердие частных лиц в службе богам. Наблюдается и

другая перемена: если еще в III в., в Афинах, отец, обрадованный, что его дочь Фила была удостоена чести быть «аррефорой» Паллады, посвящает богине ее изображение, то в следующем столетии, наоборот, в тех же Афинах народ венчает плющевым венком такого же отца, нарядившего свою дочь канефорой той же богини. Эти венки и прочие награды, к слову сказать, не следует понимать в смысле ослабления религиозного усердия у награждаемых — без поощрения, мол, не согласились бы: приходилось превозмогать экономические трудности, а тот факт, что награда исходила от народа, неопровержимо доказывает, как уже было замечено, живость и силу религиозности у этого народа.

Сказанное относится ко всем вообще олимпийским богам. Проследить роль каждого из них в религиозной жизни Эллады эпохи эллинизма нет ни возможности, ни надобности; все же один из семи олимпийцев заслуживает нашего особенного внимания как тот, который как бы сосредоточил в себе все значение и обаяние явных культов Греции. Бог, главный храм которого считался «общим очагом Эллады», — Аполлон дельфийский. Велико было его значение в раннюю эпоху греческой истории: он руководил колониальным движением, он благословлял и свергал властителей, он вдохновлял законодателей и поэтов, он указывал всем верующим пути их земной жизни. Но именно в эпоху расцвета это значение пошло на убыль, чему виною была светская политика дельфийской коллегии: она благоприятствовала персам в годы национальной войны, Спарте в ее столкновении с Афинами, Филиппу в его замыслах против греческой независимости. Казалось, последнее обстоятельство должно было окончательно подорвать обаяние Дельф в эпоху эллинизма, когда греческие общины и союзы старались всячески оградить себя от македонских захватов: случилось, однако, обратное, и эта эпоха стала временем нового расцвета Дельф и их «срединного» храма. Друзья повредили, помог враг.

Почти непосредственно после битвы в равнине Кора, определившей приблизительно состав эллинистических государств, началось нашествие галлов на Балканский полуостров. Его первой жертвой стала, конечно, Македония; правил ею тогда Птолемей Керавн, старший сын Птолемея I Египетского; изгнанный с родины, он просителем пришел к Селевку и был им милостиво принят, но теперь, после Кора, изменнически умертвил своего победоносного покровителя. Он-то теперь во главе македонской армии выступил против галльских полчищ. Не благословил бог сражений оружия нечестивца: он был разбит галлами и потерял жизнь в бою. Вслед за Македонией и Фессалия открылась победителям — а было их свыше полутораста тысяч одной пехоты; их соблазняли богатства Эллады, находившиеся и в частных руках, и в храмах, особенно же в храме Дельфийском.

Известие о происшедшем и имевшем произойти всколыхнуло Элладу. Кантональные споры и вражда с Македонией были временно забыты; опять, как двести лет тому назад, все почувствовали себя эллинами. Теперь положение было даже еще опаснее: от галлов нельзя было, как некогда от персов, откупиться данью «земли и воды», их целью было полное разорение страны и истребление жителей. И снова, как двести лет назад, теснина Фермопил засверкала от эллинских шлемов, снова афинские триеры помогали с моря ее защитникам. Но Спарта в защите уже не участвовала: ее заменяли этолийцы, союз которых был тогда самой крупной военной силой Греции. И доблестна и успешна была защита; но опять, как тогда, ее сломила измена. Местные жители взялись провести галлов горными тропинками в обход греческого войска, не из вражды к национальному делу, а чтобы избавиться от

разорявшей их страну вражьей силы. Счастьем было, что афинские корабли могли принять фермопильских героев и доставить их невредимыми в Беотию.

Теперь и Фокида открылась хищникам, а в ней — цель их похода, дельфийский храм. В страхе бросились жители к прорицалищу бога, но он их утешил: он сам позаботится о них и о себе. Все же дело представлялось грозным: полчища Бренна, галльского вождя, заняли подножия Парнаса, и греческие силы, слишком слабые, не могли задержать их напора. Еще немного — и «всеобщий очаг Эллады» был бы разрушен варварами.

И вдруг вся площадь земли, занятая галльскими войсками, вздрогнула; поражая ужасом непривычные к подобным явлениям умы северян, сгустились тучи, всегда окружавшие вершину Парнаса, послышались раскаты грома, засверкали молнии — и при их свете эллины узнали в горних героев-заступников дельфийской святыни, увидели, как они направляли пламя Зевса на святотатцев, сжигая и их оружие и их самих. Им стало не до грабежей: день они провели в страхе, а ночь была и того страшнее. Наступила леденящая стужа; с туч посыпался густой снег, покрывая белым саваном галльский стан. Не думая о сне, галлы жались вокруг разведенных костров. Но и тут они не находили покоя: огромные валуны, отделяясь от парнасских круч, летели в равнину и, казалось, нарочно старались попадать в те места, где отряды врагов грелись у своих огней. Они уже были обессилены страхом и лишениями, когда взошло солнце; а при его свете они увидели перед собой эллинское войско, пришедшее защищать Дельфы, и, что было еще хуже, в тылу — легкие дружины фокидян, умело обошедших их по знакомым тропинкам Парнаса. Жаркая это была битва; сам Бренн был ранен, множество галлов полегло.

Отчаиваясь в успехе, они решили отступить, прикончив своих раненых. Но неудача и тут не перестала их преследовать. На первом же ночлеге их обуял «панический» страх; воображая, что эллины ворвались в их стан, они принялись колоть и рубить друг друга, в странном умопомрачении принимая родную речь за эллинскую, галльское оружие за вражье. Свыше десяти тысяч полегло в эту ночь, а на следующий день не замедлил сказаться и обычный спутник панических отступлений — голод. С трудом, ценою невероятных потерь, удалось им дойти обратно до Фермопил; Бренн еще раньше, не вынося страха и стыда, утопил в крепком вине свою униженную душу. Но тут фессалийцы решились предупредить вторичный разлив галльского потока по их благословенной стране. Заперев их в Фермопильской теснине, они произвели среди них такую резню, что ни один варвар не вернулся к своим.

Так сдержал Аполлон свое слово.

Уважающая себя политическая история относится к этому рассказу с подобающим презрением: простая «ареталогия», храмовая легенда, а на самом деле этолийцы вместе с афинянами и фокидянами отразили нападение галлов, которых было, надо полагать, не полтораста с лишком тысяч, а значительно меньше, — за что им честь и слава. Но уважающая себя история религии не может не дорожить легендой; «чудо — любимейшее дитя веры», справедливо сказал Гете, а вера — именно предмет этой науки. И если мы подробно пересказали легенду о защите Аполлоном своего храма от галлов, то именно для того, чтобы показать читателю, как велика была вера в могущество дельфийского бога в эпоху эллинизма.

А теперь вернемся к трезвой истории.

Опасность, которой подвергался дельфийский Аполлон, усилила любовь к нему всей Эллады: теперь более, чем когда-либо, он стал ее живым символом в борьбе с варварским миром. С другой стороны, этолийцы, его славные спасители, увенчав себя бессмертной славой, не устояли против соблазна остаться его светскими покровителями и впредь. Именно остаться: захватили они эту роль уже поколением раньше, как союзники Пирра в войне с Македонией; но тогда этот захват был встречен эллинами очень недружелюбно, и афиняне в политической песне обратились к своему гостю Деметрию Полиоркету с просьбой уничтожить этолийскую Сфинксу, насилующую Элладу с парнасской скалы. Теперь обстоятельства изменились; и когда этолийцы, желая подчеркнуть свою новую роль, учредили в Дельфах новые игры, игры Спасения (Сотерии), и разослали по эллинским общинам глашатаев с просьбой принять в них участие, признавая эти игры в их музыкальной части равноправными с пифийскими, а в гимнастической — с немейскими, то просьба была уважена. Особой сердечностью отличается сохранившийся почти целиком хиосский декрет; приводим из него выдержку, интересную во многих отношениях: «Вследствие и т. д., народ, желая и со своей стороны участвовать в чествовании богов, и помня о своей искренней дружбе с этолийцами, постановляет: в добрый час принять их предложение и признать состязания Сотерий, которые этолийцы учреждают в благодарность за спасение дельфийского храма Аполлона и всей Эллады, с награждением победителей венками, согласно постановлению этолийского союза; воздать хвалу этолийскому союзу и увенчать его золотым венком за его благородство, благочестие в служении богам и доблести в войне с варварами. А чтобы все знали об этом чествовании, священноглашатаю возгласить в Дионисии в театре непосредственно перед состязанием отроческих хоров, что народ хиосский венчает этолийский союз золотым венком за его благородство и благочестие в служении богам».

Таковы были медовые годы этолийской гегемонии в Средней Греции, гегемонии, продолжавшейся целое столетие — и значит, долее афинской двумя веками раньше. Понятно, что союз, заняв преобладающее положение в амфикионии, не всегда удерживался от произвольных и насильственных действий; но дельфийский храм при нем, несомненно, увеличил свое обаяние. Его духовный авторитет признавался; к нему обращались желающие обеспечить право убежища за той или другой святыней. Не только греческие общины, и эллинистические властители заискивали перед ним — и пергамские Атталиды, и сирийские Селевкиды, и египетские Птолемеи. Главным торжеством Дельф было обращение к ним Рима в 216 г. после поражения при Каннах; а так как последствием этого обращения были успехи побежденных в дальнейшей войне с Ганнибалом, то Рим временно и сам стал клиентом дельфийского бога и вторично к нему обратился десятью годами позже с запросом относительно смысла одного оракула Сивиллы.

Особенно близкими были отношения Дельф и Селевкидов; это было на руку этолийцам, которые и сами заключили союз с сирийскими властителями — на гибель себе. Но вскоре за победой над Ганнибалом начались вмешательства римлян в дела греческого востока. Их первой жертвой стал царь Македонии; пришлось Дельфам приветствовать победу потомков Энея над притеснителем Эллады — быть может, искренне. Ближе и ближе стали отношения их к Италии и Риму, сильнее их обаяние. Но союзником македонского царя в его войне с

Римом был Антиох сирийский; союзник также и этолийцев; победа над ним Рима в 191 г. повела к роспуску этолийского союза. Дельфы были, таким образом, «освобождены» от своего покровителя и господина. Правда, место этолийцев занял Рим; пришлось и за этой заменой признать хорошую сторону и рядом с этолийскими Сотериями учредить в честь нового покровителя новые игры — Ромеи.

Гегемония Рима принесла Дельфам не упадок, а, скорее, еще больший расцвет. До того они были стеснены неприязненными отношениями своих покровителей-этолийцев к Ахейскому союзу, отношениями, отчуждавшими всю подвластную последнему область: теперь это стеснение отпало, клиентура оракула существенно расширилась. Росло и росло число дельфийских «проксенов» (т. е. государственных гостеприимцев) по всей Ойкумене, становящейся постепенно из греческой греко-римской: а так как Дельфы умело поддерживали связи и с литературным и художественным миром, то и поэзия, и изобразительные искусства взапуски украшали земную обитель Аполлона. Одним словом, первое столетие римской гегемонии было для Дельф эпохой нового, еще не виденного благополучия; обращение Греции в римскую провинцию около середины этого столетия ничего в этом отношении не изменило.

Гром грянул в начале следующего. Очень вероятно, что пророчество Сивиллы, грозившее сыну древней Трои гибелью через десять веков после смерти его праматери, содействовало роковому безумию, обуявшему греческий мир. Этот срок — 83 год — приближался; но кто будет вершителем рока? Если вообще кто-либо, то, конечно, могучий царь анатолийского востока, Митридат. И вот Эллада признает его, отрекаясь от гибнущего Рима. Но Рим не погиб: его спасла могучая рука Суллы, и легковерная Греция не замедлила почувствовать тяжесть этой руки. Дельфы были разграблены, обаяние их прорицалища пало надолго. Из духовного центра вселенной оно обратилось в скромный очажок местного значения, дававший частным людям указания о местонахождении беглых рабов и успешности задуманных торговых предприятий. «Выдохлась, видно, вещая сила Земли, вдохновлявшая некогда пифию», — объясняли современные Цицерону греки.

Упадку значения дельфийского оракула в I в. до Р. Х. содействовало также крушение той эллинистической монархии, которая была в течение двух веков его наиболее горячей поклонницей — Сирии Селевкидов, обращенной в 63 году в римскую провинцию. Причина и проявление этой доброжелательности — это одна из самых любопытных страниц в истории религии и религиозной политики эллинизма.

Вклад Сирии в эту религию был наименее значительным: в то время как Анатолия и Египет дали эллинскому миру первая — Великую мать, а второй — Исиду с Сараписом, чрезвычайно влиятельные своим мистическим культом божества, из Сирии он почерпнул только сладострастную идиллию Афродиты с Адонисом, к тому же давно уже эллинизованную и ничуть не мистическую. Причина этой разницы заключалась в том, что религиозно-политическая задача, которую Селевк поставил себе в своем ближневосточном царстве, коренным образом отличалась от той, которую имели в виду Лисимах и Аттал в Анатолии и Птолемей I в Египте. Те хотели, по возможности, объединить единством культа оба подвластных им элемента населения, эллинский и восточный; для этого им нужна была греко-восточная религия и реформа Тимофея. Именно этой цели не преследовал Селевк

Никатор; гнушаясь варварского элемента в подвластном ему населении, он был строгим и последовательным эллинизатором.

Главным средством эллинизации было, в подражание Александру Великому, основание греческих городов на всем протяжении бывшей персидской монархии, поскольку она была подвластна Селевку — а эта территория еще доходила до границ Индии, обнимая, кроме частей Анатолии, Сирию, Месопотамию и собственно Персию. На этом значительном пространстве он основал не менее 75 греческих городов; называл он их отчасти в честь своей семьи, с собой включительно (так возникло, в честь его отца 16 Антиохий, в честь его матери 5 Лаодикий, в честь его самого 9 Селевкий, в честь его первой жены 3 Апамеи и в честь второй Стратоникея); отчасти же в честь македонских или же греческих городов. По-видимому, он наметил себе целью постепенную эллинизацию всех этих земель; и если принять во внимание могучую вербующую силу эллинизма и пассивность значительной части его подданных, то цель вовсе не покажется утопической. Отложение Парфии, внутренние неурядицы в доме Селевка при его внуках и вмешательство Рима помешали ее достижению.

Что и религия должна была служить орудием эллинизации, было ясно; но Селевк хотел, чтобы это была чистая эллинская религия, а не эллинизованная местная. Все же политическое благоразумие советовало при выборе религии остановиться на той, которая представляла возможность наиболее тесного сближения с местными. И с этой точки зрения выбор не представлялся сомнительным. Царство Селевка состояло из Персии, Месопотамии и Сирии. В Персии пользовался наибольшим почетом позднейший могучий соперник христианства, Митра; его римляне, когда этот бог к ним «перешел», назвали Sol Invictus. Главным богом Вавилона был Мардук, который, согласно самой вавилонской религии, олицетворял солнце; наконец, сирийские Ваалы тоже были солнечными божествами, в силу чего тот из них, который при Аврелиане (середина III в. по Р. Х.) был приобщен к римскому пантеону, и получил там имя бога солнца. Итак, бывшие подданные бывшего Великого царя были солнцепоклонниками. Греки это знали давно. Еще в V в. Аристофан в своей «Ирине» влагает в уста своему герою следующий забавный донос:

Тригей:

Селена, знаешь, и негодный Гелий,

Давно злоумышляя против вас,

Решили варварам предать Элладу.

Гермес:

Что ты! Зачем же так они хлопчут?

Тригей:

Затем, что мы приносим жертвы вам,

А варвары всегда о них радеют.

Если спросить, какой из общепочитаемых греческих богов имел наиболее солнечный характер, то ответ очевиден: таковым был только Аполлон. Было бы неправильно полагать, что Аполлон — это и есть бог-солнце: ни в культах, ни в мифах он со светилом не отождествляется. Но он, несомненно, от солнца, так же, как Деметра от земли; в обоих этих божествах эллинская религия переросла религию природы, но сохранила в себе ее следы. Вот почему религиозная философия признает Аполлона богом-солнцем. Но еще важнее, с нашей точки зрения, то, что таковым его уже с давних пор признавали и персы. Когда Датис в 490 г. во главе своего флота переплывал Архипелаг, направляясь в Аттику, где его ждал Марафон, делосцы покинули свой остров; но Датис упросил их вернуться: «Я и сам настроен так, и царь мой так приказал, чтобы я оставил неприкосновенной родину обоих божеств» (Геродот) — т. е., Аполлона и Артемиды, по-персидски — солнца и луны. Это был Аполлон делосский; еще ближе сердцу персов Аполлон Дельфийский, открыто ставший на их сторону во время похода на Элладу и действительно совершивший то, в чем Аристофан шутливо упрекал Гелиоса.

Всем этим путь был Селевку предначертан: его олимпийским союзником в деле эллинизации мог быть только Аполлон. И действительно, Селевк стал ревностным распространителем его культа. Легенда — быть может, и не совсем народного происхождения — рассказывала, что когда отец Селевка Антиох был на войне в качестве полководца Филиппа, то его мать Лаодика увидела сон, будто к ней входит Аполлон и в благодарность за ее любовь дарит ей перстень с изображением якоря, поручая подарить украшение тому сыну, которого она родит. Проснувшись, она действительно нашла в своей постели перстень описанного вида; а когда она через девять месяцев родила, у ребенка на бедре оказалось родимое пятнышко в форме якоря. Этим ребенком и был Селевк. Перстень Аполлона сопровождал его во всех его походах, охраняя его жизнь среди величайших опасностей — между прочим, и в том баснословном походе, который он предпринял с границ Индии против находившегося в зените могущества Антигона. Слоны Селевка, подарок индийского царя, решили сражение под Ипсом в его пользу и сделали его внезапно царем всей Передней Азии. Можно себе представить, какую пищу эти чудесные успехи дали фантазии подданных.

Тотчас после Ипса Селевк основал новую столицу, Антиохию на Оронте, переводя туда жителей из соседнего города, основанной его соперником Антигонией. Близ самого города он велел разбить роскошный парк из лавровых деревьев, окружностью в десять километров; это была Дафна (Δαφνῆ — «лавр»), отныне излюбленная резиденция сирийских царей и вельмож, античный Версаль. Центр этого парка занимал величественный храм Аполлона Дафнейского, или Пифийского; действительно, это было подворье дельфийского храма, с новым оракулом и новыми пифийскими играми — центр религии Аполлона на Востоке. Для храма требовался кумир; статуя Аполлона Дафнейского была работой Бриаксида, так же, как и кумир Сараписа в Александрии. Бриаксид был одним из творцов Мавсолея около 355–350 г.; мог ли он же быть творцом Сараписа для Птолемея, т. е. не ранее 320 г.? В Антиохии Бриаксид мог работать не раньше 300 г., года ее основания. Должны ли мы и здесь предположить, что Бриаксид изготовил свой кумир для другого города, и что Селевк его оттуда увез? Это было бы полным подражанием Птолемею; все же надо признать, что на сей раз традиция нам навстречу не идет.

Оставим загадки; факт все-таки тот, что творцом Аполлона Дафнейского был Бриаксид. Вид

статуи нам известен по описанию Либания и по монетам. Славилась ласковость облика статуи, нежность мраморной шеи; бог был изображен выступающим вперед, в длиннополом позолоченном хитоне с кифарой в левой руке и чашей в правой. «Так и кажется, что он поет... да кто-то и слышал, как говорят, как он, играя на кифаре, пел песню в полуденный час. А содержанием песни было восхваление Земли; ей, думается мне, и приносит он возлияние из золотой чаши за то, что она сокрыла деву, разверзшись и сойдясь вновь».

Эти последние слова Либания требуют объяснения. Дело в том, что в Аркадии существовал старинный миф о любви Аполлона к нимфе Дафне, дочери бога местной реки Ладон и самой Матери-Земли. Дорожа своей девственностью, Дафна хотела спастись бегством: когда же бог стал ее настигать, она взмолилась к своей матери, и та, разверзшись, приняла ее в свое лоно. На том месте, где она исчезла, выросло лавровое дерево; Аполлон понял, что это и есть его превращенная милая, и с тех пор лавр — его любимое дерево. Миф этот, будучи аркадского происхождения, стал бродячим; последним местом его прикрепления была Антиохия. Дело в том, что когда Селевк охотился на берегу Оронта, его конь ударом копыта вышиб из земли острие стрелы; на нем Селевк прочел имя «Феба» и вывел отсюда заключение, что именно здесь Аполлон высыпал стрелы из своего колчана с горя об утрате возлюбленной. Отсюда Дафна, как имя рощи, и все дальнейшее.

Таким-то образом исполнился, наконец, золотой сон Дельф, приснившийся им еще три столетия тому назад: сон о вселенской религии Аполлона, опирающейся на союз с Тарквиниями в западной и на союз с Персией в восточной половине мира. Те две измены, которыми дельфийская коллегия себя запятнала в глазах свободолюбивой Эллады, принесли наконец свои желанные плоды: расположение к Персии подготовило благоприятную почву для посева, расположение к Македонии произвело и сеятеля в лице едва ли не лучшего среди полководцев царя-героя, нареченного сына Аполлона. А потому не будем говорить об изменах: религии, сознающей в себе стремление стать вселенской, не дозволено замыкаться в пределах одного только народа, хотя бы и эллинского.

Сон исполнился: с антиохийской Дафны Аполлон царил над Востоком. Как к нему отнеслись народы? Признали ли они в нем своего Митру, Мардука, Ваала? Традиция молчит, но это не ее вина: антиохийская литература эллинистической эпохи известна нам гораздо хуже, чем пергамская и александрийская. Для людей с серьезными религиозными запросами Аполлон оставался Аполлоном Пифийским, сыном Зевса, богом великого пришествия, принесшим людям науку о том, как очищать себя от греха. «Пророк отца-Зевеса Аполлон», — гласит известный стих о нем; «Велик, велик ты у престола Зевса», — говорят ему Эвмениды в одноименной трагедии Эсхила. Аполлон как бог-сын неотделим от Зевса как бога-отца; своим пришествием он спас царство отца от гибели, которая ему грозила от гигантов; но забылось, как забылся и первоначальный, родственный смысл популярного сказания об убиении Пифона, дельфийского змея; помнили зато, что Аполлон принес людям искупление от грехов. И, разумеется, никто не усомнится в том, что это и есть самая глубокая идея в той религии, которая, благодаря Селевку, утвердилась в долине Оронта — той долине, южным продолжением которой была долина Иордана.

Рядом с Аполлоном и Деметрой меркнут остальные боги древнего Олимпа: ни один из них в эллинистическую эпоху не обнаружил такого стремления к прозелитизму. Зевс, правда, не в

счет: он стоит рядом с Аполлоном как бог-отец рядом с богом-сыном; местами, впрочем, и его именем прикрывается тот или другой чужеземный бог, вроде египетского Аммона, который просиял одно время, благодаря соседству греческой Кирены, и даже удостоился чести прослыть небесным отцом Александра; или сирийского Ваала, которого называли Зевсом Долихеном и изображали с перуном в деснице, разъезжающим, стоя на быке — правда, это случилось лишь в эпоху вселенской империи. Артемида совсем стушеввалась рядом со своим братом, хотя дафнейский храм и был посвящен им обоим — великая Артемида Эфесская ничего, кроме имени, не имеет общего с дочерью Латоны. Правда, родственная с ней Геката получила внушительную известность как богиня привидений и черной магии, но скорее в народе, чем в религии. Гера с Гестией не играют роли в эллинистической религии, так же, как и их брат Посейдон; эта олимпийская аристократия не обладала решительно никакой силой привлечения умов. Афродита пользуется некоторой популярностью в соединении с Адонисом; но это, собственно, сирийская Астарта. Дионис через своих «технитов» подчиняет весь понимающий мир до границ Индии обаянию театра Еврипида, но это всего менее религиозная победа; его же собственные оргии в своем орфико-пифагорическом претворении после яркого расцвета на Западе подвергаются в начале II в. сильнейшим гонениям со стороны римского правительства, а если и возрождаются в I в. (в так называемом новом пифагореизме), то уже без Диониса. Гермеса — доброго пастыря мы видели в свите Деметры Элевсинской; правда, он и независимо от нее, проникнув из своей Аркадии через Кирену в Египет, слился там с богом Тотом и стал источником так называемых «герметических» откровений. Роль Ареса и Гефеста, скромная уже в эллинскую эпоху, становится еще скромнее теперь; Афина гордо царит на своем Акрополе — в Афинах, как и в Пергаме, — чуждаясь всякого соприкосновения с варварским миром.

Главными божествами эллинистической религии, имеющей своим условием и основанием сожителство варварских народов с эллинским, остаются два божества древнегреческой религии, Аполлон и Деметра, бог-сын, великий у престола своего отца, и богиня-мать. Мало-помалу народы привыкают к этим двум воплощениям божества; именно то, что они познают их под различными именами, и теперь уже, и еще более впоследствии — именно это приучает их отвлекаться от всяких имен и обращаться мыслью и чувством к тому, что под этими именами скрывается.

Что касается Рима, его мифология и религия, как уже неоднократно упоминалось, также подверглись «глобальной эллинизации», особенно в эпоху войны с Ганнибалом. Как писал К. Куманецкий, «любая вспышка эпидемии или война приводили к утверждению в Риме все новых греческих культов». Вместе с Сивиллиными книгами из Кум был принесен культ Аполлона Кумского. Затем, следуя указаниям этих книг, к которым обращались в минуты тяжелых испытаний, римляне приняли культ Деметры—Диониса—Коры, подменивших собой Цереру, Либера и Либеру. Примерно тогда же в Риме утвердился и культ Меркурия—Гермеса.

Микеланджело. Дельфийская сивилла. Фреска (1508–1512 гг.).

Процесс эллинизации усилился в III в. до н. э., когда связи Рима с греческими городами Южной Италии стали наиболее тесными. В 293 г. до н. э., по совету Сивиллиных книг, ради спасения от бушевавшего мора римляне заимствовали из Эпидавра культ бога-целителя Асклепия — Эскулапа. Специальная делегация, посланная в Эпидавр, доставила в Рим

священную змею, посвященную этому богу. Новые войны приносили с собой новые бедствия, побуждая римлян искать защиты и у других греческих богов. В годы Первой Пунической войны в Риме были устроены Тарентские игры в честь подземных божеств Дита (Аида) и Прозерпины (Персефоны). Диту приносили в жертву черного быка, а Прозерпине корову.

Тяжелые поражения начального периода Второй Пунической войны заставили вновь искать совета в Сивиллиных книгах. Их совет гласил, что Риму необходимо вернуться к старым италийским обрядам. Так и поступили, однако ритуалы в честь богов совершали по греческому обряду — торжественно и пышно. Праздник в честь италийского бога Сатурна превратился под греческим влиянием в большой многодневный праздник Сатурналий, пышно справлявшийся в декабре. К концу III в. до н. э. различия между местными и «новыми» божествами стерлись. Был официально утвержден культ 12 главных богов, имевших соответствия в греческом пантеоне: Юпитера и Юноны, Нептуна и Минервы, Марса и Венеры, Аполлона и Дианы, Вулкана и Весты, Меркурия и Цереры. По совету Сивиллиных книг ввели в обычай лектистернии — ритуальные «трапезы богов»: расставляли пиршественные ложа, на каждое клали изображения одной из 6 пар богов, перед ложем ставили стол с принесенными богам жертвами. На Форуме появились позолоченные статуи главных богов, подобные тем, что стояли на афинской агоре.

Микеланджело. Ливийская сивилла. Фреска (1508–1512 гг.).

На заключительном этапе войны с Ганнибалом в Риме впервые утвердился культ восточного происхождения — культ Кибелы. Приверженцы нового культа торжественно праздновали день Великой Матери богов, делая друг другу подарки и основывая братства поклонников богини. В 194 г. до н. э. были официально учреждены в ее честь Мегалезийские игры (от греческого «мегалэ» — великая), длившиеся шесть дней и сопровождавшиеся театральными представлениями.

Кибела «проложила дорогу» и другим божествам восточного происхождения, прежде всего Митре. Этот иранский бог солнца на римской почве стал богом-покровителем воинов и воинской дружбы, а ритуалы митраизма со временем превратились в настоящие мистерии, чрезвычайно популярные в той же воинской среде.

Как писал в своем знаменитом сочинении «История Рима» Т. Моммзен, «римский мир богов возник из отражения земного Рима в высшей и идеальной сфере созерцания, в которой и малое и великое воспроизводились до мельчайших подробностей. В этом мире отражались государство и род, как всякое естественное явление, так и всякое проявление умственной деятельности; в нем отражались и каждый человек, и каждое место, и каждый предмет и даже каждое действие, совершавшееся в области римского права; подобно тому как земные вещи находятся в состоянии постоянного движения, так же вместе с ними колеблются и боги. Гений — хранитель отдельного какого-нибудь действия — жил не дольше, чем само действие; гений — хранитель отдельного человека — жил и умирал вместе с самим человеком... Как над римской общиной царили римские боги, так и над каждой из чужеземных общин царили ее собственные боги; но, как ни резко было различие между гражданином и негражданином, между римским богом и чужеземным, все-таки и чужеземцы, и чужеземные боги могли приобретать в Риме права гражданства в силу

общинного постановления, а когда граждане завоеванного города переселялись в Рим, то и их богов приглашали туда же перенести свое местопребывание».

Часть третья

«ВОЛЮ БОГОВ Я ПОЗНАЛ»:

античные традиции и ритуалы

Глава 1

«БУДУТ ОБА ОНИ НАПОЛНЯТЬ НЕСКАЗАННОЕ ВРЕМЯ»:

ритуальные традиции античности[23]

Если, однако же, все именуется Светом и Ночью,

И по значению их — как те, так и эти предметы, —

Стало быть, все полно и Светом и Ночью незрячей,

Тот и та наравне, никто не при чем не остался.

Миф и ритуал. — Священные местности. — Священные участки. — Алтари и жертвенники. — Храмы. — Устройство античных храмов. — Убежища. — Символы божеств. — Подношения богам. — Заклятия и клятвы. — Обряды очищения. — Жертвоприношения. — Бескровные и кровавые жертвы. — Возлияния. — Жертвенные животные и птицы. — Жертвоприношения у римлян. — Катон о частных жертвоприношениях. — Мантика. — Безыскусственная и искусственная мантика. — Разновидности гаданий. — Плиний о гаданиях и суевериях вообще. — Истолкование знамений. — Оракулы. — Додона. — Экстатические оракулы. — Дельфы. — Оракулы сновидений. — Оракул Трофония. — Оракулы вызова мертвых.

Мифология как наука, изучающая мифы, существует — если брать за точку «отсчета», например, ватиканские мифографы (VII в.) — уже более тысячи лет. Достаточно давно исследователями была отмечена и тесная связь мифа с обрядом, ритуалом. «Обряд, — писал С.А. Токарев, — составляет как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение или обоснование совершаемого обряда, его истолкование». Тем не менее, несмотря на столь древнюю исследовательскую традицию, вплоть до сегодняшнего дня среди мифологов нет единогласия по поводу того, что первично — миф или обряд. Мифологическая школа (Я. Гримм, М. Мюллер, А. Афанасьев и др.) отдавала приоритет мифу, тогда как «ритуалисты» (У. Робертсон Смит, А. Ван Геннеп, Р. Лоуи, Ю. Францев) утверждали прямо обратное. Работы К. Леви-Строса (середина XX столетия), казалось бы, четко позиционировали миф как самостоятельное явление — как логическую структуру, подчиняющуюся собственным законам. Однако и по сей день продолжаются споры о том, чему — мифу или ритуалу — надлежит отдать «пальму первенства» в этом своеобразном симбиозе.

Античная мифологическая традиция, в отличие от большинства других, сохранилась в огромном количестве литературных, эпиграфических и археологических памятников. Помимо собственно мифов, эти источники содержат и описания античных обрядов — или

фрагменты описаний, достаточно подробные для того, чтобы на их основании можно было реконструировать конкретные ритуалы. К таковым следует отнести жертвоприношения богам, религиозные праздники, игры, различные мантические (гадательные) обряды — и, конечно же, мистерии, без которых наше представление об античной мифологии было бы далеко не полным.

В этой части книги речь пойдет именно о ритуалах, в сочетании с мифами образующих целостную «знакоткань» (термин П. Щедровицкого) античной мифологии.

Хотя идея о вездесущии и всеведении богов не была вполне чужда эллинам, но все-таки обыкновенное народное верование представляло их пребывающими в определенных стихиях или местностях и сообразно с этим разделяло их на богов небесных, или олимпийских, земных и подземных. Главным местопребыванием первых считался Олимп, с которым уже в Гомеровских поэмах соединены два разных представления: он является то высокою горою в Фессалии, то небесным жилищем богов.[25] Другие боги пребывают в тех стихиях, которые находятся в их ведении, например, в морских глубинах — Посейдон с Амфитритой, Нерей с Нереидами и т. д., в реках, ручьях и источниках — речные боги и нимфы, в лесах и на горах — нимфы-дриады, ореады и т. д., внутри земли — боги подземного мира. Но кроме этих, так сказать, постоянных жилищ у богов были, по представлению эллинов, и другие излюбленные места, в которых они с особенной охотою пребывали и где всего благосклоннее выслушивали обращаемые к ним мольбы. Это были прежде всего те места, в которых то или другое божество пользовалось наибольшим почетом, затем местности, которые считались особенно приятными божествам по своим природным свойствам или были освящены культом по разным причинам: мифическим, нравственным, политическим, историческим и др.

По природным свойствам особенно приятными божествам считались вершины гор, возвышенности, гроты, долины, леса и рощи, вообще местности тихие и удаленные от жилья. Леса и рощи своим величием, своею таинственною тенью производили возвышающее впечатление на входящего в них и возбуждали в его душе мысль о близости божества. Даже отдельно стоявшее дерево, привлекавшее к себе взоры своей величественною красотою, представлялось находящимся под особым покровительством божества. Поэтому вокруг святилищ обыкновенно разводились рощи красивых деревьев. Гроты считались любимым местопребыванием богини Реи, а также Пана и нимф. Источники, в особенности целебные, обыкновенно освящались культом как находящиеся под ближайшим покровительством богов. Витрувий прямо советует выбирать для храмов, в особенности посвященных богам здоровья, местности со здоровым климатом и в изобилии снабженные водою. Культы подземных богов и оракулы обыкновенно учреждались в таких местностях, где были в скалах или в земле расщелины, представлявшие как бы прямое сообщение с подземным миром.

Такие местности, которые считались особенно приятными богам по своим природным свойствам, конечно, предпочтительно перед другими избирались для устройства святилищ; но само собою разумеется, что такие свойства местности не были безусловно необходимы для освящения ее культом: нередко приходилось и в местностях, не отличавшихся такими свойствами, устраивать святилища, в особенности в городах и селениях. В таком случае при выборе местности для святилища довольствовались тем, чтобы она не была недостойна божества. Аристотель советует выбирать для святилищ преимущественно места

возвышенные и защищенные от соседних частей города; точно так же Сократ, по словам Ксенофонта, считал наиболее пригодными для храмов и алтарей места особенно видные и редко посещаемые.

Многие местности были освящены культом вследствие связанных с ними мифов о тех или других событиях из жизни богов, например остров Делос как место рождения Аполлона и Артемиды, и т. п. Существовали также предания, что боги переселялись из одних местностей в другие или в разные времена года жили в разных местах. По дельфийскому преданию, Аполлон три зимних месяца проводил в Ликии, а остальные в Дельфах. Персефона полгода проводила в подземном царстве и полгода на земле. Много было также сказаний о странствованиях Деметры, Афродиты и других богинь.

Орест вызывает к Аполлону. Иллюстрация к «Греческим трагедиям» (1880 г.).

По нравственным причинам были освящаемы культом разные места, имевшие какое-либо особое значение в семейной, общественной или государственной жизни людей. Сюда прежде всего относится почитание домашнего очага как центра семейной жизни и горевшего на нем огня, который был символом богини Гестии (Весты) и даже отождествлялся с нею. Почитание этой богини выражалось в поддержании неугасимого огня в очаге, которое было священной обязанностью хозяйки дома. Кроме Гестии были почитаемы в домах и другие боги как покровители семьи и ее собственности. Общины и государства, подобно отдельным родам и семьям, имели своих богов-покровителей, культ которых был тесно связан с теми или другими местами и зданиями в городе, смотря по идее, которую выражало собой каждое божество. В акрополе города находились святилища древнейших и наиболее уважаемых народом божеств-покровителей, так как акрополь был центром, вокруг которого развивался город. Рыночная площадь, служившая местом собраний и ежедневных сношений граждан, ставилась под покровительство особых θεοί αἰοράιοι, святилища которых устраивались на ней. В главном правительственном здании находился очаг города, при котором почиталась Гестия как представительница идеи единства государства. В здании совета ставились алтари богам «советным» (θεοί βουλαίοι) — Гестии, Зевсу, Афине и др. Подобным же образом ставились под покровительство богов и считались священными границы, неприкосновенность которых принадлежит к числу установлений правильной гражданской жизни. По Платону, неприкосновенность межевых столбов служит первым признаком уважения к Зевсу Граничному. Были затем боги-покровители улиц, в особенности Гермес, Аполлон и т. д.; дороги и проходящие по ним путники ставились под особую божественную защиту ввиду разных опасностей, которые могли встречаться на пути. Изображения уличных богов обыкновенно представлялись в виде четырехугольных каменных столбов с головою божества наверху (гермы). На дорогах, улицах и рынках, в особенности же на перекрестках, кроме герм ставились еще так называемые *Εκατά*, т. е. изображения богини Гекаты в нишах, с алтарями перед ними.[26]

Кроме вышеуказанных причин некоторые местности становились священными вследствие связанных с ними особенных обстоятельств или исторических событий. Так, например, места сражений почитались как священные. Мифические события из жизни богов имели влияние на установление культа в той или другой местности, но в особенности можно сказать это о культе героев, который первоначально был не чем иным, как почитанием

умерших, и поэтому естественным образом связан был с их гробницами. Впрочем, нужно помнить, что не все существа, получавшие героические почести, действительно жили на земле и были где-нибудь погребены: многие герои были просто созданиями фантазии, олицетворениями тех или других явлений жизни.

Местности, освященные культом, с целью предохранения их от всякого осквернения были отделяемы межей или оградой от мест неосвященных, и таким образом получалось то, что называется *τεμενω* (от *τεμνω* — режу). Такой священный участок не мог быть употребляем ни для каких человеческих надобностей, в большинстве случаев он был засажен красивыми деревьями и тогда носил название *αλση*. Обыкновенно в священных участках находились храмы или алтари, но бывали *τεμενη* или *αλση* и без них. Иногда людям совершенно запрещался доступ в священное пространство (такие участки назывались *αβατα*), как, например, в *αλση* при храме Зевса Филия в Мегалополе или в *τεμενω* Зевса на Ликейской горе, по рассказу Павсания. В Олимпии, по его же словам, внутри священного округа *Αλτιον* был обнесен оградой участок со святилищем Гипподамии, в которое могли входить только женщины и то лишь однажды в год для совершения жертвоприношения. В некоторые участки не допускались даже те или другие животные.

Кроме этих, так сказать, заповедных участков были такие священные земли, которыми могли пользоваться люди для земледелия, пастбы скота и т. п.; их принадлежность божеству выражалась в том, что получаемые с них доходы шли в пользу святилища и употреблялись на нужды культа, содержание жреческого персонала и т. п. Были, впрочем, и такие участки, которые посвящались богам под условием оставаться совершенно необработанными; известнейший пример такого посвящения представляют земли Крисы близ Дельф, которые после 1-й Священной войны были посвящены Дельфийскому Аполлону «на века». Деметре и Персефоне был посвящен вблизи Элевсина участок земли, который не мог подвергаться обработке. Даже воды были посвящаемы богам; так, например, в Аттике у священной дороги из Афин в Элевсин были два узких, наподобие рек, морских залива, которые были посвящены элевсинским богиням Деметре и Коре, и никто, кроме элевсинских жрецов, не имел права ловить в них рыбу (Павсаний).

Вследствие рано развившегося у эллинов антропоморфического представления божеств поклонение последним было обставлено множеством обрядов, для которых были необходимы различные искусственные приспособления. Приписывая богам человеческие склонности и страсти, эллины, естественно, старались приобрести их расположение к себе или отвратить навлеченный на себя нечестивыми поступками гнев путем различных благочестивых действий, между которыми одно из первых мест занимало принесение божествам жертв и даров. Устроенное для этой цели приспособление было существенной принадлежностью всякого места культа. Уже в гомеровских поэмах неоднократно упоминаются жертвенники. В древнейшие времена они устраивались, без сомнения, самым простым способом — из дров, которые сжигались вместе с жертвой. Во многих местностях упоминаются жертвенники из золы, представлявшие собою, таким образом, продукт самих жертвоприношений. На вершине Ликейской горы в Аркадии, где был знаменитый культ Зевса Ликейского, алтарем служила куча земли (Павсаний). На острове Делос был знаменитый *κερατω*, по мифическому сказанию, устроенный самим Аполлоном из рогов диких коз, убитых Артемидой, и причислявшийся к семи чудесам света.

Дж. Батиста. Жертвоприношение Ифигении. Темпера (1770 г.)

Впрочем, жертвенники из указанных материалов встречались редко; алтари, которые предназначались для постоянного употребления, делались обыкновенно из камня и притом были тесно связаны с местом культа, так что были не переносными, а неподвижными (переносные жертвенники упоминаются очень редко). Форма и величина их была весьма различна (обыкновенно они были четырехугольные, но часто встречаются и цилиндрические); они украшались венками и гирляндами, нередко иссекаемы были целиком из драгоценного мрамора с различными скульптурными украшениями по вкусу ваятеля или соответственно значению культа того божества, которому каждый алтарь был посвящен. Некоторые алтари достигали огромной величины и представляли собою величественные произведения архитектуры и скульптуры. Так, в Пергаме был построен Атталидами великолепный мраморный жертвенник в 40 футов вышиной с горельефным изображением борьбы богов с гигантами. Части его найдены при раскопках в 1879 г. Значительной величиной отличались также знаменитый $\mu\epsilon\upsilon\alpha\eta\ \beta\omicron\mu\omicron\eta$ в Дельфах и жертвенник Артемиды в Эфесе, украшенный изваяниями Праксителя. Нередко на жертвенниках вырезывались надписи, содержавшие в себе имена богов, посвящения или даже жертвенные уставы. Ставились алтари обыкновенно не прямо на земле, а на возвышении из нескольких ступеней, и притом те, которые предназначались для сожжения жертв, устраивались под открытым небом, чтобы дым от сжигаемой жертвы мог свободно подниматься к небу; внутри храмов сожжение жертв никогда не производилось; здесь ставились только жертвенники для курения фимиама и столы для приносимых божествам даров.

Вообще говоря, храмы едва ли были мыслимы без жертвенников, но жертвенники без храмов встречались очень часто: в частных домах и дворах, на акрополях, на рынках и улицах города, в присутственных местах, на дорогах, полях, вершинах гор, в священных рощах и пр. От неосвященного пространства жертвенники отделялись оградой, состоявшею или из низенькой стены, или просто из цепи или веревки.

Иногда один жертвенник был посвящаем нескольким богам (которые в таком случае назывались $\theta\epsilon\omicron\iota\ \sigma\upsilon\mu\beta\omicron\mu\omicron\iota$) или даже всем вместе. Алтари героев и подземных божеств носили специальное название $\epsilon\sigma\chi\alpha\rho\alpha\iota$; они были ниже алтарей богов, ставились прямо на земле и имели отверстия для стока крови жертвенных животных в землю. Встречаются также особые «жертвенные ямы», служившие для жертвоприношений подземным божествам или героям.

Когда эллины стали представлять себе богов человекообразными, у них сама собою должна была возникнуть мысль строить и для богов приличные и достойные их жилища. На значение храма как настоящего жилища богов указывает сама этимология слова $\nu\alpha\omicron\eta$ или $\nu\epsilon\omicron\eta$ (= жилище, от $\nu\alpha\iota\omega$). Постройка храмов началась у эллинов очень рано: уже в гомеровских поэмах неоднократно встречаются упоминания о храмах, хотя настолько краткие, что по ним невозможно ясно представить себе тогдашнюю форму и величину храмов.[27] Но на основании некоторых свидетельств авторов можно думать, что в древнейшие времена жилищами богов считались просто деревья или их дупла. Каллимах в гимне «К Артемиде» говорит, что древнейшая статуя этой богини в Эфесе была поставлена под букowym пнем. Еще во времена Павсания в Орхомене аркадском статуя Артемиды стояла

в большом кедре (т. е., вероятно, в дупле этого дерева), почему и сама богиня называлась *Αρτεμιη Κεδρεατιη*. О храме Аполлона в Дельфах тот же писатель рассказывает, что первоначально он был построен как бы в виде шалаша из лавровых ветвей, принесенных из Темпейской долины; второй храм был построен якобы пчелами из воска и пчелиных крыльев и отослан Аполлоном к гиперборейцам (по другому преданию, он был сплетен из свежей горной травы), третий был медный, а четвертый — каменный, построенный мифическими художниками Трофонием и Агамедом и сгоревший в 548 г. до Р. Х.

Само собою разумеется, что храмы строились чаще всего в таких местах, которые уже раньше по тем или другим причинам были освящены культом и в которых иногда уже стояли статуи и жертвенники. Нередко божество, по преданию, само указывало тем или другим способом место, на котором следовало воздвигнуть ему храм; этим объясняется тот факт, что храмы иногда строились вдали от всякого жилья, как, например, храмы на о. Эгина, на мысе Суний и др. Если же нужно было построить храм в таком месте, которое раньше не считалось священным и не было прямо указано божеством, то при выборе его, как уже замечено выше, обращали внимание на то, чтобы оно было удобно, красиво, здорово и удалено от шума повседневной жизни. Подземным божествам строили храмы на равнинах, а для храмов, посвященных олимпийским богам, предпочитали места возвышенные. Если храм стоял в заселенной части города, то он все-таки не примыкал непосредственно к жилым строениям, а был окружен двором, который служил только священным целям и был отгорожен от неосвященного пространства (то *βεβηλον*) стеной или оградой (*ερκοη*, *περιβολη*; последнее слово очень часто обозначает весь священный двор). В нем ставились статуи, плиты с надписями и разные приношения верующих; иногда здесь же строились жилища для жреческого персонала, а при храмах богов здравия — и помещения для больных, которые обращались в храм за помощью. При больших храмах перибол занимал иногда значительное пространство, и внутри него, кроме главного храма, стояло несколько других, даже посвященных другим божествам; так, например, в периболе храма Зевса Олимпийского в Афинах, имевшем около 4 стадий в окружности, находились храм Крона и Реи и *τεμενον* богини Земли; несколько храмов находилось также в периболе Зевса в Олимпии, Аполлона в Дельфах и пр. Поселения при храмах иногда разрастались до размеров целой деревни или местечка.

Руины храма Посейдона на мысе Сунион.

Для входа в перибол устраивались обыкновенно одни только ворота (или калитка), при которых ставились сосуды с освященной водой. Все входившие должны были окроплять себя этой водой: это был символический знак чистоты, которая требовалась от всякого приближающегося к святилищу. Само собой разумеется, что лица, считавшиеся чем-либо оскверненными, не могли входить в священную ограду и что, находясь в ней, люди должны были воздерживаться от всяких действий, которые могли бы осквернить их. Поэтому если в периболе находились человеческие жилища, то из них заблаговременно удаляемы были женщины перед родами, больные и старики перед смертью, так как акты рождения и смерти считались оскверняющими святыню. В случае же если священное место, несмотря на предосторожности, было чем-либо осквернено, прибегали к очищениям, о которых мы скажем ниже.

В древнейшие времена храмы строились из различных материалов. Иногда храмом служила пещера или естественное углубление в скале; таков, например, был храм Аполлона на горе Кинфе на острове Делос. Упоминаются далее храмы металлические или обитые металлическими (медными) листами, как, например, легендарный храм Аполлона в Дельфах или храм Афины Меднодомной в Спарте. Были также храмы деревянные, представлявшие собою обыкновенную большую хижину, как, например, святилище Посейдона Гиппия близ Мантинеи, построенное, по преданию, Трофонием и Агамедом. Но в исторические времена храмы строились исключительно из камня и притом чем далее, тем просторнее и великолепнее, так что этот тип постройки, мало-помалу развиваясь и совершенствуясь, сделался высшим выражением греческого искусства; скульпторы и живописцы наперебой старались украшать жилище божества и делать из него гармоническое целое.

Несмотря на все разнообразие позднейших храмов по виду и величине, их основная форма осталась неизменной; в каждой, самой сложной храмовой постройке было то, что составляло первоначальный, существеннейший элемент такой постройки, именно четырехугольная (обыкновенно продолговатая) комната или келья (целла), служившая жилищем божества. Все видоизменения храмовых построек произошли оттого, что к этому главному святилищу стали пристраивать разные новые части, служившие или для красоты, или для практических целей и, стало быть, имевшие второстепенное значение.

Прежде чем приступить к описанию видоизменений этого простейшего типа храмовой постройки, необходимо заметить, что древний храм служил не местом для собрания богомольцев (так как богослужebные действия совершались не внутри храма, а перед ним), а только жилищем божества, т. е., иначе говоря, хранилищем его священного изображения; поэтому при построении храма следовало иметь в виду не столько расширение главного отделения храма, сколько устройство помещения для хранения храмовой утвари, приношений и т. п., а также закрытого места, где богомольцы могли бы иметь убежище в дурную погоду.

Храмы строились не прямо на земле, а на фундаменте, возвышавшем их над жилищами людей. Фундаменты имели обыкновенно по три ступени; но так как они часто были слишком высоки для того, чтобы можно было всходить по ним, то для входа делались в фундаменте лестницы с менее высокими ступенями. Число входных ступеней всегда было нечетное, для того чтобы входивший в храм становился правой ногой на первую и на последнюю ступень, что считалось хорошим знаком. Вообще весь план храмового здания был исполнен глубокой символики и должен был наглядно выражать то предпочтение, которое храму подобало иметь перед жилищами людей.

Первое развитие простейшей формы храма состояло в прибавлении к целле паперти или предхрамья. Оно образовалось посредством продолжения двух продольных стен за поперечную; эти стены оканчивались в таком случае четырехугольными утолщениями — пилястрами, а между ними с лицевой стороны ставились две колонны, поддерживавшие архитрав, соединявший боковые стены или пилястры. Таким образом получается форма «храма между пилястрами», причем между передней стеной и колоннадой образуется притвор. Дальнейшее развитие архитектоники храма состояло в том, что передние стены с пилястрами не доводились до края фундамента, а перед ними оставлялось свободное

пространство, на котором ставились еще две колонны, так что крыша и архитрав впереди поддерживались не пилястрами и двумя колоннами, а четырьмя отдельно стоящими колоннами, и паперть находилась между колоннадой и переднею стеною. Такой храм назывался «с колоннадой впереди». Дальнейшим шагом вперед было подсказанное естественными требованиями симметрии устройство такой же колоннады перед заднею поперечной стеной храма, так что получался «храм с двумя колоннадами».

Окружив далее храм колоннадой со всех сторон, греческие зодчие получили такую форму его, которая наиболее удовлетворяла эстетическому вкусу и потому получила наибольшее распространение. Такой храм называется «кругопапертным». Иногда шедшая кругом колоннада удваивалась. Встречаются также постройки, в которых вместо целых, отдельно стоящих колонн устроены полуколонны, выдающиеся наружу из стен храма и по своим размерам и размещению соответствующие самостоятельным колоннам; эти храмы очень редко встречаются у греков, но довольно часто у римлян.

Греческий храм обыкновенно представлял собою четырехугольник, длина которого была приблизительно вдвое больше ширины (круглые храмы в Греции были очень редки). Довольно плоская двускатная крыша образовывала спереди и сзади треугольный фронтон, поле которого покрывалось обыкновенно разнообразными скульптурными украшениями, сюжеты которых относились или к божеству, в честь которого был воздвигнут храм, или к деяниям народа, его воздвигнувшего. Так, на восточном фронте Парфенона в Афинах было изображено рождение богини Афины, а на западном — спор ее с Посейдоном. Верхушка и боковые углы фронтона часто украшались так называемыми *ακρωτήρια*, т. е. площадками, на которых ставились статуи, вазы, треножники и т. п. Рельефными украшениями покрывались также фризы и архитравы, поддерживаемые колоннами.

Внутреннее расположение греческих храмов в общих чертах было следующее. Поднявшись по ступеням фундамента, богомolec вступал в притвор или предхрамие, образуемое с передней стороны колоннадой, с боковых — продолжением капитальных стен святилища, с задней — поперечной его стеной; в нем хранились различные приношения верующих и священная утварь, для охраны которых между колоннами устраивались крепкие решетки. Из притвора двустворчатая дверь вела в главную часть храма, в которой стояла статуя божества и которая поэтому преимущественно перед другими считалась его жилищем. Статуя ставилась прямо против входа на возвышенном пьедестале, иногда в особой нише, отделенной от остального пространства решеткой или занавесом. Обыкновенно храмы устраивались так, чтобы статуя была обращена лицом к востоку. Перед статуей стоял жертвенник для курений и бескровных жертв, а также столы для приношений. Целла получала свет через открытую дверь, но этого было недостаточно для полного освещения, так что статуя пребывала в таинственном полумраке, способствовавшем усилению религиозного чувства в богомольцах.

Сзади целлы иногда устраивался задний притвор, служивший для хранения денег и драгоценных вещей и часто отделявшийся от остальных частей храма не колоннадой, а сплошной стеной с плотно запиравшеюся дверью. Иногда и боковые портики служили не только местом для собраний богомольцев, но и для хранения даров. Заметим, что в храмах как в местах неприкосновенных и самой своей святостью огражденных от грабительских

покушений кроме собственных сокровищ нередко хранились значительные денежные суммы и драгоценности государств и частных лиц, особенно в храмах значительных, часто посещаемых и находившихся в больших торговых и промышленных центрах.[28] Афиняне хранили свою казну в опистодоме Парфенона, спартанцы — большей частью в Дельфах.

Выше было уже замечено, что греческие храмы не предназначались, подобно нашим, для одновременного собрания в них значительной массы людей. Большие праздничные жертвоприношения, для которых стекались иногда огромные толпы богомольцев, совершались не внутри храмов, а перед ними, под открытым небом. Поэтому для прямых целей культа не было надобности в обширном пространстве — и мы действительно находим в Элладе очень маленькие храмы, как, например, храм Бескрылой Победы на афинском Акрополе перед Пропилеями. Только храмы, предназначавшиеся для тайных культов (мистерий), должны были иметь значительные размеры, для того чтобы во время праздничных собраний вмещать в себе всех посвященных. Так, в элевсинском храме Деметры и Кору предназначено для посвященных пространство, по словам Страбона, могло вместить в себе столько зрителей, сколько любой театр, и произведенные там в 1880-х годах раскопки подтвердили это. Однако и в числе храмов, не предназначенных для тайных культов, было немало таких, которые отличались весьма обширными размерами и недостижимой высотой художественной композиции.[29]

Чаще всего, конечно, каждый храм принадлежал одному только божееству; однако немало было и исключений из этого правила, т. е. таких храмов, которые были посвящены нескольким богам вместе. Эти общие храмы посвящались не только богам, которые почитались не поодиночке, а группами — как музы, эвмениды, Диоскуры, — но и другим, тесно связанным между собой, как, например, Деметре с Корой как матери с дочерью, Крону с Реей и Зевсу с Дионой или Герой как супругам, Аполлону и Артемиде как брату с сестрой (обыкновенно с ними вместе почиталась и мать их Лето); встречались также храмы, посвященные всем богам вместе, или такие, в главной целле которых имело статую и алтарь одно божеество, а в боковых — другие. Были и двойные храмы с двумя входами с противоположных сторон и двумя целлами. Почитаемые в одном храме божеества назывались *συνναοί*, *συνοικοί* или *παρεδροί*.

В некоторых храмах кроме целлы было еще особое «неприступное» место, адитон, или «святая святых», которое служило хранилищем древних, наиболее уважаемых изображений или символов богов и в которое входить имели право только жрецы, да и то не всегда, а лишь в определенные времена. Иногда сама целла была таким местом, как, например, в храме Геры в ахейском городе Эгий, где никто кроме жрицы не мог видеть статуи богини (Павсаний), или в храме Афродиты в Сикионе, где созерцать статую и поклоняться ей можно было только от входа, а приближаться к ней было запрещено (*ibid.*). Иногда адитон было под землей, например, в храме Посейдона на Истме, где, по преданию, был погребен Меликерт; такие подземные святилища носили специальное название *μεγαρα*. Иногда в адитонах совершались древнейшие грубые формы культов, например, на Ликейской горе в Аркадии. Встречаются случаи, что и самые храмы были крепко заперты и открывались только в определенные времена, да и то не для всех поклонников, а только для жрецов или лиц, имевших какое-нибудь отношение к культу, как, например, в Афинах древний храм Диониса в Лимнах, в Тегее — храм Афины и др. Причины недоступности святилищ, конечно, не всегда возможно

проследить, тем более что уже и в древности ходили об этом разные сказания. Бывали также различные (то случайные или местные, то лежавшие в сущности данного культа) причины, по которым в известные священные места или никогда, или только при некоторых священнодействиях не допускались те или другие лица, сословия или племена. Так, например, в храм Афины на афинском Акрополе не допускались дорийцы (Геродот), в святилище Левкофеи в беотийском городе Херонее — рабы и этолийцы (Плутарх), в храме Геры в Аргосе не могли совершать жертвоприношения иностранцы (Геродот); в лаконском городе Геронфры во время ежегодного праздника Ареса женщинам не дозволялось входить в священную рощу (Павсаний), и, наоборот, в лаконском же городе Брисеи в храм Диониса могли входить только женщины, совершавшие там таинственные обряды (ibid.). Также исключительно женщины участвовали в празднике Фесмофорий в Афинах и т. д.

Все священные места были неприкосновенны, так как все эллины считали тяжким грехом оскорбление божества посредством отнятия или нарушения целостности того, что составляло его собственность или было вверено его покровительству и защите. Этим объясняется и вышеупомянутый факт, что государства и частные лица отдавали на хранение в храмы свои деньги и драгоценности, будучи уверены, что там они будут в наибольшей безопасности. На том же основании все лица, прибегавшие к храму, алтарю или статуе божества с мольбой о помощи и защите, считались неприкосновенными по крайней мере настолько, что силой оторвать их оттуда считалось святотатством. Раб, бежавший от жестокости господина, побежденный враг, желавший спастись от оружия победителя, обвиняемый в преступлении или даже осужденный, старавшийся избежать грозящего ему наказания, — все они могли, если только удавалось, прибегнуть к храму или алтарю под защиту божества; но относительно способов и пределов распространения этой защиты существовали различные определения. Некоторые святилища преимущественно перед другими пользовались правом защиты в самых широких размерах, так что всякий прибегавший к ним был в безопасности от своих преследователей во всем священном пространстве и мог оставаться в нем сколько хотел или сколько ему позволяли жизненные средства. Так, например, спартанский царь Павсаний II после неудачной битвы при Галиарте бежал в святилище Афины Алеи в Тегее и провел в нем всю остальную жизнь (Плутарх). Отец его Плистоанакт подобным же образом прожил 19 лет в святилище Зевса Ликейского, пока спартанцы не отменили постановленного против него решения и не призвали снова на престол (Фукидид).

Пределы, в которых святилищу было гарантировано право защиты, иногда были очень широки: так, при храме Артемиды в Эфесе право защиты было распространено Антонием на целый окружающий квартал, который вследствие этого сделался даже опасен для города, так как в него стали стекаться всякие злодеи в надежде на безопасность, вследствие чего Август принужден был отменить дарованную Антонием льготу (Страбон). Остров Самофракия, по словам Тита Ливия, весь считался священным. Святилищ, пользовавшихся общепризнанным^[30] правом убежища и потому преимущественно перед другими называвшихся *asula*, много было в Элладе и в особенности в Малой Азии во времена римских императоров, так что в царствование Тиберия римским сенатом были даже принимаемы меры к уменьшению их числа (Тацит).

Святилища, не принадлежавшие к числу таких привилегированных убежищ, далеко не всегда были вполне надежной защитой для умоляющих. Нередко, в особенности во время усобиц и

борьбы партий, которые столь часто терзали греческие государства, почтение к святилищам забывалось и умоляющие о защите иногда были жестоко и святотатственно отрываемы от самых алтарей богов. Общеизвестны избиение килонцев, смерть Ферамена и другие примеры.

«Прежде чем перейдем к другому, представим себе еще раз изящный греческий храм. Через пышные пропилеи мы входим в священное место, отделенное периболом от остального света и людского движения. Посреди зеленых садов и благовонных рощ поражает нас божье жилище, окруженное изящными памятниками искусства и драгоценными приношениями набожных богомольцев. Огромные ступени возвышают его над землею, жилищем смертных; симметрически расставленные стройные колонны поднимаются к синему южному небу, подпирая своими нарядными капителями красивую крышу, искусные фронтоны которой красуются белыми резными работами, удачно представляющими целые сцены из отечественных сказаний. Вообразим себе, что стены, колонны, надстолпие и фронтоны, да и самая крыша, сделаны из белого мрамора, блеск которого в надлежащих местах ослаблен темными красками; вообразим себе фриз, украшенный выпуклою резьбою или блестящий позолоченными щитами; вообразим себе множество статуй, стоящих с обеих сторон у входа в притвор, красующийся дорогими изображениями, праздничными приношениями и драгоценной утварью, далее — богатство, представляющееся нашим глазам через открытые двери из внутреннего святилища, из коего глядит великий бог, любясь жертвою, приносимой ему извне на высоком жертвеннике жрецом от имени всего собравшегося народа в то время, как вокруг слышны священные песни вдохновенного поэта — и мы должны сознаться, что не могло быть другого момента, который в большей степени возвышал бы душу греков к набожности и наполнял бы ее справедливой гордостью» (Велишский).

По мере развития антропоморфизма в религии эллинов, у них, естественно, явилась уже весьма рано потребность представлять себе почитаемые божества в виде каких-либо материальных символов или изображений и к ним обращаться с мольбами, жертвами и дарами. Уже в гомеровских поэмах встречаются упоминания об изображениях божеств. В ту отдаленную эпоху, когда искусства еще совершенно не существовали или существовали только в слабых зачатках, когда еще не умели делать статуй и даже, может быть, еще не представляли себе богов в достаточно определенных образах, для удовлетворения указанной религиозной потребности обращались к различным предметам, которые ставили в ближайшее отношение с божествами и в которых видели какие-либо проявления их чудесной силы; подобные символы божеств были, впрочем, в большой чести и в более поздние времена, когда уже не было недостатка в художественных изображениях богов.

Причины, по которым тот или другой предмет признавался за символ божества, были, конечно, весьма разнообразны, и во многих случаях мы не имеем уже возможности проследить их. В качестве символов встречаются животные, растения, камни, разная утварь и пр. Из животных чаще всего упоминаются змеи, в которых, по верованию древних, воплощалось или само божество, или какое-либо служившее ему демоническое существо. Так, в храме Афины Паллады на афинском Акрополе жил священный змей, в котором видели олицетворение древнего туземного героя Эрихтония; он считался стражем храма и ежемесячно получал в пищу медовые лепешки. Когда перед битвой при Саламине нашли такую лепешку нетронутой, то сочли это за доказательство того, что сама богиня покинула

Акрополь (Геродот). При храме Деметры в Элевсине также жил змей, называемый Кихрейским по имени саламинского героя Кихрея, который, по древнему верованию, воплотился в нем (Страбон). В Олимпии почитался в змеином образе герой Сосиполид (Павсаний). Таких примеров можно было бы привести еще немало; но наиболее тесно связано было почитание змей с культом бога Асклепия, которому они служили или который сам являлся в их образе. На барельефах и статуях, изображающих Асклепия, змей является непременной принадлежностью. Вообще видно, что древние находили в природе змей нечто хтоническое, что заставляло считать их особенно пригодными для воплощения божественных существ, преимущественно таких, которые или имели пребывание в недрах земли (как герои), или олицетворяли собой земные силы, способствовавшие произрастанию плодов и целебных трав. Однако и другие виды животных считались способными воплощать в себе те или другие божественные существа; это видно не только из многих мифических рассказов, в которых боги в случае надобности принимали вид какого-либо животного, но и из существовавших еще в исторические времена изображений, которые представляли богов полностью или отчасти в образе животных. Так, например, Дионис изображался иногда с бычьими рогами или в виде быка, и верующие в молитвенном обращении к нему называли его именем этого животного. Известно далее, что некоторые четвероногие и птицы считались особенно любимыми тем или другим божеством и, как таковые, посвящались им: орел — Зевсу, павлин — Гере, голубь — Афродите, сова — Афине, лебедь — Аполлону, лев — Матери богов и т. д. Причины, по которым то или другое животное считалось особенно излюбленным известным божеством, конечно, не всегда возможно объяснить, но чаще всего они основывались на представлении ближайшего соотношения между качествами божественного существа и природными свойствами животного.

Подобно животным и различные виды растений посвящались божествам по тем или другим причинам: дуб был посвящен Зевсу, лавр — Аполлону, маслина — Афине, мирт — Афродите, тополь — Гераклу. Некоторые растения даже назывались именами существ, превращенных в них по мифическим сказаниям, например нарцисс, гиацинт, лавр (δαφνη). Известно, что по верованиям греков в деревьях жили особые божественные существа (дриады, гамадриды), вместе с ними рождавшиеся и умиравшие. Величественные, тенистые рощи и отдельные красивые деревья сильно действовали на эстетическое и религиозное чувство эллина, возбуждали в нем мысль о близости божества и потому считались наиболее пригодными местами для святилищ. Есть немало свидетельств, доказывающих, что деревьям воздавали поклонение как символам божеств и даже как самим божествам. Такие священные деревья украшали повязками, гирляндами, венками, различными обетными приношениями, совершали перед ними жертвоприношения и т. п.

Необделанные куски дерева в древнейшие времена нередко служили изображениями богов. Так, по словам Климента Александрийского, изображением Артемиды в Икаре служило бревно, Геры Киферонской в Феспиях — обрубленный пень, Геры Самосской — доска, Геры в Аргосе — столб, Диониса в Фивах — столб, обвитый плющом. В Спарте два столба с перекладиной изображали Диоскуров (Плутарх). Далее в качестве символов божеств почитались их атрибуты, например трезубец изображал Посейдона, керикейон — Гермеса, копье — Ареса и т. п.

Весьма обыкновенными символами богов в древнейшие времена были камни, притом

совершенно необделанные. О некоторых из них рассказывали, что они упали с неба, т. е. были аэролитами; весьма естественно, что древние считали их ниспосланными божественной силой и потому относились к ним с благоговейным почтением, которое от них было перенесено и на другие камни. Павсаний (II в. по Р. Х.) еще во многих храмах видел камни, частью необделанные, частью обделанные в виде куба, пирамиды или конуса и служившие предметом величайшего уважения.

В самые ранние времена, пока еще не привыкли представлять себе богов в определенном человеческом образе, такие символы были достаточны для удовлетворения религиозной потребности; но чем более развивался антропоморфический способ представления божеств, тем естественнее являлось желание придать таким символам по крайней мере намек на человеческий образ. Если для изображения божества брали такой материал, который с трудом подвергался обработке, как, например, камень, то ограничивались сначала воспроизведением только наиболее характерных частей человеческого тела — прежде всего головы, затем рук, в которые вкладывали какие-нибудь атрибуты. Такого рода изображения делались и впоследствии, когда давно уже умели делать полные статуи; они называются обыкновенно гермами, потому что чаще всего так изображался Гермес. Встречаются и двойные гермы, т. е. изображения головы Гермеса и какого-нибудь другого божества на одном столбе.

Аполлон из Вейий. Терракота (ок. 500 г. до н. э.).

Из дерева раньше, чем из камня, стали выделывать полные статуи, вследствие большей легкости его обработки; первоначально, конечно, и деревянные изображения были очень грубыми. Во многих местах о таких фигурах существовали легенды, по которым они были ниспосланы людям с неба; чаще всего такое сверхъестественное происхождение приписывалось палладиям, т. е. статуям Афины Паллады. Другие древние деревянные статуи приписывались мифическому художнику Дедалу (Павсаний). При выборе материала для деревянных изображений руководствовались символикой, т. е. для статуи каждого божества брали такое дерево, которое было ему посвящено, например масличное — для статуи Афины, миртовое — для Афродиты, виноградную лозу — для Диониса и Кибелы и т. п.

Вулкан. Бронза.

Впоследствии, с развитием скульптуры и обработки металлов, главным материалом для статуй сделался мрамор, а из металлов — преимущественно бронза. Мраморные статуи стали делаться с VIII в. до Р. Х., металлические появились не ранее 50-й Олимпиады; древнейшей из них считалась статуя Зевса в Спарте, не литая, а сколоченная гвоздями из разных кусков, отлитых отдельно (Павсаний). Древнейшие статуи представляли собою грубо изваянные, неподвижные фигуры с непропорциональными членами, с закрытыми глазами и опущенными вниз руками, плотно прижатыми к бедрам; но мало-помалу развиваясь и совершенствуясь, греческая пластика уже в V в. до Р. Х. достигла апогея своего развития. Гениальные создания Фидия — статуи Афины, Артемиды и Зевса Олимпийского — представляют такой способ ваяния, который был возможен только при высокоразвитой технике: это были деревянные остовы, обложенные золотом и слоновой костью. Делались, наконец, статуэтки и из глины, преимущественно для потребностей частного культа: их ставили на своих божницах бедняки, не имевшие средств приобретать более дорогие

мраморные статуи. Употреблять для поклонения живописные изображения божеств не было в обычае, хотя в виде украшений картины часто вывешивались в храмах (обыкновенно это были приношения по обету).

Общим названием для всех божественных изображений, находившихся в святилищах, служило слово *αγαλμα*; оно применялось одинаково как к грубым изваяниям древних времен, так и к изящнейшим произведениям вполне развитой пластики и обозначало статую как предмет, посредством которого люди почитали и ублажали богов. Те статуи, которые служили предметом культа (а не украшения) в храме, часто обозначались словом *εδοη*. Чтобы показать божествам свое уважение к их изображениям, особенно к древнейшим и священнейшим, эллины тщательно за ними ухаживали, мыли, одевали в богатые платья, снабжали всевозможными украшениями, иногда очень дорогими. Некоторые статуи имели целый гардероб, составлявшийся, главным образом, из приношений благочестивых людей, и особые лица жреческого персонала обязаны были специально заботиться об их туалете. При постановке на место статуи, долженствовавшей служить предметом культа, совершалось торжественное жертвоприношение, обряды которого, конечно, были различны, смотря по особенностям божества, которое изображала статуя, или его культа. Без сомнения, были при освящении статуи и какие-нибудь особенные церемонии, о которых, однако, не сохранилось прямых упоминаний. Самая постановка и освящение статуи делались, конечно, не иначе, как по получении благоприятного ответа от оракула, или вообще после удостоверения в том, что божество одобряет это предприятие. Представление божеств в виде статуй в исторические времена было настолько распространено, что они считались неслучайной принадлежностью всякого места культа и отсутствие их в таких местах всегда объяснялось какою-либо легендой. Исключения составляли святилища Гестии, в которых постоянно поддерживавшийся на алтаре огонь заменял собою статую.

Как смотрели древние греки на пластические изображения своих божеств и как их почитали? Люди разумные и свободомыслящие, конечно, видели в них только символы божеств или средства напоминания о них, но масса народа не только в древнейшие времена, но и в исторические смотрела на них иначе: она видела в них если не самые божества, то предметы, одаренные божественной силой, которая наполняла их и производила те или другие чудесные действия; где находилась статуя, там присутствовало и представляемое ею божество. У древних есть немало рассказов о чудотворной силе статуй. Павсаний, например, рассказывает о чудесах, произведенных статуями Геракла в Эрифрах, Аполлона в Гилах близ г. Магнесии и т. д., Плутарх — о страшной силе статуи Артемиды в ахейском городе Пеллена; в Спарте одна статуя Артемиды излечивала от подагры, другая — от кашля (Климент); ходили также рассказы о том, как при известных обстоятельствах копья, находившиеся в руках статуй, колебались, тела их обливались потом, менялось выражение лица и т. п. Этим верованием в присутствие божественной силы в статуях объясняется и то, что благосостояние государства связывалось с обладанием известными изображениями богов, и предания, что перед падением города его боги-покровители уходили из него. Поэтому, например, эфесцы при осаде их Крезом соединили стены своего города веревками с храмом Артемиды, чтобы таким образом верить их защите богини, присутствовавшей в храме (Геродот). Иногда даже статуи приковывались цепями, чтобы удержать божество постоянно на месте.

Наконец, необходимо еще заметить, что во многих местностях Эллады сохранялись различного рода реликвии: останки древних знаменитых героев, принадлежавшие им вещи, предметы, которым приписывалось сверхъестественное происхождение, и т. п. Народ верил легендам, ходившим про такие предметы, воздавал им поклонение и многим из них приписывал чудотворную силу. Одной из знаменитейших реликвий была плечевая кость Пелопа, еще во времена Павсания хранившаяся в Олимпии. В Мантинее хранились кости Аркада, сына Каллисто, в Мессении — останки героя Идаса, в Фивах — останки Гериона, в Тегее — волосы Медузы, на о. Скирос — останки Тесея, перенесенные впоследствии в Афины; в Антиссе показывали голову Орфея, в Флиунте — колесницу Пелопа, в Кизике — камень, служивший якорем аргонавтам, в Афинах — корабль Тесея, масличное дерево, произведенное Афиною во время спора с Посейдоном, и многое другое.

Мы видели выше, что освященные культом места строго отделялись от неосвященных; точно так же и всякого рода собственность богов различалась от собственности людей. Эллыны, представляя своих богов с человеческими качествами, склонностями и страстями, верили, что богам доставляет удовольствие все то, что доставляет его людям, в том числе всякого рода собственность. Как в героические времена царям давались в пользование земельные участки и избранные части военной и всякой другой добычи в виде почетных даров, так давались они и богам.[31] Недвижимая и движимая собственность была посвящаема богам прежде всего, конечно, для удовлетворения потребностей священнослужения: первая отдавалась в арендное содержание и вырученные деньги шли на покрытие издержек культа и содержания священнослужителей, вторая состояла из священной утвари, необходимой для священнодействий; но весьма часто были приносимы божествам и такие дары, которые употреблялись только для украшения храма или увеличивали его богатства.

Все предметы, посвящавшиеся богам для украшения их святилищ или для их удовольствия, назывались общим именем *αναθηματα*. Едва ли было какое-нибудь святилище у эллинов, которое бы не было более или менее богато снабжено такими дарами, и чем большим уважением пользовался какой-нибудь храм, тем значительнее было количество приносимых поклонниками даров; в наиболее известные и уважаемые святилища, например Зевса в Олимпии или Аполлона в Дельфах, они стекались со всех концов эллинского мира в таком количестве, что для их хранения не доставало места в храмах, и потому с этой целью строились особые сокровищницы в периболе храма. В дар богам приносились, разумеется, весьма разнообразные предметы, смотря по обстоятельствам, степени набожности дарителя, его зажиточности и пр. Скромные, но принесенные от чистого сердца даяния бедняков считались не менее приятными богам, чем драгоценные вклады, которыми украшали святилища цари и богачи. Даже обыкновенная утварь, рабочие орудия, носильное платье и т. п. посвящались богам: музыкант посвящал свою кифару, земледелец — плуг, воин — оружие. Лица, посвященные в мистерии, как можно долее носили те платья, в которых были посвящены, а потом приносили их в дар божеству; девицы при выходе замуж посвящали какой-нибудь богине свой девический пояс; больные, исцеленные с помощью божеств здоровья, жертвовали в их храмы изображения тех частей тела, которые были поражены болезнью, чаще всего из благородных металлов и с надписью имени посвятившего их лица. Весьма широко распространен был обычай посвящать свои волосы богам, преимущественно речным и нимфам, а также Аполлону. Девицы делали это перед свадьбою, юноши при первой

стрижке по наступлении возмужалости.

Из Афин богатые и тщеславные юноши нередко специально отправлялись в Дельфы для посвящения своих волос Аполлону. Но чаще всего, конечно, были жертвуемы в храмы такие предметы, которые могли служить или для целей культа, или для одоения и украшения статуй, как то: всякого рода чаши, бокалы, лампы, столы, треножники, ожерелья, браслеты, платья, пояса и многое тому подобное, затем художественные произведения (статуи, картины, рельефы) для украшения храма или окружавшего его перибола. Вообще в храмах собиралось все замечательное, что производила художественная деятельность народа или что считалось достойным сохранения из патриотических интересов.

Самые значительные и ценные дары были приносимы в храмы, конечно, государствами и властителями, иногда даже негреческими. Известен рассказ Геродота о массе драгоценностей, пожертвованных в Дельфийский храм лидийским царем Крезом. Весьма употребительным видом жертвований как со стороны государств, так и частных лиц была десятина со всякого рода прибыли или добычи. После всякой победы жертвовали богам десятую или какую-нибудь другую часть военной добычи. Колоссальная бронзовая статуя Афины Защитницы на афинском Акрополе была сооружена из десятины добычи, полученной при Марафоне (Павсаний). После Саламинской победы из части добычи была воздвигнута в Дельфах статуя Аполлона в 12 локтей вышиной с корабельным носом в руках, кроме того, были пожертвованы богам три финикийские галеры: одна — Посейдону на Истме, другая — в храм Афины на мысе Сунии, третья — Эанту на Саламине (Геродот). После победы при Платеях из десятины добычи были сооружены и пожертвованы: в Дельфийский храм золотой треножник, стоявший на бронзовом пьедестале, имеющем вид трех свившихся между собой змей, в храм Олимпийский — медная статуя Зевса в 10 локтей вышиной, а в храм Посейдона на Истме — медная статуя бога в 7 локтей.[32] В Афинах богине-покровительнице города посвящалась десятина штрафов, взыскивающихся с преступников, и 1/60 дани союзников в Делосско-аттическом союзе, начиная со времени перенесения союзной казны в Афины. Элевсинским богиням (Деметре и Коре) по совету Дельфийского оракула афиняне и их союзники обязательно, а другие эллинские города по желанию, жертвовали с 440-х гг. до Р. Х. начатки ежегодной жатвы в количестве не менее 1/600 части всего собранного ячменя и 1/1200 пшеницы. На деньги, вырученные от продажи полученного зерна, совершались торжественные жертвоприношения Деметре с Корой, Афине и некоторым другим богам и героям, а на остальные деньги сооружались различные *αναθηματα*, посвящавшиеся в храм.

Обычай требовал посвящать божествам и почетные награды (венки и пр.), получавшиеся победителями на праздничных состязаниях. В Афинах целая улица близ храма Диониса была обстроена небольшими зданиями, наверху которых стояли треножники, полученные в награду хорегами-победителями, и носила название Τρίποδοι.

Особый вид священных даров составляли животные, жертвовавшиеся в собственность божеству. Конечно, часто случалось, что владельцы стад заранее обрекали то или другое животное на жертву божеству, после чего такие животные считались священными и, по общему поверью, имели особенно цветущее здоровье, но кроме того при святилищах божества и на принадлежащих им землях паслись иногда целые стада различных животных, считавшихся собственностью божеств и не имевших никакого особого назначения кроме

того, что некоторые из них были приносимы в жертву божеству во время праздников. Так, например, в г. Аполлония на иллирийском берегу было посвящено богу Гелиосу стадо овец, днем пасшееся на определенном месте, а по ночам охранявшееся особым стражем, избиравшимся на год из среды богатейших и благороднейших граждан (Геродот). В Аргосе были посвящены Гере лошади, происходившие, по преданию, от кобылиц Диомеда, похищенных Гераклом и посвященных богине Эврисфеем (Диодор). При храмах Артемиды содержалась разная дичь (Павсаний). Кроме четвероногих животных были при храмах и священные птицы. Так, при храме Геры на о. Самос содержались павлины, а в святилище Артемиды на о. Лерос — цесарки, которых производили от сестер героя Мелеагра, по преданию, превращенных богиней в этих птиц (Атений); упоминаются также священные куры, гуси, голуби и пр. Птицы, гнездившиеся при храмах, вообще считались под защитой божества, и убивать их было грешно. Упоминаются в разных местах священные змеи, а также черепахи (Павсаний). В некоторых местностях считались священными и рыбы, например, в ручье Аретуса у Сиракуз и в одном ручье близ святилища Гермеса в ахейском городе Фары (Диодор). Эти птицы, рыбы и гады считались священными не только потому, что были кем-либо пожертвованы божеству, а еще и потому, что по каким-либо причинам признавались особенно ему приятными.

Наконец, к священной собственности принадлежали и люди, отношения которых к храмам были, впрочем, весьма разнообразны, хотя все посвященные божествам лица носили одно общее название *ἱεροδουλοῖ*. Во-первых, само собою разумеется, что храмы, как и государства и частные лица, могли иметь собственных рабов для исполнения разных служебных обязанностей при храме или при священнодействиях; нередко иеродулы занимались обработкою принадлежавших божествам земель и платили в храмы определенную аренду или отдавали известную часть продуктов натурой. Но нередко также посвящение раба в храм было только фиктивным и представляло собою одну из форм отпущения его на волю; при этом патроном вольноотпущенного становился бог, а не прежний его господин, но сам вольноотпущенный иногда не подчинялся никаким обязательствам по отношению к храму, только должен был, по-видимому, вносить в храм небольшую сумму денег. Такой способ отпущения рабов особенно был распространен в III и II вв.

до Р. Х. в городах западной части Беотии (Херонее, Орхомене и др.), но встречается также в Фокиде и других местностях. В Дельфах практиковался несколько иной способ отпущения рабов при посредстве божества, именно фиктивная продажа их Аполлону, причем раб сам вносил выкупные деньги в храм и уже оттуда получал их его господин. Встречается также при различных храмах и добровольная иеродулия свободных людей, которую можно объяснить влиянием восточных обычаев; так, при храме Афродиты на горе Эрике в Сицилии было много посвященных богине мужчин и женщин, которых Цицерон называет *Venerii*. В ранние времена встречались также примеры посвящения богам, особенно Аполлону Дельфийскому, десятой части или вообще значительного количества побежденных неприятелей, даже целых городов и народов. Божество, не нуждаясь в таких массах людей для служения при своем храме, обыкновенно повелевало им отправляться в качестве колонистов в какую-нибудь другую страну; основанные такими посвященными колонии, вероятно, платили храму известную дань или иным способом выражали свою зависимость от него, хотя прямых сведений об этом мы не имеем. Такими посвященными Аполлону

колонистами писатели называют, например, дриопов в Асине, боттизев во Фракии, магнетов при р. Меандр, регийцев в Италии и др. В более поздние времена этот обычай вышел из употребления.

Особым видом молитв были заклятия и клятвы; хотя они сами по себе не имели отношения к богопочитанию, однако не только основывались на общем веровании в могущество богов, но и были нередко соединяемы с религиозными обрядами. Сущность заклятия состоит в призывании мщения богов на голову обидчика: если кто, получив тяжкую несправедливость или обиду или опасаясь получить ее, сам не был в состоянии отомстить за нее достойным образом, то он обращался к божеству с мольбою принять на себя дело отмщения. По верованию греков, каждое божество могло карать человека за преступления и обиды, нанесенные ближнему, но преимущественно такая кара считалась делом Эриний (эвменид), которые поэтому и сами назывались иногда *Αραι*.

Формулы заклятий были очень разнообразны; самую простой и легкой формой было пожелание, чтобы в случае обиды или нарушения данного устава виновник потерпел зло вместо добра; но иногда заклятия были очень обширны и призывали всевозможные беды на голову обидчика; ср., например, цитату из «Илиады»:

Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!

Первых, которые смеют священную клятву нарушить,

Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,

Их вероломных и чад, — и пришельцы их жен да обымут!

Вообще можно сказать, что количество и сила заклятий увеличивались соответственно степени опасения лица, произносившего заклятие. Чаще всего заклятия встречались, конечно, в частной жизни, но нередко также высказывались и от лица государства, в особенности против нарушителей законов и договоров; эти акты ставились посредством заклятий под особое покровительство богов и таким образом получали более прочную и надежную санкцию. В Афинах, например, издревле существовали заклятия против нарушителей общих нравственных обязанностей вроде указания дороги заблудившемуся, погребения умершего и т. п. По постановлению Солона архонт-эпоним под опасением штрафа в 100 драхм обязан был (вероятно, при вступлении в должность) произносить проклятие против нарушителей запрещения вывозить из Аттики местные продукты, кроме оливкового масла (Плутарх). Молитва, которою открывались народные собрания, заключала в себе, между прочим, заклятие против изменников и врагов отечества. В Спарте существовало заклятие против землевладельцев, вымогавших с илотов большее количество продуктов, нежели какое следовало по закону, а также против таких лиц, которые стали бы препятствовать царям вести войско, куда им было угодно. В Теосе найдена надпись V в. до Р. Х., заключающая в себе заклятия против составителей ядов во вред теосцам, против лиц, препятствующих ввозу хлеба, не повинующихся высшим начальникам — эсимнетам, против укрывателей разбойников, нарушителей праздничных уставов и т. п. Вообще такие заклятия от лица государства встречаются довольно часто.

Случалось также, что от имени государства были произносимы торжественные проклятия

против отдельных лиц в случае, если государство не имело возможности наказать их за содеянное ими преступление. Знаменитый пример такого рода представляет проклятие Алкивиада, спасшегося бегством от суда по обвинению в нарушении мистерий и изуродовании гермов. Обряд проклятия описывает Лисий в речи «Против Андокида»: жрицы и жрецы, став лицом к западу, произнесли слова проклятия и сотрясли красные плащи по древнему обычаю (обращение к западу обозначало обращение к подземным богам, местопребывание которых представлялось на крайнем западе).

На священных местах, в особенности на кладбищах или на отдельных могилах, для защиты их от осквернения часто ставились столбы с надписями, заключавшими в себе заклятия против осквернителей. В завещаниях также прибавлялись иногда заклятия против их нарушителей. Наконец, случалось, что писали наговоры против врагов на свинцовых пластинках, которые или зарывали тайно в жилищах врагов, или клали с ними в гроб для того, чтобы призвать против них месть подземных богов.

Раз наложенное заклятие могло быть снято молитвами и некоторыми обрядами; это обозначалось выражениями: *αναρσθαί* (молитвой уничтожать заклятие), *αλευχεσθαί* (отмаливаться), *αφοσιουσθαί*. Иногда же заклятия, особенно наложенные от лица государства, отменялись просто публичным заявлением, без всяких священных обрядов.

Сущность клятвы состоит в том, что лицо, дающее какое-либо обещание или что-либо утверждающее, приглашает богов в свидетели своих слов, призывая на себя их гнев и наказание в том случае, если его слова окажутся несправедливыми или данное обещание не будет исполнено; связующая сила клятвы состоит именно в страхе божеского наказания за ее нарушение. Часто в клятве точно обозначалось, в чем именно должно было состоять это наказание, — клялись, например, собственной жизнью или жизнью детей и близких людей, частями своего тела или каким-либо особенно любимым и дорогим предметом. Слово *оркоη* обозначает как самую клятву, так и предмет, которым клялись; в этом последнем смысле, например, река Стикс, которою клялись боги, называется их *оркоη*. Очевидно, что и божества, которые были призываемы в свидетели клятвы, могли называться этим именем, а отсюда уже легко объясняется и то, что в воображении поэтов связующая сила клятвы олицетворялась в виде особого демонического существа; у Гесиода Оркос называется сыном Эриды, без сомнения потому, что клятвы особенно часто встречались при спорах. В свидетели клятвы чаще всего призывался Зевс как высший из богов, управляющий всем миром и всеми человеческими отношениями; как покровитель клятвы и каратель клятвопреступления он почитался под именем *Ζευη ορκουη*. Но, конечно, кроме Зевса клялись и другими богами (особенно часто тремя); каких богов следовало призывать в свидетели клятвы в каждом отдельном случае, это зависело от обстоятельств, при которых давалась клятва. Иногда клялись всеми богами вместе, не называя их по именам, иногда называли несколько имен и затем поминали всех других богов и богинь вместе. Клятвы с упоминанием многих богов встречаются нередко, так как древние думали, что чем большее количество богов призвано в свидетели клятвы, тем она сильнее (например, в установленной законом присяге афинских эфэбов поименовывались семь богов). В разных местностях были, конечно, и разные боги или герои, которых призывали в свидетели клятвы преимущественно перед другими (например, в Пеллене Артемиды Спасительница, в Элиде — местный герой Сосиполид и т. п.). Некоторые формулы клятвы употреблялись преимущественно или

исключительно мужчинами, другие — женщинами; так, например, клятва двумя богинями, т. е. Деметрой и Корой, в Афинах была исключительно женской.

В обыденной жизни греки очень часто употребляли в разговорах клятвенные выражения, которым, конечно, в таких случаях придавали весьма мало значения, произнося их просто по привычке или из желания сильнее подействовать на слушателя. Для такой цели могло служить не только призывание богов, но и поименование различных других предметов, даже неодушевленных; совестливые люди, чтобы не употреблять всуе имен богов, иногда выбирали для простого уверения самые незначительные предметы: такие выражения, как «клянусь собакою, гусем, бараном» и т. п., употреблявшиеся Сократом, Зеноном и другими, имеют только внешнюю форму клятвы, но не выражают ее сущности и потому не могут быть причислены к клятвам в собственном смысле.

Такие клятвы, которые действительно должны были иметь обязательную силу, обыкновенно ставились под формальную защиту богов и потому совершались в храмах или при алтарях, причем клянущийся принимал молитвенное положение, т. е. становился с непокрытой головой, поднимал глаза и руки к небу и т. п. В некоторых городах для произношения торжественных клятв избирались определенные храмы, потому что данная в них клятва считалась более прочной; например, в Коринфе существовало поверье, что давший ложную клятву в подземном святилище при гробе Палемона никоим образом не мог избежать наказания (Павсаний). Нередко торжественные клятвы сопровождались возлияниями и кровавыми жертвами, которые в таком случае носили название оркиа. Происхождение этого обычая объясняется верованием, что боги невидимо присутствовали при совершавшихся в честь их жертвоприношениях, которые поэтому являлись наиболее действительным средством привлечь внимание богов к совершаемой клятве; при государственных договорах, заключении перемирия, мира или союза клятвы сопровождались обыкновенно только возлияниями.

При торжественных судебных клятвах приносили в жертву быка, борова и барана, и клянущийся произносил формулу клятвы, стоя на частях убитых животных или касаясь их рукой. Клятвенные жертвоприношения имели у греков, как и у римлян, символическое значение: клянущийся предоставлял божеству, в случае нарушения им клятвы, убить его так же, как было убито животное, так что наказание, которое могло постигнуть клятвопреступника, в виде прообраза представлялось в жертве; поэтому при таких жертвоприношениях части жертвенного животного не сжигались на алтаре и не употреблялись в пищу людьми, а зарывались в землю или бросались в море. Вследствие этого для клятвенных жертвоприношений употреблялись не одни только съедобные животные: так, например, при договоре между персами и греческими наемниками Кира Младшего, отступавшими после битвы при Кунаксе, кроме быка, борова и барана был убит волк. При этом же договоре клянущиеся обмакивали свое оружие в кровь убитых животных (Ксенофонт) — обычай, вероятно, не греческий. Впрочем, различные символические действия упоминаются и при греческих клятвах; так, например, жители города Фокея, решившись выселиться из него, чтобы не подчиняться власти персов, бросили в море кусок железа и поклялись возвратиться на родину не раньше, чем этот кусок всплывет на поверхность воды (Геродот). При заключении Аристидом союза с ионийцами также были погружены в море куски металла (Аристотель).

Встречаются, наконец, упоминания о таких соединенных с клятвой действиях, которые подходят под понятие «суда божия», так как только под очевидной защитой божества можно было совершить их без вреда для здоровья или опасности для жизни, и поэтому благополучный для испытуемого исход служил веским доказательством справедливости его клятвы. Такой пример встречается в «Антигоне» Софокла: один из стражей, приставленных к трупу Полиника, докладывая Креонту о совершенном кем-то, вопреки повелению Креонта, обряде погребения трупа и желая уверить его, что стражи в этом не виноваты, говорит: «... мы готовы были взять в руки раскаленный металл или идти сквозь огонь и при этом клясться, что не были ни виновниками, ни сообщниками преступления». Есть у авторов и другие примеры подобного рода.

Клятва имела чрезвычайно широкое применение в государственной и частной жизни греков. По словам Ксенофонта, во всех государствах граждане должны были давать клятву повиноваться законам. В Спарте цари не только при вступлении на престол давали присягу, но и во все время царствования ежемесячно клялись править по законам перед эфорами, которые в свою очередь клялись им не уменьшать значения и достоинства царской власти. В Афинах присягали должностные лица, члены совета, судьи, эфебы через два года по достижении возмужалости; особенно многочисленны были судебные клятвы, отчасти предписывавшиеся, отчасти дозволявшиеся судебным кодексом. Без сомнения, и в других государствах было в этом отношении много сходства с Афинами.

Если мы поставим, в заключение, вопрос, с какой совестливостью произносились и как строго соблюдались греками их различные клятвы, то ответ не будет особенно для них благоприятен. Хотя обратившееся у римлян в пословицу выражение «Graeca fides» относится уже к испорченным и выродившимся грекам, с которыми римлянам приходилось иметь дело, и хотя упрек Цицерона, что греки никогда не знали верности, не может служить для нас общим мериллом, но тем не менее у самих греков лучших времен нет недостатка в жалобах на легкомыслие, с которым давались и нарушались клятвы. Платон совершенно устраняет из своего образцового государства судебную клятву как не могущую служить гарантией в верности показаний, «потому что ныне, — говорит он, — одни из людей вовсе не признают богов, другие полагают, что богам нет до нас никакого дела, а большинство держится того мнения, что небольшими дарами и жертвоприношениями легко можно отвратить гнев богов и как бы откупиться от заслуженного наказания». Между тем афиняне как в других отношениях принадлежали к числу благороднейших представителей эллинского племени, так и за честность свою заслуживали справедливое уважение других греков, так что афинская честность, афинское свидетельство вошли в пословицу; стало быть, если афинянин лучшего времени, каким был Платон, счел возможным отозваться о клятве так дурно, то что же можно думать об остальных греках, особенно в позднейшие времена? Заметим еще, что нигде не встречается указаний на судебное преследование за клятвopреступление; наказание за это преступление, как видно уже из Гомеровских поэм, всецело предоставлялось богам, страх перед которыми, как видно, действовал на древнего грека не особенно сильно.

По исконному верованию греков все нечистое, запятнанное, было неприятно божеству; поэтому чистота была непременным условием для всякого, кто хотел молитвой или иным каким-либо способом показать свое благоговение к божеству; прежде всего, конечно, при этом разумелась чистота физическая, почему омовение и надевание чистой одежды издревле

предшествовало всяким богослужебным действиям. Гомеровские греки еще не знали другого очищения, кроме физического; все встречающиеся в поэмах случаи очищения могут быть объяснены естественным сознанием, что все нечистое неприятно божествам, и не имеют еще символического значения. Но само собою разумеется, что по мере развития нравственных понятий людей и облагораживания их представления о богах должно было развиваться и крепнуть сознание, что одной физической чистоты недостаточно, что богам не могло быть приятно, если к ним обращался человек с чистым телом, но с нечистой, запятнанной грехом совестью; таким образом, внешнее очищение сделалось вместе с тем символом внутреннего и в этом смысле понималось, по крайней мере, людьми разумными, тогда как неразвитая и суеверная толпа и в исторические времена придавала важное значение самому акту физического очищения, не обращая внимания на его символическое значение.

Всякое преступление или безнравственное деяние, по верованию греков, делало виновника его нечистым и навлекало на него гнев божества; отсюда являлась необходимость, во-первых, в очищении, во-вторых, в отвращении гнева божества или его умилоствивлении; то и другое достигалось различного рода обрядами и церемониями; собственно говоря, обряды очистительные и умилоствивительные различались между собою, но так как они обыкновенно совершались вместе и имели одну общую цель — примирение человека с божеством, — то сами древние нередко смешивали их между собою или принимали за одно целое.

Б. Ривьер. Солнечный Аполлон. Холст (ок. 1870 г.).

Как мы уже заметили, физическое очищение упоминается уже в гомеровских поэмах; но очищение лиц, запятнанных преступлением, в исторические времена считавшееся необходимым, по-видимому, еще не было известно гомеровским грекам. Постепенному развитию верования о необходимости такого очищения, по всей вероятности, способствовало особенно влияние Дельфийского оракула. По мифическому преданию Дельфийский бог сам подал смертным пример в этом отношении, по приказанию Зевса очистившись в Темпейской долине (или, по другой версии предания, в Эгиалее или на Крите) от убийства Пифона. И действительно, этот миф, в котором представляется благодетельное влияние солнца, очищающее воздух от заразных испарений сырой земли и делающее его чистым и здоровым, как нельзя удачнее объясняет идею очищения. Аполлон вообще был богом очищения преимущественно перед другими. В Афинах очистительные обряды совершались по дельфийским уставам, как это можно заключить из того, что Платон предписывает для своего образцового государства совершать эти обряды по заимствованным из Дельф правилам. Если иногда первая идея об очистительных обрядах приписывается древними известному критскому прорицателю Эпимениду, современнику Солона, то это можно объяснить тем, что он был реформатором этих обрядов, ввел в них больший порядок и правильность.

Как в частной, так и в общественной жизни встречалось, конечно, много различных случаев осквернения, требовавших применения очистительных и умилоствивительных обрядов. Суеверные люди очищали себя и свои жилища при всяком случае, который мог навлечь на них немилость богов. Так, например, оскверняющим считалось прикосновение или даже приближение к трупам, вследствие чего принимались различные меры предосторожности против такого осквернения и очистительные обряды для осквернившихся по необходимости. Когда в доме кто-нибудь умирал, то перед дверьми ставился сосуд с освященной водой,

непрерывно взятой из другого дома; все выходящие от покойника окроплялись ею в знак очищения, а после погребения все домашние очищались по крайней мере омовением, хотя люди суеверные употребляли и разные другие средства для очищения себя и дома. Умершие не могли быть погребены в священных местах, и даже люди, близкие к смерти, удалялись из них заблаговременно, как это было установлено, например, в эпидаврском святилище Асклепия или на посвященном Аполлону о. Делос, который поэтому в тех случаях, когда это установление нарушалось, признавался нечистым и подвергался очищению, причем все гробы выносились из священного округа или даже с острова. Известны два случая такого очищения Делоса — один при Писистрате, другой во время Пелопоннесской войны. Поэтому-то погребение внутри города считалось величайшею почестью (ее удостаивались, например, основатели колоний). Роды также считались оскверняющими; поэтому при наступлении срока женщины должны были удаляться из священных мест и не являться в них до окончания 40 дней после родов, по истечении которых они очищались и затем дома или в храме приносили жертву Артемиде как богине рождения. Новорожденное дитя, бабка и другие помощницы при родах также нуждались в очищении, которое совершалось в один из ближайших дней после родов. Свадьбе или посвящению в мистерии также предшествовали очищения. Болезни, особенно душевные, по верованию греков, посылались богами за прегрешения или считались следствиями колдовства (порчи), почему таких больных также считали нужным подвергать очищению. При эпидемических болезнях совершались общие очищения всего города или страны и умиловительные молебствия. Даже после зловещих снов люди суеверные мылись в чистой воде, чтобы смыть с себя такой сон, как говорит Аристофан, и приносили жертвы θεοῖν αλοτροπαιοῖν, преимущественно Аполлону. Вообще было много разных случаев осквернения, при которых взгляды на необходимость очищения и его размеры были различны у разных людей, смотря по степени их нравственного развития и силе религиозных верований.

Средства и обряды очищения были так же различны, как и роды осквернения. Самым обыкновенным средством была чистая вода, ключевая или морская; последняя считалась наиболее чистой, так что иногда даже в ключевой воде растворяли соль, чтобы придать воде сходство с морской; ее освящали погружением головни с жертвенника и затем или погружались в нее, или окроплялись. Сосуды с такой водой ставились при входе в священные места, на городские площади и т. п., и всякий входящий туда очищался окроплением или омовением рук, иногда и ног. Далее важным очистительным средством считалось окуривание серой, ладаном и разными породами деревьев и трав, преимущественно посвященных разным божествам, или пахучих; чаще всего употреблялись для этого ветви лаврового дерева, затем мирт, олива, смоковница, дуб, розмарин, голубиная трава, морской лук и пр. Сера еще у Гомера называется «очистительной»; мнение об ее очистительной силе основывалось, вероятно, на издаваемом ею при горении запахе, сходном с тем, который распространяется после удара молнии; сера и молния назывались даже одним именем θεῖον.

Орест и Электра. Мрамор (ок. 100 г.).

В более важных случаях совершались очистительные жертвоприношения, для которых преимущественно употреблялись молочные поросята; их кровью окропляли очищаемых лиц или предметы. В таких случаях, когда жертвоприношения совершались с целью защиты от волшебства Гекаты, для них употреблялись собаки, причем очищаемого трижды натирали

кусками жертвенного мяса и затем бросали их в сторону, при этом, конечно, произносили соответственные случаю молитвенные воззвания. В Беотии при всенародных очищениях куски мяса принесенных в жертву собак клали на землю и люди должны были проходить между ними. Подобный же обычай существовал в Македонии при очищении войска. Для жертвоприношений умиловительных, имевших целью смягчение гнева богов, навлеченного преступлением или грехом, употреблялись преимущественно бараны. Шкура барана, принесенного Зевсу Милостивому в качестве умиловительной жертвы, сохранялась и потом употреблялась при очищениях: ее клали на землю и очищаемый становился на нее левой ногой, в то время как над ним совершали акт очищения; при всенародных очистительных и умиловительных празднествах эту шкуру также обносили вокруг места, где совершалось празднество, как бы для того, чтобы собрать на нее все нечистое. Все очистительные средства, на которые по верованию греков переходила нечистота с очищаемого лица или предмета, назывались *καθάρσια* или *καθάρματα*; по окончании очищения они выбрасывались в море или реку, или зарывались в землю, или выносились на перекрестки или в глухие места, не посещаемые людьми, причем выносившие их при выбрасывании отворачивали лицо и затем возвращались домой, не оглядываясь. Мясо животных, убитых для очистительной или умиловительной жертвы, также не употреблялось в пищу людьми, а зарывалось в землю или выбрасывалось. К сожжению очистительных средств не прибегали, чтобы не осквернить огня. Следует отметить еще, что очистительные обряды обыкновенно совершались не жрецами.

Выше уже было сказано, что всякое преступление и грех оскверняли виновного в нем человека; но некоторые преступления преимущественно перед другими считались возбуждающими гнев богов, так как являлись, так сказать, личной для них обидой и потому требовали специального очищения. Таковы были: святотатство, кража священных предметов, убиение лица, состоявшего на службе при храме, и вообще всякое убийство.

Самое наглядное представление о способе очищения лиц, запятнанных кровавым преступлением, дает нам Аполлоний Родосский, описывая совершенное Киркой очищение Ясона и Медеи от убийства брата последней Апсирта, причем поэт прямо прибавляет, что очищение совершено было обычным способом. Прежде всего Кирка, убив молочного поросенка, кровью его окропила руки убийц, затем совершила омовения, не описанные подробно; по всей вероятности, для них была употреблена вода, освященная погружением в нее головни с алтаря; при этом Кирка призывала Зевса как бога очищений; все предметы, служившие для очищения, были унесены из дома прислужницами. Затем Кирка сожгла жертвенные печенья и умиловительные снадобья, сопровождая их возлияниями без вина и призывая Зевса смягчить гнев страшных Эриний и быть кротким и милостивым к виновным. Все это она совершает, не узнав предварительно, какое именно убийство совершили преступники. Совершенно так же, по рассказу Геродота, Крез сперва очистил Адраста, а потом уже спросил, кто он и кого убил. Следовательно, для получения очищения убийце нужно было только попросить о нем, не объясняя рода преступления. Затем мы видим, что акт очищения состоял из двух частей: а) собственно очищения, состоявшего в том, что руки убийцы обливались кровью животного и затем обтирались, что служило символом его освобождения от кровавого греха; б) умиловления божества жертвами и молитвами. Соответственно этому в самом божестве различались две стороны,

обозначавшиеся особыми эпитетами: как очиститель бог назывался καθαρσιον, а как тот, которого можно и нужно было умиловать к прощению греха, — μειλχιον.

Дж. Дрейпер. Золотое руно. Холст (ок. 1880 г.). Медея убивает собственного брата Апсирта.

Если перед совершением акта очищения не было надобности очищающему знать подробности преступления, то, значит, способ очищения был один и тот же при всяком убийстве; единственным условием действительности очищения было то, чтобы оно совершилось на чужбине, не в той стране, где совершено было убийство. Однако в исторические времена мы встречаем различный способ действий по отношению к преступникам, смотря по роду совершенного ими убийства: греки различали, как известно, убийство недозволенное и дозволенное законами, предумышленное и нечаянное. Правда, более точные сведения об этом имеются только из Афин, но нет основания сомневаться, что подобные же установления существовали и в других государствах. Кто совершал дозволенное законами убийство, тот не подвергался наказанию и не нуждался даже в религиозном очищении, хотя люди благочестивые, быть может, и считали нужным им подвергаться. Тот, кто совершал нечаянное убийство, нуждался только в очищении. Признанный виновным в предумышленном и недозволенном убийстве подвергался смертной казни, от которой, впрочем, по афинскому законодательству мог спастись добровольным удалением в вечное изгнание до окончания суда; если же деяние признавалось на суде непредумышленным, то преступник должен был по определенной дороге удалиться в изгнание по крайней мере на год, по окончании которого, при возвращении, обязан был примириться с родственниками убитого и подвергнуться религиозному очищению; наконец, тот, кто признан был на суде невиновным, должен был только принести жертву эвменидам (Павсаний). Если у убитого не было родственников, которые были бы обязаны отомстить за него, то обязанность мести переходила к фраторам убитого; эфеты выбирали из их среды 10 наиболее уважаемых лиц, с которыми, как представителями фратрии, убийца должен был примириться; вероятно, они обязаны были присутствовать и при очищении убийцы.

Кроме уголовных преступлений было немало и других прегрешений, требовавших очищения и умилования богов кровавыми жертвами. Были всенародные очищения и умиловательные праздники, которые либо повторялись через определенные промежутки времени (например, ежегодно), либо устраивались экстраординарно по особым поводам. Причиной установления первых было сознание, что в человеческой жизни есть много явлений, возбуждающих гнев богов, тем более что некоторые из них представлялись вообще более склонными карать людей, чем миловать и благодетельствовать им. Самым известным примером экстраординарных очищений и умилований является то, которое было произведено в Афинах после святотатственного избиения килонцев. Вследствие этого злодеяния все государство казалось запятанным грехом и подпавшим гневу богов, который узнавали в разных страшных знамениях и в поразивших страну бедствиях. Так как обычные очистительные средства не помогали, то по предложению Солона был приглашен из Крита прорицатель Эпименид, славившийся своим знанием самых действительных средств к отвращению гнева богов.

По рассказу Диогена Лаэртского, он выпустил с Ареева холма, где было святилище эвменид, белых и черных овец, которые свободно разбрелись по всем направлениям; там, где какая-

либо из них ложилась, по приказанию Эпименида воздвигали алтарь и приносили жертвы разным божествам, где какому следовало. Посвященные безымянным божествам жертвенники, стоявшие по разным демам Аттики, и впоследствии напоминали об этом очищении. Кроме того, Эпименид потребовал, говорят, человеческой жертвы для окончательного отвращения гнева богов, и один аттический юноша добровольно пожертвовал своею жизнью для этой цели (Атеней), а по другим преданиям были убиты два молодых человека (Диоген).

При собраниях народа, особенно совершавшихся с религиозной целью, в праздничные дни, естественно было заботиться, чтобы все нечистое, что могло быть неприятно божеству, по крайней мере символически удалялось из среды народа; поэтому при начале всех праздничных собраний, также в театре перед началом представлений и на народном собрании перед открытием прений производилось очищение. В Афинах его совершал особый жрец *περιστάρχοϋ*, который приносил в жертву маленьких поросят и кровью их окроплял собрание; затем глашатай заступал его место и продолжал очищение посредством окуривания. В Элиде элланодики и 16 женщин, избравшихся для приготовления одежды для статуи Геры и совершения других священнодействий, при вступлении в эту должность очищались омовением в источнике Пиеры и жертвоприношением поросенка (Павсаний).

Греки, обращаясь к своим богам, повиновались скорее чувству страха, чем благоговения и благодарности. Они видели в богах могущественных существ, от которых должны были снискать покровительство и благорасположение, и их культ имел единственной целью приобретение этого расположения и отвращение гнева богов. Приписывая богам человеческие качества и страсти, они относились к ним так же, как к могущественным людям, и для приобретения их дружбы и покровительства или отвращения гнева прибегали к таким же средствам, какие могли действовать на людей; между ними важное значение имели разного рода дары. Различаются два вида даров: а) вклады, которые оставались в святилище божества в качестве его собственности и служили или для украшения храма или статуи, или для надобностей культа; б) жертвы, которые предназначались для временного наслаждения божества.

Антропоморфизм, господствовавший издревле в греческой религии, заставлял людей верить, что богам доставляет наслаждение все то, чем наслаждаются люди и что ласкает их чувства. На этом основывается идея не только отдавать в пользование божества животных, составлявших в древнейшие времена главное богатство людей, но и убивать их и готовить их мясо для пиршества богов, а также совершать возлияния напитков для утоления их жажды и курить благовония, производившие приятное опьяняющее действие. Первоначально у греков, несомненно, существовало представление, что жертвы доставляют богам чисто материальное наслаждение. С гомеровских времен до позднейших в греческой литературе встречается немало свидетельств, доказывающих такое верование, хотя относительно того, каким собственно образом доставляется богам это наслаждение, существовали разные представления; наиболее развито было в массе верование, что боги питаются парами сжигаемого мяса и испарениями жидкостей, которыми совершались им возлияния, и вдыхают запах сжигаемых благовоний. Следствием такого представления было то, что большинство жертв, приносимых богам, предавалось сожжению. Огонь являлся средством преобразить мясо жертвы в пищу, годную для невидимых, небесных существ.

Идея о таком значении огня существовала еще у первобытных арийцев, как видно из Вед: божественный Агни (огонь) пожирает жертву и тем проводит ее к богам, которым она предназначена. Греки также сохраняли верование в чистоту и божественность огня: по известному мифу, он некогда был в исключительном владении богов и только впоследствии был похищен Прометеем и сообщен людям. Поднимающееся вверх пламя было символом стремления к небу; самый огонь обоготворялся под именем Гестии и непрерывно поддерживался в некоторых храмах. Однако не всякий огонь считался одинаково чистым и пригодным для сожжения жертв. Были случаи, при которых он считался оскверненным и не мог быть употребляем при священных обрядах. Так, например, смертный случай в доме осквернял огонь домашнего очага; поэтому в Аргосе существовал обычай погашать его в таком случае и после погребения умершего брать огонь из соседнего дома (Плутарх). На о. Лемнос ежегодно совершался очистительный праздник, при котором все огни погашались, как оскверненные человеческими прегрешениями, и только через 9 дней зажигались новые от огня, принесенного с о. Делос (Филострат). Спартанцы, отправляясь в поход, брали с собою огонь из Спарты (Ксенофонт) для того, чтобы всегда иметь возможность сжигать жертвы отечественным богам на отечественном огне. При основании колонии огонь на государственном очаге возжигался от огня, взятого из пританея метрополии.

Выбор горючего материала также обуславливался разными причинами; не всякое дерево давало одинаково чистый и одинаково приятный богам огонь. Так, например, на жертвеннике Зевса в Олимпии сжигались только дрова из белого тополя, а на жертвеннике Афродиты в Сикионе — из можжевельника (Павсаний). Подобные специальные определения, без сомнения, существовали и в других местах.

При совершении жертвоприношений соблюдались разные условия, которые везде и для всех считались одинаково обязательными и не допускавшими исключений. К их числу прежде всего относилась чистота, считавшаяся безусловно необходимой для всякого религиозного акта. Требовалась как внешняя чистота, т. е. чистота одежды и тела, в особенности рук, так и внутренняя, нравственная, которая людям, по крайней мере разумным, казалась столь же, если не более, необходимой, как и внешняя. Боги не принимали даже богатых даров от грешника, обращавшегося к ним с нечистой совестью, тогда как незначительная жертва человека благочестивого и справедливого считалась богоугодной. При входе в некоторые храмы (например, в Эпидавре и Дельфах) были надписи, напоминавшие об этом требовании.

Все жертвы по роду жертвуемых предметов могут быть подразделены на два вида: а) бескровные, состоявшие из плодов, печений и напитков; б) кровавые, при которых были убиваемы животные. Какую именно жертву следовало приносить божеству в каждом данном случае и какие при этом соблюдать обряды, — об этом существовало множество специальных правил и предписаний, изменявшихся по местностям и храмам и обуславливавшихся самыми разнообразными причинами, которых нередко сами древние не могли объяснить удовлетворительно; они зависели или от представлений, которые люди имели о том или другом божестве, его качествах и наклонностях, или от местных преданий, а иногда и от хитрых расчетов жрецов, которые посредством различных ритуальных установлений, кроме их самих мало кому известных, делали себя необходимыми посредниками между людьми и богами. Некоторые культы вообще не допускали кровавых жертв. Так, например, на афинском Акрополе был жертвенник Всевышнего Зевса, на котором

нельзя было приносить в жертву никаких живых существ и совершать возлияния вином (Павсаний). Неоднократно в культе муз, Афродиты и других богов упоминаются «безогненные» или «бездымные» жертвы, которые, во всяком случае, не были кровавыми и не предавались сожжению.

В числе жертв бескровных прежде всего упомянем жертвы плодов, которые приносились в качестве начатков сбора с полей, садов, плантаций и др. На такие жертвы следует смотреть, как на древнейшие и наиболее соответствовавшие людям, не смевшим пользоваться дарами богов без их участия в этом пользовании. Начатки приносились не только тем божествам, которые считались специальными покровителями земледелия вообще, или отдельных его отраслей (Деметра, Дионис и др.), но и другим по различным причинам. Так, например, Матери богов во многих местах приносились блюда, на которых были разложены по отделениям разного рода плоды: пшеница, ячмень, горох, чечевица и пр. (Атений). Аполлону и Артемиде в праздник Фаргелий приносились начатки плодов и свежие хлеба; Аполлону же и орам осенью приносились начатки плодов под названием *πυλωφια* (откуда получил свое название месяц *Πυλωφίων*, встречающийся во многих ионических календарях). В Афинах в праздник Осхофорий приносились Афине виноградные гроздья и т. д.

Другой вид бескровных жертв представляют печения, различавшиеся по приготовлению, формам и названиям. Своими формами печения нередко намекали на те или другие качества или обязанности богов; так, например, Артемиде как богине луны приносились круглые лепешки или печения с рогами, Аполлону — печения в виде лиры, лука, стрелы и т. п. Особого упоминания заслуживают медовые лепешки, употреблявшиеся для умилоствления хтонических сил: их клали, например, в гроб умершим для укрощения пса Кербера, охранявшего вход в подземное царство, бросали змеям при гадании у оракула Трофония, кормили ими священную землю на афинском Акрополе и пр. Приносились в жертву и другие съестные припасы, как, например, сыр. Иногда жертвенным печениям придавали форму тех или других животных, и бедные люди приносили их вместо настоящих животных, жертвовать которых не позволяли им средства. Подобным же образом взамен животных употреблялись иногда и плоды; например, в Фивах и в афинском деме Мелит вместо быков приносили в жертву Гераклу яблоки с воткнутыми в них палочками, представлявшими собою ноги и рога. Печения жертвовались всем богам и притом с соблюдением тех же обычаев, которые соблюдались при кровавых жертвах: в жертву небесным богам они сжигались на алтарях, подземным богам и душам усопших — на гробнице, при жертвоприношении морским или речным богам — бросались в воду. Иногда, впрочем, жертвенные печения просто клались на алтари, откуда через некоторое время жрецы собирали их и употребляли в свою пользу; это не ставилось им в упрек, так как объяснялось тем, что божество дарит своим слугам те приношения, в которых само не имеет надобности; подобным же образом при принесении в жертву животных некоторые части их обязательно шли в пользу жрецов под названием *ιερωσυννα*.

Жертвы напитков, или возлияния, состояли преимущественно из вина как употребительнейшего напитка людей; при жертвоприношениях возлияния делались обыкновенно чистым, не смешанным с водой вином; но кроме вина употреблялись для возлияния и разные другие жидкости, как, например, вода, мед, молоко. Впрочем, некоторые божества или совсем не допускали возлияний (Павсаний), или допускали только «трезвые»

возлияния, состоявшие обыкновенно из медовой сыты, иногда смешанной еще с молоком, — таковы были, например, подземные божества, затем Эриннии, нимфы и музы с матерью своей Мнемосиной. В честь других богов, допускавших возлияния вином, «трезвые» совершались иногда в определенных случаях. Для возлияния в честь умерших на их могилах употреблялась сыта с молоком и иногда с маслом.[33] Вообще возлияния встречаются у греков весьма часто, как в соединении с другими жертвами и богослужебными обрядами, так и отдельно, только с призыванием богов. Так, например, при каждом пиршестве совершались возлияния, преимущественно после еды; в этом случае они состояли в том, что несколько капель вина, смешанного с водою и приготовленного для питья, проливалось из кубка на землю, причем первое возлияние делалось в честь Гестии или доброго демона, затем — в честь Олимпийского Зевса и других богов, потом героев и, наконец, Зевса Спасителя.

Воскурение благовоний, подобно возлияниям, встречается частью в соединении с другими кровавыми или бескровными жертвами, частью отдельно. Гесиод рекомендует утром и вечером чтить богов возлияниями и курениями. Постоянное употребление благовонных курений при принесении в жертву животных первоначально, быть может, обуславливалось чисто практическими причинами, именно желанием уничтожить дурной запах, распространявшийся при вскрытии животных и при горении жертвенных частей, а отсюда уже могло явиться верование, что благоухание само по себе приятно богам, как и людям. В древнейшие времена для курения употреблялась древесина и ягоды одного вида кедра, а потом, в VII в. до Р. Х., постепенно вошли в употребление ладан и другие специи, получаемые из Азии.

Из животных в жертву богам приносились чаще всего домашние, и из них именно те, мясо которых употреблялось в пищу людьми, стало быть, быки, овцы, козы и свиньи. Принесение в жертву других животных встречается гораздо реже и притом преимущественно в определенных местах и определенным богам. Так, лошади приносились Посейдону и речным богам, причем они не убивались, а живьем бросались в море или реку; на острове Родос ежегодно бросали в море 4 лошадей в жертву Гелиосу. Богине луны Гекате приносили в жертву собак, будто бы потому, что они лают на луну; собаки же, как животные сварливые, в Спарте приносились в жертву богу войны Аресу. В Лампсаке приносили ослов в жертву Приапу, а в Дельфах, может быть, Аполлону.

Из домашних птиц упоминаются петухи и куры, которых жертвовали Асклепию и родственным ему богам врачевания. Известна предсмертная фраза Сократа о необходимости пожертвовать петуха Асклепию. Иногда петухи приносились в жертву и другим богам, например, в Спарте Аресу в благодарность за победу. Гуси также упоминаются в числе жертвенных животных, но приносились они, кажется, только египетской богине Исиде. Охотники посвящали Артемиде части диких животных, убитых на охоте, но скорее в виде священных даров, нежели в виде жертв, и притом не только съедобные части (которые, конечно, шли в пищу жрецам), но и головы, шкуры, рога и т. п. Особый вид жертвоприношения совершался в г. Патры на ежегодном празднике Артемиды Лафрии: на жертву ей живьем бросались в пламя разные дикие звери (кабаны, олени, волки, медведи и пр.), домашние животные и птицы (Павсаний).

Рыбы вообще не считались годными для жертвоприношения, однако и относительно их были

исключения. Ценные угри из Копайдского озера в Беотии нередко приносились в жертву; при ловле тунцов рыбаки в случае хорошего улова жертвовали Посейдону первую или лучшую из пойманных рыб (Атений); Гекате, Коре и Приапу жертвовалась рыба τριγλή, а героям иногда даже соленая рыба.

Однако все такие виды жертв могут быть причислены к исключениям; повсюду и постоянно приносились в жертву только домашние животные, употреблявшиеся в пищу людьми. Относительно того, какие животные, когда и какому богу должны были приноситься, существовало множество разнообразных установлений, хранившихся жрецами. Быки, коровы, бараны и овцы могли быть приносимы, как кажется, всегда и всякому божеству; жертвоприношение быка считалось самым роскошным и приятным божеству. Свиньи приносились Деметре и Дионису, по объяснению древних, вследствие вреда, который они причиняли посевам и виноградникам. Тем же объясняется принесение коз в жертву Дионису; но Афина, по мнению древних, не любила коз именно вследствие того, что они обгрызали стволы масличных деревьев. Гере жертвовали коз только в Спарте и, может быть, в Коринфе. Посейдону жертвовали преимущественно быков, Афине — коров, Артемиде — овец.

Определения относительно качеств жертвенных животных также были весьма различны. Наиболее общим правилом было то, чтобы в жертву приносились только животные здоровые и свободные от телесных недостатков, но даже и это правило допускало исключения; например, спартанцы не стеснялись жертвовать и искалеченных животных (Платон). Относительно возраста животных встречаются различные указания. Чаще всего приносились в жертву животные взрослые, но нередко и молодые и даже молочные; у Гомера упоминаются пятилетние быки и свиньи, но встречаются и годовалые телята; для очистительных жертвоприношений употреблялись почти исключительно молочные поросята. Что касается пола животных, то обыкновенно мужским божествам приносились самцы, а женским — самки; однако встречаются многочисленные исключения: например, в Авлиде, по словам Павсания, приносились Артемиде животные обоих полов безразлично; в надписях также встречаются примеры принесения богам самок, а богиням — самцов. Скорее всего можно думать, что некоторые божества допускали животных только одного пола, а другие — обоих. Цвет шерсти животных также не был безразличен: общим правилом было то, чтобы небесным богам приносились животные светлого цвета, а подземным, героям и душам усопших — черные. Так, в «Илиаде» черная овечка приносится в жертву Земле, а белый барашек — Гелиосу; в «Одиссее» черные овцы приносятся подземным богам; в Афинах черный баран жертвовался Бурям и Посейдону и т. п. Но встречаются и исключения из этого правила. Лошади, кажется, всегда жертвовались белые.

Ввиду столь разнообразных условий, которым должно было удовлетворять жертвенное животное, необходимо было предварительно выбрать и тщательно осмотреть его, чтобы не обидеть бога принесением жертвы, которая была бы ему не угодна. Само собою разумеется, что при жертвоприношениях в храмах, при которых состояли жрецы, осмотр животных лежал на их обязанности. Иногда животные подвергались даже особым испытаниям: например, в Дельфах предлагали им лакомую пищу — быкам ячмень, а свиньям горох, — и если они не ели ее, то признавались нездоровыми; коз обливали холодной водой и, если они при этом оставались спокойными, то также признавались негодными. Животные, удовлетворявшие всем необходимым для жертвоприношения условиям, иногда заранее

посвящались божеству и отмечались особыми знаками.

Относительно времени совершения жертвоприношений наблюдали, чтобы жертвы небесным богам совершались утром, а богам подземным, героям и душам усопших — вечером или ночью: богов, управлявших земною жизнью, почитали тогда, когда она пробуждалась после ночного отдыха, а то время, когда дневная жизнь склонялась к концу, как раз подходило для почитания богов, уделом которых было царство смерти. Кроме того, для жертвоприношений, сопровождавшихся пиршеством, было совершенно естественно выбирать предобеденное время.

Предназначенное для жертвоприношения животное украшали повязками и венками, рога его иногда золотили: считалось приличным представить божеству, невидимо присутствовавшему при жертвоприношении, как бы в праздничном наряде то, что ему приносилось в знак благодарности или для испрошения его милостей; поэтому же сами жертвоприносители являлись не только чисто вымытыми и одетыми по-праздничному, но и украшали себя венками, по крайней мере, в исторические времена (во времена гомеровские обычай увенчивания людей и животных при жертвоприношениях еще не существовал); впрочем, венки служили не исключительно для украшения, а также и для того, чтобы поставить совершающих жертвоприношение под защиту божества и обеспечить их неприкосновенность. Для венков употреблялись те растения, какие были посвящены или считались приятными божеству, которому приносилась жертва: например, маслина — при жертвоприношениях Афине, лавр — Аполлону, плющ — Дионису и т. п.

Приступая к жертвоприношению, вокруг алтаря слева направо обносили сосуд с водой и корзину, в которой лежали нож, жертвенный ячмень и вообще все нужное для обряда. Алтарь, жертвенное животное и все присутствующие в знак очищения окроплялись водой, освященною погружением в нее горячей головни с алтаря. Затем присутствующие осыпали голову животного, подводимого к алтарю, поджаренными зернами ячменя; это осыпание называлось *προξυται*. Ячменные зерна бросались также и в горящий на алтаре огонь. Считалось особенно благоприятным знаком, если животное охотно, без принуждения шло к алтарю или кивком головы как бы давало согласие на принесение себя в жертву; для того чтобы заставить его кивнуть головой, иногда вливали ему воду в уши. Когда животное стояло уже у алтаря, у него отрезали клочок шерсти с головы и раздавали эту шерсть присутствующим, которые бросали ее в огонь в знак обречения животного на жертву.

По окончании этих предварительных обрядов глашатай словом «εὐφραϊετε» приглашал присутствующих к благоговейному молчанию и при звуках флейты обращал к божеству молитву о благосклонном принятии жертвы. Затем приступали к убиению животного. Оно производилось различным образом, смотря по тому, каким божествам приносилась жертва; обыкновенно животное оглушали и повергали на землю ударом дубины или обуха, затем, если жертвоприношение совершалось в честь одного из небесных богов, голову животного загибали кверху и жертвенным ножом перерезывали горло, а при жертвоприношении подземным богам голову пригибали к земле и удар ножа направляли в затылок. Вытекающую кровь принимали в подставленный сосуд и выливали на жертвенник. Присутствующие женщины сопровождали убиение животного воплями, чтобы заглушить его рев; с этой же целью музыканты играли на флейте. Пение пэанов также было в обычае при

жертвоприношениях. С убитого животного снимали шкуру, тушу его разнимали на части и отделяли те из них, которые предназначались для сожжения. В гомеровские времена сжигались бедровые части с большим или меньшим количеством мяса, а в исторические времена — чаще всего хребет или задняя его часть вместе с хвостом и, кроме того, внутренности.

Вырезанные части и внутренности обертывали жиром, сверху прибавляли еще куски мяса от различных частей тела, клали на жертвенник и сжигали вместе с печениями, совершая при этом возлияния и курения благовоний и поливая жертвенник маслом. Части мяса, не сожженные в честь богов, употреблялись для пиршества; все участники жертвоприношения отведывали жареных внутренностей животного и получали части жертвенного мяса; вкушение его обозначало участие в жертвоприношении; поэтому-то христиане во время гонений на них были принуждаемы вкушать мясо. Было в обычае посылать части мяса отсутствующим друзьям, а при общественных жертвоприношениях отделялись части должностным лицам государства и заслуженным гражданам и иностранцам. Если жертвоприношение совершалось в храме при содействии жреца, то ему отделялись различные части мяса под названием *ἱερωσύνα*; в надписях, касающихся богослужебных обрядов, встречаются подробные определения относительно того, какие именно части поступали в пользу жреца. Остальное мясо употреблялось для приготовления пиршества. При некоторых жертвоприношениях в храмах обычай требовал не брать с собой мясо домой; в некоторых святилищах существовали на этот счет специальные установления, встречающиеся в надписях.

Праздничные жертвоприношения, совершавшиеся за общественный счет и состоявшие из значительного количества животных, часто соединялись с угощением народа. Количество убиваемых в таких случаях животных иногда бывало весьма велико; известно, например, что в Афинах в праздник Марафонской победы ежегодно убивалось по 500 коз. На острове Делос в 377 г. для жертвоприношения в праздник Аполлона было куплено 109 быков. В Афинах при некоторых праздниках выручались весьма значительные суммы от продажи шкур жертвенных животных, поступавших в пользу государства. Слово *εκατομῆ*, означавшее в собственном смысле жертву из 100 быков, часто употреблялось вообще для обозначения таких больших жертв и притом состоявших не только из быков, но и из мелкого скота. У авторов и в надписях встречаются и другие названия по числу жертвенных животных, например, *δωδεκαίη*, *τρίττω* или *τρίττωα* и т. п. При некоторых праздниках устраивались для богов настоящие пиршества: их статуи возлагались на разукрашенные ложа, перед которыми ставились богато убранные столы с кушаньями и напитками. Такие праздники, называвшиеся *θεοξενία* (лат. *lectiscernia*), устраивались особенно Диоскурам, но также и другим божествам, например Гераклу, Деметре, Дионису.

Описанные до сих пор обряды соблюдались при простых жертвоприношениях, имевших целью только выразить благодарность богам за доставляемые ими блага или снискать их благосклонность на будущее время. При них боги и люди сообща пользовались принесенными в жертву животными; эта общность пользования служила и извинением в убиении животного или оправданием его: сами древние говорят, что в архаические времена убиение животного с целью употребления в пищу его мяса считалось непозволительным; при этом весьма вероятно, что ранее всего стали убивать свиней, которые доставляют только

мясо, и лишь гораздо позднее решились убивать и таких животных, которые и при жизни доставляют человеку пользу разными продуктами (шерстью, молоком и т. п.) или помощью при трудах человека, как, например, волы, коровы, овцы и козы. Убиение рабочего быка издревле считалось преступлением, которое нельзя было оставлять безнаказанным; на это указывает, между прочим, особый обряд, совершавшийся в Афинах в праздник Дииполий или Буфоний. В г. Линд на о. Родос во время праздника Геракла также приносились в жертву рабочие волы, но при этом вместо благоговейного молчания раздавались порицания и проклятия присутствующих против жертвоприносителей (Филострат). Вероятно, подобные обряды существовали и в других местах.

Были, однако, случаи, в которых общее пользование людей и богов мясом животного было невозможно по тем или другим причинам. Так было, например, при принесении в жертву животных, мясо которых не употреблялось в пищу людьми, или при жертвоприношениях подземным богам, которые, будучи удалены от света и царствуя над мертвыми, не могли разделять с людьми жизненных удовольствий. В таких случаях животное целиком посвящалось божеству и сжигалось без остатка (жертва всеожжения), или живым предавалось стихии божества (например, при жертвоприношении Посейдону лошади живьем бросаемы были в море). При жертвоприношениях подземным богам кровь животного выливалась в яму и таким образом сходила в подземное царство, туша разрезывалась на куски и сжигалась на жертвеннике, а затем пепел сбрасывался в ту же яму или зарывался подле нее. Подобным же образом поступали при жертвоприношении героям или душам усопших.

Кроме описанных простых жертвоприношений были, так сказать, специальные, совершавшиеся с какой-либо определенной целью или при определенных случаях, именно: а) гадательные, б) клятвенные и договорные, в) очистительные и умиловительные. Первый вид жертв, впрочем, не отличался от простых какими-либо особыми обрядами; при них главное внимание обращалось на исследование внутренностей животного с целью вывести из тех или других признаков предсказание относительно исхода задуманного предприятия. О самих гаданиях по внутренностям пока заметим только, что этот род гаданий был весьма распространен у греков, особенно во время войны; иногда жертвоприношение по обстоятельствам должно было совершаться с такой поспешностью, что о строгом соблюдении всех вышеописанных обрядов нельзя было и думать; главная цель жертвоприношения считалась достигнутой, лишь только получались благополучные знамения для предприятия.

Клятвенные жертвоприношения также были очень распространены как в государственном быту, так и в частном (особенно при судебных процессах). Главной целью их было сделать богов свидетелями клятвы; а так как боги, по общераспространенному верованию, невидимо присутствовали при всяких жертвах, как больших, так и малых, то в большинстве случаев одно возлияние (для которого употреблялось цельное, не смешанное с водой вино) считалось достаточной жертвой при клятве; однако иногда встречались и более значительные клятвенные жертвы, сопровождавшиеся символическими обрядами.

Символизм лежал также в основе жертвоприношений очистительных и умиловительных: преступления и грехи человека были переносимы на жертвенное животное, которое как бы

искупало их своей смертью. Поэтому и в таких случаях мясо жертвы не сжигалось и не употреблялось в пищу, а зарывалось в землю или бросалось в море, и для жертвоприношения употреблялись иногда несъедобные животные, как, например, собаки.

В заключение заметим, что в древнейшие времена в Греции, без сомнения, совершались и человеческие жертвоприношения; на это указывают как мифы (о Тантале; Ликаоне, Ифигении, Поликсене, потомках Афананта и др.), так и прозвища некоторых богов, например, *Ζευὶ Λαφύστιῳ*, *Ωμαδίῳ*, или *Διονύσῳ Ὠμηστῆ*, *Αυρίωνίῳ*. В исторические времена такие жертвоприношения в большинстве случаев были отменены или совершались только символически, но некоторые продолжали существовать (например, в Аркадии на Ликейской горе).

Жертвоприношение, которое являлось важнейшим религиозным действием, было тщательно определено во всех подробностях. Ни одна из этих бесчисленных подробностей не может быть названа второстепенной, малозначащей. Ритуал ни в чем не мог предоставить свободу действий тому, кто совершает жертвоприношение, так как в римском богослужении существенное значение каждого богослужебного действия заключалось именно в форме. В жертвоприношении все было освящено обычаем, а ломать старые обычаи строго запрещалось. Человек, который с глубочайшим религиозным чувством принес бы в жертву Юпитеру быка, а не вола, как это требуется по ритуалу, подвергся бы за это наказанию как за грех.

Прежде всего предстояло выбрать жертву. У каждого бога были на этот счет свои особые вкусы. Церере приносили кабана — врага жатвы, Либери — козла, который разоряет виноградники. Высшие боги требовали белых жертв, низшим закалывались жертвы темных мастей, Вулкану и Робигу — с рыжей шерстью. За некоторыми исключениями пол жертвы должен был соответствовать полу божества. Прозерпина требовала коровы бесплодной, как и она сама, плодородная Земля — наоборот, такой коровы, которая в себе несла доказательства своей плодовитости, Юноне — богине материнства и семьи — приносили кроме коров еще и овец, имевших двух ягнят-близнецов, которые и сопровождали свою мать к алтарю. Минерва предпочитала телок, принимала также коров, но не терпела козлят, потому что они объедают оливковые деревья.

При умиловительных жертвах приносился обыкновенно кабан или свинья. Если испрашивалась какая-нибудь милость, то старались выбрать такую жертву, которая так или иначе могла бы служить символом просимого. Так, когда желали, чтобы поскорее прошла болезнь или окончилось начатое дело, то жертву выбирали настолько престарелую, что можно было быть уверенным в скорой кончине ее. Новорожденные животные считались нечистыми; они становились чистыми, т. е. годными для жертвоприношения, лишь по достижении известного возраста: быки и другие животные того же вида — через 30 дней, бараны — через 8, поросята — на пятый или же на десятый день.

Могло случиться, что под руками не оказывалось животного, соединяющего в себе все необходимые условия. В таких случаях понтифики могли допустить исключение из правила. Белые быки становились редкими, ввиду чего *Jupiter Latiaris* стал принимать рыжих быков, а Юпитер Капитолийский простер свою снисходительность до того, что ему можно было предложить вместо белых быков — набеленных мелом. Первоначально богам приносились в

жертву люди, потом их заменили другие живые существа. Богиня Mania, привыкшая сначала получать людей, впоследствии стала довольствоваться фигурками из теста и даже шерстяными куклами. Dispatet и Сатурн также принимали кукол. Кровожадность манов научились обманывать, набрасывая на трупы покрывало цвета крови. Правда, со времени похорон Д. Брута Перы (в 264 г. до Р. Х.) вошло в обыкновение приносить манам человеческие жертвы в виде боя гладиаторов. Весьма вероятно, что бедные люди вместо настоящих животных часто приносили богам жертвы из теста.

Каждое жертвенное животное подвергалось предварительно тщательному исследованию (probatio), чтобы удостовериться, что оно обладает всеми качествами, которые требуются богом. Теленок, у которого хвост не достигал коленного сгиба, баран с заостренным хвостом или с черным хвостом, или с разрезанным ухом отвергались как негодные. Впрочем, безукоризненные животные непременно требовались лишь тогда, когда по закону полагалось принести избранную жертву.

Поведение жертвы также имело значение. Если она спокойно ждала смертельного удара, ее принимали; если ее, напротив, приходилось тащить силой к алтарю, на это смотрели, как на отказ божества от жертвы; если же она вырывалась, то нужно было ее немедленно убрать.

Способ заклания жертвы также был точно определен. Некоторые из них убивались ударом топора или колотушкой, других зарезывали ножом. Удар направлялся иногда в верхнюю часть тела, иногда в нижнюю. Вслед затем удостоверались, угодно ли жертвоприношение божеству, и достигло ли оно, таким образом, своей цели. Этот вопрос решался исследованием внутренностей. Если результаты исследования оказывались благоприятными, то части, которые должны быть уничтожены в честь богов, отрезались, варились и затем клались на алтарь. В принципе вся жертва целиком принадлежала богу, но римляне не злоупотребляли всесожжением. Обыкновенно для богов предназначались внутренности, т. е. печень, кишки, легкие и сердце; остальное, смотря по обстоятельствам, или распределяли между присутствующими, или продавали в пользу храма, или оставляли жрецам. В некоторых случаях закон требовал, чтобы к внутренностям прибавлялась та или другая часть жертвенного животного. В противоположность этому бывали, кажется, случаи, когда молящиеся сами съедали всю жертву.

В ритуале жертвоприношений видную роль играли пирожки (liba). Приготовление этих liba производилось с соблюдением самых строгих и подробных правил. Вот, например, как готовилась mola salsa, сделанная из муки и соли. Колосья, из зерен которых получалась мука для этого пирога, собирались от майских нон до кануна майских ид тремя старшими по возрасту весталками, которые поочередно занимались этой благочестивой работой. Затем все весталки высушивали эти колосья, извлекали из них зерна, поджаривали последние и превращали в муку. Три раза в год — за 18 дней до февральских календ, за 3 дня до июньских ид и за 3 дня до сентябрьских нон — готовили драгоценный пирог, предназначавшийся для общественных жертвоприношений. Они смешивали муку с солью, приготовление которой было не менее сложно, так как ее нужно было толочь в ступке, высыпать в глиняный, обмазанный гипсом сосуд, поставить в жарко натопленную печь, разрезать расплавленную массу железной пилой и смачивать ее до самого дня употребления проточной водой или, по крайней мере, такой водой, которая не бывала в трубах.

Закон, приписываемый царю Нуме Помпилию, постановлял, чтобы при возлияниях употреблялось вино от неподрезанной виноградной лозы. Вино же от подрезанной лозы если и допускалось, то должно было быть непременно натуральным, т. е. хорошо выбродившим, не переваренным, не испорченным ударом молнии, не смешанным с водой. При этом нужно было еще удостовериться, не случилось ли кому-нибудь повеситься в том винограднике, откуда брали виноград, не попирала ли его раненая нога и проч. и проч. Иногда принесение в жертву вина не допускалось: нимфы, например, царившие в водах, не принимали его, так же как и божества, которые покровительствуют вскармливанию грудью. Если жертва приносилась высшим богам, то чашу опрокидывали, чтоб вино вылилось сразу; низшим богам вино возливалось капля за каплей.

Вода должна быть ключевой. Часто даже, согласно ритуалу, ее нужно было брать из определенного источника. Так, например, для богослужения Весте вода бралась в Риме из ручья нимфы Эгерии, в Лавинии — из Нумиция (реки, на которой стоял город); для общественных жертвоприношений — из источника Ютурны на Марсовом поле. Водопроводная вода никогда не допускалась при совершении некоторых богослужебных действий. Очистительная сила воды увеличивалась прибавлением к ней соли и даже соединением воды с огнем: в воду погружали горящие факелы, и таким образом получалась люстральная вода.

Форма, название и употребление орудий для жертвоприношений (ножей, топоров, сосудов) точно определялись религиозными правилами. Так как первоначально священные сосуды были из глины, то в храме Весты только такие сосуды и употреблялись. Там, где допускались к употреблению бронзовые, серебряные и золотые сосуды, тщательно сохранялись их традиционная форма и название.

С особенным вниманием относились к словам молитв, которые произносили во время жертвоприношений. Буквальная точность была необходимым условием, без соблюдения которого молитва становилась недействительной. Поэтому благоразумие внушало верующим обращаться к содействию сведущих и опытных в этом деле понтификов. Когда приносились жертвы или давались обеты от имени римского народа магистратами, то этими последними руководил великий понтифик или специально предназначенный для этого писец, который читал формулу, а тот, кто совершал жертвоприношение, повторял за ним. Когда дело шло о посвящении, то забота о точности произнесения формулы доходила до того, что не допускалось даже малейшее заикание или остановка.

Прежде чем приступать к жатве, надо принести в жертву свинью следующим образом: Церере — свинью, самку борова; ее принеси в жертву прежде чем наступит время жатвы следующих злаков: пшеницы, полбы, ячменя, бобов и репы.

Вином и фимиамом надо умиловать Януса, Юпитера и Юнону. Прежде чем заколоть самку борова, обратись к Янусу с такой молитвой: «Отец Янус, вместе с этими приношениями я возношу к тебе мою горячую молитву, чтобы ты постоянно изливал свою милость на меня, моих детей, мой дом и моих рабов».

Юпитеру следует принести пирог и обратиться с такой молитвой: «Юпитер, вместе с этим пирогом возношу к тебе мою горячую молитву; будь милостив ко мне, к моим детям, к моему

дому и к моим рабам. Будь возвеличен этим пирогом».

Затем, сделав возлияние Янусу вином, необходимо произнести следующее: «Отец Янус, как с прежними приношениями я молился тебе, так и теперь, делая это возлияние, молю: прими его милостиво!».

Затем к Юпитеру — со следующими словами: «Юпитер, прими пирог, прими вино, которое я возливаю тебе».

Затем надо заколоть свинью. Как только будут разрезаны внутренности, пусть снова дадут пирог Янусу и вознесут к нему молитву, как и раньше; затем пирог Юпитеру и те же молитвы; затем возлияния вином Янусу и Юпитеру и те же молитвы, что и раньше. Затем Церере — внутренности свиньи и вино.

Освящать поле надо таким образом: прикажи обвести вокруг него *suovetaurilia*[34] в следующих выражениях: «С благословением богов, чтобы исход был благоприятен, поручаю тебе, Маний, обвести или обнести суоветаврилию вокруг моего поместья, поля и той части земли, которую ты думаешь освятить».

Перед этим возлей вино Юпитеру и Янусу с такими словами: «Отец Марс, прошу и молю тебя, будь милостив ко мне, к моим детям, к моему дому и к моим рабам. Чтобы быть достойным твоих милостей, я велел обвести суоветаврилию вокруг моего поля, земли и поместья. От болезней виданных и невиданных, засухи и опустошения охрани меня, отвори и удали эти бедствия. Помоги прозябать плодам, злакам, виноградникам и деревьям моим; дай им произрасти благополучно. Сохрани и помилуй пастухов моих и стада мои; даруй здоровье и благополучие мне, дому моему и рабам моим. Так, для освящения поместья моего, земли моей и поля моего и для принесения очистительной жертвы заклал я эту суоветаврилию из молочных животных. Прими ее милостиво! Прими принесенных тебе в жертву с указанной целью этих трех молочных животных».

Вслед за этим возьми нож, разрежь и сложи в кучу сухой хлеб и пирог, которые находятся тут же, и сделай приношение. Как только заколешь борова, ягненка и быка, говори следующее: «Прими принесенную тебе с указанной целью эту *suovetaurilia*». Нельзя говорить при этом «свинья», «ягненок», «теленок».

Если все это не удовлетворит божество, произнеси следующее: «Отец Марс, если тебе мало этой молочной суоветаврили — вот тебе и другая в искупление».

Если есть повод думать, что не принята одна или две жертвы, скажи следующее: «Отец Марс, если жертва той свиньи тебя не удовлетворила — вот тебе другая в искупление».

Глубокая вера в полную зависимость всех явлений природы и всей человеческой жизни от воли богов и в то, что боги от времени до времени открывают эту волю человеку по его просьбе или по собственному желанию посредством различных знамений, заставила древних уже очень рано обратиться к внимательному наблюдению явлений природы и окружающей жизни с целью открывать в них какие-либо намеки или указания, посредством которых божество желало выразить человеку свою волю. Все способы отгадывания воли божества, выражающейся в тех или других знамениях, обнимались словом *μαυτεία* или *μαυτική*.

Древние различали два вида мантики: безыскусственную ($\alpha\tau\epsilon\chi\nu\omicron\eta$) и искусственную ($\epsilon\nu\tau\epsilon\chi\nu\omicron\eta$). Под первой понимаются случаи, когда или во сне являются человеку откровения божества, или наяву душа его известным образом просветляется и в таком состоянии более или менее ясно познает сокровенное от других; такое состояние души древние приписывали наитию свыше и людей, находящихся в таком состоянии, называли «объятыми божеством». Люди разумные уже в древности понимали ненормальность такого душевного состояния, в котором человек получает способность предсказывать будущее: Платон говорит, что никто не берется за истинное и вдохновенное гадание, находясь в здравом уме. На это же указывает самое название $\mu\alpha\nu\tau\epsilon\iota\alpha$, происходящее от одного корня с $\mu\alpha\iota\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$. Искусственная мантика состояла в наблюдении и объяснении различных знамений, посредством которых боги открывали людям свою волю; для этого способа предсказаний не требовалось особого вдохновения, и потому его можно было приобретать посредством опыта и изучения. Который из этих двух видов мантики древнее, определить невозможно. У греков, как в гомеровские времена, так и в исторические, оба они существовали рядом; то же видим мы у римлян и у варваров. Впрочем, в гомеровских поэмах встречается один только случай энтузиастического предсказания, именно в «Одиссее». Прорицатель Феоклимен, находясь в доме Одиссея на пиршестве женихов Пенелопы, вдруг видит, как тьма обнимает их головы, их тела, стены и балки дома обгаются кровью, весь дом наполняется тенями, стремящимися в Эреб, солнце скрывается и мгла окутывает небо.

...И тогда в женихах возбудила

Смех неугасный Афина и все у них мысли смешала.

Неузнаваемы сделались их хохотавшие лица.

Ели сырое, кровавое мясо. Слезами глаза их

Были полны, и почувствовал дух приближение воплей.

Феоклимен боговидный тогда перед ними воскликнул:

«О вы, несчастные! Что за беда разразилась над вами?

Головы, лица, колени у вас — все окутано ночью!

Стоны кругом разгорелись, и залиты щеки слезами!

Кровью забрызганы стены и ниши прекрасные залы!

Призраков сени полны, собой они двор заполняют,

В мрак подземный Эреба несутся стремительно. Солнце

С неба исчезло, зловещая тьма на него набежала!»

Средь женихов раздался на слова его хохот веселый.[35]

А. Аллори. Тиресий предсказывает будущее Одиссею. Фреска (1580 г.).

Феоклимен видит во всем этом явное предзнаменование близкой гибели женихов, но они не

обратили никакого внимания на его слова, сочли сумасшедшим и приказали вывести вон. В других случаях гомеровские прорицатели предсказывают по сновидениям и различным знаменьям, в особенности по полету птиц, наблюдение которого является самым распространенным способом гадания. Предсказания по горению и по внутренностям животных в гомеровских поэмах еще не упоминаются.

Обращаясь к ближайшему ознакомлению с безыскусственной мантикой, мы должны заметить, что вера в пророческую силу сновидений была очень сильно распространена в древности. Человек в сонном состоянии считался легко доступным божественному влиянию, которое возбуждало в нем образы и мысли, имевшие то или другое отношение к действительности. Уже в гомеровские времена сновидения считались происходящими от Зевса, и между ними различались сновидения обманчивые или ничего не значащие, и верные или пророческие; первые входили к человеку вратами из слоновой кости, вторые — роговыми. Ср. в «Одиссее»:

Странник, бывают, однако, и темные сны, из которых

Смысла нельзя нам извлечь. И не всякий сбывается сон наш.

Двое разных ворот для безжизненных снов существует.

Все из рога одни, другие — из кости слоновой.

Те, что летят из ворот полированной кости слоновой,

Истину лишь заслоняют и сердце людское морочат;

Те, что из гладких ворот роговых вылетают наружу,

Те роковыми бывают, и все в них свершается точно.

Народное верование создало особых демонических существ, которые производили или олицетворяли собою сновидения. Их местопребыванием в «Одиссее» называется крайний запад, близ входа в подземное царство. Гесиодовская «Теогония» называет их сыновьями Ночи, а позднейшие поэты считали сыновьями Сна и различали по именам: Морфей (Μορφευη) являлся только в человеческом образе, Икелос (ΙΚελοη или Φοβητορ) принимал вид всевозможных животных, а Фантаз (Φαντασοη) представлялся в виде неодушевленных предметов. Овидий говорит:

Сон же из сонма своих сыновей вызывает Морфея, —

Был он искусник, горазд подражать человеческим обличьям, —

Лучше его не сумел бы никто, как повелено было,

Выразить поступь, черты человека и звук его речи.

Перенимал и наряд и любую особенность речи,

Но подражал лишь людям одним. Другой становился

Птицей, иль зверем лесным, или длинною телом змеею.

Боги «Подобным» его именуют, молва же людская

Чаще «Страшилом» зовет. От этих отличен искусством

Третий — Фантаз: землей, и водой, и поленом, и камнем, —

Всем, что души лишено, он становится с вящим успехом.

Эти царям и вождям среди ночи являют обычно

Лики свои; народ же и чернь посещают другие.

Они находятся под властью верховных богов, которые и посылают их к людям (например, во II песни «Илиады» Зевс послал Агамемнону обманчивый сон). Иногда и сами боги устраивают εἰδωλον и посылают его к спящему, или даже сами являются людям во сне в том или другом виде. Даже души усопших, по крайней мере пока они не находятся в царстве Аида, т. е. пока тела их не погребены, могли являться живым людям во сне. Эти представления гомеровских времен существовали и впоследствии в народном веровании. Для объяснения сновидений, как и других чудесных знамений, прежде всего необходимо было остроумие, способность комбинации составных частей сонного видения с окружающей действительностью, но впоследствии на основании различных данных и соображений постепенно составились определенные правила для объяснения сновидений и явилось особое искусство снотолкования, ονειροκριτικη. Древнейший «сонник», или снотолкователь, о котором нам известно, был составлен афинянином Антифонтом, современником Сократа. До нас сохранился снотолкователь Артемидора (II в. по Р. Х.). Но уже в классические времена снотолкователи нередко считались шарлатанами, и искусство их не пользовалось уважением.

Кроме веры в сновидения было распространено верование, что некоторые, особенно любимые богами, люди могли и наяву испытывать наитие свыше, приходиться в состояние экстаза и, находясь в нем, более или менее ясно и определенно узнавать сокровенное от других. Этот вид безыскусственной мантики, к которому преимущественно перед другими подходило самое название μαντεία ставился у греков гораздо выше мантики искусственной. Аполлон, бог физического и нравственного света, просвещавший и души людей, считался главным покровителем не только тех оракулов, где предсказания давались под влиянием экстаза, но и отдельных прорицателей. Гомеровский Калхант, хотя предсказывавший по знамениям, а не под влиянием экстаза, все-таки получил свой дар от Аполлона и обращался к нему как к своему покровителю. Прорицателей, предсказывавших по вдохновению, было весьма много как в мифические, так и в исторические времена. Большим уважением пользовались сивиллы, мифические существа, представлявшиеся в виде дев, живших в разные времена и в разных странах, обыкновенно в глубоких и сырых гротах. С сивиллами очень сходен Бакид, мифический вдохновенный нимфами прорицатель, место жительства которого также указывалось в разных странах. Сивиллам и Бакиду приписывалось множество предсказаний, записанных и соединенных в сборники, к которым обращались в важных случаях как государства, так и частные лица, заимствуя из них те советы, которые казались применимыми к данным обстоятельствам. Подобные сборники имелись и с именами других мифических прорицателей, например, Мусея, Лика, сына Пандиона, фиванского царя Лая, Сивиллины

книги Тарквиниев в Риме и др. Такое собрание было, например, у Писистратидов; при своем бегстве из Афин они покинули его на Акрополе, где оно хранилось, и спартанский царь Клеомен взял его в Спарту (Геродот). У спартанцев было собрание изречений Дельфийского оракула, находившееся в заведовании особых магистратов, избравшихся царями. Кроме таких официальных сборников, находившихся во владении и под надзором государств или жрецов, существовало еще множество частных сборников, владельцы которых давали из них советы и предсказания всем, кто к ним обращался, конечно, в большинстве случаев не даром. К таким владельцам сборников предсказаний преимущественно применялось название $\chi\rho\eta\sigma\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\iota$, хотя часто им обозначались и такие лица, которые предсказывали по собственному вдохновению, а не из книг. Впрочем, многие предсказывали и обоими способами, а кроме того, занимались и гаданием по знамениям (которое к собственно хреспологии не имело никакого отношения), делая себе из всего этого прибыльную профессию. Были даже целые роды, в которых прорицание и искусство объяснения знамений с требовавшимися для этого духовными способностями считались наследственными, переходившими из рода в род от какого-нибудь мифического родоначальника, бывшего в свое время славным прорицателем. Таковы были, например, Иамиды и Клитиады в Элиде и род акарнанских прорицателей (считавших своим родоначальником Мелампода), из которого происходил известный Мегистий, павший при Фермопилах (Геродот).

Знамения, в которых боги, по верованию древних, открывали свою волю, были посылаемы ими или по собственному желанию, или по просьбе людей, выраженной в молитве. Для ниспослания знамений богам служили преимущественно: а) птицы и атмосферные явления, б) жертвы, в) знаменательные встречи, г) слова и звуки. Особенно распространено было гадание по птицам и жертвоприношениям.

Птицы вполне свободны и независимы от человека в своем полете, они парят в воздушных пространствах, поднимаются высоко над землею, как бы приближаясь к небесным жилищам богов, и потому преимущественно перед другими живыми существами считались вестниками воли богов. Поэтому их появление даже без предварительной мольбы о даровании знамения считалось знаменательным во всех случаях, когда человеку интересно было узнать волю божества. При их появлении наблюдалось множество специальных примет как относительно рода птиц, так и относительно способа их полета, бега или сидения, разных их движений, места появления, криков, отношения друг к другу и к другим существам и пр., так что птицагадание представляло собой весьма развитое искусство, требовавшее больших знаний и опытности. Каждая птица имела свою особую символику, и хотя некоторые считались вещими преимущественно перед другими, но все-таки значение каждого отдельного знамения находилось в зависимости от множества внешних обстоятельств. Наиболее вещими считались большие хищные птицы, летающие особенно высоко и поодиночке, а не стаями. Такие птицы собственно и называются $\omicron\iota\omega\nu\omicron\iota$; но впоследствии этим именем называли всех вещей птиц и даже обозначали им и разные другие знамения. Между $\omicron\iota\omega\nu\omicron\iota$ особенным уважением пользовался орел как царь птиц и вестник царя богов; часто также упоминаются ястребы, соколы, коршуны и т. д.; они подавали знамения то своим появлением с той или другой стороны наблюдателя, то обстоятельствами, при которых совершилось явление. В «Илиаде» орел, пронесшийся над лагерем греков с олененком в когтях и уронивший свою добычу на алтарь Зевса, был признан благоприятным знамением,

а, напротив, пролетевший слева орел, несший в когтях живого змея и выпустивший его вследствие раны, нанесенной ему змеем в грудь, предсказал несчастье Гектору при нападении на греческий лагерь. Для птицегадания избиралось открытое, удобное для кругозора место. Благоприятной считалась правая сторона, причем гадатель обращался лицом к северу, так что направо от него был восток, а налево — запад. У Гомера считаются благоприятными знамения, появляющиеся со стороны зари и солнца, неблагоприятными — со стороны мрака. Впрочем, как кажется, на страны света не всегда обращали внимание или правую и левую сторону различали по отношению не к гадателю, а к солнцу; вообще следует думать, что как во всей греческой религии не было систематического единства и обязательных для всякого догматов, так и при птицегадании употреблялись различные способы наблюдения. Эсхил называет слепого прорицателя Тиресия «кормильцем птиц»; отсюда можно было бы заключить, что у греков был обычай кормить птиц для гаданий, чтобы всегда иметь их под рукой в случае надобности; но никаких других указаний на этот обычай не имеется. У римлян, как известно, он был широко распространен.

Рядом с птицегаданием и почти в такой же степени было распространено гадание по разным метеорологическим и астрономическим явлениям, каковы гром, молния, солнечные и лунные затмения, кометы, падающие звезды и т. п. Верование в их вещую силу было весьма естественным у народов, ставивших эти явления в прямую зависимость от богов, управляющих силами природы. Удар грома или блеск молнии (в особенности без грозы, при ясном небе) признавался благоприятным или неблагоприятным знамением, смотря по тому, с которой стороны приходился. Солнечные и лунные затмения и кометы вообще считались страшными знаменьями, хотя в некоторых случаях объяснялись иначе.[36] Наиболее известным примером гадания по метеорам является спартанский обычай наблюдения неба эфорами, чтобы узнать, не провинились ли цари в чем-либо перед богами. Гадание по звездам, определение по ним счастливых или несчастных дней, предугадывание судьбы человека по положению созвездий в час его рождения, одним словом, все, что относится к астрологической мантике, в цветущие времена Эллады почти не было известно. Астрологические предсказания стали распространяться только со времен Александра Македонского, но никогда не возвысились до степени религиозных верований.

Гадания по жертвам были, главным образом, двух видов: а) наблюдение и объяснение различных знаков при заклании животного и горении жертвенных частей, б) гадания по внутренностям жертвенных животных (ιεροσκοπία). В гомеровских поэмах уже упоминаются гадания, но способ не указывается. С какого времени иероскопия вошла в употребление и откуда была заимствована, нельзя сказать с достоверностью. У Эсхила Прометей хвалится тем, что научил людей таким гаданиям; стало быть, по мнению Эсхила, они распространились уже в весьма древние времена. Другие называли их изобретателем Посейдонова сына Дельфа, эпонима города Дельфы, откуда можно заключить, что иероскопия распространялась по Греции из Дельфы, под влиянием оракула. По всей вероятности, она впервые появилась на Востоке и оттуда распространилась по Греции и Италии.

При жертвоприношениях можно было наблюдать много признаков, из которых выводились хорошие или дурные предзнаменования. Так, например, считали очень хорошим знамением, если животное добровольно шло к алтарю и даже давало кивком головы согласие на убиение

(чего, впрочем, умели достигать маленькими хитростями), и, напротив, дурным, если оно упиралось; еще хуже было, если оно вырывалось и убегало от жертвенника, или скоропостижно умирало прежде, чем его успевали зарезать. Далее выводили предзнаменования из быстрого или медленного сгорания жертвенных кусков на алтаре, из направления, которое принимал дым, т. е. поднимался ли он вверх, или расстилался понизу и т. п. Особенно важные знамения выводились из способа горения хвоста животного, который оставляли при жертвенных кусках: его скрючивание обозначало, что данное предприятие будет сопряжено с трудностями, опускание вниз предзнаменовало неудачу, а, напротив, поднятие вверх — счастье или удачу. Ввиду столь важного значения хорошего сгорания жертвенных кусков особенную заботливость прилагали к тому, чтобы хорошо разложить дрова на жертвеннике, что умел сделать далеко не всякий. Наблюдение и объяснение всех подобных знамений было делом эмпиромантии. Как особый вид ее упоминается *λβανομαντεία*, т. е. гадание по горению и дыму жертвенных благовоний.

Происхождение обычая гадать по внутренностям жертвенных животных проще всего объяснить тем, что приятными богам и стало быть годными для жертвоприношения считались только животные вполне здоровые и свободные от всяких физических недостатков, как внешних, так и внутренних; обращать особенное внимание на состояние внутренних органов животного побуждало, во-первых, то обстоятельство, что они входили в состав частей, предназначенных для сожжения на алтаре, а во-вторых, то, что они не были доступны исследованию раньше убиения животного. Итак, если в этих органах оказывалось что-либо ненормальное, нездоровое, то в этом видели указание божества на то, что жертва ему негодна или что она не благоприятствует начинаниям жертвователя, выбор которого — конечно, не без воли божества — пал именно на такое животное. Из таких соображений легко могло развиваться верование в мантическое значение внутренностей жертвенных животных, а когда оно развилось, то естественно стали делаться точные наблюдения над их состоянием, строго различаться отдельные части их и различные ненормальности, из которых каждая получила свое особое значение. Таким образом возникло сложное искусство иероскопии, тонкости которого были известны только людям, специально им занимавшимся, хотя были и общие положения, известные каждому жертвоприносителю, по крайней мере, настолько, чтобы решить, будет ли данная жертва угодна божеству. Самой важной из всех внутренностей считалась печень, не только потому, что ее нормальное или ненормальное состояние легче всего было заметно, но и потому, что ее считали главным органом физической жизни; при исследовании же печени обращали особое внимание на ее лопасти, особенности образования которых признавались весьма важными знамениями. Кроме печени исследовали и другие внутренности: сердце, легкие, селезенку, желчь и др. Упоминаются примеры, когда будто бы совсем не находили сердца в животном. Знамения, получавшиеся при жертвоприношении из внешних признаков, обозначались общим именем *ιερτχ*, а получавшиеся из наблюдения внутренностей — *σφαγία*.

Само собою разумеется, что гадание не при всяком жертвоприношении считалось одинаково важным. Специально для целей иероскопии жертвоприношения были совершаемы только перед важными предприятиями, в особенности на войне, при переходе через границу неприятельской земли, при посадке войска на корабли и главным образом при начале сражения. Спартанские цари постоянно брали с собой в поход известное количество

животных для того, чтобы в них никогда не было недостатка в случае необходимости прибегнуть к иероскопии, и при всех греческих войсках постоянно состояло по одному или по несколько гадателей. Если знамения были неблагоприятны, то жертвоприношения повторялись несколько раз, пока, наконец, не получались счастливые предзнаменования,[37] или предприятие отменялось на время или совсем. Отсюда уже видно, какое важное значение придавали гаданиям и верному истолкованию знамений; но так как контролировать гадателей и оберегать себя от их обмана было трудно, то с течением времени недоверие к ним распространилось в значительной степени. Иногда даже внушали гадателям, что желательно благоприятное знамение, или сами они применялись к требованию обстоятельств.

Знамения, относящиеся к остальным двум видам искусственной мантики, носят общее название *σύμβολα*. Сюда относятся все те случайные, более или менее замечательные явления, которые невольно обращали на себя внимание человека и в которых он видел, так сказать, перст божий, указующий счастье или несчастье. Такие явления могли встречаться постоянно и были столь же разнообразны, как все окружающее человека в его обыденной жизни. При религиозных верованиях, которые представляли все в природе находящимся в непосредственной зависимости от богов, а самих богов — пекущимися о человеке и склонными помогать ему советом и предостережением, весьма понятно, что все такие явления считались не случайными, а ниспосланными божеством с целью намека или указания человеку, и последний напрягал все свое остроумие для того, чтобы объяснить себе их значение. Эта отрасль мантики носит название *τερατοσκοπεία*. Первоначально каждое явление объяснялось, конечно, посредством более или менее остроумной комбинации его с окружающими обстоятельствами, но мало-помалу образуется традиция, известные явления получают более или менее постоянное объяснение, хотя для остроумия постоянно остается широкий простор, так как по самой природе вещей было невозможно, чтобы одно и то же явление повторялось при совершенно одинаковых обстоятельствах. При этом нужно заметить еще, что вера в вещую силу явлений обыденной жизни вполне зависела от степени религиозности и развития каждой отдельной личности: люди серьезные и разумные мало или вовсе не обращали внимания на многие такие явления, которым толпа придавала важное значение и которые старалась отвращать всяческими средствами, так что большинство таких знамений можно отнести прямо к области суеверия, не имеющего ничего общего с религией.

Л. Кернелъ. Вид на Колизей. Холст (1846 г.).

В числе таких явлений следует, во-первых, упомянуть о знаменательных словах или вообще звуках, которым придавали хорошее или дурное значение, смотря по обстоятельствам, при которых они слышались. Этот вид гаданий упоминается еще в гомеровских поэмах.

Например, Одиссей, по возвращении на родину, намереваясь произвести избиение женихов Пенелопы, просит Зевса послать ему знак, и Зевс исполняет его мольбу: немедленно раздается удар грома, а из дома слышится голос служанки, желающей гибели женихов. Из позднейших времен припомним рассказанный Геродотом случай, имевший место перед битвой при Микале: когда самосцы побуждали спартанского царя Леотихида напасть на персов, он спросил имя говорившего и, услышав имя *Νηψίστρατον*, воскликнул: «Принимаю это имя за доброе предзнаменование». В некоторых местностях Эллады были даже оракулы, дававшие предсказания посредством знаменательных слов, как, например, в ахейском городе Фарах, в беотийских Фивах и пр. В числе знаков весьма важное значение придавалось

чиханию. Очень часто наблюдались и принимались за предзнаменования встречи при выходе из дома или во время путешествия, затем различные случайности домашней жизни, например, если во двор забежала чужая черная собака, если скрипели балки в доме, проливалось масло, вино или вода, и тому подобные явления, которые и в наше время у суеверных людей считаются вещими. Наблюдение и объяснение таких знаменательных явлений в домашней жизни составляло особый вид мантики, носивший название *οἰκοσκοπική*. Наконец, следует упомянуть еще о гадании по жребиям, употреблявшемся у греков с весьма древних времен. Встречаются, конечно, и многие другие виды гаданий, иногда очень странные, но мы не будем касаться их, так как они относятся уже прямо к области суеверия.

Если мы поставим, в заключение, вопрос о значении мантики у древних греков, то должны будем заметить, что широкое развитие всевозможных ее видов уже само по себе достаточно свидетельствует о высоком доверии, которое к ней питали; но степень этого доверия видоизменялась, смотря по времени и по степени развития отдельных личностей, и как во всей вообще греческой религии, так и здесь зачастую самые противоположные воззрения мирно уживались рядом. С одной стороны, мы видим, что и государства, и частные лица не предпринимают ни одного важного дела без совета оракула или без гаданий, с другой — что люди разумные рано поняли, каким прибыльным ремеслом является мантика для всевозможных обманщиков и шарлатанов, и не стеснялись осыпать их насмешками и клеймить презрением. Уже в «Илиаде» Гектор пренебрежительно относится к птицегаданию и произносит знаменитые слова:

Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я

Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?

Ты не обетам богов, а щиряющим в воздухе птицам

Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь

Вправо ли птицы несутся, к востоку Денницы и солнца,

Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.

Верить должны мы единому, Зевса великого воле,

Зевса, который и смертных и вечных богов повелитель!

В VII в. до Р. Х. Аристоксен Селинунтский говорил, что гадатели больше всех внесли шарлатанства в человеческое общество. Сицилийский комик Эпихарм (V в. до Р. Х.) говорит о лукавых гадальщицах, которые надувают глупых баб, берут с них за гадание деньги и все знают по-своему. Ксенофонт советует каждому учиться гадать, чтобы избавить себя от необходимости полагаться во всем на обещания гадателей. Энний, быть может, следуя Эпихарму, называет гадателей суеверными и бесстыдными хвастунами, которые другим обещают миллионы, а сами не имеют драхмы, другим обещают дорогу, а для себя не знают тропинки. Известно, что и в Риме ауспиции, первоначально имевшие столь важное значение в государственной жизни, впоследствии обратились в пустую формальность. Во времена

римских императоров, в эпоху всеобщего упадка языческих верований особенно сильно развилось скептическое отношение к гаданиям и оракулам, которое и повлекло за собой их окончательное падение.

Имеют ли какую-нибудь силу слова и формулы заклинаний? Ни один мудрец не хочет верить в них, а между тем каждым своим действием он ежечасно, сам того не сознавая, свидетельствует о своей вере. Так, полагают, что без определенной формулы жертву заклать бесполезно и что нельзя без нее обращаться к богам; сверх того о ниспослании какого-либо блага молятся по одной формуле, об отвращении какого-либо бедствия — по другой, о принятии дара — по третьей. Высшие магистраты, как известно, всегда в точности соблюдают эти различия. Чтобы в молитве не было пропущено какое-либо слово или нарушен порядок, один читает ее по записи, другой следит за ним, третий смотрит за тем, чтобы все хранили молчание; музыкант играет на флейте, чтобы не было слышно иных слов, кроме молитвы. Особенно помнят о том, что, как только Эриннии шумом помешают молитве или в ней будет сделана ошибка, то немедленно внутренности жертвенных животных следует заменить или удвоить. Еще и теперь сохраняют как образец молитву, которую произнесли Деции, отец и сын, обрекая себя на смерть. Существует и молитва весталки Тукции, которую она читала в 609 г. от основания Рима (в 145 г. до Р. Х.), когда, вследствие обвинения в преступной связи, ее заставили нести воду в решете. Еще на нашей памяти, на Мясном рынке были закопаны в землю живыми мужчина и женщина, кажется, греки, а может быть, из какого-либо другого народа, с которым мы тогда воевали. И если кто-нибудь еще и теперь прочитает молитву, которой сопровождалось это жертвоприношение и которую обыкновенно читает главный жрец коллегии квиндецемвиров, тот, конечно, должен будет признать за заклинаниями силу, о которой свидетельствуют события 830 лет. И теперь мы верим, что весталки простой молитвой удерживают на месте беглых рабов, если только они не успели еще покинуть Рима...

Силу заклинаний признают и законы Двенадцати таблиц: «Кто заворожит полевые плоды...» — говорится в них. И в другом месте: «Кто произнесет страшное заклятие...». Нет человека, который не боялся бы заклинаний и ворожбы. Поэтому есть обычай, например, съев яйцо или улитку, тотчас раздавить скорлупу или разбить ее ложкой... Многие думают, что заклинанием можно разбить глиняную посуду; что змеи сами снимают с себя заговор заговором; что даже во время ночного отдыха они собираются на заклинания марсов.[38] На дверях часто пишут заклинания против пожаров... Катон Старший сообщил заговор против вывихов, Варрон — от подагры. Рассказывают, что диктатор Цезарь после одного опасного падения из повозки всегда, как только садился, три раза повторял заклинание, чтобы обеспечить себе безопасность поездки...

Все это можно подтвердить, сославшись на личное сознание каждого. Почему, в самом деле, в первый день нового года мы взаимно желаем друг другу счастья? Почему во время общественных очистительных жертвоприношений (*lustrum*) вести жертвы поручают людям со счастливыми именами? Почему, говоря об умерших, мы клянемся при этом, что не хотим запятнать их память? Почему нечетные числа обладают, по нашему мнению, особенным значением?.. Почему мы желаем здоровья тому, кто чихнул?.. Думают, что по звону в ушах отсутствующие чувствуют, что о них идут разговоры. Аттал утверждает, что если, увидев скорпиона, сказать «два» — он остановится и не будет кусать. Кстати, скорпион напомнил

мне об Африке: как в других странах не начинают дела, не испросив соизволения богов, так в Африке ничего не предпринимают, не произнеся слова «Африка». За столом есть обычай снимать с рук кольца. Если, омочив палец в слюне, коснуться им за ухом, это облегчает тревожные думы... Если во время обеда зайдет речь о пожаре, мы проливаем воду под стол, чтобы его не случилось. Считается очень дурным предзнаменованием, если кто, вставая из-за стола, покачет скамью, или в то время, когда кто-нибудь пьет, отодвинет стол... В древности хлеб, выпавший из рук, всегда поднимали, и даже не полагалось дуть на него, чтобы очистить от сора; при этом, по словам или мыслям того, с кем это случилось, делались предсказания; считалось особенно ужасным, если хлеб выпадал из рук понтифика во время трапезы в честь Плутона. Для искупления нужно было вновь положить его на стол и сжечь на очаге лара. Говорят, что если лекарство случайно положить на стол, оно теряет силу. Обрезать себе ногти во время римских нундин (базарных дней), начиная с указательного пальца, считается неблагоприятным для денежных дел. Прикосновение к волосам в 17-й и 29-й дни луны охраняет их от выпадения и от головной боли. Деревенский обычай, соблюдаемый почти во всех италийских поместьях, запрещает женщинам во время прогулок по дорогам вертеть веретено и даже вообще нести его незавернутым, так как думают, что это препятствует осуществлению всяких надежд, и особенно надежды на урожай. М. Сервилий Нониан при болезни глаз тотчас же, не называя болезни по имени и, раньше чем кто-либо ее назовет, писал на бумажке две греческие буквы «л» и «α», и вешал ее за нитку на шею. Муциан, бывший три раза консулом, носил таким же образом живую муху в белом мешочке: и оба они уверяли, что благодаря этим средствам глаза их не будут гноиться. Существуют заклинания против града, против многих болезней, против ожогов; некоторые из этих заклинаний были даже испытаны.

Вот как гаруспики объясняли знамения, которые представляли собой внутренности (exta) жертвенных животных.

Их исследованию подвергались селезенка, желудок, почка, сердце, легкие и печень. Мы ничего не знаем о правилах истолкования, относящихся к первым трем органам; мы имеем лишь свидетельство о том, что селезенка иногда менялась местами с печенью. Сердце, вследствие того что его внешний вид менее подвержен случайным изменениям, мало останавливало на себе внимание гаруспиков. Первоначально они даже совсем пренебрегали им, и лишь с 274 г. до Р. Х. сердце появляется среди exta. С этих пор было установлено считать хорошим знамением, если на кончике сердца замечается некоторое ожирение. Отсутствие этого органа считалось чудом. Цезарь именно таким образом был извещен о том, что пурпурная мантия и золотой трон погубят его. Легкие, вследствие того что их внешний вид чаще подвергается изменению, заслуживали большего внимания; если легкое оказывалось как бы расколотым, то следовало отложить всякое предприятие. Но самое существенное значение имело исследование печени.

Одна сторона печени имела отношение к вопрошающему (*pars familiaris*), другая — к судьбе его врагов (*pars hostilis*). Развитие этой последней, богатство сосудов в этой части печени было, следовательно, дурным знаком. Так же были распределены и щели, которые разделяют печень на доли: была щель «дружественная» и щель «враждебная». Чем тоньше и изящнее была линия щели, тем более благоприятным знаком считалось это для вопрошающего или его врагов. Само собой разумеется, что щель, неправильно идущая или необыкновенная,

считалась дурным знаком.

Выдающиеся оконечности печени (*fibrae*) представляли собой части, наиболее обильные знаменами, особенно та, которая называлась головкой печени — выпуклость на краю правой доли. Отсутствие этой выпуклости означало смерть; удвоение — борьбу двух сил, следовательно, раздоры; если она была как бы расколота щелью, то это предвещало переворот и изменение во всем строе жизни, что могло быть и хорошим, и дурным знаком, смотря по обстоятельствам. Нередки были и чудесные случаи, что еще более осложняло анатомическое исследование гаруспиков. Попадалась двойная печень или с двойной оболочкой, что знаменовало силу и благополучие. Наконец, гаруспики изучали и расположение кровеносных сосудов. Это производилось во время варки внутренностей, которые рассортировывались, согласно требованию ритуала, смешивались с кусками известных частей мяса, пересыпались мукой с солью и сжигались на алтаре. Это называлось «подношением внутренностей» (*exta porticere*). Во время торжественных жертвоприношений, если жертвой было рогатое животное, его внутренности сначала варились, а потом подвергались сожжению. Если при этом печень разваливалась так, что распадалась на части, то это было таким же дурным знаком, как и полное отсутствие этого органа.

Толкование ауспий по полету и крику птиц было делом особых гадателей-авгуров. Число птиц, которые при этом подвергались наблюдению, было весьма незначительно; но в то же время всякая птица могла служить непредвиденным знаменем, и некоторые из них всегда являлись зловещими. Некоторые из пернатых (без сомнения, редкие в Риме и Италии) пользовались такой дурной славой, что иногда одно появление их влекло за собой искупительные жертвы.

Птицы, над которыми производились наблюдения авгуров, делились на *alites* и *oscines*, в зависимости от того, чему придавалось значение знамения — полету их или крику. Птицы, посвященные самым древним латинским божествам — зеленый дятел Марса и орел Весты, имели то преимущество, что принадлежали к обеим категориям. Орел, ястреб и сарыч были *alites*; ворон, ворона и ночная сова принадлежали к *oscines*.

Наблюдая *alites*, авгур должен был прежде всего заметить направление их полета, затем высоту, на которой они держатся, последовательность взмахов крыльями и вообще их поведение, т. е. инстинктивные действия, которые они могут производить пролетая. Так, например, ритуал предусматривает случай, когда птица чистится или вырывает у себя перья. Если наблюдались *oscines*, то, кроме указанного выше, надо было заметить частоту, силу и в особенности характер крика. Если ворона была слишком болтлива или ворон кричал сдавленным голосом, то это было дурным знаком. Немалое значение имело также и то, куда сядет птица. Наконец, если крик дятла и вороны считался благоприятным, когда слышался слева, то по отношению к ворону было как раз наоборот.

Могло случиться, что во время наблюдения замечалось несколько различных и даже противоположных знамений. В таком случае, по требованию ритуала, их надо было согласовать друг с другом и выделить преобладающее значение того или другого знамения; при этом имелось в виду не только количество, но и качество их.

Что касается качества, то относительно этого мнения расходились. Между птицами была своего рода иерархия, так что знамение, данное орлом, имело больше значения, чем знамение ворона; но при этом надо было принять в расчет и время появления каждого из обоих знамений. Одни утверждали, что первое знамение имеет преимущественное значение; другие же, наоборот, видели в каждом новом знамении подтверждение или уничтожение предыдущего и придавали больше всего значения последнему знамению.

Наблюдатель, кажется, имел право мысленно определить мгновение, с которого он будет считать знамения действительными. Он мог также ограничиться первым знамением, если оно было благоприятно, или же пропустить вначале несколько дурных ауспиций в ожидании лучших.

Существовал еще особый способ гадания, который назывался *signa ex tripudiis*. При этом замечалось положение и движение птиц, особенно в тех случаях, когда они несли в клюве какой-нибудь предмет, которому можно было придать символическое значение. Греческие предания изобилуют рассказами, в которых птицы роняют сверху что-нибудь, обыкновенно кусочек мяса, похищенный с алтаря в каком-нибудь определенном месте. У Вергилия Эней следит глазами за голубями, посланными ему его матерью Венерой, и замечает, что они едят на лету; эту черту поэт заимствовал из деятельности авгуров. Одно из таких знамений называлось *tripudium sollistimum*, когда птица, глотая с жадной торопливостью пищу, уронит часть ее. В теории таким способом можно было наблюдать всех пернатых; но на практике наблюдение ограничивалось обыкновенно цыплятами, причем охотно прибегали к искусственным мерам, чтобы получить необходимые знамения. Цыплят запирали в клетки и подвергали строгому посту, что располагало их к прожорливости во время ауспиций. Цицерон возмущается подобными приемами. «Разве может быть, — говорит он, — хотя бы тень пророчества в знамении, которое вымучено таким образом? Если бы птица могла свободно проявить себя, то ее поступок был бы знамением, и ее можно было бы принять за вестницу и истолковательницу воли Юпитера. Но когда вы ее держите запертой в клетке, так что она почти умирает от истощения и потом бросается на пищу с такой жадностью, что часть ее роняет из клюва, — неужели это можно назвать ауспициями?»

Очень часто авгуры и гаруспики при истолковании замеченных ими знамений преследовали политические цели. Таково было объяснение гаруспиков в 58 г. до Р. Х., текст которого Цицерон сохранил в своем трактате «Об ответе гаруспиков»: «На латинской земле слышны были шум и стоны, а в соседней местности, прилегающей к городу, какой-то глухой шум и страшный звук оружия, — все это знамения, идущие от Юпитера, Сатурна, Нептуна и Земли (Tellus) — небесных богов, ввиду того что игры отпразднованы были слишком небрежно и были осквернены, священные места употреблены для мирских целей, ораторов умертвили вопреки всем человеческим и божественным законам, данное слово и клятва были попораны, древние и таинственные жертвоприношения были произведены с небрежностью и осквернены. Бессмертные боги предостерегают, чтобы, вследствие раздора и несогласий в высших классах, сенаторы и их вожди, оставленные без помощи, не подверглись опасностям и убийствам, вследствие чего провинции могут восстать под предводительством одного главы, прогнать войска и тем окончательно ослабить государство. Боги предостерегают также, чтобы общественное благо не потерпело ущерба от тайных козней, чтобы не выбирали на высшие должности людей с запятнанной репутацией и приговоренных судом,

наконец, чтобы образ правления остался неизменным».

В разных частях эллинского мира было много таких святилищ, в которых давались верующим прорицания от имени божества, которому было посвящено святилище, его жрецами или, по крайней мере, при их содействии. Такие святилища назывались *μαυτεία* или *χρηστῆρια*, а получавшиеся в них вопрошающими ответы — *μαυτεία* или *χρησμοί*.

Для удобнейшего обозрения оракулов ученые делят их на группы по способам, которыми были сообщаемы прорицания: а) оракулы знаков, которые подразделяются на два вида смотря по тому, состояли ли эти знаки в явлениях природы без всякого участия людей или получались при помощи каких-либо искусственных приспособлений (например, жребиев); б) оракулы экстаза или вдохновения, где ответы были сообщаемы устами вдохновенного богом пророка; в) такие оракулы, в которых божество сообщало свои откровения во сне или в различных видениях, являвшихся в святилище; наконец, г) такие, в которых были вопрошаемы не божества, а души усопших, нарочно для этого вызываемые. В некоторых местностях, впрочем, встречаются рядом различные виды предсказаний.

Оракулов было очень много в Элладе, но известность их была далеко не одинакова, так что о многих мы ничего не знаем, кроме имени, и не можем определить, к какому виду они принадлежали. Мы ограничимся обозрением только наиболее известных оракулов.

Знаменитейшим и древнейшим из оракулов этого вида был Додонский, находившийся в эпирском городе Додона, в области, которой в исторические времена владели молоссы. Здесь находился храм Зевса, еще в «Илиаде» называемого «Пеласгическим»; это название, очевидно, указывает на глубокую древность прорицалища, открытие которого приписывали Девкалиону. Окрестности Додоны в гомеровские времена были населены селлами, которые называются в «Илиаде» «пророками, не моющими ног и спящими на земле»; отсюда видно, что эти селлы заведовали оракулом и вели суровую, отшельническую жизнь. В историческое время они, по-видимому, уже не существовали. Способ предсказаний в гомеровские времена был тот же, что и впоследствии: люди «слушали волю Зевса с высоковерхого дуба». Геродот сообщает о Додонском святилище интересное свидетельство, в котором происхождение его поставлено в связь с Египтом. Он говорит, что по словам египетских жрецов две жрицы были увезены финикийцами и проданы — одна в Ливию, другая в Грецию; они первые основали прорицалища в этих странах. По словам же додонских жриц и служителей храма, две черных голубки вылетели из египетских Фив, одна в Ливию, другая в Додону; сев здесь на дуб, прилетевшая голубка сказала человеческим голосом: «Здесь следует быть прорицалищу Зевса, и люди, признавая это за веление свыше, устроили прорицалище». «Я же, — продолжает Геродот, — думаю об этом так: если в самом деле финикийцы увезли священных женщин и продали одну в Ливию, другую в Грецию, то мне кажется, что эта последняя была продана в Феспротии, которая есть область Пеласгии, называемой теперь Элладю. Потом, служа там, она основала под дубом святилище Зевса. Естественно, что бывшая служительница храма Зевса в египетских Фивах почтила память его там, куда прибыла, и, когда научилась по-гречески, устроила прорицалище. Додонцы называли этих женщин голубками, вероятно, потому, что они были варварского происхождения и, как им казалось, говорили по-птичьи. После голубка заговорила по-человечески, когда женщина стала объясняться на понятном для них языке, прежде говорив по-варварски. Иначе как могла бы

голубка говорить по-человечески? Черный же цвет голубки показывает, что женщина эта была египтянка». Насколько можно доверять этому сказанию о египетском происхождении Додонского прорицалища, нельзя решить определенно. Очень может быть, что как это сказание, так и другое, по которому в Додоне давали предсказания по полету голубей, обязаны своим происхождением исключительно двойному смыслу слова *τελεῖον*: оно значит «серый», «седой», и в Додоне обозначало жриц, избравшихся из пожилых женщин; но, кроме того, слово *τελεῖα* или *τελεῖαη* обозначает вид голубей серого или сизого цвета: эта-то омонимия, быть может, и послужила основанием для приведенных сказаний.

Руины храма Зевса в Олимпии.

Зевс в Додоне почитался под именем *Ναῖον*; рядом с ним пользовалась большим уважением Диона, которую, вероятно, признавали его супругой. Вероятно, существование в Додоне жрецов и жриц находилось в связи с этим двойным культом. По словам Страбона, женщины стали давать прорицания в Додоне именно со времени введения культа Дионы. При Геродоте в Додоне были три жрицы.

В Додоне было несколько способов прорицания. Самый употребительный и древнейший (упоминаемый еще в «Одиссее») — по шелесту листьев священного дуба, росшего близ святилища Зевса. Знаменья, которые бог посылал в шелесте листьев, истолковывались жрецами или жрицами, для чего им необходимо было особое вдохновение; это очевидно из того, что додонские пелиады сравнивались с дельфийской пифией и боговдохновенными сивиллами. Этой необходимостью вдохновения для понимания знамений Додонское прорицалище существенно отличалось от других оракулов знаков. Для того чтобы вызвать вдохновение, без сомнения, употребляемы были разные подготовительные священные обряды (вроде омовений, курений, жертвоприношений и т. п.), но о них не сохранилось определенных известий.

Комментатор Вергилия Сервий упоминает о гадании по журчанию воды источника, протекавшего у корня священного дуба. Вероятно, это был тот самый источник, вода которого, по словам Плиния, имела чудесное свойство зажигать погруженные в нее погасшие факелы, хотя горящие факелы при погружении в нее гасли, как в обыкновенной воде. Очень может быть, что жрицы пили эту воду для возбуждения вдохновения перед гаданием, как в Дельфах пифия — воду Кассотидского источника.

Далее мы имеем достоверное свидетельство о гадании в Додоне по жребиям. Именно Цицерон рассказывает, что когда спартанские послы перед сражением при Левктрах явились сюда спросить о победе и поставили сосуд, в котором были жребии, любимая обезьяна молосского царя перемешала и разметала жребии и все, что было приготовлено для гадания. После этого жрица сказала, что лакедемонянам следует думать не о победе, а о спасении. Стало быть, гадание производилось так, что вопрошающий, положив жребии в сосуд, ставил его на определенное место, вероятно, на жертвенник. Кто вынимал жребии — вопрошающий или жрец, остается неизвестным, но значение вынутого жребия объясняла, по-видимому, жрица.

Еще неоднократно упоминается «додонская медь». Это был пожертвованный керкирцами медный таз, поставленный на столбе, подле которого на другом столбе стояла медная же

статуя мальчика, державшего в руке бич из трех медных цепочек с игральными костями на концах. Эти кости касались таза и, ударяясь об него при малейшем ветерке, производили протяжные звуки. Первоначально этот дар керкирцев служил только для украшения и выражение «додонский таз» или «додонская медь», «додонский бич» употреблялось в виде поговорки для обозначения болтливой, никогда не умолкающего человека; но в более поздние времена, быть может, производились гадания и по звукам, производимым ударами бича о таз.

При раскопках, произведенных в Додоне Карапаном, найдено было довольно много свинцовых табличек, на которых были написаны обращенные к оракулу вопросы.

Додонский оракул пользовался меньшей известностью и уважением, чем Дельфийский, но все-таки к нему нередко обращались не только соседи, но и более отдаленные государства (Спарта, Афины, Фивы и др.) или частные лица и даже иностранцы (Крез, по Геродоту). Этолийцы нанесли Додоне решительный удар своим набегом в 219 г.; во времена Страбона Додонское прорицалище было в полном упадке, но все-таки продолжало существовать даже при императоре Юлиане, который обращался за советом в Додону и Дельфы перед походом в Персию в 361 г., и окончательно исчезло, вероятно, только при Феодосии.

Почти одинаковой с Додонским оракулом известностью пользовался оракул Зевса-Аммона, находившийся в Ливии, в оазисе Сива, недалеко от г. Кирена. Собственно говоря, это не был греческий оракул, но его нельзя обойти молчанием, так как он имел огромное значение и для Греции, как это видно, между прочим, из того, что Дельфы, Додона и Аммон нередко ставятся рядом. Греки рано отождествили Аммона со своим Зевсом и, если верить Геродоту, слава его оракула уже в VI в. была так велика, что к нему обращался, в числе прочих греческих оракулов, лидийский царь Крез; но особенно прославился он после похода Александра Македонского. Способ гадания состоял в том, что жрецы в торжественной процессии носили на плечах кумир божества и особый жрец по колебанию и движениям кумира узнавал волю божества и сообщал ее вопрошающим.

Из других оракулов-знаков прежде всего упомянем об Олимпийском «пророческом алтаре Зевса», как называет его Пиндар. Здесь гадания производились посредством иероскопии. Гадатели из рода Иамидов славились тем, что умели извлекать из жертвенных знамений гораздо больше указаний, чем другие. Они гадали не только по внутренностям животных, но и по горению жертвенных кусков на алтаре и даже по кожам животных. Чаще всего, конечно, прибегали к их искусству прибывавшие в Олимпию для состязаний атлеты и их родственники, чтобы погадать насчет победы и т. п.; однако иногда обращались к Олимпийскому оракулу и государства, например, спартанцы в тех случаях, когда при наблюдении эфорами небесного свода являлись знамения, указывавшие на недовольство богов царями.

В ахейском городе Фары находилось прорицалище Гермеса, которое Павсаний описывает так. На площади стояла статуя Гермеса и перед ней жертвенник. Вопрошающий приходил вечером, воскурял благовония перед статуей, подливал масла в лампу, клал монету в урну, стоявшую направо от статуи, и говорил на ухо последней свое желание; затем, заткнув уши, уходил; дойдя до конца площади, открывал уши и первое слово, которое затем слышал, признавал ответом бога. Это — образец гадания по звукам.

Подобные же оракулы были в Фивах при алтаре Аполлона Сподия (где, впрочем, гадали и по горению жертв), в Смирне и пр.

Все оракулы этого вида, по своему значению стоявшие гораздо выше оракулов знаков, были посвящены Аполлону, богу света, которому приписывалось свойство просветлять души людей и приводить их во вдохновенное состояние, в котором они произносили слова, считавшиеся ответом самого бога на предложенный ему вопрос. Эти слова, большей частью несвязные, записывались жрецами или другими посредниками, состоявшими при святилище, и облекались обыкновенно — по крайней мере, в лучшие времена Эллады — в стройную поэтическую форму. Чем обуславливался экстаз прорицателей, мы не всегда можем определить с достоверностью, но что тут не был исключительно грубый обман, рассчитанный на легкое верие толпы, это доказывается уже тем, что все экстатические прорицалища находились в таких местах, где существовали явления природы, которым приписывалась воодушевляющая сила, как, например, трещины скал, испускавшие испарения, источники воды, обладавшей какими-либо особыми свойствами, и т. п. Если и может быть речь о намеренном обмане, то только со стороны жрецов или посредников, которые, однако, благодаря оживленным сношениям со всеми областями эллинского мира, обладали такими обширными знаниями и такой политической мудростью, что, по крайней мере в лучшие времена, прикрываясь авторитетом своего бога, руководили всей общественной и религиозной жизнью Эллады. Все сказанное относится главным образом к знаменитейшему из оракулов этого вида — Дельфийскому, с которым мы теперь и познакомимся ближайшим образом.

Руины Дельфийского святилища.

Город Дельфы, упоминаемый уже в гомеровских поэмах под именем Пифона, лежал в Фокиде на южном скате горы Парнас, близ реки Плист. К Дельфам вели три главных священных пути: один с севера от Темпейской долины через Фессалию, землю малийцев и Дориду, другой с востока из Беотии, Аттики и Пелопоннеса, третий с юга от Криссейского залива, где высаживались на берег приезжавшие в Дельфы морем. Горная долина, в которой лежал город, с севера замыкается двумя крутыми скалами, разрезанными узкой впадиной, в которой до сих пор сохранился знаменитый в древности Кастальский источник.

Предание, сохранившееся в так называемом Гомеровском гимне «К Аполлону», приписывает основание Дельфийского прорицалища самому богу. Ища удобного места для своего святилища и оракула, бог обошел многие области Эллады и, наконец, остановился в Криссе, у подошвы Парнаса. Задумав основать здесь храм, Аполлон сам отмерил землю, а художники Трофоний и Агамед возвели потом постройку. Здесь жил тогда злой дракон, вскормивший губительного Тифона, рожденного гневной Герой; Аполлон убил его стрелой и оставил гнить. По другому преданию, дракон Пифон служил стражем прорицалища, которое сначала принадлежало Гее (Земле), потом Фемиде, а затем Фебе, которая наконец передала его Аполлону. Затем бог стал искать людей, которые могли бы служить ему и сообщать смертным его прорицания. Заметив на море корабль с критскими моряками, плывшими по торговым делам, Аполлон превратился в дельфина и приманил корабль в Криссейский залив, затем, золотой звездой взлетев к небу, спустился в виде прекрасного юноши и, назвав себя критянам по имени, приказал принести себе жертву. Критяне исполнили приказание и

совершили жертвоприношение Аполлону Дельфинию, после чего он ввел их в храм и поставил своими жрецами.

В основе этого поэтического предания, вероятно, лежат намеки на действительные факты. В предании об убиении дракона видят указание на уничтожение лучами весеннего солнца губительных испарений, поднимающихся зимой из стоячих вод, или вообще на оздоровление местности, бывшей прежде вредной для жителя. Предание о переходе прорицалища от одного божества к другому указывает на постепенное развитие и видоизменение религиозных верований, последней и высшей степенью которых является культ Аполлона, бога физического и духовного света. Ввели этот культ или, по крайней мере, способствовали его развитию критские выходцы, поселившиеся на криссейском берегу, хотя и нет надобности думать, что само прорицалище было основано критянами (этого не утверждает и сам гимн).

Аполлон, Афина и музы. Рельеф на саркофаге (I в.).

Причиной основания прорицалища в Дельфах послужила следующая физическая особенность: в одной из местных скал, почти на половине ее высоты, на небольшой площадке находилась глубокая трещина, из которой выходили холодные испарения, приводившие всякого, кто приближался к ней, в состояние беспамятства, в котором подвергающийся влиянию испарений невольно произносил бессвязные слова. Храм был построен так, что трещина приходилась в его адитоне. Открытие свойства испарений приписывали пастуху Корету.

Предание, сообщаемое Павсанием, насчитывает несколько храмов, предшествовавших тому, постройка которого приписывается Трофонию и Агамеду и который существовал здесь в исторические времена. Этот храм сгорел в 548 г. до Р. Х. и после того амфиктионами построен был новый на суммы, собранные во всей Элладе и даже в иностранных государствах. Подряд на постройку взяли афинские Алкмеониды, жившие тогда в изгнании, и выполнили его лучше, чем обязаны были по договору, именно вывели его передний фасад из паросского мрамора, хотя по условию могли построить весь храм из простого камня. Строителем храма был коринфский архитектор Спинфар.

Крепкая каменная стена окружала священный округ, в котором кроме главного храма находились и другие святилища, сокровищницы разных государств и множество статуй и других даров, пожертвованных набожными поклонниками Аполлона или просто лицами, желавшими увековечить таким образом свои имена. Здесь же лежал небольшой священный камень (вероятно аэролит), по преданию, некогда поглощенный Кроносом; камень этот ежедневно поливали маслом, а в праздники покрывали шерстью. Фронтоны главного храма были украшены изображениями главных дельфийских божеств (Аполлона, его матери Лето и сестры Артемиды, затем муз, Гелиоса и Диониса) работы художников Праксия и Андросфена, а преддверие его — изречениями семи греческих мудрецов, изображением буквы E, значение которой объяснялось различно, и статуей Гомера. В следующем отделении храма стояли жертвенник Посейдона, статуи двух мойр, Зевса Мойрагета и Аполлона Мойрагета и священный очаг, на котором поддерживался неугасимый огонь. Внутреннее святилище, в котором находилась трещина, по словам Павсания, было доступно лишь немногим; в нем кроме знаменитого треножника пифии находились золотая статуя Аполлона, лавровое дерево, источник Кассотида, проведенный из храмовой ограды, и так называемое

средоточие земли (омфалос, пуп земли), состоявшее из куполообразного беломраморного камня, по сторонам которого были два золотых орла с распушенными крыльями. Этот омфалос напоминал собою древнее сказание: Зевс, желая определить средоточие земли (которую древние представляли себе плоской), выпустил с двух противоположных концов ее (с востока и запада) двух орлов, которые слетелись именно в этом месте. Перед храмом стоял огромный алтарь для сжигания жертв, а близ него после сражения при Платеях поставлен был известный победный дар греков, состоявший из золотого треножника на бронзовом пьедестале, сделанном в виде трех свившихся змей.

Предсказания давались в Дельфах следующим образом. В адитоне над отверстием трещины стоял высокий треножник, на который садилась пророчица, называвшаяся пифией и избиравшая сначала из молодых непорочных девиц, а впоследствии из женщин не моложе 50 лет. В древнейшие времена прорицания давались, кажется, только однажды в год, именно весной, в месяце, который в Дельфах назывался Βυσίος; в цветущие времена оракула — ежемесячно по несколько раз, за исключением тяжелых дней, причем при святилище состояли две пифии и третья запасная; во времена Плутарха была уже только одна пифия и прорицания давались однажды в месяц.

Обращающиеся за советом к оракулу получали прорицания в порядке, определенном жребием; право допущения к прорицалищу вне очереди давалось дельфийцами только за особые заслуги, как государствам, так и частным лицам. Все обращающиеся обязаны были предварительно совершать жертвоприношения и другие священные обряды по указанию жрецов. В жертву приносили коз, которых предварительно подвергали испытанию, чтобы решить, будут ли они угодны Аполлону (между прочим, обливали животное водой и, если оно при этом содрогалось, то жертву считали угодной). Если результат гаданий оказывался неблагоприятным, предсказания отлагались до следующего дня. Распорядителями и руководителями при обращении к оракулу были пять жрецов, избиравшиеся по жребию из благородных дельфийских родов, производивших свое начало от Девкалиона. Кроме них при храме состояли два пожизненных жреца, пророки, излагавшие и объяснявшие изречения пифии, и путеводители, руководившие посетителями при осмотре священных памятников и достопримечательностей.

В день прорицания пифия, очистившись омовением в Кастальском источнике, надевала великолепную златотканую длинную мантию и котурны, возлагала лавровый венок на распушенные волосы и, прежде чем сесть на треножник, пила воду из источника Кассотида и жевала лавровый лист. Придя в экстатическое состояние вследствие поднимавшихся из трещины испарений, она произносила несвязные слова, которые, по верованию древних, исходили из уст пифии под прямым наитием божества. Испарения иногда действовали так сильно, что становились даже опасными для жизни пифии. Плутарх рассказывает, что в его время однажды пифия так сильно поражена была испарением, что со страшным криком соскочила с седалища и бросилась вон из храма; испуганные жрецы также бежали, но потом, опомнившись, возвратились и нашли пифию лежащей без чувств; через несколько дней она скончалась.

Ответы пифии слагались обыкновенно стихами (гекзаметрами, а в более поздние времена также элегическим размером или ямбическими триметрами). Наречие в стихах было

обыкновенно эпическое, смешанное с дорическим; нередко стихи самим древним казались тяжелыми и нескладными. Впрочем, уже во времена Александра Македонского ответы давались нередко в прозе (на дорическом наречии), а во времена Плутарха стихотворные ответы были уже редкостью. Ответы, как известно, весьма часто были темны и загадочны, что отчасти объясняется свойствами древнейшей греческой поэзии, отчасти преднамеренным старанием жрецов выражаться двусмысленно, так чтобы ответ во всяком случае соответствовал исходу события, будет ли он благоприятен или неблагоприятен для вопрошавшего.[39] Кроме ответов пифии в Дельфах были еще гадания по шелесту листьев священного лавра, стоявшего над треножником пифии, а также по жребиям.

Дельфийское прорицалище пользовалось огромным уважением и авторитетом в древнем мире вплоть до совершенного упадка языческих верований. Ни одно важное государственное или частное предприятие не совершалось без совета оракула, и всякий старался обращаться в Дельфы преимущественно перед другими прорицалищами, в особенности по религиозным вопросам. Данный в Дельфах совет признавался за выражение непреклонной воли божества, и все старались свято исполнить его, отчего рождалось единодушие и согласие в действиях — необходимое условие успеха всякого предприятия. В V в. до Р. Х. прорицалище стояло в апогее своей славы и могущества. После Пелопоннесской войны, с упадком религиозных верований и развитием вольнодумства стало ослабляться и могущество Дельфийского прорицалища, тем более что оно иногда действовало явно в угоду сильным. Например, Демосфен не усомнился публично обвинить пифию в подкупе Филиппом. Опустошение Дельфийского храма фокейцами в 3-ю Священную войну нанесло жестокий удар прорицалищу; оно никогда уже не могло потом подняться до прежнего блеска, и недоверие к нему стало все более и более возрастать. По словам Цицерона, дельфийские предсказания не только в его время, но уже с давних пор пользовались величайшим презрением. Во времена Страбона храм был очень беден. Император Нерон, вероятно, в гневе за неблагоприятные предсказания, совсем закрыл и осквернил прорицалище, но вскоре оно снова стало действовать. Плутарх, бывший в Дельфах жрецом и агонифетом, оставил нам весьма интересные сведения о современном ему положении святилища (во 2-й половине I и начале II в. по Р. Х.) Окончательно оно было закрыто по повелению императора Феодосия в 394 г. по Р. Х.

Из других Аполлоновских оракулов, которых было очень много в разных местах Эллады и Малой Азии, наиболее известен оракул в Дидимах близ г. Милет, существовавший, по преданию, еще до переселения ионийцев. Оракул находился во владении рода Бранхидов, ведших свое происхождение от Бранха, мифического любимца Аполлона, самим богом посвященного в пророки. При храме находился источник, вода которого производила пророческий экстаз; пророчица, вдохновленная питьем воды и вдыханием выходящих из источника газов, сидя на треножнике со священным жезлом в руках, давала прорицания, которые сообщал вопрошавшим стоявший подле нее жрец, как в Дельфах. При усмирении восстания малоазиатских греков святилище было ограблено и сожжено персами. Впоследствии Ксеркс снова сжег возобновленный храм, сокровища которого добровольно выдали ему Бранхиды, переселившиеся затем во внутреннюю Азию. Однако храм вскоре возобновлен был милетцами, и прорицалище существовало еще в IV в. по Р. Х.

Остальные Аполлоновские оракулы по своей известности и значению далеко уступали

вышеописанным. Оракул в фокидском городе Абы пользовался значением в V в. до Р. Х., но впоследствии пришел в упадок, так что при Павсании (II в. по Р. Х.) давно уже не существовал. В Беотии, отличавшейся изобилием оракулов, было несколько прорицалищ Аполлона, из которых особенно известен был оракул Аполлона Птойского близ г. Акрефия в фиванской области, где бог объявлял свою волю устами пророка. Геродот и Павсаний рассказывают, что в 479 г. посланник Мардония, кариец по происхождению, получил от этого оракула ответ на своем родном языке. При Павсании оракул уже не существовал. В Фивах известен оракул Аполлона Исменийского. В Аргосе был оракул в храме Аполлона Дирадиота, основанный из Дельф. Предсказания давала раз в месяц целомудренная пророчица, приходившая в экстаз вследствие вкушения крови принесенного в жертву барана. Оракул действовал еще во времена Павсания.

В Малой Азии кроме вышеупомянутого Дидимского оракула было много и других, менее важных. Особенно известен был весьма древний оракул в Кларосе близ Колофона; основательницей его, по преданию, была Манто, дочь славного фиванского прорицателя Тиресия. Предсказания давал жрец, избиравшийся из определенных родов, преимущественно из Милета. Ему не предлагали вопросов, а сообщали только число и имена вопрошавших; он входил в пещеру, пил воду из протекавшего в ней источника и затем давал ответы, облеченные в стихотворную форму, хотя он, как утверждали, в большинстве случаев был человек совершенно необразованный. Вода источника производила вредное действие на организм, так что прорицатели обыкновенно были недолговечны. Известен также оракул в ликийском городе Патарах. Здесь пророчицу запирали на ночь в храме, где бог посещал ее и сообщал ей свои откровения; по словам Геродота, предсказания здесь давались «не всегда»; можно предположить, что оракул действовал только зимой, когда Аполлон, по верованию греков, пребывал в Патарах, между тем как лето проводил он на своем родном острове Делос, где также был оракул. Далее упоминаются оракулы в Адрастее и Зелее в Троаде, близ г. Фимбры на р. Меандр, в г. Гринья близ Смирны, в киликийских городах Селевкия и Малл, при ликийском г. Кианеи и пр.

Переходя к оракулам сновидений, прежде всего упомянем о святилищах Асклепия, в которых больные проводили ночь и во сне получали предсказания о своем здоровье. Таких святилищ было много в разных местах Эллады. Наибольшей славой пользовалось святилище в местечке Λῆσσα близ Эпидавра; затем известны святилища в Афинах (на южном склоне Акрополя), на о. Кос, в малоазиатском г. Пергам, в фессалийском г. Трикка, где некогда владычествовали сыновья Асклепия Подалирий и Махаон, герои Троянской войны, и во многих других местах. Эти святилища преимущественно находились в таких местах, которые отличались природными целительными свойствами, как, например, целебными водами, особенно здоровым воздухом, богатой растительностью и т. п. Находившиеся при святилищах жрецы были вместе с тем и врачами; они предписывали являвшимся больным ванны, очищения, давали диетические наставления и пр., затем после предварительных жертвоприношений, молитв и других обрядов оставляли больного спать в храме, где бог и давал ему свое откровение во сне. Весьма естественно, что после предварительных приготовлений, настраивавших в известную сторону воображение больного, подходящие сновидения действительно могли являться. Больные утром рассказывали их жрецам, которые истолковывали сны и определяли дальнейшее лечение. Выздоровевшие нередко описывали

свои болезни и средства излечения на таблицах, которые и вешали в храме. Такие таблицы иногда давали и врачам (например, Гиппократу) полезные указания. В Эпидаврском святилище Асклепия Павсаний видел плиты, на которых были записаны чудесные случаи исцеления. Некоторые из этих плит, в целом виде или в обломках, найдены при раскопках, произведенных в святилище Афинским археологическим обществом.

Оракулы сновидений были, впрочем, не только для больных в святилищах Асклепия, но и при храмах других богов и героев, куда обращались за откровением в разных случаях жизни. Наибольшей известностью и уважением пользовался между ними оракул Амфиарая близ г. Ороп на границе Аттики и Беотии. Амфиарай был аргосским мифическим героем из рода славного прорицателя Мелампода, участвовавшим в походе Семерых против Фив и после поражения своих союзников поглощенный землей. Желавший получить предсказание в его святилище предварительно подвергался очищениям, три дня постился и одни сутки воздерживался от вина, причем совершал разные очистительные обряды и жертвоприношения не только Амфиарая, но и многим другим богам и героям; затем он приносил в жертву Амфиарая барана, на шкуре которого потом ложился спать в храме и ожидал откровения во сне. Вопросавший об излечении от болезни должен был после исцеления бросить золотую и серебряную монету в священный источник, протекавший вблизи святилища. Сюда обращались, однако, за советами не только в болезнях, но и в разных других случаях. Фиванцы, как исконные враги Амфиарая, не допускались к инкубации (сну в храме), равно как варвары и рабы.

Из других оракулов сновидений отметим более известные. В фокидском городе Амфиклея больные ночевали в святилище Диониса, который давал им во сне откровения, объяснявшиеся жрецом в состоянии экстаза. В г. Фаламы на западном берегу Лаконики был оракул в храме Пасифаи, которую одни считали дочерью Атланта, другие — дочерью Амикла, третьи отождествляли с Кассандрой, дочерью Приама, наконец, иные считали за Ино, дочь Кадма. Сюда иногда обращались даже лаконские эфоры. Оракулы Ночи в Мегарах и Геи в Олимпии также, без сомнения, были инкубационными, равно как и оракул богини Бризо на Делосе, куда обращались с вопросами относительно мореплавания и рыбной ловли. В Карии в Нисейской деревне близ города Ахараки было святилище Плутона, куда обращались больные; но спали в святилище обыкновенно не сами они, а жрецы, которые потом и лечили их на основании своих сновидений. В киликийском г. Малл был оракул, основанный, по преданию, мифическими предсказателями Мопсом и Амфилохом. В Апулии на холме Дрион был оракул Калханта; вопрошающие приносили ему в жертву черного барана, на шкуре которого потом ложились спать.

Совершенно особого вида был оракул Трофония при г. Лебадия в Беотии. В мифических преданиях Трофоний и брат его Агамед представляются как герои-строители; между прочим, они построили дельфийский храм и по окончании этой постройки были найдены умершими безболезненно в самом храме. Такая смерть, по объяснению древних, была дана им в награду за постройку. По другим преданиям, они построили сокровищницу для царя Гириея и в ней оставили незаметную лазейку, через которую по ночам воровали сокровища; когда же царь, заметив воровство, поставил в сокровищнице ловушку и Агамед попался в нее, то Трофоний, чтобы виновники воровства все-таки остались неоткрытыми, отрубил брату голову, унес с собой и похоронил в Лебадии, но в наказание за убийство был поглощен землею у самой

могилы Агамеда. Цицерон отождествляет Трофония с Меркурием, другие смешивали его с Зевсом или присоединяли его имя к имени Зевса как прозвище; однако лебадийские надписи свидетельствуют, что местными жителями Трофоний только почитался рядом с Зевсом Царем, но не отождествлялся с ним. Подробнейшее описание Трофониева оракула дает нам Павсаний, который сам посетил его. В священной роще стояли храмы Трофония, Доброго демона и Доброго счастья. Желавший спросить Трофония должен был жить здесь несколько дней, купаться в протекавшей через рощу речке и соблюдать чистоту, а также приносить жертвы Трофонию, его детям и другим божествам (Аполлону, Крону, Зевсу Царю, Гере и Деметре-Европе, кормилице Трофония); мясо жертвенных животных служило пищей готовившимся к вопрошанию оракула. При каждом жертвоприношении производились гадания по внутренностям животных с целью узнать, благоволит ли Трофоний принять вопрошающего, но решающее значение имело только гадание при жертвоприношении, совершавшемся в последнюю ночь перед вопрошанием и состоявшем из барана, которого закалывали в честь Агамеда как подземного героя, над ямой, в которую выливалась кровь жертвы. Если при этом жертвоприношении получались благоприятные знамения, то в ту же ночь начинались окончательные приготовления. Два 13-летних мальчика, сыновья лебадийских граждан, отводили вопрошающего к реке, омывали и намазывали маслом. После омовения вопрошающий был отводим жрецами к источникам Забвения и Памяти; из первого он пил воду в знак того, что он должен забыть все, что до сих пор было у него в мыслях, а из второго — для того, чтобы удержать в памяти все, что ему откроется в святилище. Затем он молился перед древним кумиром работы Дедала, показывавшимся только в таких случаях; после молитвы поклонника одевали в полотняный хитон, опоясывали священными повязками, обували в особого рода башмаки и вели к оракулу. На горе за рощей находилось место величиной с небольшой молотильный ток, обнесенное беломраморной стеной, имевшей менее двух локтей вышины; на стене стояли медные обелиски, соединенные между собою медными же цепями. Внутри ограды находилась трещина, обработанная искусственно в виде хлебной печи и имевшая в поперечнике около 4 локтей, а в глубину до 8 локтей. Спустившись через это отверстие по узкой подвижной лестнице вниз, посетитель находил в скале другое небольшое отверстие, через которое ему предстояло проникнуть далее. Он ложился здесь на землю, держа в руках медовые лепешки, и просовывал в отверстие ноги до колен; невидимая сила, подобно водовороту, быстро увлекала его в священное подземелье, где он и получал откровение в каком-либо видении или в словах. Затем та же невидимая сила выбрасывала его обратно через отверстие ногами вперед. Здесь жрецы принимали поклонника, потрясенного всем случившимся и чуть живого от ужаса сажали на седалище Памяти и расспрашивали о виденном и слышанном; затем родные или близкие люди отводили его в святилище Доброго демона и Доброго счастья, где он окончательно приходил в себя. Откровения оракула записывались на досках. Таков рассказ Павсания. Говорят, что гадание у Трофония производило такое сильное впечатление на суеверных и слабых людей, что они надолго оставались мрачными и задумчивыми и даже будто бы не смеялись всю остальную жизнь. По всей вероятности, жрецы умели посредством целесообразных приготовлений приводить вопрошающего в такое состояние, что он не мог отдавать себе точного отчета в видениях, представлявшихся ему в подземном святилище, хотя, конечно, остается неизвестным, какого рода были эти явления и какими средствами они производились. Конечно, жрецы допускали к гаданию только людей верующих; личности сомнительные всегда могли быть устранены посредством неблагоприятных знамений при

жертвоприношениях, а те, которые проникали в святилище насильственно и без предварительных обрядов, дорого платили за свою смелость; так случилось с одним солдатом Деметрия Полиоркета, пробравшимся в пещеру с целью грабежа: труп его был найден далеко от входа в пещеру. Оракул Трофония пользовался известностью уже при Крезе, который спрашивал его в числе прочих; затем во время греко-персидских войн Мардоний между прочими оракулами обращался и к нему. Слава его еще более возвысилась после того, как он предсказал фиванцам победу при Левктрах. Во времена Плутарха из многочисленных беотийских оракулов действовал уже один только Трофониев; он существовал, как кажется, еще и во времена Тертуллиана (нач. III в. по Р. Х.). Очень может быть, что город Лебадия именно славе своего оракула обязан тем, что во времена римских императоров сделался главным городом всей Беотии.

Под именем *νεκρομαντεία* разумелись такие оракулы, где вызывались души умерших для того, чтобы давать откровения живым. Еще с глубокой древности была распространена мысль, что дар предсказания не оставляет человека и после смерти и что душу всякого умершего можно вызвать посредством жертв и заклинаний и заставить отвечать на вопросы. Древнейший пример такого рода гадания известен из «Одиссеи»: Одиссей является к входу в подземное царство и вызывает душу фиванского прорицателя Тиресия, чтобы получить от нее предсказание относительно возвращения на родину. Вызов мертвых в таких оракулах, по всей вероятности, был родом обольщения чувств или галлюцинаций, производимых свойствами местности и искусственными средствами, знанием которых обладали состоявшие при оракулах жрецы; при некоторых оракулах, может быть, имела место инкубация, так что души умерших являлись в сновидениях, и таким образом, оракулы этого вида были близко сходны с оракулами сновидений. Такой оракул был при гробнице Тиресия близ беотийского города Галиарт, у источника Тельфуса. Гробницу Тиресия показывали еще во времена Павсания; но оракул тогда уже не существовал, по мнению Плутарха, вследствие того что прекратились пророческие испарения, поднимавшиеся здесь прежде из земли. Отсюда можно заключить, что здесь вопрошающие под влиянием испарений приходили в какое-нибудь особое состояние, которое верующие и объясняли как наваждение Тиресия.

Приношение мертвым. Иллюстрация к «Греческим трагедиям» (1880 г.).

Весьма известный оракул подобного рода был также в Нижней Италии близ г. Кумы, на Авернском озере. По описанию Страбона, озеро это было окружено обрывистыми, поросшими дремучим лесом берегами, вид которых наполнял душу священным страхом; из озера поднимались ядовитые испарения, которые были убийственны даже для пролетавших над ним птиц; эти особенности местности подали повод думать, что здесь находились врата, ведущие в царство мертвых. Весьма распространено было предание, что именно сюда являлся Одиссей. Заведовавшие оракулом жрецы сначала умилоствовали подземных богов молитвами и жертвоприношениями, затем посредством заклинаний вызывали душу того, кто был назван вопрошающим. Души являлись в тумане, как тени, но могли говорить и отвечали на предлагаемые вопросы. Само собой разумеется, что туманные образы, в которых являлись души, и их голоса были производимы жрецами посредством разных искусственных средств. Во времена Страбона оракул уже не существовал, окружавшие озеро леса были вырублены и местность заселена. Известны еще такого рода прорицалища в Феспротии при г. Кихира, при святилище Аида, в Гераклее Понтийской и в Лаконике на мысе Тенар, где также, по

верованию древних, находился вход в подземное царство. Были также отдельные заклинатели, которые вызывали душу умерших не под авторитетом какого-либо святилища или культа, а самостоятельно (особенно много было их в Фессалии, считавшейся вообще страной колдовства и чудес); но это было, конечно, только грубое шарлатанство и извращение религиозных верований, каким его и признавали здравомыслящие люди древности.

Глава 2

«ТЕБЯ ВСЕМ СМЕРТНЫМ ХВАЛИТЬ ПОДОБАЕТ»:

религиозные праздники и мистерии

Хоровода песни для Аполлона милы

И пляски хора.

Тяжкие стоны и плач — Аида доля.

Религиозные праздники. — Античный календарь. — Общеэллинические праздники. — Олимпийские игры. — Пифийские игры. — Истмийские игры. — Немейские игры. — Афинские праздники: Панафиней, Анфестерии, Дионисии и др. — Праздники Пелопоннеса. — Беотийские праздники. — Дельфийские праздники. — Праздники островов Эгейского моря. — Праздники городов Малой Азии. — Праздники западных колоний. — Римские праздники. — Мистерии. — Элевсинские мистерии. — Самофракийские мистерии. — Критские мистерии. — Орфическое учение. — Мистерии Митры.

В своей повседневной жизни, как государственной, так и частной, эллины очень часто обращались к богам с молитвами, жертвоприношениями и другими религиозными обрядами. Но кроме таких религиозных актов, обусловленных теми или другими ближайшими причинами, наиболее уважаемым божествам посвящались особые, периодически повторявшиеся (ежегодно или раз в несколько лет) дни, в которые в честь их для отвращения их гнева или снискания милости, совершались различные религиозные обряды и в которые люди чувствовали себя в ближайшем общении с данным божеством, чествовали и прославляли его торжественными процессиями, разными зрелищами и т. п. Такие дни назывались у эллинов *εορταί*. Уже в гомеровские времена, по-видимому, были правильно повторяющиеся праздники; но у Гесиода встречается только упоминание о счастливых и несчастных днях и о посвящении божествам некоторых отдельных дней. В исторические времена количество праздников было весьма значительно. Разумеется, не все праздники совершались одинаково торжественно и не все дни, в которые тем или другим божествам совершались жертвоприношения, считались праздничными, подобно тому как и у нас богослужение совершается и в будни. Значительная часть праздников, в особенности древнейшего происхождения, была посвящена богам, как господствующим в природе силам, от которых зависели перемены времен года, фазы небесных светил, атмосферные явления, урожаи или неурожаи, одним словом, все благоприятные или неблагоприятные для человека явления природы. В других праздниках боги чествовались как устроители и покровители общественного и нравственного порядка, а иногда почитались и вместе в том и другом значении, так как в тех же силах природы древние видели и нравственные существа, то

милостивые, то немилостивые к человеку. Далее совершались праздники в воспоминание исторических событий, в которых боги, как казалось, особенно наглядным образом проявили свою силу. Наконец, вследствие общего верования, что умершие люди, пребывая в подземном царстве, имели притязание не только на почетную память в потомстве, но и на дары и жертвы, кроме частных поминок в среде отдельных родов, совершались в память усопших и общественные праздники, при которых, конечно, не были забываемы и боги, правившие в подземном царстве.

Все праздники, имевшие отношение к переменам времен года или состояний погоды и к другим правильно повторявшимся явлениям природы, совершались в такие времена, которые соответствовали их значению. Так, весной почитались божества света и воскресающей жизни природы, преимущественно Аполлон и сестра его Артемида; в следующие затем летние месяцы господствующий в южных широтах Европы зной подавал повод к богослужебным установлениям, имевшим целью отвлечь его губительное влияние от людей, животных и полевых плодов; жатва и посев сопровождалась празднествами в честь Деметры и других богов-покровителей земледелия, при этом прославлялись благодеяния земледелия и связанной с ним цивилизации; сбор винограда и разные фазы виноделия подавали повод к праздникам в честь Диониса, культу которого, таким образом, была посвящена преимущественно поздняя осень и зима. Каждое отдельное явление сельской, пастушеской или мореходной жизни также сопровождалось религиозными обрядами; а так как эти явления во многих случаях были тесно связаны с определенными временами года (например, начало и конец мореплавания, выгон стад на летний корм и т. п.) и были общими более или менее значительному кругу людей, то и из этих обрядов могли возникать праздники, приуроченные к определенным пунктам в году. Празднества, связанные с мифами или прозваниями божеств, имевшими отношение к явлениям природы, совершались в то время, когда эти явления происходили под греческим небом; праздники, установленные в воспоминание исторических событий, совершались или в самый день события, или в ближайшее к нему время и т. д. Таким образом, время каждого праздника избиралось не по произволу, а определялось теми или другими вескими причинами. Само собою разумеется, что у эллинов случались, кроме того, экстраординарные празднества, не повторявшиеся периодически, а совершавшиеся только однажды, например по поводу победы, получения благоприятных известий и т. п.; особенно много поводов к ним подавали различные радостные события в частной жизни, как, например, рождение, наступление возмужалости, брак, благополучное возвращение из продолжительного путешествия, избавление от серьезной опасности и т. п.

Число государственных праздников в разных государствах Эллады было различно; в Афинах, по свидетельству самих древних, было вдвое больше праздников, нежели в других государствах. Впрочем, и про Тарент говорят, что в эпоху его процветания в нем было более праздников, нежели будней (Страбон).

Еженедельного праздника, соответствовавшего воскресенью у христиан и субботе у евреев, у греков и римлян не было. Зато отдельные дни месяца у греков были специально посвящены тем или другим божествам, хотя не везде одним и тем же; эти дни не считались праздниками, но в них и государствами, и частными лицами совершались жертвоприношения (иногда, правда, очень незначительные) тем божествам, которым они были посвящены. Причиной

посвящения были обыкновенно какие-либо события из жизни богов (например, рождение и пр.), связанные с данными днями. Первый день месяца был посвящен всем богам вообще, но кроме того, несколькими в отдельности, именно богу света Аполлону, богине луны Гекате и Гермесу; второй день посвящался, по крайней мере в Афинах, доброму демону, третий — Афине Тритогенее; ей же был посвящен пятнадцатый день; четвертый день был посвящен Гермесу или Гераклу, пятый — хтоническим божествам, шестой — Артемиде, как день ее рождения, а седьмой по той же причине Аполлону. Восьмой день принадлежал Посейдону, а в Афинах, кроме того, Тесею, девятый — Гелиосу и Рее, двадцатый — снова Аполлону. Последний день посвящался опять Гекате, в честь которой вечером этого дня выставляли так называемые *Εκατη δειλνα* на перекрестках, где стояли ее изображения или алтари. Три последних дня месяца были специально посвящены усопшим и подземным богам и считались в государственном и частном быту тяжелыми. В такие дни воздерживались по возможности от всяких дел и предприятий и все общественные дела приостанавливались; в Афинах в эти дни производился только суд по делам об убийствах. Кроме того, были и другие торжественные дни, иногда соединявшиеся с праздниками (например, в Афинах — Плинтерии). Указаний относительно посвящения божествам остальных дней месяца не сохранилось.

Праздничное время носило название «священномесечия», *ιερομηνία*, хотя бы продолжалось лишь несколько дней или даже один. В продолжение иеромении останавливались все государственные и частные дела, за исключением необходимейших или относившихся к самому празднику, для того чтобы ничто не нарушало всеобщего мира и праздничного настроения. Для таких праздников, которые были посещаемы иностранцами, как, например, для Олимпийского и других общеэллинских, объявлялось через особых вестников священное перемирие (*εκεχειρία*), иногда на довольно продолжительное время. Например, по свидетельству греческой надписи, перемирие для празднования великих и малых Элевсиний в Афинах продолжалось по 55 дней.

Способы празднования были различны, смотря по значению праздника. Вообще можно сказать, что главными актами, с которых начинался праздник, были жертвоприношения и другие богослужебные обряды, которыми люди исполняли свой долг относительно божества и которые сопровождалась иногда песнями, процессиями, играми и т. п. Затем обыкновенно начиналось веселье, пляски и пиршества, при которых забывалась обыкновенная простота и скромность повседневной жизни; были, правда, печальные праздники, которые ознаменовывались только прекращением всех обыденных дел и даже постами и воздержанием от удовольствий; но таких было немного, в большинстве же случаев праздники были временем отдыха,[41] веселья и всевозможных удовольствий, в которых принимали участие и женщины, покидавшие затворничество своей будничной жизни; дети освобождались на праздники от учебных занятий, рабы избавлялись от работ, а в некоторые праздники даже пользовались равенством со своими господами или услугами со стороны последних; и, подобно тому как враждующие народы в дни общих праздников прекращали военные действия, так и по гражданским законам в такие дни узники освобождались от оков, должники — от судебного преследования со стороны кредиторов и т. п., для того чтобы никто не встречал препятствия к участию во всеобщей радости и веселье.

Праздники в честь богов, культ которых был признаваем государством, совершались за счет

государственной казны и были урегулированы законами. Ближайшее заведование ими принадлежало магистратам (отдельным лицам или целым комиссиям), постоянным или временным.

С течением времени праздники у греков становились все многочисленнее и роскошнее, но эта внешняя роскошь далеко не может служить доказательством увеличения религиозности народа; напротив, на то, что не было непрременной принадлежностью культа, а служило только к украшению праздника, стали смотреть как на главное и существенное, на праздники стали стекаться не ради почтения к божеству, а ради торжественных процессий, игр и других зрелищ или для участия в праздничных пиршествах. Собственно религиозных наставлений, проповедей и т. п. при праздниках, как вообще при всех религиозных актах, у эллинов не было, и все то, что приходилось видеть и слышать присутствующим на праздниках, имело скорее эстетическое влияние на них, нежели религиозное.

Древнейшая религия, состоявшая в обожении сил и явлений природы, должна была обращать большое внимание на течение небесных светил, особенно солнца и луны, на смену времен года и пр. и наблюдать, чтобы религиозные торжества происходили периодически именно в те времена года, с которыми они были связаны первоначально. Страх перед гневом богов требовал, чтобы жертвоприношения и другие богослужебные обряды совершались именно в те дни, в которые божества, по народному верованию, ожидали их, тем более что в каждом месяце определенные дни были посвящаемы определенным божествам. Даже суеверие, издревле различавшее счастливые и несчастные дни для всяких занятий обыденной жизни, требовало большой точности во времяисчислении. Оракулы наблюдали за тем, чтобы жертвоприношения и празднества совершались в определенные месяцы, и за упущения налагали штрафы. Огромное большинство названий месяцев в календарях разных греческих племен и государств было заимствовано от божеств или таких праздников, которые совершались в эти месяцы. Наконец, следует отметить еще, что во многих государствах жрецы или магистраты по делам культа были эпонимами года. Все это указывает на тесную связь, в которой времяисчисление греков стояло с их религиозными учреждениями, а эта связь издревле заставляла их обращать большое внимание на точное урегулирование времяисчисления.

Само собою разумеется, что усовершенствование календаря шло медленно, с постепенным развитием астрономических и математических знаний. В древнейшие времена довольствовались, особенно в земледельческом быту, приблизительными определениями времени по восхождению и захождению небесных светил, состоянию растительности, перелету птиц и т. п. признакам. Гесиод советует начинать жатву при восходе Плеяд, пахоту — при захождении их или когда слышен будет крик журавлей. Уже гомеровские поэмы неоднократно упоминают о годах. Так как течение и фазы луны весьма легко поддаются наблюдению и прежде всего должны были обратить на себя внимание, то летосчисление по лунным месяцам и годам вошло у греков во всеобщее употребление и за весьма немногими исключениями сохранилось до времен христианства.

Лунный, или синодический, месяц (от новолуния до новолуния) имеет 29 дней 12 часов 44 минуты 3 секунды, стало быть, лунный год состоит из 354 дней 8 часов 48 минут 36 секунд и разнится от солнечного (заключающего в себе 365 дней 5 часов 48 минут и 17,8 секунды) на

10 дней и 21 час без нескольких секунд. Но точное исчисление минут и секунд при несовершенных средствах наблюдения могло быть сделано лишь весьма медленно, в течение многих веков. Первоначально довольствовались приблизительным определением лунного месяца в 29 или 30 дней и лунного года в 354 дня, но этот год так значительно отставал от солнечного, что уже по истечении короткого промежутка времени месяцы и праздники перестали бы соответствовать тем временам года, на которые они приходились первоначально. Поэтому явилась надобность найти способы возможно точного согласования или уравнивания лунных годов с солнечными, и этот вопрос в течение многих веков занимал греческих астрономов. Обычный способ согласования состоял в том, что от времени до времени к обыкновенному лунному году прибавлялся тринадцатый вставной месяц, так что год имел тогда 384 дня. Первоначально прибавляли этот месяц к каждому третьему году. Несколько более точный способ уравнивания приписывается афинскому законодателю Солону: он установил, говорят, восьмилетний цикл, в котором вставной месяц прибавлялся в каждом 3, 5 и 8-м году. Во времена Геродота этот способ уравнивания лунных годов с солнечным был общепринятым у эллинов, и Геродот уже отмечает его несовершенство сравнительно с египетским солнечным календарем: «Египтяне, — говорит он, — поступают лучше, нежели эллины; ибо эллины по истечении 2-х лет для согласования летосчисления с временами года прибавляют вставной месяц, а египтяне, считая 12 месяцев по 30 дней, ежегодно прибавляют сверх этого числа по 5 дней и круговорот времен года совершается у них в одно и то же время». Впоследствии греческие ученые или старались усовершенствовать октаэтериду Солона (Клеострат, Евдокс, Эратосфен и др.), или вводили новые системы уравнивания. Так, современник Перикла Метон в 432 г. обнаружил новый способ уравнивания, состоявший из 19-летнего цикла с семью вставными месяцами; этот способ во времена Диодора был уже в употреблении в большинстве греческих государств. В 330 г. астроном Каллипп, друг Аристотеля, обнаружил цикл из 76 лет, состоявший собственно из 4 Метоновских циклов, по истечении которых нужно было пропускать (не считать) один день. Еще более точный способ уравнивания был предложен около 126 г. до Р. Х. астрономом Гиппархом: его цикл состоит из 304 лет и относится к Каллипповскому так же, как последний к Метоновскому, т. е. есть не что иное, как четыре Каллипповских цикла, по истечении которых следовало пропускать один день. Эти циклы как слишком большие и сложные, как кажется, не были приняты греческими государствами для постоянного употребления. По-видимому, государства предпочитали в случаях замеченной неисправности календаря убавлять по одному или по несколько дней или прибавлять их и затем снова пользоваться обычными способами уравнивания.

По словам Плутарха, еще Солон заметил, что конъюнкция луны с солнцем не совпадает с концом последнего (30-го) дня месяца, а происходит в течение этого дня, и что, таким образом, часть дня до конъюнкции относится к старому месяцу, а часть после конъюнкции — к новому. Но так как нельзя было начинать новый месяц с середины дня, то в календарях чередовались месяцы в 30 дней и в 29; в последних конечный день приходился до конъюнкции; первый день месяца всегда назывался «новолунием», хотя бы приходился и после действительного новолуния. Деления времени на недели с особыми названиями для каждого дня у греков не было.

Таковы были общие принципы греческого времяисчисления. Но в нем, как и во всех других

проявлениях жизни, замечается стремление отдельных племен и государств к обособленности и самостоятельности: следуя этим принципам, каждое государство, а в некоторых странах (например, в Фокиде, Локриде, Фессалии) даже отдельные города или мелкие племена имели свои особые календари, различавшиеся друг от друга временем начала года, названиями месяцев, иногда системой уравнения и пр. Нужно заметить, что у древних авторов встречается очень мало сведений об этих местных календарях, за исключением аттического и македонского; в последнее время данные для их изучения значительно пополнились благодаря множеству вновь открытых надписей, но все еще далеки от желанной полноты и точности, так что лишь немногие календари могут быть названы окончательно восстановленными.

Что касается начала года, то им служило обыкновенно первое новолуние после солнцестояний или равноденствий. Так, например, в Афинах год начинался после летнего солнцестояния (около середины июля, так что первый месяц их года соответствовал приблизительно 2-й половине июля и 1-й августа), в Спарте — после осеннего равноденствия, в Беотии — после зимнего солнцестояния, в Мегариде — после весеннего равноденствия и т. д. Названия месяцев, как уже было замечено, в огромном большинстве случаев были заимствованы от имен или прозвищ богов или от какого-либо праздника, приходившегося на данный месяц. Можно предполагать, что первоначально у эллинов было четыре разных календаря: эолийский, северо-дорический, южно-дорический и ионический, и что из этих прототипов путем постепенных изменений названий месяцев развились местные календари племен и государств, которые в исторические времена были чрезвычайно разнообразны. Названия месяцев в ионических календарях оканчивались обыкновенно на — ἰών, а в других группах на — ων, хотя были в этом отношении и исключения. В некоторых государствах, преимущественно союзных (например, у ахейцев, в Фокиде, Локриде и пр.), были в употреблении упрощенные календари, в которых месяцы различались просто по счету. Вставные месяцы обыкновенно помещались в конце первого или второго полугодия и назывались именем последнего месяца данного полугодия с прибавлением δευτεροῦ или ὑστεροῦ.

В нижеследующей таблице сопоставлены с юлианским календарем наиболее известные календари из разных групп и, кроме того, календарь македонский, который после Александра Великого был принят весьма многими азиатскими городами.

Сутки у древних начинались с заката солнца, так что состояли из ночи и следующего дня. Деление дня и ночи первоначально было только приблизительное; части дня различались по положению солнца, ночи — по течению звезд. Гомер знает деление дня на 3 части: заря, или утро, полдень и вечер. Впоследствии число таких делений было гораздо больше; чаще всего ночь делилась на три части, а день — на четыре. Выражение *περί αὔραυ πληθούσαυ*, употреблявшееся в городском быту для обозначения времени от позднего утра (приблизительно с 9 часов) до полудня, было заимствовано от того, что в эти часы рыночная площадь была особенно переполнена народом. Философу Анаксимандру приписывается изобретение солнечных часов, но во всеобщее употребление деления суток на часы стало входить только после Александра Великого. При этом различались часы равноденственные, из которых каждый составлял 1/24 суток и таким образом был равен нашему часу, и часы обыкновенные, из коих каждый представлял собою 1/12 действительного дня и

действительной ночи в продолжение целого года, так что летом дневные часы были длиннее, ночные — короче, а зимою наоборот. Для измерения времени употреблялись обыкновенно водяные часы.

Одной определенной эры для летосчисления во всей Элладе не было, и этим в значительной степени затрудняется ее хронология. Историки сперва вели летосчисление по поколениям, полагая по 3 поколения на столетие, затем по царям, жрецам или ежегодно сменявшимся магистратам, бывшим эпонимами года.

Сицилийский историк Тимей, живший во 2-й половине IV и 1-й половины III в., первым ввел летосчисление по Олимпиадам, т. е. четырехлетним промежуткам времени от одного Олимпийского праздника до другого, причем исходным пунктом был праздник 776 г. до Р. Х., когда впервые был записан победитель в беге. С тех пор в Олимпии велся полный список победителей, хранившийся в гимнасии; всего было 293 Олимпиады до 394 г. по Р. Х., когда Олимпийские игры по указу императора Феодосия были уничтожены. По примеру Тимея вели счет по Олимпиадам Полибий, Диодор, Дионисий Галикарнасский и др. Кроме того, в позднейшую эпоху в разных государствах было много местных эр, которые узнаются преимущественно из надписей.

Обозрение праздников отдельных местностей Эллады мы начнем с четырех национальных празднеств, совершавшихся в Олимпии, Дельфах, Немее и на Коринфском перешейке (Истме). Первоначально все эти празднества, без сомнения, имели лишь местное значение[42] и только с течением времени, благодаря особым благоприятным обстоятельствам, возвысились до того общеэллинского значения, которым пользовались в исторические времена. Происхождение всех их кроется во мраке доисторической эпохи (хотя в гомеровских поэмах они не упоминаются), но своим возвышением до общенационального значения все они обязаны дорийцам и в особенности спартамцам: законодателю спартанскому Ликургу вместе с Ифитом элейским приписывается то устройство Олимпийского праздника, которое соблюдалось в исторические времена. Спартамцы же были главными виновниками низвержения коринфских и сикионских тиранов, с которым тесно связано возобновление Истмийских и Немейских празднеств. Само собой разумеется, что первоначально главной целью этих праздничных собраний было почитание того божества, которому была посвящена данная местность; но гимнические и другие состязания, издавна устраивавшиеся в честь божеств во время этих праздников, постепенно приобрели столь выдающееся значение, что стали считаться существеннейшею частью празднества, так что именно благодаря им эти четыре праздника возвысились до значения общеэллинских и до того небывалого блеска, которого сами по себе они никогда бы не имели. Древнейшим состязанием, по крайней мере в Олимпии, был бег взапуски на стади, но к нему постепенно, начиная с VII в. до Р. Х., присоединялись различные другие виды состязаний, разнообразие которых явилось следствием более строгого разделения состязающихся по возрастам (на детей, безбородых, мужей и т. д.), введения различных изменений и комбинаций в самые состязания, допущения разных видов бега на колесницах и т. п. Затем кроме гимнических и конных состязаний были введены музыкальные (которые, впрочем, в Дельфах были установлены раньше других состязаний и долгое время были единственными), поэтические и т. п., так что эта часть праздника приобретала все большее и большее развитие и блеск и стала привлекать участников и зрителей, не только из собственно Эллады, но и из

малоазийских, сицилийских и южноиталийских колоний. Большинство государств Эллады отправляло священных послов для участия в этих праздниках. Масса публики съезжалась не только из любопытства и жажды к зрелищам, но и по торговым делам, так как здесь благодаря стечению народа происходила весьма оживленная торговля всякого рода товарами. Ораторы, поэты и философы приезжали сюда публично читать свои произведения, художники выставляли напоказ свои произведения (Плиний говорит даже о настоящих состязаниях живописцев (*certamen picturae*) в Коринфе и Дельфах), государства обнародовали и выставляли во всеобщее сведение договоры и другие важные грамоты, одним словом, эти празднества служили для эллинов весьма важными объединяющими центрами, и во время их была ключом общеэллинская жизнь, заставлявшая забывать хоть на время всю ту многообразную рознь, от которой эллины так много страдали. Победа на них считалась величайшим счастьем и ценилась чрезвычайно высоко. Все сказанное в наибольшей мере относится к Олимпийскому празднеству, которое далеко превосходило остальные блеском, великолепием и многочисленностью собиравшейся публики. Самый блестящий период празднеств, естественно, совпадает со временем наибольшего могущества и процветания Эллады, т. е. относится к V в. до Р. Х.; но еще и в римские времена пользовались они большим значением и уважением и продолжались до IV в. по Р. Х.: Олимпийские игры были прекращены в 394 г. по распоряжению императора Феодосия, Истмийские упоминаются в последний раз при императоре Юлиане.

Подробности относительно состава, условий и хода состязаний на разных празднествах известны нам далеко не в одинаковой степени. Об Олимпийских играх мы знаем гораздо более, нежели о других, но имеем право думать, что в общем между ними было большое сходство, так что по Олимпийским играм можем заключать и о других, помня только, что последние значительно уступали Олимпийским в блеске и великолепии.

Он получил свое название от местности, в которой совершался, именно Олимпии, в Писатиде, одной из областей Элиды. Учреждение его приписывается разным мифическим героям, преимущественно Пелопу или Гераклу. Причиной того, что некоторые признавали Пелопа основателем праздника, служили высокие почести, воздававшиеся ему в Олимпии: по словам Павсания, здесь почитали его настолько выше других героев, насколько Зевса выше богов; считать же Геракла учредителем праздника побудило, вероятно, участие в нем дорийцев, переселившихся в Пелопоннес, по преданию, под начальством потомков Геракла — Гераклидов. Затем праздник, как кажется, на некоторое время совершенно прекратился, именно до воцарения в Элиде царя Ифита, современника спартанского законодателя Ликурга. По словам Павсания, в то время Пелопоннес был раздираем междоусобицами; Ифит, обратившись к оракулу с вопросом о средствах к умиротворению раздоров, получил совет возобновить Олимпийский праздник и учредить в Олимпии культ Геракла, до того времени считавшегося там враждебным героем. Ифит, пригласив Ликурга к участию в исполнении этого совета, вместе с ним составил устав священного перемирия, по которому во время праздника должны были прекращаться все враждебные действия против участвующих в нем, а вся область, в которой лежало святилище, как принадлежавшая богу и состоявшая под особым его покровительством делалась неприкосновенной для всех участников праздника, и все отправлявшиеся на него имели право свободного прохода даже через неприятельскую страну; в священную область никто под страхом проклятия не смел вторгаться вооруженно

силою; дружественные войска, имевшие надобность пройти через нее, отдавали свое оружие на границе и получали его обратно при выходе из области. При наступлении времени праздника элейцы через послов оповещали о нем все греческие государства; в случае забвения каким-либо государством экесии они имели право налагать на него денежный штраф и до уплаты его не допускать государство к участию в празднестве; это право было однажды применено к спартанцам.

Таков был устав перемирия, приписываемый Ифиту и Ликургу; он был начертан на медном диске, еще во времена Павсания (II в. по Р. Х.) хранившемся в олимпийском храме и представляющем собою древнейший из известных нам греческих эпиграфических памятников. При входе в храм стояла статуя Ифита, увенчиваемая олицетворенной Экесией. Хотя личности Ифита и Ликурга не могут быть названы вполне историческими, однако в предании об установлении экесии можно признать достоверным участие Спарты и приобретенное ею влияние на играх; это был единственный случай расширения сферы ее влияния в Пелопоннесе мирным путем, а не силою оружия.

Мы не можем, конечно, шаг за шагом проследить постепенное возрастание значения Олимпийского праздника; во всяком случае в те времена, от которых до нас дошли более точные сведения, он является уже общеэллинским, большинство государств Эллады принимало в нем участие посредством посылки феорий, участники состязаний и зрители стекались отовсюду.[43]

А. Дюрер. Битва кентавров с лапифами.

Со времени возобновления Олимпийский праздник был пентетеридой, т. е. совершался через каждые четыре года (в начале и середине 8-летнего цикла из 99 лунных месяцев, распадавшегося на две неравные половины из 50 и 49 месяцев); он происходил в первое полнолуние после летнего солнцестояния и во времена своего высшего развития продолжался 5 дней. Местом праздника была Алт́и, священная местность на берегу р. Алфей, при впадении в нее ручья Кладея; из окрестных высот одна называлась Олимпом, другая, чаще упоминаемая, — холмом Крона. Священная дорога в 300 стадий длиной соединяла эту местность с городом Элидой. Алт́и была окружена стеной и застроена многочисленными святилищами, из которых кроме храма Зевса особенно замечательны были храмы Геры и Матери богов, кроме того, множеством алтарей, посвященных разным богам и героям, сокровищницами, в которых хранились вклады разных государств, и пр. Главный храм Зевса, построенный в V в. до Р. Х. элейским архитектором Либомом, представлял собой прекрасное создание дорического стиля, хотя и не столь совершенное, как афинский Парфенон. Он имел 200 олимпийских футов длины, 86 футов ширины и 67 футов высоты. Крыша, состоявшая из мраморных плит, отделанных наподобие кирпичей, была украшена по углам стоявшими на треножниках позолоченными котлами, а на верху фронтона — позолоченной же статуей Ники-Победы. Рельеф переднего фронтона, работы художника Пэония, изображал Пелопа с Иноаеом, готовых вступить в состязание, а на заднем фронте представлен был художником Алкаменом бой лапифов с кентаврами на свадьбе Пирифоя; на фризах передней и задней сторон храма изображены были подвиги Геракла. Внутри храма находилась колоннада, поддерживавшая галерею, с которой можно было смотреть на колоссальную статую Зевса, великолепное создание знаменитого Фидия. Бог был представлен в том величественном и

могущественном виде, в котором он изображен в «Илиаде»:

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:

Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида

Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...

Он сидел на троне из древесины кедра, обделанном эбеновым деревом и богато украшенном золотом, слоновой костью и драгоценными камнями. Лик его и обнаженные руки, ноги и грудь были из слоновой кости, волосы и борода — из чистого золота, глаза из драгоценных камней; из золота же был сделан украшенный изображениями животных и цветов плащ, ниспадавший с левого плеча на нижнюю часть тела бога, и обувь; на правой руке бог держал статую Победы из слоновой кости и золота, а в левой — скипетр, расцвеченный разными металлами и украшенный наверху золотым орлом. О силе впечатления, производимого этой статуей, одним из величайших созданий греческой пластики, свидетельствуют, между прочим, следующие слова Диона Хрисостома (I в. по Р. Х.): «Кто станет пред этим образом, тот забудет обо всем, что огорчает и терзает человеческую жизнь». Неудивительно, что храм, вмещавший в себе такое сокровище, был предметом славы и гордости для всех эллинов, и что тот, кто не видал Олимпийского бога, считался несчастным.

Перед святилищами Пелопа и Геры, на одинаковом от обоих расстоянии, возвышался главный алтарь Зевса, подробно описанный Павсанием. Он был устроен, по одним сказаниям, Гераклом Идейским, по другим — местными героями, жившими на два поколения позже Геракла. Нижняя ступень его была каменной и имела 125 греческих футов в окружности; к ней вели с двух сторон каменные лестницы. На этой ступени возвышалась остальная часть алтаря, состоявшая из золы жертвенных животных, смешанной с водой реки Алфей, и имевшая 32 фута в окружности; к ней также вели лестницы. Высота всего сооружения достигала 22 футов. На нижней ступени были сжигаемы части жертвенных животных, кроме бедер, которые предавались сожжению на вершине алтаря. Вход на вершину был дозволен только мужчинам, тогда как на нижнюю ступень могли всходить и женщины, и девицы. Для сожжения частей жертвенных животных употреблялись исключительно дрова из белого тополя, так как, по преданию, сам Геракл употребил их для сожжения первой жертвы в Олимпии.

Г. Моро. Зевс и Семела. Холст (1896 г.).

Кроме торжественных жертвоприношений во время праздника, элейцы регулярно, по разу в месяц, приносили жертвы на всех алтарях богов и героев. Жертвоприношениями заведовали так называемые *θεῖκοι* (по Павсанию один, по надписям — несколько); кроме них упоминаются: 2 или 4 *μαυτεῖν*, избиравшиеся из родов Клитиадов и Иамидов для гадания по внутренностям жертвенных животных, и др. Этот персонал, по свидетельству надписей, избирался на две смены: на праздник и на промежуток между двумя праздниками, так что одни служили только один месяц, другие — 3 года и 11 месяцев; такая неравномерность службы легко объясняется тем, что во время праздника дел было несравненно более, нежели в промежуточное время.

Олимпийский праздник распадался на две главные части — священнодействия и состязания;

хотя первые, собственно говоря, составляли существенную часть праздника, а вторые служили только его украшением, но, очевидно, первые в самих элинах возбуждали гораздо менее интереса, нежели состязания, и потому очень мало нам известны. Разумеется, главные жертвы были приносимы Зевсу не только распорядителями праздника и феорами других государств, но и участниками состязаний и зрителями; при этом, конечно, не были забываемы и другие боги и богини. Жертвоприношение Зевсу совершалось в первый день праздника, а со второго дня начинались состязания, сначала мальчиков, а затем взрослых.

Первым состязанием, быть может, даже единственным в течение нескольких Олимпиад, был бег на стадию, имевшем 600 греческих футов длины. Для каждого отдельного бега избирались по жребию из общего числа участников 4 лица, которые и должны были пробежать взапуски весь стадию перед глазами судей, сидевших на возвышенном полукружии у конца стадия; победители на этих отдельных бегах состязались потом друг с другом, и одержавший победу на окончательном состязании получал награду. Конные ристания введены были в Олимпии с 25 Ол. (680 г. до Р. Х.); сначала состязались только колесницы, запряженные четверкой взрослых лошадей, которые должны были 12 раз обогнуть ипподром, что составляло 24 стадия; с 93 Ол. (408 г.) введены были состязания парных колесниц.

К участию в состязаниях допускались только граждане эллинских государств, безукоризненной нравственности и не старше определенного возраста; варвары и рабы допускались только как зрители, но не могли участвовать в жертвоприношениях и состязаниях. Замужние женщины не допускались в качестве зрительниц и даже под страхом казни не могли переступить границу священной роши в дни состязаний; в виде единственного исключения была допущена в качестве зрительницы элейская жрица Деметры Хамины, имевшая даже особое почетное место; девицам присутствие на состязаниях не возбранялось.

По окончании состязания элладники («эллинские судьи») вручали победителю пальмовую ветвь и приказывали вновь предстать перед ними в день торжественной раздачи наград. Победителем признавался и тот атлет, против которого не решался выступить ни один противник. Наградой победителю на всех национальных праздниках служили венки. В Олимпии венки стали даваться в награду с 7-й Олимпиады; они делались из ветвей дикой маслины, по преданию, впервые посаженной здесь Гераклом; ветви срезал золотым ножом элейский мальчик благородного происхождения, имевший еще в живых обоих родителей; венки, украшенные белыми повязками, выставлялись сначала на медном треножнике, а позднее — на драгоценном столе работы художника Колота, в притворе храма Зевса. В день торжественной раздачи наград, при вручении каждому победителю венка, глашатай провозглашал во всеуслышание его имя и родину. Затем победители отправлялись в так называемое δωδεκαθεον для жертвоприношений на 6 алтарях, из которых каждый был посвящен двум богам. При этом раздавались победные песни и старинный, сложенный Архилохом гимн в честь Геракла и его родственника Иолая:

Тенелла, победитель!

Радуйся, о царь Геракл!

Тенелла, победитель!

Ты сам и Иолай, бойцы-копейщики!

Тенелла, победитель![44]

Празднества в Олимпии заканчивались торжественным пиром, который элейская община давала победителям.

После Олимпийского праздника второе место по блеску и значению занимал Пифийский, совершавшийся после 1-й Священной войны в Киррейской равнине близ Дельф, у подошвы Парнаса. Начало его восходит к глубокой древности (по преданию древних, музыкальные состязания в Дельфах установлены самим Аполлоном после победы его над драконом Пифоном), но ранее упомянутой войны он совершался в самих Дельфах под надзором дельфийских жрецов раз в 8 лет и сопровождался только состязаниями кифаредов, т. е. певцов под аккомпанемент кифары, исполнявших пэан в честь Аполлона. После взятия Кирры в 590 г. до Р. Х. члены дельфийской амфикионии, ведшие войну против этого города, устроили на его земле, посвященной Аполлону, Пифийский праздник, на котором к состязанию кифаредов были прибавлены состязание в игре на флейте и в пении под ее аккомпанемент, гимнические и конные, а в награду победителям были выданы ценные предметы. Период праздника был при этом оставлен прежний, т. е. восьмилетний, но уже при втором праздновании в 582 г. до Р. Х. он был изменен на четырехлетний, каковым и остался на все будущее время. С тех пор он совершался в каждый 3-й год Олимпиады в дельфийском месяце Βουκατίος, соответствовавшем аттическому Метагитниону; кроме того, ежегодно совершались в то же время малые Пифии. Заведование праздником с 590 г. перешло к амфикионам, которые назначали и судей состязаний. При втором праздновании были отменены ценные призы, вместо которых стали раздаваться венки. Они делались из ветвей священного лавра, росшего в Темпейской долине, куда за ними отправлялась торжественная процессия; ветви, как в Олимпии, срезал золотым ножом мальчик благородного происхождения, имевший в живых обоих родителей. Впоследствии обычай отправляться за лавровыми ветвями, указывавший на древнюю религиозную связь Дельф с Фессалией, как кажется, был оставлен. Кроме венка победителям на Пифийских состязаниях давались яблоки и разрешалась постановка статуй.

Гимнические и конные состязания в общем соответствовали Олимпийским, но всегда занимали здесь второе место после музыкальных, между которыми на первом плане стояло исполнение так называемого Пифийского νομοῦ, т. е. композиции, составленной по определенной схеме и исполнявшейся на флейте одним солистом с аккомпанементом нескольких других музыкантов. Νομοῦ состоял из 5 частей и должен был представлять борьбу Аполлона с Пифоном и победу над ним.

Вообще Пифийские состязания впоследствии были очень разнообразны. По словам Плутарха, за присоединением трагических состязаний к существовавшим прежде агонам флейтистов, кифаристов и кифаредов, как бы в открытую дверь ворвалась целая толпа всевозможных музыкальных и словесных состязаний.

Он совершался на Истме (Коринфском перешейке), первоначально в честь Меликерта,

несомненно финикийского божества, которое эллины называли также Палемоном и ставили в генеалогическую связь с туземными героями; позднее культ Меликерта, установленный, вероятно, жившими некоторое время на Истме финикийскими колонистами, отступил на задний план перед культом ионического Посейдона, введенным здесь, по преданию, афинским героем Тесеем, которому приписывается и учреждение состязаний при этом празднике. Святилище Посейдона находилось в сосновой роще у Схинунтской бухты. После переселения дорийцев в Пелопоннес Истм принадлежал коринфянам, которые и заведовали праздником в исторические времена (после разрушения Коринфа Муммием в 146 г. до Р. Х. заведование праздником на время перешло к сикионцам, но впоследствии, по возобновлении Коринфа, было возвращено его жителям); но афиняне всегда занимали выдающееся положение между участниками празднества (напротив, элейцы были устранены от всякого участия в празднике). Во время тирании Кипселидов праздник не совершался, но затем в 582 г. был возобновлен и с тех пор совершался через каждые 2 года, вероятно, весной каждого 2-го и 4-го года Олимпиады. Состязания были гимнические, конные, музыкальные и поэтические. Победители получали первоначально венок из сосновых ветвей, потом — из сельдерея (*selinon*), а в римские времена опять сосновый.

Он совершался в Немейской долине, в области города Клеон в Арголиде. Первоначально он был установлен, по преданию, аргосцами во время похода Семерых против Фив, в память малютки Офельты или Архемора (сына немейского царя Ликурга), умершего от укуса змеи и принимаемого нынешними учеными-мифологами за символ растительности, вымирающей под влиянием зимних холодов или летнего зноя. Таким образом, праздник имел печальный характер; впоследствии он пришел в упадок и только в 573 г. до Р. Х. был возобновлен дорийцами уже в честь Зевса, причем были установлены и состязания по образцу Олимпийских. К участию в празднике приглашались все дружественные государства, преимущественно, конечно, дорические, но до общеэллинского значения праздник возвысился лишь постепенно, подобно Олимпийскому. Зевсу был воздвигнут великолепный храм со священной рощей, развалины которого отчасти сохранились до наших времен. Праздник был триетерический, т. е. совершался через каждые два года летом, во 2-м и 4-м году Олимпиады. Кроме того, во времена Павсания были зимние Немей, но это был, по-видимому, местный аргосский праздник, а не общеэллинский.

К. Хааг. Афинский Акрополь. Холст (ок. 1890 г.).

Есть основание предполагать, что местный праздник совершался ежегодно. Заведовали праздником первоначально клеонейцы, в области которых лежало святилище, но около 460 г. до Р. Х. аргосцы отняли у них заведование святилищем и праздником. Ближайшие подробности относительно устройства праздника неизвестны; состязания на нем были не только гимнические и конные, но и музыкальные, по крайней мере в позднейшие времена. Особенно славилась лица, которые одерживали победу на Немейском празднике после побед на трех других. Наградой победителям сначала служил масличный венок, а после Персидских войн, в честь погибших во время них, — венок из сухого сельдерея, считавшегося в древности печальным растением.

Обратимся теперь к ознакомлению с важнейшими праздниками, совершавшимися в отдельных греческих государствах. Их обозрение естественнее всего начать с Аттики, о

религиозной жизни которой мы имеем больше сведений, а расположить его удобнее всего во временной последовательности, по месяцам аттического года. При этом, конечно, мы обратим внимание только на более важные праздники.

Первый месяц аттического года первоначально назывался Κρονίῳν, а в исторические времена Εκατομβαίῳν. Это последнее название произошло, без сомнения, от праздника Εκατομβαία в честь Аполлона, хотя о существовании такого праздника в самой Аттике нет прямых указаний. Праздник Κρονία (в честь Кроноса), от которого происходило древнейшее название месяца, по преданию, был учрежден Кекропом и совершался 12-го числа; при нем праздновалось окончание уборки полевых хлебов и устраивались пиры, при которых, между прочим, господа угощали своих рабов, потрудившихся при жатве. В этот праздник, по-видимому, приносились только бескровные жертвы.

-го числа совершался праздник Συνοικεσία, или Συνοικία, в честь Афины, в память Тесеева соединения двенадцати аттических общин в одно государство (синойкизм). В этот праздник совершалось жертвоприношение богине мира (Είρηνη), которое в V в. было бескровным; но во 2-й половине IV в., по свидетельству надписей, содержащих в себе счета сумм, вырученных от продажи шкур животных, принесенных в жертву в важнейшие праздники, богине Мира приносились большие кровавые жертвы. Вслед за жертвоприношением богине Мира в надписях упоминается жертвоприношение египетскому богу Аммону, культ которого распространился в Элладе главным образом благодаря славе его прорицалища.

-го числа, в день рождения богини, покровительницы города Афины Полиады, совершался один из важнейших аттических праздников — Παναθηναία в честь этой богини. Учреждение его относится к доисторическим временам и приписывалось Эрихтонию. Первоначально праздник, по свидетельству Павсания, назывался просто Афиней, а название Панафинея получил со времени Тесеева синойкизма. Он совершался издревле ежегодно, но со времени Писистрата раз в четыре года, в 3-м году каждой Олимпиады, праздновался с особым блеском и пышностью. Великие Панафинеи продолжались несколько дней.

Музыкальные состязания рано вошли в состав Панафинеяского празднества. Еще Писистратом было установлено, чтобы рапсоды исполняли на великих Панафинеях гомеровские поэмы в определенном порядке и очереди; Перикл присоединил состязания флейтистов, игроков на кифаре и певцов с аккомпанементом кифары; эти состязания происходили в специально для них построенном здании. Наградами за победы в музыкальных состязаниях служили золотые венки и денежные призы (до 600 драхм), а первому и второму победителям в гимнических и конных состязаниях — масло от священных оливок в весьма значительном количестве, в изящных, украшенных рисунками сосудах; награда за победу в гонке триер, назначавшаяся филам, а не отдельным триерархам, состояла в известной сумме денег, часть которых отделялась для жертвоприношения Посейдону.

Афина Паллада. Мрамор (II в.). Эта статуя — копия знаменитой статуи Фидия, стоявшей на Парфеноне.

Самую важную и блестящую часть праздника составляла происходившая 28-го числа торжественная процессия, в которой богине приносился пеплос, роскошная одежда для

статуи, вытканная избранными афинскими гражданками, по одобренному советом (позднее судебной палатой) проекту. Работу начинали за 9 месяцев до Панафиней, в последний день месяца Пианопсиона, посвященный Афине Работнице, избранные девочки-аррефоры. На шафранном фоне ткани изображалась битва с гигантами; где Афина является победительницей диких и враждебных богам сил, а также славные деяния из отечественной истории, где сыны Афин являли себя достойными славы своих предков. Этот пеплос развешивался в виде паруса на модели корабля и в таком виде провозился из внешнего Керамика по главным улицам и площади города в Акрополь в святилище богини. В процессии участвовал весь афинский народ со всем, что у него было прекраснейшего и почетнейшего. Жрецы и служители культа вели множество разукрашенных жертвенных животных, благороднейшие девицы несли в корзинах и сосудах священные предметы), благороднейшие и красивейшие старцы шествовали с оливковыми ветвями, в белых одеждах и с венками на головах; далее в процессии участвовали взрослые граждане и юноши в военном платье, с копьем и щитом, всадники в блестящем вооружении под предводительством гиппархов, наконец, все победители в предшествовавших состязаниях. Вольноотпущенники и метеки, жившие в стране богини под покровительством ее законов, также принимали участие в процессии, но лишь в служебных ролях, соответствовавших их подчиненному положению: метеки-мужчины несли сосуды с жертвенными печеньями, их жены — сосуды с водой, незамужние дочери — зонтики или стулья за знатными гражданками; на обязанности вольноотпущенников лежало украшение улиц и площади, по которым проходила процессия, дубовыми ветвями. Иностранные государства, именно афинские колонисты и союзники, принимали участие в празднике посредством торжественных посольств, привозивших богине дары и жертвы и также участвовавших в процессии. В V в. до Р. Х., в эпоху процветания афинской гегемонии, каждый союзный город обязан был доставлять по быку и по две овцы для жертвоприношения на Панафинейском празднике. Этим торжественным жертвоприношением на Акрополе заканчивалась процессия. С ее составом и пышностью можно познакомиться по сохранившимся рельефам, изваянным учениками Фидия под его ближайшим руководством и некогда украшавшим собой фризы Парфенона. Последний день праздника с его великолепной процессией был наглядным представлением как могущества самой богини, так и доблести, процветания и богатства покровительствуемого ею народа.

Относительно ежегодных или малых Панафиней нельзя определить с полной достоверностью, в какой мере они соответствовали великим. На них также происходили состязания, только, конечно, не столь многочисленные и разнообразные, была и процессия; пеплос богине с конца IV в. также приносился ежегодно. С подобным описанием богослужебных обрядов, совершавшихся в малые Панафиней, знакомит сохранившаяся надпись, относящаяся ко 2-й половине IV в. до Р. Х. и содержащая в себе устав для жрецов, заведовавших этим праздником: они должны приносить одну жертву на Ареопаге почитаемым на нем божествам, другую на Акрополе — Афине как богине здравия; из мяса жертвенных животных они должны отделять части пританам, архонтам, казначеям сокровищ богини, стратегам, таксиархам, устроителям процессии, канефорам, себе и всем афинянам; ночью устраивалось веселое гуляние, а на другой день с восходом солнца — процессия, которой также заведовали жрецы; особые суммы назначались для покупки коров, из которых лучшие приносились в жертву Афине Победе и Афине Полиаде на ее большом алтаре, и мясо

их разделялось народу по демам (κρεανομία).

Второй месяц Μεταγείτινιον получил свое название от праздника в честь Аполлона Μεταγείτινιοη (Соседского); это прозвище Аполлона, праздник и название месяца были, по-видимому, весьма древнего происхождения и встречаются не только у ионийцев, но и у дорийцев. В Афинах в течение этого месяца не было особенно важных праздников.

В третьем месяце, носившем название Βοηδρομίων (от праздника Βοηδρομία), совершался 5-го числа праздник поминовения усопших под именем Γενεσία, Νεμεσία (от имени богини Немесиды) или Νεκυσία с жертвоприношением богине Земли. На следующий день праздновалась Марафонская победа,[45] и совершалось поминовение по убитым в этой битве воинам. Известно, что перед битвой афиняне, моля о помощи Артемиду Агротеру, обещали принести ей в жертву по козе за каждого убитого врага, но так как убитых оказалось слишком много, то решено было ежегодно приносить в жертву по 500 коз, что и исполнялось архонтом-полемархом 6-го Βοεδρομιона. У Демосфена и в надписях упоминается вооруженная процессия, совершавшаяся в день этого праздника. Вероятно, на следующий день (7-го числа) совершался праздник Βοηδρομία в честь Аполлона как помощника в битвах. Самым важным праздником в Βοεδροмионе были Ελευσίνια, или великие мистерии в честь Деметры, совершавшиеся в течение почти 2-х недель в городе и в Элевсине. Первая, городская половина празднеств продолжалась с 13-го по 19-е число; здесь совершались и такие празднества, которые лишь внешним образом были связаны с Элевсиниями, как, например, жертва Демократии, праздник Асклепия и др. Но обо всем этом подробнее будет рассказано там, где пойдет речь о мистериях вообще.

Четвертый месяц Πυανοσίων получил название от праздника Πυανοσία, совершавшегося 7-го числа в честь Аполлона как бога света и тепла, способствующего созреванию плодов. Свое название праздник получил оттого, что в этот день варили разные овощи — чечевицу, бобы и пр. — и подносили Аполлону в знак благодарности за дарование их людям. Начатки плодов приносились богу также в форме иресионы — оливковой или лавровой ветви, обвитой шерстью и обвешанной плодами и сосудцами с маслом, медом и вином; иресиону, подносимую от лица государства, нес в торжественной процессии мальчик, имевший в живых обоих родителей, к храму Аполлона, где она ставилась в качестве приношения. Отдельные семьи также посвящали божеству иресионы, которые выставляли у дверей домов. Вместе с Аполлоном или Гелиосом почитались при этом богини времен года (оры), которых афиняне признавали в числе двух (а не трех, как в других государствах) под именами Θαλλω и Λυξω, намекавшими на то, что эти богини производили цветение и созревание плодов.

В тот же день совершались в честь Диониса и Афины Скирады Οσχοφορία, учрежденные в благодарность за дарованную людям жатву винограда и маслин и получившие свое название от виноградных ветвей с гроздьями, игравших роль при этом празднике. Именно, юноши, избранные в числе двух от каждой филы, с виноградными ветвями в руках совершали бег от городского храма Диониса к храму Афины Скирады в Фалере. Для всех участников в беге устраивали обед избранные знатные гражданки. Затем процессия, в которой победитель в беге занимал почетное место, возвращалась в город с пением песен в честь Диониса; хором предводительствовали двое юношей в женском одеянии с виноградными ветвями в руках. По прибытии процессии к храму Диониса совершалось жертвоприношение, которым заведовал

род Фиталидов.

При Пианопсиях и Осхофориях видную роль играли воспоминания о возвращении Тесея с Крита после убийства Минотавра: при варении овощей вспоминали, как Тесей со своими спутниками, возвратившись из Крита, отобедал остатками дорожных запасов и принес благодарственную молитву Аполлону; устройство иресионы связывалось с преданием о том, что Тесей со спутниками посвятил в храм иресиону в благодарность за благополучное возвращение; бег осхофоров, по преданию, был учрежден в память встречи Тесея жителями Афин в Фалере; гражданки-матроны напоминали матерей тех юношей и девиц, которых Тесей возил на Крит, а переодевание 2-х юношей в процессии в женское платье связывалось с преданием о том, что Тесей взял с собой двух мальчиков, переодетых в женское платье, вместо девиц.

В следующие дни (с 8-го числа) совершалось прямо в честь Тесея празднество $\Theta\eta\sigma\epsilon\acute{\iota}\alpha$, учрежденное со времени перенесения костей Тесея с о. Скирос Кимоном (469 до Р. Х.) и принадлежавшее к числу важнейших афинских праздников. Оно состояло, кроме большого жертвоприношения от имени государства, главным образом из разнообразных состязаний, которыми заведовал ежегодно избираемый агонифет. В эфебовских надписях Тесеев праздник ставится рядом с поминальным празднеством $\text{E}\lambda\iota\tau\alpha\phi\acute{\iota}\alpha$, которое совершалось в память граждан, павших в битвах, и сопровождалось бегом эфебов в полном вооружении.

Подвиги Тесея. Мозаика (II в.).

Непосредственно за описанными празднествами начинались $\Theta\epsilon\sigma\mu\phi\omicron\rho\acute{\iota}\alpha$ в честь Деметры, продолжавшиеся 5 дней, с 9-го по 13-е число. Это было такое время, когда годовой круг земледельческих работ был вполне закончен и земледельцы начинали спокойно пользоваться дарами, которыми человек был обязан богине земледелия; поэтому было совершенно естественно именно в это время выражать ей благодарность за благодеяние, оказанное введением земледелия, как основания подчиненной законному порядку оседлой жизни людей. Праздник совершался исключительно афинскими гражданками, жившими в законном браке и отличавшимися хорошим поведением; мужчины и девицы к нему не допускались, почему и этот праздник иногда называется мистическим, хотя от мистерий в собственном смысле он отличался тем, что для участия в нем не было надобности в особом посвящении и в самых обрядах праздника не было ничего мистического. В основании допущения к празднику исключительно замужних женщин лежала, вероятно, та мысль, что брак есть одно из важнейших установлений культурной жизни. Участницы праздника выбирали из каждого дема по две наиболее уважаемых и зажиточных гражданки для совершения священных обрядов от имени гражданок своего дема; избранные обязаны были угощать гражданок дема обедом, что считалось литургией. Верховное же руководство всеми обрядами принадлежало жрице Деметры. В первый день праздника женщины собирались в определенном пункте и все вместе отправлялись в местечко Галимунт на мысе Колиада (близ Фалера), причем по дороге и по прибытии на место обменивались шутками и насмешками (как при процессии в праздник Элевсиний). В храме Деметры в Галимунте на следующий день совершалось празднество, которое собственно называлось $\Theta\epsilon\sigma\mu\phi\omicron\rho\acute{\iota}\alpha$, а затем 11-го числа участницы праздника возвращались в Афины, где праздник продолжался; следующий день, т. е. 12-е число, женщины проводили в печали и посте, причем, вероятно, в этот день совершалось

особое очистительное жертвоприношение, а 13-го совершалось вышеупомянутое угощение женщин распорядительницами, причем везде царило непринужденное веселье, игры, танцы и пр.; этот день носил название *καλλιγένεια* (τα) от прозвища Деметры как матери прекрасной Персефоны. В заключение праздника приносился богине под названием *ζημία* жертвенный дар для отвращения ее гнева за проступки и прегрешения, которые могли быть сделаны в праздник.

В 20-х числах этого же месяца совершался древний общеионический праздник *Λατοῦρία* в честь Зевса и Афины. Этот праздник служил главным выражением религиозной связи фратрий.

В последний день Панаопсиона совершались *Χαλκεία* или *Αθηναία* в честь Афины Эрганы и Гефеста, древний всенародный праздник, который позднее совершался одними ремесленниками. В этот день начинали ткать пеплос Афине к Панафинеям.

Пятый месяц *Μαίμακτηρίων* получил название от Зевсова прозвища *μαίμακτη*, указывающего на мрачный характер зимней природы. В этом месяце не было особенно важных праздников; упоминаются только жертва Зевсу Земледельцу 20-го числа и очистительные празднества в конце месяца.

В шестом месяце *Ποσειδέων* главные праздники были *Λλωα* и *Δίονυσία τα κατ αγροῦν*. Первый был земледельческий праздник молотьбы, совершавшийся в честь Деметры, Кору и Диониса. Главным местом праздника был Элевсин, но праздновали и в городе; между прочим, упоминается при этом празднике гуляние веселого и даже распущенного характера, в котором участвовали только женщины, почему праздник причисляется к мистическим. Упоминается также жертвоприношение Посейдону как покровителю растительности.

Э. Бирс. Нептун и его кони. Холст (ок. 1880 г.).

Праздновавшие в этом месяце Дионисии назывались «сельскими» (в отличие от «городских», или «великих», совершавшихся в месяце Элафеболионе). Праздник совершался в отдельных демах, не только сельских, но и городских. Дни празднования не известны в точности. Это был радостный праздник в честь бога вина и веселья, совершавшийся по окончании сбора винограда и сопровождавшийся разными деревенскими увеселениями. Для празднования сельских Дионисий обыкновенно сходились вместе родичи, мужчины и женщины, господа и рабы. Устраивались веселые процессии, в которых вели жертвенных козлов, носили священную утварь и печения, сосуды с вином для возлияний, виноградные ветви и гирлянды смокв, а также как непременную принадлежность процессии, символ производительной силы природы фаллос, пели песни в честь Диониса и пр. и таким образом приближались к храму или алтарю Диониса для жертвоприношений. Затем составлялись веселые пирушки, при которых не было недостатка во всевозможных шутках и островах. В числе увеселений видное место занимала игра, состоявшая в том, что участники балансировали на одной ноге на надутом козьем мехе, снаружи намазанном маслом, при этом, конечно, дело не обходилось без неловких прыжков и падений, подававших множество поводов к веселому смеху; счастливец, удачно справившийся с трудностями состязания, получал в награду тот же мех, наполненный вином. Изобретателем игры предание называет Икария, который впервые посадил (в царствование Пандиона, наследника Эрихтония) в

Аттике лозу, полученную в дар от самого Диониса, и стал заниматься виноделием. Устраивались также качели в память повесившейся дочери Икария Эригоны. Были в ходу переодевания и импровизированные мимические представления, для которых можно было черпать богатый материал из мифов о Дионисе или из окружающей жизни. Впоследствии в некоторых значительнейших и зажиточнейших демах давались и настоящие драматические представления. В некоторых демах, как, например, в Пирее, Элевсине, Форики, Ахарнах и др., были даже постоянные каменные театры, в других строились временные деревянные. В большинстве случаев в театрах демов давались такие пьесы, которые раньше были представлены в городе, отчасти потому, что расходы на представление старых пьес были менее значительны, а отчасти и потому, что сами поэты предпочитали ставить свои пьесы сначала на большой городской сцене. — Особенной пышностью отличалось празднование сельских Дионисий в Пире, почему в надписях упоминаются в качестве особого праздника Διονυσία τα εν Πεῖραιεῖ; они были даже возведены в степень государственного праздника.

Седьмой месяц Γαμηλίον обязан своим названием празднику Γαμηλία, вероятно тождественному с праздником Θεογαμία, установленным в память бракосочетания Зевса и Геры; весь этот месяц был посвящен Гере как покровительнице брака. У других ионийцев, а в древнейшие времена и в самой Аттике, этот месяц назывался Αθηναίων от большого Дионисовского празднества Αθηναία. Этот праздник совершался в Аттике в течение нескольких дней с 12-го числа. Местом праздника было древнее святилище Диониса. Совершался он сходно с сельскими Дионисиями, только пышнее и торжественнее; важную роль играло исполнение дифирамбов в честь божества киклическими хорами, называвшимися так потому, что во время исполнения дифирамба они двигались мерным, ритмическим шагом вокруг алтаря. Но еще важнее были театральные представления. Как этим, так и следующим праздником Диониса заведовал архонт-царь.

К. де Фос. Триумф Бахуса. Холст (ок. 1650 г.).

Название восьмого месяца Ανθεστηρίων произошло от третьего большого Дионисовского праздника, называвшегося Ανθεστηρία; это был месяц, в котором природа на юге пробуждается от зимнего сна; кроме того, молодое вино, приготовленное осенью, заканчивало к этому времени свое брожение и становилось годным к употреблению. То и другое, т. е. пробуждение природы и окончание брожения вина, составляло предмет праздника Анфестерий. Он продолжался три дня (с 11 по 13 число), из коих каждый имел особое название. Первый день назывался днем открытия бочек и пробы нового вина. Каждый домохозяин приносил богу жертву, при которой совершал возлияние свежим напитком, и все домочадцы, не исключая и рабов, предавались праздничному веселью и удовольствиям. Первыми весенними цветами украшались сосуды и дети как распускающиеся цветки человеческого рода. В этот день в Афинах был рынок игрушек, которые покупали и дарили детям. В праздник Анфестерий принято было платить гонорар за обучение софистам и другим учителям, которые за это в день приглашали к себе в гости своих учеников. Второй день — кружки — также был посвящен праздничным удовольствиям. Веселые компании, в которых участвовали ряженые, представлявшие сатиров, нимф и пр., ходили по городу и заходили к знакомым, где составлялись пирушки и даже состязания: кто скорее выпивал свой кубок вина, получал в награду плюшевый веночек и мех вина. При этом не забывали также и умерших родственников: ходили к ним на могилы и совершали возлияния вином. По-

видимому, первоначально этот день был посвящен главным образом поминовению усопших и имел целью умиловить силы подземного мира, владычеству которых при наступлении весны приходил конец. Поэтому-то этот день вместе со следующим принадлежал к числу «тяжелых» и храмы богов в эти дни были закрыты; однако впоследствии такое значение этих дней вполне уступило место веселью и наслаждению. От имени государства совершалась таинственная церемония в древнем храме Диониса в Лене, открывавшемся только в этот день. Главную роль в этой церемонии играла βασιλίσσα или βασίλινα, супруга архонта-царя, которая должна была быть родовитой гражданкой и выйти замуж девицей. При совершении церемонии ей помогали четырнадцать жрецов-ἑραραί, избранные архонтом-царем из наиболее уважаемых гражданок. «Царица» в присутствии священноглашатая брала с них торжественную клятву в том, что они удовлетворяют условиям, требующимся для участия в церемонии, и будут соблюдать строгую тайну. Жрецы совершали священные обряды на 14 алтарях, а затем «царица» отправлялась в так называемое святилище-βουκολεῖον вблизи пританея и там будто бы сочеталась браком с Дионисом. Древний закон об этом обряде, вырезанный на камне, еще во времена Демосфена стоял в святилище Диониса подле жертвенника. Впрочем, подробности обряда неизвестны, а значение его объясняется различно; проще и естественнее всего принять, что «царица» как представительница страны соединялась брачными узами с богом возрождающейся весной растительности в знак того, что страна вполне предана его служению и надеется на его защиту и помощь; или, быть может, эта церемония совершалась в воспоминание брака Диониса с Ариадной.

Третий день Анфестерий назывался днем горшков потому, что тогда приносили подземному Гермесу в жертву за души усопших горшки с вареными плодами всякого рода, которых сами жертвователи не могли пробовать, как при всех вообще жертвах подземным богам; ни одному из Олимпийских богов в этот день не приносили жертвы. Вообще видно, что три дня Анфестерий были богаты различными религиозными обрядами, подробности которых, однако, мало нам известны.

-го числа того же месяца был праздник Δίασις в честь Зевса Милостивого. Название «Милостивый» было только эвфемистическим, на самом же деле Зевс почитался при этом празднике как грозный и суровый бог, для отвращения гнева которого приносились в этот день умиловительные жертвы всежжения. Фукидид, рассказывая о заговоре Килона, говорит, что Диасии были в Афинах величайшим праздником, при котором весь народ совершал жертвоприношения за городом, причем многие жертвовали не животных, а местные жертвенные предметы. Дело объясняется тем, что для умиловления грозного божества всякий считал долгом совершить жертвоприношение, а между тем бедные люди не могли или жалели жертвовать животных для сожжения целиком на алтаре и поэтому заменяли их печениями в форме животных. Так как жертвы целиком сжигались в честь богов, то Лукиан в «Тимоне» имел полное право вложить в уста Гермеса слова, что боги роскошно праздновали Диасии у богатого Тимона; напротив, для людей праздник проходил с некоторым прискорбием. Это прискорбие, очевидно, состояло, главным образом, в том, что людям нечем было угощаться, и, вероятно, послужила одной из причин того, что Диасии в более поздние времена вышли из употребления.

Девятый месяц Ελαφηβολίων был посвящен Артемиде, которой вообще у греков посвящался месяц, приходившийся около весеннего равноденствия. У нас нет прямых указаний на

существование в Аттике праздника *Ελαφηβολία*, встречающегося в других местностях Эллады, но предполагать его существование можно с большой вероятностью. Главным же праздником в этом месяце были великие Дионисии, продолжавшиеся несколько дней. Ряд празднеств открывался 8-го числа большим праздником Асклепия (*Ἀσκληπιεία*), установленным в 420 г., а заканчивался около 14-го числа праздником *Πανδία*, значение которого не вполне ясно. Великие Дионисии торжествовали полную победу весны над зимой, были праздником радости и свободы, когда отпускали на поруки узников, оставляли в покое должников и никого не арестовывали, для того чтобы все могли принимать участие в веселье и удовольствиях. Первоначально празднование великих Дионисий, быть может, ограничивалось, подобно малым, торжественной процессией, в которой несли древнюю статую Диониса из Ленея в древний храм его, стоявший близ Академии, и оттуда обратно, с хоровыми песнями и веселыми прогулками по городу; но впоследствии главной и существеннейшей частью этого праздника были театральные представления. Праздник этот, наряду с Панафинеями, был одним из важнейших в Афинах и совершался с чрезвычайною пышностью и великолепием. В V в. до Р. Х. афинские союзники являлись к этому времени в город для внесения дани, причем обязаны были по народному постановлению доставлять священные символы для ношения в процессии. Ввиду присутствия союзников афинское правительство не жалело никаких расходов, чтобы увеличить блеск торжественных дней или показать иностранцам свое богатство и изящество вкуса. Праздником заведовал первый архонт с 10 попечителями, которые, по словам Аристотеля, раньше избирались народом и покрывали расходы на процессии из своих средств, а в его время избирались жребием по одному из филы и получали на устройство процессий 100 мин.

П.П. Рубенс. Охота сатиров за нимфами. Холст (ок. 1670 г.).

По мнению А. Моммзена, в этом же месяце совершался в честь Матери богов праздник *Γαλαχία*, получивший название от кушанья *γαλαχία* (ячменная каша на молоке), которое варили в этот праздник. Эфебовские надписи I в. до Р. Х. упоминают об обычае эфебов совершать в этот праздник особое жертвоприношение богине и посвящать ей дорогую чашу.

Десятый месяц *Μουνίχιον* получил название от прозвища Артемиды *Μουνίχια* или совершавшегося в честь ее праздника. Шестого числа этого месяца праздновались *Δελφίνια* в честь Аполлона Дельфиния, покровителя мореплавания, которое в Греции возобновлялось незадолго до этого времени после зимнего перерыва. Предание приурочивало к этому дню отъезд Тесея и его спутников на о. Крит; перед отъездом Тесей и его спутники, по преданию, молились в храме Аполлона Дельфиния и оставили там просительную ветвь; в воспоминание этого девицы ходили в этот день в храм *Δελφίνιον* для умиловительной молитвы Аполлону и, вероятно, также Артемиде.

-го числа праздновались *Μουνίχια* в честь Артемиды, которой приносили в жертву круглые лепешки с воткнутыми в них свечами, символически представлявшие полную луну. С 480 г. с этим днем было связано празднование Саламинской победы, в память которой происходили состязания в беге кораблей. При этом чествовался на о. Саламин местный герой Эант, почему праздник назывался также *Λίαντεία*. К этому же времени А. Моммзен относит праздник *Βραυρωνία* в честь Артемиды Бравронской, почитавшейся в деме Бравроне, но также и в городе, где ей был воздвигнут особый храм на Акрополе. Ей посвящались под именем

«медведиц» девочки, которые в течение известного времени исполняли разные служебные обязанности в святилище богини. Происхождение этого обычая объясняется различно. Что касается самого праздника, то он носит следы человеческих жертвоприношений, совершавшихся для умилоствления богини в древнейшие времена: избранному в жертву человеку наносили рану в затылок, чтобы пролитой из раны кровью умилоствить богиню. Праздник в Бравроне совершался раз в 4 года, а в Афинах, быть может, ежегодно.

-го числа, по словам Плутарха, совершалась процессия увенчанных всадников. Ученые приурочивают ее к празднику *Ολυμπίεία*, упоминаемому в надписях между городскими Дионисиями и Бендидиями (которые праздновались 19-го Фаргелиона), а также и у схолиастов. Совершавшиеся в этот праздник жертвоприношения, судя по количеству денег, вырученных от продажи шкур животных, были весьма значительны. Праздник сопровождался конными и, вероятно, гимническими состязаниями.

Тициан. Диана и Актеон. Холст (1556–1559 гг.).

Одиннадцатый месяц *Θαργηλίωv* получил название от праздника *Θαργηλία* в честь Аполлона и Артемиды. Он совершался 6-го и 7-го числа этого месяца и был важнейшим из Аполлоновых праздников в Афинах. Аполлона почитали при этом празднике как бога жаркого лета, которое, по представлению греков, начиналось со времени утреннего восхода Плеяд, около 11 мая. Летние жаркие дни способствуют созреванию плодов; но если они переходят желанную меру, то действуют уже пагубно и на людей, и на растительность, производят болезни и неурожаи. Поэтому при этом празднике, с одной стороны, заранее благодарили бога за благовременное поспевание плодов, с другой — старались предварительно умилоствить, чтобы он не обманул надежд на урожай ниспосланием губительной жары, и с этой целью производили очистительные обряды. Для отвращения гнева божества приносились страшные умилоствительные и очистительные жертвы: из числа преступников выбирали двух мужчин (или, по другому преданию, мужчину и женщину) под названием *φαρμακοί*, вешали им на шею гирлянды смокв (одному — черные, другому — белые) и под звуки флейты обводили вокруг города, погоняя ветвями смоковницы и морского лука (считавшегося одним из важнейших очистительных средств). По окончании этой процессии в древнейшие времена *φαρμακοί* приносились в жертву на определенном месте морского берега, тела их сжигались, и пепел бросался в море; позднее этот жестокий обычай был исполняем только для вида: *φαρμακοί* сбрасывались с возвышенности в море, но были подхватываемы внизу и удаляемы из страны. В этот же день приносилась умилоствительная жертва Деметре Хлое. На другой день в виде благодарственной жертвы приносили Аполлону и орам начатки плодов, поспевавших к этому времени, и устраивали иресионы, как в праздник Пианопсий. Кроме того, Фаргелии праздновались процессиями и состязаниями, в которых выступали хоры взрослых и детей. Заведование праздником лежало на обязанности первого архонта и нескольких попечителей.

Со времен Перикла 19-го числа праздновались *Βενδίδεία* в честь фракийской богини Бендиды, которую эллины отождествляли с Артемидой. Праздник сопровождался процессией и конными ристаниями с факелами.

Затем в Фаргелионе совершался важный очистительный праздник в честь Афины под названием *Πλυντήρια* и *Καλλυντήρια*, продолжавшийся несколько дней, начиная с 19-го числа.

Во время его производилось очищение, уборка и новое украшение святилища, утвари и старинной деревянной статуи Афины Полиады. Καλλωντήρια назывался собственно праздник очищения храма, а Πλυντήρια — праздник мытья статуи. Во время очищения храм Афины был заперт и обнесен канатами, так что к нему никто не мог приближаться кроме персонала культа. Статую раздевали, очищали и, смотря по надобности, реставрировали. 25-й день Фаргелиона, главный день праздника, без сомнения предназначенный для чистки самой статуи, считался весьма тяжелым, потому что богиня-защитница города закрывалась и временно отсутствовала в городе.[46] Раздетую и закрытую статую везли на колеснице в Фалер к морю и здесь тайно омывали. Колесница двигалась к морю среди многолюдной процессии, в которой в более поздние времена принимали участие эфебы, как видно из их надписей; в процессии несли, между прочим, блюдо смокв, которые считались древнейшей мирной пищей людей и, по некоторым мифам, были дарованы им Афиной, а не Деметрой. На обратном пути эфебы провожали статую со светильниками, откуда видно, что процессия возвращалась в город уже ночью. По окончании очистки статуя, одетая в чистое платье, снова выставлялась на своем месте, и храм снова делался доступен, блистая свежеею красотою.

Многочисленные свидетельства древних связывают Плинтерии с мифом о дочерях царя Кекропа Аглавре, Пандросе и Герсе, которые считались служительницами Афины. По мифическому преданию, Афина взяла на воспитание Эрихтония, сына Гефеста и Геи, и, отлучаясь на время из Аттики, отдала его в закрытой корзине на хранение дочерям Кекропа, строго запретив заглядывать в нее. Пандроса исполнила это приказание, но сестры ее не могли сдерживать своего любопытства и заглянули в корзину. В это время Афина несла огромную гору Ликабетт для укрепления афинского Акрополя; навстречу ей полетела ворона и закричала: «Эрихтоний открыт!». Афина, испугавшись, выронила гору, которая и упала к северо-востоку от Акрополя (таким образом, миф объясняет, почему афинская крепость построена не на Ликабетте, который был самой высокой из гор, лежавших в местности города). В наказание за любопытство Афина помрачила ум Аглавры и Герсы, так что они бросились со скалы и погибли. Пандроса же удостоилась божеских почестей, которые были ей воздаваемы в особом отделении Эрехтейона (по другим версиям мифа Пандроса также участвовала в открытии корзины, и Аглавра пользовалась уважением наравне с нею или даже больше ее). Храм, как оскверненный смертью виновных девушек, был очищен, и сама Афина совершила омовение в море.

Последний месяц афинского года Σκίροφορίων получил название от праздника Σκίροφορία, совершавшегося в честь Афины 12-го числа. Значение этого названия довольно темно. По объяснению Гарпократиона оно произошло от σκίρον — большого зонта, который мужчины из рода Этеобутадов держали над жрицей Афины, жрецом Посейдона Эрехтея и жрецом Гелиоса во время торжественной процессии, отправлявшейся в день праздника от Акрополя в местность Σκίρον (быть может, с храмом Афины), находившуюся на священной дороге из Афин в Элевсин. По другому объяснению, название происходит от γη σκίρα — белой известковой почвы в указанной местности, где было, по словам Плутарха, место древнейшего посева в Аттике. Праздник совершался при наступлении самой сильной летней жары, от которой скудная известковая почва страны быстро высыхала и нуждалась в освежении. Поэтому в процессии носили зонт как символ защиты от зноя, и сама процессия направлялась в такое место, почва которого наиболее страдала от жары. Ближайшие

подробности об обрядах этого праздника мало известны. При нем совершались и очистительные обряды, так как очищение от грехов было необходимым условием для того, чтобы молитвы об избавлении от зноя были услышаны богинею.

П. Веронезе. Похищение Европы. Холст (1580 г.).

В близкой связи со Скирофориями стоял обряд Ἀρρηφορία или Ἐρρηφορία, т. е. «несение росы». Архонт-царь ежегодно избирал из знатных гражданских родов двух девочек от 7 до 11 лет, которые под названием ἀρρηφοροί, по-видимому, целый год проводили в святилище Афины и служили ей. Аррефория была одним из видов литургий, так как родители девочек должны были доставлять золотые украшения, которые на них надевались при церемонии и при оставлении ими должности поступали в сокровищницу храма, а также нести и другие расходы при аррефории. Эта церемония, причислявшаяся древними к мистериям, состояла в том, что ночью в праздник Скирофорий девочки получали от жрицы Афины Полиады ящики с таинственными святынями и в торжественной процессии относили их на головах в подземелье близ храма Афродиты в Садах; там они оставляли принесенное, вместо него получали нечто другое, также закрытое, и относили в святилище Афины на Акрополе. Название церемонии и ее участниц заставляет предполагать, что она имела отношение к ночной росе и, вероятно, совершалась с целью вымолить у богини освежающую росу на жаркое время года. Лексикограф Мирид прямо говорит, что аррефоры носили в корзинках именно росу.

Праздник Δίπλοια, или Βουφονία, совершался 14-го числа Скирофориона в честь Зевса как покровителя города; алтарь его находился на Акрополе близ Парфенона и Эрехтейона. Свое второе название («убиение быка») праздник получил от принесения рабочего быка в жертву Зевса. При этом жертвоприношении, ведущем свое начало из глубокой древности, совершался символический обряд, объяснявшийся мифическим сказанием, но на деле, очевидно, имевший целью показать неприкосновенность рабочего быка как самого важного помощника при земледелии. Именно, подгоняли животное к жертвеннику, на котором были насыпаны ячмень и пшеница. Как только животное начинало их есть, появлялся жрец из рода Фавлонидов и, как бы в наказание за святотатство, поражал его топором в затылок, но потом, как оскверненный убийством, бросал топор и обращался в бегство, а участники жертвоприношения бросались его преследовать. Жертвенное животное разрезывалось особым «резником» из определенного рода, и жертвоприношение совершалось с обычными обрядами, но затем участники его подвергались суду в пританее за убийство; так как действительный виновник бежал, то виновным признавали топор, которым было убито животное, и бросали его в море, как запятнанный кровью. Жреческие служебные обязанности при этом жертвоприношении были наследственны в родах Фавлонидов, или Бутипов, и Детров. На Акрополе сохранилось особое кресло с надписью ΙΕΡΕΩΣ ΒΟΥΤΟΥ. Во времена Аристофана этот праздник с его символическим обрядом, непонятным большинству, казался уже устарелым и смешным:

Стариковская чушь, Диполиева рвань,

в волосах золотые цикады!

Завыванья Кидида, Буфоний галдеж![47]

В то же время совершалось в Пирее торжественное жертвоприношение Зевсу как Спасителю города, а также Афине Спасительнице. Этот праздник, о пышности которого свидетельствуют значительные суммы, вырученные от продажи шкур жертвенных животных, носил название Δίσιωτηρία.

Кроме описанных праздников было в Аттике немало и других, более или менее важных, время которых не может быть определено с точностью.

Широкое общеэллинское значение Олимпийского праздника было причиной того, что в священном округе Зевсова храма постепенно возникло значительное количество культов, которые ознаменовывались особыми празднествами и обрядами. Кроме отдельных празднеств элейцы ежемесячно совершали общее торжественное жертвоприношение в честь всех божеств, почитавшихся в Олимпии, с особыми, издревле установленными обрядами, в исполнении которых принимал участие многочисленный священный персонал.

После культа Зевса в Олимпии первое место по значению принадлежало культу Геры Олимпийской, в честь которой параллельно с праздником Зевса через каждые 4 года совершался праздник Нраία с состязаниями девушек трех разных возрастов в беге, причем победительницы получали такие же призы, как и победители на празднике Зевса. Состязаниями заведовали 16 выборных гражданок, на обязанности которых лежало также приготовление одеяния для богини. Еще упомянем, что ежегодно во время весеннего равноденствия так называемые Βασίλαι совершали жертвоприношение в честь Крона на вершине посвященного ему холма Κρονίου, господствовавшего над священной рощей. Кроме того, в Олимпии был культ Пелопа и Гипподамии, а также местного героя Сосиполида.

Из праздников в городе Элиде заслуживают упоминания совершавшиеся зимою, около времени солнцестояния, Θυία в честь Диониса, который, по верованию элейцев, сам являлся на этот праздник. Женщины пели на празднике особые гимны, призывая Диониса явиться под видом быка и дважды припевая: αχίε ταυρε. По словам Павсания, элейцы во время этого праздника в особом месте в 8 стадиях от города запирали и запечатывали в каком-то здании три медных пустых котла, а на другой день, открыв снова дверь, находили их наполненными вином.

В Аркадии одним из важнейших праздников были Ликеи в честь Зевса, совершавшиеся на Ликейской горе в неизвестное время, может быть, даже не ежегодно. В священном округе на вершине горы, где, как утверждали верующие, все входившие люди и даже животные теряли свою тень, находился сложенный из земли алтарь, перед которым с восточной стороны стояли две колонны с позолоченными орлами наверху. Жрецы, которые одни имели доступ в это священное пространство, совершали здесь таинственные жертвоприношения, между прочим и человеческие. Они вели свое начало из глубокой древности и существовали еще во времена Павсания. Во время праздника совершались также состязания, при которых победители получали в награду дорогую утварь. С состязаниями соединен был также праздник Αλεαία в честь Афины Алейской в г. Тегее. В г. Фенея праздновались мистерии Деметры Элевсинской, по преданию, принесенные туда из Элевсина Наем, правнуком Эвмолпа. По-видимому, здесь было два праздника, меньший и больший, из коих последний совершался раз в два года. Устав мистерий хранился в так называемом πέρφορα, состоявшем из двух плотно пригнанных одна к другой каменных плит, внутри выдолбленных. При

совершении большого праздника жрецы вынимали из *petrwma* устав, читали его во всеуслышание мистам и в ту же ночь вкладывали обратно. На *лётρωα* находилась еще круглая накладка, в которой хранилась маска Деметры Кидарии; в тот же праздник жрец надевал эту маску и ударял розгами об землю, изображая гнев Деметры на подземных богов. В 15 стадиях от города у подошвы горы Киллены был храм Деметры Фесмии, в котором также совершались мистерии. В г. Фельпуса также был мистический культ Деметры, носившей там прозвища *Ερίνυ* и *Λουβία*, объясняемые местными сказаниями, относящимися ко времени странствований Деметры по земле для отыскания дочери. Мистерии по образцу Элевсинских были учреждены и в Мегалополе, где Деметра и Кора почитались под именем *μῆγαλα θεαί*. Не упоминая здесь менее важных аркадских праздников, заметим только, что одним из наиболее уважаемых божеств в Аркадии издревле была Артемида, в честь которой совершались празднества в городах Стимфал, Орхомен, Фигалии и др.

Из числа праздников у ахейцев, живших на северном берегу Пелопоннеса, упомянем только совершавшееся в местности Омарион близ г. Эгиона празднество в честь Зевса Омагирия и Деметры Всеахейской, служившее религиозным центром Ахейского союза, и *Λαφρία* в честь Артемиды Лафрии в г. Патрах с великолепной процессией, в которой девственная жрица богини ехала в колеснице, запряженной оленями, и со своеобразным жертвоприношением.

В Мессении главным праздником были *Ιούρεια* в честь Зевса, совершавшиеся ежегодно на горе Итоме, где был только священный округ и алтарь, но храма не было, и статуя хранилась в доме жреца. В древние времена праздник сопровождался музыкальными состязаниями. По словам Фукидида, Итомское святилище обладало правом убежища. В г. Андания издревле существовали мистерии Деметры и Кору, по преданию, учрежденные героем Кавконом, пришедшим туда из Элевсина при первом мессенском царе Поликаоне, и впоследствии получившие дальнейшее развитие от Лика, сына Пандиона, изгнанного из Аттики братом своим, известным мифическим царем Эгеем. По словам Геродота, дорийцы, вторгнувшись в Пелопоннес, повсюду уничтожили там культ Деметры; но это неверно, так как в Андании он продолжал существовать до конца 2-й Мессенской войны, когда вся Мессения подпала власти Спарты и анданийские жрецы бежали в Элевсин. После освобождения Мессении Эпаминондом в 369 г. до Р. Х. мистерии были восстановлены. По рассказу Павсания, одному из полководцев союзной армии Эпаминонда явился во сне старец в одежде иерофанта и указал место, где были зарыты в землю в медном сосуде свинцовые дощечки, на которых был начертан устав мистерий; этот старец, по общему убеждению, был герой Кавкон. Быть может, при этом восстановлении мистерий играл видную роль афинянин Мефап, упоминаемый Павсанием. Служение при мистериях было передано возвратившимся из Элевсина потомкам прежних жрецов. Местом совершения мистерий была кипарисовая роща *Καρνεασιών* в 8 стадиях от Андании.

Драгоценным источником для ознакомления с внешнею их стороною служит большая и хорошо сохранившаяся надпись на камне, содержащая в себе устав мистерий, составленный в 91 г. до Р. Х. Из него видно, что в мистериях, кроме Деметры и Персефоны, которой поклонялись под именем *Λυγῆ*, почитались еще Гермес, Аполлон Карнейский и Великие боги, под которыми, по мнению ученых, следует разуметь кабиров. В праздник совершалась в строго определенном порядке торжественная процессия, участники которой подробно перечислены в уставе; посвященные девицы везли в процессии тележки с ящиками, в

которых заключались таинственные святыни; в ней же вели животных, предназначенных в жертву богам, почитавшимся в мистериях: Деметре приносили в жертву супоросую свинью, Гермесу — барана, Великим богам — двухлетнюю свинью, Аполлону — борова, Агне — овцу. Кроме того, совершались особые очистительные жертвоприношения. Части жертвенных животных, не сожженные в честь богов, шли на приготовление «священной трапезы», которая совершалась после жертвоприношений и в которой могли участвовать только жрецы, «святые» и артисты, участвовавшие в музыкальной части празднества.

В Лаконике мы лишь мимоходом упомянем Ταῦρα при храме Посейдона на мысе Тенаре и подробнее остановимся на спартанских праздниках. Из них наибольшего внимания заслуживают Καρνεα и Ὑακίθια в честь Аполлона, к почитанию которого древними ахейцами в г. Амиклы присоединились и дорийские завоеватели, считавшие этого бога покровителем всего своего племени.

Καρνεα были национальным дорийским праздником; он совершался в месяце, который входил в состав большинства дорийских календарей и приходился на ближайшее время после летнего солнцестояния. Сохранившиеся известия об этом празднике скудны и темны; некоторые подробности относительно способа его совершения в Спарте сообщает Деметрий Скепсийский (писатель II в. до Р. Х.), описание которого сохранилось у Атенея. Праздник продолжался 9 дней, от 7 до 15-го числа месяца, и представлял собою полную картину лагерной жизни. На девяти площадках в городе ставились палатки или шалаши, в каждом из которых помещалось по 9 человек, обедавших вместе и совершавших все действия по команде; на каждой площадке помещались палатки трех фратрий. Во время праздника устраивалось состязание в беге, при котором один участник убегал вперед, а остальные, называвшиеся σταφυλόδρομοι, старались его догнать, и если это им удавалось, то поимка принималась за хорошее предзнаменование, так как убегавший олицетворял собой хороший урожай. Этот обычай указывает на то, что первоначально Карнеи были праздником сельскохозяйственным (самое прозвание Аполлона Καρνεῖοι указывает на покровительство стад); но впоследствии воспоминания о древней лагерной жизни стали играть главную роль на празднике и вытеснили его первоначальное значение. Около 26-й Олимпиады (в 670-х годах до Р. Х.) спартанцы ввели на этом празднике музыкальные состязания, в которых стали принимать участие лучшие артисты из всей Эллады. Как известно, спартанцы так высоко чтили этот праздник, что до окончания его не выступали в поход даже в особенно важных случаях.

Праздник Ὑακίθια относится к известному мифу о нечаянном убиении Аполлоном его любимца Гиакинфа во время игры в диск. По толкованию большинства новых мифологов, в этом мифе олицетворено губительное действие солнечного зноя, представляемого Аполлоном, на весеннюю растительность, представителем которой служит Гиакинф. Праздник совершался ежегодно в Амиклах, близ Спарты, в месяце, который в Спарте носил название Ἐκατομβεῖη, а у многих других дорийцев — Ὑακίθιοι (по имени праздника), и соответствовал, вероятнее всего, аттическому Скирофориону. Все празднество продолжалось три дня. Первый день был посвящен печали по Гиакинфу, в знак которой при жертвоприношениях не надевались венки и не пелись пэаны, при обедах не подавались хлебы, а только лепешки, и во всем господствовала воздержанность. В этот же день приносили надгробную жертву Гиакинфу, гробницу которого показывали под алтарем

Аполлона в Амиклах. Второй день, напротив, был посвящен праздничному веселью: хоры мальчиков пели под аккомпанемент кифары и флейты веселые гимны в честь бога, к храму направлялась торжественная процессия, к которой присоединялись хоры юношей с песнями и танцами, а также молодые девушки в особом рода плетеных экипажах или на беговых колесницах; совершались игры и состязания, торжественные жертвоприношения и пиршества; граждане в плющевых венках угощали друг друга, даже рабы принимали участие в пирах, одним словом, везде царил веселье, и вся Спарта устремлялась на праздник в Амиклы, так что город в этот день оставался пустым. Что совершалось в третий день праздника, неизвестно; может быть, в этот день происходила церемония облачения статуи бога в новый хитон, который, по свидетельству Павсания, ежегодно приготавливали спартанские женщины. Праздник этот считался столь важным, что амиклейцы в военное время оставляли службу и являлись домой, чтобы принять в нем участие.

Третий важный спартанский праздник назывался Γυμνοτάβια; он совершался летом, вероятно, вскоре после Гиакинфий, в продолжение нескольких дней и был посвящен главным образом Аполлону, но также и другим богам, например Дионису. Впрочем, в исторические времена религиозное значение праздника отступило на задний план, а на первый выступило чистое наслаждение красотой человечества, именно городского юношества. Это был ряд празднеств, во время которых спартанские мальчики, юноши и мужчины выказывали свое искусство во всевозможных гимнастических и орхестических упражнениях. В хоровых песнях прославлялись не только боги, но также и доблести храбрых граждан, особенно выказанные в битвах при Фирее и потом при Фермопилах. На время этого праздника спартанцы отказывались даже от своего обычного недружелюбия к иностранцам и гостеприимно принимали приезжавших, а к строгой музыке аполлоновского культа примешивали более мягкие и веселые звуки вакхической музыки, которая со времени критского поэта и композитора Фалета нашла себе доступ в Спарту.

Из праздников в других дорических городах Пелопоннеса упомянем о празднестве Геры в Аргосе, которое совершалось летом. Гера была главной богиней в Аргосе (как Афина в Афинах); храм ее находился вне города, на границе с прежней Микенской областью. Праздник ознаменовывался торжественной процессией к храму в сопровождении граждан в полном вооружении, множеством жертвоприношений и состязаниями, состоявшими в метании копий на полном бегу в щит, служивший целью. Победитель получал в награду миртовый венок и щит; этот щит упоминается у многих писателей и даже в пословицах. Во время процессии жрицы, имевшие жительство, по всей вероятности, в городе, отправлялись к храму в повозке, запряженной белыми быками. После жертвоприношений мясо раздавалось гражданам и устраивалось торжественное всенародное пиршество. Кроме этого праздника в Аргосе упоминаются и многие другие.

Город Эпидавр славился своим святилищем Асклепия, находившимся в прекрасной местности вне города. Здесь через каждые 4 года совершались Ἀσκλητεια с торжественными гимническими и конными играми.

На о. Эгина ежегодно совершались мистерии в честь богини Гекаты, учреждение которых приписывалось фракийскому Орфею; к сожалению, их сущность и обрядовая сторона почти неизвестны. Кроме того, упоминается 16-дневный праздник в честь Посейдона; Плутарх

говорит, что время праздника эгинеты проводили в молчании и печали; но с концом праздника было связано веселое празднество Афродиты.

В Коринфе главным празднеством после Истмий были *Ελλωτια* в честь Афины с состязанием в беге с факелами, затем *Ευκλεια* в честь Артемиды, ежегодные умиловительные жертвоприношения в честь Геры Акрейской, роскошные праздники Афродиты и др.

В Сикионе были праздники эменид, Геракла (который там почитался как настоящий бог, а не как герой), Пифийские игры в честь Аполлона. Кроме того, там издревле пользовался большими почестями герой Адраст, культ которого изгнал впоследствии тиран Клисфен, учредив взамен культ фиванского героя Меланиппа, как об этом рассказывает Геродот.

Во Флиунте праздновались мистерии в честь Деметры по образцу Элевсинских, с той только разницей, что праздник совершался не ежегодно, а раз в 4 года, и что иерофант избирался не пожизненно, а на один только праздник. По преданию, мистерии принесены сюда из Элевсина героем Дисавлом, братом Келея. В Лерне также упоминаются мистерии Деметры Лернейской. В Мегарах известны Дионисии, Фесмофории, праздник в честь Ино, которая здесь впервые получила свое божественное имя Левкофеи, игры в честь *Ἀπολλῶν Πυθαίου* и в честь героев Алкафоя и Диокла.

Большинство беотийских праздников соединено было с состязаниями, которые, привлекая зрителей и участников с разных сторон греческого мира, тем самым способствовали их блеску и известности. Большая часть праздников носила местный характер, но некоторые праздновались одинаково всеми беотийцами и служили, таким образом, религиозными центрами всего Беотийского союза. В числе последних еще с глубокой древности пользовалась известностью амфиктиония Посейдона (который вообще пользовался высоким уважением в Беотии) в Онхесте. В исторические времена главным религиозным средоточием беотийцев был праздник *Παμβοιωτία* в честь Афины Итонской при ее святилище близ г. Коронеи, совершавшийся ежегодно в 10-м месяце беотийского года, получившем от этого праздника название *Παμβοιωτιῶν*. Праздник сопровождался разного рода состязаниями.

Из местных праздников особенно славились в Феспиях *Ερωτιδαία* и *Μουσεία*; оба празднества совершались раз в 4 года, и первое сопровождалось разнообразными гимническими и конными состязаниями, а второе — главным образом музыкальными, соответственно его характеру. В Орхомене праздновались *Μίνυα* и *Χαριτήσια* с музыкальными состязаниями, в Акрефии — *Πτοία* при древнем храме Аполлона Птойского через каждые 4 года, в Лебадии со времени битвы при Левктрах — *Βασίλεια* или *Τροφώνια*, в Платеях — *Ελευθερία* раз в 4 года (16-го числа месяца Алалкомения) в память знаменитой победы 479 г. с торжественной процессией, жертвоприношением в честь убитых и гимническими состязаниями, в Оропе — *Ἀμφιαραία* также раз в 4 года с гимническими, конными и музыкальными состязаниями. В честь туземного героя Геракла праздновались *Ηρακλεία* в разных местах, но особенной известностью пользовался его праздник *Ιολαεία* в Фивах с состязаниями. Кроме того, в разных городах упоминаются древние праздники с особыми символическими обрядами, которые объяснялись разными местными легендами. Так, в праздник *Λυριώνια* в честь Диониса в Орхомене, совершавшийся зимой через каждые 2 года, жрец Диониса преследовал с обнаженным мечом девицу из рода мифического царя Миния и если догонял, то имел право убить, как это однажды и случилось при Плутархе). Этот обычай объяснялся преданием, что

дочери Миния отказались признать культ Диониса, за что и были наказаны сумасшествием. Во время этого же праздника женщины искали Диониса, как бы убежавшего из города, и, не найдя его, говорили, что он находится у муз; затем следовало пиршество, во время которого женщины предлагали одна другой разные загадки и т. п. Таким образом, праздник, очевидно, имел мистический характер. В Платеях праздновались великие и малые *Διαδαλα*, первые через каждые 60 лет, вторые — раз в 7 лет или чаще. В великом празднике принимала участие вся Беотия и в процессии несли 14 дубовых изображений по числу городов, входивших первоначально в состав Беотийского союза. Главной частью празднества была процессия на вершину горы Киферон, представлявшая одну сцену из брачного сожительства Зевса с Герой. В Фивах раз в 8 лет совершался в честь Аполлона Исменийского праздник *Δαφναφορια* с торжественной процессией, в которой носили палку из масличного дерева, обвитую лаврами, цветами и лентами.

Кроме Пифийского праздника в Дельфах было несколько других, как в честь Аполлона, так и в честь других богов, преимущественно Диониса. По преданию, Аполлон на три зимних месяца покидал Дельфы, и они были посвящены Дионису. В честь возвращения Аполлона, по всей вероятности в месяце *Βυσιος*, праздновались *Θεοφαια*. Из других аполлоновских праздников заслуживает упоминания *Σελτηριον*, совершавшийся раз в 8 лет в воспоминание победы Аполлона над Пифоном. Их борьба изображалась в драматическом представлении, при котором роль бога играл избранный мальчик благородного происхождения, имевший в живых обоих родителей. К этому же празднику относится торжественная процессия в Темпейскую долину, где Аполлон, по преданию, получил очищение после убийства Пифона. Сюда отправлялись мальчики благороднейших родов, и после великолепного жертвоприношения один из них, представлявший бога, срезал ветвь священного лаврового дерева и торжественно, при веселых песнях сопровождавшего его хора юношей, возвращался с ней по священной дороге в Дельфы. К числу аполлоновских же праздников можно отнести *Θεοχενια*, т. е. «угощение богов», при котором чествовались все олимпийские боги, но преимущественно Аполлон и мать его Лето. Подробности совершения этого праздника в Дельфах неизвестны, но, по всей вероятности, он был сходен с подобными праздниками в других местах, т. е. изображения божеств возлагались на богато убранные ложа и перед ними ставились столы с разными яствами и напитками. Праздник совершался в месяце *Θεοχενιος*, получившем от него свое название.

Дионис. Фрагмент росписи на краснофигурной вазе (ок. 400 г. до н. э.).

Дионис, по преданию, был погребен в Дельфах после убийства его титанами, и его гробницу показывали в адитоне храма Аполлона. В честь его через каждые два года совершалось празднество, при котором устраивали таинственное жертвоприношение в святилище Аполлона, а дельфийские и аттические женщины выходили с факелами на Парнас и здесь в вакхическом экстазе совершали оргии в честь Диониса, которого при этом называли *Λικνιτη*. Празднество совершалось в месяце *Δααδαφοριου*, получившем название от факелов, с которыми выходили женщины-фиады. К дионисовскому же культу принадлежит повторяющийся через каждые 8 лет праздник *Ηρωιη*, к которому, по словам Плутарха, относилось особое мистическое сказание, известное фиадам; на основании совершавшихся при нем обрядов его, скорее всего, можно было бы представить себе возвращением Семелы из подземного мира.

Затем упомянем совершавшийся также раз в 8 лет праздник *Χαρίλα*, установленный, по сохранившемуся у Плутарха преданию, по следующему случаю. Однажды в Дельфах был голод; жители с женами и детьми приходили к царю, который из своих запасов выдавал муку и овощи более уважаемым гражданам, так как для всех не хватило бы запасов. Однажды пришла к царю за хлебом девочка-сирота, но он ударил ее башмаком и прогнал, после чего она с горя повесилась. Тогда голод сделался еще сильнее, и к нему присоединились разные болезни. Пифия приказала царю умиловить девушку-самоубийцу Харилу. С трудом узнали, что такое имя носила обиженная девочка, совершили в честь ее соединенное с очищением жертвоприношение и установили на будущее время периодическое празднество. Во время его царь раздавал всем гражданам и иностранцам муку и овощи; после всех к нему подносили куклу, изображавшую Харилу; царь ударял ее башмаком, затем предводительница *φιαδ* относил ее в пустынное скалистое место, где, по преданию, была похоронена Харила, и там зарывали куклу в землю с веревкой на шее.

После отражения нашествия галатов на Элладу в 279–278 гг. по решению Этолийского союза был установлен в Дельфах в память этого счастливого события праздник *Σωτηρία* в честь Зевса Спасителя и Аполлона Пифийского. Главной частью празднества были музыкальные, гимнические и конные состязания, причем первые были поставлены наравне с Пифийскими, а вторые и третьи — наравне с Немейскими; кроме того, были состязания орхестические и драматические. Празднество совершалось раз в 4 года (позднее, может быть, ежегодно) и находилось сначала в заведовании этолийцев, а позднее — амфикионов.

Обращаясь к культам островов Эгейского моря, прежде всего упомянем Самофракийские мистерии Кабирос, стоявшие наряду с самыми знаменитыми празднествами Эллады.

Остров Эвбея известен был многими празднествами, которые посещались иностранцами, как, например, *Γεραίσια* в честь Посейдона в г. Гересте, *Διαρυνθία* в честь Артемиды близ Эретрии и др. На ионических Кикладах наибольшего развития достиг культ Диониса, праздники которого, как и в других местах, были соединены с хоровыми и театральными представлениями; некоторые из праздников Диониса отличались и местными особенностями, как, например, на острове Андрос, где в зимний праздник Диониса, называвшийся *Θεοδαίσια*, вино само текло из храма, или на о. Наксос, где, по мифическому преданию, Дионис сочетался браком с Ариадной: перемены судьбы последней подавали повод празднующим сначала к выражениям печали, потом — радости. Кроме того, на каждом острове и даже в отдельных городах одного и того же острова, были, конечно, местные, особенно уважаемые культы и праздники, например, на Сиросе *Ηρακλεία*, на Аморге *Ηραία*, на Теносе и Миконе *Ποσειδεια*, на Паросе *Πλούτηρια* и пр. Но все эти местные праздники затмевало собой знаменитое празднество Аполлона на острове Делос, религиозном центре Киклад. Здесь издревле существовала амфикиония, или священный союз народов ионийского племени. Соседние островитяне собирались на священный остров, считавшийся родиной Аполлона и сестры его Артемиды, с женами и детьми и совершали в честь бога гимнические и музыкальные состязания с участием хоров, посылавшихся городами. С течением времени праздник пришел в упадок вследствие разных бедствий, поразивших ионийцев, так что состязания на нем совершенно прекратились, только хоры по-прежнему посылались на праздник афинянами и островитянами. В 426 г. афиняне, имевшие тогда главенство в амфикионии, произвели тщательное очищение острова, возобновили на празднике

Аполлона гимнические состязания и ввели конные ристания, которых прежде не было. С тех пор праздник, носивший по острову название Δῆλα, был пентетерическим, т. е. совершался раз в четыре года. Он состоял главным образом из хоровых песен и плясок в честь бога и различных состязаний, увеличению блеска и пышности которых много содействовали священные посольства, прибывавшие с участвовавших в амфикионии островов, из Афин и из некоторых других государств собственно Эллады (например, из Мегар и Мессении). Особенным великолепием отличалась афинская феория, начальство над которой принадлежало к числу литургий богатых граждан. Феория отправлялась не только к пентетерическому празднику, а ежегодно; для переезда ее на Делос всегда употреблялся один и тот же старинный, но, конечно, по мере надобности подновляемый корабль, по преданию, тот самый, на котором Тесей ездил на Крит для убиения Минотавра. Вообще воспоминание об этом путешествии играло видную роль во время праздника; в числе священных плясок упоминается та, в которой мимически представлялось блуждание Тесея в лабиринте. Из истории осуждения Сократа известно, что все время от отправления священного корабля на Делос до возвращения (иногда задерживавшегося противными ветрами) считалось священным, и в течение его не могли приводиться в исполнение смертные приговоры над преступниками. Праздник совершался в «Священном» месяце, соответствовавшем аттическому Анфестериону. Ежегодно в то же время совершались Απολλωνια с гимническими и конными играми и хорами. Известен также праздник Διονυσια с драматическими представлениями и др.

Тесей и Ариадна. Иллюстрация к «Сказаниям Танглвуда» (ок. 1920 г.).

На острове Самос особым уважением пользовалась Гера, которая, по словам самосцев, на их острове родилась, выросла и вышла замуж; это предпочтительное уважение к богине, которая у других ионийцев не пользовалась особенно выдающимся значением, быть может, следует объяснять тем, что ионические переселенцы уже застали культ Геры у прежних обитателей острова и усвоили его себе. В пользу этого предположения свидетельствует встречающееся у авторов название самосской Геры Пеласгической. В честь Геры совершались здесь два праздника, из которых один известен блестящей вооруженной процессией, при которой изображалось торжество бракосочетания Геры с Зевсом со всеми свадебными обрядами, а другой отличался таинственными обрядами, в которых главную роль играла древняя деревянная статуя богини. Атений, со слов самосца Менодота, рассказывает, что праздник был установлен в воспоминание того, что однажды тирренские пираты сделали попытку похитить статую и действительно принесли было ее на корабль, но когда хотели пуститься в путь, то не могли сдвинуть с места корабль, пока не возвратили статую на берег и не принесли ей жертвы. Между тем среди обитателей острова распространился слух, что богиня исчезла из храма, и они пустились ее искать. Найдя статую на берегу и предполагая, что она сама перенеслась туда, они привязали ее к лозе и окутали ветвями, но затем жрица отвязала ее, очистила и перенесла обратно в храм. Поэтому и на празднике статую относили к берегу и прятали, потом снова отыскивали и возвращали в храм.

Из островов с дорическим населением Родос занимает первое место по числу и значению своих культов. Выше всего стоял здесь культ Гелиоса, в честь которого через каждые 4 года совершался большой праздник Αλμεια, соединенный с гимническими, конными и

музыкальными состязаниями (первоначально установленными в память местного героя Тлеполема) и с большой процессией, в которой, по всей вероятности, вели четырех коней, потом приносившихся в жертву божеству посредством сбрасывания живьем в море. В г. Линд известен культ Афины Линдийской, праздник Геракла с оригинальным обычаем приносить в жертву рабочих быков при брани и проклятиях присутствовавших при жертвоприношении и празднество $\Sigma\mu\nu\theta\iota\alpha$ в честь Аполлона, культ которого с прозвищем $\Sigma\mu\nu\theta\iota\omicron\eta$ был широко распространен по малоазиатским городам. Название это производится от слова $\sigma\mu\nu\theta\omicron\eta$ — «мышь» и объясняется легендой о спасении страны Аполлоном и Дионисом от множества мышей, уничтоживших виноградные лозы. В г. Родос совершались $\Delta\iota\omicron\nu\upsilon\sigma\iota\alpha$ с состязаниями хоров и театральными представлениями. Затем на Родосе было много религиозных обществ, составлявшихся с целью почитания разных греческих и негреческих божеств; каждое из них, конечно, имело свой особый праздник.

На о. Кос главным божеством был Асклепий, в честь которого совершались торжественно $\Lambda\sigma\kappa\lambda\eta\pi\iota\epsilon\iota\alpha$. Кроме того, известны культы Геры, Деметры с праздником $\Theta\alpha\lambda\upsilon\sigma\iota\alpha$, Геракла (в г. Антимахия), жрец которого при совершении жертвоприношения одевался в женское платье, и других богов.

Остров Крит представляет много оригинальных форм культов, происхождение которых относится к глубокой древности, еще до занятия острова дорийцами. Здесь совершались мистерии Зевса и куретов. В честь Европы, по известному мифу перенесенной Зевсом на Крит, совершался праздник $\text{Ε}\lambda\lambda\omega\tau\iota\alpha$, при котором кости Европы носили в процессии в огромном миртовом венке. В память убийства Диониса-загрея совершалось через каждые 2 года празднество, при котором представлялись его страдания, в честь Ино или Левкофеи — $\text{I}\nu\alpha\xi\iota\alpha$.

На дорических Кикладах Фере и Анафе упоминаются $\text{K}\alpha\rho\nu\epsilon\iota\alpha$ и $\text{Y}\alpha\kappa\iota\nu\theta\iota\alpha$, кроме того, на последнем острове праздник в честь $\Lambda\mu\omicron\lambda\lambda\omega\nu \Lambda\sigma\upsilon\epsilon\lambda\alpha\tau\alpha\eta$. В ливийской Кирене, колонизованной из Феры, кроме общего дорийцам культа Аполлона упоминается пышный праздник $\Delta\iota\omicron\sigma\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\iota\alpha$ и $\Theta\epsilon\omicron\delta\alpha\iota\sigma\iota\alpha$ в честь Диониса и нимф.

Для ионических колоний западного берега Малой Азии праздник $\text{P}\alpha\nu\iota\omega\nu\iota\alpha$, совершавшийся на мысе Микале в честь Посейдона Геликонского, был таким же религиозным центром, каким было Делосское празднество для ионических Киклад. Празднеством заведовали приенцы, из среды которых для совершения торжественного жертвоприношения избирался юноша под именем «царя». Впоследствии общее празднество было перенесено в Эфес, но культ Посейдона на Микале продолжал существовать еще во времена Страбона. Впрочем, отдельные города были так же независимы друг от друга в религиозном отношении, как и в политическом, и представляют немало местных культов, иногда восходивших до глубокой древности. Так, Эфес славился своим великолепным храмом Артемиды и празднеством в честь ее, заступившим потом место Панионий в качестве религиозного центра малоазиатских городов. Празднество сопровождалось конными, гимническими и музыкальными состязаниями и привлекало из разных городов множество посетителей, которые съезжались с женами и детьми и приносили богине богатые дары и жертвы. Жрецами богини здесь были евнухи, пользовавшиеся величайшим почетом; были также жрицы, проходившие три степени посвящения. Кроме того, в Эфесе пользовались известностью $\text{T}\alpha\upsilon\rho\iota\alpha$ в честь Посейдона,

Θεσμοφορία в честь Деметры и др. В Милете важнейшим праздником были Διδυμεία в честь Аполлона, храм которого со знаменитым оракулом находился в местечке Дидимах, кроме того, Νηληϊη в честь Артемиды и пр.

Город Кизик известен был оргиастическим культом фригийской Кибелы, чествовавшейся под именем Плакианской Матери, кроме того, праздновались Λυθεστῆρια в честь Диониса и Θερρεφάττια в честь Персефоны, которая, по преданию, получила этот город в приданое от Зевса и почиталась в нем больше всех богов; в жертву ей приносились черные коровы. В Лампсаке, кроме культа Приапа следует отметить Ασκληπιεία, при которых все граждане надевали венки, дети освобождались от учебных занятий и рабы от работ, а судопроизводство приостанавливалось.

О религиозной жизни эолийских колоний в Малой Азии сохранилось мало сведений. Религиозным центром их был праздник Аполлона в г. Грунеон, кроме того, особым уважением пользовался Απολλων Πορνοπιου. На о. Лесбос в г. Митилена был почитаем Απολλων Μαλοει, празднество которого совершалось митиленцами всенародно вне города, на мысе Малее, и Αρτεμιη Θερσια, в честь которой совершалась Θερσιακη πανηγυριη, упоминаемая в надписях в качестве важнейшего праздника митиленцев.

Религиозным центром дорийских колоний на юго-западном берегу Малой Азии был праздник Аполлона, нимф и Посейдона в Триопии с состязаниями. Кроме того, город Книд славился культом Афродиты, почитавшейся здесь под разными названиями.

О религиозной жизни городов Великой Греции мы имеем лишь немногие сведения, так как процветание большинства их относится к таким временам, от которых сохранилось очень мало письменных памятников. Даже из Тарента, в котором в цветущее время было, говорят, больше праздников, чем будней, мы знаем только Διονυσια, праздновавшиеся с большой неводержанностью (по словам Платона, во время этого праздника весь город был пьян), да темные названия Δαμεία и Θαυλια. В Неаполе совершалось празднество в честь сирены Партенопы с гимническими состязаниями и бегом с факелами. Со времен Августа празднество это под названием Sebasta или Italika повторялось через каждые 4 года в течение нескольких дней с гимническими и музыкальными состязаниями и по своей известности стало наряду со знаменитейшими праздниками Эллады. Затем упомянем культ Зевса Омария, служивший религиозным центром ахейских городов южной Италии после уничтожения Пифагорейского союза, и празднество Геры на мысе Лакинии близ Кротона, привлекавшее к себе всех италийских греков.

В греческих городах Сицилии особым значением пользовался культ Деметры и Персефоны, которым был посвящен весь остров. Известно, что он преимущественно перед другими местностями считался местом похищения Персефоны и бракосочетания ее с Плутоном; с этим событием связан был целый ряд праздников, как, например, Λυθεσφορια, Θεογαμια, Ανακαλυπτηρια, Κορεια; временем похищения считалась или весна, к которой, без сомнения, относится первый из названных праздников, или время созревания хлебов, когда совершалось самое торжественное жертвоприношение. Местом похищения считался преимущественно Эннейский луг. Источник Киана близ Сиракуз, по преданию, явился на том месте, где Плутон с похищенной Корой скрылся в подземное царство; поэтому сиракузяне ежегодно совершали у этого источника празднество, при котором от имени государства

приносили в жертву быков, живьем погружая их в озеро: такой способ жертвоприношения, по преданию, был указан Гераклом. На празднество еще во времена Цицерона стекалось множество народа. Кроме того, в честь самой Деметры осенью совершались *Θεσμοφορια*, отличавшиеся особенно пышностью в Сиракузах, где они продолжались 10 дней и праздновались преимущественно женщинами; из обычаев праздника упоминается, между прочим, перебранка между женщинами в память того, что Деметра, опечаленная похищением дочери, развеселилась от бранных слов служанки. Кроме Сиракуз *Фесмофории* праздновались в Акраганте, Катане и других городах. Кроме празднеств, относящихся к культу Деметры, в разных сицилийских городах упоминаются и местные праздники, как заимствованные из метрополий, так и обязанные своим происхождением каким-либо местным условиям и особенностям или историческим событиям. Так, в Катане был праздник *Λιτναία* в честь Зевса Этнейского, в Сиракузах — *Αρτεμισια Ελωρια* или *Λσιναρια* в память поражения афинян в 413 г. В Геле известен культ хтонических божеств с мистическими обрядами, в г. Агирии — пышный праздник в честь Геракла с гимническими и конными состязаниями, причем в праздновании участвовали и рабы, а также празднество в честь Гераклова родственника Июлая. На горе Эрик было святилище Афродиты, по словам Павсания, пользовавшееся уважением с глубокой древности и по богатству не уступавшее святилищу в Пафе (на о. Кипр). При храме жило много посвященных богине рабов и рабынь. Из совершавшихся здесь празднеств Атены упоминает *Λναγωγια* в память удаления богини в Ливию и *Καταγωγια* в честь ее возвращения. Эти праздники, очевидно, были установлены по образцу подобных же празднеств в культе Персефоны.

В фокейской колонии Массалия известны культы Артемиды Эфесской и Аполлона Дельфиния, а также праздник, который у Юстина называется *Floralia*, а по-гречески, по всей вероятности, назывался *Λυθεστηρια*, и описанный Петронием оригинальный обряд, напоминающий обряды афинских Фаргелий: в случае появления какой-либо эпидемии один из бедняков добровольно предлагал себя в жертву за государство; ему в течение года давали отличное содержание на государственный счет, затем, одев в священные одежды и украсив ветвями, обводили по городу, произнося заклятия, чтобы на него пали все бедствия государства, и сбрасывали со скалы.

Само собой разумеется, что здесь описаны далеко не все культы и праздники в разных государствах эллинского мира. Их число особенно увеличилось во времена римского владычества; вследствие упадка прежних религиозных верований главной и существеннейшей частью празднеств сделались тогда разного рода состязания, учреждавшиеся не только в честь богов, но и римских императоров, их любимцев и видных политических деятелей.

Римский список публичных и носящих особые названия праздничных дней (*feriae publicae*) сохранился в календаре общины и бесспорно представляет самый древний из всех дошедших до нас документов о римской древности. Первое место в нем занимают боги Юпитер и Марс, равно как двойник этого последнего — Квирин. Юпитеру посвящены все дни полнолуния, сверх того, все праздники вина; его антагонисту, «злому Юпитеру» (Вейовису) было посвящено 21 мая (Агоналии); Марсу принадлежали первый день нового года и большое военное торжество, происходившее в течение марта. Подобно тому как войну начинали с праздника Марса, так и осенью, после окончания похода, снова справляли ему праздник —

день освящения оружия. Наконец, Квирину принадлежал день Квириналий (17 февраля). Между остальными праздниками первое место занимают те, которые относятся к земледелию и к виноделию, а рядом с ними праздники пастухов играют лишь второстепенную роль. Сюда прежде всего принадлежит длинный ряд весенних праздников в апреле; во время их приносились жертвы Теллус (Fordicidia, приносилась в жертву стельная корова), Церере (Cerialia), богине стад Палес (Paralia), Юпитеру как хранителю виноградных лоз и впервые откупориваемых бочек прошлогоднего сбора (Vinalia), врагу посевов — рже (Робигу). По окончании полевых работ и после успешной уборки жатвы справлялся двойной праздник в честь бога уборки жатвы Конса и в честь богини изобилия Опс (Consualia, Oppalia); один раз — непосредственно после окончания работы жнецов, а второй раз — в середине зимы, когда наполняющая амбары благодать может быть оценена по достоинству; чуткий здравый смысл древних распорядителей празднествами вставил между двух этих праздников праздник посевов (Saturnalia). Точно так и праздник виноградного сока, называвшийся также целебным (Meditrinalia), потому что свежему виноградному соку приписывали целебную силу, справлялся после окончания сбора винограда в честь Юпитера как бога вина. Затем следуют в конце года: волчий праздник (Lupercalia), который справляли пастухи в честь доброго бога Фавна, и праздник межевых камней (Terminalia), который справляли земледельцы; сверх того, справлялись двухдневный летний праздник дубрав (Lucaria), который, вероятно, был посвящен лесным богам, праздник источников (Fontinalia) и праздник кратчайшего дня, после которого восходит новое солнце (Angeronalia). Ремесла и искусства имели в кругу богов только двух заступников — бога огня и кузнечного мастерства Вулкана, которому кроме названного его именем дня (Volcanalia) посвящен еще праздник освящения труб (Tubilustrium), и затем Карменту (Carmentalia), которую сначала чтили как богиню волшебных заклинаний и песен, а впоследствии стали чтить как покровительницу рождений. Домашней и семейной жизни были посвящены праздник богини дома — Весты и праздник гениев кладовой — Пенатов (Vestalia), праздник богини рождения (Matralia), праздник благословления дома детьми, посвященный Либеру и Либере (Liberalia), праздник умерших (Feralia) и трехдневный праздник привидений (Lemuria). И богу «начала» Янусу был посвящен особый день (Agonia). Значение некоторых других праздников для нас непонятно; таковы праздник Фуррины и посвященный Юпитеру вместе с Аккой Ларенцией праздник Ларенталий, который, быть может, был праздником ларов. Овидий в «Фастах» говорит:

Распределив времена, основатель города Рима

Установил отмечать дважды пять месяцев в год...

Марсу был посвящен первый месяц, второй же — Венере,

Рода начало она, он — зачинатель его.

Третий был дан старикам, четвертый — юношам месяц,

Каждый из всех остальных знаменовало число...

День авзонийских календ — это день, посвященный Юноне;

В иды, Юпитеров день, в жертву приносят овцу;

Бога-хранителя нет для нон...

К числу особенностей греческой религии принадлежат мистерии, или тайные культы, которые были широко распространены по всей Элладе. К сожалению, мы ни одного из них не знаем подробно и с полной достоверностью, а многие знаем только по названиям или по кратким указаниям наиболее характерных особенностей. Установление некоторых из таких культов восходит еще к отдаленной древности, и в исторические времена, особенно с VI в. до Р. Х., их число все более и более увеличивалось; еще во времена Феофраста, т. е. в конце IV в. до Р. Х., не быть посвященным в какие-нибудь мистерии служило признаком неверия или равнодушия к религии.

Тайные культы носят названия *μυστήρια*, *τελεται* и *οργια*. Первое, наиболее распространенное название стоит в связи с глаголом *μυειν* — закрывать рот и обозначает, стало быть, такие культы, подробности которых не могли быть сообщаемы непосвященным. Второе название, встречающееся уже у Гесиода, производится от *τελοη*, принимаемого одними в смысле высшей степени посвящения божеству, другими — в смысле взноса или платы на богослужебные надобности. Наконец, *οργια* первоначально означало просто совершение священнодействий, но впоследствии стало обозначать такие культы и священнодействия, при которых участники приходили в состояние возбуждения или экстаза.

Многие мистерии составляли существенную часть государственных культов и стояли под ближайшим надзором государства, другие, напротив, не были признаваемы государствами и совершались частными лицами или религиозными обществами. Некоторые из тайных культов первого рода высоко стояли во мнении верующих, и посвящение в них считалось необходимым для счастья здешней и загробной жизни. Пиндар называет счастливыми тех, которые умирают, удостоившись видеть таинства Деметры. Та же мысль встречается у Софокла. Аристофан говорит, что солнце приветливо светит после смерти только посвященным, ведшим благочестивую жизнь. Платон говорит, что посвященные после смерти будут жить с богами, а непосвященные — лежать в грязи или носить продырявленными кувшинами воду в бездонные бочки. По словам Цицерона, мистерии принесли много пользы и не только учили жить хорошо, но и умирать с благими надеждами. Диодор говорит, что люди, получившие посвящение, становились лучшими в нравственном смысле. Символом этого требования нравственной чистоты были телесные очищения, которые были непременным условием для посвященных. Итак, мы видим, что мистерии должны были получить особенное развитие с распространением верования в загробную жизнь и что самые выдающиеся умы древности видели в них могущественное средство к нравственному очищению общества.

Все вообще мистерии по условиям участия в них и способам совершения могут быть разделены на два главные класса: одни из них были совершаемы небольшим, замкнутым кружком жрецов и служителей культа, кроме которых никто не допускался к участию в служении; другие, напротив, совершались при участии более или менее значительного числа лиц, смотря по составу которых опять могут быть подразделены на два вида: одни совершались какой-либо определенной частью общества (например, некоторые празднества совершались исключительно замужними женщинами), другие — людьми обоих полов и разных сословий, но допускавшимися к участию только посредством посвящения, которое

совершалось по исполнению известных условий. Мистерии последнего вида суть наиболее совершенные и развитые. Общим условием всех тайных культов была обязанность их участников хранить тайну обо всем, что в них происходило, т. е. о священных сказаниях, обрядах, молитвах, особых именах, которыми называли богов, и т. п. По словам Хрисиппа, требование тайны имело целью обуздание человеческой природы, а по словам Страбона — возвышение обрядов культа в глазах участвующих в них. Нарушение тайны влекло за собой обвинение в клятвoprеступлении и соответствующее наказание. У богобоязненных писателей (например, Геродота, Павсания) неоднократно встречаются упоминания, что они нарочно умалчивают о тех или других сторонах тайных культов, хотя и знают их, встречаются также намеки, доступные только для посвященных. Именно вследствие упомянутого условия до нас дошли чрезвычайно неполные сведения о мистериях, в особенности о внутренней их стороне.

Даже на вопрос о причинах облечения тех или других культов завесой тайны нельзя ответить ничем, кроме более или менее вероятных предположений. С некоторыми культами могло быть связано, по народному верованию, особенное счастье для государства, и поэтому следовало держать их в тайне от иностранцев, для того чтобы они не могли воспользоваться участием в них ко вреду государства; но это объяснение не подходит к таким мистериям, в которых могли участвовать и иностранцы, как это известно, например, о мистериях Элевсинских и Самофракийских. Далее можно предположить, что некоторые культы принадлежали еще древнейшему населению страны и по занятии ее другими племенами отступили на задний план и сохранились в тайне среди остатков этого древнейшего населения, но затем именно вследствие своей таинственности облеклись ореолом особенной святости и снова приобрели себе значительное число поклонников; такое предположение особенно подойдет, например, к Самофракийским мистериям, если принять их финикийское происхождение. Наконец, возможно и то, что какой-либо культ, заимствованный с чужбины, сначала был совершаем небольшим кружком поклонников, державших его в тайне, впоследствии же был признаваем государством, но продолжал сохранять прежний оттенок таинственности. Могут быть, конечно, предположены и другие причины таинственности, но какая именно действовала в каждом отдельном случае — этого решить невозможно, тем более что и сами древние вряд ли особенно интересовались этими вопросами и не оставили нам никаких ясных и достоверных указаний.

Мистерии состояли из различного рода богослужебных действий, открытых только для посвященных. Это были, во-первых, драматические или символические представления священных сказаний, имевших то или другое отношение к данным мистериям (например, в вакхических мистериях — страдания Диониса, его смерть и возрождение, в Элевсинских — похищение Персефоны и т. д.); во-вторых, открытие (иногда постепенное) посвященным мистических знаний, которые состояли частью в разных таинственных выражениях, частью в показании символических предметов, содержащих в себе намеки на характер божеств, чествуемых в данных мистериях, и на относившиеся к ним мифы. Празднества совершались преимущественно ночью и сопровождались обыкновенно торжественными процессиями с музыкой, пением и плясками. По словам Лукиана, без плясок не обходились ни одни мистерии. Отсюда произошло даже употребление глагола *εἰρησεύειν* в смысле нарушения тайны мистерий.

Из всех эллинских мистерий ни одни не достигли такой славы, как Элевсинские, которым поэтому и мы дадим первое место в нашем изложении. Они совершались в честь двух богинь, Деметры и Коры, в аттическом городке Элевсине, лежавшем в углу Саронического залива к северо-западу от Афин по дороге в Мегары, и принадлежали к числу тех мистерий, в которых участие обуславливалось предварительным посвящением. Основание их сами древние относили к мифическим временам: по словам Гомеровского гимна «К Деметре», относящегося, вероятно, к VII или VI в., они основаны самой богиней, пришедшей в Элевсин во время поисков своей дочери, похищенной Плутоном; от этого прибытия богини, может быть, произошло название городка Ελευσίνη, раньше, по преданию, называвшегося Сесарией. Жители Афин стали участвовать в элевсинском культе со времени включения Элевсина в свое государство, относимого преданием к царствованию Эрехтея, но на самом деле относящегося к VII в. Гомеровский гимн, говоря, что Деметра явилась в Элевсин под видом женщины с Крита, как бы намекает, что служение богине перенесено в Элевсин с этого острова; но значительное сходство в обрядах и самой сущности Элевсинских мистерий с египетскими мистериями Исида, скорее, заставляет думать, что первоначальным местом образования такого культа был Египет.

Главным содержанием Элевсинских мистерий был уже упомянутый миф о Деметре, передаваемый в Гомеровском гимне в следующих главных чертах. Персефона, дочь Деметры, собирая с океанидами цветы на Нисейском лугу,[48] была похищена Плутоном, причем никто кроме Гелиоса не видел этого похищения и только Геката слышала отчаянные крики Персефоны. Мать, услышав голос дочери, бросилась к ней на помощь и искала ее с факелами 9 дней, не принимая ни пищи, ни питья и не умываясь; наконец, от Гекаты и Гелиоса узнала она об участии, постигшей Персефону.

Тогда разгневанная богиня покинула Олимп и стала странствовать по земле в образе старухи. Прибыв в Элевсин, она была встречена у колодца дочерьми местного царя Келея и, выдавая себя за уроженку острова Крит, похищенную морскими разбойниками, но спасающуюся от них бегством, была принята в дом царя в качестве няни царевича Демофонта. Здесь она также не могла забыть своей печали, пока служанка Ямба не развеселила ее своими нескромными шутками, и тогда царица Метанира уговорила ее вкусить напиток кикеон. Богиня ухаживала за царевичем и, желая сделать его бессмертным, намазывала амброзией и по ночам клала в огонь, как головню. Однажды мать царевича увидела это, испугалась и подняла шум. Тогда богиня открылась Метанире, приказала построить себе храм и учредить богослужение по ее указаниям. Между тем земля не приносила плодов, так как богиня, разгневанная похищением дочери, скрывала посеянные людьми семена. Наконец, Зевс вызвал Персефону из ада; Деметра примирилась тогда с богами под тем условием, чтобы ее дочь третью часть года проводила в подземном царстве, а две трети — с матерью и прочими богами. Земле возвращено было плодородие, и богиня, покидая Элевсин, показала священные обряды Келею, Эвмолпу, Диоклу и Триптолему, которого, кроме того, научила земледелию. Заповеданные богиней обряды должно исполнять, но нельзя расследовать и разглашать. Счастлив, кто их видел; непосвященные же в таинства не будут блаженствовать, а будут пребывать под покровом печального мрака. Счастлив, кого любят две богини: они посылают в его дом Плутона, дающего богатство смертным. — Таково в кратких чертах содержание этого мифа. Ученые представляют различные его объяснения, более или менее

правдоподобные; наиболее вероятным кажется то из них, по которому в нем представляется замирание природы зимой и возвращение ее к новой жизни с наступлением весны.

Деметра, Триптолем и Персефона. Мраморный рельеф (ок. 490 г. до н. э.).

Кроме двух главных богинь, Деметры и Коры, в Элевсинских мистериях почитались: Иакх, которого считали сыном Зевса и Деметры или отождествляли с Вакхом, затем Плутон, неизвестные по именам Бог и Богиня и разные местные герои, из числа которых особенным уважением пользовались Триптолем и брат его Эвбул.

Забота об устройстве Элевсинского праздника принадлежала к числу обязанностей высшей афинской администрации. Со времени установления коллегии архонтов им заведовал архонт-царь как верховный блюститель всего государственного культа; ближайшими его помощниками были 4 жреца, из которых двое избирались хиротонией из всех афинян, один — из рода Эвмолпидов и один из рода Кериков. Члены этих двух родов имели вообще важнейшие литургические функции при мистериях. Род Эвмолпидов вел свое происхождение от мифического элевсинского героя Эвмолпа, о происхождении которого и отношении к мистериям существовали разные сказания. Род Кериков, по преданию, происходил от Керика, сына Гермеса и Аглавры, дочери Кекропа; по другим преданиям, это была ветвь рода Эвмолпидов. Важнейшие лица, исполнявшие служебные обязанности при празднестве, были следующие: 1) иерофант, избиравшийся из Эвмолпидов, обыкновенно из людей пожилых и обладавших звучным голосом. Ему была присвоена особая пурпурная одежда и головная повязка. Вступая в должность, он слагал свое прежнее имя и получал новое, священное, которое не могло быть известно непосвященным, так что в светских документах он назывался просто иерофант. Сложение светского имени сопровождалось символическим обрядом погружения его в море, как видно из нескольких надписей. Иерофанту соответствовала иерофантида, избиравшаяся также из Эвмолпидов и имевшая обязанность посвящать желающих в мистерии. Она также при получении священной должности принимала новое тайное имя. Иерофант и иерофантида по вступлении в должность обязаны были соблюдать строгое целомудрие. 2) Второе место в элевсинской иерархии занимал факелоносец, об обязанностях которого известны лишь немногие мелкие подробности. Он избирался из рода Кериков; в V и IV вв. в течение нескольких поколений должность эта была наследственна в доме Каллия. Факелоносец, подобно иерофанту, носил пурпурную одежду и повязку на своих длинных волосах. Ему, быть может, соответствовала факелоносица, о которой ближайших сведений мы не имеем. 3) Жрец-глашатай (в римские времена *ιεροκρηρυχ*) из рода Кериков при начале священнодействий приглашал верующих к благоговейному вниманию, произносил вслух молитвы и формулы условий допущения к посвящению, служил при жертвоприношениях и пр. 4) Алтарный жрец, упоминающийся во многих надписях, заведовал жертвоприношениями и сам совершал их. Все эти должности были пожизненны. Во время исполнения своих священных обязанностей лица жреческого персонала надевали миртовые венки.

Кроме этих главных священнослужителей были разные другие служители культа и магистраты, заведовавшие разными его сторонами. Упоминаются жрец и жрица Деметры и Коры; жрец, носивший статую Иакха в процессии; жрец, заботившийся о чистоте и вообще исправном содержании статуй богинь; жрец, служивший, вероятно, при омовениях и

очищениях посвященных; жрец, название которого, по-видимому, намекает на какую-нибудь обязанность, специально относившуюся к Персефоне, почитавшейся также под именем Даэира; жрецы, объявлявшие начало священного перемирия перед мистериями, и др.

Посвящение в Элевсинские мистерии было доступно для всех эллинов, без различия племен или государств, так что они имели общегреческий характер. Варвары не допускались к посвящению, хотя и тут встречаются исключения в пользу отдельных, особенно выдающихся лиц. Римляне со времени вступления их в более близкие сношения с эллинами допускались к посвящению наравне с последними. Доступ к участию в мистериях не был закрыт даже рабам, если они были не варварского происхождения. Лица, совершившие какое-либо тяжкое преступление, к посвящению не допускались. Нельзя доказать, чтобы от желающих посвятиться требовалась предварительная исповедь их грехов; однако иерофант мог отказать в посвящении человеку, нравственность которого казалась ему небезупречной.

Желавший посвятиться должен был обратиться к посредничеству какого-либо гражданина из рода Эвмолпидов или Кериков, который, если по проверке не оказывалось препятствий к посвящению, наставлял и руководил кандидата в дальнейших действиях, почему и назывался руководителем в таинствах. Перед посвящением кандидаты обязаны были в виде испытания хранить строгое молчание и совершать очистительные обряды. В посвящении различались 3 степени, из коих первой было посвящение в малые мистерии. Никто не мог быть посвящен в великие мистерии без предварительного посвящения в малые; получившие это посвящение специально назывались *μυσταί*. При посвящении в великие таинства различались 2 степени: *τελετή* и *εποπτεία*, между которыми был промежуток не менее года; достигшие высшей степени посвящения назывались *εποπται*, т. е. созерцателями. Некоторые, особенно иностранцы, которым средства не позволяли совершать трехкратное путешествие в Афины, может быть, довольствовались первою степенью посвящения, не ища двух остальных. Напротив, многие афинские граждане посвящались еще в детском возрасте благочестивыми родителями; такое посвящение обозначалось специальным термином — посвящение от очага. Людям, близким к смерти, быть может, разрешалось посвящение во всякое время. Обряды посвящения известны лишь в общих чертах, в которых невозможно различить особенности, свойственные каждому виду посвящения в отдельности.

Посвящение как в малые, так и в великие мистерии начиналось вне храма, в священном округе, обнесенном стеной. Здесь посвящаемые совершали жертвоприношения и затем вступали в храм, где в глубоком мраке ночи совершали переходы из одной части святилища в другую; по временам разливался ослепительный свет, озарявший фигуры грозных чудовищ, раздавались страшные звуки, потрясавшие посвящаемых. Эти эффекты производились различного рода техническими приспособлениями. Страшные картины и звуки представляли мучения, ожидавшие за гробом грешников, и на людей впечатлительных производили столь подавляющее впечатление, что некоторые даже лишались чувств. Древние авторы сравнивают состояние души человека при смерти с теми страданиями, томлениями и трепетом, которые она переживает при посвящении в мистерии. Наконец, страшные сцены сменялись светлыми, успокоительными: открывались двери, закрывавшие статуи и жертвенники, при ярком свете факелов посвящаемым представлялись украшенные роскошными одеждами статуи богов; весь этот свет и великолепие так поражали чувства посвящаемых, что они представляли себе вечную радость и блаженство, ожидающие за

гробом людей добродетельных и посвященных в таинства. Посвящаемых сажали на особые седалища, вокруг которых посвящающие совершали пляску. Были, вероятно, и другие символические священнодействия, подробности которых нам неизвестны.

Посвящение в мистерии считалось важным условием достижения блаженства в загробной жизни, так что люди, по тем или другим причинам не принявшие посвящения в молодые годы, старались посвятиться, по крайней мере, перед смертью. Одежды, бывшие на теле во время посвящения, считались счастливыми; было в обычае носить их до полного износа или приготавливать из них пеленки для детей, а некоторые жертвовали их в храм Деметры; иногда в них хоронили умерших мистов.

Упомянем еще, что мистам запрещалось употребление в пищу некоторых съестных припасов (кур, рыбы, бобов и яблок) и прикосновение к роженице и трупу; по всей вероятности, эти запрещения имели силу только в течение празднования мистерий, а на остальное время не простирались.

В Афинах ежегодно совершалось два праздника, имевшие отношение к элевсинскому культу. В месяце Анфестерионе, вероятно около 20-го числа, праздновались малые мистерии, служившие как бы предпразднеством великих и совершавшиеся в Агре, предместье Афин, преимущественно в честь Персефоны. Священное перемирие для них продолжалось с 15-го числа Гамелиона до 10-го числа Элафеболиона, т. е. 55 дней. Они состояли главным образом в очищениях водой Илисса, на берегу которого лежала Агра, и, может быть, в драматическом представлении мифа о рождении Иакха от Персефоны. Впрочем, подробности их очень мало известны. На основании встречающегося в одной надписи упоминания о *κοραῦσφορῆ* можно думать, что во время этого праздника переносили статую Персефоны в торжественной процессии из одного храма в другой.

Главным празднеством элевсинского культа были великие мистерии, или *Ελευσίνια*, совершавшиеся в месяце Боздромионе в течение 10–12 дней, причем первая половина празднования происходила в Афинах, а вторая — в Элевсине. Священное перемирие для праздника продолжалось с 15-го числа Метагитниона до 10-го Пианопсиона, т. е. 55 дней. Раз в 4 года он совершался с особенною пышностью и потому причисляется к пентетерическим праздникам.

Гермес, Орфей и Эвридика. Мрамор (ок. 420 г. до н. э.).

К сожалению, встречающиеся упоминания о празднике, преимущественно о второй его половине, ограничиваются немногими и не всегда достоверными показаниями, на основании которых невозможно составить себе ясное и полное представление о всем ходе празднования.

В первой половине празднование, по всей вероятности, распределялось по дням следующим образом. Тринадцатого или 14-го числа Боздромиона народ собирался в город на праздник; архонт-царь, иерофант и дадух делали объявление о наступлении праздника и об исключении из участия в нем всех оскверненных кровавыми преступлениями или другими тяжкими грехами, бесчестных и варваров. В позднейшие времена эфебы 13-го числа в торжественной процессии шли в Элевсин, откуда на другой день (14-го) сопровождали святыни (статуи богинь и священную утварь) в городской храм богинь, находившийся у северной подошвы

Акрополя. 15-го числа, вероятно, совершалось жертвоприношение в честь Афины Демократии, упоминаемое в надписях. 16-го числа посвященные, по призыву глашатая «αλαδε μυστα!» (на море, мисты!), отправлялись к морю для очищения себя морской водой; формула призыва послужила названием для этого дня праздника. Главное место очищения, как кажется, было в Пирее. В следующие три дня (17, 18 и 19-го) совершались в городе разного рода жертвоприношения, в том числе праздник в честь Асклепия, который, по мифическому преданию, прибыл в Афины из Эпидавра, где было его знаменитое святилище, и был посвящен в мистерии. Двадцатого числа совершалась торжественная процессия из Афин в Элевсин, сопровождавшая раньше принесенные в Афины элевсинские святыни, в том числе увенчанную миртом статую Иакха, несомую особым жрецом, и приготовленные для Иакха драгоценные игрушки. Процессия двигалась по священной дороге, украшенной множеством храмов, алтарей и памятников, в сопровождении огромной толпы народа, так как в ней могли принимать участие и непосвященные в мистерии. Люди зажиточные, особенно женщины, следовали за процессией в экипажах, что, впрочем, впоследствии было запрещено законом оратора Ликурга. При переходе через мост на р. Кефис участники процессии по старинному обычаю обменивались шутками и насмешками. Процессия двигалась с пением пэанов и с криками: *Ιακχ, ω Ιακχε*. По дороге она несколько раз останавливалась для отдыха или для поклонения разным богам и героям, имевшим отношение к элевсинскому культу, так что лишь к вечеру достигала Элевсина.[49] Здесь еще несколько дней продолжалась вторая половина празднества, состоявшая из разных мистических обрядов, в которых могли принимать участие только посвященные, и из состязаний. Местом совершения обрядов был *τελεστηριον*, построенный при Перикле архитектором Иктином вместо старинного храма, воздвигнутого, по преданию, еще Келеем по приказанию самой Деметры и сожженного персами в 480 году. Здесь, в самом храме или его периболе, совершался по ночам ряд драматических представлений, сюжетом которых служили события из жизни богов, имевшие отношение к циклу сказаний об учреждении мистерий. Представления эти были весьма разнообразного характера, то строгого и торжественного, то веселого и даже распущенного. К созерцанию их никто не допускался, кроме мистов, получивших уже высшую степень посвящения и потому называвшихся «созерцателями». Надпись при входе в священный участок храма гласила, что непосвященные не имеют права вступать в него. Есть сведения, что перед мистериями составлялись и записывались на досках поименные списки посвященных. Во время священнодействия мисты в отличие от непосвященных носили на головах миртовые венки, а на правой руке и левой ноге — повязки пурпурного цвета. Если непосвященный, вмешавшись в толпу мистов, выдавал себя какими-либо неуместными вопросами, то его подвергали наказанию и даже смертной казни; так случилось, например, с двумя молодыми акарнанцами в царствование Филиппа V.

Драматические представления, по всей видимости, ставились в хронологической последовательности. Первым актом их была, вероятно, сцена брака Зевса и Деметры, представляемых иерофантом и иерофантидой, и рождение Иакха от этого брака, при этом иерофант возглашал: владычица Бримо родила святого сына Брима.[50] Затем начинались возлияния, песни и пляски в честь новорожденного Иакха, причем уход за новорожденным представлялся в искусных мимических телодвижениях.

В следующую ночь драматически представлялось похищение Плутоном Кору, которую изображала жрица Деметры. При этом мисты носили корзины с цветами в воспоминание о том, что Кора была похищена при собирании цветов. Иерофант изображала собою тоскующую Деметру, разыскивающую свою дочь; в искусных плясках представлялось, как она искала дочь и как была радушно принята Келеем. Процессия мистов с факелами к морскому берегу служила воспоминанием поисков Деметрой дочери. Затем являлась на сцену женщина, представлявшая служанку Ямбу, или Баубо, которая развеселила Деметру нескромными шутками и жестами. При этом мисты, целый день постившиеся, вкушали кикеон, особый напиток, состоявший из смеси воды, муки и меда с различными приправами, в воспоминание того, что развлеченная шутками Ямбы Деметра впервые вкусила этого напитка после потери дочери, и перекладывали из ящика в корзину и обратно какие-то таинственные символические предметы. Указание на эти обряды заключается в особой сакральной формуле, которая в виде пароля служила мистам средством узнавать друг друга. Были еще драматические представления, изображавшие возвращение Кору, примирение Деметры с богами, установление ею мистерий и отправление Триптолема для распространения земледелия, при этом иерофант показывал мистам срезанный колос, служивший символом смены жизни смертью и возрождения к новой жизни после смерти. Эти драматические представления, по всей вероятности, продолжались три ночи, называвшиеся «святыми». При них показывались мистам священные предметы, скрытые от посторонних глаз, и раскрывались тайны, т. е., вероятно, священные предания и мифы, неизвестные народу. По свидетельству одного позднего автора, иерофант во время мистерий изображал собою демиурга (создателя), да дух — солнце, алтарный — луну, священноглашатай — Гермеса. Нельзя решить, существовал ли этот обычай с глубокой древности и чем достигалось это сходство с божествами; вероятно, жрецы одевались в роскошные одежды, сходные с теми, в которых принято было у греков изображать названные божества.

В последний день праздника совершался символический обряд, состоявший в том, что из двух глиняных сосудов, имевших форму куба, жрецы в храме выливали воду в устроенное в земле отверстие, из одного на запад, а из другого на восток, произнося при этом какие-то таинственные слова; какие это были слова, наверняка не известно, но ученые считают вероятным, что именно сюда относятся сообщаемые Проклом слова: «υε, κυε» (орошай, зачинай). Они имели тесную связь с одной из сторон мистического учения, именно о благодетельном, оплодотворяющем влиянии влаги на землю.

Этим заканчивались собственно мистерии. Затем происходили гимнические, конные и музыкальные состязания, но не ежегодно: раз в два года бывали малые состязания и через каждые три года в четвертый — большие. Наградой победителям служило здесь определенное количество пшеницы, выросшей на священном Рарийском поле (как в праздник Панафиной — масло от священной оливы).

По возвращении участников празднества в город происходило в городском Элевсинии заседание священного совета, в котором архонт-царь представлял отчет о празднике и разбирались дела, относившиеся к нарушению таинств или священных законов, а также определялось выражение благодарности лицам, обнаружившим особенное усердие к исполнению своих обязанностей во время праздника. В этом совете принимали участие

только посвященные в мистерии, а самое решение дел принадлежало одним Эвмолпидам, которые в своих приговорах, кроме государственных законов о нечестии, руководствовались устными преданиями и голосом своей совести. В одной поздней надписи постановление этого совета датировано 28-м числом Боздромиона. Можно думать, что и в более ранние времена праздник продолжался до этого числа, так что на состязания приходилось четыре дня (24–27 число).

После этого краткого обзора внешней стороны элевсинских мистерий обратимся к их внутренней стороне, именно к вопросу о том, проводилось ли в них какое-либо определенное учение, или все дело сводилось к исполнению предписанных ритуалом обрядов, смысл которых каждый посвященный мог объяснять по-своему? Мнения ученых по этому вопросу не согласны между собой. Большинство держится отрицательного взгляда, с особенной последовательностью и обстоятельностью проведенного Лебеком в его сочинении «*Ἀγλαοπηγμύς*». По его мнению, все руководство элевсинских жрецов ограничивалось лишь указанием мистам обрядов очищения и порядка жертвоприношений и всего вообще празднования, а относительно внутреннего смысла мистерий участвовавшие в них выносили лишь то, до чего каждый мог додуматься по мере своего умственного развития и способностей. Напротив, автор исследования о мистериях Н.И. Новосадский в последней главе своего труда убедительно доказывает, что «не одни лишь обряды и их толкование составляли содержание мистерий Деметры, что в них проводилось особое учение, освещавшее те запросы мысли древнего эллина, на которые не давала решения общая, всем открытая народная эллинская религия». По его мнению, это сообщение мистам необходимых сторон учения происходило перед посвящением, в частных беседах мистагогов и иерофантов с желавшими принять посвящение, а не во время совершения праздничных обрядов и драматических представлений. Учение мистерий касалось богов, загробной жизни и природы. Впрочем, что касается первого, то между учением элевсинских мистерий и общепринятым у древних греков учением о богах не было, да и не могло быть существенного различия. То, что излагалось мистам в глубине святилища Деметры и в частных беседах мистагогами, представляло только дальнейшее развитие тех основ, какие лежали в верованиях всего народа. Изменения могли быть в частности, а не в главном, существенном их характере. Далее, у авторов встречается очень много указаний на то, что мистерии обещали посвященным счастье в загробной жизни. Души умерших мистов не оставались вечно в одном и том же месте, но переходили из одной мировой сферы в другую и даже возвращались на время в среду живых. Таким образом, мистериям не было чуждо учение о переселении душ и о таинственном общении живых и умерших; это была одна из наиболее привлекательных сторон мистерий, манившая к себе очень многих. Однако недостаточно было одного посвящения для того, чтобы получить счастье в загробной жизни: уже у Аристофана высказывается мысль, что для этого после посвящения нужно вести благочестивую жизнь, следовательно, люди порочные не были допускаемы в жилища блаженных; и к самому посвящению в мистерии, как мы знаем, допускались только люди, не запятнанные преступлениями. Таким образом, мистерии несомненно имели влияние на улучшение нравственности греческого народа, как это было замечено уже самими древними. Исократ говорит, что Деметра, установив мистерии, смягчила нравы людей. Нравственное воспитание и исправление жизни представляется Арриану главной целью мистерий. По словам Цицерона, Афины, создавшие много прекрасного и великого и внесшие это

прекрасное в жизнь человеческую, не произвели ничего лучше тех мистерий, благодаря которым люди из грубого состояния перешли к жизни достойной человека и улучшили свои нравы. Таким образом, Элевсинские мистерии, несмотря на некоторые темные свои стороны, бесспорно имели высокое нравственное влияние на развитие греческого народа и представляют одно из привлекательных явлений его религиозной жизни. Следует заметить, однако, что в позднейшие времена внешняя обрядовая сторона мистерий решительно выступила на первый план и они потеряли всякое влияние на умственную жизнь народа. Существовали они до конца IV в. по Р. Х.

Мистерии по образцу Элевсинских праздновались и в разных других местностях Эллады, например в г. Флиунт, Мегалополь, Феней и других городах Аркадии и в Мессении. Во многих местностях Пелопоннеса, Беотии и др. упоминается Деметра с прозвищем Ελευσίνια или праздник Ελευσίνια, а месяц Ελευσίνιον неоднократно встречается в дорических календарях. Нельзя, однако, думать, чтобы культ этой богини непременно повсюду был таинственным.

Мистерии на о. Самофракия пользовались широкой известностью в древнем мире и по своей славе уступали только Элевсинским. Геродот, древнейший из писателей, от которых сохранились упоминания об этих мистериях, называет их оргиями кабиров; но на вопрос, кто были эти кабиры, нельзя дать строго определенного ответа, так как у древних встречаются о них чрезвычайно разнообразные показания, которые невозможно согласовать между собой. Пиндар в числе лиц, которые считались родоначальниками человеческого рода, рядом с критскими куретами, фригийскими корибантами и др. называет и Кабира, рожденного священным Лемносом; стало быть, этот лемносский Кабир казался поэту не богом и творцом человеческого рода, а только его родоначальником, первым человеком. У Эсхила, современника Пиндара, в несохранившейся драме Καβειροι лемносские кабиры представлены угощающими аргонавтов. Геродот, говоря, что изображение Гермеса эллины заимствовали от пеласгов, а не от египтян, прибавляет, что его слова поймет каждый, посвященный в оргии кабиров на о. Самофракия; пеласги, говорит далее «отец истории», жили первоначально на Самофракии и от них самофракийцы получили свои оргии; относительно изображения Гермеса у пеласгов было священное сказание, объясняемое в Самофракийских мистериях. В другом месте Геродот говорит, что изображения кабиров были похожи на изображения патеков (πατακοί), богов-карликов, которых финикияне помещали на носах своих кораблей, и называет их детьми Гефеста. Отсюда видно, что кабиры казались Геродоту настоящими божествами пеласгического или восточного происхождения, стоявшими в связи с Гермесом или Гефестом. Из позднейших писателей некоторые смотрели на кабиров как на демонические существа, происходящие от высших божеств, и сообразно с таким взглядом считали мистерии не праздником в честь кабиров, а установленным ими учреждением для почитания тех богов, от которых они сами происходили, другие же, напротив, признавали самих кабиров за богов, чествуемых в мистериях; но что это были за боги, сколько их было и каким богам народной религии они соответствовали — обо всем этом опять встречаются разнообразные показания. Так, в схолиях к Аполлонию Родосскому, со слов писателей Мнасея и Дионисодора, приведены четыре кабира, названные по именам и сопоставленные с высшими богами: Αχιερον соответствовал Деметре, Αχιοκερσα — Персефоне, Αχιοκερσον — Аиду, Κασμιλον — Гермесу.[51] У латинского писателя Варрона в

сочинении «О латинском языке» также упоминаются четыре кабира, но с другими именами и объяснениями. В святилище кабиров близ Фив почитался, как видно из надписей, один Кабир и его сын, не называемый по имени. Есть свидетельства о том, что кабиров смешивали или отождествляли с Диоскурами и почитали как могущественных защитников против опасностей мореплавания. Кроме того, в мистериях было учение о смерти и воскресении и культ хтонических божеств. Некоторые из древних писателей прямо признавали, что о кабирах ничего с точностью неизвестно. Отсюда очевидно, что священные сказания и обряды Самофракийских мистерий были еще в древности доступны разнообразным объяснениям; весьма возможно, что с течением времени первоначальный культ кабиров на Самофракии был распространен разными обрядами и сказаниями, существовавшими в других культурах Эллады, и эта смесь могла подать повод к разнообразным представлениям о кабирах. Поэтому неудивительно, что и в новой науке существуют о них чрезвычайно разнообразные мнения, из которых каждое основано на тех или других древних свидетельствах, которые возможно согласовать между собой, но принуждено отвергать или игнорировать несогласуемые.

Внешняя обрядовая сторона Самофракийских мистерий известна нам также очень мало. Само собой разумеется, что и здесь посвящению предшествовали тщательные очищения. Гесихий говорит, что был особый жрец кабиров, очищавший убийц. От посвящаемых требовался, по-видимому, еще род покаяния или исповедания грехов.

Плутарх рассказывает, что когда Лисандр явился на Самофракию к жрецу, то последний потребовал от него признания в самом тяжком грехе, который он совершил в жизни. «Нужно ли это сделать по твоему приказанию, — возразил Лисандр, — или по воле богов?» И когда жрец сказал, что по воле богов, то Лисандр попросил его отойти в сторону, чтобы он мог сделать признание одним богам. Далее есть свидетельства, что посвящаться в мистерии могли не только взрослые люди обоего пола, но и дети, и что посвященные подпоясывались пурпурными повязками, которые считали предохранительным средством против опасностей на море. Есть также указания на то, что они носили железные кольца, вероятно в виде амулетов. Различались, по-видимому, три степени посвящения. При посвящении мистам были сообщаемы имена кабиров, которые оставались тайной для непосвященных. Празднества на Самофракии совершались летом и, без сомнения, соединялись с представлениями и сказаниями, относившимися к мифам о кабирах. Особенной славой стали пользоваться мистерии со времен диадохов. Вот все главное, что можно сказать о Самофракийских мистериях с большей или меньшей степенью достоверности.

Кроме Самофракии мистический культ кабиров издревле существовал на Лемносе, Имбросе, в Беотии и Македонии, а затем распространился и по другим областям эллинского мира.

В смущающей многочисленности имен и культов древнегреческого политеизма взору освоившегося с ней наблюдателя представляются два довольно четко отделенных друг от друга течения. Первое — это течение явное, участие в котором не было обусловлено ничем, кроме разве принадлежностью чествующего к соответственной гражданской общине; сюда мы относим большинство государственных культов Греции — и Зевса Олимпийского, и Паллады Афинской, и Аполлона Дельфийского. Но второе — это течение тайное; условием участия в нем было посвящение, посвящение же налагало на того, кто был его удостоен, обязательство

— никому из непосвященных не выдавать тех священнодействий, участником и свидетелем которых он сподобился стать; сюда относится тоже ряд культов, хотя и значительно меньший, но особенно два: культ Деметры Элевсинской и культ Диониса, развитый его пророком Орфеем, — другими словами, элевсинские и орфические таинства.

Там — Зевс и его обитающая в вечном свете олимпийская семья; здесь — Земля и мрак, полный жутких тайн... жутких, но в то же время и утешительных: ведь это же мать-земля. Мы живем под всевидящими очами Зевса и прочих олимпийцев; но стоит нашему телу покрыться могильной перстью, и мы переходим под власть иных, хтонических, богов. Эта двойственность может нас озадачить — и, действительно, христианство ее отвергло. Но в сознании эллина она коренилась твердо.

От Земли Деметра, от Земли и Дионис; обаяние их учения заключалось именно в том, что они раскрывали перед смертным покров подземных тайн и не только удовлетворяли его любознательность, давая ему определенный ответ на мучительный вопрос, что с ним будет после смерти, но и учили его обеспечить себе лучшую участь на том свете. В те отдаленные времена, когда и сами боги еще не сознавались как стражи нравственности, и условия этой лучшей участи были скорее сакральные, чем нравственные, т. е. скорее сводились к исполнению обрядов посвящения, чем к справедливой жизни. Морализация таинств шла вровень с морализацией религии вообще; ко времени расцвета последней она также и в области таинств была совершившимся фактом.

Обаяние их вследствие этого росло и росло, но все же неодинаковым образом. Причиной разницы было то, что элевсинские таинства были прикреплены к определенной общине, к аттическому Элевсину, и имели здесь свой административный центр в виде жреческой коллегии Эвмолпидов, между тем как орфические, распространяемые через странствующих жрецов и пророков, были рассеяны по всей Элладе. Нам теперь трудно решить вопрос, что было выгоднее. Без сомнения, орфизму легче было находить себе поклонников, не только среди простого народа, но и среди поэтов и мыслителей, с Пиндаром и Платоном во главе; но чистоту и определенность учения легче было сохранить при наличности центральной коллегии, руководившей действиями своих эмиссаров, благодаря своему авторитету, основанному на преимуществах полученного некогда от самой Деметры откровения.

В этом отношении элевсинская коллегия успешно могла соперничать с дельфийской; их положение было одинаково. Внешним образом это соперничество выразилось в том, что именно они — и только они, насколько мы знаем, — имели в прочей Греции своих, так называемых эксегетов, т. е. толкователей; засвидетельствовано это, правда, только для Афин, но при скудости наших сведений об организации сакрального дела в других эллинских общинах, заключение по аналогии здесь позволительно. Какова была роль такого эксегета, это нам показывает колебание отца платоновского Эвтифрона. Один его клиент на острове Наксос в пьяном виде убивает его раба; так вот, хозяин, прежде чем отплатить ему равным, отправляет в Афины доверенное лицо, чтобы узнать от эксегета, как ему поступить. Мы понимаем его колебание: ведь если бы он без соизволения эксегета его казнил — он как убийца был бы исключен из участия в таинствах. Отсюда видно, что греческие эксегеты выработали особую систему сакрального права; это их сближает с понтификами в Риме. И те и другие были не судьями, а скорее экспертами, но это не умаляет их значения: и здесь, и там

суд не мог не считаться с их экспертизой.

Имея свой прочный центр в Элевсине, религия Деметры представляет нам две особенности, важные для ее дальнейшего развития. Первая — это та легкость, с которой она могла принимать в себя культы других богов и в известной мере амальгамироваться с ними; вторая — это энергия, с которой она, путем основания подворий, распространялась по прочему греческому миру. Первая обуславливала вторую — в этом состоит характерная черта, отличающая терпимый эллинский прозелитизм от нетерпимого иудейского.

Нам необходимо бросить беглый взгляд на этот прозелитизм: он был действенным началом в возникновении религии эллинизма.

Древнейшую, достижимую для нашего знания ступень элевсинского культа представляет для нас Гомеровский гимн Деметре...

...Кончая свой гимн, певец называет кроме Элевсина еще два других центра мистического культа Деметры; это — «окруженный морем» Парос и «скалистый» Антрон. Интересно, что певец умалчивает об Афинах: видно, что две упомянутые «ветви» возникли до соединения Элевсина с Афинами и превращения старинного элевсинского культа в общеафинский.

Само собою разумеется, что далеко не все поименованные в гимне лица были предметом культа в Элевсине. Что касается, прежде всего, богов, то Элевсин до позднейшего времени почитал только одну трицу, или, правильнее выражаясь, две пары с одним общим членом в каждой. Это были, во-первых, «Бог» и «Богиня», т. е. Аид-Плутон и Персефона-Кора, имен которых предпочитали не называть, а во-вторых, мать и дочь, Деметра и та же Кора, последняя в ее наземном бытии. Не так ясен вопрос об элевсинских героях; здесь, несомненно, произошла известная эволюция. Во-первых, питомец Деметры — Демофонт — поблек в памяти позднейших греков; его заменил в этой роли тот Триптолем, которого автор гимна называет в числе знатных элевсинских граждан, получивших от Деметры ее таинства. Во-вторых, эта олигархия первопосвященных с Келеем во главе сама уступает место своего рода сакральной монархии, сосредоточенной в потомстве Евмолпа — того Евмолпа, которого гимн тоже знает только как одного из учредителей таинств.

Эта эволюция, обусловленная, скорее всего, борьбою родов в самом Элевсине, сопровождалась другой, более интересной и важной: постепенным превращением элевсинского культа из местного в общеэллинский. Отдельные фазы этого развития неизвестны; когда оно завершилось, Элевсин занял место рядом с Дельфами, этим «общим очагом Эллады». И действительно, они взаимно дополняли друг друга. Дельфийский Аполлон указывал смертным пути жизни, к нему обращались они в трудные минуты за советом и руководством; но о тайнах загробного мира он ничего им не говорил. Вот тут-то и начиналась власть Деметры, учившей доверяющих ей, как обеспечить себе «лучшую участь» в царстве своей дочери. Аполлон был от Зевса, Деметра — от Земли, если не самой Землею; в преобладании этих двух культов возродился исконный дуализм греческой религии.

Дуализм этот был признан и провозглашен Аполлоном Дельфийским; неудивительно, что и возвышение элевсинского культа состоялось по его указанию. Когда афиняне в 420 г. обратились к союзникам и прочим эллинам с приглашением посылать начатки плодов в

Элевсин, они настаивали на том, что делают это «согласно обычаям отцов и дельфийскому прорицанию».

Афиняне... в этом заключается третья реформа: администрация культа из местно-элевсинской стала элевсинско-афинской. Это было естественным последствием поглощения Элевсина аттическим государством. По легенде, еще при царе Тесее, поколением раньше Троянской войны, т. е., по позднейшим вычислениям, около 1200 г.; по предположению некоторых ученых, не ранее VII в.

Принятие элевсинского культа в число афинских должно было иметь последствием, во-первых, постройку элевсинским богиням подворья в Афинах; им стал «Элевсиний» у подножья Акрополя. Во-вторых, обогащение обрядности самого культа. Конечно, элевсинское ядро, возникшее по откровению самой Деметры, должно было остаться неприкосновенным; но ничто не мешало учредить специально для афинских мистов особые церемонии в придачу к элевсинским, особенно если получить на это — что, вероятно, и было сделано — благословение дельфийского бога. Так были учреждены так называемые малые мистерии, весенний праздник, как подготовка к великому осеннему; но и осенний требовал увеличения своей обрядности, по крайней мере одним приращением, вызванным самой сутью дела — торжественным шествием посвященных из Афин в отстоящий приблизительно на 20 километров Элевсин. А это шествие повело к чрезвычайно важному обогащению самой элевсинской религии.

Радость, естественно охватывающая паломников по мере приближения к месту благодати, находила себе выражение в ликующих возгласах и песнях, в так называемой *ιαχη*, «сопровождавшей» их на всем их пути от афинского до элевсинского Кефиса. Эта *ιαχη* как часть священнодействия была божественной. Мало того: она была божеством — юным, ласковым, «сопровожающим» богом Иакхом. И вот этот созданный религиозным чувством паломнической радости бог Иакх облекается в плоть и кровь: ему тоже в Афинах строится капище, *Ιακχηῖον*; его кумир, несомый на руках афинских эфэбов, «сопровождает» процессию в Элевсин и там принимается кем-то — в самом элевсинском празднике этот не предусмотренный Деметрою гость участвовать не мог.

Но кто же был он сам, этот ласковый вождь паломников? Бог юный, радостный, любитель плясок, то и дело прерывавших торжественное шествие, — а тут еще и созвучие: *Ιακχῆος*, *Βακχῆος*. Сомнения нет: он тождествен с одним из величайших богов греческого Олимпа, с Дионисом-Вакхом. Но если так, то этот юный бог не мог оставаться простым демоном частичного священнодействия, подобно какой-нибудь Ямбе: он требовал себе достойного места, рядом с четой великих богинь, как сын — как сын старшей и как брат младшей из них. Элевсинского культа это новшество не затронуло; но в Афинах троица, состоящая из Деметры, Кору-Персефоны и Иакха-Диониса, была признана. Случайное совпадение увеличило обаяние ее младшего члена: в самый день Саламинской битвы послышалось со Священной дороги в Элевсин ликование толпы в честь Иакха — итак, он сам пришел на помощь своему народу и благословил его оружие.

О важности этого приобщения Диониса к Элевсинской чете мы можем только догадываться: учение ведь было тайным. Но обе мистические религии были родственны между собою, обе давали ответ на вопрос о судьбе душ на том свете и учили людей обеспечивать себе «лучшую

участь» за пределами смерти. Не было бы ничего удивительного, если бы элевсинское учение о загробном мире приняло в себя некоторые дионисийские, т. е. орфические черты, и равным образом, если бы шумные дионисийские оргии или строгие предписания «орфической жизни» повлияли на элевсинскую обрядность.

Последствием возведения элевсинского культа в афинский были, как мы видели, во-первых, постройка афинского подворья в виде «Элевсиния», во-вторых, обогащение элевсинской обрядности учреждением малых мистерий и священной процессии с ее Иакхом-Дионисом; третьим последствием должна была стать общая администрация таинств. Для нее Элевсин дал свой первенствующий со времени объединения род Эвмолпидов: из него во все времена ставились как главный иерофант, так и обе иерофантиды обеих богинь. Но и Афины дорожили тем, чтобы быть представленными если не на первом месте, за отсутствием у них преемственности для исходящего от самой Деметры откровения, то хоть на втором. Остановились на роде Кериков (т. е. глашатаев), производивших себя от Гермеса и дочери древнейшего афинского царя Кекропа; им была передана, не считая других, менее важных жречеств, вторая по достоинству после иерофанта сакральная должность дадуха, т. е. «светоченосца». Благодаря этому привлечению Кериков, и их родовой бог Гермес был поставлен в близкие отношения к элевсинским божествам; правда, в самом Элевсине эти отношения остались довольно внешними — известно только, что ему там в дни великого праздника приносили в жертву козу, — но в Афинах дело обстояло иначе. Когда обнаружилась необходимость искупления насильственной смерти глашатая Копрея от руки афинского царя Демофонта, Керики, вступаясь за своего бога-родоначальника, покровителя глашатаев, наложили на Афины своеобразную епитимью: их эфебы должны были сопровождать элевсинское шествие в траурных хламидах. Только в 160 г. Герод Аттик, тоже из рода Кериков, снял с них эту многовековую епитимью.

Но кроме рода Кериков еще один аттический род был приобщен к элевсинским священнодействиям, а именно к дадухии, хотя подробности тут представляются спорными; это были Ликомиды, славный род, долженствовавший со временем дать Афинам и Элладе великого Фемистокла. Их родина — аттическое село Флия — была богата храмами и алтарями; но все другие культы затмевал культ Великой богини, под которой разумели Землю — мистический культ, непосредственно родственный элевсинскому культу Великих богинь. Он и был родовым культом Ликомидов; а при его наличии их привлечение с афинской стороны к администрации элевсинского культа вполне естественно. Свидетельства источников не позволяют идти далее установления этой связи: при каких условиях Ликомид в дадухии мог заменить Керика, — этого мы сказать не можем. Но и этого установления достаточно, чтобы понять дальнейший шаг в победном шествии элевсинской религии.

В последние дни героической борьбы мессенцев со спартанцами за свою независимость прорицатель Феокл, узнав по известным приметам, что их гибель неминуема, счел за лучшее открыть божью волю также и народному вождю Аристомену. Дело в том, что у последнего имелся талисман, уничтожение которого навеки похоронило бы Мессению, между тем как его сохранение, согласно оракулу Пандионова сына Лика (родоначальника Ликомидов), было залогом ее возрождения в далеком будущем. Аристомен внял голосу прорицателя: прокравшись на вершину Итомы, родной горы мессенцев, бывшей тогда уже во власти врагов, он зарыл талисман, помолившись Зевсу и прочим богам, чтобы они сохранили

доверенный им клад и не позволили спартамцам уничтожить единственную надежду мессенцев на освобождение.

Это случилось около середины VII века. Вскоре затем последний оплот мессенцев пал; наступили для ее жителей три столетия порабощения. Но вот, около середины IV века, и звезда спартамцев померкла, к мессенцам явился освободитель в лице Эпаминонда. Была основана новая столица освобожденной страны, Мессена; а вождю, которому было поручено Эпаминондом восстановление мессенского государства — это был Эпителий, родом аргосец, — явился во сне незнакомый муж, предложивший ему отправиться на Итому и, найдя растущие рядом тис и мирт, разрыть землю между ними. Эпителий повиновался и принес Эпаминонду найденную на указанном месте старинную шкатулку; вскрыв ее, они нашли в ней записанный на оловянных дощечках устав таинств Великих богинь. Это и был талисман Аристомена.

Эта легенда пересказана со слов Павсания.

Древнейшей столицей Мессении до ее порабощения была Андания; здесь, значит, и следовало учредить возрожденные таинства, причем можно было поставить этот оскудевший городок в такие же отношения к новой столице Мессене, в каких Элевсин находился к Афинам. Само же возобновление таинств надлежало поручить сведущему человеку — конечно, из жреческой коллегии элевсинского культа. Такогого нашли в лице некоего Мефапа, родом Ликомида. Это была интересная во многих отношениях личность, настоящий апостол мистических культов. Как Ликоמיד, он был руководителем своего родного культа Великой богини-Земли; но в то же время он был также чем-то вроде дадуха в элевсинских таинствах. Как опытный в мистических культах богослов, он был приглашен фиванцами в эпоху Эпаминонда руководить реформой культа кабиров в связи с перестройкой посвященного этим божествам загородного храма.

Несколько слов об этом культе. Основанный некогда финикийскими пловцами на острове Лемнос, он перекинулся на соседние острова и нашел со временем свой центр на Самофракии; все же во время греческой независимости эти «самофракийские мистерии» влачили довольно темное существование, и только после Александра Великого расцвели, заняв место рядом с элевсинскими и орфическими таинствами. Греция их чуждалась, очевидно, ввиду их семитического происхождения; приняли их, быть может, по той же причине Фивы, приписывающие свое основание финикийскому выходцу Кадму. Здесь еще в VI в. был основан храм кабиров, тот самый, перестройка которого в IV в. дала повод к миссии Мефапа.

Восточная неопределенность кабиров, в связи с естественной потребностью их почитателей сблизить их с религией окружающего эллинского мира, повела к отождествлению «великих богов» с теми или другими образами греческого Олимпа, причем они могли, в силу той же неопределенности, произвольно менять и свое число, и свой пол. Первоначально их было, кажется, двое: «Кабир» и его «сын» — Зевс и Дионис, значит, удобный предлог для внесения в кабирические таинства элементов дионисизма и орфизма. Под влиянием этой мистической религии чета превращается в троицу, два брата-кабира убивают третьего, причем его смерть и воскрешение или воскресение образуют священную легенду культа, параллельную легенде о смерти и воскрешении первозданного Диониса. Но в силу другой метаморфозы,

первоначальная чета, приобщив к себе два женских божества, становится четверицей; в ней узнают элевсинскую троицу — Деметру, Аиду, Персефону — с прибавлением к ней родоначальника Кериков, Гермеса, что указывает на специально афинское влияние. Так, собирая в себе лучи и дионисийских, и элевсинских таинств, самофракийские становятся всеобъемлющей мистической религией, готовясь этим к своей вселенской роли при наследниках основателя вселенского эллинизма — Александра Великого.

Фиванский росток этой религии и был поручен заботам элевсинского апостола, Ликомида Мефапа. Частности его деятельности уже от его современников были скрыты непроницаемой завесой; нам о них и по давню спрашивать не приходится. Но вот возвращается свету дня талисман Аристомена; поработанные до тех пор мессенцы вместе со свободой обретают вновь и свою национальную святыню. Понятно, что об ее восстановлении заботятся те же фиванцы, которые своими победами им и свободу возвратили; понятно, что они поручают это дело тому самому апостолу элевсинской Деметры, которому они уже были обязаны упорядочением своего кабирического святилища — Мефалу. И вот Мефал отправляется в освобожденную страну: он принимает — будем продолжать легенду, переливая ее в историю — от аргосца Эпителия найденный им талисман Аристомена и на основании его, а также и своего прочего святительского знания и опыта, учреждает в Андании мистический культ элевсинских богинь.

Поручение было из самых почетных, и гордость апостола законна. О своей деятельности он сам оставил потомкам свидетельство в той надписи, которую он велел вырезать на пьедестале своей статуи, посвященной им в палатку Ликомидов в Афинах:

Дом я очистил Гермеса и путь благодатной Деметры

С Дщерью ее первородной, в том граде, в котором Мессена

Праздник святой учредила во славу Великим богиням.

Гермес здесь назван наряду с Деметрой и Корой: родовой бог афинских Кериков не мог отсутствовать в культе, учрежденном афинским Ликомидом. О других его особенностях оповещает знаменитая анданийская мистическая надпись, состоящая из 200 без малого строк.

Кто ныне стал бы подходить к ней со священным трепетом, надеясь найти в ней сам талисман Аристомена или уже, во всяком случае, изложение самой сути религии таинств, того бы постигло горькое разочарование: в ней говорится исключительно о внешностях культа и его благочинии, и при этом чаще упоминаются штрафы и даже телесные наказания его нарушителям; но если присмотреться ближе, то и из нее можно извлечь немало интересного. Вызвана она была прежде всего превращением самого культа из родового в государственный, состоявшимся в начале I в. до Р. Х. — до тех пор, значит, т. е. в течение двух с половиной веков, им ведал определенный род, соответствующий элевсинским Эвмолпидам — быть может, род Кресфонтидов, потомков древних мессенских царей. Но вот последний иерофант из этого рода, Мнасистрат — по собственному ли почину, или по желанию народа — отдает свой святительский сан в распоряжение государства, а вместе с ним и «ковчег и книги»... по-видимому, те самые, в которых легенда видела талисман

Аристомена. Эта передача вызвала и ряд других реформ, закрепленных в надписи.

Божества анданийских мистерий перечисляются в следующем, хотя и не очень строго соблюдаемом, порядке. На первом месте стоит, как это и понятно, Деметра; на втором — Гермес, в угоду Афинам и их Керикам; на третьем — великие боги, т. е. кабиры; на четвертом — Аполлон Карнейский, в ограде которого и происходил праздник — это нечто новое, но отнюдь не удивительное. Аполлон Карнейский был национальным богом спартанцев, иго которых лежало на Мессении в течение ряда столетий; теперь иго было сброшено, но Аполлон оставался Аполлоном, и его пришлось поставить в связь с возобновленным национальным культом возрожденной Мессении — интересный образчик греческой религиозности. Наконец, на пятом месте стоит богиня со страшным именем, робко нарекаемая в надписи описательным обозначением Чистой (Ναῦνα); это, как известно из других свидетельств, сама царица подземных глубин, Персефона, она же и Кора. Удивляет отсутствие ее супруга Аида, неустрашимого участника священной драмы; но недоуменный вопрос не получает сколько-нибудь определенного ответа.

Как бы то ни было, круг чествуемых божеств роковым образом расширяется при каждом новом переходе: афинский культ был шире элевсинского, анданийский стал шире афинского. Местные особенности стираются в угоду общей религии таинств, конечной цели развития мистического культа.

Священная драма предполагается и здесь: упоминается «театр», а также и «те, которым надлежит приспособиться к представлению богинь»: при этом вспоминается и «путь Деметры и Кору», о котором говорится в надписи Мефапа. Из остальных постановлений интересуется клятва «святых» обоих полов, т. е. непосредственных распорядителей празднества; она касалась вообще его благочиния, но от женщин требовалась в придачу и клятва, что они «по чести и правде блюли свое сожительство с мужем». Интересна также и заботливость, с которой устранялась всякая роскошь в нарядах и всем прочем: она лишила бы праздник Деметры его демократической общедоступности. А на этой демократичности устав настаивает: как в Элевсине, так и здесь наравне со свободными посвящаются и рабы.

По этому вопросу мы, как и везде, находимся в досадной зависимости от источников: связного изложения элевсинской религии не сохранилось, наши сведения о местах и обрядах случайны и отрывочны. Связь с Элевсином иногда ясна, иногда более или менее затемнена; иногда переносится миф, но в то же время его содержание прикрепляется к новому месту. Так, таинственная бездна, через которую Аид умчал Деметрину дочь в свое царство, показывалась и в аркадском Фенее, и в аргосской Лерне, и в других местах. В иных случаях мы вправе предположить учреждение, так сказать, на свежем месте элевсинского культа; в иных — его слияние с другим, исконным, путем отождествления издревле почитаемого божества с Деметрой или Корой. В иных случаях культ, как и в самом Элевсине, был мистическим; в иных мистический элемент отпал, остался самый миф о похищении Кору Аидом и о даровании человечеству хлеба ее божественной матерью.

Здесь не место собирать отдельные обломки элевсинской религии со всех частей эллинского мира; возьмем для иллюстрации по образчику с трех его концов — западного, южного и восточного.

Сицилия, благодаря своему изумительному плодородию, вся считалась посвященной Деметре; ее культ распространен здесь повсюду, но удивляет то, что не какая-нибудь греческая колония была его центром, а далекий от моря туземный город, Энна. Вероятно, придется признать отождествление старинной местной богини с Деметрой; но оно могло быть только основанием перенесения в Энну элевсинского мифа как последствия культовой ее эллинизации, пути перенесения неизвестны. Похищение божественной девы было локализовано именно близ Энны, у озера Перга; здесь Кора рвала цветы на зеленом лугу, здесь из разверзшейся земли появился царь преисподней на своей колеснице, запряженной черными конями; свою добычу он умчал по поверхности земли, пока нимфа сиракузской речки Кианы не преградила ему путь; разгневанный, он через ее русло проложил себе путь в преисподнюю.

Когда состоялось перенесение элевсинского мифа в Сицилию? Во всяком случае очень давно. Когда в самом начале своего республиканского быта Рим вычитал в книгах кумской Сивиллы повеление дать у себя место культу элевсинских божеств, он заимствовал его не из Элевсина, а — прямо или косвенно — из Сицилии. И вот, в Риме был воздвигнут первый греческий храм для греческого культа с соблюдением греческой обрядности — храм, посвященный *Ceresi Libero Liberae*. Церера — это Деметра; неопределенная римская богиня зреющей нивы была отождествлена с греческой даровательницей хлеба. Либера, «дочь» — буквальный перевод греческой Кору; но кто такой Либера? Это слово значит «сын» — сын Деметры, надо полагать, коль скоро Либера — ее дочь; но римляне во все времена разумели под ним Вакха-Диониса. Вот он, «юный бог» священного шествия Иакх, олицетворенное ликование чающих близкую благодать паломников. Слияние с Афинами создало и само шествие и сопровождающего его бога; а если так, то и в создании сицилийско-римской троицы придется признать влияние Афин.

Принятие в Рим этой троицы составляет событие скорее римской, чем греческой религиозной истории. Основание элевсинского храма в Риме совпало с началом борьбы сословий; и вот он становится религиозным центром плебеев в их двухсотлетних усилиях добиться гражданского равноправия в общем государстве.

Не знаем, был ли эннейский культ мистическим; римский, во всяком случае, таковым не был. Можно представить себе, что трезвый, деловой дух римлян той эпохи не чувствовал той религиозной потребности, которая в Греции находила себе удовлетворение в мистицизме; во всяком случае, факт не подвержен сомнению. Мистическим был зато культ александрийский; о нем мы кое-что знаем, благодаря тому случайному обстоятельству, что сохранился написанный Каллимахом гимн. Античный его толкователь приписывает Птолемию Филадельфу учреждение если не самого праздника, то одного обряда, а именно шествия с кошницей «в подражание Афинам»; на беду, мы о таком обряде в Афинах ничего не знаем, но при отрывочности наших сведений об афинской обрядности это не может служить опровержением. С другой стороны, наличность александрийского пригорода по имени Элевсин служит немаловажным подтверждением этой преемственности, особенно если к этому прибавить, что автор гимна Каллимах до своего призвания в Александрию был учителем именно в этом Элевсине. Получается, таким образом, довольно стройный ряд совпадений, достаточно доказательный; ответов на все возникающие у нас вопросы мы требовать не можем.

Александрийский культ был мистическим: «непосвященным» гимн запрещает смотреть с высоты на шествие с кошницей. Самый гимн дает нам интересное свидетельство изменения религиозного настроения в сравнении с древнеэлевсинскими временами. В самом деле, возьмем в вышеупомянутом Гомеровском гимне то место, где говорится о посте скорбящей Деметры:

Девять скиталася дней в безутешной печали Деметра,

Путь освещая ночной пылающих светочей парой;

Не прикасалась она ни к амбросии сладкотекучей

В горе своем материнском, ни к нектару; тела купелью

Тоже она не свежила.

С этим описанием сравним слова Каллимаха:

Как тебя ноги носили, владычица, к солнца закату,

К черных жилищам людей, где сверкают плоды золотые?

Столько не ела ты дней, не пила, не хотела умыться!

Трижды ведь ты перешла среброструйного брод Ахелоя,

Столько же раз перешла остальные потоки Эллады...

И не хотела устами коснуться их вод и умыться!

Други, умолкнем о том, что на слезы Деметру наводит!

Лучше расскажем, как грады в законах она воспитала,

Лучше о том, как...

Эта чрезмерная участливость, доходящая до сентиментализма и вместе с тем низводящая богиню с ее пьедестала на общий со всеми уровень, это усиление любви в ущерб благоговению — характерно именно для той эпохи, которая, будучи подготовлена развитием греческого искусства и греческой религиозности в IV в., пришла к сознанию самой себя после Александра Великого. В этом отношении сопоставление обоих переведенных отрывков очень поучительно: оно наглядно нам показывает разницу между религиозным чувством древнего эллинства и религиозным чувством эллинизма.

Античный комментатор гимна, на которого мы сослались выше, очень немногословен, и было бы слишком поспешно — из его слов, что Птолемей Второй ввел обряд шествия с кошницей, — выводить заключение, что он же перенес в свою столицу и весь элевсинский культ; это перенесение, которому Элевсин Александрийский обязан своим именем, могло состояться и раньше, при Птолемеи I Сотере.

Как бы то ни было, отметим это наличие мистического культа Деметры и Коры у самого

порога греческого царства, возникшего в стране древних фараонов.

Обращая свои взоры на восток, мы находим, можно сказать без преувеличения, всю эллинскую Малую Азию освященной элевсинским культом, особенно ее ионийскую часть. Правда, наши сведения тут более отрывочны, чем где-либо; часто они ограничиваются изображением на монете или упоминанием какой-нибудь улики в надписи. Не всегда мы даже можем утверждать с уверенностью, что культ обеих богинь носил мистический характер. Сама наличность легенды о похищении Кору его не доказывает; но если, например, в Кизике на Пропонтиде эта Кора почитается под именем Спасительницы, так же как и в Элевсине и в некоторых других мистических центрах, то мы вправе думать о милостивой спасительнице душ умерших из тьмы поддонного царства. В Смирне, в Эфесе, в Микале прямо упоминается мистический или элевсинский культ; то же можно предположить и для ряда других мест. Особую важность имеют тут два: Кизик и Пергам. Следует подчеркнуть мистический характер культа в раскопанном пергамском храме с его Девичьей криницей и ступенями для смотрения священной драмы. Местные традиции связывают эти малоазийские колонии с Афинами как с общепризнанной метрополией; филиали элевсинских мистерий были лишь религиозным показателем этой связи. Итак, мы видим, что старинная богиня таинств прочно укрепила в сознании греческой Анатолии; это подготовило ее слияние с могучей туземной богиней и, как следствие этого слияния, — одну из самых влиятельных и живучих отраслей религии эллинизма.

Представим себе, что давала элевсинская религия таинств религиозному сознанию греков на пороге эллинизма — именно на пороге эллинизма и, стало быть, в отличие от того, что она же ему давала в эпоху Перикла.

Тогда она была лишь одной из нескольких форм мистического общения с божеством — пусть чистой, пусть влиятельной, но все же лишь одной, и посвященный, доверивший участь своей души иерофанту-Эвмолпиду, даже независимо от всякого конфессионализма, не мог питать полной уверенности, что он не обеспечил бы ее лучше, поступив в какой-нибудь другой мистический кружок. Теперь различия были сглажены. Великие богини не одни встречали паломника на своем светозарном лугу. Он видел рядом с ними Гермеса с его агнцем на плечах, доброго пастыря, возвращающего стаду его отбившегося и заблудшего члена; там же и Диониса — властителя шумных оргий, ведущего верующих по своему пути к той же цели; там же и загадочных великих богов из Самофракии, уже и здесь спасающих пловца от гнева моря в ожидании того дня, когда они спасут его от еще более грозных сил подземного мрака; там же и Аполлона, всеведущего руководителя его земной жизни; там же и других богов, которым его с детства научили молиться. Получалась утешительная соборность божественных сил, растворение каждой отдельной единицы не в одной всеобъемлющей — этого еще не требовалось, — а в объединенном сообществе.

Посвящение оставалось сакральным условием обещанного блаженства, но вторым была нравственная жизнь. В принципе, тут ничего нового не было; ту же двойственность мы могли установить уже для V в. Но, принимая во внимание общее настроение эпохи, мы не ошибемся, предполагая, что центр тяжести чем далее, тем более перемещался с сакрального условия на нравственное. Уже четвертый век был эпохой усиленной этической пропаганды — платонизма в верхах, кинизма — в низах; третий прибавил к ним и стоицизм, крепче чем

какое-либо другое направление связавший религиозный и нравственный идеалы.

Угодно убедиться, как глубоко было влияние этих духовных сил? На Родосе, в Линде находился важный для той местности храм Афины; недалеко от него некто Селевк — пусть он сам нам расскажет о себе:

Здесь я, Селевк, Шептуну храм выстроил многоколонный,

Я ж и украсил его, как он мне сам приказал.

Пусть его жертвами чтут, у кого безупречная совесть,

Драхмой героя даря (менее он не хотел).

Будет посредником он для допущенных к храму Афины,

Чтоб вожделенный успех жертве сопутствовал их.

Был ли этот герой или демон Шептун (Πσιτῆψρος) назван так потому, что шепотом внушал верующим свои наставления, или потому, что полагалось шепотом поверять ему свои просьбы, или по обоим причинам — во всяком случае, читатель согласится с тем, что этот непрошенный посредник, за драхму обещающий паломникам протекцию у своей госпожи, никакого доверия не заслуживает. В самом деле, не знаменательно ли, что даже он не довольствуется своей драхмой, а требует от жертвователей еще «безукоризненной совести»? После этого образчика нас уже не удивит «священный закон», относящийся к тому же Линду и, быть может, даже к той же Афине: «...должно следовать во святилище благочестиво, прежде всего и главным образом соблюдая свои руки и свою душу чистыми и здоровыми и ничего грешного за собою не сознавая».

Мы отвлеклись, однако, от непосредственной характеристики религии таинств, стараясь путем аналогии заполнить пробелы традиции о ней; возвращаясь к теме, подчеркнем еще раз ту повышенную участливость, которой эллинистическая религия отличается от своей предшественницы. Спешу прибавить, что и эта разница, подобно предыдущей, лишь количественная: само создание трогательного мифа о горе и скитаниях Деметры, а равно и обряд симпатического поста, доказывает, что посвященные уже и тогда роднились душой со своей богиней, переживая ее горе и радость. Но в силе все-таки разница есть. Раньше взоры горюющей богини, полные неисповедимых чар, скользили поверх ее робких поклонников и, не давая и не требуя взаимности, терялись в недоступной дали; теперь они спускаются к человеку, отвечая лаской на ласку.

Происходило ли это усиление нравственного элемента и углубление участливости самопроизвольно или сознательно, благодаря учению призванных реформаторов? Вероятно, одно содействовало другому. Во всяком случае, второй путь тоже не был исключен. Конечно, при скудости наших сведений было бы легкомысленно утверждать, что апостолы элевсинских богинь, вроде вышеупомянутого Мефапа, появились лишь на пороге эллинизма; более чем вероятно, что уже передача культа в Аргос, Феней, Кизик, Эфес, да и само его слияние с Афинами состоялось при содействии сведуших жрецов из рода Эвмолпидов, а позднее, и Кериков, и Ликомидов. Вероятно даже, что эти апостолы — так их принято

называть — видели свою главную задачу в том, чтобы перенести на новое место сакральный устав культа, согласно древнему откровению Деметры, предоставляя утвержденным центральной инстанцией в Элевсине толкователям (эксегета́м) и местным поэтам, вроде Каллимаха, вложить в этот внешний устав живую современную душу. Мы можем здесь только указать на пробелы нашего знания и на возможные пути их заполнения.

И наконец, позволительно будет сослаться на правильную мысль Шиллера, что сообщество всех усиливает веру. Мы видели, что вера в загробное возмездие у среднего афинянина эпохи Перикла была далека от полной уверенности: с одной стороны, различие культов в расщепленной Элладе, с другой стороны, и софистическое движение V в. не давало ей возникнуть в сознании мыслящего человека. Теперь софистическая буря улеглась, скептицизм остался уделом немногих, наиболее влиятельные философские школы признали религию, а в то же время росло и росло число посвященных и в самом Элевсине, и в его многочисленных подворьях, причем другие мистические культы не прекословили его учению, а напротив, шли ему навстречу. Неудивительно, что сообразно со всем этим росла и уверенность в том, что было лишь возможностью или, в лучшем случае, вероятностью для дедов. «Кто знает, не смерть ли наша жизнь, и не жизнью ли называется там внизу наша смерть?» — спрашивал Еврипид. Теперь это знали, и чем дальше, тем прочнее:

Девять он лет всем смертным являл откровенья Деметры,

А на десятый и сам был он к богам вознесен.

Слово от мира владык то прекрасное: смерть почитайте,

Люди, не только не злом — нет, но добром для себя.

Остров Крит в мифических сказаниях известен как место рождения Зевса; младенец был спрятан матерью Реей, боявшейся, чтобы Крон не поглотил его подобно другим детям, в пещере и вскормлен козой Амалфеей или, по другим сказаниям, свиньей, причем мифические существа *Κοῦρηται* для того, чтобы Крон не услышал криков младенца, старались заглушать их, ударяя копьями о щиты. По другим сказаниям, Зевс и умер на Крите и погребен в пещере. Вообще Зевсова пещера играет видную роль в относящихся к Криту сказаниях и неоднократно упоминается писателями. Как кажется, на Крите показывалось несколько пещер под именем Зевсовой. Сказания о Зевсе и куретах послужили сюжетом мистерий, совершавшихся на Крите и пользовавшихся значительной известностью. Подробности их очень мало известны. Мы знаем только, что мистерии были открыты для всех, что от участников требовалось целомудрие и воздержание от мясной пищи и прикосновения к трупу, что при мистериях совершалось поминовение усопших, при этом из Зевсовой пещеры выходил огонь, и что участники мистерий совершали воинственные пляски в полном вооружении. Факт поминовения усопших заставляет предполагать, что Критским мистериям была присуща идея смерти и возрождения человечества, подобно смерти и воскресению божества — Зевса. Затем Порфирий в жизнеописании Пифагора передает подробности относительно очищения, требовавшегося от участников мистерий: Пифагор, явившись на Крит, пристал к мистам, которые и очистили его громовым камнем, причем утром он должен был лечь навзничь у моря, а ночью — у реки, увенчанный шерстью черного барана; затем, явившись с черной шерстью в так называемую Идейскую пещеру, он

провел там положенные трижды девять дней, совершил жертвоприношение Зевсу и видел престол, который ежегодно приготавливают для него.

Под именем орфиков известны последователи особого религиозного учения, основателем которого считали мифического поэта Орфея, сына фракийского царя Эагра и музыки Каллиопы. Уже в самой древности существовало мнение, что Орфей — выдуманное лицо; так думал, например, Аристотель, по словам Цицерона. Гомер и Гесиод ничего не знали об Орфее, а известное суждение Геродота, что все поэты, которых считают древнее Гомера и Гесиода, на самом деле жили позднее их, доказывает, что и он, хотя не отвергал прямо существования Орфея, все-таки признавал приписывавшиеся ему стихотворения за произведения позднейших времен. Во всяком случае имена Орфея и другого, обыкновенно сопоставляемого с ним, поэта Мусея были уже вполне известны во 2-й половине VI в., при Писистратидах, когда начинают подложно приписывать им разные поэтические произведения. Известен рассказ Геродота, что поэт Ономакрит, живший при дворе Писистратидов и вместе с Орфеем Кротонским и Зопиром Гераклеиским участвовавший в редакции гомеровских поэм, был пойман Ласом Гермионским в том, что вставлял в предсказания Мусея подложные стихи о потоплении островов около Лемноса. За это Ономакрит был изгнан Гиппархом из Афин и впоследствии явился ко двору Ксеркса, которому и сообщал перед походом на Элладу имевшиеся у него предсказания, выбирая из них все благоприятное для Ксеркса и скрывая неблагоприятное. Павсаний прямо приписывает Ономакриту сказание о растерзании Диониса титанами, составлявшее главную часть орфической теологии, Климент Александрийский — все, что обыкновенно приписывается Орфею. У Свида собрано много выписок из разных авторов с названиями произведений, приписывавшихся Орфею, и иногда с указаниями их действительных авторов; из этих выписок выходит, что существовало много Орфеев, между которыми есть и исторические лица, как, например, вышеупомянутый Орфей Кротонский. Кроме того, Свидя говорит, что около того же времени Ферекид собрал много орфических произведений. Таким образом, в VI и V вв. составила обширная и разнообразная литература, заключавшая в себе учение орфиков.

У них была своя особая теогония, по которой вселенная произошла из мировых, естественных сил природы: первоначально были Хаос, Кронос и Эфир, из которого образовалось мировое яйцо; из него явился Фанет, причем из верхней скорлупы яйца образовалось небо, из нижней — земля. Фанет заключает в себе все живущее и вместе с тем является богом-творцом: он произвел Ночь и, соединившись с ней, небесные светила. Далее от брака Урана с Геей (Неба с Землей) являются Ураниды и от брака Крона с Реей — Крониды, согласно с теогонией Гесиода. Один из Кронидов Зевс сверг Крона, поглотил Фанета и сделался всеобъемлющим богом: он и день, и ночь, и стихии, и начало, и середина, и конец.

Однако рядом с этим учением о происхождении природы из мировых сил и с идеей об единобожии у орфиков являются чисто мифологические рассказы, главным содержанием которых являются сказания о Дионисе, его страданиях, убиении титанами и возрождении. Таким образом, учение орфиков существенно примыкает к культу Диониса. И действительно, некоторые древние авторы приписывают Орфею основание таинственного служения Диониса,[52] хотя другие, напротив, представляют его врагом Диониса (Эсхил в

несохранившейся трилогии «Λυκοῦρῦεια»). Далее орфическое учение говорило о природной греховности человеческого рода, происшедшего от враждебных богам титанов, о переходе душ через смертные тела, в которые они заточены, как в темницу, для того чтобы искупить эту греховность и затем, очистившись, получить лучшие жилища на звездах, о наказании неочистившихся и необходимости очищения посредством религиозного посвящения и применения умиловительных средств, открытых Орфеем.

Последователи этого учения составляли общество, которое постепенно распространилось по всем областям эллинского мира, так что нельзя уже определить, где оно первоначально составилось. К нему присоединились и разрозненные остатки пифагорейского общества после его изгнания из Южной Италии, так как в учении пифагорейцев и орфиков было много общего. Нужно отметить только, что политические тенденции пифагорейцев были чужды орфикам, общества которых были чисто религиозного характера. Принятие в эти общества достигалось путем посвящения, для которого необходимо было предварительное исполнение предписанных очищений; их собрания, в которых орфическое учение находило себе выражение частью в молитвах, частью в изложении священных сказаний, частью в обрядах, назывались мистериями не только потому, что в них могли участвовать только посвященные, но и потому, что их обряды и сказания имели скрытый, мистический смысл. Посвященные обязаны были соблюдать известные ритуальные и аскетические уставы, стоявшие в связи с их учением: так, от них требовалось воздержание от мясной пищи и от убийства человека и животных (по крайней мере, млекопитающих и птиц), постоянные очищения, ношение льняной, а не шерстяной одежды и пр. Орфиση βίση упоминается у Платона как особый род жизни. Посвящение в мистерии, по учению орфиков, было необходимо для будущей жизни, так как только посвященные будут наслаждаться блаженством, а непосвященные будут лежать в грязи.

Орфическое учение, без сомнения, обязано своим возникновением и широким распространением религиозной потребности людей, которые не удовлетворялись обычными формами верований и культов, и поэтому вначале пользовалось значительным уважением. Но уже скоро оно, по-видимому, выродилось и приняло такую форму, в которой служило скорее грубому суеверию, чем истинно религиозной потребности, и употреблялось обманщиками и шарлатанами для того, чтобы эксплуатировать в свою пользу легкое и неразвитое сознание массы. Так объясняется отзыв Платона, что последователи орфического учения, являясь к богачам, хвастаются дарованной им богами силой посредством жертв и заклинаний отвращать наказание за всякие грехи не только без страданий и трудов, но даже с удовольствиями и празднествами; и если кто хочет насолить врагу, то и это они вызываются сделать с небольшими лишь издержками, не различая праведника от неправедного, так как у них есть заклинания, которыми они склоняют богов исполнять их желания. При этом они выставляют кучу книг Мусея и Орфея, по которым совершают жертвоприношения, убеждая не только отдельных лиц, но и целые города, что есть как для живых, так и для умерших очищения и избавления от грехов посредством жертвоприношений и удовольствий. Таких людей называли обыкновенно орфеотелестами.

В государственном культе Диониса в Афинах и других государствах также были таинственные обряды (вакхические мистерии), из которых одни не имели ничего общего с учением орфиков, другие явились под его влиянием. Так, в праздник Анфестерий в Афинах

совершался обряд бракосочетания Диониса с супругою архонта-царя, в котором, наверное, не было ничего орфического. Но в великие Дионисии, по крайней мере в поздние времена, мужчины в одежде панов и сатиров и женщины в одежде нимф и ор совершали торжественные процессии и пели орфические песни, хотя при этом никаких особых посвящений не было. Затем в Афинах и Дельфах были Дионисовские триэтериды, в которых участвовали лица одного пола (женщины без мужчин или мужчины без женщин). Элейский праздник $\Theta\upsilon\iota\alpha$ также имел мистический оттенок. Вакхические празднества совершались, кроме того, особыми религиозными обществами, которые продолжали существовать и тогда, когда орфическое учение уже было забыто. Известен рассказ Тита Ливия об уничтожении вакхических обществ в Италии в 186 г. до Р. Х., когда вследствие одного доноса открылось, что эти общества распространены по всей Италии и что их празднества отличаются крайней безнравственностью.

Львиноголовый Митра. Рельеф. Малая Азия.

Несколько особняком среди прочих античных таинств стоят мистерии Митры. Они возникли приблизительно в то же время, что и христианство, и стремительно охватили средиземноморский мир. Митре поклонялись и на Ближнем Востоке, и на островах Эгейского и Средиземного морей, и в Малой Азии, в материковой Греции и во всех провинциях Римской империи. Митраизм достиг наибольшего распространения в III в., а впоследствии (в конце IV в., примерно в период распада Западной Римской империи) был вытеснен христианством.

Приверженцами митраизма были в основном солдаты, служащие и купцы; культ исключал женщин. Как и в ряде других древних культов, исповедовать митраизм мог только тот, кто совершил тайный обряд посвящения. Посвященным запрещалось рассказывать иноверцам о таинствах культа. Мистерии Митры, подобно прочим мистериям, имели несколько ступеней посвящения, образовавших иерархическую структуру, по которой постепенно поднимались посвященные. Всего этих ступеней насчитывалось семь — «ворон», «жених», «воин», «лев», «перс», «гонимец солнца» и «отец».

Известно, что обряды посвящения в таинства Митры включали в себя омовение, очищение, наказания и ритуальные формулы. Вполне вероятно — поскольку мистерии представляют собой обряды инициационного свойства — в мистериях Митры присутствовали и такие ритуалы, как символическая смерть и воскрешение.

Требованием сохранения тайн культа объясняется почти полное отсутствие письменных источников, в которых раскрывалась бы суть митраизма. Поэтому едва ли не единственно доступной информацией для воссоздания основ этого учения является иконография митраизма. Большинство изображений в митраистских храмах отражают различные деяния бога Митры, главным изображением является так называемая тауроктония, иначе тавромахия, или сцена убийства быка. На тауроктонии мы видим бога Митру, убивающего быка, а также другие фигуры. Тауроктонию обнаруживают на самом видном месте по существу в каждом митраистском храме, и, несомненно, в ней содержится ключ к разгадке тайн митраизма. Однако пока этот ключ не найден.

Часть четвертая

«СТРАШНОГО МНОГО И САМ СОВЕРШИЛ, ДА И ВЫНЕС НЕМАЛО»:

героическая традиция античности и «римский миф»

Глава 1

«БЫЛ БОГОРАВНЫЙ ПЕЛАСГ СРЕДИ ГОР...»:

герои античного мира

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:

Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Аид и сам распростер их в корысть плотоядным

Птицам окрестным и псам...

Мифологическое пространство Европы. — Героика Севера и Юга. — Категория героического. — Герой и культурный герой. — Мифы о Геракле. — Отождествление Геракла с чужеземными богами. — Мелькарт. — Тесей и Персей. — Упорядочение локуса. — Интеллектуализация героизма. — Плавание аргонавтов. — «Многоумный» Одиссей. — Эпонимы. — Культ героев в классическую эпоху и в эллинистический период. — Обожествление царей. — Евгемер. — Апофеоз героя. — Эпические герои. — Семеро против Фив. — Троянский цикл. — Эдип. — Миф об Оресте. — Эней. — Человек судьбы. — Начала «римского мифа».

Оба полюса европейского мифологического пространства — мрачный нордический Север и утонченный средиземноморский Юг — непредставимы без героической традиции. Несмотря на всю разницу в мировосприятии этих народов — студеное безлюдье с редкими хуторами у скандинавов и напоенные солнцем, плодородные, густо заселенные земли

Средиземноморья, — героические сказания тех и других одинаково трагичны; впрочем, если Север фактически безысходен (достаточно вспомнить таких героев, как Сигурд, Гуннар или Хельги), то Юг иногда дарует надежду и эта надежда исполняется (как в случае с Гераклом или Энеем). Северу свойственна «предустановленная эсхатологичность»: вся мифология скандинавов, все действия богов и героев подчинены единому, разворачивающемуся во внутреннем мифологическом времени эсхатологическому сюжету о гибели мира в языках пламени. В Средиземноморье не то; не будет преувеличением сказать, что эта традиция не знает эсхатологии, что она поступательно бесконечна (недаром именно в ней возник миф о Вечном городе). Поэтому средиземноморские боги и герои — созидатели, творцы, но никак не разрушители; это утверждение справедливо даже в отношении столь «роковых» фигур, как Орест или Одиссей: вопреки всем своим прегрешениям и нарушениям «божеских и людских законов» они в конце концов получают оправдание — и от богов, и от людей, поскольку их поступки ведут в итоге к преодолению хаоса и упорядочению мироздания.

Деяния средиземноморских героев целиком и полностью подпадают под определение эстетической категории «героического», которая представляет собой «проявление

прекрасного и возвышенного в их единстве». Героическое как категория подразумевает совершение выдающегося по своему значению деяния, требующего от человека высшего напряжения духовных и физических сил, мужества и самоотверженности. Героическое совершается в силу крайней необходимости, оно требует предельных и запредельных условий. «Именно поэтому героическое занимает одно из высоких мест в шкале общечеловеческих ценностей, через него человек наглядно познает меру, точнее, безмерность своих возможностей, через него он создает себя в качестве общезначимой личности» (Ю. Боров).

Античная мифология знает целый ряд «героических» циклов. Прежде всего, это миф о Геракле, затем миф о Тесее, фиванский цикл (Семеро против Фив), миф об Оресте, примыкающий к троянскому циклу, и сам этот цикл, миф об аргонавтах, мифы о Персее и Беллерофонте, миф об Одиссее и, наконец, миф об Энее. Кроме того, бытовали многочисленные «местные» мифы о героях — основателях городов, учредителях празднеств и т. п.

Изложение героических мифов античности не входит в нашу задачу; при необходимости читатель может узнать основные сюжеты этих мифов, обратившись к глоссарию или к многочисленным пересказам античных мифов, например, к книге «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима». Мы же в данной главе намерены дать «личностную» характеристику центральным персонажам этих мифов и показать взаимосвязь героических сюжетов античной мифологии.

В мифологии как науке принято различать собственно героя — таковыми, к примеру, являются гомеровские Ахилл и Гектор, истинные «рыцари без страха и упрека», — и героя культурного, добывающего или создающего те или иные культурные блага. Деятельность культурных героев представляет собой прямое продолжение деятельности богов по упорядочению мира — правда, уже не на стихийно-космическом, а на «полукосмическом» уровне. Боги упорядочивают мир в целом; культурные герои упорядочивают, осваивают и обустроивают мир, в котором обитают люди. Тем не менее, им еще приходится сталкиваться со стихийными, хтоническими силами, этим «наследием» времен миротворения; одолевая эти силы и наделяя людей различными благами, культурные герои «старшего поколения» изгоняют хаос из человеческого пространства.

Первым среди таких героев античной мифологии следует, безусловно, назвать Геракла.[53] Геракл — полубог, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, которому клятвой отца предназначено властвовать над Микенами и соседними землями. Уже в колыбели он проявил свою героическую натуру — задушил двух чудовищных змей, подсланных Герой (богиня ревновала своего божественного супруга к Алкмене и стремилась известить ее потомство[54]). Иными словами, еще во младенчестве Геракл совершил первый подвиг мироустройства — победил хтонических животных, олицетворявших и по сей день олицетворяющих хаос.

Самое известное героическое деяние Геракла — знаменитые двенадцать подвигов, совершенных на службе у царя Эврисфея. Геракл вновь побеждает хтонических чудовищ (немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы, критский бык, эриманфский вепрь), добывает сокровища (керинейская лань, пояс царицы амазонок, золотые яблоки Гесперид, коровы Гериона), умиряет стихии (кони Диомеда, Кербер, расчистка Авгиевых

конюшен); совершая эти подвиги, он также принимает на время на свои плечи небесный свод, ставит на выходе из Средиземного моря две стелы — Геракловы столпы, означающие конец обитаемого мира, становится, по Геродоту, родоначальником скифов, вступив в брачную связь с девой-змеей, враждует с Аполлоном, одолевает морского бога Нерея и речного бога Ахелоя (вновь победа над стихиями), освобождает Прометея и т. д. Все эти свершения носят выраженный «цивилизаторский» характер, причем не столько на человеческом, сколько на космическом (или почти космическом уровне). Неудивительно, что в значительной части Средиземноморья Геракл был причтен к божествам (известно, что в ряде местностей ему воздавались божественные почести, а в других местах его продолжали почитать как героя; по мнению Диодора Сицилийского, культ Геракла впервые появился в Афинах).

Гликон. Геркулес Фарнезийский. Мрамор (ок. 200 г. до н. э.).

Несомненную божественность Геракла подчеркивает то обстоятельство, что именно его, единственного среди героев, божества призвали на подмогу в канун гигантомахии. По рассказу Аполлодора, в сражении Геракл убил гиганта Алкионея, поразил стрелой Порфириона и добил многих других раненных богами гигантов. Обо всех этих подвигах Геракла гласит торжественная песнь Пиндара:

...Скольких на море умертвит он немирных чудовищ,

И кого из людей

На кривой дороге гордыни

Настигнет его жестокая казнь;

И о том,

Как в равнинной Флегре

Гиганты, восстав войной на богов,

Под ударами его стрел

С прахом смешают сияющие свои кудри.

... И о том, как мирный и неизменный

Обретет он покой от великих своих трудов,

Несравненного удостоясь воздаяния —

В блаженных чертогах

Цветущую Гебу примет он на ложе свое,

И на брачном пиру

Пред Зевсом Кронидом

Восславит его державный закон.[55]

С другой стороны, Геракл занимает промежуточное положение между богами и людьми; это подчеркивается и его статусом полубога (сына божества и смертной), и поздними подвигами, традиционными уже не для культурного, но для эпического героя — военными походами, взятиями городов, рождению детей, которые впоследствии становились основателями родов и племен и пр. В частности, один из «историко-эпических» мифов гласит, что Геракл воевал с троянским царем Лаомедонтом и взял Трою штурмом. По замечанию Р. Грейвса, «эта легенда повествует о разграблении пятой, или доэллинской, Трои, возможно, микенцами, то есть этолийскими греками, поддержанными отрядом лелегов, чьи предки помогали строить стены этого города».

В историческом контексте Геракл окончательно утратил божественность и превратился в героя-родоначальника. Известно, что дорийцы обосновывали свое владычество в Пелопоннесе тем, что ведут свой род от Геракла, потомка аргосских царей (мать Геракла Алкмена была супругой аргосца Амфитриона); согласно Паросской табличке, переселение дорян во главе с Гераклидами (прямыми потомками Геракла) в Пелопоннес произошло в 1128 г. до н. э.

Известно, что греки отождествляли Геракла со многими чужеземными богами. Как говорит по этому поводу Цицерон в трактате «О природе богов»: «Притом я очень хотел бы знать, какого Геркулеса нам следует почитать? Ибо те, которые исследуют тайные и малоизвестные письмена, сообщают, что Геркулесов было много: древнейший был рожден Юпитером, тоже древнейшим (потому что из древних греческих писаний мы узнаем, что и Юпитеров было много). От этого, стало быть, Юпитера и Лисифои и родился тот Геркулес, который состязался с Аполлоном за треножник. А другой Геркулес, египетский, был рожден Нилом. Третий — из дигитов горы Иды, ему жители Коса приносят жертвы в честь подземных богов. Четвертый — сын Юпитера и Астериис, сестры Латоны, особенно почитаемый жителями Тира, которые считают, что Карфаген был ее дочерью. Пятый — в Индии, носит еще имя Бэл. Шестой — тот, который произошел от Алкмены и Юпитера, но Юпитера третьего, потому что и Юпитеров тоже много».

А. Горгет. Геракл и гидра. Холст (ок. 1920 г.).

Характерный пример — отождествление Геракла с финикийским Мелькартом (четвертый Геракл в классификации Цицерона). Мелькарт, западносемитский бог солнца, мореплавания и торговли, считался божеством-покровителем финикийского города Тир. Греки по созвучию имен отождествили Мелькарта с Меликертом, сыном царицы Ино, которая вместе с ребенком бросилась в море, спасаясь от ревности богини Геры, и превратилась в морское божество: под именем Левкофеи и Палемона им поклонялись как помощникам терпящих бедствие. С Гераклом Мелькарта отождествили по сходству «функций»: и Мелькарт, и Геракл, считались воинами и покровителями торговли. Кроме того, поздняя античная традиция приписала Гераклу деяния Мелькарта, а именно победу над змеем Тифоном (Йамму — над западносемитским богом моря); согласно мифу, в этой схватке Геракл-Мелькарт погиб, но был воскрешен Эшмуном, богом умирающей и возрождающейся растительности (в греческом варианте — Иолаем, племянником и возничим Геракла). Это «объединение» Геракла и Мелькарта пытался использовать в своих интересах Александр Македонский, выведивший,

кстати, свой род именно от Геракла. По сообщениям античных историков, Александр просил разрешения принести жертву Гераклу-Мелькарту в храме Нового города, на что тирийцы предложили царю совершить жертвоприношение в Палетире (Старом городе): ведь Александр наверняка войдет в город не один, а в сопровождении армии, чего они, стремясь сохранить нейтралитет между македонянами и персами, никак не могли допустить. Разумеется, жертва Гераклу и в самом деле была только благовидным предложением со стороны македонского царя. Что касается тирийцев, уже в древности их ответ трактовался как двуличный: Арриан говорит, что они продолжали сомневаться в исходе войны между македонянами и персами, а Диодор прямо заявляет, что тирийцы рассчитывали «услужить Дарию, приобрести прочную его благосклонность и получить богатые дары за свою услугу: отвлекая Александра длительной и опасной осадой, они давали Дарию возможность спокойно готовиться к войне».

Персей с головой Медузы. Иллюстрация к «Сказаниям Танглвуда» (ок. 1920 г.).

Плутарх передает забавные легенды. В начале осады Александр увидел сон: Геракл стоит на тирской стене и дружески машет рукой своему потомку. Этот сон был истолкован как предвестие падения города после долгой и упорной осады. Другой сон приснился кому-то из тирийцев: будто Аполлон (очевидно, тот же Мелькарт, отождествлявшийся с Аполлоном как солнечное божество) сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе. Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, а затем привесили на шею статуе табличку с надписью «Александров прихвостень».

П. Антико. Геркулес и Антей. Бронза (ок. 1500 г.).

Эти меры предосторожности Тиру не помогли — город был взят штурмом и разрушен, а статую Геракла-Мелькарта вывезли в Грецию.

Другие герои-«установители» не могут сравниться с Гераклом масштабом своих подвигов; тем не менее с каждым из них связан собственный цикл мифов и каждый из них внес свой вклад в обустройство мироздания. Так, Тесею мифы приписывают победы над чудовищами (Минотавр, кентавры), объединение аттических поселений в единый город Афины (синойкизм), учреждение праздника Панафиней, разделение афинских граждан на сословия и т. д. С хтоническими чудовищами (Грайи, Горгоны, морской змей) сражается и Персей — кстати сказать, одновременно сводный брат Геракла по отцовской линии и дед по материнской; как пишет А.А. Тахо-Годи, подвиги Персея способствовали «утверждению власти олимпийцев на земле через своих потомков». Несколько особняком в этом ряду стоит последний из великих героев «старшего поколения» Беллерофонт — победитель химеры и укротитель Пегаса: согласно мифу, он дерзнул покуситься на божественное — взлететь на Олимп — и был низвергнут богами; возможно, в Беллерофонте видели стихийную силу (потомок морского бога Посейдона, он иногда изображался с трезубцем в руке). Однако его победа над химерой, которая уже в древности толковалась как олицетворение времен года (сочетание льва, козы и змеи как сочетание трех времен года — весны, лета и зимы), позволяет причислить Беллерофонта к героям-мироустроителям.

Когда мир был избавлен от порождений хаоса (хтонических чудовищ), наступила пора его

освоения. Упорядочение космоса сменилось упорядочением локуса, миф стал плавно «перетекать» в эпос. Героические деяния этой поры — деяния героев не столько культурных, сколько эпических: военные походы, присоединение к своим землям новых территорий, основание городов, проникновение за пределы освоенного и т. п.; тем не менее, присутствуют и деяния культурного свойства, связанные с добыванием тех или иных предметов человеческого обихода, по выражению А.А. Тахо-Годи, «интеллектуализация героизма». Герои этой поры — многочисленные эпонимы, Семеро, выступившие против Фив, ахейцы и троянцы, воевавшие за Троию; с другой стороны, среди них присутствуют искусный мастер Дедал, поэт Орфей, прорицатель Тиресий, строители фиванских стен Зет и Амфион. А в роли своеобразной «перемычки» между теми и другими — аргонавты, участники знаменитого похода из Иолка в Колхиду за Золотым руном.

И. Виваэль. Освобождение Андромеды Персеем. Холст (1630 г.).

Аргонавты. Иллюстрация к «Словарю классической античности» (1891 г. Афина и Ясон готовят паруса, мастер Арго вырезает нос корабля).

Практическое «назначение» Золотого руна — шкуры золотого летучего барана — в мифах не разъясняется, но по тому, что хранится эта шкура у царя Ээта, сына бога солнца Гелиоса, и по тому, что золото издревле ассоциировалось с солнцем и солнечным светом, можно предположить, что поход за Золотым руном метафорически трактовался как «поход за весной». Р. Грейвс со ссылкой на ряд античных авторов утверждает, что миф об аргонавтах следует понимать как описание мистериального ритуала посвящения. По мнению же А.И. Зайцева, «рассказ об аргонавтах сложился в виде не дошедшей до нас эпической поэмы с характерной для эпоса систематизацией, гиперболизацией и проекцией в мифическое прошлое рассказов о первых плаваниях греков в Черное море и в западную часть Средиземного моря (отсюда запутанный маршрут аргонавтов)».[56]

Добывание Золотого руна — безусловно, действие культурного героя, отчасти еще космическое по духу, как и препятствия на пути аргонавтов — сирены, Скилла и Харибда, гарпии; тем не менее, если принять версию о «географическом содержании» мифа об аргонавтах, мы здесь имеем дело с освоением уже не космического, а человеческого пространства.

Аналогичное освоение пространства мы находим в мифе о скитаниях Одиссея после взятия ахейцами Трои. Правда, в отличие от аргонавтов, Одиссей скитается не по своей воле — его гонит по морю гнев богов, точнее, Посейдона, которому Одиссей ненавистен. Но «многоумие» Одиссея в конце концов приводит его домой — через множество испытаний и «вопреки судьбе». Как писал А.Ф. Лосев, «жестокость и суровость Одиссея — достояние архаической героики, поэтому они отступают на задний план, давая место новому интеллектуальному героизму, которому постоянно покровительствует Афина как своему любимому детищу и который направлен на познание мира и его чудес. Характерно противопоставляются в „Одиссее“ древний страшный мир, где царят людоеды, колдуны, магия, дикий Посейдон с таким же диким сыном Полифемом — и умная, острая, богатая замыслами Афина, ведущая героя на родину вопреки всем препятствиям». Другими словами, Одиссей выступает одновременно и как герой «интеллектуальный», и как олицетворение нового «благосозданного» мира, пришедшего на смену архаической дикости.

Ясон пашет на быках Ээта. Иллюстрация к «Сказаниям Танглвуда» (ок. 1920 г.).

Ясон и Гера. Иллюстрация к «Сказаниям Танглвуда» (ок. 1920 г.).

Необходимо упомянуть также мифы о героях-эпонимах, то есть основателях поселений, дававших им свои имена. Так, финикиец Кадм основал Фивы и его имя носит фиванский акрополь — Кадмея; Лакедемон (Спарта) считал своим основателем героя Лакедемона, Коринф — героя Коринфа и т. д. Любопытные сведения о героях-эпонимах и о культе героев (в основном в эллинистический период) содержатся в работе выдающегося отечественного историка античности Ф.Ф. Зелинского.

«...Таковы почести, воздаваемые спартанской общиной ее царям при их жизни; после же их смерти происходит следующее. Всадники возвещают по всей Лаконике о случившемся, и город обходят женщины, ударяя в котел. По этому сигналу необходимо, чтобы из каждого дома двое свободных, мужчина и женщина, присоединились к скорбящим — не исполняющим эти требования грозят тяжелые пени. Закон же лакедемонян, касающийся смерти царей, совпадает с тем, который соблюдают варвары в Азии. А именно: после смерти лакедемонского царя, чтобы изо всей Лаконики, не считая спартиатов, определенное число периэков по принуждению отправилось на похороны. И вот, когда они, а равно и илоты и сами спартиаты, вместе со своими женами, много тысяч, сойдутся в одно место, они ударяют себя усердно в лоб и издают нескончаемые стоны, называя в каждом данном случае последнего умершего царя лучшим изо всех. А если кто из царей погибнет на войне, они изготовляют его подобие и выносят его на украшенном ложе. После же похорон у них в течение десяти дней пустует площадь и не происходит выборных собраний: эти дни посвящены скорби».

Так описывает Геродот похороны царей у спартанцев, отмечая сходство их обычая с персидским; а так как Спарта — единственное греческое государство, в котором уцелела царская власть, то мы вправе распространить сказанное им на похороны греческих царей вообще. А Ксенофонт, имея в виду эти самые почести, выражается так: «...спартанские законы определяют царям выдающиеся почести, равняющие их уже не с людьми, а с героями».

Что же такое эти герои? Этимология слова темна; из нее ничего вывести нельзя, кроме вероятного родства с именем богини Геры, которое, однако, прибавляет только новую загадку к прежним. По смыслу же герои — избранные среди покойников, ставшие предметом не только семейного, но и общественного или государственного культа. Этот культ, таким образом, усиленный культ душ. Подобно последнему, он отсутствует у Гомера; подобно ему, он существовал, однако, в предшествовавшей Гомеру и современной поэту Греции; подобно ему, он и у Гомера выдает свое существование несколькими непоследовательностями; подобно ему, наконец, он получил широкое распространение в послегомеровской Греции до позднейших времен.

Лаомедонт возводит стены Трои. Иллюстрация к «Метаморфозам» Овидия (XV в.).

Первоначальные герои — по-видимому, те, о которых говорит Геродот, покойные цари. Оно и понятно. Чем любой гражданин был для своей семьи, тем царь был для всей общины;

семейному культу соответствовал поэтому государственный культ. Можно, однако, предположить, что среди этих героев особенно почетное место занимали царь-родоначальники, те, о которых повествует «героический» эпос; это — единственные, которых знает как героев еще Гесиод.

В послегомеровскую эпоху круг героев значительно расширился — несомненно, в связи с аристократизацией, а затем и демократизацией Греции: царей-героев не стало, а между тем нежелательно было лишать общину тех потусторонних сил, которые представлялись воплощенными в героях. Возник поэтому обычай считать героями тех, которые оказали общине выдающиеся услуги. А это были в первую голову основатели — для древних общин обязательно люди мифической старины. Хорошо, если таковые были известны, подобно Кадму в Фивах; если же нет, то сочиняли имя по имени самой общины; Лакедемон основал герой Лакедемон, Коринф — «сын Зевса Коринф». Значило ли это, что в реальность возводилась фикция? Вовсе нет. Ведь кто-нибудь должен быть основателем Коринфа; ему, реальному лицу далекого прошлого, и воздавали честь под этим именем. При греческих представлениях об относительности имен это было вполне естественно: как бы ни назывался герой, мы будем почитать его под этим именем. Тем более что таково, вероятно, и было его имя: основатель ведь называл по своему имени основанный им город — так, по крайней мере, полагали. Но города основывались также и в историческую эпоху, в виде ли колоний, подобно Амфиполю, или путем синойкизма, подобно Мессене; в таком случае и исторические основатели (в Амфиполе, например, Агнон, сподвижник Перикла) после смерти получали героические почести.

Своего рода государствами в государстве были меньшие группы — будь то политические, т. е. филы и фратрии, или общественные, т. е. кружки, корпорации и т. д. С первыми дело было ясно: каждая такая политическая единица имела своего героя-архегета, по имени которого она называлась; со вторыми затруднений было больше, и признание героев-архегетов корпораций не стало всеобщим обычаем.

Эпоним и архегет были как бы отцами основанных ими политических единиц. Но по античным воззрениям, как греческим, так и римским, спаситель (Soter) почитался наравне с родителями, и праздник спасения был как бы вторым днем рождения. Неудивительно поэтому, что и общины воздавали героические почести наравне с основателями также и своим спасителям. Таковыми были прежде всего законодатели, спасшие своими установлениями общину от гражданской смуты и обеспечившие ей священное для грека «благозаконие»; затем герои в нашем смысле слова, принявшие смерть на поле брани за отечество. Леонид был на все времена героем в Спарте; еще дальше пошли в этом отношении демократические Афины — все павшие под Марафоном были признаны героями для своего отечества.

А раз причиной героизации была признана заслуга перед общиной, то тем самым открывался новый длинный ряд кандидатов в герои. Заслуги были возможны в самых различных областях. Они признавались за боголюбезными жрецами и прорицателями, за вдохновенными поэтами — Гомером, Гесиодом, Пиндаром; за теми, кто — характерное для античности воззрение — своими изобретениями поднял человеческую жизнь на более высокую ступень. Но разве они были известны? Это, согласно вышесказанному, не так

важно. Гончарное дело (керамика) несомненно полезное изобретение... воздадим же честь «герою Кераму». Мельники пусть поклоняются «герою Милету», рудокопы — «герою Алету» и т. д.; боги уж разберут.

Таким образом, определяется круг, очень широкий круг героев; это — те же, которым позднее Вергилий назначает место в своем Элисии:

Воины, ревностно кровь за отчизну пролившие в битве,

Чистые сердцем жрецы, соблюдавшие долг свой при жизни,

Лиры владыки святой, оправдавшие Феба заветы,

Изобретатели, чьим наша жизнь стала выше искусством,

Все, кто делами любви благодарную память оставил.

Но это уже позднейшее представление; по исконно греческому представлению культ героя был прикреплен к его могиле — это и естественно, раз данный культ был усиленным заупокойным культом. Понятно, однако, что лишь в редких случаях могила героя, которому учреждался культ, была известна; как же было поступать, если ее не оказывалось в наличии?

Этот вопрос связан с другим: как учреждался в историческое время культ героя? Ответ: по указанию оракула, почти всегда дельфийского. К нему обращались по поводу беды, постигшей государство или угрожающей ему; оракул тогда советовал воздать почести такому-то герою, чтобы замолить его гнев или приобрести его милость. Следующим вопросом было: а где найти его останки? Оракул и на сей счет давал указания; останки находили по приметам (например, сверхчеловеческому росту) и торжественно переносили на место окончательного упокоения; так, в 478 г. усердием Кимона были перенесены из Скироса в Афины останки Тесея. Это перенесение останков было первым праздником в честь нового героя. Если же найти их было невозможно, то герою сооружалась «пустая могила» (кенотаф), в которую, путем сакральных обрядов, призывалась душа.

Спрашивается: как понимать эту руководящую роль оракула? Во всяком случае, очень серьезно. «Бог не измышляет новых героев, он не увеличивает собственным могуществом и произволом сонма местных святых — он только находит их там, где человеческие глаза не могут их видеть; он, сам все проникающий своим взором, как дух, узнает духов и видит их действующими там, где человек ощущает только последствия их деятельности» (Э. Роде). Но, конечно, эта централизация, так сказать, в руках Дельф всего дела героизации не могла не усилить их обаяния, подобно самой катартике (т. е. очищению от скверны), с которой она была в значительной степени связана. И Дельфы охотно пользовались этим могучим рычагом религиозной деятельности: время их расцвета было и временем распространения культа героев по Греции. И когда они в начале V в. пожелали замкнуть не в меру расширившийся круг, объявив новогероизованного Клеомеда «последним героем», это оказалось уже невозможным: движение, ими поддерживаемое, переросло их собственные силы, и они оказались не в состоянии соблюсти свое собственное постановление.

Над могилой героя сооружалось капище (ἡρώον), формы и размеры которого были различны:

для особенно многотимых, вроде Тесея, оно могло вырасти в настоящий храм. Здесь и совершались жертвоприношения в честь героя. Они были принципиально отличны от жертвоприношений в честь богов: те происходили днем, эти — ночью или в сумерки; для тех брались светлые, для этих — черные животные; там жертвы приносились на высоком алтаре, здесь на низком «очаге»; там по сожжению символических частей остальная туша служила угощением для живых, здесь животное сжигалось совсем, и никто не должен был даже отвесть его мяса. Одним словом, там жертвоприношение имело олимпийский, здесь — хтонический характер.

А. Серрур. Аякс. Масло, холст (ок. 1850 г.).

Жертвы приносило государство, если герой был, подобно Тесею, общегосударственным; или же непосредственно заинтересованная политическая или социальная группа. Но независимо от этого существовал в Греции красивый обычай, свидетельствовавший особенно ярко об интимном, задушевном характере этого культа: обычай трехкратного возлияния перед началом пиршества. Первое и третье возлияния полагались в честь Зевса, но среднее между ними, второе — в честь родных героев; они приглашались каждый раз разделить радость радующихся.

Взамен воздаваемого ему почета герой оказывал важные услуги как общине в ее совокупности, так и отдельным ее членам. Как существо среднее между богом и смертным, т. е. как полубог, он был для людей призванным посредником в их сношениях с богами, благодаря его заступничеству, они легче могли найти милость у них. Но, помимо того, полагали, что после смерти он преображался как телесно (т. е. в своем внешнем виде), так и духовно. Он становился существом сверхземного роста и красоты. Но и силу получал он выше той, которая сопутствовала ему при жизни. Это была прежде всего сила вещая: как познавший тайны дух, он мог внушать хорошие решения тем, кто с верой подходил к его могиле. Лишь разновидностью этой вещей силы была сила целебная: почти все герои были героями-целителями, хотя у некоторых из них — Асклепия и других — эта сила, доведенная до высшей степени, превосходила все другие. Герой дома оказывал свое покровительство его благочестивым хозяевам; комедия нравов не упустила этого благодарного мотива незримого покровителя обижаемых сирот, как можно заключить по началу комедии Менандра, носившей именно это заглавие — «Нерос». Этот образчик озарил светом важную сторону семейной жизни греков; здесь особенно наглядно сказался уютный, так сказать, характер их религии. Но величавее была, конечно, та помощь, которую герои оказывали всей общине, притом в самую трудную годину ее жизни — в годину военной опасности. Полагали, что герои самолично вступают в бой против ее врагов; Фемистокл, конечно, выражал всеобщее чувство, когда он после Саламинской победы смиренно заявил, что верх одержали не они, эллины, а их боги и герои.

Эта помощь была последствием силы героев; но откуда же получалась у них эта сила? Дельфийский оракул, как мы видели, только удостоверял ее наличие, наделял их силой не он. Софокл отвечает: боги. Он же называет и имя этой силы: ξηρις, «благодать».

Конечно, иногда и человеческий ум мог проникнуть в тайны божьей воли, и даже довольно часто: мы ведь видели, какую роль играли заслуги покойного перед общиной как повод к его героизации. Нетрудно было поверить, что и боги, освятившие человеческое общежитие,

принимали во внимание гражданские заслуги человека при наделении его благодатью. Но вот Эдип, изгнанный из своей фиванской отчизны, нищий слепец, является в Афины — и тут он рачением богов становится источником благодати для приютившей его страны, будущим ее оплотом в военную грозу; за что? Поэт подсказал нам ответ: за страдания, сделавшие богов как бы его должниками. А Одиссей, которому Тиресий предвещал:

Тебе же вне моря

Смерть суждена, и постигнет она, благосклонная, долгой

Жизнью тебя утомленного, вдруг. А кругом тебя люди

Счастливы будут...

Тоже за страдания? Вероятно. Гомер и называет его «многострадальным».

Чтобы понять те черты веры в героев, о которых пойдет речь ниже, надо твердо помнить, что культ их либо развился из культа душ, либо, во всяком случае, с ним тесно связан. А между тем в представлении об оставившей тело душе совмещаются два, друг другу прямо противоположных: она и блаженный дух, охраняющий своих близких, и страшное привидение, от которого спасаются заклятиями и чарами. Само собою разумеется, что и душа, вообще благодетельная, будет карать своих оскорбителей; соответствующую деятельность мы встречаем и у героев. Из тех же противоречащих друг другу основных представлений о душе развиваются два представления о герое, столь же резко друг другу противоречащие: это, выражаясь по-нашему, герой-святой и герой-вампир. О первом была речь выше; поговорим и о втором.

Мы не будем удивлены, убедившись, что представление о нем развивается преимущественно в низах общества; здесь оно становится даже преобладающим. Гиппократ в своем замечательном по широте взглядов сочинении «О священной болезни» борется с предрассудками людей, воображающих, что болезненное состояние души, заставляющее людей вскакивать по ночам с постели, — следствие «наваждения героев». Полемику в другом роде имеем мы у баснописца Бабрия, писавшего в самую эпоху расцвета магии и вампиризма: у него герой является во сне своему почитателю: «О благе моли ты богов, мы же посылаем только зло; поэтому, если тебе понадобится зло, обращай смело к нам: зол мы пошлем тебе много, даже если ты попросишь только об одном». Шутливая греческая поговорка, которой человек отклонял от себя подозрение в злом умысле — «я не из этих героев» — тоже свидетельствует о наличии класса принципиально, так сказать, злых героев. Интересно присмотреться к их деятельности — причем мы, повторяю, оставляем в стороне наказания, посылаемые добрыми героями за понесенные ими оскорбления (героя Анагира, например, за порубку его священной рощи), которое обыкновенно с нею смешивают.

В южноиталийском городе Темесе стало одно время появляться по ночам страшное существо, все черное и облаченное в волчью шкуру: бросаясь на прохожих, оно душило их до смерти. Никакие меры не помогали, стали уже помышлять о том, чтобы покинуть всей общиной нечистое место. Все же решили предварительно спросить дельфийский оракул. Оракул ответил, что чудовище — дух Ликаса, забредшего некогда в Темесу, совершившего

здесь насилие над девушкой и за это убитого возмущенными жителями. Он ответил далее, что Ликас успокоится не раньше, чем ему как герою будет воздвигнуто капище и будет ежегодно отдаваема самая прекрасная девушка в городе. После этого прошло несколько лет; ночные нападения прекратились, темесейцы могли оставаться в своем городе, но и ужасный ежегодный выкуп уплачивался исправно. Но вот в 170 г. в Темесу пожаловал некто Евфим, уроженец соседних италийских Локров, на обратном пути из Олимпии, где он победил в кулачном бою; это было как раз тогда, когда новая жертва в капище Ликаса ждала своего мучителя. Захотелось ему проведать «темесейского героя»; он дал себя отвести в капище. Вид несчастной девушки внушил ему и сострадание, и любовь: он дождался ночи, и когда «герой» пришел, он был неприятно поражен, увидев перед собой вместо обычной легкой и сладкой добычи кулачного бойца. Но Евфим не дал ему опомниться: вступив с ним немедленно в бой, он выгнал Ликаса из храма, преследовал до взморья и загнал наконец в святую пучину, обезвреживающую всякую нечисть. Тогда он вернулся, отпраздновал свадьбу с освобожденной красавицей и жил с ней счастливо до глубокой старости; а затем, не изведав смерти, и сам стал героем.

Нетрудно узнать в этой красивой сказке храмовую легенду («ареталогию»), прикрепленную к капищу героя Евфима; возможно, что ее возникновение было отчасти обусловлено и соперничеством между Темесой с ее злым и Локрами с их добрым героем. Но поражает здесь роль Дельф — факт, что народная совесть могла приписать «общему очагу Эллады» установление такой безнравственной службы. Для его объяснения возьмем другой пример: он касается вышеупомянутого «последнего героя», Клеомеда из Астипалеи.

Он тоже, подобно Евфиму, был кулачным бойцом, но ему не повезло: участвуя в Олимпийских играх в 496 г., он неправильным ударом убил своего противника, вследствие чего венков ему присужден не был. Вернувшись на родину с позором вместо ожидаемой чести, он обезумел и опрокинул столб, на котором держался потолок местной школы. Потолок обрушился и похоронил под собою детей. Преследуемый разгневанными гражданами, убийца бросился в храм Афины и, увидев в нем пустой ларец, спрятался в нем, захлопнув крышку над собой. Преследующие стали открывать ларец; это им долго не удавалось; когда же наконец под их руками крышка отскочила, в ларце не оказалось никого. Удивленные граждане сообщили в Дельфы о таинственном исчезновении преступника; им было, однако, отвечено:

Астипалеец отсель Клеомед — из героев последний.

Жертвами чтите его: непричастен он смертной уж доле.

И пришлось астипалейцам соорудить капище тому, которого они хотели побить камнями.

Это уже не сказка, а быль; тем более напрашивается вопрос: что это за странный носитель «подземной благодати»? Нечестивый убийца невинных детей, в лучшем случае — неменяемый безумец: на какие благочестивые мысли может навести культ такого человека? Мы можем догадываться, что именно нравственная сомнительность этого героя подсказала Дельфам мысль о том, чтобы замкнуть героев вообще; но что же ответили бы они, если бы их спросить о причине этой странной героизации?

«Дарованная нам вещая сила дает возможность установить возведение того или другого покойника в сонм героев и таким образом наделение его превосходящим могуществом; но причина этого возведения — тайна самих богов. Считаясь с этим, мы отвечаем на вопросы людей, что им следует сделать для того, чтобы новообъявленная сила стала для них если не благотворной, то как можно менее злотворной: все наши ответы направлены на то, чтобы людям было лучше; а лучшим является меньшее из двух зол». Во всяком случае, приведенные примеры доказывают скорее искренность и убежденность дельфийской жреческой религии; вероятно, в ее экзегетике имелись приметы, по которым можно было установить героический характер покойника; и среди них, вероятно, было отмечено и таинственное исчезновение его тела. На это имеются указания; достаточно сравнить легенду об Эмпедокле и его прыжке в кратер Этны.

До сих пор наша характеристика культа героев относилась в одинаковой мере и к древнегреческой, и к эллинистической религии. Но именно в эллинизме культ героев стал почвой, на которой зародились новые, хотя и не очень утешительные, религиозные формы.

Для них имеют особенную важность два класса героев: герои-эпонимы и герои-спасители. Хотя обряды культа героев и отличаются существенно от обрядов культа богов, но для отдельных просветленных существ граница между тем и другим классом была довольно зыбкой: Гераклу поклонялись где как герою, где как богу; то же самое приблизительно касалось Асклепия, Диоскуров, Амфиарая, Левкофеи и др. Иные становились героями после своей смерти, иные и не изведав смерти, вроде только что рассмотренного Клеомеда. Но никогда человек при жизни не становился ни героем, ни тем более богом; пока Эллада была еще настоящей Элладой, это правило соблюдалось строго.

П. Батони. Обучение Ахилла. Холст (ок. 1770 г.).

Учитель Ахилла — мудрый кентавр Хирон.

И все же зародыши его разложения были налицо. В самом деле, города основывались и в историческую эпоху — в 437 г. Агнон, друг Перикла, основал колонию Амфиполь на Стримоне. Представим же себе психологию этого человека, знавшего еще при жизни, что после смерти он станет «героем» этого города; или, что еще интереснее, психологию амфиполитов, знавших, что через несколько лет они будут обращаться с молитвами и жертвоприношениями к тому самому человеку, которого теперь видят в своей среде! Не ясно ли, что он уж теперь должен был стать для них как бы полугероем?

Агнону, впрочем, недолго пришлось пользоваться героическими почестями в основанной им колонии: отношения между Амфиполем и Афинами испортились во время Пелопоннесской войны, спартанская партия получила перевес, и когда в 424 г. спартанский полководец Брасид взял Амфиполь, его там приветствовали как «спасителя». А так как вскоре после этого подвига он пал под стенами освобожденного им города, то уже ничто не мешало, устранив Агнона, учредить героический культ Брасида как «героя-спасителя». Обращались ли в Дельфы, не знаем; но препятствий оттуда быть не могло: Дельфы в Пелопоннесской войне сочувствовали Спарте.

Политика вторглась в религию; это было нехорошо и стало вскоре еще хуже. Афинский

морской союз был разрушен спартанским полководцем Лисандром, разбившим в 405 г. афинян при Эгоспотамах; в благодарность за это «спасение» Иония стала воздвигать ему алтари не то как герою, не то как богу, а соседний с ней Самос даже праздник своей богини-покровительницы, Гереи, переименовал в Лисандрии. Новшеством здесь было то, что эта героизация (или апофеоз) была постановлена в честь живого человека; вряд ли можно признать случайным то обстоятельство, что не коренная, а азиатская Греция первой решилась на такую меру. Об ее авторизации со стороны Дельф ничего не слышно, и она крайне невероятна.

Это случилось в конце V в. В начале IV столетия поразительные успехи Агесилая, первого носителя новой спартанской гегемонии, побудили фракийских фасосцев чествовать его таким же образом; сам царь, скромный в своей спартанской простоте, об этих почестях не помышлял. Более серьезную попытку сделал в середине столетия Филипп Македонский: он был родоначальником династии Филиппов и в качестве потомка Геракла имел руку в основанных последним Олимпийских играх. Действительно, он после Херонеи велел соорудить в Олимпии капище, «Филиппей», с драгоценными статуями, изображавшими и его, и его семью, и распорядился, чтобы в процессиях его кумир следовал за кумирами олимпийских богов. Но это не был еще апофеоз и к Македонии Филиппа не относилось; там он по-прежнему жил, пил и напивался со своими приближенными, почти как равный с равными.

Решающий шаг был сделан его сыном, Александром Великим; после своих сказочных побед он потребовал божеских почестей не только от отдельных городов — а был он ведь основателем и, стало быть, героем тридцати и более Александрий, которые вряд ли стали дожидаться его смерти, чтобы почтить Александра как такового, — но и от главных греческих общин, а также и от своих приближенных. Причины этого образа действий для нас поныне загадочны. Был ли он актом глубокой политической мудрости, подсказанным желанием объединить разнообразных подданных под знаком единой, хотя бы и кощунственной религии? Или простым сумасбродством, в котором выразилось опьянение собственными успехами? Или он был внушен Александру населением отвоеванной у персидского царя области, где подобно иудеям и другие поработанные народы мечтали об идеальном царе-боге, имеющем вернуть своему племени и всему миру желанное величие? Так или иначе, отклик его требования встретили различный.

В Афинах правящей македонствующей партии нетрудно было при угрюмом молчании друзей Демосфена добиться льстивого народного постановления; Спарте скорее удалось соблюсти свое достоинство в ее «лаконическом» декрете: «Если Александр желает быть богом, да будет он богом»; наибольшую стойкость, однако, обнаружили македонцы, как непосредственные приближенные загостившегося на чужбине царя, так и оставленный им в Македонии наместник Антипатр, наотрез отказавшийся признать высокомерные притязания своего повелителя.

В одном историки, впрочем, согласны между собою: как бы они ни объясняли психику самого Александра — в его почине они признают попытку ориентализации греческой религии. Предшествовавший в самой Греции культ героев-эпонимов и спасителей дал только внешнюю зацепку; сама идея живого царя-бога была восточного происхождения.

Мы встречаем ее в двух различных формах в обеих главных частях монархии Ахеменидов — ярче всего в Египте, в более смягченном виде в Персии. В Египте божественность властителя принадлежит к исконным догматам. Только в двух пунктах царь отличается от настоящих богов: в то время как Ра, Осирис или Тот носят эпитет «великих богов», фараон при жизни довольствуется титулом «благого бога» и лишь после смерти получает также и другой эпитет. А во-вторых, он при жизни, по крайней мере в более раннее время, еще не пользуется настоящим культом с храмами, жертвоприношениями и жрецами.

На помощь догмату приходила легенда. Полагали, что когда новая царица «сидела в красоте своего дома», к ней являлся в образе ее мужа величайший бог местности. Она просыпалась от окружающего его благовония и улыбалась ему. Тогда он приближался к ней в своем настоящем виде, и она ликовала по поводу его красоты. Он «делал с ней все, что ему угодно было», и затем покидал ее с обещанием, что она родит сына, который будет царем Египта. Таким образом, фараон был действительно «сыном Ра», как он официально назывался, и Александр Великий принял только наследие своих египетских предшественников, поощряя легенду о навещении его матери Олимпиады Зевсом-Аммоном, т. е. Амоном-Ра.

Что касается Персии, то ее царь, по мнению греков, тоже был богом:

Бога ты женой у персов, бога матерью слывешь, —

обращается хор у Эсхила к царице-вдове, супруге покойного Дария и матери Ксеркса — «бога дочерью», прибавил бы он, вероятно, если бы знал, что его героиня была Атоссой, дочерью Кира. Подлинные персидские грамоты не подтвердили этой греческой теории: «подобно царям Вавилона и Ассура и персидские не были пребывающими на земле богами наподобие фараонов» (Э. Мейер). Теория эта была, вероятно, заключением из того чрезмерного, по греческим представлениям, почета, которым персы окружали своего владыку, и прежде всего, из его внешнего знака, так называемой «проскинезы», т. е. обычая падать ниц при встрече с ним. Именно проскинеза была тем, в чем Александр пожелал быть преемником побежденного монарха и чем он возбудил наибольшее возмущение у своих македонских подданных: проскинеза считалась символом обожествления.

При диадохах наступил период ознакомления с нравами народов Востока; поэтому неудивительно, что настоящий апофеоз возник не на персидской, а на египетской почве. Все же не сразу: непосредственные преемники Александра слишком живо помнили свое собственное возмущение притязательностью царя, чтобы последовать его примеру. С их стороны мы поэтому никаких попыток в этом направлении не встречаем. Правда, они все были основателями городов и поэтому кандидатами в герои всех этих Кассандрий, Лисимахий, Антигоний, Деметриад, Селевкий и Птолемаид; про некоторых мы знаем даже, что они пожелали при жизни предварить свою героизацию. Но это были муниципальные культы, державшиеся более или менее старинных греческих рамок; государственная религия ими затронута не была.

Драгоценное тело умершего в Вавилоне Александра досталось Птолемею I; трудно сомневаться в том, что он с самого начала имел в виду похоронить его в Александрии, но для этого требовалось, чтобы еще только строившийся город принял более или менее готовый вид и, главное, чтобы был окончен величественный храм-памятник, который Птолемей

сооружал в честь своего покойного полководца и царя. Тело Александра было поэтому временно похоронено в Мемфисе, и Птолемей успел умереть, не исполнив своего намерения. Исполнить его пришлось сыну и наследнику, Птолемею II Филадельфу; но если династический интерес и заставлял его внимательно относиться к памяти основателя эллинистического Египта, то личный интерес еще более привязывал его к тому, через которого египетский венец достался ему самому.

Птолемей I еще при жизни получил от благодарных родосцев, которым он помогал в их героической обороне против Деметрия Полиоркета, почетное прозвище Спасителя (Soter). Его наследник не был старшим сыном: своим престолом он был обязан той любви, которую его отец питал к своей второй жене, его матери Беренике. Вполне понятно поэтому, что он учредил в Александрии и их культ рядом с культом царя-основателя, и притом обоих как «царей-спасителей». Все же это был культ мертвых; до полной египтизации было далеко.

Но тот же Птолемей II вторым браком был женат, согласно египетским обычаям, на своей родной сестре Арсиное; по ее смерти он и ей как дочери обоготворенных Сотеров посвятил храм (или придел) под культовым прозвищем «богини братолюбивы» (τῆα Πηλαδέλλησ). И это еще не нарушало традиции. Но сестра незаметно притягивала к себе и брата: египетские воззрения, как мы видели, этому благоприятствовали, сам царь вряд ли особенно противился — мало-помалу храм «богини Филадельфы» превратился, еще при жизни царя-участника, в храм «богов Адельфов». Свершилось роковое для западной культуры событие: кощунственная идея царя-бога была принята в греческую религию. Остальное прошло уже гладко: за «богами [Фил]адельфами» последовала при третьем Птолемее чета «богов-Эвергетов», за ней «богов-Филопаторов» и т. д. О титулатуре дает нам представление начало Розеттской надписи — той самой, которая послужила нам ключом для разрешения проблемы иероглифов: «В правление молодого, принявшего венец от отца, владыки венцов, великославного, установившего Египет и благочестивого в служении богам, победителя супостатов, исправившего человеческую жизнь, владыки тридцатилетий подобно великому Гефесту (т. е. Птаху), царя подобно Гелиосу (т. е. Ра), великого царя верхних и нижних мест, отпрыска богов-Филопаторов, которого Гефест одобрил, которому Гелиос доставил победу, живого образа Зевса, сына Гелиоса, Птолемея присносущего, возлюбленного Птахом. . .», причем разумеется Птолемей V Эпифан (т. е. Явленный [бог]), тогда, т. е. в 136 г., 12-летний мальчик. Все же царь пока только допускает, чтобы его называли богом, сам не пользуясь этим эпитетом в своих указах; но вскоре, еще в том же II в., и этот последний остаток скромности был утрачен.

Э. Квеллиний. Ясон и Золотое руно. Холст (ок. 1670 г.).

В царстве Селевкидов были сдержаннее. Селевк I официально игнорировал дафнейскую легенду о происхождении от Аполлона, оказывая всякого рода почести своему земному отцу Антиоху; лишь после смерти он получил от своего сына божеские почести, зато чрезмерные, как — даже не просто «бог», а «Зевс-Победоносец» (Ζεὺς Νικατορ). Кто видит в своем отце Зевса, тот себя как бы проводит в Аполлоны; и действительно, этот сын, очень деятельный и дельный Антиох I, был после смерти обожествлен, как «Аполлон-Спаситель». Но при жизни впервые его сын Антиох II, современник и враг Птолемея Филадельфа, последовал примеру последнего и установил в своем царстве для себя божеские почести со жрецами, храмами и

жертвоприношениями; особого культового имени он не получил, а был назван просто «богом», каковым именем его впервые приветствовали милетцы за то, что он признал их независимость, освободив от тирана. Все же сам себя называет богом впервые Антиох IV Эпифан — тот самый, неудачная политика которого в Иудее повела к восстанию Маккавеев около середины II в.

Пример Селевкидов повлиял, в свою очередь, на царей Пергама; но здесь это движение остановилось. Македония осталась верна здравым традициям Антипатра и Антигона Гоната, и Сиракузское царство, несмотря на все свое сходство с эллинистическими монархиями, тоже осталось свободным от неутешительной аберрации религиозного чувства. Если, таким образом, оставить в стороне явно льстивые заявления некоторых общин коренной Греции, относившиеся исключительно к чужим, а не к своим властителям, то эту аберрацию можно будет ограничить варварской территорией эллинизма.

Но все же она существовала и требует себе объяснения. Группе в своей рационалистической истории греческой религии говорит, что «человек, обожествляя себя, не столько человека возвышает к богам, сколько богов низводит к людям»; это заявление, подкупая своей эпиграмматичностью, не оправдывается историей: мы встречаем апофеоз в эпохе не падения, а, наоборот, подъема религиозного чувства. Было бы неправильно видеть здесь своего рода *Rückbildung*, уродливый продукт старческой немощи; надо искать иного объяснения. Для него нам открывается несколько путей.

Э. Берн-Джонс. Зловещая голова. Холст (1887 г.). Персей и Андромеда рассматривают в воде отражение Горгоны Медузы.

Одним из сынов возрожденной Эпаминондом и просветленной таинствами Деметры Мессенской был знаменитый Евгемер; родившись вскоре после основания Мессены, он стал приближенным македонского царя Кассандра, вообще жаловавшего философов. Уже после его смерти он написал свое главное сочинение, находясь, быть может, в тогдашнем убежище выдающихся литераторов, на острове Кос.

Этим сочинением была «священная запись». В ней автор рассказывал об одном из своих «многочисленных путешествий, предпринятых по поручению Кассандра»; оно завело его на группу островов Индийского океана, один из которых, остров Панхея (т. е. по-дорийски «всепрекрасный») и привлек его особое внимание. Евгемер описывал внешний вид острова и нравы его жителей — трезво и деловито, чуждаясь обычных в утопических романах того времени преувеличений и прикрас, чем и заслужил доверие серьезных людей также и в главной части своего сочинения, для которой описание самого путешествия было только внешней рамкой.

Дело в том, что в главном храме Панхеи Евгемер прочел на золотом столбе запись, имевшую своим составителем древнего царя страны, Зевса; ее содержанием были деяния как деда и отца составителя, Урана и Кроноса, так и его собственные. Они все были благодетелями человечества, создав своими трудами его культуру; между прочим, первый, Уран, установил также почести «небесным богам» и был, таким образом, творцом религии. Взамен этих благодеяний Зевс установил божеские почести также и им, благодетелям, притом деду и отцу после их смерти, а самому себе еще при жизни. Когда он в свою очередь умер — а именно на

Крите, где и показывается его могила, — его дело продолжали дети, как об этом свидетельствовало продолжение записи Зевса, составленное Гермесом; все они были удостоены звания богов, кто за одни, кто за другие заслуги.

Такова «история»; а вот какова заключающаяся в ней религиозная философия. Почитаемые Элладой боги — не что иное, как обоготворенные люди. Значит ли это, что Евгемер был атеистом? Вовсе нет. Во-первых, он признавал наличие «небесных богов», именно тех, которым учил поклоняться Уран — правда, не говоря, по-видимому, кто они такие. А во-вторых, что же из того, что Зевс, Аполлон, Гермес были некогда людьми? Это не мешало им быть теперь настоящими богами. Именно ознакомление с египетской религией подсказывало такое решение вопроса. Ведь, согласно ей, и Осирис, и Исида, и Гор, и Тот были некогда людьми; несмотря на то, они египтянами почитались как боги, и притом такие, выше которых нет. Как люди они «упорядочили Египет». Да и грекам эта мысль не была совсем чужда: Дионис, сын смертной Семелы, жил некогда среди людей и за принесенный им дар вина был удостоен высших почестей — это не мешало ему быть полноправным богом наравне с высшими. Конечно, строгая философия требовала — в силу принципа «всякому происшедшему будет конец» — предвечности для вечных богов; Гесиод, например, в своей «Теогонии» держался иных взглядов, и многие шли за ним.

Одним словом, прямого атеизма в учении Евгемера еще не было; все зависело от ответа на вопрос: «суть ли обоготворенные настоящие боги или только считаются таковыми?». И, по-видимому, он имел благоразумие ответа не давать.

А раз положительный ответ был логически возможен — евгемеризм мог дать настоящую философскую и историческую подкладку самообожествлению Птолемея Филадельфа и его последователей. Величайшие благодеяния может оказать стране ее царь; этим путем он становится богом на вечные времена. Желательно только, чтобы эти благодеяния были настоящими благодеяниями, чтобы действительность не опровергала образа, созданного верою и любовью; и вот это-то удавалось далеко не всегда, несмотря на благотворную силу «пафоса дистанции».

Другой друг Кассандра, Деметрий Фалерский, философ-перипатетик, правил по его поручению Афинами от 317 до 307 г., правил умно и благополучно, но все же в духе поддерживаемой Македонией аристократической партии. Когда поэтому его тезка, Деметрий Полиоркет, «освободил» Афины от Кассандра, ликование демократов не было конца. Этому Деметрию с его отцом Антигоном был определен божеский культ под именами «богов-спасителей», их позолоченные статуи были поставлены на городской площади рядом со статуями тираноубийц, в их честь были названы две новые филы, Антигониды и Деметриады, и празднества сменялись одно другим. На одном из них была исполнена «итифаллическая» песнь, сохраненная в значительной части Атенеом; в ней встречались, между прочим, следующие стихи:

Будь счастлив, Посейдона с Афродитой сын,

Доблестный Деметрий!

Ведь все другие боги далеко от нас,

Иль они без слуха,

Иль их нет, или дела нету им до нас;

А тебя мы видим:

Не древо ты, не камень — настоящий бог;

Молимся тебе мы.

Молимся, да — через сто лет после того как казнили Сократа за то, что он якобы «не верует в тех богов, в которых верует государство, и взамен их признает новые божества».

В вышесказанных словах заключена целая богословская теория; сводится она к следующему: 1) про богов народной веры неизвестно, существуют ли они вообще, а если существуют — способны ли они услышать нас, а если способны — заботятся ли они о нас; 2) их деревянные и каменные кумиры, подавно бессильны; 3) раз бог есть сила, то богом должно быть признано сильнейшее существо, а таковым показал себя Деметрий. Другими словами, мы имеем здесь антрополатрию на почве агностицизма; эпитет бога отнимается у сомнительных владык Олимпа и присуждается гораздо более слабому, но зато реальному существу.

Б. Женнари-мл. Тесей и Ариадна. Холст (1702 г.). Справа — сестра Ариадны Федра.

Каковы же были на самом деле теоретические постулаты апофеоза?

Сопоставим прежде всего различные его разновидности: а) Александр признается сыном Зевса-Аммона, Селевк — сыном Аполлона; это вполне в духе древнегреческой религии.

Точно так же ведь и Минос признавался сыном Зевса, и Ион афинский сыном Аполлона; это давало им право на героизацию после смерти.

б) Тот же Селевк получил после смерти героические почести в основанной им Селевкии; это опять-таки в духе древнегреческой религии. Постулатом была вера, что просветленная душа «героя» живет в его всеми почитаемой могиле, как могучий дух-хранитель основанного им города.

в) Он получил не героические, а божеские почести. Это значит, что ему надлежало приносить жертвы не ночью, а днем, не на «очаге», а на алтаре и т. д. Постулатом была вера, что душа покойного не заключена в его могиле, а вознесена к богам на Олимп, или в эфир. Отсюда легенды о птицах — орлах или коршунах, — поднявшихся с костра, где сжигались останки покойного, таковая или сама была его душой, или уносила ее.

г) Ему эти самые почести воздавались уже при жизни. Теологически это трудно было мотивировать, но психологически объясняется легко, как предварение, льстивое, с одной стороны, и тщеславное — с другой.

Во всех этих случаях новый бог или герой чествовался под своим собственным именем; но вот нечто новое:

д) Птолемей I с женой после смерти получают божеский культ как «боги-Спасители», Селевк

— как «Зевс-Победоносец» и т. д.: следует заметить, что терминология тут последовательна, что никогда не говорится официально о «боге Птолемея», о «боге Селевке», а именно только о «боге-Спасителе», о «Зевсе-Победоносце». Вот это действительно новшество. Разгадку дает нам второй случай. Очевидно, Зевс частью своего естества воплотился в Селевке, он стал его душой; в момент смерти эта душа оставила тело Селевка, которое отныне покоится в могиле, сама же она вознеслась на Олимп; чествуют поэтому бога «Зевса-Победоносца». Но как же понимать это воплощение Зевса при продолжении его деятельности как царя Олимпа? Да так же, как и службу Марии-привратницы в христианской легенде, обработанной Метерлинком в его «Сестре Беатрисе»: бог и вездесущ, и бесконечно делим. А как Зевс-Победоносец он остается в связи с Селевком? В сознании людей — да; так же, как Зевс Додонский пребывает в связи с Додоной, несмотря на одновременное существование Зевса Олимпийского.

е) И с этой точки зрения даже полный апофеоз — т. е. воздавание богу-Адельфу, богу-Эвергету и т. д. соответственных почестей при их жизни, покажется не алогическим предварением, внушенным лестью или тщеславием, а вполне последовательным развитием догмата. Раз признано, что в Птолемея III воплотился бог, которого люди, не зная его подлинного имени, назвали богом-Благодетелем, то не только позволительно, но и необходимо воздавать этому богу соответственные почести уже при жизни того бренного тела, которое он избрал своим временным местопребыванием.

Вполне ли это догмат новый? Зародышевые его формы, несомненно, имелись уже и в древнегреческой религии. Если у Гомера Афина является Телемаху и другим в образе Ментора и в качестве такового с ним путешествует, ест, пьет и т. д., то здесь мы, несомненно, имеем воплощение божества; но, во-первых, настоящий Ментор живет независимо от этого своего подобия, а во-вторых, это лишь кратковременная иллюзия, а не воплощение на всю жизнь, почему Платон в своем «Государстве» и протестует против этого «обмана». Затем известно, что Софокл после своей смерти был героизован не под именем Софокла, а под именем Дексиона, т. е. Приемлющего — на память о том, что он по легенде «принимал» у себя бога Асклепия. Это — внешняя параллель к переименованию Птолемея в бога-Спасителя, но не более. Мы не знаем в точности богословского основания этого переименования; думаем, однако, что оно аналогично с представлением о преображении героизованного. Впрочем, оно не было обязательно: большинство героев почиталось под теми именами, которые они носили при жизни.

Да, зародыши были, но именно только зародыши: и фактом остается, что благодаря почину Птолемея Филадельфа религия эллинизма обогатилась новым догматом, и религиозное сознание людей стало свыкаться с мыслью, что бог может избрать себе земным местопребыванием тело человека от его рождения вплоть до его смерти.[57]

Другие мифы этого «разряда» повествуют о военных походах, важнейшими из которых античная мифология признает поход семерых микенских вождей на Фивы и последующий поход ахейцев на Трою. [Необходимо отметить, что наше разнесение героических мифов по разрядам и категориям является сугубо условным и ни в коей мере не содержит в себе строгой хронологической последовательности; так, поход Семерых, о котором речь сейчас, был вызван взаимной враждой сыновей Эдипа, о котором будет сказано ниже, при анализе

мифов другой «смысловой» категории.] Троянский цикл еще активно «использует» образы богов; само начало конфликта между троянцами и ахейцами возводится к суду Париса, среди трех богинь отдавшего первенство Афродите; боги вмешиваются в боевые действия, сражаются на стороне тех, кто им приятен, оказывают своим любимцам всяческую поддержку (правда, и Аполлон не в силах помешать Ахиллу сразить Гектора), однако исход осады решается не вмешательством богов, а военной хитростью Одиссея, предложившего хитроумный план с троянским конем. В фиванском же цикле участие богов минимально; более того, Семеро бросают вызов не только Фивам, но и самим богам, отказываясь признать их волю и отступить от осажденного города.

Клятва Семерых. Иллюстрация к «Греческим сказаниям» (1880 г.).

По Гесиоду, в двух этих войнах, под Фивами и под Троей, поколение героев было практически уничтожено:

Снова еще, поколение четвертое создал Кронион

На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, —

Славных героев божественный род. Называют их люди

Полубогами: они на земле обитали пред нами.

Грозная их погубила война и ужасная битва.

В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,

Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;

В Трое другие погибли, на черных судах переплывши

Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.

Ж.О. Энгр. Эдип и Сфинкс. Холст (1808 г.).

Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;

Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,

Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.

Когда упорядочено мироздание и обустроено (освоено) человеческое пространство, наступает пора обустройства социума. Античная мифология содержит немало «социальных мифов»; среди них наиболее известны два — миф об Оресте и миф об Эдипе, причем эти мифы надлежит рассматривать в совокупности, поскольку они трактуют фактически одну и ту же ситуацию.

Эдиповский миф — тот самый, из которого З. Фрейд вывел свою знаменитую теорию «эдипова комплекса», — еще обращен в матриархальное прошлое: история Эдипа есть история ребенка, выросшего в условиях родонаследования по материнской линии (матрилокального родства); при таких условиях ребенок не может знать отца и потому не в

состоянии узнать его при встрече. По замечанию Р. Грейвса, «может быть, Эдип пытался заменить матрилинейные законы патрилинейными, но был за это изгнан своими подданными».

Миф об Оресте, «опровергающий» участь Эдипа, примыкает к троянскому эпическому циклу: Орест — сын ахейского царя Агамемнона, предводителя ахейского войска под Троей. Когда Агамемнон был убит собственной женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом, Орест бежал из дома и до совершеннолетия жил на чужбине. Вступив в возраст, он получил от дельфийского оракула наказ отомстить за смерть отца:

Свершится, не обманет слово Локсия.

Он сам вещал мне, строго заповедуя, —

Идти на все! Грозил он, — и от тех угроз

Кровь стыла в жилах: горе мне, когда с убийц

Я платы равноценной не взыщу мечом.

Не буду знать, куда мне деться, мучимый

Проклятьем, что пристанет, как свирепый бык.

Страданьем безысходным возьму я сам

Невысканную пеню за прощенный грех.[58]

Орест исполняет приказ и убивает мать. За это преступление его преследуют богини справедливости и мести Эринии. По совету Аполлона Орест обращается за помощью к Афине как покровительнице всех эллинов. Богиня созывает в своем городе (Афинах) совет старейшин, который и рассматривает дело Ореста. На суде все решает голос Афины:

Орест. Мрамор (ок. 200 г. до н. э.).

Кладу я за Ореста этот камешек.

Мне не было родимой, нет мне матери, —

Мужское все любезно, — только брак мне чужд;

Я мужественна сердцем, дочь я отчая.

Святее крови мужа как могу почесть

Жены, домовладыку умертвившей, кровь?

Орест оправдан, даже если поровну

Легли в сосудах жребии...

Оправдан подсудимый! В урне милости

И в урне смерти то же голосов число.

Этот сюжет представляет собой миф о преодолении в социуме кровной мести; Орест оправдан ареопагом, то есть государством, которое тем самым отвергает кровную месть.[59] Эриннии вдобавок олицетворяют в мифе матриархальное прошлое, которому на смену пришел патриархат (убийство матери — своего рода антитеза убийству мужа и хозяина дома).

Наконец последний героический миф Средиземноморья, подводящий итог всей прежней деятельности богов и людей и повествующий о новом миротворении (социальном, ландшафтном, отчасти космическом) — это миф об Энее.

Гомер называет Энея, сына Анхиса и богини Афродиты, славнейшим троянским героем:

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,

Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,

Окрест Энея, который, как бог, почитался народом...

Неизвестный художник. Суд Париса (XVII в.).

В «Илиаде» Эней — герой вполне эпический; не троянец по происхождению, он присоединяется к защитникам Трои, чтобы отомстить Ахиллу, изгнавшему его из родных мест. Он доблестно бьется с ахейцами, и не его вина, что в поединках с Диомедом и Ахиллом он терпит поражения — ведь врагам помогает Афина:

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой

В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.

Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,

Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,

Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть грозящей

Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,

Страшную тягость, какой бы не подняли два человека

Ныне живущих людей, — но размахивал им и один он;

Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая

Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой;

Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,

Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный

Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою

В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тем не менее, он бежит из Трои — по воле богов, ибо Посейдон открывает ему, что не кому другому, как Энею, назначено сохранить царский род Дардана.

Новые качества Эней приобретает лишь позднее — в мифологии этрусков, перенявших у греков миф о разорении Трои, и в «Энеиде» Вергилия. Последняя вобрала в себя всю совокупность культурных традиций Балкан, Апеннин и Малой Азии; в результате из homo trojanus Эней благодаря таланту Вергилия превратился в homo mediterraneus: именно в этом качестве образ Энея закрепился в европейской культуре.

Ф. Перье. Эней со спутниками сражается с гарпиями. Холст (1646–1647 гг.).

А. Аллори. Одиссей и богиня Ино. Фреска (1580 г.).

В.Н. Топоров пишет: «Постоянное и актуальное присутствие моря (более полное и активное, чем где-либо еще в Средиземноморье), с трех сторон окружающего Балканы, причудливо выстраивающего линию побережья и глубоко вдающегося внутрь суши, неотвратимо ставит перед Балканами со всей конкретностью и насущностью некий ключевой вопрос-вызов, на который нельзя не отвечать и который, приглашая homo balcanicus выйти из своей обжитости, уютности, укрытости-потаенности в сферу „открытости“, заставляет этого „балканского человека“ задуматься над проблемой судьбы, соотношения высшей воли и случая, жизни и смерти, опоры-основы и безосновности-бездны, над самой стратегией существования „перед лицом моря“ (Sein zum Meer, по аналогии с Sein zum Tode), над внутренними и внешними ресурсами человека в этой пограничной ситуации. Иначе говоря, „открытость“ моря, все его опасности, неопределенности, тайны, исключение запланированных и даром дающихся гарантий, приглашение к испытанию и риску, к личному выбору и инициативе, к адекватной морю „открытости“ самого человека перед лицом „последних“ вопросов — все это более чем что-либо другое складывает духовный облик „балканского человека“ и преформирует все типологическое разнообразие антропоморфных вариантов, участвующих в решении сотериологической задачи, которая была основой для Балкан в течение, по меньшей мере, семи последних тысячелетий.

Протагонистами этой драмы, начиная с безымянных Великой Матери и мужского божества плодородия, были Осирис и Таммуз, Адад и Ваал, Телепинус и Атгис, Адонис и Дионис, Астарта-Иштар и Деметра, Персефона и Триптолем, Кадм и Прометей и т. п. Но все они — персонажи божественного уровня, и человеческая ментальность и соответственно человеческое поведение отражаются в них косвенно, периферийно. Но и не все протагонисты человеческой природы под указанным углом зрения равно диагностичны: одни рано стали достоянием индивидуализированного коллективного мифа, в котором индивидуально-человеческое сильно растворилось (Гильгамеш, Залмоксис и др.), другие слишком тесно соединились с неким принципом, абстрактной идеей (Гайомарт, Адам Кадмон и др.), третьи, напротив, выступают как носители неких уникальных глубоко философизированных концепций (Пифагор, Гераклит, Парменид, Эмпедокл, Сократ и др.).

Одиссей у волшебницы Кирки. Иллюстрация к „Сказаниям Танглвуда“ (ок. 1920 г.).

Среди всех этих персонажей Эней занимает совершенно особое место: будучи просто

человеком и представляя собой определенный тип комплексной ментально-поведенческой структуры, он так последовательно и блестяще выполняет стоящую перед ним задачу, что его опыт спасения приобретает парадигматическое значение, а ему самому уготован божественный статус... Тень мифа не прошла мимо Энея, но достоянием мифа в процессе мифологизации стал не столько он сам, сколько его ментально-поведенческая структура, известная нам благодаря Вергилию (прежде всего) во многих отражениях и с разнообразными подробностями, что также придает образу Энея особое значение. И наконец, мало кто теснее связан со Средиземным морем, чем Эней; и не с морем вообще, но конкретно с морской стихией, с ее волнами и ее треволнениями. И хотя опыты Энея и уроки, из них извлеченные, актуальны и за пределами Средиземноморья, все-таки они укоренены именно здесь и имеют преимущественный смысл для „средиземноморского человека“ на его путях к спасению в отличие, например, от вселенского значения другого опыта спасения, локально связанного с тем же Средиземноморьем... Эней отличен и от другого многострадального скитальца, долгие годы проблуждавшего по волнам Средиземного моря, от Одиссея, также гонимого гневом богов и также успешно прошедшего через все испытания, но избравшего другую, можно сказать, противоположную линию поведения. Там, где Эней вверяет себя судьбе, Одиссей „работает“ со случаем, ищет его, если надо, подчиняется ему с тем, чтобы, прибегнув к собственному уму и хитрости, склонить случай в свою пользу и построить такой ряд „случайных удач“, который мог бы превозмочь злую судьбу (недаром боги опасаются, что он может вопреки судьбе самостоятельно решать свои задачи). В отличие от всегда серьезного Энея в Одиссее присутствует некое авантюрное начало. Оба скитальца различны по характеру и темпераменту, по целям, которые стоят перед ними, и по способам достижения их (стоит напомнить, что пути Энея не раз пересекаются с Одиссеевыми и что первый очень не любит второго), наконец по тому, как смотрят на них высшие силы: Энею роком предназначено спасение; Одиссей не может спастись, полагаясь исключительно на самого себя, и к его инициативам, в том числе и потенциальным, боги относятся настороженно.

Эней „средиземноморский“, вступив на берег Италии, подчиняет всю свою деятельность исполнению велений судьбы, и отдаленное видение Рима сейчас, когда под ногами не палуба раскачиваемого корабля, а твердая земля, как бы изолирует Энея от „эмпирического“ средиземноморского окружения и выстраивает фундамент будущего „римского“ контекста».

Эней Вергилия — и, как следствие, всей позднейшей европейской культуры — носитель провиденциальной миссии: высшие силы оберегают его от гибели при разорении Трои для того, чтобы он основал, после многих испытаний, в пределах Средиземноморья новую Троию — город, которому судьбой суждено стать Вечным.

Голова Одиссея. Фрагмент скульптурной группы «Ослепление Полифема Одиссеем». Мрамор. I в.).

Глава 2

«ЛАЦИЙ ДА БУДЕТ ВСЕГДА, И ВЕКАМИ ПУСТЬ ЦАРСТВУЕТ АЛЬБА»:

миф о Вечном городе

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Античная Ойкумена. — Передел освоенного мира. — «Полюсы силы». — Божественный промысел в основании Вечного города. — Город как космос. — «Римский миф» у Вергилия. — Эней как основатель. — «Римский миф» у Тита Ливия. — Ромул и Рем. — Мифологическая история. — Ромул-человек и Ромул-бог. — Божественные функции в исторической перспективе. — Республиканские мифы. — Три принципа римской доблести. — Эпоха Августа. — «Золотой век» Рима. — Миф как политическая концепция. — Наследники империи. — «Римский миф» в России: Москва — третий Рим и Петербург как преемник Рима. — Вечный город-мир.

Мир был создан радениями и при непосредственном участии богов: они упорядочили изначальный Хаос, обуздали хтонические силы матери-Земли, сотворили людей — и удалились на Олимп вкушать заслуженный отдых, лишь изредка позволяя себе вмешиваться в людские дела. Старшее поколение героев продолжило дело богов — победило стихийных чудовищ, ввело в обиход различные культурные блага, установило социальные институты, основало первые города и исследовало окрестные земли. Так сложилась Ойкумена — освоенное античным человеком пространство; по Аристотелю, Ойкумена состояла из трех поясов — холодного на севере, жаркого на юге и умеренного между ними. В умеренном поясе, единственно пригодном для обитания людей, расположены Средиземное море со всеми государствами его бассейна, Персия и Индия; море через Столпы Геракла впадает в мировой океан, облегающий Ойкумену.

Герои младшего поколения принялись делить освоенный и обустроенный мир, в котором становилось все теснее; и вот уже Семеро созывают свои дружины и выступают против Фив, а вожди ахейцев под началом «пространно-властительного царя» Агамемнона плывут покорять Трои... Разорением Трои завершилась героическая эпоха античности; Ойкумена приобрела, казалось бы, окончательный, стабильный вид.

Но промысел богов предполагал иное. Уничтоженная Троя была, если воспользоваться современной политической терминологией, одним из «полюсов силы» Средиземноморья (к этим полюсам относились — в различные периоды времени — такие «фиксаторы реальности»,[60] как Афины, Спарта, Фивы, Дельфы, Олимпия, Троя, Карфаген, Тир, Сидон, «баснословный Вавилон», быть может, Тартесс в Иберии). Утрата одного из полюсов вела к нарушению «системы стабильности», поэтому боги решили вмешаться в человеческие дела и возродить Трои — уже в новой, свободной от «кровавой скверны» земле.

Причем божественный «план» предусматривал, что новый город со временем станет величайшим городом Ойкумены, а его жители будут «главнейшим среди народов». Вергилий в «Энеиде» вкладывает в уста Юпитера, отвечающего на упреки Кифереи-Венеры, такие слова:

Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.

Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,

И до небесных светил высоко возвеличишь Энея

Великодушного ты. Мое неизменно решенье.

Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает

Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою:

Долго сраженья вести он в Италии будет, и много

Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,

Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,

Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.

Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне, —

Илом был он, пока Илионское царство стояло), —

Властвовать будет, доколь обращение луны не отмерит

Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских

Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.

В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет

Полных трижды сто лет, пока царица и жрица

Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.

После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,

Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены

Он возведет, и своим наречет он именем римлян.

Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,

Дам им вечную власть...

Именно римлянам, потомкам троянцев, предначертано богами возродить былую славу Трои, а могуществу Рима — оказаться могуществом «на все времена».

Амулий с близнецами Ромулом и Ремом и пастух Фаустул. Иллюстрация к «Легендам Рима» (1885 г.).

При сопоставлении римской мифологии с мифами других народов Средиземноморья обнаруживается любопытная деталь: у римлян отсутствуют космогонические сюжеты. Точнее, рассказ о сотворении мироздания у римлян заменился на рассказ об основании Рима. [61] Крохотное латинское поселение приобрело тем самым космическое значение и из точки на карте Ойкумены превратилось в саму Ойкумену. Как писал Ж. Дюмезиль: «В эпоху расцвета римляне не имеют своей мифологии, и Дионисий Галикарнасский хвалит их за такую скромность воображения, которая защищает от святотатств и позволяет связать ритуалы с чистой и лишенной прикрас теологией. Но мы знаем, что первичное состояние было не таким, и следует говорить, что у „классических“ римлян уже не было мифологии, точнее, божественной мифологии, поскольку предки сохранили для них целый ряд прекрасных преданий, с помощью которых к середине IV в. до н. э. эрудиты, озабоченные созданием городу славного прошлого, принялись составлять „историю от его основания“, предания, которые на уровне человека нередко соответствуют тому, что в Индии и Скандинавии рассказывается о богах. Короче говоря, римская история от основания города заменяла мифологию людям, для которых все ценности определялись их городом, и ни окружающий его мир, ни времена, которые ему предшествовали, не представляли особого интереса».

Не мир ужался до пределов города, как было в Вавилоне, но город охватил собой весь мир. Пламя пожара, погубившего Трои, из которой бежал «родоначальник Эней», было одновременно пламенем мирового пожара, уничтожившего прежнее мироздание и очистившего его от скверны. Из этого пламени, подобно фениксу, возник новый, Вечный город, наследник Трои и «зиждатель устоев и мерило ценностей» — как себе, так и Ойкумене в целом.

Первоначальное изложение «римского мифа» встречается в текстах III–II вв. до н. э., однако в целостном виде этот миф дошел до нас в изложении современников императора Октавиана Августа — Тита Ливия и Вергилия. «Энеида» последнего повествует о «новом миротворении» — от гибели Трои до обретения «обетованной италийской земли»; «История Рима от основания города» первого рассказывает об упорядочении и обустройстве «новонайденного» мироздания.

Традиция, «привязывавшая» Энея к Италии в целом и к Риму в частности, бытовала на Апеннинском полуострове достаточно продолжительное время: археологические раскопки в Этрурии позволили обнаружить, в частности, этрусские фигурки, изображающие Энея с отцом Анхисом на плечах и относящиеся к VI–V вв. до н. э. В самом Риме, как писал Г. Ферреро, «принятая римским сенатом легенда об Энее постепенно разветвилась; многие знатные римские фамилии, в том числе род Юлиев, относили свое происхождение к легендарным спутникам Энея; основная легенда и вышедшие из нее второстепенные так прочно вошли в мифическую традицию доисторического Рима, что никто не осмеливался отвергать их». Именно поэтому Вергилий, мечтавший создать национальную латинскую поэму, «Илиаду» и «Одиссею» в одном лице, обратился именно к легенде об Энее.

Руины Трои.

Впрочем, по словам того же Г. Ферреро, Вергилий не ограничился передачей легенды «в том виде, какой ей придала традиция; он изменяет ее, распространяет, пользуется ею, чтобы выразить под литературными формами, заимствованными из чисто греческих источников, великую национальную идею своей эпохи — идею, что религия была основой политического и военного величия Рима; идею, что историческая роль Рима была — соединив вместе Восток и Запад, взяв у Востока священные обряды и верования, а у Запада политическую мудрость и воинскую доблесть, в том, что Рим должен быть одновременно столицей империи и священным городом... Эней не должен был быть человеческим героем гомеровских поэм, насильственным или хитрым, смелым или благоразумным, наивным или лживым, которого боги любят и защищают из любви к нему. Он должен быть символическим лицом, своего рода религиозным героем, которому боги, или по крайней мере часть богов, доверили миссию отнести воинственной расе Лация культ, который сделает Рим владыкой мира, и которому боги покровительствуют вследствие своих отдаленных видов на историческую судьбу народов».

В «Энеиде» действительно неоднократно упоминается о благочестии Энея и о том, что перед бегством он забрал из Трои домашних родовых богов — пенатов, чтобы «поселить» их в новом городе. В VIII книге «Энеиды» Вергилий описывает символическую встречу «Востока и Запада»: италийский бог реки Тибр признает право Энея обосноваться в Италии и выражает почтение «чужеземным богам»:

Тут среди тополей, из реки поднявшись прекрасной,

Старый бог этих мест, Тиберин явился герою;

Плащ голубой из тонкого льна одевал ему плечи,

Стебли густых тростников вокруг влажных кудрей обвивались.

Так он Энею сказал, облегчая заботы словами:

«Славный потомок богов! От врагов спасенную Трою

Нам возвращаешь ты вновь и Пергам сохраняешь навеки.

Гостем ты долгожданным пришел на Лаврентские пашни,

Здесь твой дом и пенаты твои — отступить ты не должен!

Грозной войны не страшись: кипящий в сердце бессмертных

Гнев укротится, поверь.

Думаешь ты, что тебя сновиденье морочит пустое?

Знай: меж прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,

Будет она лежать на траве, и детенышей тридцать

Белых будут сосать молоко своей матери белой.

Место для города здесь, здесь от бед покой обретешь ты.

Тридцать кругов годовых пролетят — и Асканий заложит

Стены, и городу даст он имя славное — Альба...»

Победив рутульского царя Турна, Эней стал правителем Лация. Его сын Асканий (Юл) основал город Альба Лонга, на месте которого четыреста тридцать лет спустя возник Рим.

«Замещение» Энея как основателя и родоначальника Асканием — позднейшее явление, связанное с тем, что именно к Асканию (Юлу) возводили свой род представители рода Юлиев, в том числе Юлий Цезарь и Октавиан Август. Поскольку же традиционные даты падения Трои (1184 г. до н. э.) и основания Рима (754 г. до н. э.) слишком далеко отстоят друг от друга, для того чтобы оказаться в границах одной человеческой жизни, пускай даже это жизнь сына Афродиты-Венеры и потомка по отцовской линии самого Зевса-Юпитера, — римская мифологическая история ввела «в обиход» царей Альба Лонги; внучатые племянники одного из этих царей, Амулия, и признавались как «исторические» основатели Рима — Ромул и Рем.

В «Истории» Тита Ливия о предназначении Энея и его роли в судьбе Рима упоминается вскользь; более того, Ливий подчеркивает, что не считает историю Энея заслуживающей доверия: «Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности». Зато история Ромула и Рема признается Ливием вполне достоверной, и он излагает ее весьма подробно.

Н. дель Аббате. Троянский конь. Темпера (ок. 1560 г.).

Как уже говорилось, многие современные мифологи вслед за Ж. Дюмезилем признают отличительной особенностью римской мифологии «подмену» деяний богов деяниями людей, собственно мифологию — «историзированной» мифологией. Миф о Ромуле и Реме представляет собой характерный образец такой подмены. В нем обнаруживаются древнейшие мифологические мотивы — прежде всего мотив близнецных мифов, для которых свойственно противопоставление братьев-близнецов, и мотив основания города героем-эпонимом. В то же время Ромул, согласно сочинениям римских авторов, считался реальным историческим лицом; в Риме показывали «хижину Ромула» и «гробницу Ромула», а также смоковницу на холме Руминал, под которой волчица кормила Ромула и Рема, и священный дуб на Капитолийском холме — этому дубу Ромул совершил первое жертвоприношение как правитель Рима: «Возвратившись с победоносным войском, Ромул, великий не только подвигами, но — не в меньшей мере — умением их показать, взошел на Капитолий, неся доспехи убитого неприятельского вождя, развешенные на остоле, нарочно для того

изготовленном, и положил их у священного для пастухов дуба; делая это приношение, он тут же определил место для храма Юпитера и к имени бога прибавил прозвание: „Юпитер Феретрийский, — сказал он, — я, Ромул, победоносный царь, приношу тебе царское это оружие и посвящаю тебе храм в пределах, которые только что мысленно обозначил; да станет он вместилищем для тучных доспехов, какие будут приносить вслед за мной, первым, потомки, убивая неприятельских царей и вождей“» (Ливий). Дюмезиль называет Ромула италийским «эквивалентом» ведийского Варуны — бога истины и справедливости, «царя-вседержителя», сотворившего мир и удерживающего его в равновесии.

В описании Ливия Ромул предстает не столько историческим лицом, сколько культурным героем. Ромул исчислил свой народ и разделил его на трибы, курии и центурии; он обмерил поля и распределил земли между культом, государством и народом. Из народа он выделил благородных и горожан; из первых он составил сенат, а с первыми должностями в государстве соединил исполнение священных жреческих обрядов. «Было избрано войско всадников, составивших в позднейшие времена своего рода среднее сословие между сенатом и народом, а оба этих основных сословия еще теснее были связаны между собою отношениями патронов и клиентов. У этрусков Рим позаимствовал ликторов с фасциями и секирой — страшными знаками верховной власти, позднее приданными, не без некоторых различий, всем высшим чиновникам, согласно кругу их обязанностей» (И.Г. Гердер). Ромул изгнал из Рима чужих богов, чтобы только собственный бог Рима хранил город; он учредил авгурии и прочие гадания. Он определил отношения между мужем и женой, отцом и детьми, навел порядок в городе, устраивал триумфы. Иными словами, Ромул устранил социальный хаос и наделил Рим первыми законами. Поэтому предлагаемое Дюмезилем сопоставление Ромула с ведийским Варуной представляется вполне оправданным: как Варуна есть воплощение мирового порядка, так Ромул — воплощение порядка для города, объемлющего мир.

Ромул и Рем покидают Альба Лонгу. Иллюстрация к «Сказаниям Древнего Рима» (1881 г.). Слева — Ромул с головой Амулия, справа — Рем с головой жреца, который советовал царю.

Дюмезиль видит «приземленную божественность» и в преемниках Ромула на троне — легендарных царях Древнего Рима. Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Старший, Сервий Туллий, Тарквиний Гордый — все они, по Дюмезилю, суть божественные функции в исторической перспективе: «Ромул и Нума создают политические институты и культы; [62] Тулл Гостилий вовлекает римлян в военную науку; Анк Марций прибавляет к этому наследству торговое обогащение и демографический рост; после него Рим завершен и готов служить орудием великих замыслов этрусских царей».

«Латентная божественность» Ромула получает подтверждение вскоре после таинственного исчезновения основателя города на 38-м году царствования. Возмущенный народ уже требовал у сенаторов ответа за смерть Ромула, но тут Ромул явился некоему Юлию Прокулу и, как передает Плутарх, сказал: «Богам угодно было, Прокул, дабы мы, прожив долгое время среди людей и основав город, с которым никакой другой не сравнится властью и славою, снова вернулись на небеса, в прежнее наше обиталище. Прощай и скажи римлянам, что, совершенствуясь в воздержанности и мужестве, они достигнут вершины человеческого могущества. Мы же будем милостивым к вам божеством — Квирином».

Этот Квирин входил, наряду с Юпитером и Марсом, в древнейшую триаду божеств римского пантеона. Юпитер повелевал небом, грозами и плодородием, Марс ведал воинскими делами, а в ведении Квирина находилась «социальная сфера». Квирин считался богом-покровителем народного собрания; отсюда самоназвание римлян — «римский народ квиристов». В отождествлении Ромула с Квирином — начатки «римского мифа»: жители Вечного города избраны богами и являются людьми исключительной добродетели, поскольку живут по законам, заповеданным божеством.

Как писала Е.М. Штаерман, «когда, каким образом, в какой последовательности, из каких компонентов создавался „римский миф“, установить трудно за отсутствием соответствующих источников». Тем не менее, исследователи, как правило, выделяют в этом мифе три составляющие: первая — мифы о богах и их «медиаторе» Энее; вторая — предания о римских царях, от Ромула до Тарквиния Гордого; и третья — республиканские мифы, повествующие «о тех, кто во имя величия Рима, а не личной славы совершал невиданные подвиги, отдавал свои способности, свою жизнь и жизни детей на службу Риму».

Республиканские мифы многочисленны: среди них история Горация Коклеса, в одиночку удерживавшего мост через Тибр, дабы товарищи успели укрыться за крепостными стенами; история Муция Сцеволы, положившего руку в огонь, чтобы показать, что римлянин не боится боли; история о гусях, своими криками спасших Рим; история Курция, добровольно бросившегося в разверзнувшуюся в земле трещину, которая, приняв жертву, тут же закрылась, и многие, многие другие. Если попытаться свести эти мифы воедино, к некоей общей схеме, мы обнаружим три фундаментальных принципа, на которых зиждется римский миф, три чувства долга: религиозный долг, воинский долг и гражданский долг, причем они тесно взаимоувязаны (можно сказать, здесь вновь проявляется «земное воплощение» функций божественной триады Юпитер — Марс — Квирин). По Титу Ливию, величие Рима в веках обеспечила римская доблесть (*virtus romana*), объединяющая в себе справедливость (*justitia*), верность (*fides*), мужество (*honor*), умеренность (*moderatio*) и благочестие (*pietas*). «Бессмертным, — писал Ливий, противопоставляя римлян этрускам и македонянам, — любезны благочестие и верность, коими достиг своего величия римский народ».

Окончательное оформление «римского мифа» произошло в годы правления первого римского императора Октавиана Августа, когда были написаны и «Энеида», и стихи Проперция и Горация, и «История Рима от основания города», и многие другие «мифологические» произведения. Как писал известный отечественный историк античности С.А. Ковалев, в годы правления Августа «центральной идеей исторических, литературных и пластических произведений была идея величия Рима. В это время и создались легенды о происхождении римлян и возникновении города Рима, ставшие предметом поэтических и историко-публицистических обработок».

Эпоху Августа считали вторым «золотым веком» римской истории (первый был в доисторические времена, при Сатурне — по греческим мифам и при Сатре — по мифам этрусков). Как писал в «Буколиках» Вергилий:

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,

Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,

Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство,

Снова с высоких небес посылается новое племя.

К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену

Роду железному род золотой по земле расселится.

Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка

При консулате твоём тот век благодатный настанет, Поллион! — и пойдут чередою великие годы.[63]

Эта же тема звучит и в «Энеиде»:

Вот Цезарь и Юла потомки:

Им суждено вознестись к средоточью великого неба.

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:

Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова

Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле

Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,

Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,

Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,

Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.

Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,

Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,

Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.

Август — не только верховный понтифик и «сын причисленного к лику богов Цезаря»; он также — Отец отечества (Pater patriae). В нем воплотилась римская доблесть, он достойно завершил провиденциальную миссию Энея и стал средоточием Рима, как сам Рим — средоточием Ойкумены. При нем

...бродит вол покойно среди полей,

Обильные плоды Цереры край питают,

И плаватель летит вдоль стихнувших морей

И честь наветы не пугают.

Разврат не стал домов почтенных осквернять,

Порок преследуем законами и мнением,
А кара рядом с преступленьем.
И сходством чад своих гордиться может мать,
Про скифов и парфян и знать мы не хотим,
Сурового никто германца не боится:
Ведь Цезарь между нас, могуч и невредим, —
Так кто ж иберца устрашится?
Всяк в винограднике проводит день своим,
К сухому дереву побеги лоз склоняя,
И, отойдя к вину, с отрадой за столом
Тебя с богами поминает.[64]

При наследниках Августа на троне Римская империя достигла зенита своего могущества. «Римский миф» из историко-поэтической концепции превратился в политическую доктрину, своего рода «кредо империи». И величия этого кредо не поколебал даже крах империи, вызванный многочисленными внутренними проблемами. Частые смены императоров, восстания, гражданские войны, экономические кризисы, принятие христианства в качестве официальной религии, распад империи на Западную и Восточную — «римский миф» благополучно пережил все эти потрясения. Как писал римский историк Аппиан: «Держава римлян величиной и счастьем выделилась из всех благодаря благоразумию и умению считывать обстоятельства времени, в приобретении этого могущества они превзошли всех своей доблестью, выдержкой и упорством, не увлекаясь при счастливых обстоятельствах, пока твердо не укрепляли своей власти, и не падая духом при несчастьях: в иной день у них гибли двадцать тысяч человек, в другой — сорок, а в иной и пятьдесят. И часто им грозила опасность потерять самый Город, и ни голод, ни постоянные болезни, ни внутренние волнения, а иногда и все это вместе взятое не отклонило их от жажды почестей, пока в течение семисот лет, перенося беды и подвергаясь опасности, они мало-помалу не подняли свою власть до теперешнего могущества и приобрели счастье благодаря благоразумию».

Духовными наследниками Рима и выразителями «римского мифа» считали себя многие европейские государства — и Византия («Константинополь — второй Рим»), и империя Карла Великого, и Священная Римская империя германского народа. Все они обращались к античным образцам как к идеалам, которым надлежит следовать в современности. Не обошло римское влияние и Россию. Известно, что Петр Первый принял в 1721 г. титулатуру, которая прямо возводилась к «золотому веку» Августа: с этого времени российского самодержца стали именовать «императором», «великим» и «отцом отечества». На русской почве прижилась и историческая идея «многих Римов», выстраивавшая прямую последовательность: Рим — Константинополь (Царьград) — Москва. «Идея „Москва — третий Рим“ по самой своей природе была двойственной. С одной стороны, она

подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от „нечистых земель“. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т. е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность — в Византии видели мировую империю, наследницу римской государственной мощи» (Б.А. Успенский). Особенно же отчетливо «римский миф» выразился в основании Санкт-Петербурга. Петербург — город, осененный тенью императорского Рима; в городском гербе содержались трансформированные элементы герба римского (перекрещенные якоря вместо перекрещенных ключей и т. д.). «Подлинность Петербурга как нового Рима состоит в том, что святость в нем не главенствует, а подчинена государственности. Государственная служба превращается в служение Отечеству и одновременно ведущее к спасению души поклонение Богу... С этой точки зрения и папский Рим (в отличие от Рима императорского), и Москва представляются синонимическими символами ложной, „ханжеской“ святости. С позиции обожествленной государственности старорусское православие казалось подозрительно смыкающимся с „папешным духом“. Создавалась парадигма идей, в которой Рим „папешный“ и Москва допетровская объединялись в противопоставлении Петербургу — истинному граду Святого Петра» (ibid.).

«Правители приходят и уходят, а Рим остается». Эта мысль, сформулированная одним из римлян, которому выпало жить в эпоху непрерывно сменявших друг друга «солдатских императоров», как нельзя лучше выражает суть «римского мифа». Образ Вечного города, движущегося сквозь толщу веков, стал кульминацией античной мифологии. Город, вместивший в себя весь мир и сам этот ставший миром город, в котором одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее; город вне времени и пространства. Пожалуй, с мифологией Рима как Вечного города может соперничать разве что более поздняя мифология Иерусалима — как города земного и небесного. Рим — символ империи как социокультурного феномена, эмблема имперского размаха, безграничных устремлений и грандиозных свершений. Иерусалим же (в «ипостаси» небесного города) есть святой город, место общения людей с Божеством, проекция церкви — «невесты Христовой». Кстати сказать, в парадигме городов-символов Иерусалим как символ неба и рая противопоставляется не Риму, а Вавилону — олицетворению порока и мирской тщеты.

Рим — вечен, и вечен «римский миф», ибо, по Редьярду Кипплингу:

Времени очи безгневны,

Поступь тверда:

Словно цветы, однодневны

Силы и Города.

Гибнут престолы, но снова,

Травам под стать,

Город из праха земного

Жаждет восстать![65]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глоссарий

А

Царь племени эпеев в Элиде, сын Гелиоса, владел подаренными ему отцом бесчисленными стадами. Геракл обещал Авгию за сутки очистить заросший навозом скотный двор; за это Авгий соглашался отдать Гераклу десятую часть своего скота. Геракл направил воды протекавших поблизости рек так, что они смыли все нечистоты. Очищение Авгиевых конюшен — один из двенадцати подвигов Геракла. По Павсанию, Авгий после смерти почитался как герой.

В Риме система гаданий, при помощи которых жрецы-авгуры улавливали поданные божествами знаки и толковали их. В систему авгурий включались: толкование атмосферных явлений, предсказания по полету птиц, по поведению священных кур, по голосам и звукам и пр. Коллегия авгуров существовала вплоть до эпохи империи, в которую постепенно утратила свое значение. По Цицерону, в его время авгуры смотрели друг на друга с улыбкой, поскольку сами уже не верили в свои гадания.

Озеро вулканического происхождения неподалеку от г. Кумы в Кампании. Согласно мифу, близ Аверна находился один из входов в подземный мир. Именно через этот вход в Аид проникли Одиссей и Эней.

Римская богиня утренней зари.

Посвященный божеству предмет или жертвенный дар. С V в. до н. э. на агальмах изображали самих богов.

Сын микенского царя Атрея, предводитель греческого войска во время Троянской войны. После гибели Атрея стал царем в Микенах и женился на дочери спартанского царя Тиндарея Клитемнестре. Когда Парис похитил Елену и все ее бывшие женихи объединились в походе против Трои, Агамемнон, как старший брат Менелая и наиболее могущественный из греческих царей, был избран главой войска. После взятия Трои Агамемнон, с огромной добычей и дочерью троянского царя Кассандрой в качестве пленницы, возвратился на родину, где его ждала гибель в собственном доме; он погиб от руки собственной жены и ее возлюбленного Эгисфа.

У Агамемнона и Клитемнестры были три дочери и сын Орест.

Праздник Афродиты у амазонок. Каждую весну амазонки проводили два месяца с мужчинами соседних племен на лесистой горе близ Фемискиры (главного города амазонок). Новорожденных девочек амазонки оставляли себе, а младенцев мужского пола либо убивали, либо подбрасывали в соседние поселения.

У греков нимфы гор.

Божество финикийско-сирийского происхождения, бог плодородия, умирающий и

воскресающий бог. Согласно мифу, Афродита (Венера), рассердившись на не почитавшую ее царскую дочь (будущую мать Адониса), внушила той страсть к родному отцу, который поддался соблазну, не подозревая, что вступает в связь с собственной дочерью. Боги превратили женщину в мирровое дерево, из треснувшего ствола которого рождается ребенок удивительной красоты — Адонис. Афродита передала младенца на воспитание Персефоне, которая, когда Адонис повзрослел, не пожелала с ним расстаться. Спор богинь разрешил Зевс, назначив Адонису часть года проводить в царстве мертвых у Персефоны, а часть — на земле с Афродитой. Разгневанная оказанным Афродите предпочтением, Артемида наслала на юношу дикого кабана, который смертельно его ранил. По Овидию, Афродита превратила Адониса в цветок, окропив нектаром пролитую кровь.

По Лукиану, в финикийском Библие было святилище Афродиты, где происходили празднества в честь Адониса, причем первый день был посвящен плачу, а второй — радости по воскресшему. В Греции Адонии — праздник в честь Адониса — приобрели особую популярность в эпоху эллинизма, когда распространились восточные культы Осириса, Таммуза и др.

Греческий бог — владыка царства мертвых, а также само царство.

Аид — олимпийское божество, сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Посейдона. Он царствует вместе с супругой Персефоной (дочерью Зевса и Деметры), которую похитил, когда она собирала на лугу цветы. Аиду не приносят жертв, у него нет потомства. Согласно Павсанию, Аида почитали лишь в Элиде, где раз в год открывался храм бога, куда разрешалось входить только священнослужителям.

Аид как пространство в недрах земли представляет собой огромную подземную полость. По этому пространству протекают несколько рек (Кокит, Лета, Стикс, Ахеронт, Пирифлегетон); оно делится на обитель блаженных («рай»), своего рода «чистилище» — асфоделиевые луга — и «ад» — Эреб и Тартар. Суд над мертвыми вершат Минос, Эак и Радамант.

У римлян голос неизвестного божества, раздавшийся ночью в Риме и предупредивший римлян о нашествии галлов (в 390 или 387 до н. э.). В искупление пренебрежения к его предупреждению диктатор Камилл после победы над галлами воздвиг этому божеству храм.

В римской традиции жена пастуха Фаустула, кормилица Ромула и Рема, мать двенадцати сыновей, из которых Ромул после смерти одного из братьев составил жреческую коллегию Арвальских братьев.

Жена тиринфского царя Амфитриона, отличавшаяся исключительной красотой. В отсутствие мужа к Алкмене явился Зевс, принявший облик ее супруга. Их брачная ночь растянулась на трое суток, на протяжении которых солнце не поднималось над землей. Вскоре у Алкмены родились два сына — Ификл от мужа и Геракл от Зевса.

После смерти, очутившись на островах блаженных, Алкмена вступила в брак с Радамантом.

В греческой традиции двое братьев, От и Эфиальт, наделенные необыкновенной силой. В возрасте девяти лет они задумали взобраться на небо и взгромоздили ради этого на Олимп горы Оссе и Пелион. За подобную дерзость их покарал бог Аполлон. Отсюда поговорка

«взгромоздить Оссу на Пелион», т. е. совершить нечто неразумное. Алоады считались также творцами добра и носителями культуры (культурными героями).

У Аполлодора миф об Алоадах изложен так: «Канака родила от Посейдона Гоплея, Нирея, Эпопея, Алоея и Триопа. Алоей женился на Ифимедее, дочери Триопа, которая влюбилась в Посейдона и постоянно совершала прогулки к морю, зачерпывала руками морские воды и лила себе на грудь. Сошедшийся с ней Посейдон произвел на свет двух сыновей, Ота и Эфиальта, называемых Алоадами. Эти Алоады каждый год вырастали в ширину на локоть, а в высоту — на сажень. В возрасте девяти лет, имея в ширину девять локтей и рост в девять саженей, Алоады отважились сразиться с божеством и взгромоздили гору Оссу на Олимп, а на Оссу еще нагромоздили гору Пелион: они стали угрожать, что с высоты этих гор взберутся на небо, что превратят море в материк, засыпав его горами, а землю в море. Эфиальт стал свататься к Гере, а От — к Артемиде. Они связали и Ареса, но его выкрал Гермес. Артемида уничтожила Алоадов на острове Наксосе, прибегнув к обману. Приняв образ оленя, она прыгнула и встала между ними; Алоады же, пытаясь поразить животное дротиками, пронзили друг друга».

У греков нимфы роц.

В греческой традиции девы-воительницы, предположительно обитавшие в Малой Азии или, как утверждает в «Прометее прикованном» Эсхил, в Ливии. Страбон в своей «Географии» сообщает об амазонках следующее: «... время амазонки употребляют только для себя, выполняя отдельные работы, как пахота, садоводство, уход за скотом и в особенности за лошадьми; наиболее сильные из амазонок занимаются главным образом охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у всех них выжигают правую грудь, чтобы свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии и прежде всего при метании копья... Весной у них есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргарейцев. По некоему стародавнему обычаю и гаргарейцы также восходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с женщинами жертвоприношение, сойтись с ними для деторождения; сходятся они тайком и в темноте, кто с кем попало; сделав женщин беременными, гаргарейцы отпускают их домой. Всех новорожденных женского пола амазонки оставляют у себя, младенцев же мужского пола приносят на воспитание гаргарейцам».

С амазонками сражались многие герои: с ними бился Беллерофонт, Геракл добыл пояс их царицы, Ахилл убил амазонку Пенфесилею, сражавшуюся на стороне троянцев. Амазонки основали город Эфес и построили там храм Артемиды — одно из семи чудес света.

Аполлодор сообщает, что с амазонками воевал герой Тесей, победитель Минотавра. Амазонки осадили Афины, чтобы покарать Тесея, похитившего одну из них. «Долгое время обе стороны медлили, не решаясь начать, но в конце концов Тесей, следуя какому-то прорицанию, принес жертву Ужасу и ударил на противника... Левое крыло амазонок растянулось до нынешнего Амазония, правым же они надвигались на Пникс вдоль Хрисы. С правым крылом афиняне и завязали бой. В этой схватке афиняне отступили перед женщинами и были уже у храма Эвменид, когда другой их отряд, подоспевший от Палладия, отбросил амазонок до самого лагеря, нанеся им большие потери». Война завершилась мирным соглашением.

В римской традиции жена царя Латина, мать Лавинии. По желанию Аматы Лавиния была помолвлена со своим двоюродным братом Турном. Когда Латин, повинуясь оракулу, решил выдать дочь за Энея, Амата подтолкнула Турна начать войну против Энея. После поражения и гибели Турна Амата покончила с собой.

Празднество в честь Марса (со времени Октавиана Августа — в честь Цереры), посвященное ритуальному очищению полей.

Пища и благовонное умащение олимпийских богов. Амброзия поддерживает вечную юность и дает бессмертие. Таким же действием обладает нектар — божественный напиток. По свидетельству Аполлодора, нектар богам подает на пирах юноша Ганимед, некогда похищенный Зевсом с земли за свою красоту.

Египетское божество, в фиванском культе — бог-создатель и божество плодородия. В Греции Амона отождествляли с Зевсом. Историческое предание гласит, что к оракулу Зевса-Амона в оазисе Сива в Ливийской пустыне совершил поход Александр Македонский. После этого путешествия Александр официально объявил себя сыном Амона.

В римской традиции царь Альбы, лишивший престола и изгнавший своего старшего брата Нумитора, посвятивший его дочь Рею Сильвию в весталки. Впоследствии сыновья Реи Сильвии Ромул и Рем изгнали Амулия и вернули царство Нумитору.

В римской мифологии божество любви.

Греческий предсказатель, участник похода Семерых против Фив. После неудавшегося похода, во время бегства, Амфиарай ушел в землю вместе со своей колесницей. В Элладе его почитали как божество. На месте исчезновения Амфиарая, близ г. Ороп, было воздвигнуто святилище с оракулом.

В греческой мифологии чудовище, гигантская змея. Марк Анней Лукан характеризует эту змею так: «Страшная, с поднятой вверх двойной головой, амфисбена». У нее две головы — с обоих концов туловища. Глаза амфисбены пышут пламенем. Она так горяча, что растапливает снег.

Рассказывают, что амфисбены питались трупами солдат, когда армия Катона шла через Ливию. Пророчицы и женщины из высших слоев общества носили на запястьях браслеты в форме амфисбены, чтобы подчеркнуть свое положение.

В греческой традиции демоны-хранители, которых нередко отождествляли с кабирами, куретами и Диоскурами — сыновьями Зевса, участниками похода за Золотым руном. Так, Павсаний говорит: «Жители Амфиссы совершают и тайное служение в честь... Владык (Анактов), как они их называют. Детями каких богов являются эти Владыки, об этом говорят различно: одни говорят, что это Диоскуры, другие — что это Куреты, те же, кто считает себя в этом деле более знающими, называют их Кабирами». По одному из толкований, анакты — потомки гиганта Анакта, сына Урана и Геи.

У греков божество необходимости, мать мойр. По Платону, между колен Ананке вращается веретено, ось которого есть мировая ось, мойры же время от времени помогают вращению.

Один из легендарных царей Древнего Рима, внук Нумы Помпилия. По преданию, заложил морской порт Остия, построил дорогу к соляным копиям («соляная дорога») и мост через Тибр, поселил на холме Авентин покоренных латинов.

В римской традиции щит, упавший с неба в царствование Нумы Помпилия, залог нерушимости и процветания Рима. Чтобы обезопасить щит от похищения, Нума распорядился изготовить одиннадцать его копий. Раз в год жрецы-салии проносили по городу в торжественной процессии все двенадцать щитов.

У римлян богиня наступающего нового года. По Овидию, Анной Перенной звали старуху, кормившую пирогами удалявшихся на священную гору плебеев; последние в благодарность установили ее культ.

В греческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, великан. Антей был непобедим до тех пор, пока соприкасался с матерью-землей. Геракл на пути к саду Гесперид встретил Антея и одолел его, оторвав от земли и задушив в воздухе.

Отец Энея, возлюбленный Афродиты, которая открыла ему, что родит от него славного героя Энея, но запретила разглашать тайну их брака. Однако во время пирушки с друзьями Анхис нарушил запрет и был поражен молнией Зевса, в результате чего лишился сил или ослеп. В ночь падения Трои Эней вынес Анхиса на своих плечах из горящего города. Анхис скончался в пути, — в южной Италии или Сицилии (впрочем, Павсаний сообщает, что это произошло в Аркадии, у горы Анхисия). Эней устроил в честь отца погребальные игры.

В этрусской мифологии божество, соответствующее Аполлону. Имя его встречается на этрусских памятниках V–IV вв. до н. э.

Сын Зевса и Лето, брат Артемиды, олимпийский бог, включивший, по словам А.Ф. Лосева, в свой классический образ архаические и хтонические черты догреческого и малоазийского развития.

Аполлон и его сестра Артемида родились на острове Делос. Еще совсем юным Аполлон убил змея Пифона, опустошавшего окрестности Дельф, и основал в Дельфах свое прорицалище, а также учредил в свою честь Пифийские игры. В Троянской войне Аполлон помогал троянцам, и его стрелы девять дней несли в лагерь ахейцев чуму. О помощи Аполлона грекам в войне с персами рассказывает Геродот, причем его военная мощь иногда отождествляется с явлениями природы: Аполлон-солнце посылает на врагов стрелы-лучи. В музыкальном состязании Аполлон победил сатира Марсия и содрал с него кожу.

Аполлон также целитель, защитник от зла и болезней. Позднейшая традиция отождествляла Аполлона с солнцем, отсюда его эпитет — Феб.

Аполлону-прорицателю приписывается основание святилищ в Малой Азии и Италии — в Кларосе, Дидимах, Колофоне. Как прорицатель, он зовется Мойрагетом, то есть «водителем судеб». Он наделил пророческим даром Кассандру, но был отвергнут троянской царевной и сделал так, что ее пророчества не пользовались доверием у людей..

У схолиаста к тексту Гомера приводится миф о том, что Гера, Посейдон и Аполлон (по

«Илиаде» вместо Аполлона в заговоре участвовала Афина) устроили заговор против Зевса. После раскрытия заговора Аполлон и Посейдон в образе смертных служили у троянского царя Лаомедонта и возвели стены Трои. Когда Аполлон перебил киклопов, то в наказание был послан служить пастухом к царю Адмету в Фессалию, где приумножил его стада и вместе с Гераклом спас от смерти жену царя Алкесту.

Аполлон — музыкант, кифару он получил от Гермеса в обмен на коров, покровитель певцов и музыкантов, Мусагет — водитель муз.

«На стадии олимпийской или героической мифологии в этом мрачном божестве, с его властью над жизнью и смертью, выделяется определенное устойчивое начало, из которого вырастает сильная гармоническая личность великого бога эпохи патриархата. Он помогает людям, научает их мудрости и искусствам, строит им города, охраняет от врагов, вместе с Афиной выступает защитником отцовского права» (А.Ф. Лосев).

Культ Аполлона был распространен в Греции повсеместно, храмы в его честь существовали на Делосе, в Дидимах, Кларосе, Абах, на Пелопоннесе и в других местах, но главным центром почитания Аполлона был Дельфийский храм с оракулом. Из греческих колоний в Италии культ Аполлона проник в Рим, где этот бог занял одно из первых мест в религии и мифологии; император Август объявил Аполлона своим патроном и учредил в честь него вековые игры.

Торжественная церемония причисления царей и героев к лику богов.

Жреческая коллегия в Риме, основанная, по преданию, Ромулом. Арвальские братья возносили молитвы божествам плодородия.

Участники плавания на корабле «Арго» за Золотым руном в Колхиду. Наиболее подробно о путешествии аргонавтов рассказывается в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика». Племянник царя Иолка Пелия Ясон собрал для участия в походе славнейших героев со всей Эллады. Во время путешествия аргонавты приняли посвящение в мистерии кабиров на острове Самофракия, избавили от гарпий слепого прорицателя Финея, преодолели плавучие скалы Симплегады и совершили другие подвиги. По прибытии в Колхиду Ясон прошел испытание местного царя Ээта: вспахал поле на медноногих огнедышащих быках Ареса и засеял его зубами фиванского дракона, из которых выросли вооруженные воины. Ясон бросил в воинов огромный камень, а сам спрятался. Воины начали сражаться друг с другом, и Ясон перебил их. Полюбившая Ясона царевна Медея бежала на «Арго», взяв с Ясона обещание жениться. На рассвете Ясон с Медеей отправились в рощу Ареса, где страшный змей стерег Золотое руно. Медея усыпила змея сладким песнопением и волшебным снадобьем, и Ясон смог снять с дуба золотое руно. Аргонавты покинули Колхиду, но Ээт направил за ними погоню. Медея и Ясон убили руководившего погоней брата Медеи Апсирта; за это убийство они должны были очиститься от скверны у дочери Гелиоса волшебницы Кирки.

Во время возвращения аргонавты благополучно миновали остров сирен (Орфей заглушил их пение своей песней) и морских чудовищ Скиллу и Харибду. Когда аргонавты подплыли к берегам Крита, медный великан Талос стал швырять в них кусками скалы, не давая пристать

к берегу. Зачарованный Медеей, он повредил пятку — уязвимое место; после этого из него вытекла вся кровь и он упал бездыханный. По возвращении в Иолк Ясон отдал Золотое руно Пелию и, посвятив «Арго» Посейдону, отомстил Пелию, убившему его отца и брата.

Греческий бог войны, коварной и вероломной, в отличие от Афины — богини войны честной и справедливой. Мифы об Аресе свидетельствуют о его негреческом, фракийском происхождении. Спутницами Ареса были богиня раздора Эрида и кровожадная Энио. Гера породила Ареса без участия Зевса (и в пику последнему) от прикосновения к волшебному цветку. В олимпийской мифологии Арес считался сыном Зевса и обитал на Олимпе. У Гомера Зевс называет Ареса самым ненавистным из богов; не будь Арес его сыном, он отправил бы его в тартар, даже глубже всех потомков Урана. О любви Ареса к Афродите и нарушении Афродитой супружеской верности часто упоминается в античной литературе и даже называются дети от этой связи: Эрос и Антерос, Деймос («ужас»), Фобос («страх») и Гармония.

В Риме Арес отождествлялся с италийским богом Марсом; в искусстве и литературе позднего времени он известен преимущественно под именем Марс.

Дочь критского царя Миноса, внучка бога солнца Гелиоса. Когда Тесея заключили в лабиринт на Крите, где обитал чудовищный Минотавр, влюбившаяся в героя Ариадна спасла его: она дала Тесею клубок нити («нить Ариадны»), разматывая который, он нашел выход из лабиринта. После этого Ариадна бежала с Тесеем, обещавшим на ней жениться. Бог Дионис, влюбленный в Ариадну, похитил ее и на острове Лемнос вступил с ней в брак. Когда боги справляли свадьбу, то Ариадну увенчали венцом, подаренным горами и Афродитой. Этот венец был вознесен Дионисом на небо в виде созвездия.

Греческая богиня охоты, дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона. Она вооружена луком, ее сопровождает свора собак. У Артемиды решительный характер, она строго следит за исполнением издавна установленных обычаев, упорядочивающих животный и растительный мир. Так, она потребовала себе в жертву Ифигению, дочь Агамемнона за то, что он убил священную лань и похвалялся, что даже сама богиня не сумела бы так метко ее убить. Впрочем, скрыто от людей Артемиду унесла Ифигению с жертвенника (заменив ее ланью) в Тавриду, где та стала жрицей богини. Артемиде Таврической приносили человеческие жертвы, о чем свидетельствует история Ореста, чуть не погибшего от руки своей сестры Ифигении, жрицы Артемиды.

Древнейшая Артемиды — не только охотница, но и медведица. В Аттике (в Бравроне) жрицы Артемиды Бравронии надевали в ритуальном танце медвежьи шкуры и назывались медведицами. В Малой Азии, в знаменитом Эфесском храме, почиталось изображение Артемиды многогрудой.

Классическая Артемиды — девственница и защитница целомудрия. Она покровительствует Ипполиту, презирающему любовь. Перед свадьбой Артемиде, согласно обычаю, приносилась искупительная жертва. Царю Адмету, забывшему об этом обычае, она наполнила брачные покои змеями. Юный охотник Актеон, нечаянно подсмотревший омовение богини, был превращен в оленя и растерзан псами.

Древнее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, отсюда ее близость к колдовским чарам богини луны Селены и богини Гекаты, с которой она иногда сближается. Поздняя героическая мифология знает Артемиду-луну, тайно влюбленную в красавца Эндимиона. В героической мифологии Артемиды — участница гигантомахии. В Троянской войне она вместе с Аполлоном воюет на стороне троянцев. Благодаря ее хитрости погибли братья-великаны Алоады, пытавшиеся нарушить мировой порядок. Похвалявшаяся перед богами своим многочисленным потомством Ниоба потеряла 12 детей, также убитых Аполлоном и Артемидой.

В римской мифологии Артемиды под именем Дианы считалась олицетворением Луны.

Сын Энея, бежал вместе с отцом из-под Трои и основал в Италии город Альба Лонга. Аскания считал своим родоначальником род Юлиев.

Греческий бог врачевания, сын Аполлона и нимфы Корониды, которую Аполлон убил за измену. Когда тело Корониды сжигали на погребальном костре, Аполлон вынул из ее чрева младенца Асклепия и принес его на воспитание мудрому кентавру Хирону. Повзрослев, Асклепий стал воскрешать мертвых; за это разгневанный Зевс поразил его перуном. Сыновьями Асклепия были Подалирий и Махаон, среди дочерей — Гигиея и Панакея.

Культ Асклепия был особенно популярен в Эпидавре, куда стекались за исцелением со всех концов Греции. Непременным атрибутом Асклепия была змея, получавшая в храме этого бога жертвенные приношения. На острове Кос находилось известное святилище Асклепия, врачи острова Кос считались потомками Асклепия и назывались Асклепиадами.

В римской мифологии Асклепий именуется Эскулапом; его культ был введен в Риме в начале III в. до н. э.; на одном из островов Тибра, где была выпущена привезенная из Эпидавра змея, был основан храм бога.

В греческой мифологии чудесная змея. Марк Анней Лукан, перечисляя страшных змей, водящихся в Ливии, упоминает среди них и аспида:

Первым, кто поднял главу из того ядовитого праха,

Был насылающий сон своей шеей раздутою аспид,

Много попало в него и крови, и яда густого,

И ни в единой змее плотнее, чем в нем, не сгустилось.

В зное нуждается он, в прохладный край переходит

Он против воли своей, лишь до нильских песков доползая.[66]

Чаще всего аспид прячется в норе, откуда его можно выманить заклинаниями. Правда, чуждое, он одним ухом прижимается к земле, а второе закрывает хвостом, чтобы не слышать, как его выманивают.

В западносемитской мифологии богиня любви и плодородия и богиня-воительница. В Древнем Египте Астарта, наряду с некоторыми другими переднеазиатскими божествами,

вошла в пантеон и иногда отождествлялась с Сехмет. Она воспринималась как владычица коней и колесниц, богиня сражений и, вероятно, связывалась с морем и водной стихией; считалась и богиней-целительницей. В эллинистический период Астарта отождествлялась с греческой Афродитой и римской Юноной.

Цветок семейства лилейных, растение, посвященное мертвым (асфodelями обсаживали могилы). Согласно представлениям греков, луг в преддверии Аида порос асфodelями.

Греческая богиня помрачения ума, дочь Зевса. При рождении Геракла Ата помрачила ум Зевса. Разгневанный Зевс сбросил Ату с неба, и с тех пор она причиняет бедствия людям.

В западносемитской мифологии богиня плодородия и благополучия, одна из наиболее почитаемых в эллинистическо-римское время богинь арамейского пантеона.

Отождествлялась с Афродитой. В Пальмире Атаргатис считалась богиней — покровительницей города. Атаргатис посвящен трактат Лукиана «О Сирийской богине», откуда происходит ее греко-римское именование «Сирийская богиня».

В греческой традиции титан, сын Иапета и брат Прометея. После поражения титанов в титаномахии Атлант в наказание поддерживал на крайнем западе вблизи сада Гесперид небесный свод. По мифу, Геракл добыл золотые яблоки Гесперид с помощью Атланта, переложившего на Геракла свою ношу. По другому мифу, Персей превратил Атланта в скалу, показав ему голову Горгоны; отсюда представление об Атланте — горе в Африке.

Дочери Атланта — Геспериды и Плеяды.

Мир до Всемирного потопа, счастливый остров, на котором люди жили в согласии с божествами, где протекал Золотой век человечества, о котором, в частности, говорил Гесиод:

Создали прежде всего поколение людей золотое

Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой,

Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость

К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны

Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.

А умирали как будто объятые сном. Недостаток

Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный

Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,

Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства...

Атлантиде как «обители блага», описанной впервые у Платона, соответствует Эдемский сад Библии.

У Платона также сказано, что жители Атлантиды однажды согрешили против богов и были за это наказаны. Тем самым Атлантида как символ приобретает значение катастрофы, связанной с изменой человека божеству, значение мира, уничтоженного потопом за человеческие грехи.

К Атлантиде как прародине человечества возводили свое происхождение древние египтяне, финикийцы, греки, римляне и даже индийцы. В литературе Атлантида чаще всего описывалась и описывается как затерянный в океане континент, над которым было невластно время.

В греческой мифологии, а также в теософской традиции чудесный народ, жители страны, называвшейся Атлантида. Платон в диалоге «Критий» говорит, что когда боги делили всю землю на владения, эта островная страна досталась по жребию Посейдону, который населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины: «Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их и поделил весь остров Атлантиду на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными... Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю — то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлант... От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем и передавал царский сан старейшему из своих сыновей... и они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии... В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, атланты повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом...»

Но со временем атланты стали вырождаться: «...когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворясь в смертной примеси, и возобладали человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище...» И тогда боги покарали атлантов — в одночасье их остров был поглощен морской пучиной.

Земля на крайнем западе, где наказанный Зевсом мятежный титан Атлант держит на своих плечах небосвод. Эта местность традиционно отождествляется с Гибралтаром.

Бог фригийского происхождения, связанный с культом Великой матери богов Кибелы. Подробный рассказ об Аттисе содержится у Павсания: Аттис — сын некоего фригийца, неспособный с юности к деторождению. В честь матери богов он учредил в Лидии священные празднества, но был убит кабаном, посланным Зевсом. По другому преданию, Аттис — сын двуполого божества Агдитис. Сама Агдитис влюбилась в своего сына, мешая бракосочетанию Аттиса с царской дочерью. Аттис впал в безумие и оскопил себя. По просьбе Агдитис из крови Аттиса выросли весенние цветы и деревья.

Культе Аттиса было широко распространено в эллинистическом мире, а в 204 до н. э. проник в Рим вместе с культом Великой Матери. По Овидию, Аттис — любимец Кибелы, страж ее храма, который нарушил обет безбрачия, увлекшись нимфой. Кибела наслала на Аттиса безумие, и тот оскопил себя.

В римской традиции предсказания будущего по наблюдениям за поведением птиц. Ауспициями занимались жрецы-авгуры.

Греческая богиня мудрости и справедливой войны, дочь Зевса и Метиды. По Гесиоду и Аполлодору, Зевс, зная от Геи и Урана о том, что сын от Метиды лишит его власти, проглотил свою беременную супругу, а затем при помощи Гефеста, расколовшего ему голову топором, сам произвел на свет Афину, которая появилась из его головы в полном боевом вооружении и с воинственным кличем. Постепенно материнство Метиды приняло символический характер, так что Афина стала считаться порождением одного Зевса.

Афина — покровительница змей; в храме богини в Афинах, по сообщению Геродота, обитала огромная змея — страж акрополя и олицетворение мудрости. Среди неизменных атрибутов Афины эгида — щит из козьей шкуры с головой змеевласой Медузы, который обладает огромной магической силой, устрашает богов и людей. Священным деревом Афины была маслина.

Афина участвовала в титаномахии и гигантомахии. Она лишила зрения юного Тиресия, когда тот случайно увидел ее омовение, но взамен наделила юношу пророческим даром. Классическая Афина покровительствовала героям, защищала общественный порядок и т. п. Любимцем Афины был Одиссей. Она — главная защитница греков-ахейцев и постоянный враг троянцев.

Огромная статуя богини с копьем украшала акрополь в Афинах, где Афине были посвящены храмы Эрехтейон и Парфенон.

Кроме того, Афина — покровительница ремесел. Она помогает гончарам, ткачихам, рукодельницам, строителю корабля аргонавтов.

Культ Афины был распространен по всей материковой и островной Греции, но особенно богиня почиталась в Аттике (название города Афины греки связывали с именем богини — покровительницы города). Всеобщий характер носил праздник великих Панафиней, основателем которых считался Эрехтоний, а преобразователем — Тесей. На Панафинях приносились жертвы Афине и происходила передача пеплоса богини, на котором изображались ее подвиги в гигантомахии.

В Риме Афина отождествлялась с Минервой.

Греческая богиня любви и красоты, дочь Зевса и Дионы (или родилась из крови оскопленного Кроносом Урана, которая попала в море и образовала пену). Афродита представлялась как богиня плодородия, вечной весны и жизни, прославлялась как дарующая земле изобилие, спутница и добрая помощница в плавании, богиня браков и даже родов, а также «детопитательница». Любовной власти Афродиты подчинены боги и люди. Ей неподвластны только Афина, Артемида и Гестия.

Афродита также считалась богиней гетер. Среди олимпийских богов Афродита — игривое божество любви, супруга бога-кузнеца Гефеста. Любви Афродиты домогались Посейдон и Арес. Сыном Афродиты от Гермеса считался Гермафродит.

Как и другие олимпийские боги, А. покровительствовала героям, но это покровительство распространялось только на сферу любви. Она обещала Парису любовь Елены, пыталась вынести из битвы троянского героя Энея — своего сына от возлюбленного Анхиса и т. д.

В «Одиссее» рассказывается любовная история Афродиты и Ареса: во время свидания их хитроумно приковал невидимыми глазами к ложу Гефест, и в таком виде они предстали перед смеющимися богами, которые сами не прочь были бы занять место Ареса. Освобожденные Гефестом по просьбе Посейдона любовники немедленно расстались. Арес умчался во Фракию, а Афродита на Крит в Пафос, где ее искупали и натерли нетленным маслом хариты.

Атрибут Афродиты — пояс, который она передала Гере, чтобы соблазнить Зевса. В этом поясе заключены любовь, желание, слова обольщения, «в нем заключается все».

Платон в «Пире» противопоставил Афродиту Уранию («небесную») Афродите Пандемос («всенародной»).

Геродот сообщает о почитании Афродиты Урании в Сирии, в Персии, у арабов и даже скифов. Павсаний упоминает храм Афродиты Урании в Афинах. Храм Урании на острове Кифера считался у эллинов самым древним и самым священным; статуя самой богини была деревянной и изображала богиню вооруженной.

Многочисленные святилища Афродиты имелись в других областях Греции, на островах Крит (в Пафосе, где находился храм, имевший общегреческое значение, и отсюда прозвище «Пафосская богиня»), Кифера, Кипр, Сицилия. Особенно почиталась Афродита в Малой Азии (в Эфесе, Абидосе) и в Сирии (в Библе).

В Риме Афродита почиталась под именем Венеры и считалась прародительницей римлян через своего сына — троянца Энея, отца Юла — легендарного предка рода Юлиев, к которому принадлежал Юлий Цезарь.

В греческой традиции один из величайших героев Троянской войны, сын царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды. Стремясь сделать своего сына неуязвимым и таким образом дать ему бессмертие, Фетида купала Ахилла в водах подземной реки Стикс, и только пятка, за которую она его держала, осталась уязвимой (отсюда выражение «ахиллесова пятка»). Позднее Ахилла воспитывал мудрый кентавр Хирон. Как самый юный из поколения героев — будущих участников Троянской войны — Ахилл не входил в число женихов Елены и не должен был принимать участие в походе. Фетида, зная, что ее сыну предопределено судьбой погибнуть под Троей, стремилась спасти его и с этой целью спрятала Ахилла во дворце царя Ликомеда на острове Скирос, где он жил одетый в женские одежды среди дочерей Ликомеда. Когда ахейские вожди узнали предсказание жреца Калханта, что без участия Ахилла поход под Трою обречен на неудачу, они отправили на Скирос посольство во главе с Одиссеем. Под видом купцов Одиссей и его спутники разложили перед собравшимися женские украшения попеременно с оружием. Вдобавок Одиссей велел своим воинам сыграть сигнал тревоги. Испуганные девушки разбежались, тогда как Ахилл схватился за оказавшееся под руками оружие и бросился навстречу врагу. Так он стал участником похода на Трою.

Особенно прославился Ахилл уже в первые годы войны, когда греки, после неудачных попыток взять Трои штурмом, стали разорять окрестности города и совершать многочисленные экспедиции против соседних городов Малой Азии и близлежащих островов.

По Гомеру, судьба Елены и Менелая интересует Ахилла крайне мало, он принял участие в Троянской войне, предпочитая героическую долю долгой, но бесславной жизни. «Илиада» рассказывает о гневе Ахилла на Агамемнона и об отказе Ахилла помогать ахейцам. Лишь когда троянское войско подступает к ахейским кораблям и троянский герой Гектор поджигает один из них, Ахилл разрешает своему другу Патроклу, облачившись в его доспехи, вступить в бой, чтобы отогнать троянцев. Конец гневу Ахилла кладет известие о гибели Патрокла от руки Гектора. Он устремляется в бой, беспощадно поражает убегающих троянцев, в решающем поединке с Гектором Ахилл одерживает победу, предвещающую, однако, его собственную гибель.

После сражений, в которых Ахилл побеждает пришедших на помощь троянцам царицу амазонок Пенфесилею и вождя эфиопов Мемнона, он врывается в Трои и у Скейских ворот погибает от двух стрел Париса, направляемых рукой Аполлона: первая стрела, попав в пяту, лишает Ахилла возможности устремиться на противника, и Парис сражает его второй стрелой в грудь.

Душа Ахилла была перенесена на остров Левка, где герой продолжал жить жизнью блаженных.

Как место культа почитался могильный курган Ахилла и Патрокла у мыса Сигей. Александр Македонский и римский император Каракалла устраивали здесь погребальные игры.

В греческой традиции имя двух участников Троянской войны; оба воевали под Троей как соискатели руки Елены.

«Меньший» Аякс Оилид, царь Локриды, был искусным копьеметателем и прекрасным бегуном, уступавшим в скорости только Ахиллу. Во время взятия Трои он совершил насилие над Кассандрой, искавшей защиты у алтаря Афины. По совету Одиссея ахейцы собирались за это святотатство побить Аякса камнями, но тот нашел убежище у алтаря той же Афины. Однако при возвращении флота из-под Трои разгневанная богиня разбила бурей у Кикладских островов ахейские корабли. Аякс спасся и, уцепившись за скалу, похвалялся, что он жив вопреки воле богов. Тогда Посейдон расколол трезубцем скалу, Аякс упал в море и погиб.

«Большой» Аякс Теламонид ведет свой род от Зевса и нимфы Эгины. Он — внук Эака, двоюродный брат Ахилла. Аякс — царь Саламина, прославился как герой, уступающий в доблести только Ахиллу. Он огромен ростом, могуч, вооружен громадным семикожным щитом, покрытым медью. В битве у кораблей Аякс противостоял Гектору. После гибели Ахилла Аякс защищал от троянцев его тело и поэтому считал себя вправе унаследовать доспехи убитого героя. Однако доспехи присуждаются Одиссею, и оскорбленный Аякс решил перебить ночью ахейских вождей. Но Афина, спасая ахейцев, наслала на него безумие и жертвой меча Аякса стали стада скота. Когда рассудок вернулся, Аякс не смог пережить позора и в отчаянии кончил жизнь самоубийством.

Б

В западносемитской мифологии бог — владыка неба и бог солнца. Филон Библиский приводит финикийское предание о том, как Кронос (Эл) принес в жертву Урану (Баалшамему) своего сына. В эллинистическую эпоху Баалшамем отождествлялся с Зевсом и Юпитером.

Латинская форма имени Вакх (одного из имен Диониса).

В греческой традиции один из героев старшего поколения, сын коринфского царя (или бога Посейдона), внук Сисифа.

По приказу царя Иобата, у которого находился в услужении, Беллерофонт совершил множество подвигов: верхом на крылатом коне Пегасе он победил Химеру, одолел амазонок и т. д. Но впоследствии, по Гомеру, Беллерофонт утратил расположение богов, и его постигло безумие. Причиной этого считалось высокомерие героя, решившего на Пегасе достигнуть вершины Олимпа. Зевс наслал на коня овода, Пегас взбесился и сбросил седока на землю. Хромой и слепой, Беллерофонт скитался без дома до самой смерти.

Культ Беллерофонта был распространен в Ликии и Коринфе, затем по всей Греции..

В римской мифологии богиня войны, иногда мать (сестра, кормилица) Марса и богиня подземного мира. Со времени войны 458 до н. э. ей был посвящен храм, возле которого проходила церемония объявления войны: глава коллегии жрецов-фециалов бросал копье на участок, символизировавший вражескую землю. С I в. до н. э. Беллону стали отождествлять с каппадокийской богиней Ма, и культ ее принял оргиастический характер. Жрецы Беллоны (беллонарии) носили черное одеяние и колпаки, имели в качестве атрибутов двойные секиры.

Фракийское божество природы, которое в Греции отождествляли с Артемидой.

В римской мифологии богиня-мать, имя которой было табуировано. Празднества в честь богини справлялись в ее храме на Авентине. В священнодействиях участвовали весталки и замужние женщины, присутствие мужчин исключалось. По схолиям к «Энеиде», Бона Деа была связана с лесом, растительностью, особенно целебными травами, и магией. Этой богине посвящались рощи, часовни с очагами, зеркала как орудия колдовства. Изображалась с рогом изобилия и змеями.

В греческой мифологии бог северного ветра, сын Астрея (звездного неба) и Эос (утренней зари), брат Зефира и Нота. Изображался крылатым, длинноволосым, бородатым. Место его обитания — Фракия, где царят холод и мрак.

В греческой мифологии крылатые сыновья Борея — Калаид и Зет, участники похода аргонавтов. Бореады освободили слепого Финея — мужа своей сестры Клеопатры от гарпий. Позднейшая версия мифа повествует об убийстве Бореадов Гераклом, отомстившим им за то, что в походе аргонавтов они посоветовали предводителю аргонавтов Ясону покинуть Геракла, отправившегося на поиски своего друга Гиласа.

В греческой мифологии спутница Артемиды, дочь Зевса, известная своим целомудрием. Мифы о Бритомартис связаны с Критом и царем Миносом, полюбившим девушку и

преследовавшим ее. Спасаясь от Миноса, она бросилась со скалы в море, но была спасена, так как попала в рыбацкие сети (отсюда ее прозвище Диктинна, «попавшая в сеть»). По другой версии мифа, ее спасла Артемида.

Бритомартис-охотница — ипостась Артемиды. Согласно Каллимаху, Бритомартис — одно из имен Артемиды.

В

В западносемитской мифологии одно из распространенных обозначений божеств отдельных местностей. Кроме того, ваалами назывались общие боги, например, бог-громовержец, бог солнца и др.

Слово «ваал» является греческим вариантом библейского «баал», в которое превратилось первоначальное западносемитское «балу» («хозяин, владыка»). Другое значение слова «ваал» — «идол».

В греческой традиции одно из имен Диониса.

Мистерияльно-оргиастические празднества культа Вакха. Первоначально в вакханалиях участвовали только женщины. Впоследствии в них стали принимать и мужчин. Постепенно вакханалии превратились в развратные пиршества. В 186 г. до н. э. проведение вакханалий было ограничено достаточно строгими правилами, но полностью запрещены они не были.

В этрусской мифологии женский демон загробного мира, олицетворение смерти. Постоянные атрибуты Ванф — свиток, факел, меч, змеи, обвивающие руки.

Обитающий в Ливии «царь безграничных пустынь... и без яда губящий» (по выражению Лукана). Само слово «василиск» происходит от греческого «basileus» — «царь, базилевс» — и означает «маленький царь». Это — самый грозный и смертоносный из всех змеев. Василиск, голову которого венчает гребень в форме диадемы, вылупляется из яйца, снесенного петухом (или жабой) и высиженного змеей (правда, упоминавшийся выше Лукан относит его, наряду с аспидом, амфисбеной и прочими гадами к отпрыскам Горгоны Медузы). Несмотря на змеиную наружность, передвигается он не стелясь по земле, а как бы поочередно выметывая вперед сложенное кольцами тело. Первым наружность василиска описал Плиний Старший в своей «Естественной истории». По словам Плиния, василиск — змей с белой складкой наподобие звезды на лбу; эта складка поднимается над мордой животного словно корона. Впрочем, облик василиска в средние века изменился: стали считать, что у бестии голова петуха, туловище жабы, птичьи крылья и хвост змеи или дракона с ядовитым жалом на конце. Василиск убивает прикосновением, превращает в камень взглядом, а его дыхания не выдерживают даже птицы, пролетающие высоко в небе. Совладать с василиском в битве может только зверек ласка, для человека же самый действенный способ — выставить перед собой щит или зеркало: увидев собственное отражение, василиск тут же умрет. Кроме того, известно, что василиск никогда не появляется поблизости от тех мест, где растет рута, а крик петуха заставляет его исчезнуть (как гласит русская поговорка: «Петух поет — значит, нечистой силы темное время прошло»). В Книге пророка Иеремии именно василиски олицетворяют зло: «Ибо вот, Я пошлю на вас змеев, василисков, против которых нет заговариванья, и они будут уязвлять вас, говорит Господь».

Большинство легенд о василиске связано с образом петуха, причем не петуха вообще, а конкретного — черного семигодовалого. Лишь такой петух может снести яйцо, из которого, зарытого в горячий навоз и высиженного змеей, потом вылупится василиск.

Чаще всего василиски селятся в естественных пустынях, но им не составляет труда превратить в пустыню любую, сколь угодно плодородную местность. Вокруг логова василиска чернеют и высыхают травы и деревья, становится ядовитой вода в источниках и реках, разрушаются даже скалы.

В римской мифологии бог подземного мира, противопоставлявшийся светлomu небесному богу Юпитеру, Юпитер подземного царства. Статуя Вейовиса в храме изображала вооруженного стрелами юношу с козой у ног. Широкого распространения культ Вейовиса не имел и был вытеснен культом Диспатера.

Женское творческое начало в природе, анима, Мать-земля (ср. греческих Гею и Деметру, малоазийскую Кибелу, римскую Рею, египетскую Исиду, Мать-Сыру Землю в русском фольклоре). С архаических времен известны женские статуэтки с подчеркнутыми половыми признаками — эмблемы плодородия. Богиня-мать наряду со своим божественным супругом участвует в творении мира и создании населяющих мироздание существ (греческая Гея рождает титанов и гигантов, а олимпийских богов — ее дочь Рея; обе они суть ипостаси Великой Богини). Она покровительствует плодородию почвы, скота и людей, отсюда — оргиастические ритуалы в ее честь; с Великой Богиней связан цикл мифов об умирающем и воскресающем боге (Аггис, Осирис, Таммуз), символизирующий сезонное умирание и возрождение природы. Также Великая Богиня является покровительницей мистерий, пройдя через которые, человек обретает вечную жизнь (Элевсинские мистерии Деметры).

Великая Богиня — символ первоначального хаоса (женского начала мира); победа космоса над хаосом зачастую выражается в торжестве мужского божества над Великой Богиней (ср., например, победу Мардука над Тиамат в шумеро-аккадской мифологии). Тем не менее, Великая Богиня, как созидательное начало, есть и символ космоса: она покровительствует культуре, городам, тайным знаниям.

Историки христианства полагают, что культ Богородицы в определенной мере связан с образом Великой Богини (Исиды как ее ипостаси).

Р. Грейвс, автор книги «Белая Богиня», писал: «Богиня — прекрасная стройная женщина с крючковатым носом, смертельно бледным лицом, алыми губами, поразительной голубизны глазами и длинными светлыми волосами. Она может обернуться свиньей, кобылой, сукой, лисой, ослицей, лаской, змеей, совой, волчицей, тигрицей, русалкой или отвратительной старой каргой. Имен и прозваний у нее — не счесть. В рассказах о привидениях ее называют Белой Дамой, а в древних верованиях от Британских островов до Кавказских гор — Белой Богиней. Я не припомню ни одного настоящего поэта, начиная с Гомера, который независимо ни от кого не оставил бы свое собственное свидетельство о ней. Можно сказать, что показателем поэтического видения является точность, с которой поэт изображает Белую Богиню и остров, где она правит. Вот почему, когда читаешь подлинную поэзию, волосы встают дыбом, на глаза наворачиваются слезы, к горлу подступает комок, по коже бегают мурашки и холодеет спина. Подлинная поэзия — это заклинание Белой Богини, или Музы,

матери всего сущего, силы, издревле устрашающей и желанной...»

В римской мифологии богиня садов. Имя ее употреблялось как синоним плодов. С распространением предания об Энее Венера была отождествлена с матерью Энея Афродитой, став не только богиней красоты и любви, но и прародительницей потомков Энея и покровительницей римлян. Особую популярность Венера приобрела в I в. до н. э., когда ее покровительством пользовались Сулла, считавший, что Венера приносит ему счастье, Помпей, посвятивший ей храм как Победительнице; и особенно Цезарь, считавший ее прародительницей Юлиев. У античных писателей Венера — прежде всего богиня любовной страсти, мать Амура. С распространением восточных культов Венеру стали отождествлять с Исидой и Астартой. Распространение получил и культ Венеры и Адониса.

С незапамятных времен венки из зелени (веток различных деревьев и трав) использовались как знак союза — между живыми и мертвыми, между потомками и предками; отсюда представление о венке как символе памяти и бессмертия.

Венок как символ награды был впервые использован в Древней Греции. В IX веке до н. э., во время Алфейских игр в честь героя Пелопа, венки вручались победителям для последующего возложения на алтарь Пелопа. С учреждением Олимпийских игр традиция изменилась: венками стали увенчивать как личной наградой. Победителей Олимпийских игр венчали венками из ветвей золотой оливы, срезанных золотым ножом в священной роще. Победителей Немейских игр в Арголиде награждали венками из сельдерея.

В Древнем Риме была разработана особая шкала венков-наград, среди которых можно выделить:

- *corona triumphalis* — венок полководца из лавра или миртового дерева;
- *corona graminea* — венок гражданина за особые заслуги перед отечеством;
- *corona obsidionalis* — венок полководца за спасение армии от плена;
- *corona navalis* — венок флотоводца;
- *corona muralis* — венок воина за штурм крепостных стен;
- *corona civica* — венок гражданина за спасение жизни сограждан.

Со временем лавровый венок стал знаком императорской власти и приобрел значение знака почета.

В римской мифологии бог перемен, супруг Помоны. По Проперцию, Вертумн — бог г. Вольсинии, главное божество этрусского союза, получившее в Риме храм после победы над Вольсиниями в 494 до н. э.

В римской мифологии богиня священного очага городской общины и домашнего очага. Культ Весты был тесно связан со святынями города: палладием, привезенным Энеем и хранившимся в храме Весты как залог мощи Рима, и регией — жилищем царя. Жрицы богини — весталки — поддерживали в очаге храма постоянный огонь как символ государственной надежности и устойчивости. В частных домах Весте посвящался вход в дом.

Веста изображалась с лицом, закрытым покрывалом, с чашей, факелом, скипетром и палладием.

Жрицы богини Весты, избирались из девочек 6-10 лет, без физических недостатков, родители которых должны быть живы и принадлежать к знатным родам. Из числа избранных по жребию верховный понтифик назначал весталок, которые выходили из отцовского подчинения и находились под покровительством верховного понтифика. Обязанностью весталок было поддерживать вечный огонь в храме. Весталки были обязаны блюсти целомудрие. За нарушение и за погасший огонь весталок секли и зарывали живыми в землю. Служение Весте продолжалось 30 лет (10 лет жрица училась, 10 лет служила Весте и 10 лет учила других). По истечении 30 лет весталка становилась свободной и могла выйти замуж. Весталки пользовались большим уважением и почетом. Оскорбивший весталку карался смертью. Если весталка встречала преступника, ведомого на казнь, — преступник получал свободу.

В римской мифологии богиня победы, звавшаяся сначала Вика Пота. В Риме Виктории был посвящен храм на Палатине.

В римской традиции возлюбленный богини Дианы, почитавшийся вместе с ней в священной роще на озере Неми. По Дж. Фрэзеру, Вирбий — дух дуба, сочетавшийся браком с нимфой дуба Дианой, подвергавшийся ритуальному убиению и воскресавший обновленным.

В римской мифологии обожествленная доблесть. В эпоху империи почиталась как добродетель правящего императора.

В римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени и бог-кузнец. Введение культа Вулкана, по Дионисию Галикарнасскому, связано с соправителем Ромула Титом Тацием. Вместе с Вулканом почиталась богиня Майя, которой приносил жертву фламин Вулкана в первый день мая. Связь Вулкана с кузнечным делом в Риме, несмотря на отождествление этого бога с греческим Гефестом, не прослеживается, тогда как на Рейне и Дунае его почитали как бога-кузнеца.

Г

В греческой мифологии нимфы деревьев. Гамадриада рождается вместе с деревом и гибнет вместе с ним. Овидий в «Метаморфозах» излагает миф об Эрисихтоне, который

...топором — говорят — оскорбил Церерину рощу,

Будто железом нанес бесчестье древней дубраве.

Эрисихтон приказал срубить дуб в роще Деметры (Цереры); из дерева заструилась кровь, а ветви побледнели. В наказание по предсмертной просьбе гамадриады, обитавшей в дубе, богиня обрекла Эрисихтона на вечные муки, наделив святотатца ощущением неутолимого голода:

... в нем пища любая

К новой лишь пище влечет. Он ест, но утроба пустует.

Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
Средства отцовские. Ты лишь один, о безжалостный голод,
Не притуплялся внутри; не смиренное пламя пылало
В глотке его. Наконец все имущество кануло в чрево.

В греческой традиции сын троянского царя Троса, из-за своей необычайной красоты похищенный Зевсом, который превратился в орла, и унесенный на Олимп; там он исполнял обязанности виночерпия, разливая на пирах богам нектар. По Псевдо-Эратосфену, Ганимед был вознесен на небо в виде зодиакального созвездия Водолей.

В греческой мифологии дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры. Это полуженщины-полуптицы, имена которых — Аэлла, Аэллопа, Подарга, Окипета, Келайно — переводятся соответственно как Вихрь, Вихреподобная, Быстроногая, Быстрая и Мрачная. Гарпии крадут младенцев, похищают человеческие души. Согласно Вергилию, гарпии обитают в аиде:

В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет и дракон из Лернейской
Топа шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаяй вокруг великанов трехтелых летают...

В мифе об аргонавтах упоминается салмидесский царь Финей, которого боги ослепили за то, что он слишком точно предсказывал будущее. Царю досаждали гарпии — «отвратительные крылатые существа женского пола, которые, как только Финей усаживался за трапезу, спешили во дворец, хватали со стола что попало, а оставшуюся пищу заражали таким зловонием, что ее невозможно было есть» (Р. Грейвс). Аргонавты Калаид и Зет прогнали гарпий.

Греческий вариант имени египетского бога Гор-па-херда.

Греческая богиня цветущей юности, дочь Зевса и Геры, кравчая богов на Олимпе. С Гебой сочетался браком обожествленный Геракл.

Греческая богиня мрака, ночных видений и чародейства. По Гесиоду, она получила от Зевса в удел власть над судьбой земли и моря. Ночная, страшная богиня, с пылающим факелом в руках и змеями в волосах, Геката — богиня колдовства, к которой обращаются за помощью, прибегая к специальным манипуляциям. Она помогла Медее добиться любви Ясона и в приготовлении зелий. Она — мрак и вместе с тем лунная богиня, близкая Селене и Артемиде. Ее сопровождает свора собак, но охота Гекаты — ночная охота среди мертвецов, могил и призраков преисподней.

Римляне отождествляли Гекату с богиней Тривией — «богиней трех дорог». Изображения

Гекаты помещались на распутье или перекрестке дорог, где ей обычно приносили жертвы.

В греческой мифологии великаны, отпрыски Урана и матери-земли Геи, братья Котт, Бриарей и Гиес. У каждого из гекатонхейров пятьдесят голов и сто рук (отсюда их прозвище — «сторукие»). Уран загнал гекатонхейров под землю, но Зевс призвал их и с помощью сторуких одержал победу над титанами. Победенных низвергли в Тартар, а охрану поручили сторуким. Впоследствии гекатонхейры вновь выручили Зевса, когда против него устроили заговор Гера, Посейдон и Афина: один вид сторуких так устрашил заговорщиков, что они отказались от своего намерения.

В греческой традиции сын троянского царя Приама и Гекубы, главный троянский герой в «Илиаде». От руки Гектора пал Протесилай, первым вступивший на троянскую землю. Прославился Гектор на десятом году войны. Как старший сын Приама и его непосредственный преемник, он возглавлял боевые действия троянцев, дважды вступал в единоборство с Аяксом Теламонидом. Под руководством Гектора троянцы ворвались в лагерь ахейцев, подступили к ахейским кораблям и подожгли один из них. Перед воротами Трои Гектор убил Патрокла и совлек с убитого доспехи Ахилла. В поединке с самим Ахиллом Гектор не устоял — и пал у Скейских ворот, предсказав близкую смерть Ахиллу. Последний, одержимый жаждой мести за Патрокла, привязал тело Гектора к своей колеснице и объехал вокруг Трои, волоча труп противника.

Однако мертвого Гектора оберегал Аполлон, помощью которого он неоднократно пользовался при жизни. На совете богов Аполлон выступил в защиту убитого Гектора, после чего Ахилл получил от Зевса приказ выдать тело Гектора Приаму, который устроил сыну почетные похороны.

В греческой традиции жена троянского царя Приама. Среди сыновей Гекубы — Гектор, Парис, Елен, Деифоб и Троил (последний — от Аполлона), среди дочерей — Кассандра и Поликсена... Участи Гекубы после взятия Трои посвящены одноименная трагедия Еврипида и в значительной степени его же «Троянки»: царица становится свидетельницей того, как уводят в плен Кассандру и Андромаху, убивают малютку Астианакта и, наконец, перед самым отплытием ахейцев приносят Поликсену в жертву на могиле Ахилла. Еврипид добавляет еще мечь правителю Херсонеса Фракийского Полиместору за коварно убитого им сына Гекубы Полидора: Гекуба убивает его детей и ослепляет его самого. О дальнейшей судьбе Гекубы существовало две версии: либо она была перенесена Аполлоном в Ликию, либо превращена в собаку и бросилась в Геллеспонт.

В греческой мифологии дочери Гелиоса и сестры Фазтона. Они так горестно оплакивали брата, пораженного молнией Зевса, что боги превратили их в тополи, листья которых всегда грустно шумят. Янтарь считался слезами гелиад.

Гора в Средней Греции, на юге Беотии, где обитали Музы; поэтому последних иногда называли геликонидами, геликонскими девами или повелительницами Геликона. На Геликоне находился источник Иппокрена, возникший от удара копыта крылатого коня Пегаса.

В греческой мифологии бог солнца, сын титанов Гипериона и Фейи, брат Селены и Эос. Находясь высоко в небе, Гелиос видит дела богов и людей: именно он сообщил Деметре, что

Аид похитил Персефону. По Овидию, Гелиос обитает в великолепном дворце в окружении четырех времен года, на престоле из драгоценных камней. Днем Гелиос мчится по небу на огненной четверке коней, а ночью склоняется к западу и в золотой чаше переплывает море к месту своего восхода. Дети Гелиоса — царь Колхиды Ээт, волшебница Кирку и Пасифая — супруга Миноса, а также Фазтон и четыре дочери (Гелиады).

В эллинистически-римской мифологии Гелиос отождествлялся со своим отцом Гиперионом, и сыновья его именовались гиперионидами; в поздней античности — с олимпийцем Аполлоном.

В римской мифологии Гелиосу соответствует Сол, отождествляемый также с Аполлоном.

В римской мифологии божества — прародители и покровители рода. Впоследствии гениями стали называть богов мужской силы. Каждый мужчина имел своего гения. Вместе с младенцем мужского пола рождался его гений (или два — добрый и злой), руководивший поступками человека на протяжении всей жизни. Гениев имели не только люди, но и города и отдельные местности. Появлялись гении обычно в облике змей. С гениями во многом схожи греческие даймоны.

В греческой мифологии супруга и сестра Зевса, верховная олимпийская богиня, дочь Кроноса и Реи. Гера — последняя, третья после Метиды и Фемиды, законная супруга Зевса. Супружество Геры определило ее верховную власть над другими олимпийскими богинями. Гера преследует незаконные связи Зевса как блюстительница законных брачных устоев моногамной семьи эпохи классической олимпийской мифологии. Известна ее ненависть к Гераклу; она стала причиной гибели Семелы, родившей Зевсу Диониса, она же наслала безумие на Ино, бросившуюся в море, в отместку Зевсу, родившему Афины Палладу, родила без супруга Гефеста и т. д.

От прикосновения к земле Гера породила чудовище Тифона. При этом она покровительница рожениц, мать богини родов Илифии. Сыном Геры считался и Арес — один из самых кровавых богов.

Гера — покровительница героев и городов. Она помогает аргонавтам, прежде всего Ясону; в Троянской войне она — защитница ахейцев и противница троянцев, в лице Париса отдавших предпочтение Афродите в споре трех богинь (Геры, Афродиты и Афины). Она идет даже на хитрость, обольщая Зевса с помощью чудесного пояса Афродиты и усыпляя его в своих объятиях, чтобы дать возможность победить ахейцам.

Культ Геры был распространен на материке (особенно в Микенах, Аргосе и Олимпии) и островах (на Самосе, где был храм Геры Самосской и ее древний фетиш в виде доски; на Крите, где в Кноссе праздновали «священный брак» Геры и Зевса). В римской мифологии Гера отождествляется с Юноной.

В греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Зевс, приняв облик супруга Алкмены, явился к ней в его отсутствие; пока длилась их брачная ночь, солнце трое суток не поднималось над землей. После возвращения мужа Алкмена родила одновременно сыновей — Ификла от мужа и Геракла от Зевса. В день, когда Гераклу предстояло появиться на свет, Зевс поклялся в собрании богов, что младенец из его потомков, который родится в

этот день, будет властвовать над Микенами и соседними народами. Однако ревнивая Гера задержала роды Алкмены и ускорила на два месяца роды Никиппы — жены микенского царя Сфенела, и в этот день родился сын Сфенела, внук Персея и правнук Зевса Эврисфей, который в соответствии с клятвой Зевса получил власть над Пелопоннесом.

К колыбели Геракла и Ификла Гера послала двух чудовищных змей, но младенец Геракл задушил их. Повзрослев, Геракл совершил немало героических деяний; фиванский царь Креонт в награду за доблесть Геракла выдал за него свою старшую дочь Мегару. Когда у них появились дети, Гера, по-прежнему враждебная Гераклу, наслала на него безумие, в припадке которого он убил своих детей.

Придя в себя, Геракл ушел в изгнание и в Дельфах узнал от оракула Аполлона, что ему надлежит поселиться в Тиринфе, служить царю Эврисфею в течение 12 лет и совершить 10 подвигов, после чего он станет бессмертным. Выполняя приказания Эврисфея, Геракл совершает 12 знаменитых подвигов: добывает шкуру немейского льва, убивает лернейскую гидру, ловит керинейскую лань и эриманфского вепря, очищает от навоза огромный скотный двор царя Элиды Авгия, изгоняет стимфалийских птиц, ловит и доставляет Эврисфею критского быка, приводит свирепых кобылиц фракийского царя Диомеда, добывает пояс царицы амазонок, пригоняет в Микены коров Гериона, приносит золотые яблоки Гесперид и спускается в Аид за стражем преисподней Кербером.

Дальнейшая судьба Геракла связана с военными походами, взятием городов и т. д. В частности, Геракл воевал с троянским царем Лаомедонтом, участвовал в сражении олимпийских богов с гигантами на Флегрейских полях. В соперничестве с речным богом Ахелоем Геракл завоевал руку царевны Деяниры. Переправляясь через реку Эвен, он поручил кентавру Нессу перевезти Деяниру. Во время переправы Несс посягнул на Деяниру, и Геракл выстрелил из лука в выходящего из воды Несса. Умиравший кентавр посоветовал Деянире собрать его кровь, так как она поможет ей чудесным образом сохранить любовь Геракла.

Впоследствии Деянира из ревности пропитала кровью Несса хитон Геракла, полагая, что таким образом сохранит его любовь. Однако кровь Несса, погибшего от смазанной желчью лернейской гидры стрелы Геракла, сама превратилась в яд. Хитон сразу прирос к телу надевшего его Геракла, и яд стал проникать сквозь кожу, причиняя невыносимые страдания. Тогда Геракл отправился на гору Эта, разложил костер, взошел на него и попросил спутников зажечь огонь. Когда огонь разгорелся и пламя охватило Геракла, с неба спустилась туча и с громом унесла его на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов.

По сообщению античных авторов, культ Геракла как бога впервые возник в Афинах. Греки часто отождествляли с Гераклом божества других народов (например, финикийского Мелькарта). С распространением культа Геракла в Италии он стал почитаться под именем Геркулес.

В греческой традиции потомки Геракла и Деяниры. После гибели Геракла царь Микен Эврисфей стал преследовать его детей Геракла. Спасаясь от гибели, Гераклиды бежали в Трахину к царю Кеику, однако Эврисфей потребовал выдачи их, и они укрылись в Марафоне в храме Зевса (по Аполлодору, в Афинах у алтаря Милосердия). Царствовавший в Афинах

сын Тесея Демофонт обещал не выдавать Гераклидов и начал войну с Эврисфеем. Афинское войско одержало победу. Эврисфея, бежавшего после поражения, настиг и убил Гераклид Гилл, отрубил ему голову и принес ее Алкмене, а та выколола ей глаза. Гераклиды заняли Пелопоннес, но началась чума, и оракул объявил, что причина ее в том, что Гераклиды вернулись раньше назначенного времени. Покинув Пелопоннес, Гераклиды поселились в Марафоне. Дельфийский оракул возвестил Гиллу, что они смогут возвратиться в Пелопоннес «после третьего плода». Решив, что речь идет о трех урожаях, Гераклиды предприняли через три года новую попытку, но Гилл был убит в единоборстве с царем Тегеи — союзником воцарившегося после Эврисфея в Микенах Атрея. Стало ясно, что оракул имел в виду не три года, а три поколения; следующая попытка была предпринята внуком Гилла Аристоммахом, но Гераклиды снова потерпели поражение, и Аристоммах погиб от руки царя Микен Тисамена, сына Ореста, только через десять лет Гераклиды смогли утвердиться в Пелопоннесе. Завоеванные земли были разделены по жребию: Темену достался Аргос, Эврисфену и Проклу — Лакония, Кресфонту — Мессения. К Темену, Кресфонту и Эврисфену и Проклу возводили свои роды аргосские, мессенские и спартанские цари.

В этрусской мифологии прародитель этрусков. На этрусских зеркалах богиня Уни в присутствии других богов вскармливает взрослого бородатого Геркле. Изображался с богиней Менрвой как ее супруг или возлюбленный.

В Риме Геркле отождествлялся с Геркулесом.

В римской мифологии бог и герой, аналогичный греческому Гераклу. Его культ был заимствован римлянами из Тускула (или Тибура), где Геркулес почитался как воинственный бог. В Риме Геркулес почитался в основном как бог обогащения, купцы и полководцы жертвовали ему десятую часть прибыли и добычи, шедшую на угощение народа. Женщины из участия в культе Геркулеса исключались, им запрещалось употреблять обычную для мужчин клятву его именем. Постепенно культ Геркулеса стал одним из самых распространенных в римском мире. Со временем он стал трактоваться как покровитель отдельных имений и сельского хозяйства в целом. Для солдат Геркулес был богом победы, для аристократии — прообразом идеального царя.

Согласно греческому мифу — сын Гермеса и Афродиты, юноша необычайной красоты. По просьбе влюбившейся в него нимфы боги слили ее и Гермафродита в единое двуполое существо. В алхимии и мистицизме толкуется как соединение противоположностей — в отличие от андрогина, который символизирует изначальную, идеальную целостность до разделения противоположностей.

Греческий бог, вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших, сын Зевса и Майи, одной из дочерей Атланта. Олимпийское божество, хотя и догреческого, возможно, малоазиатского происхождения. С именем Гермеса связаны гермы — каменные столбы, которыми отмечались в древности места погребений. Гермы были путевыми знаками, фетишами — охранителями дорог, границ, ворот; повреждение герм считалось святотатством.

Атрибуты Гермеса — золотые крылатые сандалии и золотой кадуцей (средоточие магической силы), которым бог усыпляет и пробуждает. Гермес — посредник между миром живых и

царством мертвых и посредник между богами и людьми. Кроме того, Гермес покровительствует героям: основателю Фив Амфиону он вручает лиру, и с ее помощью герой строит стены города; Персею вручает меч для убийства Медузы; Одиссею открывает тайну волшебной травы, разрушающей колдовство Кирки и т. д. Хитрость и ловкость Гермеса делают его покровителем плутовства и воровства. В Гомеровском гимне Гермесу рассказывается история кражи младенцем Гермесом стада коров у Аполлона.

Согласно мифу, Гермес впервые изготовил из панциря черепахи семиструнную лиру и пел под ее аккомпанемент. Аполлон уговорил Гермеса отдать ему лиру в обмен на коров. В придачу Гермес вручил Аполлону свою свирель, за что получил в ответ золотой жезл и был научен искусству гадания.

Гермесу посвящались Анфестерии — праздник пробуждения весны и памяти умерших.

В римской мифологии почитался под именем Меркурия — покровителя торговли.

Иначе — Гермес Триждывеличайший (среди философов, царей и жрецов) или Гермес-Тот.

Символ «потусторонней», эзотерической мудрости, согласно легендарной истории — божество (позднее отождествлявшееся с египетским богом мудрости и письма Тотом), от лица которого ведется повествование в ряде сочинений по астрологии, алхимии, магии и оккультизму эллинистического периода. По Платону, Гермес открыл числа, геометрию, астрономию и буквы. Диодор Сицилийский писал, что у египетского бога Осириса «наибольшим почетом пользовался Гермес, наделенный отменными способностями относительно того, что может быть полезно для общежития. Прежде всего им сделана членораздельной общая речь, многое из безымянного получило имена, изобретены буквы и заведен порядок богопочитания и жертв. Он же был первым наблюдателем порядка звезд, гармонии и звуков, изобретателем палестры, заботился о пропорциональности и об изваянии тела надлежащей формы. Он устроил трехструнную лиру, наподобие времен года, так как установил три тона: острый, тяжелый и средний, острый — от лета, тяжелый — от зимы и средний — от весны. И греков он научил красноречию, за что и назвали его Гермесом. Одним словом, Осирис, у которого он был иерограмматом [священным писцом], обо всем сообщал ему и очень пользовался его советами». По Клименту Александрийскому, к Трисмегисту восходит священная литература Египта, он — автор сорока двух книг (а Ямвлих говорил о двадцати тысячах сочинений).

Ссылки на Трисмегиста впервые появились у астрологов III в. Вполне вероятно, что возникновение образа Трисмегиста связано с близостью к потустороннему миру его «прообраза» — греческого бога торговли Гермеса, покровителя путников и проводника душ умерших. С Трисмегистом связывали оккультные науки и так называемые «герметические» (тайные, доступные только посвященным) сочинения.

В европейской оккультной традиции Гермес Трисмегист — «сторожевой пес» Пастыря Душ человеческих. Он — обладатель чудесного жезла-кадуцея, победитель Тифона, «магистр всех наук и искусств, знаток всех ремесел, правитель Трех Миров, писец богов и хранитель Книг Жизни» (М. Холл). Масоны считали Трисмегиста автором масонских ритуалов посвящения.

С образом Гермеса Трисмегиста связан так называемый «Герметический корпус» сочинений

периода поздней античности и средневековья. В этот комплекс входят:

- «Поймандр Гермеса Трисмегиста»;
- «Вселенская речь»;
- «Священное слово Гермеса»;
- «Слово Гермеса Тату: Кратир или Монада»;
- «Слово Гермеса сыну Тату о том, что невидимый Бог весьма явен»;
- «О том, что благо в одном Боге и нигде больше»;
- «О том, что величайшее зло для людей — неведение Бога»;
- «О том, что ничто из существей не исчезает и что изменения напрасно именуют уничтожением и смертью»;
- «О мышлении и ощущении»;
- «Ключ Гермеса Трисмегиста»;
- «Ум к Гермесу»;
- «Слово Гермеса Трисмегиста Тату о всеобщем Уме»;
- «О возрождении и о правиле молчания, тайная проповедь на горе Гермеса Трисмегиста сыну Тату»;
- «Слово Гермеса Трисмегиста Асклепию»;
- «Определения Асклепия царю Аммону»;
- «О волнениях тела, сковывающих душу».

Большая часть трактатов представляет собой речи Гермеса, в которых он излагает полученное сверхъестественным путем Божественное откровение. Так, согласно «Поймандру Гермеса Трисмегиста», первоначально существовал только Бог, являвшийся Умом, Отцом, Светом, Жизнью и имевший андрогинную природу. Затем от Света отделилась и пала вниз Тьма, Материя, превратившаяся в четыре первоэлемента: Воду, Землю, Огонь и Воздух. Свет также породил Слово, Сына Божьего, и сам в Себе воспроизвел мир многочисленных Сил. Человек и мир соответствуют друг другу: голова человека — небо, глаза — Солнце и Луна, грудь — воздух, живот — земля, сердце же является святилищем тела, местом обитания ума.

Развитие герметической традиции в средние века было связано преимущественно с оккультной практикой, а возобновлению интереса к герметизму в эпоху Возрождения способствовал перевод на латинский язык четырнадцати трактатов «Герметического корпуса», осуществленный Марселио Фичино. К герметической традиции восходит и теория «натуральной магии» Пико делла Мирандола, которой отдали дань многие мыслители XVI–VII вв. (Коперник, Кеплер, Бруно — вплоть до Ньютона).

Универсальный образ, человек, осуществляющий деяния, которые не под силу другим. Чаще всего герой-архетип «персонифицируется» в легендарных воинах (характерная черта героя — ратная доблесть), полководцах и правителях; примером здесь могут служить германский Зигфрид, французский Роланд, Александр Македонский или Чингисхан.

В мифе герой участвует в творении мира (непосредственно — вместе с божествами — или опосредованно, через упорядочивание мира, победу над хаосом и привнесение порядка, установление правил жизни социума).

Как универсальная категория, образ героя имеет три «разновидности»:

— собственно герой (Ахилл);

— культурный герой (Прометей);

— герой-творец (демиург — Ильмаринен).

Демиург создает элементы мироздания, культурный герой добывает для людей различные жизненно необходимые предметы, устанавливает правила социальной организации, обучает ремеслам и так далее. Наиболее известный культурный герой — Прометей, похитивший у богов небесный огонь и, по Эсхилу, даровавший людям «все искусства», в том числе и искусство мыслить. (В греческой мифологии героями именовались сыновья и прочие потомки по мужской линии от союза божества со смертной женщиной. Обычно герои наделялись огромной силой и удивительными способностями, однако встречались среди них и «интеллектуалы» — искусный мастер Дедал, певец Орфей, прорицатель Тиресий). Свою добычу культурный герой, как правило, либо находит, либо похищает. Иногда он также сражается со стихийными силами, (чудовищами, демонами и пр.), которые олицетворяют первоначальный хаос, и способствует тем самым торжеству космоса, то есть установленного миропорядка. Вспомним наделенного чертами культурного героя Геракла, который одолел таких хтонических — «принадлежащих земле» — чудищ, как немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы, и даже осмелился вступить в борьбу с божеством подземного мира Аидом.

Мотив сражений с чудовищами сближает культурного героя с собственно героем. Характерная черта последнего — неумная тяга к путешествиям и приключениям. Илья Муромец, мифологизированный герой русского былинного эпоса, едва обретя силушку, отправляется странствовать — «мир посмотреть и себя показать». Борьба с теми, кто мешает богам и людям жить своей жизнью, является основной задачей собственно героя; иными словами, тут снова возникает персонифицированная идея вечной вражды между Космосом (Порядком) и Хаосом.

С «превращением» мифа в эпос мифологические герои становятся королями и князьями, хтонические чудовища и демоны — иноплеменниками, иноверцами. А в сказке, которая также «наследует» мифу, образ героя как бы обезличивается: возникают условные фигуры царевичей, принцев, крестьянских сыновей, объединяющие в себе черты как собственно героя, так и героя культурного. Например, Иванушка-дурачок из русских народных сказок отправляется «не знаю куда», чтобы добыть «не знаю что», попадает во множество переделок, но в итоге добывается своего — когда силой, когда хитростью, а когда и при

содействии чудесного помощника (Серого волка).

Герой-символ связан с эстетической категорией «героического», которая представляет собой «проявление прекрасного и возвышенного в их единстве». Героическое как категория подразумевает совершение выдающегося по своему значению деяния, требующего от человека высшего напряжения духовных и физических сил, мужества и самоотверженности. Героическое совершается в силу крайней необходимости, оно требует предельных и запредельных условий. «Именно поэтому героическое занимает одно из высоких мест в шкале общечеловеческих ценностей, через него человек наглядно познает меру, точнее, безмерность своих возможностей, через него он создает себя в качестве общезначимой личности» (Ю. Борев).

Греческое божество вечерней звезды, отец Гесперид и брат Атланта. В римской мифологии почитался под именем Луцифера.

В греческой мифологии нимфы, обитающие на берегу реки Океан на крайнем западе. Там растет сад, и в этом саду стоит великан Атлант, держащий на своих плечах небесный свод. Геспериды охраняют золотые яблоки вечной молодости, подаренные богине Гере матерью-землей Геей. Однажды в сад Гесперид проник Геракл. В мифе сказано, что Геспериды стали исподтишка воровать яблоки, и тогда Гера отправила сторожить сад дракона Ладона, у которого «было сто голов и сто языков». Геракл убил дракона, напугал нимф и с помощью Атланта добыл молодильные яблоки.

Греческая богиня домашнего очага, старшая дочь Кроноса и Реи, покровительница неугасимого огня, целомудренная и безбрачная. С Гестией не связано мифологических сюжетов. В Риме Гестии соответствовала Веста.

Греческий бог огня и кузнечного дела, олимпийское божество малоазийского происхождения, сын Зевса и Геры (или же сын только Геры, рожденный ею в отместку Зевсу). Гефест хром на обе ноги и безобразен, однако является супругом прекраснейшей из богинь Афродиты. Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» рассказывает, что Гефест вырыл для колхидского царя четыре источника, текущие из-под виноградной лозы, — молока, вина, масла и воды.

Классический образ Гефеста — кузнец и искусный мастер в своей мастерской, его помощницы — механические служанки. Он кует Ахиллу оружие и великолепный щит, равно как и медных быков царя Ээта, опочивальню Геры, венец Пандоры. Гомеровский гимн объединяет Гефеста и Афины, обучивших людей ремеслам.

Гефест преимущественно почитался в Афинах, где был богом ремесла.

В римской мифологии Гефесту соответствует Вулкан.

Греческая богиня земли, Мать-земля. По Гесиоду, Гея родилась вслед за Хаосом и сама из себя породила Урана-небо и взяла его в супруги. Вместе с Ураном Г. породила шесть титанов и шесть титанид, среди которых Кронос и Рея, родители Зевса. Ее порождения также — Понт, горы, трое киклопов и трое сторуких. Все они своим ужасным видом возбуждали ненависть отца, и он не выпускал их на свет из чрева матери. Гея, страдая от тяжести, решила пресечь плодовитость своего супруга, и по ее наущению Кронос оскопил Урана, из крови

которого появились на свет чудовища (гиганты, Эриннии) и прекрасная Афродита. Внуки Геи во главе с Зевсом в битве с детьми Геи — титанами победили последних, сбросив их в Тартар, и поделили между собой мир.

Гея не принимает активного участия в жизни олимпийских богов, но часто дает им мудрые советы. Она советует Рее, как спасти Зевса от прожорливости Кроноса, и сообщает о том, какая судьба ожидает Зевса. По ее совету Зевс освобождает сторуких, которые сослужили ему службу в титаномахии. Она же посоветовала Зевсу начать Троянскую войну. У Эхила Гея отождествляется с Фемидой как хранительница вековечной мудрости.

В греческой мифологии нимфы, дочери Атланта и Плейоны, одной из океанид. После гибели на охоте их брата Гиаса (его растерзали львы) Гиады умерли от горя и Зевс превратил нимф в звезды созвездия Тельца. По другой версии мифа, Гиады воспитывали Диониса на горе Ниса и Зевс превратил их в звезды.

В греческой традиции сын спартанского царя Амикла и правнук Зевса. Был любимцем Аполлона, который нечаянно убил Гиакинфа, попав в него во время метания диском. Из крови Гиакинфа выросли цветы-гиацинты, как бы обогранные кровью, на их лепестках вырисовывается восклицание «ай, ай» — предсмертный стон прекрасного юноши.

На знаменитом троне Аполлона из Амикл изображалось шествие Гиакинфа на Олимп; по преданию, основание статуи Аполлона, восседающего на троне, представляло собой жертвенник, в котором был похоронен Гиакинф.

В греческой мифологии сыновья Геи, которые появились на свет из крови оскопленного Урана, впитавшейся в землю. По Аполлодору, Гея породила их от Урана после того, как титаны были низринуты Зевсом в Тартар. Подробно история рождения гигантов и их гибели рассказана Аполлодором. Гиганты внушали ужас своим видом — густыми волосами и бородами; нижняя часть тела у них была змеиной. Они бросили вызов олимпийским богам. По велению судьбы их гибель зависела от участия в битве героев (смертных), которые придут на помощь богам. Гея разыскивала волшебную траву, которая бы сохранила гигантам жизнь. Но Зевс опередил Гею и, послав на землю мрак, сам срезал эту траву. По совету Афины Зевс призвал для участия в битве героя Геракла. В гигантомахии олимпийцы уничтожили гигантов. Аполлодор упоминает имена сраженных 13 гигантов (вообще насчитывают до 150). Геракл сразил Алкионея, набиравшегося силы от земли; Зевс — Порфириона, Аполлон — Эфиальта, Дионис — Эврита, Геката — Клития, Гефест — Миманта, Афина обрушила на Энкелада остров Сицилия, содрала кожу с еще живого Палланта и использовала ее как панцирь. Посейдон поверг Полидора, Гермес — Ипполита, Артемида — Гратиона, мойры — Агрия и Тоона. Остальных поразил перунами Зевс. Геракл добивал гигантов своими стрелами.

Греческая богиня здоровья, дочь Асклепия.

В греческой мифологии девятиглавая морская змея, дочь Эхидны и дракона Тифона. Она обитала в Лернейском болоте, откуда выползала лишь затем, чтобы пожрать домашний скот и отравить посевы своим ядовитым дыханием. Среди ее девяти голов одна была бессмертной. Вторым подвигом Геракла была как раз победа над Гидрой, и эта победа далась ему с

большим трудом. Стоило герою отрубить чудовищу одну голову, как на ее месте тотчас вырастала другая. Геракл победил, прижигая обезглавленные шеи горящими головнями. Отрубив же бессмертную голову, он закопал ту в землю и придавил сверху камнем. После чего разрубил тело гидры и обмакнул свои стрелы в ее ядовитую кровь.

Греческий бог брака, сын Диониса и Афродиты, прекрасный юноша, певец и музыкант, который на свадьбе Диониса с одной из его возлюбленных внезапно скончался; по другой версии, внезапно потерял голос. Чтобы увековечить его имя, Гименея возглашали на свадьбах, и торжественная песнь в честь новобрачных называлась гименеем. Орфики утверждали, что Асклепий воскресил Гименея.

Торжественная песнь в честь божества. Пеаны исполняли в честь Аполлона, дифирамбы — в честь Диониса и т. д.

В греческой мифологии чудесный народ, обитающий на крайнем севере, любимцы бога Аполлона. Время от времени Аполлон садится на колесницу и отправляется к гиперборейцам, чтобы отдохнуть среди них. Гипербореи живут блаженной жизнью, пируют и веселятся, поют и танцуют. Смерть они воспринимают как избавление от пресыщенности жизнью: испытав все возможные наслаждения, гипербореи бросаются в море.

Греческий бог сна, сын Ночи и брат Смерти (Танатоса), богинь судьбы мойр, богини мести Немесиды. По Гомеру, Гипнос обитает на острове Лемнос. Овидий в «Метаморфозах» описывает пещеру в Киммерийской земле, где обитает Гипнос, где царят вечные сумерки и откуда вытекает родник забвения.

В греческой мифологии источник вдохновения, который возник от удара копыта крылатого коня Пегаса на горе муз Геликон. Искупавшись в водах этого источника, Музы водят хороводы и поют чудесные песни.

В римской традиции три брата-близнеца, сразившиеся во время войны с Альба Лонгой при царе Тулле Гостилии с тремя Куриациями, своими двоюродными братьями из Альба Лонги, чтобы кончить этим поединком войну. Двое Горациев пали в битве, третий — Публий — убил Куриациев, доставив победу Риму. Когда он возвращался в город, его сестра, невеста одного из Куриациев, увидев в руках Публия вытканый ею для жениха плащ, поняла, что жених погиб, и стала его оплакивать. Публий, сочтя печаль сестры по врагу Рима преступлением, убил ее. Народ приговорил его к смерти, но по просьбе отца и из уважения к его подвигу помиловал при условии, что он очистится от убийства, пройдя под укрепленным над дорогой брусом, и что род Горациев будет отправлять культ Юноны Сорории («сестринской») и Януса Куриация; впоследствии этот культ стал государственным.

Голова Медузы Горгоны, отрубленная Тесеем. Афина прикрепил эту голову на свой щит.

В греческой мифологии чудовища, внучки Матери-земли Геи. Горгоны — сестры, их трое — Сфено, Эвриала и Медуза. Старшие сестры бессмертны, а Медуза — смертна. Они обитали на крайнем западе, на берегу реки Океан, по соседству с Гесперидами и грайями. Горгоны — крылатые существа, покрытые чешуей; вместо волос у них змеи; взгляд Горгон обращает в камень. Горгону Медузу победил Персей, который глядел на ее отражение в медном щите. Из крови Медузы родился крылатый конь Пегас.

В египетской мифологии одна из ипостасей Гора, Гор — сын Исиды и Осириса. Изображался мальчиком с «локоном юности», держащим палец у рта. Древние греки, называвшие Гор-пахерда Гарпократом, истолковывали этот жест как знак молчания. Культ Гор-пахерда как олицетворения восходящего солнца был особенно широко распространен в эпоху эллинизма.

Греческие богини времен года, три дочери Зевса и Фемиды: Эвномия («благозаконие»), Дике («справедливость»), Эйрена («мир»); сестры мойр и харит. В Афинах их называли иначе: божество роста — Ауксо, цветения — Талло, зрелого плода — Карпо.

У Гомера горы стерегут облачные ворота Олимпа, заботятся о колеснице Геры и кормят ее коней:

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;

С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,

Страже которых Олимп и великое вверено небо,

Чтобы облак густой развезать иль смыкать перед ними.

В греческой мифологии сестры Горгон, омерзительные старухи, седые от рождения. На троих у них один зуб и один глаз, которыми они поочередно обмениваются. Герой Персей обманом похитил у них глаз и зуб. Грайи стали умолять его, чтобы он вернул им сокровища. Персей согласился, в обмен на то, что грайи указали ему дорогу к нимфам, которые «имели крылатые сандалии и заплечную сумку», а также шапку-невидимку.

В римской мифологии божества, соответствующие греческим харитам.

В классической мифологии чудесное животное, обитающее в Индии или в Африке. У грифона львиное тело, голова, шея, крылья и когти орла. Размерами грифон в восемь раз больше льва и обладает необыкновенно острым слухом. Его когти высоко ценятся, ибо обладают замечательной способностью менять цвет, если на них капнуть ядом. В своих золотых гнездах грифоны хранят несметные сокровища, а самки грифонов откладывают яйца из агата.

По свидетельству Эсхила, грифоны стерегут золото в стране гипербореев.

Д

Благодетельное божество, по Платону помогавшее Сократу. Ксенофонт причислял сократовского даймония к предзнаменованиям, Платон толковал его как совесть.

В греческой мифологии демонические существа, спутники богини Реи-Кибелы. Именно дактили открыли способ обработки железной руды, а также учредили, по мнению Павсания, Олимпийские игры в Элиде: «Относительно Олимпийских состязаний... рассказывают, что вначале на небе царствовал Кронос и что в Олимпии был сооружен Кроносу храм тогдашними людьми, которые назывались золотым поколением. Когда родился Зевс, то Рея поручила охрану ребенка идейским Дактилам, которых также называли и Куретами... Во время шуток и игр Геракл (один из дактилей), как старший по возрасту, вызвал их на состязание в беге и победившего из них увенчал ветвью дикой маслины... Идейскому

Гераклу первому принадлежит честь установления этих игр, и он первый дал им название Олимпийских». Дактилей нередко отождествляют с куретами, корибантами и тельхинами.

В греческой мифологии 50 дочерей царя Даная, бежавшие вместе с отцом от преследования своих двоюродных братьев, домогавшихся любви Данаид. Покоряясь силе, Данай вынужден был дать согласие на брак, распределив невест по жребию между женихами. Он дал дочерям кинжалы и потребовал, чтобы Данаиды в брачную ночь закололи спящих мужей.

Повиновались все дочери, кроме Гипермнестры. После этого Данай устроил гимнастические состязания и в награду победителям отдал своих дочерей. Позднее Данаиды и их отец были убиты мужем Гипермнестры Линкеем, мстившим за братьев.

В аиде Данаиды несут вечное наказание, наполняя водой дырявый сосуд.

В греческой мифологии дочь аргосского царя Акрисия. Узнав от оракула, что ему суждена смерть от руки внука, Акрисию заключил дочь в подземный медный терем и стерег ее.

Однако Зевс проник в терем золотым дождем, и Даная родила сына Персея. По приказу отца Данаю с сыном в заключенном ящике бросили в море. Ящик прибило к острову Сериф. Царь острова Полидект, влюбившись в Данаю, решил услать возмужавшего Персея за головой Горгоны, чтобы от него не было помех. По возвращении на остров с головой Горгоны Персей нашел мать у алтаря богов, где она искала убежища от преследований Полидекта. Показав Полидекту голову Горгоны, Персей обратил его в камень. По другой версии, Полидект женился на Данае и воспитывал Персея. Даная вместе с сыном вернулась в Аргос после того, как во время игр в честь погибшего Полидекта Персей диском случайно убил Акрисия.

В греческой традиции сын Зевса и плеяды Электры. По наиболее распространенной версии мифа, Дардан родился на острове Самофракия и оттуда переселился во Фригию, где был принят местным царем Тевкром, выдавшим за него свою дочь. Здесь Дардан основал одноименный город, который Гомер локализует в предгорьях горы Ида, более же поздние источники отождествляют с исторически существовавшим на восточном берегу Геллеспонта городом Дардан. После смерти Тевкра Дардан стал царем всей области, получившей название Дардании, а жители стали называться дарданиями. По генеалогии, изложенной в «Илиаде» и принятой с дополнениями в поздних источниках, Дардан является дедом Троса и прямым предком Лаомедонта, Приама, Анхиса и их сыновей, в том числе Энея.

Поскольку через Энея Дардан оказался предком римлян, существовал италийский вариант сказания, по которому Дардан происходил из этрусского города Кортонна и оттуда переселился во Фригию.

В греческой мифологии нимфа, дочь земли Геи и бога реки Пеней. История любви Аполлона к Дафне рассказана Овидием. Аполлон преследует Дафну, давшую слово сохранить целомудрие и остаться безбрачной. Дафна взмолилась отцу о помощи, и боги превратили ее в лавровое дерево, которое тщетно обнимал Аполлон, сделавший отныне лавр своим излюбленным и священным растением.

В греческой традиции прародитель людей, сын Прометея, муж дочери Эпиметея и Пандоры Пирры. Когда разгневанный на людей «медного века» Зевс решил уничтожить всех людей и наслать на землю потоп, правивший городом Фтия в Фессалии Девкалион и его жена Пирра

оказались единственными праведниками, которым царь богов разрешил спастись. По совету Прометея Девкалион построил большой ящик, на котором он и Пирра спаслись во время девятидневного потопа, уничтожившего все человечество. На десятый день Девкалион увидел гору Парнас и высадился на ней. Принеся жертвы Зевсу-Фиксию («Дающему убежище»), Девкалион получил от него совет, как возродить человеческий род. Закутав головы и распустив пояса, Девкалион и Пирра должны были бросать через голову «кости праматери». Догадавшись, что «костями праматери» божество называет камни — кости всеобщей матери людей Земли, Девкалион выполнил приказ. Из камней, брошенных Девкалионом, возникали мужчины, Пиррой — женщины.

По Аполлодору, у Девкалиона и Пирры также родились дети Амфиктион, Протогенея и Эллин, ставший родоначальником греческих племен.

У римлян обеты подземным богам: добровольно жертвуя жизнью, солдаты и полководцы просили у богов уничтожения вражеского войска.

В греческой мифологии внук афинского царя Эрехфея, изобретатель столярных инструментов и мастерства, искуснейший архитектор и скульптор. После того как он сбросил с акрополя своего ученика и племянника Галоса, чье мастерство вызывало у Дедала зависть, ему пришлось искать убежища на Крите у царя Миноса. На Крите Дедал построил по поручению Миноса лабиринт для чудовищного Минотавра, рожденного женой Миноса Пасифаей от быка, — а затем помог Ариадне освободить из лабиринта Тесея. Узнав о пособничестве Дедала бегству Тесея, Минос заключил его вместе с сыном Икаром в лабиринт, откуда их освободила Пасифая. Сделав крылья (склеив перья воском), Дедал вместе с сыном улетели с острова. Икар, поднявшись слишком высоко, упал в море, так как солнечный жар растопил воск.

Святынище Аполлона в Фокиде, самое знаменитое прорицалище древности, общегреческий религиозный центр у подножья Парнаса. Древнейший храм возник в середине IX в. до н. э. Согласно мифу, Аполлон сам избрал место своего святилища, после того как убил здесь Пифона, огромного змея, преследовавшего Лето (мать Аполлона). В сокровенную часть храма, где находился оракул, никто не мог входить, кроме жрицы-вещательницы (пифии), которая отпивала глоток воды из священного ручья Кассотиды, жевала листья лавра (дерева, посвященного Аполлону) и садилась на золотой треножник на расселиной скалы. Впав в экстатическое состояние, пифия выкрикивала бессвязные слова, которые потом жрецы истолковывали как волю Аполлона.

Греческая богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса, от которого она родила Персефону. Одно из самых почитаемых олимпийских божеств. Благожелательная к людям, Деметра наполняет амбары земледельца запасами. К ней взывают, чтобы зерна вышли полновесными и чтобы удалась пахота. Деметра научила людей пахоте и посеву, сочетавшись в священном браке на трижды вспаханном поле острова Крит с критским богом земледелия Иасионом, и плодом этого брака был Плутос — бог богатства и изобилия. Она также научила Триптолема, сына элевсинского царя, засеивать поля пшеницей и обрабатывать их. Она подарила Триптолему колесницу с крылатыми драконами и дала зерна пшеницы, которыми он засеял всю землю.

В Гомеровском гимне Деметре рассказывается о похищении дочери богини, Персефоны, царем подземного мира Аидом. Богиня долго странствовала в поисках дочери; приняв образ доброй старушки, она пришла в соседний с Афинами Элевсин в дом царя Келея. Ее приветливо встретили, и впервые после потери дочери Деметра развеселилась от забавных шуток служанки Ямбы. Она воспитывала царского сына Демофонта и, желая сделать его бессмертным, натирает мальчика амброзией и закаляла в огне. Но после того как супруга царя случайно увидела эти магические манипуляции, богиня удалилась, открыв свое имя и приказав построить в свою честь храм. Именно в нем и воссела Деметра, горя по дочери. На земле наступил голод, люди стали умирать, и Зевс приказал вернуть Персефону матери. По решению Зевса две трети года дочь проводит с Деметрой, и вся природа расцветает, плодоносит и ликует; одну треть года Персефона посвящает Аиду.

Деметре посвящался праздник Фесмофорий, где ее чествовали вместе с Персефоной; их именовали «двумя богинями» и клялись именем «обеих богинь». Главное священное место Деметры — Элевсин в Аттике, где проходили Элевсинские мистерии, символически представлявшие горе Деметры, ее странствия в поисках дочери, тайную связь между живым и мертвым миром, физическое и духовное очищение.

Павсаний описывает храм Деметры Элевсинской в Аркадии, где рядом соседствовали мраморные статуи Деметры, Персефоны и Диониса.

В римской мифологии Деметре соответствует Церера.

В греческой мифологии дочь Ойнея, царя Калидона, сестра героя Мелеагра и супруга Геракла. Геракл, спустившись в царство мертвых за Кербером, встретил там Мелеагра, который просил его взять в жены Деяниру. Соперником Геракла был речной бог Ахелой. Отломив Ахелю, принявшему облик быка, один рог, Геракл одержал над ним победу и женился на Деянире; от Геракла она родила сыновей Гилла, Ктесиппа, Глена, Онита и дочь Макарию. При переправе Геракла и Деяниры через реку Эвен кентавр Несс посягнул на ехавшую на нем верхом Деяниру. Геракл поразил Несса стрелой, и кентавр, умирая, посоветовал Деянире собрать его кровь — она якобы поможет сохранить любовь Геракла. Узнав, что Геракл собрался жениться на захваченной им в Эхалии Иоле, Деянира пропитала кровью Несса хитон и послала его Гераклу. Однако кровь Несса, погибшего от смазанной желчью лернейской гидры стрелы Геракла, превратилась в яд, от которого Геракл и погиб. По Софоклу, Деянира, узнав о случившемся, закололась мечом.

Римская богиня растительности, олицетворение луны. Ее отождествляли с Артемидой и Гекатой, отчего она получила эпитет Тривия — «богиня трех дорог», толковавшийся и как знак тройной власти Дианы: на небе, земле и под землей. Диана считалась богиней-покровительницей Латинского союза, и с переходом главенства в этом союзе к Риму царем Сервием Туллием был основан на Авентине храм Дианы; годовщина основания храма считалась праздником рабов — *servorum dies*.

Известны святилища Дианы в Кампании и в роще на озере Неми. С храмом Дианы на Авентине связано предание о корове, владельцу которой было предсказано, что тот, кто принесет ее в жертву Диане в этом храме, обеспечит своему городу власть над Италией. Царь Сервий Туллий, узнав об этом предсказании, хитростью завладел коровой, принес ее в

жертву и прикрепил ее рога в храме.

В римских провинциях под именем Дианы почитались туземные богини — «хозяйки леса», богини-матери, подательницы плодородия.

Предсказание на основе знамений, посылаемых божествами наяву (полет и поведение птиц, погодные явления и т. п.) и во сне. Античные дивинации подробно описаны Цицероном в трактате «О дивинации».

В римской традиции основательница и царица Карфагена. По Вергилию, когда корабли Энея по пути из Трои прибыли в Карфаген, Дидона по воле Венеры стала любовницей Энея. Однако Юпитер послал к Энею Меркурия с приказом плыть в Италию, где ему было предназначено стать предком основателей Рима. Не перенеся разлуки с Энеем, Дидона покончила с собой, взойдя на костер и предсказав вражду Карфагена с Римом.

Греческая богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды. «Неумолимая» Дике, по Пармениду, хранит ключи от ворот, через которые пролегают пути дня и ночи. Платон называет ее вершительницей справедливости в круговороте душ. По Павсанию, Дике была изображена душащей и избивающей несправедливость на знаменитом ларце Кипсела, тирана Коринфа (VII в. до н. э.).

В греческой традиции:

) царь Фракии, сын Ареса, кормивший своих коней мясом захваченных чужеземцев. Геракл одолел Диомеда и бросил его на съедение коньям-людоедам, которых потом привел к царю Эврисфею.

) Сын этолийского царя Тидея, участник разорения Фив и похода ахейцев к Трое. Под Троей он совершил множество ратных подвигов, убил множество троянцев, напал на Энея, которого спасла от гибели Афродита, а затем обрушился и на саму богиню и ранил ее. Покровительство Афины помогло Диомеду одолеть и Ареса. Вместе с Одиссеем Диомед проник в осажденную Трою и похитил статую Афины (палладий), обладание которой предвещало победу над троянцами.

Диомед — один из немногих ахейских героев, благополучно вернувшихся домой из-под Трои; в поздних источниках приводится предание об измене жены Диомеда Эгиалы, вследствие чего он был вынужден бежать из Аргоса и окончить свою жизнь в Италии.

Щит Диомеда с культовым изображением Афины находился в храме богини в Аргосе. По Павсанию, Диомеду приписывалось основание храма Афины «Остроглядыщей» и храмов богини в Мессении и на Кипре.

В греческой мифологии дочь Геи и Урана. У Гомера Диона — супруга Зевса и мать Афродиты; одно из имен Афродиты — Диона.

Греческий бог плодородия, растительности, виноградарства, виноделия. Божество восточного (фракийского) происхождения, распространившееся в Греции сравнительно поздно, но причисленное к олимпийскому пантеону. Как божество земледельческого круга, связанное со стихийными силами земли, Дионис постоянно противопоставлялся Аполлону — божеству

порядка и гармонии. Символом Диониса как бога плодоносящих сил земли был фаллос.

Архаические ипостаси Диониса — Загрей, сын Зевса Критского и Персефоны; Иакх, связанный с Элевсинскими мистериями; Дионис — сын Зевса и Деметры. Согласно основному мифу, Дионис — сын Зевса и дочери фиванского царя Кадма Семелы. По наущению ревнивой Геры Семела попросила Зевса явиться к ней во всем своем величии, и тот, представ в сверкании молний, испепелил огнем смертную Семелу. Зевс выхватил из пламени Диониса, появившегося на свет недоношенным, и зашил его в свое бедро. В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на бедре, а потом отдал мальчика на воспитание нисейским нимфам или сестре Семелы Ино. Дионис нашел виноградную лозу. Гера вселила в него безумие, и он, скитаясь по Египту и Сирии, пришел во Фригию, где богиня Кибела — Рея исцелила его и приобщила к своим оргиастическим мистериям. После этого Д. через Фракию отправился в Индию. Из восточных земель он вернулся в Грецию, в Фивы. Во время плавания на остров Наксос Диониса похитили морские разбойники, однако бог привел их в ужас своими удивительными превращениями: они заковали Диониса в цепи, чтобы продать в рабство, однако оковы сами упали с рук божества; оплетя виноградными лозами и плющом мачту, паруса корабля, Дионис принял облик медведицы и льва. Сами пираты, бросившиеся со страха в море, превратились в дельфинов. На острове Наксос Дионис встретил Ариадну, покинутую Тесеем, похитил ее и на острове Лемнос вступил с ней в брак.

Повсюду, где появлялся, Дионис учреждал свой культ и везде обучал людей виноградарству и виноделию. В шествии Диониса участвовали вакханки, сатиры, менады с тирсами, увитыми плющом. С воплями «Вакх, эвое!» они славили Диониса, били в тимпаны, упивались кровью растерзанных диких зверей, высекали из земли своими тирсами мед и молоко, вырывали с корнем деревья и увлекали за собой толпы женщин и мужчин.

В Дельфах Дионис почитался наряду с Аполлоном. На Парнасе каждые два года устраивались оргии в честь Диониса. В Афинах устраивались торжественные процессии в честь Диониса и разыгрывался священный брак бога с супругой старшего архонта. Из религиозно-культовых обрядов, посвященных Дионису (греч. *τραῦδιᾶ*, букв. «песнь о козле» или «песнь козлов», т. е. козлоногих сатиров), возникла древнегреческая трагедия. В Аттике Дионису были посвящены Великие Дионисии, Ленеи, Малые Дионисии.

В эллинистическое время культ Диониса слился с культом фригийского бога Сабазия. В Риме Дионис почитался под именем Вакха или Бахуса.

Аттические праздники в честь бога Диониса. Сельские (Малые) Дионисии справлялись в ноябре-декабре, Городские (Великие) — в феврале-марте.

В греческой мифологии близнецы Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды, братья Елены и Клитемнестры. По Аполлодору, Полидевк и Елена — от Зевса, Кастор и Клитемнестра — от спартанского царя Тиндарея (поэтому Полидевк считался бессмертным, а Кастор — смертным).

Диоскуры участвовали в нескольких героических предприятиях: они участвовали в походе аргонавтов и в калидонской охоте. По мифу, Диоскуры соперничали со своими ближайшими

родичами Афаретидами из-за дележа стада быков; в поединке Кастор пал от руки Идаса, в то время как Полидевк убил Линкея; Зевс же поразил перуном убийцу сына. У Гомера в «Илиаде». Бессмертный Полидевк был взят Зевсом на Олимп, но из любви к брату уделил ему часть своего бессмертия, они оба попеременно в виде утренней и вечерней звезды в созвездии Близнецов являются на небе.

В Спарте Диоскуров почитали в виде архаических фетишей — двух крепко соединенных друг с другом бревен.

В римской мифологии Диоскуры носят имена Кастор и Поллукс.

Римский бог подземного мира. Ему были посвящены устраивавшиеся раз в сто лет «секулярные игры» с искупительными ночными жертвоприношениями; особенно торжественно (вместе с празднествами в честь Аполлона и Дианы) они отмечались в 17 г. до н. э. Августом.

Древнегреческая хоровая песнь, связанная с культом Диониса (название получила от призыва «Thriambe Dithyrambe»). Дифирамб первоначально считался песней, посвященной Дионису, как пеан — Аполлону.

Самый знаменитый — после Дельф — религиозный центр Греции. В Додоне находился оракул Зевса, изречения которого давались жрицами по шелесту листьев священного дуба. В поздней античности покровителем Додоны считался Додон — сын Зевса и Европы.

В римской традиции сирийский бог Ваал из Долихии, отождествленный римлянами с Юпитером. При императоре Антонине Пие ему посвятили храм на Авентинском холме. Изображался стоящим на быке; в правой руке он держал двойной топор-лабрис, в левой — молнию.

В греческой мифологии нимфы, живущие в деревьях и погибающие, когда эти деревья умирали.

Шумеро-аккадское божество, персонаж мифа о любви к богине Инанне, сватовстве, браке и безвременной кончине бога в подземном мире. Думузи — супруг-возлюбленный богини любви и плодородия Инанны; божество, отданное богиней в подземный мир как выкуп за нее; олицетворение весеннего плодородия степи и божество плодородия в широком смысле слова.

Е

В греческой традиции дочь финикийского царя Агенора. Влюбившийся в Европу Зевс похитил ее, превратившись в прекрасного белого быка, на котором Европа переплыла море и попала на Крит, где Зевс разделил с ней ложе, после чего она родила сыновей Миноса, Сарпедона и Радаманта. Потом она стала супругой бездетного критского царя Астерия, усыновившего и воспитавшего ее детей от Зевса.

В греческой традиции спартанская царица, прекраснейшая из женщин, дочь Зевса и Леды. В юности Елена была похищена Тесеем, но, пока тот спускался в преисподнюю за Персефоной, Диоскуры освободили Елену и вернули ее в Спарту. Слухи о красоте Елены

распространились по всей Греции; к девушке сватались несколько десятков знатнейших героев Эллады (Менелай, Одиссей, Диомед, Сфенел, оба Аякса, Филоктет, Патрокл, Протесилай и др.). «Земной» отец Елены Тиндарей отдал предпочтение Менелаю — вероятно, не без влияния его старшего брата Агамемнона, женатого на дочери Тиндарея Клитемнестре.

Некоторое время спустя Афродита, выполняя обещание, данное Парису — сыну троянского царя Приама, привела его в дом Менелая, Елена увлеклась юным красавцем и бежала с Парисом в Трою, захватив с собой сокровища и много рабов (по другой версии мифа, восходящей к Гесиоду, Зевс или Гера подменили подлинную Елену ее призраком, за который и шла Троянская война). Прибыв в Трою, Елена своей красотой снискала симпатии многих троянцев, несмотря на бедствия, которые навлекла на их город.

По Аполлодору, Елена помогла Одиссею и Диомеду похитить из Трои статую Афины. Отчасти именно поэтому после взятия города ахейское войско, готовившееся побить Елену камнями, отказалось от этой мысли.

В Спарту Елена и Менелай вернулись к моменту похорон Эгисфа и Клитемнестры, павших от рук Ореста. «Одиссея» изображает Елену примерной женой Менелая. По Павсанию, после смерти она была перенесена на остров Левка в устье Дуная, где соединилась вечным союзом с погибшим в Троянской войне Ахиллом.

3

В греческой мифологии одна из архаических ипостасей Диониса, сын Зевса Критского и богини Персефоны, с которой Зевс вступил в брак в образе змея. Посланные богиней Герой титаны напали на Загрея, но он устрасил их, превратившись в дракона, тигра и быка. Гера своим свирепым мычанием побудила титанов к действию, и они растерзали Загрея. Зевс сбросил титанов в Тартар, опалил мать титанов землю страшным пожаром, а затем послал на нее потоп. Орфики превратили миф о Загрее в мистериальные таинства.

Греческое верховное божество, отец богов и людей, глава олимпийской семьи богов. Зевс — сын Кроноса и Реи. Отец Зевса, боясь быть низложенным своими детьми, проглатывал каждый раз только что рожденного Реей ребенка. Рея обманула мужа, дав ему проглотить вместо родившегося Зевса завернутый камень, а младенец втайне от отца был отправлен на Крит на гору Дикта. Согласно другому варианту, Рея родила Зевса в пещере горы Дикта и поручила его воспитание куретам и корибантам, вскормившим его молоком козы Амалфеи.

В Дельфах почитался архаический фетиш омфал («пуп земли») — камень, проглоченный Кроном, или камень как пуп младенца Зевса.

Возмужавший Зевс вывел своих братьев и сестер из утробы Кроноса, напоив его по совету Метиды зельем. За это другие боги отдали во владение Зевсу громы и молнии. В титаномании, продолжавшейся десять лет, Зевсу помогали гекатонхейры; киклопы выковали ему гром, молнию и перун. Побежденные титаны были низвергнуты в Тартар.

Три брата Зевс, Посейдон и Аид разделили между собой власть. Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — царство мертвых. Против Зевса восстала Гея и наслала на него

свое порождение — Тифона, но Зевс поразил его огненными молниями. Но Гея породила новых детей — гигантов; разразилась гигантомахия.

Зевсу также пришлось бороться со своими ближайшими родственниками, против него восстали Гера, Посейдон и Афина (по другой версии, Аполлон). С помощью Фетиды и гекатонхейров Зевс устрасил заговорщиков. По совету Геи и Урана Зевс проглотил свою первую супругу Метиду, чтобы избежать рождения от нее сына, который будет сильнее отца. Фемида, дочь Геи, открыла Зевсу тайну, что такой же сын родится от Фетиды. Отказавшись от брака с Фетидой и выдав ее за героя Пелея, Зевс способствовал возникновению Троянской войны. Вторая супруга Зевса — богиня справедливости Фемида. Их дочери Горы сообщают жизни богов и людей размеренность и порядок, а мойры, богини судьбы, как бы продолжают волю Зевса. Третья по счету, но первая по значению жена Зевса Гера — богиня законного супружества и покровительница брачных законов.

Среди потомков Зевса также Хариты, богини радости и веселья; Музы; Аполлон и Артемида. Другие потомки Зевса — герои: Персей, Геракл, Диоскуры, Сарпедон, знаменитые цари и мудрецы Минос, Радамант и Эак.

Атрибуты Зевса — эгида, скипетр, иногда молот. В честь Зевса Олимпийского устраивались панэллинские Олимпийские игры в Олимпии.

У римлян Зевсу соответствует Юпитер.

В греческой мифологии один из сыновей Астрея и зари Эос, брат Борея и Нота, бог западного ветра. С гарпией Подаргой Зефир породил знаменитых своей быстротой коней Ахилла. По велению Эроta Зефир унес Психею в его владения.

И

Греческое божество, связанное с Деметрой, Персефоной, Дионисом и Элевсинскими мистериями. Иакх — сын Деметры или ее питомец, либо сын Персефоны и Зевса, одна из ипостасей Загрея, то сын Диониса и нимфы Ауры.

Иакха призывали во время Элевсинских мистерий, и священный возглас превратился в имя божества.

. Гора на Крите, с пещерой, в которой родился Зевс.

. Гора в Малой Азии, на вершине которой сочетались священным браком Зевс и Гера. На этой горе также состоялся суд Париса.

В греческой традиции царь лапифов. Допущенный к трапезе богов на Олимпе, Иксион посмел домогаться любви Геры; Зевс создал ее образ из облака, которое от соединения с Иксионом родило на свет чудовищное потомство — кентавра (или кентавров). Когда же Иксион начал похваляться своей победой над Герой, Зевс повелел привязать его к вечно вращающемуся колесу и забросить в небо.

В греческой традиции сын Троса и отец Лаомедонта, основатель Трои (Илиона).

Греческая богиня-покровительница рожениц, дочь Зевса и Геры. Илифия посылает

роженицам острые боли, но и освобождает их от страданий.

Римские божества, хранители городов, «отечественные боги», хранящие Рим вместе с Ромулом и Вестой. Также считалось, что индигеты — обожествленные герои, почитавшиеся в конкретной местности: по Ливию, Эней почитался под именем Юпитера Индигета.

В греческой традиции одна из дочерей Кадма, вторая супруга беотийского царя Афаманта. Ино взяла на воспитание младенца Диониса, сына своей погибшей сестры Семелы, и всюду провозглашала его божественность. За это ревнивая Гера наслала на нее безумие. Вместе со своим сыном Меликертом Ино бросилась в море, где была превращена в благодетельное морское божество по имени Левкофея, а ее сын стал божеством по имени Палемон. Оба они помогают морякам и терпящим бедствие путникам.

В Риме Ино почиталась под именем Матер Матуга, а Палемон как Портин, помогающий морякам благополучно достичь гавани.

В греческой мифологии крылатая вестница богов, сходящая на землю по радуге. По Гесиоду, Радуга — пояс Ириды.

Египетская богиня плодородия, воды и ветра, покровительница семейной верности и богиня мореплавания. В греко-римском мире ее называли «та, у которой тысяча имен». Исида — дочь Геба и Нут, сестра Осириса (и его супруга) и Сета, мать Гора. Основные повествования об И. тесно переплетены с мифом об Осирисе.

Первоначально Исида почиталась в северной части дельты Нила и центром ее культа был город Буто. Изображалась в виде коровы или женщины с коровьими рогами на голове.

По Диодору Сицилийскому, Исида научила людей жать, растирать зерна; поэтому греки отождествляли ее с Деметрой.

Ни одно египетское божество (за исключением Сераписа) не получило такой широкой популярности в греко-римском мире, как Исида. В IV в. до н. э. храм Исиды был построен в Пирее, во II в. до н. э. на острове Делос. Известны также святилища Исиды в близ Дельф, около Коринфа и других местах Греции. В Италии культ Исиды распространялся начиная со II в. до н. э.; известны храмы Исиды в Риме, Помпеях, Беневенте и других городах. Об Исиде писали многие античные авторы (Плутарх, Апулей, Лукиан, Ювенал).

В римской традиции царь сикулов. Уйдя из Сицилии, поселился на реке Тибр и назвал эту страну Италией.

В греческой мифологии кровь богов.

К

В греческой мифологии демонические существа, дети бога Гефеста и нимфы. От отца они унаследовали божественную мудрость. Кабиры присутствовали при рождении Зевса, а впоследствии входили в свиту Великой Матери.

По замечанию Страбона, «...обряды кабиров имели мистический характер», а «название свое кабиры... получили от горы Кабира в Берекентии».

В греческой традиции сын финикийского царя Агенора, брат Европы, основатель Фив (в Беотии). Посланный отцом вместе с другими братьями на поиски Европы, Кадм после долгих неудач во Фракии обратился к дельфийскому оракулу Аполлона и получил указание прекратить поиски и следовать за коровой, которая ему повстречается при выходе из святилища; там, где корова ляжет отдохнуть, Кадм должен основать город. В указанном месте К. пришлось вступить в борьбу с драконом, растерзавшим его спутников. Убив чудовище камнями, Кадм по совету Афины засеял поле его зубами, из которых выросли вооруженные люди (спарты), тут же вступившие в единоборство друг с другом. Пятеро оставшихся в живых стали родоначальниками знатнейших фиванских родов в основанной Кадмом крепости Кадмее, вокруг которой выросли Фивы.

Так как убитый Кадмом дракон был сыном бога Ареса, Кадму пришлось в течение восьми лет нести искупительную службу у бога, после чего Арес по воле Зевса выдал за Кадма свою дочь Гармонию и пригласил на их свадьбу всех богов. От этого брака у Кадма родились сын Полидор и четыре дочери: Автоноя, Ино, Агава и Семела.

В историческое время К. приписывали изобретение греческого письма.

Золотой (первоначально деревянный — из лавра или оливы) жезл, оплетенный змеями и увенчанный двумя крыльями или крылатым шлемом: изготовлен для Гермеса божественным кузнецом Гефестом — или получен Гермесом от Аполлона в обмен на свирель.

«Прообразом» кадуцея, вероятно, послужил витой змеиный жезл шумерского божества-целителя Нинурты, изображено которого присутствует, в частности, на жертвенной чаше царя Лагаша; переплетенные змеи в Междуречье считались символом здоровья. В Греции кадуцей стал атрибутом Гермеса как бога вестей и проводника душ умерших (этот жезл обладал свойством открывать врата загробного мира). Гермес «унаследовал» свой жезл от жезлов глашатаев — прутьев, перевитых плющом или виноградными лозами, и служивших эмблемой миролюбия — по закону магического сходства между лозой и змеей.

Свои кадуцеи были также у бога врачевания Асклепия (с одной змеей) и богини-вестницы Ириды. В римской традиции кадуцей стал атрибутом бога торговли Меркурия и именно в качестве эмблемы торговли вошел в международную эмблематику.

Греческое божество благоприятного момента, почитавшееся в Олимпии. Кайрос изображали в облике крылатой женщины с весами в руках.

В греческой традиции охота на вепря Артемиды. По мифу, царь Калидона в Этолии Ойней, собрав обильный урожай и принеся после этого жертвы всем богам, забыл Артемиду и тем самым оскорбил ее. Разгневанная богиня наслала на Калидон огромного и свирепого вепря, который опустошал поля, с корнем вырывал садовые деревья и убивал прячущихся за городские стены жителей. Ойней решил устроить охоту на вепря и пригласил участвовать в ней самых отважных героев Эллады, пообещав тому, кто убьет вепря, в награду шкуру зверя. Во главе охотников встал сын Ойнея Мелеагр. В «Мифологической библиотеке» Аполлодора перечислены свыше 20 участников охоты, среди них — Диоскуры, Тесей, Ясон, Амфиарай и единственная женщина — участница охоты Аталанта. По Овидию, в охоте участвовали более 50 героев, в том числе Лаэрт (отец Одиссея), Нестор и другие. Когда собаки выгнали вепря из леса, зверь бросился на охотников. Многие пали жертвой острых клыков, а некоторые

погибли от ран, нанесенных друг другу случайно в пылу охоты. Решающий удар вепрю нанес Мелеагр, и ему по праву принадлежал почетный трофей.

Тогда Артемида вызвала жестокую войну за охотничий трофей между калидонцами и родственными им жителями Плеврона. В этой войне калидонцы сперва сражались успешно, но когда Мелеагр убил брата своей матери Плексиппа, та прокляла сына и пожелала ему смерти. Оскорбленный Мелеагр отказался участвовать в дальнейших битвах, и плевронцы стали одерживать победы. Когда они были уже на стенах Калидона, раскаявшаяся мать, отец и все жители стали уговаривать героя встать на защиту родного города, но Мелеагр отказывался, пока жена Клеопатра не попросила его взяться за оружие. Мелеагр отразил натиск врагов, но и сам погиб в сражении.

У Овидия встречается мотив любви Мелеагра к Аталанте. На пиру, предшествовавшем охоте., некоторые заявили, что не хотят идти на охоту вместе с женщиной, но сразу же влюбившийся в Аталанту Мелеагр принудил их примириться с приглашением прекрасной аркадянки. Охотница первой ранила зверя, поразив его стрелой в спину, и добивший вепря Мелеагр с радостью уступил ей почетный трофей — шкуру и голову кабана. Это послужило причиной ссоры между Мелеагром и его дядьями. Они отобрали у охотницы добычу. За это разгневанный Мелеагр убил своих дядьев.

В римской мифологии нимфы ручья в роще у Капенских ворот в Риме. Из ручья камен весталки черпали воду для храма Весты. Со временем камен стали отождествлять с греческими музами, поскольку их имя напоминает глагол «сапеге» — «петь». Вергилий в «Буколиках» говорит:

В очередь будете петь — состязания любят Камены.

В греческой мифологии нимфа Тартара. У нее женское тело и пятьдесят змей вместо головы. Правда, Овидий в «Фастах» утверждает, что облик кампы иной:

Было Землей рождено чудовище страшного вида —

Спереди было быком, сзади же было змеей.

В черных лесах его Стикс заключил по завету трех Парок

И оградил его там крепко тройною стеной.

В Тартаре кампа сторожила киклопов. Согласно Аполлодору, после того как Зевс десять лет сражался с титанами, «Гея предсказала Зевсу победу, если он привлечет в качестве союзников тех, кто был низвергнут в Тартар. Тогда Зевс, убив сторожившую их Кампу, освободил их от оков».

По другой версии мифа, изложенной Овидием, победа была предсказана тем, кто сумеет сжечь бычье тело кампы:

По предсказанию тот, кто нутро у быка в силах выжечь,

Смог бы потом одолеть и вековечных богов.

Рушит быка Бриарей секирою из адаманта

И уж вот-вот он нутро в пламя низвергнет его, —

Нет! Юпитер велит его выхватить птицам, и коршун

Вырвал его, и за то в небе сияет звездой.

Римская богиня-родовспомогательница. Ее помощницы (или сестры) Прорса и Постворта получили свои имена от названий двух положений ребенка при родах. Карменте был посвящен праздник Карменталий. Имя Карменты производилось также от слова «carmen» (песня): считалось, что в песнях она предсказывает судьбу новорожденным; Кармента предрекает события, а ее сестры Постворта и Антеворта видят как прошедшее, так и будущее.

Римская богиня подземного мира. В праздник Карнарий ей приносилась в жертву бобовая каша, а могилы родных украшались цветами. По Овидию, Карна — нимфа-охотница, заманивавшая влюбленных в темные пещеры и затем скрывавшаяся. Ее перехитрил, благодаря способности видеть происходящее позади себя, Янус и, став ее любовником, даровал ей власть над дверными петлями и колючую ветвь. Кармента считалась также защитницей детей и хранительницей внутренних органов человека.

Праздник в честь Аполлона Карнейского, справлявшийся дорийцами (в особенности спартанцами).

В греческой традиции троянская пророчица, дочь Приама и Гекубы. Даром провидения наделил Кассандру домогавшийся ее любви Аполлон; когда Кассандра отказалась ответить ему взаимностью, Аполлон в отместку ей сделал так, что ее вещие слова не стали принимать всерьез. Кассандра первой опознала Париса, явившегося на состязания в Трою, и хотела его убить, чтобы избавить родину от бедствий, которые Парис потом навлек на Трою. Она уговаривала Париса отказаться от бракосочетания с Еленой, а затем убеждала троянцев не верить словам Синона и не вводить в Трою деревянного, но ее прорицаниям опять не поверили.

В ночь падения Трои Кассандра искала убежища у алтаря Афины. По Аполлодору, ею насильно овладел Аякс Оилид. Как пленница Кассандра досталась в добычу Агамемнону и погибла вместе с ним от руки Клитемнестры, увидевшей в ней соперницу.

По Павсанию, в ряде мест Пелопоннеса (в Амиклах, Микенах, Левктрах) указывали могилу и храм Кассандры.

Источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и Музам. В воде Касталии очищались паломники, приходившие в Дельфы. В современном языке выражение «Кастальский ключ» означает источник вдохновения.

В греческой мифологии огромное животное, обитавшее в Эфиопии. Имя катоблепаса в переводе означает «тот, кто смотрит вниз» и объясняется тем, что у зверя очень тяжелая голова: он не в силах держать ее прямо, а потому его голова все время лежит на земле. Катоблепас, подобно василиску, способен убивать взглядом или дыханием, ибо он питается

ядовитыми травами, один аромат которых может оказаться роковым для человека. Когда катоблепас особенно голоден, он принимается пожирать собственные лапы.

Римский бог сабинского происхождения, вошел в римский пантеон после заключения Ромулом мира с царем сабинян Титом Тацием. Квири́н — бог народного собрания, отсюда полное наименование римлян «римский народ квири́тов»; ипостась Марса (мирный Марс).

Позднее Квири́н был отождествлен с Ромулом — учредителем важнейших институтов римской общины. Известен также храм Януса-Квирина́ как бога, ведавшего войной и миром. Фламин Квирина́ наряду с фламинями Юпитера и Марса принадлежал к высшему рангу в иерархии жрецов и участвовал в культе Роби́го — божества, отвращавшего от гибели урожай и другие грозившие гражданской общине бедствия, — и в культе Акки Ларенти́и как благодетельницы римского народа.

В греческой традиции афинский царь-автохтон (рожденный землей), получеловек-полузмея. Став первым царем Аттики, Кекроп назвал страну по своему имени: Кекропия. При нем произошел спор между Посейдоном и Афиной за обладание Аттикой; состязаясь в дарах жителям Аттики, Посейдон выбил источник воды, а Афина посадила оливу.

В греческой мифологии полулюди-полукони, обитающие в горах и лесных чащах. Кентавры — существа дикие, отличаются буйным нравом и невоздержанностью. Пиндар в «Пифийских гимнах» излагает миф о рождении кентавров:

И в просторах великой опочивальни

Он (Иксион) дерзнул на Диеву жену.

Но всякая мера — по мерщичу!

Непутное ложе

В гущу горя ввергло наложника:

Он спал с тучей,

Он ловил сладкую ложь,

Незрячий!

Видом она была, как небесная Кронова дочь,

А восставила ее в хитрость ему Зевсова ладонь —

Красную пагубу!

И четыре спицы гибельно захлестнули его в узлы,

И рукам и ногам его не уйти от пут,

И что сказано ему — то сказано всем.

Не стояли Хариты вокруг,

Когда был рожден ему сын — не сын,
Единственный от единственной,
Не в чести меж людей, ни в уставах богов,
И вскормившая назвала его Кентавром.
Он смешался с магнесийскими кобылицами
У круч Пелиона,
И от них рождено чудное полчище,
Схожее с обоими, —
Снизу как мать, сверху как отец.

Кентавры воспитывали героев (Ясона, Ахилла) — и сражались с ними. Они смертны, бессмертен лишь наставник Ахилла Хирон.

Но и он, страдая от раны, нанесенной Гераклом, жаждет смерти и потому отказывается от бессмертия в обмен на освобождение Прометея.

Вот что сказано у Аполлодора: «Четвертым из подвигов Эврисфей назначил принести живым Эримаифского вепря. Этот зверь опустошал окрестности города Псофиды... Проходя через Фролою, Геракл был радушно принят кентавром Фолом... Когда Геракл попросил вина, Фол ответил, что боится открыть общую, принадлежавшую всем кентаврам бочку. Тогда Геракл посоветовал ему быть смелее и сам открыл эту бочку. Вскоре привлеченные запахом вина кентавры сбежались к пещере Фола, схватив кто огромный камень, кто целую сосну». Геракл прогнал кентавров, и они тогда бросились к Хирону, а Геракл погнался за ними. «Целясь из лука в кентавров, столпившихся вокруг Хирона, Геракл выпустил стрелу, но она, пронзив плечо кентавра Элата, засела в колене Хирона. Глубоко огорченный этим, Геракл подбежал и, вытащив стрелу, приложил к ране лекарство... Но рана была неизлечимой, и кентавр удалился в пещеру, желая там умереть. Однако умереть он не мог, так как был бессмертен; тогда Прометей предложил себя Зевсу в обмен, тот сделал его бессмертным, а Хирон скончался».

Наиболее известный мифический сюжет, связанный с кентаврами, — так называемая кентавромахия, или битва кентавров с лапифами. Эта битва разгорелась из-за того, что кентавры попытались похитить себе жен у своих соседей-лапифов. Подробный рассказ об этом сражении, завершившемся победой лапифов, можно найти в «Метаморфозах» Овидия.

В греческой мифологии чудовищный пес, страж аида. Это трехглавое чудовище со змеиным хвостом; его туловище усеяно головами змей. Кербер — одно из порождений Эхидны и Тифона (другие — лернейская гидра и немейский лев). Совершая свой двенадцатый подвиг, Геракл связал Кербера и вывел его из аида, но затем вернул обратно. По рассказу Овидия, Медея, чтобы покончить с Тезеем, варила аконит — цветок, выросший из пены Кербера:

Чтобы его извести, аконит заварила Медея, —

Ею он был привезен когда-то со скифских побережий.

Произвели же его, как о том говорится в преданье,

Зубы Ехиднина пса. Пещера с отверстием черным

Есть при дороге крутой, по которой тиринфянин храбрый

Цербера-пса, что идти упирался, глаза от сверкавших

Солнца лучей отводя, на цепи адамантовой к свету

Вывел. А тот, разъярясь, возбуждаемый бешеной злобой,

Громким лаем тройным одновременно воздух наполнил

И по зеленым лугам разбросал белесую пену.

Пена пустила ростки, говорят, и, влагу впивая

Из плодоносной земли, получила зловредную силу.

Этот живучий цветок, растущий на твердых утесах,

Жители сел аконитом зовут.

В греческой мифологии братья, за постоянную ложь превращенные Зевсом в обезьян. Овидий в «Метаморфозах» говорит:

Древле родитель богов, рассердясь на обманы керкопов,

На нарушение клятв, на коварные их преступления,

Этих людей превратил в животных уродливых, — чтобы

Были несхожи они с человеком, но вместе и схожи.

Члены он их сократил; опустил и приплюснул им ноздри;

Избороздил им лицо, стариковские придал морщины

И, целиком все тело покрыв им рыжею шерстью,

В этих местах поселил; предварительно речи способность

Отнял у их языков, уродившихся для вероломства:

Жалобы лишь выразить дозволил им хрипом скрипящим.

По другой версии мифа, изложенной Аполлодором, керкопы — уродливые существа, разбойники, убивавшие путников. Их победил Геракл.

В греческой мифологии демонические существа, дети Ночи. Они приносят людям несчастье и смерть. В «Илиаде» керы описаны так:

Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:

Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,

Или убитого за ногу тело волочит по сече;

Риза на персях ее обагрована кровью людскою.

В битве, как люди живые, они нападают и бьются,

И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Греческая богиня фригийского происхождения, отождествлявшаяся с Реей. Мифы о Кибеле связаны с историей юного Аттиса. Богиня требует от своих служителей полного подчинения, забвения в безумном восторге и экстазе, когда жрецы Кибелы наносят друг другу кровавые раны или когда неопиты оскопляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини. Изображалась на золотой колеснице с зубчатой короной в виде башни на голове, в окружении безумствующих корибантов и куретов, диких львов и пантер.

Культ Кибелы в Риме был введен в 204 г. до н. э. в конце 2-й Пунической войны и слился с римским представлением о богине посевов и жатвы Опе. После этого Кибела стала почитаться как покровительница благосостояния городов и всего государства. Другие имена Кибелы: Диндимена, Идейская мать, Великая Мать богов.

В греческой мифологии трое сыновей Урана и Геи, исполины с одним глазом посреди лба. Киклопы принадлежали к древнейшему поколению богов. Уран сбросил их в Тартар, но Зевс освободил киклопов, чтобы они помогли ему в борьбе с титанами. Аполлодор сообщает, что киклопы «дали Зевсу гром, молнию и перун, Аиду шлем, а Посейдону трезубец». Позже киклопы погибли от руки Аполлона. По Вергилию, киклопы, будучи подручными Гефеста, выковали колесницу Марса, эгиду Паллады и доспехи Энея.

Гомер изображает киклопов жестокими великанами, племя которых обитает в пещерах, питаясь плодами земли. Единственное богатство киклопов — стада. Широко известен миф о том, как киклоп Полифем пытался сожрать Одиссея и его спутников, но хитроумный Одиссей обманул Полифема, ослепил его и благополучно покинул остров вместе со спутниками.

В греческой мифологии чудесный народ, обитающий на крайнем севере. Гомер описывает их страну в таких выражениях:

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;

Там киммериян печальная область, покрытая вечно

Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет

Оку людей там лица лучезарного Гелиос...

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

В греческой традиции дочь Тиндарея и Леды, супруга Агамемнона. В браке Клитемнестра родила трех дочерей (Ифигению, Хрисофемиду и Электру) и сына Ореста. Когда Агамемнон отплыл с ахейским флотом под Троию, его отсутствием воспользовался Эгисф, который давно домогался любви Клитемнестры. Возвратившийся после победы в Троянской войне Агамемнон был убит Эгисфом.

Позднее в литературной традиции в сюжете убийства Агамемнона возрастает роль Клитемнестры. У Эсхила уже она сама изображается непосредственной убийцей мужа.

По Пиндару, Клитемнестра пошла на убийство Агамемнона, боясь разоблачения в его глазах. Впоследствии сын Клитемнестры и Агамемнона Орест отомстил матери за смерть отца, убив ее и Эгисфа.

Римская богиня согласия между гражданами, народом и сенатом, в эпоху империи — между императорами и их соправителями. Первый храм Конкордии был открыт на Форуме в 387 г. до н. э. по случаю примирения патрициев и плебеев; после подавления движения Гракхов храм подновили и снова освятили. В эпоху империи Конкордия Августа (воплощение согласия в войске, между провинциями и Римом и пр.) часто изображалась на монетах и имела святилища в разных частях римского мира.

Римский аграрный бог, почитавшийся вместе с богиней Опис, страж зерновых запасов, убиравшихся на зиму в подземные хранилища. Его подземный алтарь открывался только дважды в год (21 августа и 15 декабря) в праздник Консуалий, когда богу приносились жертвы, устраивались бега, состязались пастухи, украшались венками лошади, мулы, ослы. По преданию, во время Консуалий были похищены дочери приглашенных Ромулом на праздник сабинян.

В греческой традиции «мистериальное» имя богини Персефоны.

В греческой мифологии спутники Великой Матери богов. Аполлодор сообщает, что корибанты — дети Аполлона и музы Талии. Страбон же замечает, что по одним источникам «корибанты были некими демонами — детьми Афины и Гелиоса. Согласно другим, корибанты — дети Кроноса; наконец, еще некоторые писатели считают их сыновьями Зевса и Каллиопы и утверждают их тождество с кабирами». Чуть раньше тот же Страбон характеризует корибантов в таких выражениях: «по одним сказаниям, корибанты, кабирь, Идейские Дактили и тельхины отождествляются с куретами, в других — эти племена изображаются родственными, с некоторыми незначительными отличиями между собой. Говоря кратко, их всех считают чем-то вроде людей, боговдохновенных и пораженных вакхическим безумием, которые в образе служителей божества при совершении священных обрядов устрашают людей военной пляской, исполняемой в полном вооружении под шум и звон кимвалов, тимпанов и оружия в сопровождении флейты и воплей».

Греческая богиня фракийского происхождения, покровительница растительности и плодородия. Ее культ был распространен в основном в Коринфе.

В греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи. По наущению своей матери оскотил серпом Урана, чтобы прекратить его бесконечную плодовитость. Воцарившись вместо отца, Кронос взял в супруги свою сестру Рею. По предсказанию Геи, его должен был

лишить власти собственный сын, поэтому как только у Реи рождались дети, Кронос тотчас проглатывал их. Однако Рея обманула Кроноса, подложив ему вместо младшего сына Зевса запеленутый камень. Зевс был тайно вскормлен в пещере на Крите. Возмужав, он по совету Метиды опоил Кроноса волшебным питьем, благодаря которому Кронос изрыгнул на свет братьев и сестер Зевса.

Под предводительством Зевса дети Кроноса объявили войну титанам, длившуюся десять лет. Победенные титаны вместе с Кроносом были сброшены в Тартар и находились там под стражей гекатонхейров.

По орфической традиции Кронос примирился с Зевсом и стал править на Островах блаженных, отсюда возникло понятие о царствовании Кроноса как счастливого и благодатного времени. Народная этимология сблизила имя Кроноса с наименованием времени — Хроносом.

В римской мифологии Кронос известен под именем Сатурна, который воспринимался как символ неумолимого времени.

В этрусской мифологии божество, соответствующее римскому Янусу. Имел четыре лица, которые символизировали четыре небесных региона.

В хурритской мифологии «отец богов», сын Ану, отец Тешуба. Почитался как бог зерна. На наскальном рельефе близ Богазкея изображен с колосом в руке.

Важнейший миф, в котором действует Кумарби, — о смене поколений богов (Кумарби сменяет на небесном престоле Ану; Тешуб, в свою очередь, свергает Кумарби).

Римское божество любви. Соответствует римскому Амуру и греческому Эроту.

В греческой мифологии демонические существа, входившие в свиту Великой матери богов и заглушавшие бряцанием оружия и криками плач младенца Зевса — чтобы не услышал кровожадный Кронос. Куреты — дети матери-земли Геи или же Афины и Гелиоса. Они учили людей приручать животных, строить дома и т. д.

Л

Двухлезвийный топор, важнейший символ критской культуры. Эмблема Великой Богини, инструмент жертвоприношений — лабрис укрепляли на верхушке длинного шеста, под которым приносили в жертву богине животных.

Изображения лабриса найдены не только на Крите, но и во Франции, и на камнях Стоунхенджа.

В римской традиции дочь царя Латина и Аматы. По желанию Аматы была помолвлена со своим двоюродным братом Турном. Однако, повинувшись предсказанию оракула, отец решил отдать ее в жены Энею, и это привело к войне между Турном и Энеем. Победив, Эней женился на Лавинии и построил город, названный в ее честь Лавинием. После смерти Энея Лавиния, преследуемая пасынком Асканием-Юлом, бежала в лес и родила сына Сильвия (ставшего родоначальником царей основанной Асканием Альба Лонги; по другой версии,

Сильвий был сыном Аскания).

В греческой мифологии чудовище, наполовину человек, наполовину животное. Ее тело покрыто чешуей, у нее человеческие руки и козлиные копыта вместо ног, а голова и грудь — женские.

Согласно Аполлодору, греческая Ламия была царицей Ливии. Ее соблазнил бог Зевс, а ревнивая Гера, его супруга, убила детей Ламии, а саму царицу превратила в животное с телом змеи, лошадиными копытами и львиным хвостом. Это чудовище бродило по ночам (Гера вдобавок лишила ее сна), похищая и пожирая детей. Зевс сжалился над Ламией и даровал ей возможность вынимать глаза из глазниц: вынув глаза, Ламия засыпала и становилась безвредна.

Образ ламии в средневековом западноевропейском фольклоре отличается от традиционного. В западноевропейском фольклоре известна не одна ламия, а сразу несколько. Это прекрасные девушки с длинными волосами. Они соблазняют молодых людей и пьют их кровь, то есть ведут себя подобно инкубам. Южные славяне считали ламию чудовищным змеем с головой собаки; эта змея пожирала все, что вырастало на полях и в садах.

Английский поэт-романтик Джон Китс описывал ламию в таких словах:

Сто лун серебряных на теле гибком

То растворялись вдруг в мерцанье зыбком,

То вспыхивали искрами, сплетясь

В причудливо изменчивую вязь.

Была она сильфидою злосчастной,

Возлюбленною демона прекрасной

Иль демоном самим? Над головой

Змеиною сиял созвездий рой...[67]

В греческой традиции царь Трои, сын Ила и Эвридики. Когда Аполлон и Посейдон построили для Лаомедонта стены Трои, он отказал им в обещанной плате. За это Аполлон наслал на Трою чуму, а Посейдон — морское чудовище, пожиравшее жителей. Чтобы избавиться от него, Лаомедонт должен был принести ему в жертву свою дочь Гесиону, но девушку спас Геракл, убив чудовище. Однако Лаомедонт снова не сдержал слова, отказавшись отдать Гераклу обещанных ему в награду волшебных коней. Спустя некоторое время Геракл пошел походом на Трою, разорил город и убил Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Подарка, известного затем под именем Приама.

В греческой традиции фессалийское племя, обитавшее в горах и лесах Оссы и Пелиона. Они вели свое происхождение от Пенея (бога одноименной реки в Фессалии), дочь которого Стильба родила от Аполлона сына Лапифа. Лапифы отличались диким воинственным и независимым нравом, который проявился во время их сражения с кентаврами,

приглашенными на свадьбу Пирифоя с Гипподамией. Царь лапифов Пирифой дерзнул отправиться вместе с Тесеем похитить богиню Персефону и за это был навеки прикован к скале. Сын царя лапифов Флегия — Иксион — покушался на богиню Геру.

В римской мифологии злые духи (души умерших), которые преследуют людей — или мучают грешников в подземном мире. Чаще всего ларв отождествляли с лемурами.

В римской мифологии божества-покровители семей, общин и принадлежащих им земель. К ларам, которых связывали с культом предков, обращались за помощью. Считалось, что они строго блюдают традиции и обычаи; рабы искали у домашних ларов защиты от жестоких хозяев. Как правило, лары изображались в виде двух юношей в собачьих шкурах и с собакой у ног (шкура и собака символизировали неусыпную бдительность ларов).

Изображения ларов ставились на очаге; иногда их помещали в нише поблизости, откуда вынимали в дни праздников и совершали им жертвоприношения и возлияния.

Овидий в «Фастах» так объясняет праздник Ларалий:

В мая календы алтарь был воздвигнут хранителям-Ларам

И изваяния с ним малые этих богов...

Имя «хранителей» им потому присвоено было,

Что охраняет их взор все, за чем смотрят они.

Нас они берегут, соблюдают и города стены,

С нами всегда, и во всем помощь они подают.

Но у подножия Ларов стоит из камня собака —

Как объяснить, почему вместе здесь Лары и пес?

Вместе хранят они дом и оба хозяину верны;

За перепутьем следит Лар, и собака следит.

Оба сгоняют воров — и Лар, и Дианина стая,

Бдительны Лары всегда, бдительны также и псы.

В римской традиции сын Фавна, царь Лаврента, или, по греческой версии, сын Одиссея и отец Лавинии; эпоним латинян, якобы образовавшихся из слияния аборигенов и троянцев (по Ливию). После гибели в бою Латин был обожествлен под именем Юпитера Латиариса; его святилище, общее для всех латинян, построенное римскими царями после разрушения Альбы, находилось на Альбанской горе.

Греческое морское божество, в которое превратилась Ино, бросившись в море.

В греческой традиции супруга спартанского царя Тиндарея. Дети Леды были близнецы-Диоскуры, Клитемнестра и Елена. Последняя считалась дочерью Зевса, который соединился

с Ледой в образе лебедя; от этого союза она родила яйцо, и из него появилась Елена. По другой версии мифа, Леда только сберегла у себя яйцо, снесенное богиней Немесидой от брака с Зевсом и найденное пастухом; когда из него появилась красавица-девочка, Леда воспитала ее как собственную дочь.

В римской мифологии зловещие призраки, души мертвецов, не погребенных в соответствии с обычаем, умерших насильственной смертью, а также души преступников и т. д. Они ночами бродят по земле и насылают на людей безумие. Девятого, одиннадцатого и тринадцатого мая отмечались Лемурии — дни лемуридов, когда закрывались все храмы и не совершалось ни единого брака.

Чтобы изгнать лемуридов, требовался особый обряд. Глава семьи вставал ночью и, трижды совершив омовение рук, брал в рот черные бобы, а затем принимался бросать их через плечо и повторял девять раз, что этими бобами искупает себя и своих близких. После чего девять раз стучал в медный таз и требовал от лемуридов покинуть дом. По свидетельству Овидия, обряд изгнания лемуридов (которых поэт иногда отождествляет с манами) берет свое начало в глубокой древности:

Прежде короче был год, очищений февральских не знали,

Месяцев не был вождем Янус с двояким лицом, —

Но и в то время дары приносили пред прахом усопших

И почитали своих дедов умерших сыны.

Месяц назначен был май для поминовения предков покойных,

И сохранился досель этот отчасти обряд.

В полночь, когда тишина наступала, и все засыпали,

Лай умолкал собак и щебетание птиц,

Помнящий древний обряд и умеющий бога бояться

Тут поднимается, сняв обувь свою, босиком;

Пальцами знак он дает, прижимая их к пальцу большому,

Чтобы бесплотная тень не повстречалась с ним.

После же, руки свои омыв проточной водою,

Он, отвернувшись, берет черные в руку бобы;

Бросив их, он говорит: «Бобы я эти бросаю

Чтобы себя и своих ими от вас убережь!»

Девять раз говорит он так без оглядки; считают,

Что подымает их тень, следом незримо идя.

Снова коснувшись воды, он в темесскую медь ударяет

И умоляет уйти тень из-под крова его.

Девять раз повторив: «Уходите вы, отчие маны!»,

Он, обернувшись, свой этим кончает обряд.

Но почему этот день название носит Лемурий,

Мне невдомек; это мне может лишь бог объяснить.

Считалось, что Лемурии учредил Рем, призрак которого явился Акке Ларентии, кормилице Рема и Ромула, и ее мужу Фаустулу. Первоначально, по некоторым сведениям, праздники назывались не Лемуриями, а Ремуриями, то есть днями Рема.

Зимнее празднество в честь Диониса, проходившее в священной местности Леней.

В греческой мифологии чудесный народ, великаны-людоеды, с которыми столкнулся Одиссей во время своих скитаний. Гомер устами Одиссея рассказывает об этой встрече так:

Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые

Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов, Ламосу...

Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал

(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы

Людам, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?

Гладкая скоро дорога представилась им, по которой

В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.

Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином

За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей...

К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,

Дева, кто властвует здешним народом и здешней страной?»

Дом Антифата, отца своего, им она указала.

В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки

Встретили, ростом с великую гору — они ужаснулись,

Та же велела скорей из собранья царя Антифата

Вызвать; и он, прибежав на погибель товарищей наших,

Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратились; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
Много сбежалось их, великанов, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялась тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, навязали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсеки
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людам, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избежать
Близкой беды...
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.

В греческой мифологии дочь титанов, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду. В Гомеровском гимне описывается картина долгих странствий богини по материку и островам греческого мира, ее просьба к Делосу стать ей пристанищем и обещание прославить остров великолепным храмом. Девять дней мучалась Лето в тяжелых схватках. Злобная Гера задержала богиню родов Илифию под облаками на Олимпе. Через Ириду богини одаривают Илифию ожерельем, и тогда с ее помощью появляется на свет Аполлон. Опасаясь Геры, все отвергают Лето, и только остров Астерия (первоначальное название Делоса) приютил богиню, став священнейшим из островов; там, под пальмами Лето родила своих детей.

Согласно Атенею, на Делосе находилось древнейшее изображение Л. — грубый фетиш в виде неотделанного полена. По сообщению Страбона, на реке Ксанф в Ликийи (Малая Азия) был храм Лето, на острове Родос ей была посвящена роща.

В римской мифологии Лето известна под именем Латоны.

Римский бог плодородия и оплодотворяющей силы, затем виноградарства, отождествлявшийся с Вакхом-Дионисом. Его женская параллель — Либеры. Либер, Либеры и Церера как «плебейская триада» богов противопоставлялись «патрицианской триаде» (Юпитер, Юнона и Минерва). Впоследствии Либер стал богом свободных самоуправляющихся городов (по созвучию имени со словом *libertas*, «свобода»).

В посвященный богу праздник Либералий граждане собирались на перекрестках, наряжались в маски из коры и листьев, раскачивали сделанный из цветов фаллос, совершали всякие «веселые непристойности» и пели шуточные песни, ставшие одним из истоков римской комедии.

Римская богиня свободы, имевшая храм на Палатинском холме.

Римская богиня похорон. По преданию, царь Сервий Туллий приказал вносить в святилище Либитины по монете на каждые похороны, чтобы знать число умерших. Впоследствии Либитина слилась с богиней Лубентией и на основе ее имени (lubido, «страсть, вождение») с Венерой.

В греческой мифологии нимфы озер и болот.

В греческой мифологии чудесный народ, к которому во время своих скитаний попал Одиссей. Их прозвище означает «поедатели лотоса». Гомер устами Одиссея рассказывает о встрече с лотофагами в таких выражениях:

Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людам, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвращаться,
Вдруг захотел в стране лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же

Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них некоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.

Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

Римская богиня ночного света. Культ Луны был вытеснен культом Дианы.

Римский праздник очищения и плодородия в честь бога Фавна. Жрецы-луперки в шкурах закланных на алтаре козлов обегали вокруг Палатинского холма.

Римская богиня-покровительница брака, тождественная греческой Илифии. Ее имя стало со временем эпитетом богинь-покровительниц женщин — Юноны и Дианы.

М

Римская богиня каппадокийского происхождения, божество плодородия (во время мира) и смерти (во время войны). В празднества в честь богини ее жрецы наносили друг другу раны обоюдоострыми топорами.

Римское имя богини Кибелы.

Греческая горная нимфа гор (ореада), старшая из семи Плеяд — дочерей Атланта. По Гесиоду, в гроте аркадской горы Киллена Майя сошлась с Зевсом, от которого родила Гермеса. По Аполлодору, она также воспитывала сына Зевса и нимфы Каллисто Аркада.

Римляне отождествляли Майю с италийской богиней Майестой, покровительницей плодородной земли, по имени которой назван месяц май.

В эллинистическо-римскую Майя эпоху считалась супругой Вулкана и матерью Меркурия.

Греческая богиня безумия, насылаемого на людей, преступивших установленные законы и обычаи. По Павсанию, на дороге из Аркадии в Мессению, там, где Орест лишился разума в наказание за убийство матери, был храм Мании.

У римлян Мания — также богиня безумия.

Искусство гадания и умение предсказывать будущее. Мантика подразделялась на ауспиции (гадание по поведению и полету птиц), гаруспиции (предсказания по внутренностям животных), инкубацию (откровения во сне), индукцию (толкование божественных знамений); к той же области верований относилось и предсказание будущего по погодным и атмосферным явлениям. Люди, наделенные прорицательским даром, пользовались в античном обществе огромным уважением.

Наиболее значительными (и значимыми) оракулами в античности признавались оракулы Дельф, Додоны и Эпидавра.

Римские божества загробного мира; также — обожествленные души предков и хранители гробниц. В отличие от лемунов, манов считали добрыми богами, однако с ними была связана богиня Манья, насылавшая безумие, поэтому их слегка опасались.

Овидий в «Фастах» описывает обряд поклонения манам:

Честь и могилам дана. Ублажайте отчие души

И небольшие дары ставьте на пепел костров!

Маны немногого ждут: они ценят почтение выше

Пышных даров. Божества Стикса отнюдь не жадны.

Рады они черепкам, увитым скромным веночком,

Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,

Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок:

Все это брось в черепке посередине дорог.

Можно и большее дать, но и этим ты тени умолишь,

И помолись ты еще у погребальных костров.

Римский бог, один из древнейших богов Италии и Рима, входил в триаду богов, первоначально возглавлявших римский пантеон (Юпитер — Марс — Квирин).

«Первоначальная природа» Марса неясна: его считают и хтоническим божеством плодородия и растительности, и богом дикой природы, всего неизвестного и опасного, находящегося за пределами поселения, и богом войны.

Как божественный отец Ромула, Марс считался родоначальником и хранителем Рима. Символом Марса было копьё, хранившееся в жилище царя — регии, где также висели двенадцать щитов, один из которых (Анkil) упал с неба как залог непобедимости римлян, а одиннадцать его копий по приказу царя Нумы были сделаны, чтобы враги не могли распознать и украсть подлинник. Полководец, отправляясь на войну, приводил в движение копьё и щиты, взывая к Марсу. Предзнаменованием страшных бед считалось самопроизвольное движение щитов. Хранителем этих святынь была жреческая коллегия салиев, выносивших на праздники Марса двенадцать щитов и исполнявших в честь божества воинские пляски.

В поздней традиции Марс стал исключительно богом войны и как таковой был отождествлен с греческим Аресом. Женой Марса считалась, по Авлу Геллию, отождествлявшаяся с Венерой и Минервой богиня Нерио, или Нериене, первоначально «Доблесть Марса».

В честь Марса получил свое название месяц март.

Римская богиня женщин; в ее честь справлялся праздник Матралий, во время которого женщины молились за детей своих сестер.

По Ж. Дюмезилю, Матер Матуга изначально являлась богиней зари.

В греческой традиции полубог, сын Асклепия, унаследовавший от отца искусство врачевания. Вместе с братом Подалирием Махаон как претендент на руку Елены участвовал в Троянской войне. Под Троей он излечил многих героев, но сам был ранен стрелой Париса. Оправившись от ранения, Махаон участвовал во многих других битвах; погиб он от руки царицы амазонок Пентесилеи.

В греческой мифологии волшебница, дочь царя Колхиды Ээта, внучка Гелиоса, возлюбленная и супруга Ясона. Миф о Медее связан с мифом об аргонавтах.

За обещание жениться Медее помогла Ясону преодолеть испытания, которым его подверг в Колхиде Ээт. Усыпив волшебным зельем сторожившего золотое руно дракона, Медее помогла Ясону овладеть сокровищем и вместе с Ясоном бежала из Колхиды. Чтобы задержать преследовавшего беглецов Ээта, Медее убила бежавшего с ней малолетнего брата Апсирта, а затем разбросала куски его тела по морю, рассудив, что отец прекратит погоню, чтобы собрать части тела сына для погребения. Когда аргонавты с руном вернулись в Иолк, Медее помогла Ясону отомстить узурпатору Пелию, после чего их с Ясоном изгнали из Иолка и они поселились в Коринфе, где Медее родила Ясону двух сыновей.

Когда Ясон решил жениться на дочери коринфского царя Креусе, Медее послала сопернице пропитанный ядом пеплос, надев который Креуса сгорела заживо. После этого, убив своих детей, Медее улетела на колеснице, запряженной крылатыми конями. По Аполлонию Родосскому, после смерти Медее оказалась на Островах блаженных, где стала женой Ахилла.

В греческой мифологии нимфы-ясени, которые выросли, вместе с гигантами и Эринниями из упавшей на землю-Гею крови оскопленного Урана. Мелиады считались прародительницами человечества.

В греческой мифологии младший сын Ино, вместе с которым обезумевшая мать бросилась в море. Боги превратили Меликерта в божественного помощника моряков, терпящих бедствие, по имени Палемон.

В Риме Меликерт почитался под именем Портун.

В западносемитской мифологии верховный бог города Тира, почитавшийся в Финикии и за ее пределами как покровитель мореплавания.

В греческой традиции отождествлялся с Гераклом и как таковой часто изображался в львиной шкуре.

В греческой мифологии спутницы Диониса, которые следуют за божеством, полуобнаженные, украшенные виноградными листьями и плющом, и сокрушают все на своем пути тирсами. Они увлекают за собой женщин, приобщая их к служению Дионису.

В греческой традиции герой, брат Агамемнона. Менелая, избранному из нескольких десятков знатнейших героев всей Эллады в супруги Елены Прекрасной, спартанский царь Тиндарей вскоре уступил царскую власть в Спарте. Совместная жизнь Менелая и Елены продолжалась около десяти лет; затем в Спарту прибыл троянский царевич Парис и похитил

Елену. Узнав о похищении Парисом царских сокровищ и жены, Менелай призвал на помощь всех бывших женихов Елены, связанных совместной клятвой оберегать честь ее супруга. До начала войны, по Аполлодору, Менелай вместе с Одиссеем отправились послами в Троию в попытке уладить конфликт мирным путем, но Парис и его сторонники отказались вернуть Елену и сокровища, и война стала неизбежной.

Под Троей Менелай сразился в поединке с Парисом, и только вмешательство Афродиты спасло его соперника от гибели. Он также доблестно оборонял от троянцев тело убитого Патрокла и входил в число греческих воинов, укрывшихся в деревянном коне; в ночь падения Трои Менелай убил троянского царевича Деифоба, ставшего мужем Елены после смерти Париса.

После победы Менелай вместе с Еленой отплыл на родину, но у берегов Пелопоннеса попал в страшную бурю, которая отбросила его к берегам Крита. Он скитался восемь лет, побывал на Кипре, в Финикии и Египте, где приобрел, по Гомеру, много сокровищ.

По возвращении в Спарту Менелай как зять Зевса (божественного отца Елены) удостоился поселения на Елисейских полях.

По Павсанию, в Аркадии находился старый платан, посаженный Менелаем, когда он собирал войско для похода под Троию, а в Спарте показывали дом, в котором некогда жили Менелай с Еленой.

Этруская богиня материнства, покровительница рожениц. Позднее почиталась как покровительница ремесла и ремесленников, воительница и защитница этрусских городов. Изображалась в полном вооружении и с копьем в руке. Вместе с Тином и Уни Менрва входила в этрусскую триаду богов (у римлян Юпитер — Юнона — Минерва).

Римский бог торговли, прибыли и обогащения. Матерью Меркурия считалась Майеста. Верили, что Меркурий может обеспечить не только торговую прибыль, но и указать зарытый клад.

Отождествление Меркурия с греческим Гермесом привело к усложнению образа, он стал проводником душ в мире мертвых, вестником и прислужником богов, покровителем искусств и ремесел, знатоком тайн магии и астрологии.

Способность божеств и чародеев самих превращаться в различные предметы и животных и превращать людей — также в предметы, животных, растения, созвездия и камни. Метаморфозам посвящена, в частности, знаменитая одноименная поэма Овидия.

Греческая богиня мудрости, первая супруга Зевса, проглоченная им после предсказания, что она должна родить сына, который свергнет своего отца.

Римская богиня, входившая наряду с Юпитером и Юноной в так называемую «капитолийскую триаду», которой был посвящен храм на Капитолии.

Минерву почитали как покровительницу ремесел и искусств, писателей и актеров, музыкантов, врачей и учителей. Поздняя традиция отождествила Минерву с греческой Афиной, что сообщило Минерве черты богини мудрости и войны и покровительницы

городов.

В греческой традиции один из трех (наряду с Сарпедоном и Радамантом) сыновей Зевса и Европы, рожденных ею на Крите и усыновленных критским царем Астерием. Минос царствовал на Крите после смерти Астерия. Женой Миноса была Пасифая (дочь бога Гелиоса), которая навлекла на Крит бедствия, породив чудовищного Минотавра. Минос заключил Минотавра в лабиринт.

Позднее Минотавра убил с помощью Ариадны (дочери Миноса) герой Тесей. После смерти Минос оказался в аиде. По мифу, раз в девять лет в Идейской пещере он беседует с Зевсом, а в аиде он вместе с Радамантом и Эаком судит умерших, держа в руках золотой скипетр.

Позднегреческая крито-микенская основа мифа настолько возобладала над архаическими чертами, что Минос стал восприниматься как полуисторическое лицо.

В греческой мифологии чудовище, получеловек-полубык, рожденный Пасифаей, дочерью бога Гелиоса, от быка, посланного богом Посейдоном (или от самого Посейдона). Минотавр охранял подземный лабиринт на острове Крит; ему в жертву каждые семь лет приносили по семь юношей и девушек — это была плата афинян за убийство сына критского царя Миноса. В очередную семерку вошел по доброй воле и царевич Тесей.

Аполлодор сообщает: «Тесея причисляют к тем, кого отдавали на съедение Минотавру. Но, как сообщают некоторые, Тесей предложил себя по собственной воле... Когда он прибыл на Крит, в него влюбилась Ариадна, дочь Миноса, и сказала, что будет помогать Тесею, если он согласится взять ее в жены и увезти в Афины. Тесей согласился, подтвердив клятвой свое согласие, и тогда она попросила Дедала показать, как можно выйти из лабиринта. По совету Дедала она дала Тесею, вошедшему в лабиринт, нитку. Тесей привязал ее к двери и стал тянуть за собой, двинувшись в глубь. Найдя Минотавра в самой отдаленной части лабиринта, Тесей набросился на него с кулаками и убил его; держась за нить, он вышел обратно наружу».

В греческой традиции ахейское племя в Фессалии, получившее свое название получили от Мирмидона — сына Зевса и Эвримедусы, к которой Зевс явился в образе муравья (греч. «мирмекс»). По Гомеру, мирмидоняне сражались под Троей, выполняя все повеления своего вождя Ахилла.

Древне-иранский бог договоров и божество солнца (последним объясняется появление в поздней мифологической традиции таких синкретических персонажей, как Митра-Гелиос и Митра-Гефест).

Культ Митры был заимствован римлянами и получил широкое распространение в Римской империи. Римская традиция трактовала Митру как олицетворение силы и мужества (Митра — победитель быка). Известны ритуалы в честь Митры (митраические мистерии) и многочисленные ритуальные сооружения в честь этого божества (митрейоны). Особую популярность Митра приобрел у римских легионеров, от Евфрата до Рейна. В 307 г. Митра был объявлен в Риме Sol Invictus, то есть «непобедимым солнцем»; день его рождения справлялся 25 декабря.

Ксенофонт писал о поклонении Митре персидского героя Кира Младшего, Ктесий — о жертвоприношениях Митре, совершаемых персидскими царями, Курций Руф — о поклонении Дария III Митре, солнцу и вечному огню. В эллинистическую эпоху прослеживаются, в первую очередь на территории восточных государств, следы «комбинации» образов Геракла и Митры.

Греческие богини судьбы. По разным источникам, Мойр либо одна, либо трое (последнее — наиболее распространенный вариант). Имена Мойр — Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая») и Атропос («неотвратимая»); Лахесис назначает человеку жребий еще до рождения, Клото прядет нить его судьбы, а Атропос неумолимо приближает будущее.

Платон в своем трактате «Государство» описывает устройство загробного мира. По его словам, на веретене Ананке, богини необходимости и матери Мойр, «сидят, каждая на своем престоле... Мойры... во всем белом, с венками на головах... Лахесис воспевает прошлое, Клото — настоящее, Атропос — будущее. Время от времени Клото касается своей правой рукой наружного обода веретена, помогая его вращению, тогда как Атропос своей левой рукой делает то же самое с внутренними кругами, а Лахесис поочередно касается рукой того и другого».

Хотя Мойры — богини судьбы, в мифах не раз подчеркивается, что судьбы определяет и решает сам верховный бог Зевс. Так, у Гомера он взвешивает человеческие судьбы на золотых весах; вдобавок, Зевса нередко именуют Мойрагетом, то есть «водителем мойр». Однако, по замечанию Павсания, Зевс лишь «знает человеческие дела и все то, что назначили Мойры».

Гесиод приписывает Мойрам (наравне с Керами) кровожадность и подчеркивает в их облике когтистые лапы, которые они запускают в тела раненых на поле битвы.

В римской мифологии Мойрам соответствуют парки.

В античной традиции чудесное растение, лучшее средство против злых чар и враждебных человеку потусторонних сил.

Греческий бог злословия, сын Никты, брат Танатоса, Гипноса, Гесперид, Мойр, Немесиды и Эриды. Именно по совету Мома Зевс начал Троянскую войну, чтобы, истребив человеческий род, облегчить бремя земли.

В конце концов Зевс изгнал Мома с Олимпа за его постоянное злословие против богов.

Греческий бог сна, один из сыновей Гипноса. Морфей способен с легкостью менять обличия и формы и являться людям во сне.

В греческой мифологии девять дочерей верховного бога Зевса и богини памяти Мнемосины. Музы — богини поэзии, искусств и наук. Эрато — муза лирической поэзии, Каллиопа — поэзии эпической, Клио — муза истории, Мельпомена — трагедии, Полигимния — религиозной поэзии, Терпсихора — танца, Талия — комедии, Урания — астрономии, Эвтерпа — эротической поэзии. Как правило, Музы сопровождают бога Аполлона, имеющего прозвище Мусагет, то есть «водитель муз».

Музы обитают на горе Олимп. Они не терпят соперничества. Так, они лишили зрения и отняли музыкальный дар у кифареда Тамириса, который осмелился вызвать их на состязание.

Среди потомства Муз — корибанты и сирены, а также певцы Орфей и Лин.

Н

В греческой мифологии нимфы источников, ручьев и родников. Всего их насчитывается до трех тысяч; как сказано у Гесиода:

все имена их назвать никому из людей не под силу.

Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает.

Наяды охраняют воды своих обиталищ; эти воды обладают целительным действием, и купание в них может излечить хворь. Павсаний сообщает: «Стадиях в пятидесяти от Олимпии находится поселение элейцев, Гераклея; около него протекает река Кифера. В реку тут впадает источник, а у источника есть святилище нимф... Купающиеся в этом источнике получают исцеление от всяких болезней и недугов». Страбон упоминает наяд вместе с корибантами, тельхинами и куретами, что позволяет предположить древнейшую хтоническую природу этих нимф.

В греческой мифологии напиток богов, который поддерживал вечную юность божеств и обеспечивал им бессмертие.

Греческая богиня справедливости, дочь Никты. Она карает тех, кто преступает закон, немедленно запоминает любую человеческую несправедливость. По одному из мифов, Немесида — наложница Зевса и мать Елены. Спасаясь от преследований бога, она превратилась в гусыню, тогда как Зевс стал лебедем. Снесенное Немесидой яйцо было найдено пастухом, принесено Леде, спрятавшей его в ларец. Из этого яйца и вылупилась Елена.

Наиболее известен храм Немесиды близ Марафона, где находилась статуя богини, изваянная Фидием.

Озеро в Альбанских горах, поблизости от которого находились святилище и священная роща Дианы.

Римский бог водных просторов и воды (влаги) вообще. Морскому Нептуну поклонялись моряки, рыбаки и те, кто отправлялся в морское путешествие. В поздней традиции Нептун был отождествлен с греческим Посейдоном.

Супруга Нептуна — Салация (salum, «движение моря»); она отождествлялась с греческой Фетидой.

В греческой мифологии морские божества, дочери бога моря Неря. Аполлодор сообщает: «От Неря и Дориды, дочери Океана, родились nereиды...» По Аполлодору, nereид сорок пять. Они благосклонны к людям и помогают им. К nereидам принадлежала Фетида, мать героя Ахилла. Она, в частности, провела корабль аргонавтов мимо Скиллы и Харибды и мимо скал Планктов, «над которыми было видно огромное пламя и тучи дыма,

поднимавшиеся кверху».

Греческий бог моря, отец Нереид, «морской старец», сын Геи и Понта. Он обладает даром предвидения, но для того чтобы он дал прорицание, им надо овладеть, так как он, подобно морской стихии, меняет свой облик.

В греческой традиции царь Пилоса. «Илиада» изображает Нестора старцем, славящимся мудростью и житейским опытом, к нему обращаются за советом самые храбрые вожди.

Греческая богиня победы, изображавшаяся в облике крылатой женщины с победным венком на голове.

Греческая богиня ночи, дочь Хаоса, сестра Эреба. Никта породила Танатоса (Смерть), Гипноса (Сон), Мойр, Гесперид, Эриду, Эфира, Гемеру (день), Немезиду и Мома. Жилище Никты расположено в бездне Тартар Гесиод говорит:

Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.

Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:

Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись...

Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.

Смерть родила она также и Сон, и толпу сновидений.

Мома потом родила и Печаль, источник страданий,

И Гесперид — золотые прекрасные яблоки холят

За океаном они на деревьях, плоды приносящих.

Мойр родила она также и Кер беспощадно казнящих...

Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,

Страшная Ночь родила, а за нею — Обман, Сладострастье,

Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.

Античность воспринимала ночь как амбивалентный символ, что вполне подтверждается приведенным выше отрывком. С одной стороны, Ночь — «страшная», она порождает смерть, раздор, обман, старость; с другой стороны, от Ночи происходят день, то есть свет, справедливость (Немезида), плодородие и бессмертие (Геспериды с их золотыми яблоками). То есть ночь означает и гибель, и изобилие; в ней присутствует ожидание дня, обещание дневного света.

В греческой мифологии божества природы. Нимфы делятся на водных (наяды, nereиды, океаниды, лимнады), горных (агростины, ореады), древесных (дриады, гамадриады, альсеиды, мелиады) и др. Главными среди нимф считаются водные. От браков нимф с богами рождаются герои (так, от брака Зевса и Эгины родился герой Эак). Как правило, нимф

изображали в образе прекрасных полуобнаженных девушек.

Ф. Жерар. Купидон и Психея. Холст (1798 г.).

Гомер в «Одиссее» так описывает грот нимф на острове Итака:

В самой вершине залива широкосенистая зрится

Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом

Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам.

Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов

Каменных: пчелы, гнездяся в их недрах, свой мед составляют;

Также там много и каменных длинных станов; за станами

Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;

Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:

Людам один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;

К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен — не дерзает

Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.

Этруская богиня судьбы, изображалась молодой женщиной с крыльями за спиной и гвоздем в руке.

Греческий бог южного ветра, сын Эос, брат Борея, Зефира и Эвра. Изображался обычно с бородой и крыльями.

В римской традиции второй царь Рима, установитель законов. По Ливию, Нума ввел религиозные обряды и установил жреческие и ремесленные коллегии. Возлюбленной и советчицей Нумы в государственных делах считалась нимфа Эгерия.

О

В египетской мифологии восемь богов города Гермополя. Огдоаду составляли четыре пары божеств, из которых возник мир. Эти боги изображались с головами лягушек, а богини — с головами змей. В Огдоаду входили: Нун и Наунет (вода), Ху и Хаухет (пространство), Амон и Амаунет (сокрытое), Кук и Каукет (мрак). Впоследствии, когда Амон стал главным богом египетского пантеона, возник миф о появлении Огдоады в Фивах.

В греческой традиции герой, царь острова Итака, сын Лаërта (Сисифа) и — по материнской линии — внук Гермеса, «унаследовавший» хитроумие и изобретательность своего деда (отсюда его постоянный эпитет — «многоумный Одиссей»).

По Гомеру, Одиссей не хотел участвовать в походе на Троию и притворился безумным, однако был изобличен Паламедом (которому впоследствии отомстил) и все же отплыл к Трое с

другими ахейскими вождями. Он помог ахейцам найти Ахилла, вместе с Менелаем вел в Трое мирные переговоры, после смерти Ахилла получил доспехи погибшего героя; захватив троянского прорицателя Гелена, Одиссей узнал от него, что одно из условий победы ахейцев — овладение статуей Афины Паллады (палладием), находящейся в храме богини в Трое. Под видом нищего Одиссей проник в осажденный город и похитил палладий.

Когда очередной штурм Трои окончился неудачей, именно Одиссей подал ахейцам мысль о постройке деревянного коня.

После падения Трои Одиссей, как и другие ахейские вожди, отправился домой, но волей богов его возвращение на Итаку затянулось. Он побывал у лотофагов, у киклопов, ослепил киклопа Полифема, который призвал на Одиссея проклятие своего отца бога Посейдона, чей гнев преследовал Одиссея до самого возвращения на родину. Дальнейшие скитания и подвиги Одиссея включают в себя схватку с великанами-лестригонами, пребывание на острове волшебницы Кирки (она превратила в свиней половину спутников Одиссея, и та же участь постигла бы и самого героя, если бы Гермес не вооружил его чудодейственным корнем «моли», отвращающим действие всякого волшебства), посещение подземного царства (от тени прорицателя Тиресия Одиссей узнал об опасностях, ожидающих его по пути на родину и в собственном доме на Итаке), благополучный проход мимо острова сирен (Одиссей заткнул спутникам уши воском, а сам привязался к мачте) и между Скиллой и Харибдой, заключение в гроте нимфы Каллипсо и т. д.

По прибытии на Итаку Одиссей узнал, что его считают погибшим и что к его жене Пенелопе сватаются многочисленные женихи, бесчинствующие в ее доме. По внушению Афины Пенелопа устроила для женихов состязание в стрельбе из лука, принадлежавшего Одиссею, и никто из них не смог даже натянуть тетиву, Одиссей же, завладев луком и стрелами, вместе со своим сыном Телемахом и с помощью Афины убил всех женихов. Афина с согласия Зевса установила мир между Одиссеем и родственниками убитых, и Одиссей остался мирно царствовать на Итаке.

Ф. Приматиччио. Одиссей и сирены. Холст (ок. 1550 г.).

Одиссей и Скилла. Иллюстрация к «Легендам Греции и Рима» (1930 г.).

По Аполлодору, некоторое время спустя на Итаку прибыл Телегон — сын Одиссея и Кирки, посланный матерью на розыски отца. В стычке Телегон, прежде чем противники успели узнать имена друг друга, Телегон смертельно ранил отца.

Погребен Одиссей на острове Кирки.

В античных представлениях освоенный человеком мир.

. Греческий бог одноименной реки, омывающей землю, титан, сын Урана и Геи, брат и супруг Тефиды, с которой породил три тысячи дочерей — океанид — и столько же сыновей — речных потоков. Океан не участвовал в битве титанов против Зевса и сохранил свою власть, а также доверие олимпийцев. Он отец Метиды — первой супруги Зевса.

. Мировая река, окружающая обитаемую землю, граница между миром жизни и смерти. В

Океане берут начало все морские течения, из него восходят и в него опускаются солнце, луна и звезды (кроме созвездия Большой медведицы).

В греческой мифологии нимфы, дочери бога Океана.

В греческой мифологии гора в Фессалии, на которой обитают боги. На Олимпе находятся дворцы Зевса и других богов, построенные и украшенные Гефестом. Ворота Олимпа открывают и закрывают богини Горы.

В греческой мифологии божества младшего поколения, победители титанов и гигантов. Прозвище богов связано с местом их обитания — горой Олимп. К олимпийским богам причисляли Зевса, Геру, Посейдона, Деметру, Гермеса, Афины, Аполлона, Артемиду, Пана, Гестию, Гефеста и Афродиту (реже — Диониса, Геракла и др.).

Римская богиня плодородия, богатой жатвы, посевов.

С III в. до н. э. Опис стали отождествлять с Реей и считать женой Сатурна. По Макробию, окружавшая культ Опис таинственность вызвала представление о богине как о покровительнице Рима, имя которой табуировано.

В античной традиции место, в котором получали ответ божества на заданный вопрос, а также само предсказание. Оракулы-предсказания давались в различных формах — в знамениях, снах, при помощи жребия, в форме изречений, по полету птиц и др.; существовали также оракулы мертвых.

Наиболее известные греческие оракулы — Дельфийский, Додонский и оракул в Эпидавре.

В античной традиции священнодействия в мистериях Деметры и Диониса. От последних, с присущими им безумствами, исступлением и разнузданностью, это слово и приобрело свое современное значение.

В греческой мифологии нимфы гор и лесов.

В греческой традиции сын Агамемнона и Клитемнестры. После смерти отца бежал из родного дома и рос на чужбине. Достигнув совершеннолетия, Орест получил от дельфийского оракула приказ отомстить за смерть отца. Он вернулся в Микены и убил Клитемнестру и ее любовника Эгисфа. По Эсхилу, преследуемый за пролитие крови матери Эринниями, Орест по совету Аполлона обратился за помощью к Афине, которая передала дело об убийстве Клитемнестры на рассмотрение суда афинских старейшин на холме Ареса в Афинах. Благодаря заступничеству Афины, голоса судей разделились поровну, что по условиям афинского суда означало оправдание.

В греческой мифологии двуглавый пес великана Гериона, порождение Тифона и Эхидны, брат Кербера. Кроме двух собачьих голов, у Орфа еще семь голов дракона. Он сошелся со своей матерью, которая родила от него Сфинкс (Сфингу).

Аполлодор рассказывает о подвигах Геракла: «Десятым подвигом Эврисфей назначил ему привести коров Гериона из Эритеи. Эритея была остров, расположенный вблизи океана... На этом острове обитал Герион... Он обладал телом, сросшимся из трех человеческих тел,

соединенных между собой до пояса, но разделявшихся от подреберья и бедер. Ему принадлежали красные коровы, которых... сторожил двуглавый пес Ортр, порожденный Эхидной и Тифоном...

Обжигаемый лучами солнца во время похода, Геракл направил свой лук против бога Гелиоса, и тот, пораженный его мужеством, дал ему золотой кубок, в котором Геракл и переплыл Океан. Прибыв в Эритею, Геракл расположился для ночлега на горе Абанте. Собака, учув его, кинулась к нему, но Геракл отразил ее дубиной и убил пастуха... прибежавшего ей на помощь».

В греческой традиции сын Аполлона и музыки Каллиопы, певец и музыкант, искусством которого восхищались не только люди, но и боги. Он участвовал в походе аргонавтов. Когда жена Орфея Эвридика внезапно умерла от укуса змеи, он отправился за ней в царство мертвых и покорил своей музыкой и песнями Кербера, Эринний, Персефону и самого Аида. Последний обещал вернуть Эвридику на землю, если Орфей исполнит его просьбу — не смотреть на жену, прежде чем войдет в свой дом. Орфей согласился, но не смог преодолеть искушение, обернулся — и Эвридика навсегда осталась в царстве смерти.

Орфей не почитал Диониса и называл величайшим богом Гелиоса. Разгневанный Дионис наслал на Орфея менад, которые растерзали Орфея и разбросали повсюду части его тела, собранные и погребенные затем Музами. Тень Орфея спустилась в аид, где соединилась с Эвридикой, а голова певца оказалась на острове Лесбос, где пророчествовала и творила чудеса. По Овидию, вакханки, растерзавшие Орфея, были превращены в дубовые деревья.

По Еврипиду, Орфей — учредитель вакхических оргий, а по Аристотелю — основатель древних религиозных обрядов, посвященный в Самофракийские мистерии.

С именем Орфея связана система религиозно-философских взглядов (орфизм), сложившаяся в VI в. до н. э. в Аттике.

В египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира, старший сын бога земли Геба и богини неба Нут, брат и муж Исиды, отец Гора. Он был четвертым из богов, царствовавших на земле в изначальные времена, унаследовав власть прадеда Ра, деда Шу и отца Геба. Царствуя над Египтом, он отучил людей от дикого образа жизни и людоедства, научил сеять злаки, сажать виноградники, выпекать хлеб, изготавливать пиво и вино, а также добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Он обучил людей врачебному искусству, строительству городов, установил культ.

Обычно Осириса изображали сидящим среди деревьев или с виноградной лозой, иногда обвивающей его фигуру. Его тело всегда окрашивали в зеленый цвет. Считалось, что, подобно всему растительному миру, Осирис ежегодно умирает и возрождается к новой жизни, жизненная сила в нем сохраняется всегда, даже в мертвом.

Как бог мертвых и царь загробного мира, Осирис воспринимался судьей загробного мира. Считалось, что покойный предстает перед Осирисом, когда его сердце взвешивается на весах: на одной чаше изображение богини истины Маат, на другой — сердце умершего. Оправданный попадал на «райские поля» Иару, наслаждался вечной жизнью.

В эллинистический период культ Осириса слился с культом священного быка Аписа; новый бог Серапис (Осирис-Апис) приобрел широкую известность за пределами Египта. В Греции и Риме культ Осириса слился с культурами других восточных богов умирающей и воскресающей природы — Аттиса, Адониса, Таммуза.

В античной традиции страна на западном краю земли, где обитают души смертных, чья жизнь была признана судьями загробного мира (Мином, Эаком и Радамантом) праведной и благочестивой. На Островах блаженных царствует Кронос. Здесь царит вечная весна. Души праведников проводят время в беседах и гуляют по Елисейским полям — прекрасному лугу неувядающих цветов, окруженному лесом.

П

Римская богиня мира, культ которой был введен императором Августом, посвятившим Пакс алтарь на Марсовом поле. Пакс изображалась женщиной с кадучеем, рогом изобилия, колосьями или оливковой ветвью.

Один из римских холмов, древнейшая обитаемая часть Рима, где и находился основанный Ромулом так называемый «квадратный Рим» (Roma quadrata).

Римское пастушеское божество, покровитель коз и овец. Сохранились посвящения Палес и как женскому, и как мужскому божеству; впрочем, женских все-таки больше.

По преданию, Рим был основан в день праздника в честь Палес, поэтому богиню считали тайной покровительницей Рима и причисляли ее к пенатам. В праздник Палилий богине приносили мед и молоко, убирали и украшали венками и гирляндами стойла, разжигали из серы и разных трав костры, между которыми проводили для очищения стада, а пастухи трижды через них прыгали и просили Палес защитить людей, скот, собак, снять с пастухов и животных скверну, навлеченную невольной провинностью против сельских святилищ, рощ, могил и вод, дать плодovitость скоту и изобилие растительности, защитить от фавнов и нимф.

В период империи Палилии справлялись и как день рождения Рима.

В греческой мифологии демонические существа, близнецы, сыновья Зевса и музы Талии. По мифу, они наказывали клятвopеступников и помогали несправедливо обиженным.

Статуя Афины Паллады со щитом и поднятым копьём. Эта статуя считалась покровительницей города, в котором хранилась. Наиболее известен троянский палладий, упавший с неба. Перед гибелью Трои его похитили Одиссей и Диомед.

По римскому преданию Эней, прибыв в Рим, привез троянский палладий с собой. Он хранился в храме Весты.

Греческий бог стад, полей и лесов, сын нимфы и Гермеса. Отца и других богов-олимпийцев вид козлоного младенца развеселил, и они нарекли его Паном («понравившийся всем»).

Вместе с сатирами и силенами Пан входил в свиту Диониса. Он был известен своим пристрастием к вину и веселью. Многие мифы повествуют о преследовании Паном нимф.

Пан умеет наводить на людей беспричинный, панический, страх, особенно во время летнего полдня.

Пана особенно почитали в Аркадии, где находилась его священная гора. Известно также святилище Пана в пещере на склоне афинского акрополя.

В предании, изложенном Плутархом, о смерти Пана этот бог выведен как символ уходящего античного мира.

В римской мифологии Пану соответствуют Фавн (покровитель стад) и Сильван (демон лесов).

Главный праздник в честь богини города Афины, учрежденный Тесеем. Праздновался раз в четыре года, в середине лета.

В греческой мифологии первая женщина, созданная Афиной и Гефестом по приказу Зевса. Гефест слепил ее, смешав землю с водой, Афина одела Пандору в серебряное платье и увенчала золотым венцом. По замыслу Зевса, она должна была принести людям соблазны и несчастья.

По Гесиоду, Пандору одарили Хариты и Горы, а Гермес вложил ей в грудь лживую и хитрую душу. Пандора соблазнила Эпиметея — брата Прометея (последний уговаривал Эпиметея ничего не принимать от Зевса). Когда Пандора открыла сосуд, врученный ей богами, по земле расплозились болезни и бедствия. Только надежда осталась на дне сосуда, так как Пандора захлопнула крышку; так люди оказались лишены даже надежды на лучшую жизнь.

В римской традиции праздник памяти умерших — манов. Отмечался в феврале.

В греческой традиции троянский царевич, сын Приама и Гекубы. Парис воспитывался вдалеке от дома, на горе Ида, где и состоялся «суд Париса» над тремя богинями, заспорившими о своей красоте. Желая склонить Париса на свою сторону, Гера обещала сделать его самым могущественным из земных царей, Афина — самым храбрым героем, Афродита — обладателем самой красивой женщины. Парис признал прекраснейшей из богинь Афродиту, которая и помогла ему потом увлечь Елену и сделать ее своей женой.

Воспользовавшись гостеприимством спартанского царя Менелая, Парис похитил его жену — красавицу Елену и царские сокровища. Коварный поступок Париса послужил причиной Троянской войны. При осаде Трои от стрелы Париса, направляемой Аполлоном, погиб Ахилл, но и сам П. не смог избежать отравленной стрелы ахейца Филоктета.

В римской мифологии богини судьбы. Авл Геллий говорит: «...Древние римляне... считали, что в соответствии с природой роды у женщин происходят не иначе, чем на девятом или десятом месяце, поэтому они трем Судьбам и дали имена от названия рождения, а также от девятого и десятого месяцев». Геллий указывает, что Парка — имя собственное и означает «рождение»; по другим источникам, парок звали Нона, Децима и Морта (то есть «смерть»). Иногда парок называли фатами.

В греческой мифологии место обитания Аполлона и муз, гора в Фокиде. У подножия Парнаса находились города Криса и Дельфы с оракулом в храме Аполлона, а также

Кастальский ключ — источник поэтического вдохновения. Пещеры горы считались местом обитания нимф. На Парнасе, по Овидию высадился спасшийся от потопа Девкалион.

В греческой традиции герой, соратник Ахилла в Троянской войне. Когда Ахилл отстранился от участия в боях и положение греков стало критическим, Патрокл надел доспехи своего друга и на его колеснице, запряженной бессмертными конями, обратил троянцев в бегство, сразив свыше 20 троянских воинов, в том числе героя Сарпедона. Увлеченный боем, он преследовал троянцев до самых стен Трои и там погиб от руки Гектора, которому помог Аполлон.

В завязавшейся схватке над убитым Гектору удалось совлечь с него доспехи, тело же Патрокла ахейцы, возглавляемые Менелаем и обоими Аяксами, отбили и унесли в лагерь. Здесь Ахилл устроил Патроклу торжественные похороны. По Павсанию, боги даровали Патроклу бессмертие; он был перенесен на остров Левка, где после смерти обитал и Ахилл.

В греческой традиции торжественная песнь в честь Аполлона. Название происходит от эпиклеса (прозвища) Аполлона — Пеан («помощник в беде»); Аполлона призывали возгласами «иэ Пеан».

В классическую эпоху появились пеаны, обращенные к другим богам и даже к людям.

В греческой мифологии крылатый конь, возник из крови Горгоны Медузы, убитой Персеем. Аполлодор сообщает: «Подойдя близко к спящим сестрам, Персей, руку которого направляла богиня Афина, отвернулся, глядя в медный щит, где видел отражение Горгоны, обезглавил Медузу. Как только голова была срублена, из Горгоны выпрыгнул крылатый конь Пегас и Хрисаор, отец Гериона. Медуза родила их от бога Посейдона».

Пегас — могучий конь, белый, с золотыми крыльями; у него шелковистая грива, а его дыхание распространяет аромат цветов. По Гесиоду, Пегас приносит Зевсу громы и молнии. Пиндар, впрочем, утверждает, что Пегаса пленил герой Беллерофонт, накинув на него золотую уздечку:

...Многое претерпел,

Взнуздывая над бьющими ключами

Исчадие змеистой Горгоны —

Пегаса,

Пока меченную золотом узду

Не подала ему дева Паллада.

В вещем сне она молвила ему:

«Ты спишь, сын Эола?

Конская чара — вот она...»

...Ринувшись, схватил,

Кроткой чарою оттянув ему челюсть,
Сильный Беллерофонт — крылатого коня,
И в пляске,
Меднодоспешный, взлетел ему на хребет.
Отсюда,
С пустого лона холодного эфира,
Сыпал он стрелы на воинство лучниц-амазонок,
Отсюда поразил он Солимов
И Химеру, дышащую огнем...[68]

Когда же Беллерофонт попытался взлететь на Пегасе на небо, боги посмеялись над его дерзостью и сбросили героя с заоблачной высоты, а его коня Зевс впряг в свою колесницу.

Ударом копыта Пегас выбил на горе Геликон источник Гиппокрена. Павсаний сообщает: «Если от рощи муз подняться кверху стадий на двадцать, то там есть источник, называемый Гиппокрена (Ключ коня). Говорят, что его сделал конь Беллерофонта, ударив копытом в землю». Этот источник славен тем, что поэты черпают из него вдохновение.

Греческая богиня убеждения, постоянная спутница Афродиты.

В греческой традиции герой, рожденный землей (или сын Зевса), прародитель племени пеласгов — коренного населения Греции.

В греческой традиции царь Иолка. По настоянию Пелия его племянник Ясон отправился в поход за Золотым руном. За время отсутствия Ясона Пелий погубил его семью. Жена Ясона волшебница Медея наказала Пелия: по ее наущению дочери царя зарезали отца и сварили его в котле, поверив Медее, что Пелий после этого воскреснет омоложенным. Когда Пелий погиб, Медея и Ясон были изгнаны, а в Иолке воцарился сын Пелия Акает.

В греческой мифологии герой, сын Тантала. Убив Пелопа, Тантал пригласил богов на пир и подал им угощение, приготовленное из тела сына. Разгневанные боги, отвергнув нечестивую трапезу, приказали Гермесу вернуть Пелопа к жизни. Гермес выполнил волю богов, погрузив разрозненные члены П. в котел с кипящей водой; юноша вышел из него наделенным необычайной красотой. Только одно его плечо (которое в задумчивости съела Деметра, опечаленная исчезновением дочери Персефоны) пришлось изготовить из слоновой кости; с тех пор у потомков Пелопа на левом плече сохранялось белое пятно.

От имени Пелопа получил свое название Пелопоннес («остров Пелопа»). С именем Пелопа в античности связывали установление Олимпийских игр. В Олимпии находился священный участок Пелопа, где совершались ежегодные обряды и жертвоприношения.

Римские божества-хранители. Они охраняют дом и особенно запасы продовольствия. Иногда пенатов отождествляли с ларами. Кроме пенатов домашних и семейных, были пенаты

«государственные», всего римского народа. Эти пенаты считались залогом непобедимости и вечности Рима.

В греческой традиции двоюродная сестра Елены, супруга Одиссея. По Гомеру, Пенелопа — верная жена, преданно ожидающая возвращения мужа, который отсутствовал двадцать лет. Несмотря на домогательства многочисленных женихов, Пенелопа всячески уклонялась от выбора нового мужа. По внушению Афины она пообещала выйти замуж за победителя в состязании в стрельбе из лука Одиссея. С помощью этого лука женихов убил сам Одиссей, тайно вернувшийся на Итаку и наблюдавший за всем, что происходит в его доме.

По Аполлодору, после смерти Одиссея Пенелопу взял в жены Телегон, сын Одиссея и Кирки, случайно убивший своего отца. Кирка даровала им обоим бессмертие и перенесла на Острова блаженных.

Известно также предание, что Пенелопа изменяла Одиссею и родила от Гермеса бога Пана.

В греческой традиции герой, сын аргосской царевны Данаи и Зевса, который проник к его матери золотым дождем. Повзрослев, Персей отправился на розыски Горгоны Медузы. Он достиг сначала пределов крайнего запада, где обитали грайи, имевшие на трех сестер один зуб и один глаз. Овладев и зубом, и глазом, он вернул их грайям в обмен на указание пути к нимфам, обладавшим крылатыми сандалиями, шапкой-невидимкой и заплечной сумкой. Получив от нимф эти дары и вооружившись острым ножом, подарком Гермеса, Персей поднялся в воздух на крылатых сандалиях и отрубил голову Медузе (при этом он смотрел в блестящий щит, протянутый Афиной, чтобы не встретиться взглядом с глазами Медузы, превращавшими все живое в камень). От других горгон П. скрылся с помощью шапки-невидимки, спрятав голову Медузы в заплечную сумку.

В Эфиопии Персей спас Андромеду, царскую дочь, отданную на съедение морскому чудовищу, и взял Андромеду в жены. Дары, с помощью которых он совершил подвиги, были возвращены Гермесу и нимфам, а голову Медузы водрузила на свою эгиду Афина.

Греческая богиня царства мертвых, дочь Зевса и Деметры, супруга Аида, который похитил ее с разрешения Зевса. В Гомеровском гимне к Деметре рассказывается, что Персефона вместе с подругами играла на лугу, собирала ирисы, розы, фиалки, гиацинты и нарциссы. Из расселины земли появился Аид и умчал Персефону на золотой колеснице в царство мертвых. Горевавшая Деметра наслала на землю засуху и неурожай, а Зевс был вынужден послать Гермеса с приказанием Аиду вывести Персефону на свет. Аид дал Персефоне вкусить зернышко граната, чтобы она не забыла царство смерти и снова вернулась к нему. Третью года богиня находится среди мертвых, а две трети проводит с матерью, радость которой возвращает земле изобилие.

Царь лапифов Пирифой пытался вместе с Тесеем похитить Персефону у Аида. За это он был прикован к скале, а Гераклу Персефона разрешила вернуть Тесея на землю. По просьбе Афродиты Персефона спрятала у себя младенца Адониса и не пожелала вернуть его Афродите; по решению Зевса Адонис треть года должен был проводить в царстве мертвых.

Особую роль играет Персефона в орфическом культе Диониса-Загрея. От Зевса, обернувшегося змеем, она родила Загрея, впоследствии растерзанного титанами. Персефона

связана также с элевсинским культом Деметры.

В римской мифологии Персефоне соответствует Прозерпина.

В греческой традиции племя карликов, обитавшее к югу от Египта или во Фракии (варианты: в Малой Азии, в Индии). Размером пигмеи, по Страбону, от муравья до мартышки.

В греческих мифах наиболее известные деяния пигмеев — гераномахия и геракломахия. Гераномахия — война пигмеев с журавлями, которую пигмеи ведут каждый год, верхом на куропатках, баранах или козлах, с целью похитить или разбить яйца журавлей. Нападение пигмеев на Геракла, отдохавшего после убийства Антея (брата пигмеев) получило название геракломахии. Геракл собрал пигмеев в шкуру немейского льва и отнес к Эврисфею.

Римская богиня долга (детей перед родителями, граждан перед государством и т. п.)

Римский бог лесов, дававший оракулы, супруг Помоны и возлюбленный Кирки; последняя превратила его в дятла за то, что он отверг ее любовь. По Овидию, Пик — отец Фавна.

У римских авгуров Пик-дятел как священная птица бога Марса считался особенно пригодным для гадания.

Римские боги брака и рождения. Перед домом роженицы этим богам ставилось ложе, убиравшееся после того, как отец признает новорожденного. Считалось, что Пилумн вместе с богинями Интерцедоной и Деверрой защищают роженицу и младенца от бога дикой природы Сильвана.

По Сервию, Пилумн и Пикумн — цари Лаврента. Первый изобрел пест для дробления зерна, а Пикумн ввел унавоживание полей.

Жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Впадая в экстатическое возбуждение, пифия давала от имени божества предсказания, которые жрецы затем переводили в стихотворную форму.

В греческой мифологии чудовище, гигантский змей, отпрыск Матери-земли Геи. Павсаний, рассуждая о том, откуда взялось название города Дельфы, который также называли Пифоном, сообщает: «...сказание, которое особенно широко распространено среди людей, говорит, что тот, кто был здесь поражен стрелой Аполлона, сгнил и что от этого дано городу название Пифон... Убитого же Аполлоном поэты считают драконом и говорят, что он был поставлен Геей-Землей сторожем прорицалища». Аполлон, убив Пифона, основал на месте древнего прорицалища храм и учредил Пифийские игры.

В греческой мифологии другое название муз. Павсаний сообщает, что это прозвище музы получили от имени некоего Пиера: «С течением времени... прибыл сюда Пиер из Македонии, по имени которого в этой стране названа гора, установил число муз в количестве девяти и дал им те имена, которые они носят и доныне... Но есть люди, которые говорят, что у самого Пиера было девять дочерей и что их имена были те же самые, как и у богинь, и те, которых эллины называли детьми муз, были внуками Пиера». Правда, Овидий в «Метаморфозах» приводит несколько отличный вариант мифа:

И удивленной рекла богине богиня: «Недавно
Птиц приумножили сном побежденные в споре сороки.
Их же богатый Пиер породил на равнине пеллейской...
Вот возгордилась числом толпа тех сестер безрассудных.
Множество градов они гемонийских прошли и ахайских,
К нам пришли и такое состязанье затеяли речью:
„Полно вам темный народ своею обманывать ложной
Сладостью! С нами теперь, феспийские, спорьте, богини,
Если себе доверяете вы! Ни искусством, ни звуком
Не победить нас. Числом на столько же. Иль уступите,
Сдавшись, Медузы родник заодно с Аганиппой гигантской,
Иль эмафийтские вам мы равнины уступим до самых
Снежных пеонов, — и пусть нам нимфы судьями будут“».

Музы приняли вызов дочерей Пиера и вступили в состязание, которое завершилось их победой.

Старшая наша сестра ученую кончила песню.
Хором согласным тогда геликонским победу богиням
Нимфы судили. Когда ж побежденные стали в них сыпать
Бранью, сказала она: «Для вас недостаточно, видно,
От посрамленья страдать; к вине прибавляете ругань
Злобную, но и у нас иссякло терпенье; вступим
Мы на карающий путь, своему мы последуем гневу».

Лишь засмеялись в ответ Эмсафиды, презрели угрозы.
Вновь пытались они говорить и протягивать с криком
Наглые руки свои; но увидели вдруг, что выходят
Перья у них из ногтей, что у них оперяются руки.
Видят, одна у другой, как у всех на лице вырастает
Жесткий клюв, а в лесу появляются новые птицы.

В грудь хотят ударять, но, руками взмахнув и поднявшись,

В воздухе виснут уже — злословие леса — сороки.

В птицах донныне еще говорливость осталась былая,

Резкая их трескотня и к болтливости лишней пристрастье.

В греческой мифологии семь дочерей титана Атланта и океаниды Плейоны. Плеяд преследовал охотник Орион, пока они не превратились в голубей. Зевс вознес их в виде созвездия на небо. По другому варианту мифа Плеяды превратились в созвездие после смерти их брата Гиادا и сестер Гиад.

В греческой мифологии одно из имен бога Аида — владыки царства мертвых.

Греческий бог богатства, сын Деметры и Иасиона, родившийся на Крите. Он дарует людям обилие запасов и стад. Под влиянием элевсинского культа Деметры Плутоса стали отождествлять с Плутоном (Аидом): бог мертвых мыслился обладателем несметных подземных богатств. По Аристофану Плутос — слепой старец, не ведающий справедливого распределения богатства.

В греческой традиции сын бога Асклепия, унаследовавший вместе с братом Махаоном от отца искусство врачевания. В историческое время почитался как герой-целитель.

Римский бог дверей, входа в реку или море, гаваней.

Греческое божество, один из главных олимпийских богов, владыка моря, сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Аида, с которыми поделил господство над миром. Он получил в удел море, Зевс — небо, Аид — подземное царство.

В мифах многократно описывается буйный и непокорный нрав Посейдона: он участвовал в мятеже против Зевса, он возражал против решения олимпийцев возратить домой Одиссея, он насылает бури, топит корабли и т. п. Постоянный атрибут Посейдона — трезубец, наделенный магической силой. В споре с Афиной Посейдон выбил этим трезубцем источник, даровав его жителям Аттики. Посейдон живет не на Олимпе, а в роскошном дворце на дне моря.

Супруга Посейдона — nereида Амфитрита, от которой у него сын Тритон — владыка морских глубин. Кроме того, у Посейдона множество детей, по большей части чудовищных, стихийных: великаны Сарпедон, Орион и Алоады, Антей, киклоп Полифем, Хрисаор и Пегас, конь Арейон, Минотавр. При этом, по Платону, единственная страна, где царили Посейдон и его потомки, которых Зевс покарал за нечестие, — остров Атлантида.

Посейдона почитали прежде всего как владыку моря. По Страбону, родосцы после землетрясения вблизи острова Фера воздвигли храм Посейдону Асфалию — «дарующему безопасность». В Аргосе, по Павсанию, был храм Посейдона Проклестия — «причиняющего наводнение» в память спора Геры и Посейдона, когда отвергнутый аргосцами Посейдон наслал на Аргolidу море.

В римской мифологии Посейдон отождествлялся с Нептуном.

В греческой традиции последний царь Трои, сын Лаомедонта, глава многочисленного семейства, насчитывающего 50 сыновей и 12 дочерей.

Во время Троянской войны Приам потерял большинство своих сыновей, в том числе старшего и самого храброго из них — Гектора. В ночь взятия Трои Приам пытался вооружиться и выйти в бой, но его уговорили искать спасения у домашнего алтаря Зевса. Здесь Приама настиг и убил ахеец Нептолем.

Греческий фаллический бог плодородия (изначально собственно фаллос). Место происхождения культа Приапа неизвестно. Жители Лампсаки считали Приапа основателем их города, но в соперничающих городах и на островах утверждали, что Приап был изгнан из города за небывалый по размерам фаллос.

После походов Александра Македонского культ Приапа распространился по всему Восточному Средиземноморью и был включен в мифологию Диониса. Возник миф о происхождении Приапа от Диониса (Адониса, Зевса или Гермеса). Матерью Приапа называли одну из нимф или даже Афродиту. По одному мифу, Афродита, беременная Приапом от Диониса, сошлась с Адонисом; ворожба ревнивой Геры сделала ребенка уродцем с двумя фаллосами (от двух отцов).

В римской традиции Приап вошел в круг божеств плодородия (Помона, Сильван и др.). По Овидию, Приап — добрый сельский божок, страж садов, следящий за чистотой родников и правильным межеванием земли, покровитель рыбаков и матросов, проституток, развратников и евнухов. Атрибуты Приапа — рог изобилия, тирс, факел, маска, кошель, садовый инвентарь и музыкальные инструменты. Каждая кухня считалась святилищем Приапа. Праздники в честь этого бога в марте и июне сопровождались разнузданным весельем.

Римское имя богини Персефоны. Ее культ был введен в Риме с 249 г. до н. э.

В греческой мифологии сын титана Иапета и Геи, двоюродный брат Зевса. Имя Прометея означает «предвидящий» (в противоположность его брату Эпиметею, «крепкому задним умом»). Прометей не участвовал в титаномахии и даже добровольно заключил с олимпийцами союз. По некоторым мифам, Прометей вылепил первых людей из земли и воды и создал их смотрящими в небо, по подобию богов (Овидий). Увидев, что все животные окружены заботой, а человек «наг и не обут, без ложа и без оружия», Прометей украл «премудрое умение Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться» (Платон). По Эсхилу, «все искусства у людей от Прометея»: он наделил разумом слепых и жалких людей, живших, как муравьи в пещерах, научил их строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежды, считать, писать и читать, различать времена года, приносить жертвы богам и гадать.

Согласно мифу, Зевс разгневался на человеческий род и послал потоп, который пережили только двое — сын Прометея Девкалион и дочь Эпиметея Пирра. От них пошло новое человечество. Именно для потомков Девкалиона и Пирры Прометей, по Гесиоду, добыл огонь и передал его в полых тростнике. За это Зевс покарал Прометея к скале на Кавказе; орел Зевса выклеывает Прометею печень, ежедневно вырастающую вновь (по одному из вариантов мифа, Прометей был наказан за то, что влюбился в Афину).

Впрочем, впоследствии Зевс отправил на подвиги своего сына Геракла, чтобы тот, освободив Прометея, еще больше прославил себя. Геракл освободил Прометея на пути к саду Гесперид. Это произошло за поколение до Троянской войны.

Греческое морское божество, сын Посейдона, обладавший способностью произвольно менять облик и наделенный пророческим даром, который он скрывал от всякого, кто не сумеет поймать его истинный облик. У Протея, по Геродоту, находилась настоящая Елена (а Парису достался только ее призрак, поскольку Зевс или Гера подменили подлинную Елену). После падения Трои Протей рассказал Менелая о судьбе ахейцев; Менелай добился этого с помощью дочери Протея — Эйдотеи, предупредившей, что, хотя ее отец и будет превращаться в разных зверей (льва, пантеру, змею, быка, кабана, птицу и обезьяну), потом в огонь, воду и дерево, его нужно держать до тех пор, пока он не остановится на собственном облике — сонливого старичка.

В греческой мифологии олицетворение души, дыхания. Апулей, объединив различные мифы о Психее, создал в «Золотом осле» сказку о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью. По Апулею, Амур получил в жены царскую дочь Психею, которая, сгорая от любопытства, нарушила запрет никогда не видеть лица своего загадочного супруга: как-то ночью она зажгла светильник и была так очарована красотой Амура, что не заметила, как горячая капля масла упала ему на кожу. Амур исчез, Психее же предстояло пройти множество испытаний, чтобы вернуть его. После долгих поисков она нашла супруга, который примирился с Афродитой, злобно преследовавшей Психею.

В античной традиции проводник душ в царстве мертвых. Как правило, это слово чаще всего употреблялось как эпитет Гермеса.

Место, с которого началось сотворение и упорядочение мира, сакральный центр мироздания, средоточие духовных и физических сил и энергий, место соприкосновения неба и земли, вход в подземный мир. На омфал опирается мировая ось или мировое древо, он также может обозначать вершину мировой горы. Как элемент макрокосма омфал соответствует пупу первочеловека. С представлением о пупе земли связаны буддийские техники постижения мира как единого целого через созерцание собственного пупка.

Мифоисторический Омфал находился в дельфийском храме, в том самом месте, где, по Страбону, встретились два посланных Зевсом орла. Этот Омфал представлял собой мраморный шар с двумя золотыми орлами по сторонам. Кроме того, пупом земли считался и город Энна в центре Сицилии, где находился храм Деметры в память о том, что в этом месте Аид похитил Персефону.

Р

В греческой традиции сын Зевса и Европы, брат Миноса и Сарпедона. Радамант дал критянам законы; будучи самым справедливым из всех людей, после смерти он стал вместе с Миносом и Эаком судьей над мертвыми в аиде.

Греческая богиня-титанида, дочь Урана и Геи, супруга Кроноса, мать Гестии, Деметры, Геры, Аида, Посейдона и Зевса. Кронос, боясь быть лишенным власти, пожирал своих детей, но Рея спасла Зевса: вместо сына она подложила Кроносу запеленатый камень, который он и

проглотил, а сына втайне от отца отправила на Крит. По Павсанию, Рея обманула Кроноса и при рождении Посейдона: она спрятала сына среди пасущихся овец, а Кроносу дала проглотить жеребенка, утверждая, что именно его она и родила.

В поздней античности Рея отождествлялась с фригийской Великой матерью богов и получила имя Реи-Кибелы. Свиту Реи составляли куреты и корибанты.

В римской традиции мать Ромула и Рема, внучка Энея (или дочь царя Альба Лонги Нумитора, изгнанного захватившим власть братом Амулием). Чтобы у Реи Сильвии не было детей, Амулий сделал ее весталкой. Однако она родила от полюбившего ее Марса близнецов. За ослушание Амулий заключил Рею Сильвию в темницу, откуда ее освободили сыновья; по другой версии мифа, она бросилась в Тибр, была спасена богом Тиберином и стала его женой.

Римский бог, защищающий урожай от болезней колосьев и — вместе с богом Авверунком («отвращающий») — римскую общину от бедствий. Искупительные жертвы Робигу приносились в посвященной ему роще фламином Квирина. В праздник Робигалий процессия одетых в белое граждан во главе с фламином Квирина направлялась в рощу Робига, где богу приносили в жертву рыжую собаку и ягненка с просьбой охранить колосья.

Эмблема изобилия, процветания, экономических успехов. По греческому мифу, изначально это рог принадлежал козе Амалфее, вскормившей младенца Зевса (по другой версии мифа, Амалфеей звали нимфу, которая прятала Зевса от его отца Кроноса). В благодарность за спасение Зевс превратил сломавшийся рог козы в рог изобилия, а саму козу вознес на небо (звезда Капелла в созвездии Возничего).

Уже в античности рог изобилия стал атрибутом не только Зевса, но и божеств плодородия, в первую очередь Матери-земли Геи, богини удачи Фортуны и бога богатства Плутоса. В эпоху эллинизма рог изобилия стал одним из атрибутов Гермеса, покровителя торговли.

И в античные времена, и в средние века, и в Новое время рог изобилия изображался как рог, из которого сыплются плоды и цветы — олицетворение плодородия земли.

Римская богиня, персонификация города Рима. Впервые изображения Ромы появились в 204 г. до н. э. на монетах южноиталийских Локр. Во II в. до н. э. культ Ромы стали учреждать попавшие под власть Рима города восточных провинций. В правление Августа культ богини как на Востоке, так и на Западе соединился с почитанием обожествленного Цезаря и самого Августа.

В римской традиции основатель и эпоним Рима. Ромул и его брат-близнец Рем — сыновья или внуки Энея или сыновья Реи Сильвии и Марса. Близнецов, брошенных по приказанию царя Амулия (дяди Реи Сильвии) в Тибр, вынесло на берег под смоковницей. Там их нашла и выкормила волчица, потом дети были найдены пастухом Фаустулом, который вместе со своей женой Аккой Ларентией воспитал их. Став взрослыми и узнав о своем происхождении, близнецы убили Амулия, вернули власть в Альба Лонге своему деду Нумитору, а сами решили основать новый город. Когда они ожидали божественного знамения, им явились коршуны: шесть — Рему на Авентине и двенадцать — Ромулу на Палатине. (С этим преданием связывалось установление в Риме авгурий. Первым авгуром считался Ромул). Рем

позавидовал предпочтению, оказанному богами брату, стал над ним насмехаться и в разгоревшейся ссоре был убит.

Новому городу Ромул дал свое имя и стал его первым царем, учредителем основных общественных институтов (сената, всадничества, деления народа на патрициев и плебеев и пр.). Так как окрестные племена не желали выдавать за римлян замуж своих дочерей, Ромул пригласил на праздник в честь бога Конса соседних сабинян с их женами и дочерьми и дал приказ римлянам по условленному знаку хватать девушек. Похищение сабинянок привело к войне с царем сабинян Титом Тацием и его союзником царем Ценина Акроном. Убив последнего в поединке, Ромул посвятил его доспехи у священного дуба Юпитеру Феретрию («сражающему»). Когда же с сабинянами был заключен мир, Ромул разделил власть с Титом Тацием, а объединившийся народ стал называться «римский народ квиритов» (по имени Ромула и бога Тация — Квирина). После смерти Тация Ромул правил один, вел победоносные войны с соседями и раздавал народу завоеванные земли. На 38-м году своего царствования Ромул внезапно исчез — как выяснилось некоторое время спустя, он вернулся на небо к своему отцу и стал богом Квирином, покровителем Рима.

С

Фригийское божество, которого греки отождествляли с Дионисом-Загреем, сыном Зевса-змея и Персефоны. Культ Сабазия распространился в Греции в V в. до н. э.; в Риме он слился с культом Юпитера.

Члены одной из древнейших жреческих коллегий в Риме, жрецы бога Марса.

Римская богиня здоровья, благополучия и процветания. Салюс имела несколько храмов и жрецов, Как Салюс Августа, Салюс римского народа и войска изображалась на монетах императоров.

В греческой традиции:

) Гигант, сын Посейдона, убитый Гераклом.

) Один из трех братьев, рожденных Европой от Зевса на острове Крит. Изгнанный с Крита братом Миносом, он переселился в Ликию. По мифу, Зевс даровал ему продолжительность жизни в три человеческих поколения.

) Предводитель ликийцев во время Троянской войны, герой, сын Зевса, один из наиболее могущественных союзников Приама. Погиб от руки Патрокла. Зевс пытался спасти ему жизнь вопреки предначертаниям судьбы, но встретил решительное сопротивление Геры.

Эсхил соединил в одном лице Сарпедона — брата Миноса и Сарпедона — участника Троянской войны (оба — сыновьями Зевса).

В греческой мифологии демоны, вместе с силенами составлявшие свиту бога Диониса. Сатиры косматы и бородаты, ноги у них заканчиваются козлиными (иногда лошадиными) копытами; другие характерные черты облика сатиров — рожки на голове, лошадиный хвост и человеческий торс. Сатиры отличаются неиссякаемой похотью, постоянно преследуют нимф, не прочь выпить и подраться.

Известен миф о том, как сатир Марсий подобрал флейту, брошенную богиней Афиной. Он достиг в игре на флейте столь больших высот, что осмелился вызвать на состязание бога Аполлона. Аполлон, игравший на кифаре, победил Марсия и в наказание содрал с него кожу. Овидий в «Метаморфозах» говорит:

Только один рассказал, как ликийского племени люди
Жизнь скончали, другой о Сатире припомнил, который,
Сыном Латоны в игре побежден на Палладиной флейте,
Был им наказан. «За что с меня ты меня же сдираешь?» —
Молвит. — «Эх, правда, — кричит, — не стоило с флейтою знаться!»
Так он взывал, но уж с рук и с плеч его содрана кожа.
Раною стал он сплошной. Кровь льется по телу струями,
Мышцы открыты, видны; без всяких покровов трепещут
Жилы, биясь; сосчитать нутряные все части возможно,
И обнажились в груди перепонки прозрачные пленки.
Пролили слезы о нем деревенские жители, фавны —
Боги лесов, — и Олимп, знаменитый уже, и сатиры —
Братья, и нимфы, и все, кто тогда по соседним нагорьям
Пас рудоносных овец или скотины стада круторогой,
Залили вовсе его, а земля увлажненная слезы
Тотчас в себя вобрала и впитала в глубинные жилы;
В воды потом превратив, на вольный их вывела воздух.
Вот он, в крутых берегах устремляясь к жадному морю,
Марсия имя хранит, из фригийских потоков светлейший.

Этрусское божество, с именем которого связано представление о золотом веке — эпохе изобилия и всеобщего равенства. В Риме Сатре отождествлялся с Сатурном.

Один из древнейших римских богов. Не позже начала III в. до н. э. стал отождествляться с Кроносом, пожирившим своих детей, откуда возникло представление о Сатурне как об олицетворении неумолимого времени, поглощающего то, что оно само породило. Под влиянием мифа о Кроносе Сатурн стал почитаться как бог Золотого века, один из первых царей Лация (куда бежал, низложенный своим сыном Юпитером, и где был принят правившим там Янусом, который разделил с ним власть). Сатурн научил своих подданных

земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни, почему вся страна стала называться «землей Сатурна».

В храме Сатурна хранилась государственная казна.

Римский праздник в честь бога Сатурна. Во время этого праздника как бы снималась разница между рабом и господином, рабы наслаждались свободой, господа пировали вместе с рабами или даже прислуживали им. В известном смысле Сатурналии могут считаться «предшественниками» европейских карнавалов.

Греческая богиня луны, дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса и Эос. Известен миф о любви Селены к прекрасному юноше Эндимиону, которого она посещала ночью в Латмийской пещере в Карию. По другому мифу, Селену обольстил Пан, подарив ей стадо белоснежных ягнят.

Селена отождествлялась с Артемидой и Гекатой. В Риме ее соотносили с Дианой.

В греческой мифологии фиванская царевна, дочь Кадма, возлюбленная Зевса. Охваченная ревностью Гера внушила Семеле мысль попросить Зевса явиться к ней во всем своем величии. Тот предстал в сверкании молний и испепелил огнем Семелу и ее спальню. Недоношенного Семелой шестимесячного ребенка Зевс выхватил из пламени и зашил в свое бедро; через три месяца из бедра родился Дионис, который, достигнув зрелости, разыскал мать в подземном царстве и перенес на Олимп.

В греческой традиции поход против Фив, предшествовавший Троянской войне. Основной причиной похода явилась вражда между сыновьями Эдипа — правившим в Фивах Этеоклом и претендовавшим на престол Полиником. Изгнанный Этеоклом из Фив Полиник получил убежище у аргосского царя Адраста, женился на его дочери Аргии и убедил своего тестя возглавить объединенное войско, состоявшее из семи отрядов под командованием семи полководцев (по числу ворот в Фивах). У всех античных авторов участниками похода называются Полиник, Тидей (второй зять Адраста), Амфиарай, Капаней и Парфенопей; обычно вместе с ними упоминается также Гиппомедонт и Этеокл-арговец.

По Эсхилу, семеро вождей поклялись разорить до основания город Кадма, совершили жертвоприношения Аресу и Фебу-Аполлону, а затем бросили жребий, кому из них к каким воротам вести войско. В ходе осады Полиник убил Этеокла; фиванский царевич Менекей принес себя в жертву родному городу (узнав из пророчества, что таким образом он спасет Фивы от разорения), а все вожди, пришедшие под Фивы со своими войсками, пали у стен города.

В следующем поколении детям павших вождей (эпигонам) удалось взять и разорить город. Это событие, согласно преданию, произошло незадолго до начала Троянской войны.

Бог эллинистического мира. Культ Сараписа был введен основателем династии Птолемеев в Египте Птолемеем I Сотером (правил в 305–283 г. до н. э.). В образе и имени Сараписа (первоначально имя произносилось Осарапис) соединились египетские боги Осирис и Апис. Подобно Апису и Осирису, Сарапис являлся богом плодородия, был связан с загробным культом, считался богом мертвых, повелителем стихий и явлений природы, владыкой

наводнений и богом солнца. Греки отождествляли Сераписа с Посейдоном, Аидом, Аполлоном и даже с Зевсом.

В римской традиции предпоследний царь Рима. По Ливию, Сервий Туллий построил Сервиеву стену и установил законы о разделении граждан в соответствии с имущественным цензом.

В греческой мифологии пророчицы, в священном экстазе предрекавшие будущее. Свои предсказания сивиллы давали в стихотворной форме — гекзаметром.

Павсаний возводит историю Сивилл к некой Герофиле: «Тут есть скала, высоко поднимающаяся над землей. Дельфийцы говорят, что, стоя на ней, пела свои пророчества женщина по имени Герофила, а по прозванию Сивилла... Она, по моим расследованиям, восходила наравне с другими к самым древним временам. Эллины говорят, что она была дочерью Зевса и Ламии... что из женщин она первой стала петь свои предсказания и ливийцами была... названа Сивиллой». Позднее традиция стала насчитывать от двух до десяти сивилл, каждую из которых называли по месту обитания. Наиболее известны и по сей день дельфийская и кумская сивиллы.

Сивиллы предсказали гибель Трои и извержение Везувия, одна из них покровительствовала герою Энею и предрекла великое будущее основанному им Риму. Кумская сивилла, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, предложила царю Тарквинию Приску купить у нее т. н. «сивиллины книги» (всего их было девять). Царь отказался, и тогда она сожгла три, а чуть погодя — еще три. Наконец царь внял советам мудрецов и купил последние три книги.

Известны следующие сивиллы:

- Персидская;
- Ливийская;
- Дельфийская;
- Эритрейская;
- Киммерийская;
- Самосская;
- Кумская;
- Гелеспонтская;
- Фригийская;
- Тибуринская;
- Эпирская;
- Египетская.

Овидий в «Метаморфозах» излагает миф о кумской сивилле, в которую влюбился бог Аполлон. Сивилла в ответ на восклицание Энея, назвавшего ее богиней, ответила:

Я не богиня, о нет; священного ладана честью

Смертных не мни почитать. Чтобы ты не блуждал в неизвестном,

Ведай, что вечный мне свет предлагался, скончания чуждый,

Если бы девственность я подарила влюбленному Фебу.

Был он надеждою полн, обольстить уповал он дарами

Сердце мое, — «Выбирай, о кумская дева, что хочешь! —

Молвил, — получишь ты все!» — и, пыли набравши пригоршню,

На бугорок показав, попросила я, глупая, столько

Встретить рождения дней, сколь много в той пыли пылинок.

Я упустила одно: чтоб юной всегда оставаться!

А между тем предлагал он и годы, и вечную юность,

Если откроюсь любви. Но Фебов я дар отвергаю,

В девах навек остаюсь; однако ж счастливейший возраст

Прочь убежал, и пришла, трясущейся поступью, старость

Хилая, — долго ее мне терпеть; уж семь я столетий

Пережила; и еще, чтоб сравниться с той пылью, трехсот я

Жатв дожидаться должна и сборов трехсот виноградных.

Время придет, и меня, столь телом обильную, малой

Долгие сделают дни; сожмутся от старости члены,

Станет ничтожен их вес; никто не поверит, что прежде

Нежно пылали ко мне, что я нравилась богу. Пожалуй,

Феб не узнает и сам — и от прежней любви отречется.

Вот до чего изменюсь! Видна я не буду, но голос

Будут один узнавать, — ибо голос мне судьбы оставят.

В греческой мифологии демоны, имеющие отношение к плодородию. Вместе с сатирами силены составляют свиту бога Диониса. Подобно сатирам, у них лошадиные хвосты и копыта; они уродливы — толстогубы и с глазами навывкате. Силены задиристы и склонны к

пьянству. Тем не менее их отличает мудрость; так, у Вергилия в «Эклогах» полупьяный силен излагает слушателям космогонию.

Известен миф о царе Мидасе, который поймал силена. Дионис попросил Мидаса отпустить пленника, пообещав выполнить любое желание царя. Мидас пожелал, чтобы все, к чему он прикасался, превращалось бы в золото. Но царь чуть не умер с голоду, ибо пища, которую он брал, мгновенно становилась золотой. Тогда он обратился к Дионису с мольбой; бог велел ему искупаться в источнике, который с той поры стал золотоносным, а Мидас избавился от божественного «подарка».

Римский бог лесов и дикой природы. В период империи Сильван приобрел популярность у плебеев и рабов, стал покровителем и даже инициатором культурного земледелия, хранителем дома, усадьбы, имения и его границ, защитником земельных владений, божеством растительности, животных, гор, скал, металлов, а также человеком, подобно Гераклу заслужившим апофеоз за труд на благо людей.

В votivных (посвятительных) надписях часто упоминаются посланные Сильваном сны, видения. Этому богу благодарили за исцеление, удачу, освобождение от рабства, от него ждали награды в загробной жизни. Римские аристократы причисляли Сильвана, по Сервию, к «черни земных богов», трактовали его как мятежника, врага богов небесных, как низкую материю, «отброс всех элементов».

В митраизме Сильван считался душой убитого Митрой быка, поднявшейся на небо и ставшей богом стад.

В римской традиции первый царь Альба Лонги, сын Лавинии, родившей его в лесу, по другой версии, — сын Аскания.

В греческой мифологии сталкивающиеся скалы, которые раздавливали проплывающие между ними корабли. Традиция располагала Симплегады в проливе Боспор Фракийский, на выходе из Пропонтиды (совр. Мраморное море) в Понт Эвксинский (совр. Черное море). После того как аргонавты смогли провести свой корабль между Симплегад, грозные скалы остановились навсегда и перестали губить мореплавателей.

В греческой мифологии демоны в женском обличе. По Аполлодору они родились от музы Мельпомены и Ахелоя, бога одноименной реки. Это полуженщины-полуптицы, унаследовавшие от матери божественной красоты голос. Они обитают на острове, скалы которого усеяны костями и высохшей кожей жертв — сирены заманивают на остров своим пением моряков, а затем их убивают. Гомер рассказывает о том, как сирены пытались завлечь к себе Одиссея:

«Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга

Их цветоносного нам уклониться велела богиня.

Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,

К мачте меня корабельной веревкой надежно плотно

Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы — двойными скрутите мне узами руки и ноги».

Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.

Тою порой крепкозданный корабль наш, пlying, приближался
К острову страшных сирен, провождаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море...

Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, чтобы нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, Сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели...

Влекомый

Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали грести; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.

Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.

Когда сирены увидели, что им не удалось завлечь Одиссея и его спутников, они настолько разгневались, что в приступе ярости лишили себя жизни.

Р. Грейвс в «Мифах древней Греции» замечает: «Сирены вырезались на каменных надгробиях в виде ангелов смерти, поющих погребальные песни под звуки лиры. Кроме того, им приписывали эротические помыслы в отношении героев, которых они оплакивали.

Поскольку считалось, что душа расстаётся с телом в образе птицы, то и сирен... изображали в виде хищных птиц, которые только и ждут, чтобы овладеть отлетевшей душой... Считалось, что они особенно опасны в безветренную погоду, в полдень.»

В греческой мифологии сын царя эолян Эола, внук Эллина, супруг плеяды Меропы, дед Беллерофонта, строитель Коринфа. Когда Зевс похитил дочь речного бога Асопа Эгину, Сисиф назвал отцу имя похитителя и указал место, где она была укрыта, и за это потребовал, чтобы Асоп дал воду основанному Сисифом храму и городу. Разгневанный Зевс послал за Сисифом богиню смерти Танатос, но Сисиф не только не пошел за ней, но обманом сумел заковать ее в цепи и держал в плену несколько лет, поэтому люди не умирали. Только Арес сумел освободить Танатос, которая первой своей жертвой избрала Сисифа. И в аиде Сисиф сумел обмануть богов: он оказался единственным умершим, возвратившимся на землю. Чтобы вернуть его в царство мертвых, пришлось посылать за ним Гермеса.

За свои обманы Сисиф наказан тем, что должен вкатывать в гору тяжелый камень, который, достигая вершины, срывается вниз, так что всю работу надо начинать сначала.

В Коринфе существовали культ и святилище Сисифа.

В греческой мифологии морское чудовище. Оно обитало в пещере с одной стороны узкого пролива (с другой жила Харибда). У Скиллы было шесть собачьих голов, зубы в три ряда в каждой пасти и двенадцать ног. Впрочем, Овидий утверждает, что облик Скиллы был иным:

Скилла тут справа, а там беспокойная, слева, Харибда

Буйствуют: эта корабль пожрет, захватив, и извергнет;

Той же свирепые псы опоясали черное лоно, —

Девье при этом лицо у нее. Коль поэтов наследье

Все целиком не обман, то когда-то была она девой.

Много просило ее женихов; и, всех отвергая,

К нимфам морским — ибо нимфам была она очень любезна —

Шла и рассказы вела о любви молодых несчастливцев.

В Скиллу влюбился морской бог Главк. Раздраженный ее отказом, он обратился за помощью к волшебнице Кирке, а та из ревности к Главку превратила Скиллу в чудовище.

Гомер рассказывает, что мимо Скиллы и Харибды удалось проплыть Одиссею, который потерял при этом шестерых спутников:

Мы, объятые ужасом бледным,

В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.

Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой

Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.

Римский бог солнца. Сол отождествлялся с греческим Гелиосом, а в период империи — с восточными солнечными божествами, прежде всего с Митрой. Император Элагабал в 218 г. н. э. перевез в Рим каменный идол Сола Непобедимого (Sol Invictus); император Аврелиан в 274 г. ввел в Риме культ Sol Invictus.

В античной традиции эпитет богов-избавителей — Асклепия, Сераписа, Диоскуров, а также Зевса. В переводе с греческого Сотер означает «спаситель». Этим именем в Риме называли и Митру.

В греческой мифологии чудесные воины, выросшие из земли, в которую герой Кадм, основатель Фив, бросал зубы убитого им дракона. Они появились на свет в полном вооружении и немедля затеяли бой друг с другом. Аполлодор говорит: «Начав бой, они перебили друг друга: одни из них вступили в схватку умышленно, другие же по недоразумению». Уцелело всего пятеро спартов, за одного из которых — Эхиона — Кадм выдал свою дочь.

В греческой мифологии чудовищные птицы с медными клювами, когтями и перьями, последние они метали как стрелы. Победа над стимфалийскими птицами была шестым подвигом Геракла. Аполлодор говорит: «В области города Стимфала в Аркадии находилось болото, называвшееся Стимфалийским, окруженное густым лесом. В этот лес слеталось бесчисленное множество птиц, спасаясь от волков. Когда Геракл оказался в затруднении, не зная, как выгнать птиц из этого леса, Афина дала ему медные погремушки, полученные ею от Гефеста. Геракл, сев под горой, расположенной поблизости от болота, стал ударять в эти погремушки и напугал птиц, которые не выносили шума и в страхе взлетали. Действуя таким способом, Геракл их всех перестрелял».

Р. Грейвс добавляет к описанию наружности стимфалийских птиц: «Стимфалийские птицы были размером с журавля и очень напоминали ибисов, если не считать, что своим клювом они могли пробить металлический нагрудник и он не был у них загнут. Они также водились в Арабской пустыне и наводили больше страха, чем львы и леопарды, когда камнем падали человеку на грудь, пронзая ее клювом. Арабские охотники научились изготавливать защитные нагрудники, плетенные из лыка, в которых застревали смертоносные клювы, и человек мог свернуть голову напавшей на него птице... По некоторым свидетельствам, стимфалийские птицы были женщинами... которых Геракл убил за то, что они отказали ему в гостеприимстве».

В римской мифологии ведьмы, потомки гарпий, нападавшие ночами на младенцев в облике сов-сипух. Овидий в «Фастах» говорит:

Хищных порода есть птиц, не тех, что томили Финейя

Голодом жутким, но тех, что происходят от них:

Головы их велики, очи зорки, а клюв беспощаден,

В крыльях видна седина, крючьями когти торчат.

Ночью летают, хватают детей в пеленах колыбельных

И оскверняют тела этих младенцев грудных.

Клювами щиплют они, говорят, ребячьи утробы

И наполняют себе выпитой кровью зобы.

Впрочем, Петроний в «Сатириконе» утверждает, что стриги всего-навсего подменяют младенцев, оставляя родителям соломенные чучела: «...помер у самого у нашего наперсничек — жемчужинка, и умница, и все что хотите. Как, значит, по нем мать-то бедняжка заголосила, да и многие из наших тогда пригорюнились, а ведьмы как начали — словно собаки по зайцу гонять... Только мать захотела мертвенького сынишку обнять, тронула — а там, видит, чучело соломенное лежит! Ни тебе сердца у него, ни кишок, ничегошеньки! Видно, ребенка-то ведьмы сцапали да вместо него куклу соломенную подсунули».

Олицетворение тайны, сокровенной мудрости, символ оккультных наук. По греческому мифу, Сфинкс (Сфинга) — чудовище, порожденное Тифоном и Эхидной. У Сфинкс тело льва, птичьи крылья, а грудь и голова — женские. Богиня Гера наслала Сфинкс на Фивы. Чудовище расположилось на горе близ города и каждому, кто проходил мимо, задавало свою загадку — «Какое из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Не сумевших отгадать Сфинкс убивала. Единственным, кто смог ответить на ее вопрос, оказался Эдип. Сфинкс пришла в ярость, бросилась в пропасть и разбилась.

В ранней версии мифа чудовище звали Фикс. Павсаний сообщает: «Если идти дальше, то будет гора, откуда, говорят, Фикс делала нападение и губила тех, кто попадал в ее руки и кому она задавала свою смертоносную загадку. Другие же говорят, что она блуждала по морям, как морская разбойница, с войском и флотом... и, захватив гору, занималась разбоем, пока ее не уничтожил Эдип, подавив многочисленностью войска, с которым он пришел из Коринфа».

Победа Эдипа над Сфинкс трактуется как торжество мужского начала над женской жадностью и «ужасной матерью» (в терминологии К.Г. Юнга).

Т

Религиозный обряд малоазиатского происхождения: участник обряда стоял в яме, а над его головой убивали быка. Этот обряд был призван очистить человека от грехов и способствовать его возрождению к новой жизни.

Переднеазиатское божество плодородия, бог-пастух, умирающий и воскресающий бог.

Культ Таммуза получил распространение в сиро-палестинском регионе. Согласно Библии (Иезек. 8, 14), у северных ворот Иерусалимского храма Яхве женщины оплакивали Таммуза.

В Греции и Риме Таммуз отождествлялся с Адонисом.

Греческое божество смерти. Хитрому Сисифу, по мифу, удалось заковать Танатос и продержат в плену несколько лет, в течение которых люди перестали умирать.

Двое римских царей из этрусского аристократического рода — Тарквиний Приск и Тарквиний Гордый. Первый одержал победу над сабинянами и латинами, построил в Риме храм Юпитера и Большой цирк, а второй «прославился» жестокостью своего правления: его сын, по Ливию, насильно овладел добродетельной Лукрецией, что привело к изгнанию Тарквиния из Рима и низвержению царской власти.

В римской традиции дочь Спурия Тарпея, которому во время войны Ромула с сабинянами была вверена оборона римской цитадели в Капитолии. Царь сабинян Тит Таций, подкупив Тарпею обещанием дать ей то, что сабинские воины носили на руке (золотые браслеты и кольца), уговорил ее отворить ему ворота крепости. Ромул приказал сбросить Тарпею со скалы, получившей название Тарпейской. С этой скалы потом сбрасывали виновных в наиболее тяжких преступлениях.

В греческой мифологии мрачная бездна в глубине земли, находящаяся от поверхности на таком же расстоянии, на каком земля находится от неба. Тартар окружен медными стенами и огненной рекой Пирифлегетон; его считали нижней областью царства мертвых. В Тартаре томились Кронос и другие титаны.

В греческой традиции сын Одиссея и Пенелопы. По Гигину, после гибели Одиссея Телемах попал к волшебнице Кирке и женился на ней. От этого брака родился Латин, эпоним латинян в Италии.

В хеттской и хаттской мифологии бог плодородия, сын бога грозы и богини-матери, главный персонаж цикла мифов об исчезающем и возвращающемся боге. Исчезновение Телепинуса связывается с его гневом. С уходом Телепинуса из дома очаги окутывает дым, домашний скот перестает приносить потомство, начинается засуха, в полях не растут злаки. Богиня Камрусеп, совершив обряд заклинания, смягчает гнев Телепинуса, и бог возвращается, принося с собой плодородие.

Римская богиня земли и ее производительных сил. Призывалась понтификами вместе с Теллумоном, Альтором (кормильцем) и Рузором (возобновляющим плоды земли). Теллус и Церере посвящался праздник, когда во имя защиты зимних посевов фламин приносил богиням жертву, призывая двенадцать богов, ведавших отдельными этапами работы хлебопашца. Перед жатвой обеим богиням приносили в жертву свинью, что имело целью искупить возможные нарушения каких-либо религиозных запретов.

Теллус призывалась и при заключении браков. Как богине подземного мира ей приносилась очистительная жертва семьей, член которой умирал; ее, как и манов, призывали, обрекая врагов подземным богам.

В греческой мифологии демонические существа, обладавшие способностью к магии. Р. Грейвс в «Мифах древней Греции» охарактеризовал тельхинов как «девять собакоголовых, ласторуких... детей моря»; по Грейвсу, они «появились на Родосе... а затем переселились на Крит, став его первыми обитателями». Впрочем, Страбон сообщает о тельхинах следующее: «В прежние времена Родос назывался... Тельхинидой по имени поселившихся на острове Тельхинов. Последних одни считали колдунами, которые поливали водой Стикса, смешанной с серой, животных и растения, чтобы их погубить; другие же, напротив, утверждают, что поскольку они сами были искусными мастерами, то возбуждали к себе зависть со стороны соперников по ремеслу, и поэтому получили дурную славу... они первыми стали вырабатывать железо и медь, и серп Кроноса их работы».

По мифу, который изложен Сервием, Овидием и Каллимахом, Зевс разгневался на тельхинов за их злокозненность и напустил на них море. Но богиня Артемида успела предупредить тельхинов, и они разбежались кто куда: часть тельхинов превратилась в охотничьих псов, которые впоследствии по велению той же Артемиды растерзали юношу Актеона, дерзнувшего подсматривать за купающейся богиней.

По поводу воды из Стикса Р. Грейвс замечает: «Вода Стикса почиталась столь священной, что и одной ее капли якобы было достаточно, чтобы умертвить человека. Однако она не производила вреда, если ее пить из чаши, сделанной из лошадиного копыта... То, что тельхины использовали эту воду в магии, говорит о том, что поклонявшимся им племенам принадлежала гора Нонакрида, которая одно время считалась главным религиозным центром Греции...»

Один из трех мысов южного Пелопоннеса, разделяет Мессенский и Лаконский заливы. На этом мысе находился храм Посейдона, а под храмом — дыра, через которую Геракл, согласно мифу, извлек из преисподней чудовищного пса Кербера.

Римский бог границ, межевых знаков, разделявших земельные участки. Учреждение культа Термина приписывалось царю Нуме Помпилию. По мифу, Термин вместе с богиней Ювентой остался на Капитолии, когда царь Тарквиний Приск решил заложить храм Юпитеру на Капитолии и жившие там божества удалились.

Помимо одного Термина, традиция также знает многих терминов — божеств межевых знаков.

Овидий в «Фастах» описывает посвященный богу праздник Терминалий:

Ночь миновала, и вот восславляем мы бога, который

Обозначает своим знаком границы полей.

Термин, камень ли ты иль ствол дерева, вкопанный в поле,

Обожествлен ты давно предками нашими был.

С той и другой стороны тебя два господина венчают,

По два тебе пирога, по два приносят венка,

Ставят алтарь; и сюда огонь в черепке поселанка,
С теплого взяв очага, собственноручно несет.
Колет дрова старик, кладет их в поленницу ловко
И укрепляет с трудом ветками в твердой земле.
После сухою корой разжигает он первое пламя;
Мальчик стоит и в своих держит корзины руках.
После того как в огонь он бросит три горстки пшеницы,
Дочка-девчонка дает сотов медовых куски.
Прочие держат вино, выливают по чашке на пламя,
В белых одеждах они смотрят и чинно молчат.
Общего Термина туту орошают кровью ягненка
Иль сосунка свиньи, Термин и этому рад.
Попросту празднуют все, и пируют соседи все вместе,
И прославляют тебя песнями, Термин святой!

В греческой традиции герой, сын афинского царя Эгея, отдаленный потомок по отцовской линии змея Эрихтония, рожденного из семени Гефеста Землей и воспитанного Афиной. Со стороны матери Тесей происходил от Пелопа, сына Тантала; следовательно, приходился внуком Зевсу. Божественным отцом Тесея считался Посейдон, сошедшийся с его матерью на острове Сферос. Воспитывался он на родине матери, тогда как Эгей оставался в Афинах.

Достигнув совершеннолетия, Тесей отправился в Афины — через Коринфский перешеек, по опасной дороге, где путников подстерегали разбойники, дети и потомки хтонических чудовищ. Он убил многих из них и благополучно добрался до Афин, где был радостно встречен Эгеем.

Как сын и наследник афинского царя, Тесей прославил себя во время столкновения Афин с царем Миносом, требовавшим раз в девять лет дани семерыми юношами и семерыми девушками как искупления за смерть своего сына Андрогеея, будто бы коварно подстроенную Эгеем. Тесей отправился на Крит, чтобы помериться силой с чудовищным Минотавром, на съедение которому обрекали жертв. Корабль отправился под черным парусом, но Тесей повез с собой запасный белый, под которым должен был вернуться домой после победы над чудовищем. На Крите афиняне поместили в лабиринт, где Тесей, потомок Посейдона, убил Минотавра — чудовище, рожденное быком Посейдона. Из лабиринта Тесей и его спутники вышли благодаря помощи дочери Миноса Ариадны, влюбившейся в Тесея. Ночью афиняне и Ариадна тайно бежали на остров Наксос; там Ариадну похитил влюбленный в нее Дионис. Огорченный Тесей отправился дальше, забыв переменить паруса, что стало причиной гибели Эгея, бросившегося в море, когда он увидел черный парус и тем самым уверился в смерти

сына.

Подобно другим героям, Тесей сражался с амазонками, напавшими на Аттику. Он пошел походом на амазонок, похитил их царицу Ипполиту. Амазонки, желая освободить царицу, напали на Афины и взяли бы их приступом, если бы не посредничество жены Тесея — амазонки.

Тесей участвовал в битве с кентаврами на свадьбе лапифа Пирифоя, и в калидонской охоте, но среди аргонавтов его не было, так как он помогал Пирифою добыть себе в жены богиню царства мертвых Персефону. Этим поступком Тесей оскорбил богов; подобно Пирифою, он остался бы в аиде навсегда, когда бы не заступившийся за него Геракл. Впоследствии Тесей был коварно убит правителем острова Скирос.

Античная традиция приписывала Тесею объединение всех жителей Аттики в единый народ (синойкизм) и единое государство (полис), учреждение праздников Панафиней, первое деление граждан Афин на евпатридов, геоморов и демиургов. Во время греко-персидских войн, в канун битвы при Марафоне (490 г. до н. э.) он явился воинам в полном вооружении. Пифия предписала грекам найти прах Тесея и достойно похоронить его. В 476 г. до н. э. останки Тесея с копьем и мечом были перенесены со Скироса и торжественно погребены в Афинах.

Хуррито-урартский бог грозы. В хурритской мифологии отец Тешуба — Кумарби (бог Ану, побежденный Кумарби, оставляет в нем свое семя, в результате Тешуб выходит из головы Кумарби); Тешуб сверг отца с небесного престола. Кумарби родил сына-мстителя Улликумме, призванного вернуть ему власть на небесах, но Тешуб победил Улликумме, а затем и захватившего власть бога-хранителя. Мифы о Тешубе широко распространились в пределах Хеттского царств.

Тешуб и сопутствующие ему божества изображены на рельефах святилища Язылыкая близ Богазкея.

Этрусский бог неба, громовержец. Иногда изображался безбородым юношей, подобно Зевсу-ребенку и юноше у древних критян.

Вместе с Уни и Менрвой Тин составлял триаду богов, которая соответствовала римской триаде (Юпитер—Юнона—Минерва).

В греческой традиции прорицатель, сын нимфы Харикло, потомок спартов. По Каллимаху, юношей Тиресий случайно увидел Афину обнаженной во время ее купания и был за это ослеплен богиней, но затем по просьбе Харикло Афина возместила ему потерю зрения даром прорицания. По Овидию же, Тиресий, увидев спаривающихся змей, ударил их палкой и за это был превращен в женщину; вновь стать мужчиной ему удалось только после того, как спустя семь лет он снова подстерег двух змей в том же состоянии и ударил их. Когда между Зевсом и Герой возник спор о том, кто из двоих любовников получает большее наслаждение, боги попросили Тиресия рассудить их, так как он знает свойства обоих полов. Тиресий ответил, что наслаждение, испытываемое женщиной, в девять раз превышает ощущения мужчины, и за это был ослеплен разгневанной Герой, а Зевс наделил его даром прорицания и продолжительностью жизни, в семь раз превышающей обычную.

Тиресий не утратил пророческих способностей и после смерти, настигшей его при бегстве из Фив во время похода эпигонов. Так, Одиссей спускался в подземный мир, чтобы услышать от Тиресия предсказание о своем будущем.

Атрибут бога виноделия Диониса, прут, перевитый виноградной лозой и увенчанный сосновой шишкой. Последняя символизировала огонь, в котором сгорела мать Диониса — Семела, а сам жезл — символ младенца Диониса, вокруг которого, дабы уберечь его от пламени, обвилась лоза.

В греческой мифологии боги, предшественники Олимпийцев. Они родились от матери-земли Геи и бога неба Урана; их шесть братьев — Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Кронос (Крон); и шесть сестер — Тефида, Феба, Мнемосина, Тейя, Фемида, Рея. По наущению Геи титаны, все кроме Океана, напали на Урана, и Кронос оскопил отца.

Аполлодор сообщает: «Крон женился на сестре Рее и, так как Гея и Уран предрекли ему, что власть у него отнимет его собственный сын, стал пожирать рождавшихся у него детей». Если бы не Рея, Кронос проглотил бы и младенца Зевса, но его обманули, и со временем Зевс победил Кроноса и вместе с другими титанами низверг его в Тартар.

Р. Грейвс добавляет: «Крон и все побежденные титаны, кроме Атланта, были изгнаны на самый западный из Британских островов (другие, правда говорят, что их заключили в Тартар) и оставлены там под охраной сторуких. Больше титаны никогда Элладу не тревожили. Атланту, как военачальнику, было назначено примерное наказание: держать на своих плечах небо. Всех титанид, благодаря вмешательству Метиды и Реи, пощадили» (Рея была матерью Зевса, а Метида — его возлюбленной).

В греческой мифологии чудовище, исчадие матери-земли Геи, рожденное от бога Тартара (есть другая версия мифа, по которой Тифон появился из земли в том месте, куда ударила кулаком богиня Гера, решившая в отместку Зевсу — тот сам родил Афину — также самостоятельно произвести потомство). Аполлодор описывает Тифона так: «Он превосходил всех существ, которых родила Гея, ростом и силой. Часть его тела до бедер была человеческой и своей огромной величиной возвышалась над всеми горами. Голова его часто касалась звезд, руки его простирались одна до заката солнца, другая — до восхода. Они оканчивались ста головами драконов. Часть его тела ниже бедер состояла из огромных извивающихся колец змей, которые, вздымаясь до самой вершины тела, издавали громкий свист. Все тело его было покрыто перьями, лохматые волосы и борода широко развевались, глаза сверкали огнем. Буря огня вырывалась из его пасти».

Тифон устремился на Олимп, и боги в страхе разбежались, но Зевс сразился с Тифоном и ударил в него перунами, а потом пустил в ход серп, которым когда-то оскопил Кроноса. Дальше Аполлодор излагает миф так: «...увидев, что Тифон тяжело ранен, Зевс вступил с ним в рукопашную. Тифон охватил Зевса кольцами своего тела и, вырвав у него кривой меч, перерезал Зевсу сухожилия на руках и ногах. Подняв его на плечи, он перенес его затем через море... Там же он спрятал и сухожилия, завернув их в шкуру медведя, и поставил стеречь все это драконицу Дельфину... Однако Гермес и Пан выкрали эти сухожилия и тайно вставили их Зевсу. Вернув себе прежнюю силу, Зевс внезапно ринулся с неба на колеснице, влекомой крылатыми конями, и, метая перуны, преследовал Тифона до горы, которая называется Ниса.

Там Мойры ввели в обман преследуемого Тифона: они убедили его, что у него прибавится силы, если он отведаст однодневных плодов (Р. Грейвс считает эти плоды яблоками смерти — Ред.). И вот, преследуемый далее, Тифон... метал ввысь целые горы. Так как Зевс эти горы отражал своими перунами обратно, Тифон пролил вблизи... хребта много крови... Когда Тифон кинулся бежать через море, Зевс набросил на него гору Этну, и из нее до настоящего времени, как говорят, из-за брошенных туда перунов вырываются языки пламени».

Греческая богиня случая. По Архилоху, Тихе находится рядом с Мойрой; у Пиндара она — дочь Зевса и тоже близка Мойрам.

В греческой традиции сын элевсинского царя Келея, герой, которому Деметра подарила золотую колесницу с крылатыми драконами и дала зерна пшеницы. Разъезжая по всему свету, Триптолем засеял землю и обучил севу людей. По Платону, за свою праведность Триптолем в аиде судит мертвых вместе с Миносом, Радамантом и Эаком.

Греческое божество моря, сын Посейдона. Он обитает в глубинах моря в золотом доме.

Известны также тритоны — морские жители, составляющие свиту бога Посейдона. Они обычно ведут себя очень шумно, непрерывно резвятся и дуют в раковины.

В греческой традиции внук Дардана, сын Эрихтония, основатель и первый царь Трои. По другой версии мифа, основателем Трои был сын Троса Ил, от имени которого название Трои — Илион.

В греческой традиции герой, особенно известный как прорицатель, который давал оракулы в Лейбадейской пещере, где узнававший свою судьбу погружался в состояние ужаса. На этом основании говорили, что Трофоний — сын Аполлона и что он выстроил своему божественному отцу Дельфийский храм.

В греческой традиции война между ахейцами под началом Агамемнона и троянцами во главе с Приамом. Античные авторы называли причиной войны волю Зевса, пожелавшего либо «уменьшить бремя земли» (Еврипид), либо дать возможность прославиться божественным героям, либо сохранить в памяти потомства красоту своей дочери Елены (Аполлодор). Поводом к войне послужил спор между тремя богинями — Герой, Афиной и Афродитой за обладание яблоком, которое подбросила им Эрида с надписью «прекраснейшей» («яблоко раздора»). Чтобы рассудить заспоривших богинь, Зевс поручил Гермесу отвести их на гору Иду, где пас стада юный Парис. Поставленный перед необходимостью выбора и прельщенный обещанием Афродиты дать ему любовь Елены, Парис признал Афродиту прекраснейшей из богинь, чем снискал себе помощь богини, но навеки сделал своими врагами Геру и Афины. Затем Парис приплыл в Грецию, остановился в доме Менелая и, воспользовавшись его отъездом, при содействии Афродиты убедил Елену бросить Спарту и мужа и стать его женой. Похищение Елены и явилось прямым поводом к войне.

При поддержке своего брата Агамемнона Менелай собрал большое войско, так как бывшие женихи Елены были связаны совместной клятвой мстить в случае необходимости за оскорбление ее супруга. В составе ахейского войска оказались знатнейшие герои: Одиссей, Филоктет, оба Аякса, Диомед, Ахилл и другие. Ахейский флот насчитывал свыше тысячи кораблей. Предводителем всего войска был избран Агамемнон, как самый могущественный

из ахейских царей.

Перед высадкой на троянской равнине ахейцы отправили Одиссея и Менелая для переговоров с троянцами о выдаче Елены. Посольство закончилось неудачно, и война стала неизбежной.

Основные события Троянской войны развернулись на ее десятом году. Временное самоустранение Ахилла, оскорбленного тем, что Агамемнон отнял у него пленницу, дало возможность проявить свою доблесть остальным ахейским вождям (Диомеду, Агамемнону, Менелая, Одиссею, Аяксу Теламониду). Среди троянцев главный герой — Гектор, сын Приама. Наступление троянцев и гибель друга Патрокла от руки Гектора заставили Ахилла вновь вступить в бой; он сразил многих троянских героев, в том числе и Гектора, но сам погиб от стрелы Париса, направляемой Аполлоном.

По совету Одиссея мастер Эпей построил огромного деревянного коня, в полое нутро которого спрятался отборный отряд ахейских воинов. Троянцы ввезли коня в город, приняв его за дар Афине. Ночью спрятанные в чреве коня ахейцы выбрались наружу и открыли городские ворота остальному войску; началось избиение застигнутых врасплох троянцев. Все мужское население Трои погибло, за исключением Энея с несколькими соратниками, получавшего от богов указание бежать из Трои, чтобы возродить ее славу в другом месте.

Аякс Оилид, осквернив насиланием над дочерью Приама Кассандрой алтарь Афины, навлек на флот победителей гнев богини. Во время страшной бури многие корабли утонули от волн и ветра, другие разбились на прибрежных скалах. Менелая и Одиссея буря занесла в далекие страны. Агамемнон по возвращении домой стал жертвой заговора своей жены Клитемнестры и Эгисфа.

Наряду с «Илиадой» Гомера события троянской войны были отражены в не сохранившихся, но известных в поздних пересказах «киклических» поэмах VII–VI вв. до н. э. Из афинских трагедий V в. до н. э. разорению Трои посвящены «Троянки» Еврипида. Для средневековой Европы одним из источников служили позднеантичные повести «Дневник Троянской войны» и «О гибели Трои».

В греческой традиции огромный деревянный конь сооруженный ахейцами по совету Одиссея на десятом году Троянской войны. Внутри построенного мастером Эпеем коня спрятались самые доблестные воины, а остальное ахейское войско, погрузившись на корабли, отплыло к острову Тенедос. Троянцы решили, что осада снята и, поверив словам лазутчика Синона о том, что Троянский конь оставлен ахейцами, чтобы умилостивить Афину, и что обладание конем сделает Трою неприступной, перенесли коня в город, разрушив при этом часть крепостной стены. Ночью из чрева коня вышли воины и открыли городские ворота вернувшемуся под покровом темноты войску. Троя была взята и разрушена.

В римской традиции третий царь Рима, который разрушил Альба Лонгу, а ее жителей переселил в Рим. Он не почитал богов, за что и был поражен молнией Юпитера.

У

Латинская форма имени Одиссея.

В хурритской мифологии слепое и глухое каменное чудовище, сотворенное Кумарби, чтобы погубить Тешуба и вернуть утраченную власть на небесах. Однако Тешуб победил Улликумме.

Этруская богиня-покровительница царской власти. Вместе с Тином и Менрвой Уни составляла триаду этрусских богов, которая соответствовала римской триаде Юпитер—Юнона—Минерва.

Греческое божество неба, сын и супруг земли-Геи. Вступив в брак с Ураном, породила Гор, нимф, Понт, титанов, киклопов, гекатонхейров. Уран обладал бесконечной плодовитостью. Дети его были ужасны видом и ненавистны отцу; он прятал их в утробе Геи, которая тяжело от этого страдала и задумала облегчить свою судьбу. По ее просьбе младший сын Урана Кронос серпом оскопил отца. Из капель крови Урана, упавших на землю, родились гиганты, Эриннии, Мелии и богиня Афродита.

Ф

Римский бог полей, лесов, пастбищ, животных. Считалось, что он дает предсказания. Хитростью пойманный царем Нумой Помпилием, Фавн вынужден был открыть ему, как следует отвращать молнию Юпитера. Овидий в «Фастах» говорит:

К струям привычным туда божества лесные приходят

И утоляют свою жажду обильным вином.

Одолевают их сон; из прохладной пещеры выходит

Нума и сонные их путает руки узлом.

Только проснулись они, как сейчас же пытаются узы

Сбросить, но крепче еще бьющихся вяжут узлы.

Нума тогда говорит: «Лесные боги, простите:

...Знайте, что нет никаких замыслов злых у меня;

Только откройте мне, как мне угрозы молний избегнуть?»

Нуме ж в ответ говорит Фавн, потрясая рога:

«Многого просишь, но мы открыть эти тайны не смеем;

Мы божества, но у нас все ж ограничена власть.

Боги равнин мы, и власть наша лишь до вершины доходит

Гор, а Юпитер своей молнией правит один».

Культе Фавна отправлялся в гроте на склоне Палатина, называвшемся Луперкалий, и обслуживался коллегией жрецов-луперков. В праздник Луперкалий луперки приносили Фавну жертву — собаку и козла. После жертвоприношения жрецы, с козьей шкурой на

бедрах, бежали вокруг Палатина, стегая вырезанными из кожи жертвенного козла ремнями встречных женщин, что должно было сделать их плодовитыми.

Известны также фавны — божества полей, лесов и пастбищ. Фавны заботились о животных, но отличались буйным нравом и пристрастием к вину, вследствие чего часто совокуплялись с животными и преследовали женщин.

Греческая богиня молвы.

Римская богиня плодородия, сестра, дочь или супруга бога Фавна.

В греческой мифологии сын Гелиоса или Эос, брат Гелиад. Чтобы доказать свое происхождение от Гелиоса, Фазтон взялся управлять солнечной колесницей и погиб, испепеленный огненным жаром, чуть не погубив в страшном пламени землю.

В греческой мифологии чудесный народ, великолепные мореходы, с которыми никто не сравнится в этом ремесле. Если к ним попадают потерпевшие кораблекрушение, то феаки считают своим долгом доставить их на родину. Таким образом, по рассказу Гомера, вернулся на Итаку Одиссей:

И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча

Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком

Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,

Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу...

Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно

Сильных гонимых бичом, поражающим всех совокупно,

Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает

Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной

Сзади волной напирая, его многошумное море

Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрееший

Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете...

Греческая богиня правосудия, дочь Урана и Геи, вторая супруга Зевса, мать Гор и Мойр. От матери Геи она получила Дельфийский оракул, который передала своей сестре Фебе, а та отдала это прорицалище Аполлону — своему внуку. В Олимпии вблизи алтаря Геи с ее оракулом и алтаря Зевса находился жертвенник Фетиды.

В греческой мифологии чудесная птица. Родом из Эфиопии, живет она пятьсот лет (иначе 1460 или 12594 года). Внешне эта птица напоминает орла, ее перья — красно-золотые. Чувствуя приближение смерти, феникс сжигает себя в своем гнезде, а вскоре из этого пепла рождается новый феникс. Впрочем, Овидий в «Метаморфозах» представляет все иным

образом:

Только одна возрождает себя своим семенем птица:

«Феникс» ее ассирийцы зовут; не травую, не хлебом, —

Но фимиама слезой существует и соком амома.

Только столетий он пять своего векованья исполнит,

Тотчас садится в ветвях иль на маковку трепетной пальмы.

Клювом кривым и когтями гнездо себе вить начинает.

Дикой корицы кладет с початками нежного нарда,

Мятый в гнездо киннамон с золотистою миррою стелет.

Сам он ложится поверх и кончает своей век в благовоньях.

И говорят, что назначенный жить век точно такой же,

Выйдя из праха отца, возрождается маленький Феникс.

Только лишь возраст ему даст сил для поднятия груза,

Сам он снимает гнездо с ветвей возвышенной пальмы,

Благочестиво свою колыбель и отцову могилу

Взяв и чрез вольный прост в Гипериона город донесшись,

Дар на священный порог в Гипериона храме слагает.

Геродот говорит о фениксе следующее: «Есть еще одна священная птица под названием феникс... Прилетает феникс только тогда, когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла... Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот как. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо в Египет в храм Гелиоса».

В греческой мифологии дочь Нерея, наиболее известная из nereид. Став женой Пелея, бессмертная Фетида пыталась сделать бессмертным и своего сына Ахилла. Застигнутая Пелеем при попытке закалить Ахилла в огне, Фетида оставила мужа и вернулась в дом своего отца Нерея, но продолжала заботиться о сыне. Во время сборов ахейских вождей под Троею она укрыла Ахилла на острове Скирос; когда же его участие в войне стало неизбежным, Фетида предупредила Ахилла, чтобы он не спрыгивал с корабля первым на

тroyанскую землю: по предсказанию, первый высадившийся ахеец должен был погибнуть. Позднее она доставила сыну новые доспехи, изготовленные по ее просьбе богом Гефестом.

Римская богиня верности. Установление культа Фидес приписывалось Нуме Помпилию. Вместе с Пиетас (божеством долга перед богами, родиной, родителями) Фидес считалась основой общества и добродетелей римлян, гордившихся своей исключительной верностью клятве. Фидес была тесно связана с призывавшимся при клятве Юпитером. Фламины приносили жертву Фидес, обернув тканью правую руку, посвященную богине, так как соединение правых рук символизировало верность заключенному договору.

В римской традиции жрецы того или иного божества. Саму должность фламينا, по преданию, учредил царь Нума Помпилий. К числу великих фламинов принадлежали фламин Юпитера (Flamin Dialis), фламин Марса (Flamin Martialis) и фламин Квирина (Flamin Quirinalis). Двенадцать младших фламинов служили другим богам.

Римская богиня цветения колосьев, цветов, садов. Учреждение культа Флоры приписывалось Титу Тацию, который воздвиг ей алтарь и дал фламина. В праздник Флоралий на алтарь богини приносили цветущие колосья.

Римский бог водных источников, сын Януса и нимфы Ютурны. В праздник Фонтаналий в источники бросали цветочные гирлянды и украшали колодцы.

Греческое божество моря, сын Геи и Понта. От брака Форкиса с его сестрой Кето родилось множество чудовищ, среди них Горгоны, Грайи, Эхидна, змей — страж золотых яблок. Среди морских божеств Форкис — олицетворение морской бездны.

Римская богиня счастья, случая и удачи, первоначально богиня урожая, материнства, плодородия. Фортуна — защитница женщин, она покровительствовала женщинам, бывшим лишь раз замужем. Введение культа Фортуны приписывалось царю Сервию Туллию, ставшему благодаря любви Фортуны из сына рабыни царем и воздвигшему ей несколько святилищ.

Культу Фортуны были близки культы Фелицитас — богини счастья, Бония Эвентия — хорошего исхода, Менс Бона — стойкости духа. Изображалась богиня с рогом изобилия, иногда на шаре или колесе (символ изменчивости счастья) или с повязкой на глазах.

Римские богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи.

У греков фуриям соответствуют Эриннии.

Этрусское божество растительности и плодородия. Отождествлялся с греческим Дионисом и римским Либером.

Х

Греческая «первоматерия», из которой возник мир. В учении орфиков Хаос вместе с Эфиром представлялся порождением Хроноса; при этом считалось, что Хаос и Эфир порождали из себя некоего Андрогина, муже-женское начало, являвшееся началом всех вещей.

В греческой мифологии чудовище. Она обитает на берегу узкого морского пролива, напротив

Скиллы, и трижды в день выпивает всю воду, которую затем извергает. Мимо Харибды удалось проплыть только аргонавтам и — дважды — Одиссею. Афина, по Гомеру, дала ему такой совет:

Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,

Три раза в день поглощая и три раза в день извергая

Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:

Сам Посейдон от гибели верной тогда не избавит.

К Скиллиной ближе держась скале, проведи без оглядки

Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам

Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть

Всем...

Одиссей послушался совета богини:

Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала

Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались

Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,

С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена

Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же

Волны соленого моря обратно глотала Харибда,

Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно

Волны шибались, а в недрах утробы открытым кипели

Тина и черный песок...

Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне

Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось.

Пройдя ближе к Скилле, Одиссей потерял шестерых спутников, но его корабль в остальном благополучно преодолел жуткий пролив.

Впрочем, во второй раз судьба была не столь благосклонна к Одиссею. Зевс швырнул в его корабль свой перун, и корабль пошел ко дну, а Одиссея, ухватившегося за упавшую с палубы мачту, понесло к Харибде. «Ухватившись за корни смоковницы, которая росла на одной из скал, он повис и оставался в таком положении до тех пор, пока вода не поглотила мачту и киль и не извергла их через некоторое время назад. Тогда он оседлал их снова и стал руками грести в противоположную от водоворота сторону» (Р. Грейвс).

Одиссей потерял корабль, но сам все-таки сумел спастись.

В греческой мифологии вечно юные богини, дочери Зевса, олицетворяющие добро и радость. По Гесиоду, их имена — Аглая, Евфросина и Талия. Р. Грейвс в «Мифах древней Греции» замечает: «Гомер упоминает двух харит — Пасифею и Кале. Две хариты — Ауксо и Гегемона — которых почитали афиняне, соответствовали двум временам года. Позднее харит стали почитать в виде триады, как и богинь судьбы, т. е. женскую триаду в ее самой непреклонной ипостаси».

В римской мифологии харитам соответствуют грации.

В греческой мифологии перевозчик мертвых в аиде. Изображался мрачным старцем в рубище. Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату в один обол (по погребальному обряду монета находилась у покойника под языком). Он перевозит только тех, чьи кости обрели покой в могиле. Только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти. Показав Харону золотую ветвь, Сибилла заставила его перевезти Энея.

Ф. Гойя. Парки. Холст (1819–1823 гг.).

Ц

Древнейшая италийская и римская богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, а также богиня подземного мира, покровительница материнства и брака, хранительница сельской общины, защитница урожая от грабителей. Впоследствии Церера считалась только богиней злаков и урожая. Церере и Теллус были посвящены праздники жатвы, а также зимнего посева и Цереалии.

В III в. до н. э. произошло сближение Цереры с Деметрой, а Либеры — с Персефоной. Впоследствии с Церерой, как и с греческой Деметрой, связывали изобретение земледелия и введение законов, приобщивших людей к цивилизации.

Э

В греческой традиции сын Зевса, самый справедливый и благочестивый среди героев. Вместе с Аполлоном и Посейдоном Эак строил стены Трои для царя Лаомедонта. Согласно Платону, после смерти Эак за свою справедливость был сделан одним из трех (вместе с Миносом и Радамантом) судей в подземном царстве.

В римской традиции внук или сын аркадского царя Палланта. Убив отца по наущению матери, Эвандр бежал в Италию и, получив от местного царя Фавна землю, по совету богини Карменты построил укрепленный город на холме, названном им Паллатином то ли в честь отца, то ли в честь дочери Паланты, соблазненной Геркулесом и там погребенной. Он ввел культы аркадского Пана (под именем Фавна), Карменты, Цереры, Нептуна, Виктории, Геркулеса. Эвандр принимал у себя Энея, которому предсказал великую судьбу Рим.

Греческий бог юго-восточного ветра.

В греческой традиции жена певца Орфея. Однажды, когда Эвридика с подругами-нимфами

водила хороводы в лесу, ее ужалила змея и Эвридику умерла. Чтобы вернуть любимую жену, Орфей спустился в аид. Звуками своей лиры он укротил Кербера и растрогал Аида и Персефону, которые разрешили Орфею вывести Эвридику на землю при условии, что он не взглянет на нее прежде, чем придет в свой дом. Орфей нарушил запрет и навсегда потерял Эвридику.

В греческой традиции царь Тиринфа и Микен, правнук Зевса, внук Персея, родившийся раньше Геракла и получивший поэтому власть над Микенами и соседними народами. Выполняя приказы Эврисфея, Геракл совершил свои двенадцать подвигов. После того как Геракл вознесся на Олимп, Эврисфей стал преследовать его мать Алкмену и сыновей Геракла Гераклидов; в завязавшейся битве Эврисфей и его сыновья были убиты.

В римской традиции пророчица-нимфа ручья в посвященной богине Карменте роще. Из этого ручья весталки черпали воду для храма Весты. По преданию, Эгерия была советчицей римского царя Нумы Помпилия в государственных делах.

В греческой мифологии:

) У Гомера — изготовленный Гефестом щит, потрясая которым Зевс наводит ужас на врагов.

) В послегомеровских сказаниях — шкура козы Амалфеи, кормилицы Зевса. В титаномахии Зевс натянул на щит шкуру Амалфеи и прикрепил к нему голову Горгоны Медузы. По другому варианту мифа Эгида — демон, порожденный Геей, изрыгавший пламя и опустошавший своим дыханием целые страны. Афина убила чудовище и его шкуру сделала своим щитом.

В классической мифологии эгида считается постоянным атрибутом Зевса и Афины.

В греческой традиции обольститель Клитемнестры и ее сообщник в убийстве Агамемнона. После семи лет царствования в Микенах Эгисф был убит вместе с Клитемнестрой выросшим в изгнании Орестом, сыном Агамемнона.

В греческой мифологии сын фиванского царя Лая. Так как Лаю была предсказана Аполлоном смерть от руки собственного сына, он велел жене бросить новорожденного на горе Киферон. Однако пастух, получивший ребенка от царицы Иокасты и не знавший истинной причины такого решения, сжалился над новорожденным и отдал его коринфскому пастуху, с которым встречался на горных выгонах. Тот отнес ребенка своему бездетному царю Полибу, воспитавшему его как родного сына.

Повзрослев и случайно узнав о том, что он — подкидыш, Эдип отправился в Дельфы, чтобы спросить оракула Аполлона о своем происхождении. Оракул вместо ответа дал прорицание, что Эдипу суждено убить отца и жениться на матери. Не смея вернуться в Коринф, который считал своей родиной, Эдип отправился искать счастье на чужбине. По пути из Дельф ему повстречался знатный мужчина на колеснице в сопровождении слуг. В завязавшейся дорожной ссоре незнакомец ударил Эдипа по голове тяжелым скипетром, и разъяренный юноша дорожным посохом убил нападающего, его возницу и всех, как ему казалось, слуг. Однако один человек из свиты Лая (ибо это был царь Фив) спасся, вернулся в Фивы и рассказал, что царь погиб от рук разбойников. Эдип, продолжая путь, подошел к Фивам и

отгадал загадку обосновавшейся у городских стен чудовищной Сфинкс. В благодарность за избавление Фив от продолжительного бедствия фиванские граждане сделали Эдипа своим царем и дали в жены вдову Лая.

Около 20 лет Эдип и Иокаста жили в счастливом супружестве. По прошествии длительного срока, когда Фивы были поражены моровой язвой и дельфийский оракул потребовал изгнания из Фив неразысканного убийцы Лая, Эдип, выясняя все обстоятельства убийства, сумел установить, чей он сын, кого убил и с кем находился в браке. Он выколол себе глаза золотой застежкой, снятой с платья повесившейся Иокасты и со временем был изгнан из Фив.

Сопровождать слепого отца вызвалась преданная ему дочь Антигона. После долгих скитаний Эдип дошел до священной рощи Эвменид в аттическом поселении Колон, где ему, по давнему предсказанию, суждено проститься с жизнью. Ведомый силой свыше, Эдип нашел путь к месту своего успокоения и был поглощен разверзшейся землей.

Греческая богиня мира. Гесиод называет Эйрену в числе трех Гор, родившихся от союза Зевса и Фемиды и ведавших сменой времен года и плодородием полей. Как богиня мира Эйрена стала почитаться в Афинах с середины V в. до н. э.

В Риме с Эйреной отождествлялась богиня Пакс.

В греческой традиции царь Фессалии, внук Прометея, сын Девкалиона, родоначальник эллинов, эпоним Эллады; его сыновья и внуки — эпонимы основных греческих племен.

В греческой мифологии чудовище из свиты богини Гекаты. Эта богиня считалась богиней колдунов и привидений, она скиталась ночами по земле, сопровождаемая всевозможными чудищами.

Р. Грейвс в «Мифах древней Греции» описывает эмпусу так: «Звавшиеся эмпусами мерзкие демоны были детьми Гекаты и носили на ослиных ногах медные башмаки, если, разумеется, не правы те, кто утверждает, что у них одна нога была ослиная, а вторая — бронзовая. Они любили пугать путников, но и их самих можно было легко отпугнуть бранным словом, заслышав которое они, визжа, обращались в бегство. Эмпусы могут принимать вид сук, коров или прекрасных девушек, причем именно в образе дев они соблазняли мужчин, делили с ними ложе ночью или во время дневного сна и сосали из них жизненные силы до тех пор, пока те не умирали».

В античной традиции сын Анхиса и Афродиты (Венеры). Во время осады Трои Эней доблестно сражался с ахейцами, был побежден Диомедом и Ахиллом и готов был погибнуть на развалинах города, но получил божественное знамение, предрекавшее, что ему назначено судьбой сохранить царский род Дардана. По Вергилию, в последнюю ночь Трои Эней покинул город вместе с престарелым Анхисом и малолетним сыном Асканием (Юлом). Захватив с собой священные изображения троянских богов, Эней в сопровождении спутников на 20 кораблях отправился на поиски новой родины. По пути он побывал во Фракии и Македонии, на Крите и остров Делосе, в Лаконии и Аркадии, на островах Ионийского моря и в Эпире; дважды его занесло в Сицилию, где умер Анхис, и в Карфаген, где в Энея влюбилась царица Дидона. Наконец он достиг италийского города Кумы и, совершив с помощью кумской сивиллы нисхождение в царство мертвых, получил

предсказание о своей судьбе и будущем своих потомков.

Затем Эней прибыл в Лаций; местный царь Латин готов отдать ему руку своей дочери Лавинии и предоставить место для основания нового города, но для этого Энею приходится вступить в тяжелую борьбу с Турном — вождем местного племени рутулов, также претендующим на руку Лавинии. Эней победил в поединке Турна, и троянские божества получают новое пристанище на италийской земле, которая становится преемницей славы троянцев.

В Риме имя Энея приобрело особую популярность в связи с тем, что потомками его сына Аскания (Юла) считали себя представители рода Юлиев (в том числе Юлий Цезарь и Август).

В египетской мифологии девять богов Гелиополя, считавшихся первыми царями Египта. Это Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет и Нефтида. Впоследствии в каждом городе стали возникать свои эннеады.

В греческой мифологии:

) Родоначальник племени эолийцев, сын Эллина, внук Девкалиона и Пирры, правнук Прометея.

) Повелитель ветров, обитавший на острове Эолия, отец шестерых сыновей и шестерых дочерей. У Гомера Эол, владыка ветров, вручает Одиссею завязанный мешок с бурными ветрами.

Греческая богиня утренней зари, дочь титана Гипериона, сестра Гелиоса и Селены. Эос с Астреом породили ветры: Борея, Нота и Зефира, также звезды. Афродита отомстила Эос за то, что та разделила ложе с Аресом, и вселила в нее постоянное плотское желание.

В греческой традиции сыновья вождей, выступивших в поход против Фив и погибших под стенами этого города. Эпигоны отправились в новый поход на Фивы, чтобы отомстить за смерть отцов. Принято считать, что интервал между походом Семерых и походом эпигонов составлял десять лет.

Непременными участниками похода, по разным источникам, являются возглавляющий его Алкмеон (сын Амфиарая), Эгиалей (сын Адраста), Ферсандр (сын Полиника), Диомед (сын Тидея), Сфенел (сын Капанея). Фиванцы по совету прорицателя Тиресия послали к аргивянам вестника для переговоров о мире, а сами под прикрытием ночи покинули город. Обнаружив это, эпигоны разорили Фивы город и отправили в Дельфы захваченную ими дочь Тиресия Манто с частью добычи.

В греческой мифологии постоянный эпитет, священное прозвище богов. Например, Афина-Эргана («Работница»), Афина-Промахос («Воительница»), или Аполлон-Ликимний («Волчий»), Аполлон-Феб («Блестящий») и т. п.

Греческое божество мрака, сын Хаоса и брат Ночи (Никты). Вместе с Эребом Ночь породила Гемеру (День) и Эфир.

Греческая богиня раздоров, дочь Никты и сестра Ареса. Согласно мифу, Эрида, узнав о том, что ее не пригласили на свадьбу Пелея и Фетиды, бросила среди гостей золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». В спор за это яблоко вступили богини Гера, Афродита и Афина; принимать решение выпало царевичу Парису. Это «яблоко раздора», подброшенное Эридой, и явилось непосредственным поводом к троянской войне.

В греческой мифологии река, рожденная Океаном и Тефидой, протекающая на крайнем западе, где побывал Геракл. По Эридану, в который впадает Родан, плыли аргонавты, вдыхая ужасный смрад от пожара, вызванного падением в Эридан Фаэтона. Эридан славится янтарем, в который превратились то ли слезы Аполлона, потерявшего Асклепия, то ли слезы Гелиад, сестер Фаэтона.

Позднее греки отождествляли Эридан с рекой По, Родан — с рекой Рона.

В греческой мифологии богини мести, которые родились от Матери-земли Геи, впитавшей кровь оскопленного бога Урана. Эриний три — Алекто, Тисифона и Мегера. Они обитают в аиде, но время от времени появляются среди людей, чтобы возбудить месть и злобу. Эсхил в «Эвменидах» вкладывает в уста Аполлона, изгоняющего Эриний из храма, такие слова:

Вон, вам повелеваю! Изыдите вон
Из сих чертогов! Прочь от прорицалища!
Неровен час — ужалит, с тетивы златой
Спорхнув, змея — летунья среброкрылая:
Изрыгнете от боли с пеной черною
Все сгустки крови, слизанной со свежих ран.
Тут храм, не место лобное, где плетью бьют,
Выкалывают очи, рубят головы,
Камнями поражают, четвертуют, рвут,
Скопят, увечат, с долгим воем корчатся
Посаженные на кол. Вот, где праздник вам, —
Вот в чем веселье ваше, — что являет нам
Ваш нрав, столь ненавистный! И таков ваш вид!..
Гнездиться бы в пещере кровожадных львов
Вам, кровопийцы![69]

По Эсхилу, Эриний примирились с новыми богами и получили имя эвмениды, то есть «благомыслящие». А. Ф. Лосев замечает, что «образ Эриний прошел путь от хтонических божеств, охраняющих права мертвых, до устроительниц космического порядка».

В римской мифологии Эринниям соответствуют фурии.

В греческой традиции один из первых аттических царей, автохтон, рожденный землей Геей от семени Гефеста и имевший наполовину змеиное, наполовину человеческое тело. Спрятанный в ларец Афины, он был отдан на хранение дочерям Кекропа, однако те заглянули в ларец и пришли в ужас от чудовища. Разгневанная Афина наслала на них безумие.

Эрихтоний был воспитан самой Афиной. Возмужав, он и воцарился в Афинах и на акрополе воздвиг деревянную статую Афины, а также установил Панафинеи.

Греческий бог любви. По Гесиоду, Эрот — одно из четырех космогонических первоначал, наряду с Хаосом, Геей и Тартаром. У Парменида Эрот — древнейшее божество, которое создала Афродита. У орфиков он Протогон («перворожденный»), Фанет («явленный»), Фаэтон («сияющий»); Эрот — смелый стрелок, крылатый, многоискусный, владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и Тартара. По Ферекиду, сам Зевс, создавая мир, превратился в Эрота.

Традиция классической поэзии делает Эрота сыном Зевса, порождением Ириды и Зефира, сыном Афродиты и Ареса, благодаря чему он постепенно принимает черты «златокрылого», «золотоволосого», «подобного ветру» бога, знаменуя постепенный переход к изящному, легкому, капризному Эроту эллинистической поэзии. У Аполлония Родосского это хитроумный, но жестокосердный малыш, помыкающий Афродитой, своей матерью.

У Платона Эрот — сын Бедности и Богатства, зачатый в день рождения Афродиты и получивший в наследство от родителей жажду обладания, стойкость, отвагу, бездомность.

По Павсанию в Феспиях (Беотия) Эроту поклонялись в образе необработанного камня; в Феспиях же находились изваянные Праксителем и Лисиппом статуи Эрота, изображавшие его в виде прекрасного юноши.

Римское имя греческого бога врачевания Асклепия.

В греческой мифологии чудесный народ, обитающий у южных пределов земли. Эфиопы, подобно гиперборейцам, любезны богам, которые нередко пируют вместе с ними. Войско эфиопов помогало Приаму защищать Троию против ахейцев.

Гомер в «Одиссее» упоминает о Посейдоне, который гостил у эфиопов:

Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов

(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит

Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа

Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.

Там он, сидя на пиру, веселился...

В греческой мифологии чудовище, внучка Матери-земли Геи. Это полузмея-полудева, она обитала в подземной пещере и хватала всех, кто осмеливался проходить мимо входа в

пещеру. От Тифона и великана Гериона Эхидна породила множество чудищ — Орфа, Кербера, лернейскую гидру, Химеру, Сфинкс... По свидетельству Аполлодора, Эхидна погибла от руки стоглазого великана Аргуса: «Он отличался необыкновенной силой и убил опустошавшего Аркадию быка, а шкуру его надел на себя. Он убил также и Сатира, притеснявшего жителей Аркадии и отнимавшего у них скот. Говорят также, что он убил похищавшую путников Ехидну, дочь Геи и Тартара, застав ее спящей».

Ю

Римская богиня юношей, делавших взнос в ее кассу по достижении возраста мужей. Почиталась на Капитолии вместе с Юпитером, что символизировало вечную молодость Рима.

У греков Ювенте соответствовала богиня Геба.

Римская богиня брака, материнства, женщин и женской плодовитости, супруга Юпитера. Считалось, что каждая женщина имеет свою юнону (как каждый мужчина — своего гения). У Юноны множество эпитетов: Регина («царица»), Луцина («светлая»), Соспита («помогающая»), Календария — богиня начала каждого месяца (календ), Румина («кормилица»), Фульгура («молниемечущая»), Монета («советница»), в храме которой чеканились деньги, Оссипага («дающая скелет зародышу»).

Вместе с Юпитером и Минервой Юнона входила в capitoлийскую триаду, которой был посвящен храм на Капитолии. Женскими праздниками считались посвященные Юноне Луцине Матроналии и ноны Капротины. Юнону призывали при заключении браков, ей приносили благодарственные жертвы после родов, а приближавшиеся к ее храму не должны были иметь на себе узлы, как затрудняющие роды.

Овидий в «Фастах» говорит:

Чтите богиню цветами! Цветы желанны богине!

Нежным цветочным венком все обвивайте чело.

Так говорите: «Ты нам, Луцина, свет жизни открыла»,

Так умоляйте: «Ты нам муки родов облегчи».

А коль беременна ты, умоляй, волоса распустивши:

«Дай мне без боли родить плод мой, что я понесла».

В поздней античности имена Юноны и греческой Геры употреблялись без различия.

Римский бог неба, дневного света, грозы, царь богов, отождествленный с греческим Зевсом. По теории Ж. Дюмезиля, Юпитер — индоевропейский бог магической царской власти в древней триаде Юпитер—Марс—Квирин.

Юпитер покровительствовал земледелию, ему были посвящены праздники сбора винограда, перед посевом Юпитеру устраивали трапезу, он считался гарантом верности клятве; как

Юпитер Термин — хранителем границ, как Юпитер Либертас и Юпитер Либер — защитником свободы. Как Феретрий, Статор, Непобедимый, Победитель, Мститель Юпитер был богом войны и победы. С триумфом и победами были связаны и посвященные Юпитеру Римские игры. Как царь богов Юпитер имел при себе совет из божеств «сотрудничающих, помогающих» и решал все земные дела, посылая авгурам знаки своей воли.

Значение культа Юпитера особенно возросло после открытия храма на Капитолии, посвященного Юпитеру, Юноне и Минерве. С эпитетом «наилучший, величайший» (Optimus, Maximus) Юпитер стал богом римского государства, его власти и мощи. При империи Юпитер почитался как покровитель императоров.

Римская богиня правосудия, культ которой установился в Риме со времени императора Тиберия (I в.).

Я

В греческой мифологии золотое яблоко, подброшенное богиней Эридой на свадьбе Пелея и Фетиды с надписью «прекраснейшей» и ставшее причиной ссоры Геры, Афины и Афродиты.

Римский бог входов и выходов, дверей и всякого начала (первого месяца года, первого дня всякого месяца, начала жизни человека). При обращении к богам имя Януса призывалось первым. Он считался первым царем Лация, жившим на холме Яникул, научившим людей кораблестроению, возделыванию земли и выращиванию овощей. Он принял у себя Сатурна и разделил с ним власть.

Янус изображался с ключами, 365 пальцами по числу дней в году, который он начинал, и с двумя смотрящими в разные стороны лицами, откуда его эпитет «двойной» (Geminus). Так же называлась и посвященная Янусу царем Нумой Помпилием двойная арка на форуме, крытая бронзой и опиравшаяся на колонны, образуя ворота, которые должны были отпираться во время войны и запирались во время мира. Янус считался также богом договоров, союзов. Его двуликость объясняли тем, что двери ведут и внутрь, и вовне дома, а также тем, что он знает и прошлое, и будущее.

По Овидию, Янус — первобытный хаос, из которого возник упорядоченный космос, а сам он при этом из бесформенного шара превратился в бога и стал блюстителем порядка, мира, вращающим его ось.

По Ливию, Нума Помпилий воздвиг храм Янусу-Квирину; последний призывался жрецами-фециалами при объявлении войны.

В греческой традиции герой, правнук повелителя ветров Эола, сын царя Иолка Эсона, участник калидонской охоты, предводитель аргонатов.

Когда Пелий сверг своего брата Эсона с престола, тот, опасаясь козней узурпатора, отдал Ясона на воспитание кентавру Хирону, который научил его искусству врачевания. Согласно Пиндару, Ясон, когда ему исполнилось 20 лет, вернулся в Иолк и предъявил права на престол. Пелий обещал вернуть царство, но сказал, что прежде (для искупления тяготевшего над родом Эолидов проклятия) надо вернуть из Колхиды в Иолк Золотое руно.

Чтобы помочь Ясону добыть руно, собрались герои со всей Эллады. Был построен корабль, названный в честь его строителя «Арго», и участники похода стали называться аргонавтами. Испытав множество приключений, аргонавты с помощью покровительствовавших им богинь Геры и Афины достигли Колхиды, где правил царь Ээт. Царь согласился отдать Золотое руно, если Ясон запряжет в плуг медноногих изрыгающих пламя огромных быков (дар Гефеста), вспашет поле и засеет его зубами дракона. Бог любви Эрот по просьбе Афины и Геры вселил в сердце дочери Ээта волшебницы Медеи любовь к герою. Ясон обещал Медее жениться на ней и с ее помощью выполнил все требования Ээта. Хотя Ясон сумел засеять поле зубами дракона и перебить выросших из них воинов, Ээт не отдал руна, а замыслил сжечь «Арго» и убить аргонавтов. Однако Медея усыпила охранявшего Золотое руно дракона и помогла похитить руно.

Медея со своим братом Апсиртом и аргонавтами бежала из Колхиды. Дорогой, чтобы задержать преследователей, Медея убила брата и разбросала куски его тела по морю. Сраженный горем Ээт прекратил погоню, чтобы собрать части тела сына и предать их погребению. Вернувшись в Иолк, Ясон узнал, что за время его отсутствия Пелий убил его отца и всех родственников. Благодаря хитрости Медеи, убедившей дочерей Пелия, что для возвращения отцу молодости его следует разрубить на части, Ясон жестоко отомстил обидчику.

Ясон и Медея были изгнаны из Иолка и поселились в Коринфе у царя Креонта, где счастливо прожили 10 лет. У них родились два сына. Когда Ясон решил вступить в новый брак с дочерью царя Креонта Креусой, возмущенная изменой Медея прислала в дар новобрачной отравленное одеяние, и та умерла в страшных мучениях. Малолетних сыновей Ясона Медея убила, а сама унеслась на колеснице, запряженной крылатыми конями. Ясон же покончил жизнь самоубийством; по другой версии, он погиб под обломками обветшавшего корабля «Арго».

Библиография

Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1994. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. — Александрийская поэзия. М., 1972.

Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

Аристофан. Облака. — Аристофан. Комедии. М., 1954.

Вергилий. Энеида. — Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.

Геродот. История. М., 1993.

Гесиод. Теогония. — Эллинские поэты в переводах В. Вересаева. М., 1963.

Гесиод. Труды и дни. — Эллинские поэты в переводах В. Вересаева. М., 1963.

Гомер. Илиада. М., 1980. Гомер. Одиссея. М., 1981.

Гомеровские гимны. — Эллинские поэты в переводах В. Вересаева. М., 1963.

Еврипид. Трагедии. М., 2001. Содержание: Алкеста. Вакханки. Гекуба. Геракл. Гераклиды.

- Ион. Ипполит. Ифигения в Авлиде. Ифигения в Тавриде. Киклоп. Медея. Мелеагр. Орест. Рес. Троянки. Электра.
- Ливий Тит. История Рима от основания города. М., 1993.
- Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1999.
- Овидий. Метаморфозы. — Овидий. Сочинения. СПб., 1994.
- Овидий. Фасты. — Овидий. Сочинения. СПб., 1994.
- Павсаний. Описание Эллады. М., 1994.
- Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Платон. Собрание сочинений. М., 1983.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994.
- Проперций. Элегии. — Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.
- Софокл. Трагедии. М., 1988. Содержание: Царь Эдип. Эдип в Колоне. Антигона. Трахинянки. Аякс. Филоктет. Электра.
- Страбон. География. 1994.
- Цицерон. О природе богов. — Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.
- Эллинские поэты. М., 1999. Содержание: Гесиод. Киклические поэмы. Эпические поэты VIII–V вв. Гомеровские гимны. Парменид. Эмпедокл. Поздний эпос. Архилох. Тиртей. Семонид. Мимнерм. Солон. Феогнид. Ксенофан. Каллимах. Алкман. Стесихор. Сапфо. Алкей. Ивик. Анакреонт. Гимны богам.
- Эллинские поэты в переводах В.В. Вересаева. М. 1963. Содержание: Гомеровские гимны. Гесиод. Архилох. Сапфо. Семонид. Алкей. Феогнид. Ивик. Анакреон.
- Эсхил. Трагедии. М., 1971. Содержание: Просительницы. Персы. Семеро против Фив. Прометей прикованный. Агамемнон. Жертва у гроба. Эвмениды.
- Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1987.
- Гаспаров М. Занимательная Греция. М., 1995.
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995.
- Голосовкер Я. Сказания о титанах. М., 1957.
- Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
- Дуров В. История римской литературы. СПб., 2000.

- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Зелинский Ф. Из жизни идей. СПб., 1998.
- Зелинский Ф. Древнегреческая религия. Киев, 1993.
- Зелинский Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996.
- Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1996.
- История Древней Греции. М., СПб., 1999.
- История Древнего Рима. М., СПб., 1998.
- Киплинг Р. Стихотворения. СПб., 1994.
- Кнабе Г. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.
- Королев К. Македонский гамбит. М., СПб., 2002.
- Королев К. Энциклопедия символов. М., СПб., 2003.
- Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. М., СПб., 2002.
- Коростовцев М. Религия древнего Египта. М., 1976.
- Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Древнего Рима. М., 1990.
- Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1975. Латышев В. Очерк греческих древностей. СПб., 1899. Лосев А. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. Лосев А. Античная философия истории. М., 1977. Лосев А. Источники античного символизма и мифологии. М., 1930. Лосев А. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии. М., 1953.
- Луна, упавшая с неба. М., 1977.
- Матъе М. Древнеегипетские мифы. [Исследование и перевод текстов с комментариями]. М., 1956.
- Мелетинский Е. Поэтика мифа. М., 1976.
- Мифологический словарь. М., 1990.
- Мифологии древнего мира. М., 1977.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982.
- Моммзен Т. История Рима. СПб., 1997.
- Нейхардт А. Легенды и сказания Древнего Рима. М., 1987.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1999.

Ницше Ф. Избранные сочинения в 2 тт. М., 1990.

Словарь античности. М., 1994.

Топоров В. Эней — человек судьбы. М., 1993.

Тронский И. История античной литературы. Л., 1946.

Успенский Б. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого. — Успенский Б. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1998.

Циркин Ю. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000.

Шифман И. Цезарь Август. Л., 1990.

Штоль Г. В. Мифы классической древности. М., 1899–1904.

Примечания

Здесь и далее цитаты из Гомеровских гимнов приводятся в переводе В. Вересаева.

Известный английский писатель и исследователь Р. Грейвс, перу которого принадлежат, в том числе, книги «Белая богиня» и «Мифы Древней Греции», выдвинул теорию о том, что в своем «исконном» варианте античная — и, шире, европейская — мифология строилась вокруг сюжета о Великой Богине и ее возлюбленном. В предисловии к «Мифам Древней Греции» Грейвс писал: «Я разработал следующую, в чем-то неортодоксальную и допускающую дальнейшие уточнения историческую гипотезу, которая, тем не менее, не противоречит современным археологическим и антропологическим сведениям и, надеюсь, хорошо объясняет вариации мифического образа.

В древней Европе не было богов. Великая Богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Религиозное мировоззрение пока еще обходилось без идеи отцовства. У богини были супруги-соправители, однако брала она их для удовольствия, а не для того, чтобы дать отца своим детям. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством. Вот почему греческое публичное жертвоприношение предусматривало принесение первой жертвы Гестии — покровительнице очага... Небесным символом богини была луна. Три фазы луны — молодая, полная и убывающая — напоминали три фазы матриарха: девственница, нимфа (женщина в брачном возрасте) и старуха. Далее, поскольку ежегодный бег солнца напоминал рост и упадок физических сил богини (весна была девственницей, лето — нимфой, а зима — старухой), ее стали идентифицировать с сезонными изменениями в растительной и животной жизни, а следовательно, и с матерью-землей, которая в начале вегетативного года производит только листья и бутоны, затем — цветы и плоды и, наконец, перестает плодоносить. Ее можно

представить и в виде еще одной триады: девушка верхнего мира, нимфа земли или моря и старуха подземного мира, персонифицированные соответственно в Селене, Афродите и Гекате...

По мере того как соитие становилось общепризнанной причиной деторождения, религиозный статус мужчины постепенно повышался, а ответственность за беременность женщин больше не возлагалась на ветры и реки. Нимфа, или царица племени, выбирала себе на год возлюбленного из числа юношей, состоявших в ее свите, и в середине зимы, когда кончался год, он приносился в жертву. Возлюбленный был скорее символом плодородия, чем объектом ее эротических наслаждений. Его кровь разбрызгивали, чтобы плодоносили деревья, росли хлеба и давали приплод стада, а тело, вероятно, поедалось в сыром виде женским окружением царицы... Затем эта практика изменилась, и царь стал умирать, когда сила солнца, с которым его идентифицировали, летом шла на убыль, а другой юноша, его близнец или мнимый близнец, становился новым возлюбленным царицы, чтобы в положенное время посреди зимы быть принесенным в жертву. Такие консорты обретали исполнительную власть только тогда, когда им разрешалось подменять царицу, нося ее магическое одеяние. Так возникли цари-жрецы, и, несмотря на то, что солнце стало символом мужской плодовитости, как только возникла связь между жизнью царя и годичным циклом, луна не теряла своего главенства над солнцем, а царица — над царем, по крайней мере внешне, даже тогда, когда матриархат уже полностью выродился...

Знакомая олимпийская система возникла как компромисс между эллинскими и доэллинскими представлениями: появилось божественное семейство из шести богов и шести богинь, возглавляемых Зевсом и Герой... Установление патриархата завершает период собственно мифа. За ним следует период исторической легенды, которая рассматривается в свете исторической практики».

Универсальность мифа о Великой Богине, на которой настаивал Грейвс, представляется достаточно спорной; недаром английский мифолог Дж. Керк отозвался о Грейвсе как о человеке «блистательном, но полностью введенном в заблуждение своей теорией».

Синойкизм — объединение ряда мелких поселений в одно крупное. Наиболее известный пример синойкизма из истории античности — объединение Тесеем нескольких поселений и образование Афин.

Здесь и далее цитаты из поэм Гесиода «Теогония» и «Труды и дни» приводятся в переводе В. Вересаева.

Перевод М. Грабарь-Пассек.

Здесь и далее цитаты из поэмы «Метаморфозы» Овидия приводятся в переводе С.

Шервинского.

Здесь и далее цитаты из «Аргонавтики» Аполлония Родосского приводятся в переводе Г. Церетели.

Здесь и далее цитаты из «Фастов» Овидия приводятся в переводе Ф. Петровского.

«Ригведа», X, 90. Перевод Т. Елизаренковой.

«Речи Вафтруднира». Перевод В. Тихомирова.

Фрагменты ранних греческих философов. Перевод А. Лебедева. В славянской (точнее — северорусской) «Голубиной книге» также повествуется о жертвоприношении первосущества, повлекшем за собой сотворение мира (правда, под влиянием христианства опущен момент расчленения тела первосущества и привнесены христианские мотивы):

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия;

Солнце красное от лица Божьего

Самого Христа Царя небесного;

Млад светел месяц от грудей его;

Звезды частые от риз Божьих;

Ночи темные от дум Господних;

Зори утрени от очей Господних;

Ветры буйные от Свята Духа;

У нас ум-разум самого Христа,

Самого Христа Царя небесного;

Наши помыслы от облак небесных;

Кости крепки от камени;

Телеса наши от сырой земли;

Кровь-руда наша от черна моря...

Русский религиозный философ Г.П. Федотов в связи с этим фрагментом «Голубиной книги» замечал: «Стих не дерзает говорить о теле, о костях Божиих и отказывается ставить вопросы о происхождении земли, моря и гор (камней). Ответы на эти вопросы легко угадываются; они становятся ясны по аналогии с происхождением тела Адамова. Но певец умалчивает о них, думается, по требованию религиозного целомудрия, подавляя в себе естественный интерес к космологии матери-земли».

Р. Грейвс видел в мифе об оскотлении Урана хеттское влияние: «У хеттов Кумарби (Крон) откусывает гениталии бога неба Ану (Уран), проглатывает часть семени, а остальное выплевывает на гору Канзуру, где из оставшегося семени вырастает богиня. Зачатый им таким образом бог любви был вырезан из бока Кумарби братом Ану Эа. Эти два рождения греки объединили в один рассказ о том, как Афродита возникла из моря, оплодотворенного отрезанными гениталиями Урана. Кумарби впоследствии производит на свет из своего бедра еще одного ребенка — таким же способом Дионис повторно рождается из Зевса. Рожденный из бедра сын Кумарби правит колесницей бурь, в которую запряжен бык, и приходит на помощь Ану. В этом же повествовании „резак, которым в минувшие времена земля была отделена от неба“, становится оружием, от которого погибает сын Кумарби — рожденный из земли гигант Улликумми».

Согласно Гомеровским гимнам, Тифона родила Гера — в отместку Зевсу, самостоятельно произведшему на свет Афину: она ударила рукой о землю — и появился Тифон. Воспитывал Тифона змей Пифон, впоследствии убитый Аполлоном.

При подготовке этого раздела использованы фрагменты исследований Ф.Ф. Зелинского «Древнегреческая религия» и «Эллинистическая религия».

Здесь и далее перевод Н. Гнедича.

Сравнительно-исторические исследования в области индоевропейских языков позволили установить, что греческое *Ζεύς*, *Διὸς* (Зевс, Дий) означает «светлое небо» и может быть сопоставлено с такими однокоренными словами, как древнеиндийское *deva* «бог», *Dyaus* (Дьяус, небо), латинскими *deus* (бог) и *Diespater* (Диспатер, отец богов), древнеиндийским *Dyauspitar* (Дьяуспитар, то же значение).

Т. е. писанные красками образцы, по которым ткали.

Знаменитая гетера, жившая в конце V в.

Перевод Л. Остроумова.

Например, в мисийском городе Гамбрии по закону мужчины должны были снимать траур на 4-м месяце, а женщины — на пятом.

В виде примера укажем на завещание философа Эпикура у Диогена Лаэртского: преемники Эпикура должны приносить жертвы его родителям, братьям и ему самому в день его рождения 10-го числа месяца Гамелиона, кроме того, соблюдать и по смерти Эпикура его обычай собираться с учениками 20-го числа каждого месяца. На исполнение этого завещания философ оставил особую сумму; нам известно, что эпикурейцы действительно праздновали и день рождения своего учителя, и 20-е число каждого месяца. Интересно также сохранившееся на камне завещание Эпиктеты, дочери Грина, богатой гражданки о. Фера, жившей в конце III или начале II в. до Р. Х. По соглашению со своей дочерью и ее мужем, своим опекуном, Эпиктета завещала проценты с 3000 драхм на празднование памяти по себе, своим муже и двум сыновьям. Завещанием установлено особое общество, в котором могли участвовать родственники Эпиктеты обоого пола. Оно должно было выбирать особых распорядителей праздника, а для увеличения назначенной на празднование суммы установить сбор со своих членов. Еще при жизни Эпиктета начала строить особое здание, посвященное музам, в котором члены общества должны были почитать муз, а также завещательницу, ее мужа и сыновей как героев.

Афродита — богиня хтоническая, древнее божество плодородия; лишь в классический период ее образ был переосмыслен как образ богини любви и красоты, дочери Зевса и нимфы Дионы. По Гесиоду, Афродита родилась из крови оскопленного Урана, вместе с Эринниями и гигантами; то есть она старше Зевса. Известно также, что Афродита считалась покровительницей гетер.

Настоящий раздел составлен на основе исследования В.В. Латышева «Очерк греческих древностей».

Перевод М. Гаспарова.

Как жилище богов Олимп описывается следующим образом:

... светлоокая Зевсова дочь полетела

Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали

Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,

Где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух

Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;

Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.

Геката была первоначально богиней луны, но преимущественно почиталась именно как покровительница путей сообщения. Для того чтобы символически выразить ее попечение о перекрестках, ее изображали с тремя обращенными в разные стороны лицами (Εκατη τριπλορη). Ср. у Овидия в «Фастах»:

Видишь: тройким лицом на три стороны смотрит Геката,

Чтобы тройные пути на перекрестках следить...

Так, поэт упоминает о богатом храме Афины в Афинах («Илиада»), о «каменном пороге Феба Аполлона» в Дельфах, о храмах Аполлона и Афины в Илионе (там же). Постройка храмов представляется одним из важнейших действий при основании нового города или средством умиловить разгневанных богов в «Одиссее». Из слов Аполлонова жреца Хриса в «Илиаде» видно, что храмы были крытые. В той же поэме рассказывается, как Гекуба с уважаемыми троянками отправилась по приказанию Гектора в храм Афины умолять ее о помощи; когда они пришли к стоявшему на акрополе храму, жрица Феано открыла им двери, они с воплями воздели руки к статуе Афины, а Феано положила на ее колени пеплос и обратилась к ней с молитвой. Это самое подробное описание храма в поэмах, но и оно недостаточно для того, чтобы можно было составить себе ясное о нем понятие.

При некоторых наиболее богатых храмах для этих целей устраивались особые сокровищницы, например в Дельфах и в Олимпии.

Наибольшими размерами отличался знаменитый храм Артемиды в Эфесе, имевший 425 футов длины и 220 футов ширины; после пожара 356 г. он был отстроен в тех же размерах и с таким великолепием, что причислялся к семи чудесам света. Храм Зевса Олимпийского в Афинах, начатый Писистратом и оконченный императором Адрианом, имел 354 фута длины и 171 фут ширины; от него сохранились фундамент и 16 колонн, замечательных своими громадными размерами и изяществом отделки. Храм Геры на о. Самос, считавшийся самым большим при Геродоте, имел 346 футов длины и 189 ширины, а афинский Парфенон — 228

футов длины и 101 фут ширины. Были и другие храмы весьма значительных размеров.

Всеобщее признание за каким-нибудь святилищем права убежища достигалось путем формальных дипломатических сношений, как это можно видеть, например, из ряда сохранившихся эпиграфических документов, представляющих ответ разных городов на просьбу малоазиатского города Теоса о признании права убежища за его храмом Диониса.

Обычай посвящать богам дары существовал уже в гомеровские времена. Так, в «Илиаде» Гекуба приносит драгоценное платье в храм Афины, Гектор обещает посвятить в храм Аполлона оружие побежденного противника, в «Одиссее» говорится о посвящении богам драгоценных даров и пр.

Пьедестал Дельфийского треножника (который был похищен фокейцами в 3-ю Священную войну), перевезенный при императоре Константине в Константинополь, стоял там на Атмейданской площади, но головы змей были отбиты. На нем сохранилась надпись, прочитанная только в 1856 г. и заключающая в себе 31 название дружин греческих городов, принимавших участие в битве, по порядку их доблести.

Масло, кроме того, употреблялось для поливания сжигаемых на алтарях жертв с целью способствовать скорейшему их сгоранию, причем уже не составляло возлияния в собственном смысле.

То есть животных, из которых состояла жертва, именно — свиньи (sus), овцы (ovis) и быка (tauras).

Здесь и далее цитаты из «Одиссеи» приводятся в переводе В. Жуковского.

Так, например, известно, что лунное затмение 413 г. заставило Никия отложить на месяц отступление от Сиракуз и тем послужило причиной полной гибели афинского войска. Но впоследствии упрекали Никиева гадателя в неверном истолковании этого знамения; так, Филохор говорит, что затмение в данном случае было счастливым предзнаменованием, потому что для бегства темнота удобнее света, а по мнению Автоклида, Никий напрасно решил дожидаться следующего полнолуния, так как знамения солнца и луны имеют силу лишь на три дня (Плутарх). Вот еще несколько примеров гадания по метеорологическим явлениям. Аэролит, упавший при Эгоспотамах перед битвою 405 г., был признан предзнаменованием поражения афинян (Плутарх). В 372 г. комета в виде огненного бревна

предвозвестила спартанцам их поражение фиванцами при Левктрах (Диодор). Перед Пелопоннесской войною небывалое раньше землетрясение на Делосе предзнаменовало грядущие бедствия (Фукидид).

Известный пример — гадания Павсания перед битвой при Платеях (Геродот, Плутарх). Получение благоприятных знамений при первом жертвоприношении считалось особенно добрым знаком.

Марсы — сабельское племя, обитавшее в Средней Италии вокруг Фуцинского озера; римляне считали их искусными заклинателями змей.

В виде примера припомним данное Крезу предсказание, гласившее, что он, перейдя р. Галис, разрушит великое царство.

Перевод В. Ярхо.

«Боги, тронутые состраданием к человеческому роду, природою обреченному на труд, — пишет Платон, — установили людям времена отдохновения от трудов в правильной последовательности праздников и сделали муз, их главу Аполлона и Диониса участниками праздников».

К. Фр. Германн считает возможным распределить эти четыре праздника между четырьмя главными эллинскими племенами, так как Пифийские игры вместе с Дельфийским святилищем издавна стояли в ближайшем отношении к дорийцам, между тем как Олимпийские были связаны в предании с именем Пелопа, родоначальника ахейского царского дома, Истмийские — с национальным героем ионического племени Тесеем, а основание Немейских игр связывается с походом Семерых против Фив, участники которого принадлежали преимущественно к эолийскому племени. Но дело в том, что относительно первоначального установления игр существуют различные сказания, и мы не можем отдать предпочтение одному из них перед другими с полной уверенностью в его справедливости.

В 1875–1881 гг. в местности Олимпии немецкой ученой экспедицией были произведены раскопки, увенчавшиеся блестящими результатами для науки: при них были открыты фундаменты почти всех олимпийских зданий, множество памятников искусства (между ними статуя Гермеса, изваянная знаменитым Праксителем), надписей и пр.

Перевод В. Вересаева.

Битва произошла 17-го числа Метагитниона, но празднование победы совершалось не в самый день битвы, а было соединено с ближайшим праздником поминовения усопших и с днем, посвященным Артемиде.

Известно, что в 408 г. в день Плинтерий возвратился в Афины Алкивиад и враги его воспользовались этим совпадением для возбуждения к нему недоверия в народе, указывая, что богиня закрылась из нежелания видеть Алкивиада.

«Облака». Перевод под редакцией С. Апта.

Известно, что в разных странах Эллады указывалось много мест похищения Персефоны; по наиболее распространенному преданию она была похищена в Сицилии на Эннейских полях.

Известно, что Алкивиад, возвратившись в Афины в 408 г., заслужил величайшее расположение и признательность народа тем, что провел по священной дороге элевсинскую процессию, которая со времени занятия Декелей спартанцами из боязни их нападений совершалась морем.

Вρϰω — мистическое имя Деметры.

По словам Варрона, у римлян Касмиллом (Casmillus) называлось одно из действующих лиц при совершении брачных обрядов. Это сопоставление, а также объяснение имен трех других кабиров словами ερω и κερσοη (= брак, по Гесихию), сложными с αχιοη, подало повод некоторым из новых исследователей (например, Велькеру) видеть в Самофракийских мистериях идею брака и плодородия.

По словам Диодора, Орфей заимствовал содержание мифов о Дионисе и учение о загробной жизни из мифа об Осирисе и вообще из египетских понятий и обрядов. Действительно, идея мифов об Осирисе имеет много общего с учением орфиков, но невозможно решить, что было у орфиков своего и что заимствовано.

«Предшественник» Геракла — титан Прометей, принесший людям огонь, — принадлежит к богам и потому в рамках человеческого мироздания не может оспаривать у Геракла его приоритет.

Настоящее имя героя — Алкид; прозвище Геракл, т. е. «прославленный Герой» он принял после того как убил собственных детей в припадке безумия, насланного ревнивой богиней. Это прозвище велел ему принять дельфийский оракул.

«Немейские песни». Перевод М. Гаспарова.

Ср. у Р. Грейвса: «Земля Ээта не могла располагаться на дальнем побережье Понта Эвксинского; наиболее древние свидетельства говорят о том, что она была на севере Адриатики. Считалось, что аргонавты плыли по реке По, около устья которой, на другой стороне залива, лежал остров Кирки Ээя, называющейся теперь Луссин. Потом аргонавты были схвачены колхами Ээта у истока реки Истр, а не Дуная. Как полагал Диодор Сицилийский, это была небольшая речка Истр, которая дала название Истрии. Далее, Медея убивает своего брата Апсирта, который похоронен на соседних островах Апсиртидах. Когда Медея и Ясон бегут к Алкиною, царю Дрепаны (Коркира), — всего в нескольких днях плавания на юг, — колхи, обманутые опасностью возмездия и боявшиеся вернуться с пустыми руками и навлечь на себя гнев Ээта, построили город Пола на побережье материковой Истрии. Более того, острова сирен, утесы Симплегады, Скилла и Харибда — все они расположены недалеко от Сицилии, мимо которой прошел „Арго“, отнесенный сильным северо-восточным ветром. „Колхидой“ могла по ошибке оказаться Коликария в низовьях реки По, неподалеку от Мантуи, которая, очевидно, была городом, стоявшим на Янтарном пути. Ведь не случайно в рассказе появляются дочери Гелиоса, льющие янтарные слезы, как только „Арго“ входит в реку По... К мифу добавлен еще один элемент: легенда о древнем пиратском набеге на южное побережье Понта Эвксинского. Пятая Троя, контролируя проход по Геллеспонту, обладала монополией на понтийскую торговлю, для которой подобный пиратский набег представлял угрозу. Получается, что предполагаемой целью адриатического плавания было не золотое, а, как указывает Симонид, пурпурное руно. По другому варианту это было черное руно, которое носил царь, совершая обряд вызывания дождя наподобие того, который до сих пор совершается в праздник весны на вершине горы Пелион: старика в черной овечьей маске убивают, а затем возвращают к жизни остальные участники церемонии, одетые в белые овечьи шкуры. В восточном варианте плавания руно превращается в „золотое“ потому, что, как утверждает Страбон, появившиеся в Понте Эвксинском аргонавты устремились на поиски аллювиального золота в колхидской реке Фасис (теперь Риони), которое местные жители моют, используя расстилаемые на дне реки овечьи шкуры. Две различные традиции переплелись не только потому, что Коликария стала Колхидой, Эя — Эей („землей“), а руно с горы Лафистий — черным пелионским. Дело в том,

что утренний дворец Гелиоса, отца Ээта, располагался в Колхиде), самой дальней из известных Гомеру стран на Востоке, и греки знали о ясониках — святилищах Геракла Целителя, построенных на восточном берегу Понта Эвксинского эолийцами, ведущими там торговлю. Некоторые авторы утверждают, что понтийское плавание возглавлял именно Геракл. Более того, поскольку Гомер упоминает Ясона только лишь как отца Эвнея, снабжавшего греков вином во время осады Трои), и поскольку Лемнос расположен к востоку от Фессалии, то и считалось, что „Арго“ тоже плыл на восток. Так Планкты, или блуждающие скалы, помещенные Гомером в сицилийских водах, превратились в Босфор».

Несомненным восточным влиянием объясняется и обожествление римских императоров. Первым римлянином, претендовавшим на божественное происхождение, был государственный деятель и полководец Сципион Африканский. Известно, что Цезарь, Сулла, Антоний утверждали, что им покровительствует божество. Императорский культ начался с обожествления Цезаря и Октавиана Августа. С распространением в Риме восточных солярных культов императоры стали отождествлять себя с богами солнца. С распространением христианства императорский культ постепенно прекратил свое существование, но сохранились сведения о его бытовании уже после официального принятия Римской империей христианства — при императорах Константине I и Феодосии. В труде греческого историка III в. н. э. Геродиана приводится описание обряда обожествления: «У римлян существует обычай торжественного причисления императоров к сонму богов. Обряд этот называется у них апофеозом. Это — праздник, соединенный с трауром. Тело усопшего погребают с большой торжественностью согласно людскому обычаю. Делают из воска изображение покойника, по возможности похожее на него, и кладут его при входе во дворец на высоком ложе из слоновой кости, подложив золотую подстилку. Изображение делается бледное, как будто почивший еще болен. Днем, с правой стороны ложа располагаются сенаторы в траурной одежде; с левой стороны — благородные женщины и девушки, одетые в простые белые платья, без всяких золотых украшений. Все это делается в течение семи дней. Входят врачи и, приближаясь каждый раз к ложу, долго всматриваются в больного и заявляют каждый раз, что ему хуже. Наконец, заявляют, что он умер. Тогда знатнейшие из всаднического сословия и молодые сенаторы, подняв ложе, несут его по Священной дороге на старый форум. По обе стороны ложа сооружают помосты, на которых располагаются с одной стороны знатные юноши, а с другой — девушки, и поют поочередно гимны и хвалебные песнопения в честь умершего. После этого относят ложе за город на Марсово поле. Посреди площади сооружают четырехугольный павильон; внутри его наполняют горючими веществами, а снаружи украшают золотыми тканями, слоновой костью, картинами. Над этим павильоном сооружают другой, похожий на первый по устройству и по украшениям, но поменьше размером и с открытыми дверями. Над вторым сооружают третий, потом четвертый, еще меньшего размера, и ряд других — все меньшей величины. Сооружение это очень напоминает по виду башни, устраиваемые у входа в гавань и называющиеся маяками. Во второй павильон помещают ложе и обкладывают его кругом пахучими травами, всевозможными плодами, так как нет ни одного племени, ни одного города, ни одного частного лица, сколько-нибудь выдающегося, которые не прислали бы с удовольствием эти последние дары в честь государя. Когда все помещение заполнится

ароматическими веществами, около него начинается конское ристание. Вся конница, соблюдая известный ритм, скачет в определенном порядке взад и вперед; соблюдая такой же порядок, за нею движутся колесницы, с парадно одетыми возницами, везя изображения славных императоров и полководцев римских. По окончании всего этого, преемник усопшего императора подносит к павильону факел, остальные в разных местах тоже поджигают. Все быстро охватывается пламенем. Тогда с последнего, самого маленького павильона пускают орла, который поднимается ввысь посреди дыма и пламени, унося в небеса душу императора (таково поверие народа). И с этих пор усопшего считают в сонме богов».

Эсхил. «Плакальщицы». — Здесь и далее цитаты из Эсхила в переводе Вяч. Иванова.

В разговоре с Эринниями Орест недоумевает: почему богини мести преследовали его, но обошли своим суровым вниманием Клитемнестру — убийцу Агамемнона? Он получает обескураживающий ответ:

Чужим ей был по крови спящий в гробе муж.

Город и вообще любое человеческое поселение являются для населяющих его людей средоточием окружающего пространства; привязывая людей к конкретной местности, со всеми ее природными и социальными характеристиками, они как бы фиксируют ландшафт. В этом смысле показательна градостроительная деятельность Александра Великого: по Плутарху, он основал в завоеванных землях семьдесят городов. Все эти города являлись своего рода стержнями, на которые «нанизывались» окрестные земли, и формировали административное (а впоследствии и культурное) поле Македонской империи.

Ср. слова Е.М. Штаерман: «„Римский миф“, объясняющий прошлое, оправдывающий настоящее и направляющий будущее, вытеснил, видимо, некогда существовавшие примитивные мифы о создании мира и людей. Потребность в них стала удовлетворяться за счет проникновения в Рим развитой греческой мифологии и отождествления римских богов с греческими».

По Плутарху, Ливию, Цицерону, Ромул подарил римлянам искусство гаданий (*auspicia*), а Нума основал институт жречества (*sacra*). Ж. Дюмезиль комментирует: «Искусство ауспиций состоит в том, чтобы иногда вызывать, всегда принимать и толковать, а иногда отвергать знаки, которые великий бог посылает людям; искусство *sacra* — это культ, отправляемый людьми, культ с молитвами, взаимными переговорами, жертвоприношениями. В религиозной практике *auspicia* и *sacra* обозначают, таким образом, два направления, две отправные точки, так же как и два стиля: первые приходят из другого мира в этот, вторые совершаются на земле и идут к богам; по отношению к первым человек — получатель, а по отношению ко

вторым он, если не бояться современных образов, — передатчик; одни таинственны, часто тревожащи и непредсказуемы, вторые разворачиваются, следуя совершенно ясной технике».

Перевод С. Шервинского.

Гораций. «Оды». Перевод А. Фета.

Перевод Р. Дубровкина.

Перевод Л. Остроумова.

Перевод С. Сухарева.

«Олимпийские песни». Перевод М. Гаспарова.

Перевод Вяч. Иванова.